

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

Выпуск

9

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Т Р У Д Ы ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

9

МОСКВА 2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор),

К.А. Аверьянов, Н.Ф. Бугай

Г.Б. Куликова, Е.Н. Рудая (редактор-координатор)

Научно-техническая работа выполнена

И.А. Головань

**Т 78 Труды Института российской истории / Ин-т рос.
ист. — М., 2008. Вып. 9/ Отв. ред. А.Н. Сахаров. —
Тула: Гриф и К, 2010.— 524 с.**

В девятом выпуске публикуются не только научные доклады, сделанные на заседаниях Ученого совета института, но и ряд статей, специально написанных для сборника и посвященных актуальным проблемам отечественной истории. При этом особое внимание обращается на малоисследованные темы. К ним относятся ряд статей, связанных с 70-летием окончания Второй мировой войны, с 90-летием окончания Первой мировой войны, демографической историей России, историей внешней политики, а также основанные на новых архивных материалах и содержащие современные обобщения статьи о проблемах мотивации труда на советских предприятиях, отношениях власти и религии в годы «Большого террора» в 1937–1938 гг. Кроме того, в трудах публикуются материалы, раскрывающие проблемы краеведения и хронику научной жизни в институте.

ISBN 978-5-8125-1599-7

© Институт российской истории РАН, 2006

© Российская академия наук, серия

«Труды Института российской истории»

(разработка, оформление), 1997 (год основания), 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

70-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Сенявский А. С.</i> Большая стратегическая «игра» накануне Второй мировой войны (политические реалии и историческая память)	9
<i>Куманев Г. А.</i> Военно-экономический потенциал СССР накануне и в первые годы Второй мировой войны (1938 – июнь 1941 гг.)	34
<i>Сенявская Е. С.</i> Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: эпизод на фоне Второй мировой	56
<i>Бушуева Т. С.</i> О важности исследования актуальных проблем предыстории Второй мировой войны на основе рассекреченных документов российских архивов	76
<i>Мухин М. Ю.</i> Авиапромышленность СССР и Германии накануне Великой Отечественной войны	105

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Олейников А. В.</i> Забытый полководец забытой войны (генерал от кавалерии П. А. Плевел в Первой мировой войне)	130
---	-----

ПСИХОЛОГИЯ ИСТОРИИ

<i>Буганов А. В.</i> Полководцы и военные герои в исторической памяти русского народа	160
--	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА

<i>Соколов А. К.</i> Проблемы мотивации труда на советских предприятиях	174
<i>Колодникова Л. П.</i> Проблемы истории советского общества 20-х годов XX столетия по рассекреченным документам архивов «Лубянки»	225

<i>Федоров А.Н.</i> Хроники повседневной жизни москвича в 1917–1920 гг.: жилищный вопрос...	239
<i>Курляндский И.А.</i> Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам	255

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Жиромская В.Б.</i> Проблемы демографического развития России в XX веке.....	285
<i>Араловец Н.А.</i> Семейные ценности городских жителей России в XX в.	311
<i>Вербицкая О.М.</i> Основные закономерности развития сельской семьи в России в XX в.	332
<i>Репинецкий А.И.</i> Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг.	354
<i>Мамаев М.И.</i> Национальные меньшинства Юга России в условиях реформ конца XX – начала XXI вв.: особенности регулирования национальных процессов	374

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

<i>Рыбаченок И.С.</i> Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы	393
<i>Кострикова Е.Г.</i> Боснийское фиаско А.П. Извольского и русское общество	425
<i>Сафронов В.П.</i> Советский Союз и японский вопрос на лондонской сессии СМВД осенью 1945 г.	452
<i>Черевко К.Е.</i> Является ли западная граница русской Америки справедливой линией разграничения морских пространств между СССР/РФ и США (Картография и международное право)?	477

КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Аверьянов К.А.</i> Водлозерье – заповедный край Русского Севера	490
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

<i>Голубев А.В., Есаков В.Д.</i> Сорок лет Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.....	504
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институтом российской истории РАН подготовлен девятый выпуск трудов (1). С течением времени эти книги превратились из сборников, где публикуются доклады, сделанные на заседаниях Ученого совета, дополненные и переработанные в статьи, в издании, демонстрирующее многогранную деятельность ИРИ РАН. Особое внимание при этом обращается на малоизученные и дискуссионные проблемы, новые темы, которые не просто отражают развитие науки, но и способствуют этому развитию.

Работы, входящие в девятый выпуск, в основном посвящены проблемам XX и XXI века.

Широко отмеченная в 2009 году памятная дата, связанная с 70-летием начала Второй мировой войны, дала авторам возможность поднять относительно мало изученные историками проблемы. В издании этой теме посвящена целая рубрика. В статье доктора исторических наук А.С. Сенявского «Большая стратегическая «игра» накануне Второй мировой войны (политические реалии и историческая память)» убедительно показано, что сегодня, как и в конце 1980-х годов, когда был разрушен СССР, на Западе началась очередная кампания нападок на историческую память о Второй мировой войне, о роли в ней нашей страны. Это обусловлено политическими целями и направлено на ущемление интересов современной России. В статье предлагается системный взгляд на истоки и генезис Второй мировой войны, напрямую связанный с итогами Первой, охарактеризовано сложное многостороннее геополитическое и стратегическое противоборство, в котором самую нелицеприятную роль играли «Западные демократии», показан профессионализм и адекватность руководства СССР в условиях подготовки «натиска на Восток» со стороны гитлеровской Германии, а также двурушнической политики «демократического Запада». Тем же сюжетам посвящена статья кандидата исторических наук Т.С. Бушуевой, в которой на основе анализа ранее малоизвестных документов федеральных архивов и иностранной печати уточняется ряд фактов.

Привлечение новых документов позволило доктору исторических наук Г.А. Куманеву в своей статье всесторонне показать степень готовности страны к отражению фашистской агрессии. Исследование доктора исторических наук М.Ю. Мухина дает сравнительный анализ авиапромышленности СССР и Германии накануне Великой Отечественной войны. Особенности так называемой «зимней» советско-финляндской войны 1939–1940 годов, показывающие ее тесную связь с событиями Второй мировой войны, раскрыла доктор исторических наук Е.С. Сенявская. Как всегда, в ее научных разработках большое место занимают темы, связанные с показом человеческого фактора в истории.

В последнее время начинают подниматься проблемы, связанные с историей Первой мировой войны. Статья докторанта А.В. Олейникова рассматривает биографические данные периода военных действий талантливого отечественного генерала от кавалерии П.А. Плеве, имя которого практически не известно российской общественности.

К работам обобщающего плана относится статья доктора исторических наук А.К. Соколова, ставящая непростую проблему мотивации труда на советских предприятиях. На обширном материале автор дает ответ на вопрос, почему социалистический эксперимент по созданию новых трудовых отношений потерпел неудачу.

В статье кандидата исторических наук Л.П. Колодниковой, основанной на рассекреченных архивах ФСБ, совершенно по-новому раскрываются некоторые события советской истории 1920–1930-х годов.

Статья аспиранта А.Н. Федорова на обширном ранее не известном материале архивов Москвы раскрывает хронику повседневной жизни населения столицы в 1917–1920 годах.

Большой интерес представляет основанная на новых архивных документах статья кандидата исторических наук И.А. Курляндского, показывающая сложные коллизии взаимоотношений власти и религиозных организаций в годы «Большого террора» 1937–1938 годов.

В этом выпуске впервые появляется рубрика «Психология истории». Она представлена статьей А.В. Буганова «Полководцы и военные герои в исторической памяти русского народа».

В настоящее время приоритетным признан демографический проект, с решением которого связывают успешное развитие России. Отсюда повышенное внимание к изучению демографической истории страны в XX веке. Специальный раздел выпуска посвящен этим проблемам. Общие вопросы демографического развития

государства рассматриваются в статье доктора исторических наук В.Б. Жиромской. Доктор исторических наук Н.А. Араловец анализирует в своей статье закономерности развития городской семьи. Особенности сельской семьи — тема статьи доктора исторических наук О.М. Вербицкой.

Более частным вопросам посвящены статьи доктора исторических наук А.И. Репинецкого и кандидата исторических наук М.И. Мамаева. Репинецкий рассматривает динамику грамотности и образовательного уровня населения Российской Федерации в 1960–1970-х годах. Мамаев впервые в историографии освещает проблему развития национальных меньшинств юга России в условиях реформ конца XX — начала XXI века.

Отдельный раздел посвящен вопросам истории внешней политики России.

Российские внешнеполитические цели, задачи и методы в одном из самых сложных международных регионов рассматриваются в статьях доктора исторических наук И.С. Рыбаченок и кандидата исторических наук Е.Г. Костриковой. Рыбаченок на основе опубликованных, а также впервые вводимых в научный оборот документов показала специфику отношений России с Австрией, Турцией, Болгарией, Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией на рубеже XIX–XX веков, что позволяет сделать широкие обобщения о балканской политике России в этот период. Кострикова обратила свое внимание на общественную реакцию в России на методы решения некоторых проблем на Балканах.

Кандидат исторических наук В.П. Сафронов привлек новые материалы, которые показывают, как рассматривался японский вопрос на сессии Совета министров иностранных дел в 1945 году. Доктор исторических наук К.Е. Черевко на большом историографическом и картографическом материале ставит актуальный и сегодня вопрос — является ли Западная граница русской Америки справедливой линией разграничения морских пространств между этими государствами.

Раздел «Краеведение» представлен статьей доктора исторических наук К.А. Аверьянова о Всероссийской научно-практической конференции «Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни)», проведенной в одном из заповедных краев русского Севера — в Волдозерье.

В Институте активно изучаются проблемы развития культуры, взаимосвязи и взаимодействия культур России и внешнего мира. 40 лет назад в ИРИ (тогда в Институте истории СССР) был создан Центр истории отечественной культуры. В статье кандидата исто-

рических наук А.В. Голубева, нынешнего руководителя этого подразделения, и доктора исторических наук В.Д. Есакова подводятся итоги деятельности Центра и перспективы его развития.

¹ Предыдущие выпуски: Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 г. Вып. 1. М., 1997; Труды Института российской истории РАН. Вып. 2. 1997–2000; Труды Института российской истории РАН. 1999–2000 Вып. 3. М., 2002; Труды Института российской истории. Вып. 4. М.: Наука. 2004; Труды Института российской истории. Вып. 5. М.: Наука. 2005; Труды Института российской истории. Вып. 6. М.: Наука. 2006; Труды Института российской истории. Вып. 7. М.: Наука. 2008; Труды Института российской истории. Вып. 8. М.: Наука. 2009.

70-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.С. Сенявский

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ «ИГРА» НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (политические реалии и историческая память)*

Сегодня, как и в конце 1980-х, когда разрушали СССР, на Западе началась очередная кампания нападок на историческую память о Второй мировой войне, о роли в ней нашей страны, что делается в политических целях и направлено на ущемление интересов современной России. В статье предлагается системный взгляд на истоки и генезис Второй мировой войны, напрямую связанные с итогами Первой, охарактеризовано сложное, многостороннее геополитическое и стратегическое противоборство, в котором самую нелицеприятную роль играли «западные демократии». Показаны профессионализм и адекватность действий руководства СССР в условиях подготовки «натиска на Восток» со стороны гитлеровской Германии и двурушнической политики «демократического Запада».

Ключевые слова: историческая память, геополитика и идеология, генезис Второй мировой войны, СССР и Германия, политическая стратегия, теория игр.

История — отнюдь не абстрактная наука, объект ее изучения — прошлое человечества — напрямую затрагивает современные интересы народов и государств. А потому «борьба за прошлое», за то, как оно будет представлено в умах современников, как будет интерпретировано и оценено, в каких образах воплотится — нередко используется в современной политике как внутри стран, так и между государствами. Таким образом, историческая память всегда, в той или иной степени, была полем идейно-политической борьбы.

Весьма острой эта борьба была в период «холодной войны» между «Востоком» и «Западом». Однако новый виток этого про-

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

тивостояния пришелся на период, когда, казалось бы, «холодная война» сходила на нет, на период «перестройки», в ходе которой по-новому, негативно переинтерпретированные образы советского прошлого служили идеологическим инструментом сокрушения СССР и всей социалистической системы. Причем основные импульсы ревизии прошлого исходили, как казалось, не извне, а изнутри Советского Союза и других социалистических государств, хотя «главный приз» — «победу в холодной войне» — получили внешнеполитические силы, США и Запад в целом. Они не только устранили основного геополитического и идеологического противника в лице СССР (одну из двух «сверхдержав») с его сателлитами, но и приобрели от этого огромные экономические дивиденды, в том числе за счет ресурсов распавшейся системы-конкурента отсрочили почти на два десятилетия глобальный экономический кризис собственной системы.

Однако эскалация пересмотра и переоценки истории продолжалась, причем акцент все больше переносился в международную плоскость, в которой и страны «Запада», и ряд бывших соцстран, и даже некоторые бывшие советские республики пытались таким образом решать те или иные собственные проблемы или получить политические и/или экономические дивиденды от пересмотра советской истории и исторической роли СССР. В этом контексте особенно яростным атакам подверглись прежние, давно утвердившиеся и в массовом сознании, и в международных (ранее общепризнанных) документах представления о Второй мировой войне, включая ее происхождение и генезис.

Причина заключается в том, что именно итоги Второй мировой войны, закрепленные в Ялтинско-Потсдамской системе, почти на полвека стали основой миропорядка, в котором Западу в целом и США в частности, впервые в новой и новейшей истории была противопоставлена примерно равновеликая сила, ограничившая их монополию на международный диктат, использование остального человечества в качестве «сырья» для строительства колониальных империй и беззастенчивой эксплуатации.

Радикальные изменения соотношения сил в мире к началу 1990-х годов, в результате развала СССР и советского блока естественно, поставили под вопрос не только саму эту систему, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика в целом устоявшегося образа военного и предвоенного прошлого стала раздаваться со стороны не только основных побежденных стран и их союзников, но и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире, а также их сателлитов. После распада

СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере для разных сторон. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

Особенно активно стараются фальсификаторы истории в «переосмыслении» ситуации накануне Второй мировой войны, с тем чтобы в число виновников войны, наряду с гитлеровской Германией, включить и СССР, при этом представив «демократический Запад», игравший отнюдь не лицеприятную роль в провоцировании и поощрении фашистской агрессии, невинной жертвой «козней Берлина и Москвы».

В связи с попытками переписать историю в ущерб национально-государственным интересам современной России (являющейся правопреемником СССР, а потому заинтересованной в объективном отражении его исторической роли в контексте сложных международных предвоенных отношений), в связи с широко практикуемыми на Западе двойными стандартами в оценках Советского Союза и других стран, а также прямой фальсификацией исторических событий, подтасовкой и замалчиванием фактов возникает необходимость объективно, а, значит, и системно разобраться в событиях и процессах, происходивших накануне Второй мировой войны и ее породивших.

То сложное, многостороннее противоборство ключевых мировых держав может быть понято, объективно и адекватно интерпретировано только при системном рассмотрении и при привлечении исследовательского потенциала специальных отраслей науки, включая теорию игр.

* * *

Существуют объективные закономерности функционирования любых самоорганизующихся систем, включая социальные организмы, в том числе государств в системе международных отношений. Они достаточно просты: каждое государство стремится к самосохранению, внутренней устойчивости (прочности), максимизации располагаемых им ресурсов, влиятельности (расширению внешнего контроля и минимизации внешнего вмешательства), т.е. обеспечению суверенитета. Для решения этих взаимосвязанных задач используются различные (экономические, дипломатические, военные и другие) средства. Если государство отказывается от решения этих задач, то его ждет участь ослабления, распада, косвенного подчинения или даже поглощения другими странами (в различных вариантах), осуществляемых мирными или военными средствами.

Внутреннее развитие и внутренняя политика тесно взаимосвязаны с внешней политикой и международными отношениями. Выбор целевых приоритетов и средств их достижения во многом определяется как объективными возможностями страны, так и субъективными факторами: доминирующей в данном обществе ментальностью, в том числе идеологией, существующим механизмом принятия решений высшей властью, зависящим от общественно-политического устройства, интеллектуальной и политической культуры элиты, конкретными личностными качествами лидеров и т.д.

Для решения своих внешнеполитических задач государства неизбежно вступают в коалиции, которые усиливают их потенциал в противостоянии конкурентным целям других стран и увеличивают возможность реализации собственных задач. Коалиции могут быть по сути конфронтационными (враждебными другим государствам и коалициям) и неконфронтационными (относительно редко).

Естественно, системы международных отношений исторически меняются. Сохранение или обретение суверенитета государствами — не всегда благо для их народов, и нередко может быть использовано в интересах только государственной бюрократии и элиты. Так, в современных условиях глобализации региональная интеграция ведет к сознательному и добровольному отказу от значительной части суверенитета в странах Западной Европы, на очереди и другие регионы, — что представляет собой весьма противоречивый, но закономерный процесс для современной стадии развития техногенной цивилизации и модели международных отношений, существующей в рамках тяготеющего к однополярности мира, квазилиберальной рыночной экономики, военно-политического диктата США и их союзников, основанного на абсолютном превосходстве их совокупного военно-экономического потенциала. Но для рассматриваемой нами эпохи 1920-х — начала 1940-х гг. — перечисленные выше закономерности оставались правилом.

В этих закономерностях — объективный, фундаментальный источник возникновения Второй мировой войны. Естественно, для того чтобы она разразилась, необходимо было еще множество конкретных условий и факторов реализации.

По проблеме развития международных отношений межвоенного периода¹, в том числе истокам Второй мировой войны², роли в этих процессах Германии, СССР³ написано «море» литературы. Нас здесь интересуют лишь некоторые аспекты: как в этом глобальном контексте складывались взаимоотношения главных военно-политических и стратегических субъектов предвоенного

взаимодействия и противоборства, от которых действительно зависела конфигурация будущих коалиций — Англии, Франции, США, Японии, и особенно СССР и Германии как главных противников в этой войне, от которых в решающей степени зависел ее исход. По этой проблематике также имеется немалая весьма дискуссионная историография и публикации документов, в том числе о политике «западных демократий», их взаимоотношениях с нацистской Германией и СССР, в том числе и о позиции каждой из этих стран — Англии⁴, Франции⁵, США⁶, о двусторонних отношениях Германии и СССР⁷, включая советско-германский договор о ненападении и «секретные протоколы»⁹, о трехсторонних отношениях этих стран с Японией¹⁰, двухсторонних отношениях СССР и Японии¹¹. Немалый пласт литературы и опубликованных документов создан о ситуации в Центральной и Восточной Европе¹², о проблемах вокруг Финляндии¹³, Прибалтики¹⁴, Польши¹⁵, Чехословакии¹⁶, Румынии¹⁷, и др.

Одной из болевых точек этой историографии, в частности, являются дискуссии вокруг обвинений руководства СССР, а значит, в первую очередь персонально И.В.Сталина в заключении так называемого «пакта Молотова-Риббентропа» с фашистской Германией, согласно которому Сталин и Гитлер совершили раздел Европы и который якобы и стал пусковым механизмом начала Второй мировой войны. В рамках этой проблематики ставятся и другие «обвинительные» в адрес СССР вопросы, например, «ковался ли фашистский меч в СССР», собирался ли Сталин первым напасть на гитлеровскую Германию, и др., призванные «разоблачить аморальную политику Сталина», приравнять ее к политике нацистской Германии, осужденной международным Нюрнбергским трибуналом, а заодно и снять действительную вину «западных демократий» в создании почвы для реваншистских настроений в Германии после Первой мировой войны, в поддержке Гитлера в его стремлениях к власти, в восстановлении военно-индустриальной базы Третьего Рейха, в политике «умиротворения» Гитлера и направлении его экспансионистских планов на Восток, против СССР, и т.д., и т.п. В этом контексте вопрос о профессионализме внешней политики СССР в предвоенной ситуации, особенно о стратегическом противоборстве Сталина и Гитлера, является одним из ключевых¹⁸. Вместе с тем, это противоборство являлось лишь частью более широкой, «большой игры», в которой «свою игру» вела каждая из участвовавших (и многие из оставшихся в стороне) стран в соответствии со своими интересами и в рамках располагаемых ими возможностей, но, как и в Первую мировую войну, главный приз получили отсидевшиеся за океаном США.

В этой связи правомерен и другой вопрос: ограничилась ли роль США во Второй мировой войне пассивной позицией «третьего радующегося», или заокеанские политики сыграли иную, активную закулисную роль в подготовке мировой войны.

Попытки современного Запада «поставить на одну доску» Сталина и Гитлера и возложить ответственность за развязывание Второй мировой войны не только на гитлеровскую Германию, но и на СССР, в контексте начавшейся «холодной войны» имели место уже давно¹⁹. Однако, основной натиск Запада в этом вопросе произошел в годы «перестройки», когда манипуляция исторической памятью народов стала одним из основных инструментов сокрушения СССР, а далее — и попыток развала постсоветской России в целях установления прямого контроля за принадлежащими ей ресурсами. В этом контексте нужно отметить как особый социально-психологический феномен весьма эффективно осуществлявшейся информационно-психологической войны «суворовщину» — публицистические писания Резуна-Суворова, выходявшие огромными тиражами, бросавшие тень на сам образ Великой Отечественной войны и оказавшие существенное дезориентирующее воздействие на сознание широких слоев наших соотечественников²⁰. Спекулируя на ряде общеизвестных фактов о том, что СССР действительно форсированно готовился к войне, а также на секретных протоколах к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г., Резун возлагает вину за начавшуюся Вторую мировую войну на СССР, фактически даже оправдывая Гитлера, который якобы лишь опередил И.В.Сталина. Вся «антисоветская», а точнее — антироссийская историография вокруг событий кануна той войны строится не только на искажении фактов, но и на вырывании отдельных фактов из общего контекста предвоенной международной ситуации, особенно на игнорировании неблагоприятной политики «западных демократий» по направлению реваншистской политики Германии, порожденной Версальским унижением, на Восток. Аргументы, используемые В.А.Суворовым, как и его методология, весьма примитивны.

Факты форсированной подготовки СССР к войне говорят лишь о закономерных действиях государства в ситуации назревающей и разразившейся мировой войны, недвусмысленно выраженных намерений Гитлера искать «жизненное пространство» на Востоке, прежде всего, в России, и его подталкивания Англией и Францией именно к такому сценарию. В такой ситуации компетентная власть каждого государства просто обязана быть готовой к любому развитию событий, имея стратегические планы по каждому из возможных вариантов, а решения принимаются, исходя из получаемой, в том числе разведывательной информации, кото-

рая никогда не бывает (и не может быть «по определению») абсолютно полной и точной, — помимо других причин, еще и потому, что намерения и планы далеко не всегда воплощаются в действия, что они (или их сроки) могут и, как правило, неоднократно пересматриваются, и т.д. Естественная для столь деликатной сферы неполнота исторических документов по некоторым аспектам проблемы должна быть компенсирована дополнительным исследовательским инструментарием.

Поэтому, думается, целесообразно привлечь в качестве инструмента интерпретации динамики развития международных отношений дополнительные средства исторической реконструкции, например, на базе теории игр. Что может дать эта теория историк? Она предоставляет средства моделирования конкретного среза исторического процесса, рассматриваемого в определенном ракурсе «конфронтационных (и коалиционных) игр участников с собственными целями». Теория игр рассматривает неопределенные, в частности, конфликтные ситуации, «в которых сталкиваются интересы двух (или более) сторон, преследующих разные (иногда противоположные) цели, причем выигрыш каждой из сторон зависит от того, как себя поведут другие. ... Цель [теории игр] — выработка рекомендаций по разумному поведению участников конфликта. ... Конфликтующие стороны условно называются «игроками», одно осуществление игры — «партией», исход игры — «выигрышем» или «проигрышем». В игре могут сталкиваться интересы двух или более участников; в первом случае игра называется «парной», во втором — «множественной». Участники множественной игры могут образовывать коалиции (постоянные или временные). ...Множественная игра с двумя или более постоянными коалициями, естественно, обращается в парную. Развитие игры во времени можно представить как ряд последовательных «ходов» участников. Стратегией игрока называется совокупность правил, определяющих выбор варианта действий при каждом личном ходе в зависимости от сложившейся ситуации. ...Оптимальной стратегией игрока называется такая, которая обеспечивает ему наилучшее положение в данной игре, т.е. максимальный выигрыш»²¹.

Основной принцип теории игр — принцип осторожности («принцип минимакса»), который рекомендует выбирать ту стратегию, при которой наш минимальный выигрыш максимален: «поступай так, чтобы при наихудшем для тебя поведении противника получить максимальный выигрыш». Как правило, минимаксные стратегии меняются под влиянием информации о поведении другой стороны (сторон), и происходит корректировка или полная смена собственного поведения.

Здесь нет возможности раскрывать аппарат и многочисленные «нюансы» теории игр. Обозначим лишь соотношение его с категориями международных отношений и результат его применения в анализе избранной нами проблематики. Формальные правила «международных игр» определяются системой действующих в данный мирный момент (период) международных и двусторонних договоров, реальные — учитывая формальные — строятся на фактическом соотношении сил, определяемых, в частности, наличием открытых и тайных коалиций. При этом декларируемые намерения сторон частично или полностью не совпадают с реальными, широко используются обман, блеф и т.д. Реальная политика, как и война, — это «путь обмана», ее задача — эффективное решение проблем и достижение целей, и она не подлежит оценке мерками морали.

Исходную позицию для длительной стратегической игры задали новая расстановка сил и система международных отношений, сложившиеся в результате исхода Первой мировой войны. Страны Антанты, прежде всего США, Англия и Франция, закрепили свою победу Версальским мирным договором 1919 г., по которому Германия теряла 1/8 часть территории, 1/10 часть населения, значительную часть экономического потенциала, отказывалась от колоний, подвергалась существенному ограничению суверенитета, в том числе военным ограничениям (армия не должна была превышать 100 тыс. чел., всеобщая воинская повинность отменялась, ликвидировался генеральный штаб, предельно ограничивалась подготовка офицерских кадров, запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, авиацию, резко ограничивался военно-морской флот). Германия выплачивала огромные репарации. И все же крайне ослабленная Германия и после войны оставалась одним из основных международных игроков.

Аналогичные потери и ограничения коснулись союзников Германии (Австрии, Венгрии, Болгарии, Турции). Так, территория Венгрии сократилась в три, а население — в 2,5 раза. Потенциал этих стран не имел самостоятельного значения в системе международных отношений, а только — в коалициях.

Франция и Великобритания сыграли главную роль в деле унижения и ослабления послевоенной Германии. И несмотря на победную эйфорию, царившую в странах-победительницах (особенно во Франции и Великобритании), наиболее прозорливые современники, в том числе политические деятели, понимали, что Версальская модель заложила мину замедленного действия под всю конструкцию мира, и предопределила и будущее разжигание

реваншистских настроений в побежденных странах, прежде всего, в Германии, и будущую большую войну.

Потрясенная революцией и заключившая сепаратный Брестский мирный договор с Германией Россия также понесла огромные потери от войны. Она подверглась интервенции не только со стороны Германии, Турции, но и недавних союзников из Антанты, а также Японии и США. Но окончание Гражданской войны в результате победы советской власти на большей части бывшей Российской Империи сохранило Россию (СССР) в качестве одного из основных международных игроков (хотя в первые послевоенные годы — лишь потенциально).

И все же именно страны-победительницы, прежде всего США, а также Англия, Франция (владевшие к тому же огромными колониальными империями) и наращивавшая военно-экономический потенциал Япония становились главными действующими субъектами мировой политики, естественно, с весьма конкурирующими друг с другом в разных областях и регионах мира интересами (что проявилось, прежде всего, в определении конфигурации послевоенного мирового устройства, получившего название Версальско-вашингтонской системы). Именно страны-победительницы оказались заинтересованы в как можно более длительном сохранении status quo, но вот вопрос — все ли из них?

Единственной страной, по-настоящему выигравшей от Первой мировой войны, оказались США, не понесшие масштабных военных потерь, а, напротив, в значительной степени поставившие в финансово-экономическую зависимость разоренную Европу. Выйдя из режима изоляционизма, они теперь диктовали «правила игры» и в международной политике, и в мировой экономике. Но этого для элиты США, особенно финансовых кругов, было недостаточно: все еще сохранялись огромные европейские колониальные империи, особенно Британская, Французская, Португальская и др., которые контролировали большую часть Азии и Африки, и мешали американскому торгово-промышленному капиталу. Европейские флоты и армии оставались достаточно мощными, чтобы конкурировать с вооруженными силами США, вышедшими из традиционной изоляции и планировавшими экспансию, особенно на Дальнем Востоке. К тому же поднимавшаяся Япония угрожала морским коммуникациям.

Социально-экономическим контекстом международных отношений стала «социалистическая революция» в России с утверждением леворадикального режима и начинавший подниматься СССР, а затем и затянувшаяся Великая депрессия, угрожавшая самому существованию «западных демократий».

Все эти проблемы можно было решить только военным путем. Но общественное мнение США было против участия в большой войне. Значит, оставалось два пути: 1) вновь столкнуть друг с другом европейцев в «большой войне»; 2) стать «жертвой агрессии». Вторую задачу с успехом решило нападение японцев на базу Перл Харбор, первую решали с использованием реваншистских настроений в Германии, поддерживая соответствующие круги и ведя их к власти. При этом существовал определенный риск, что «демократические» державы Европы объединятся с диктатурой в Германии для решения своих проблем за счет СССР.

Германский реваншизм был в решающей степени продуктом версальской системы. Германия как крупная индустриальная страна с мощным научно-промышленным потенциалом, с укоренившимся национальным самосознанием (а точнее — националистическим и даже шовинистическим, милитаристским — наследием Бисмарка и прусских корней объединенного государства), народом, воспитанным «прусской школой», — в условиях национального унижения, резкого ограничения государственного суверенитета, экономических, военных, геополитических и иных возможностей, — должна была бороться против версальских пут. По крайней мере, за восстановление суверенитета, устранение наиболее унижительных статей послевоенных договоров, за расширение своего потенциала и внешнего влияния. Что она и делала различными способами в течение многих лет по разным направлениям. Возможности ее были предельно ограничены, что усугублялось и внутренней социально-политической напряженностью и потрясениями. «Конечные», политико-стратегические цели определялись не только возможностями страны, но менталитетом, ценностями и идеологией правящей элиты.

Именно Германия — независимо от конкретных политических сил, стоявших у власти, больше всех из европейских стран была заинтересована в сломе сложившегося соотношения сил в мире и системы международных отношений. Именно она выступала открытым инициатором и самым активным участником большой международной политической игры. Еще одним активным участником игры со своими целями был СССР, с одной стороны, многое потерявший в Первой мировой, с другой, — формировавший политику под влиянием идеологии, в которой существенное место занимали идеи «мировой пролетарской революции». Ни преувеличивать, ни преуменьшать значение этого фактора не следует, так как он, безусловно, влиял на советский внешнеполитический курс, хотя из самоценного постепенно трансформировался в инструмент государственных интересов СССР. Эта политика стано-

вилась все более прагматичной, сообразовавшейся с реальными возможностями, которые у обоих указанных субъектов «большой игры» были крайне ограничены.

Мы не станем здесь подробно разбирать все «партии» этой игры, тем более, что и ее правила, и цели участников в течение двух десятилетий не раз менялись. Обозначим лишь основные этапы и их результаты.

Весь межвоенный период можно разделить на две стадии: до 1933 г. и после, поскольку приход Гитлера к власти принципиально изменил весь расклад международных сил и правила игры: из преимущественно дипломатической она превращается в силовую. Две страны-«изгои» (в современной терминологии, введенной США) естественно, хотя и по разным причинам, сближались друг с другом. Основой решения внешних стратегических задач в условиях Веймарской республики была «политика маневрирования», а также балансирования между Востоком и Западом. В соответствии с ней были установлены дипломатические отношения с Советской Россией, в 1922 г. был подписан Рапальский договор, ставший основой почти десятилетнего сотрудничества двух стран в разных областях. Оно было взаимовыгодным, потому что, во-первых, основывалось на взаимодополнительности потенциалов двух стран, во-вторых, препятствовало дипломатической, экономической и др. изоляции обоих государств. Германия играла также на противоречиях Франции и Англии, борющихся за гегемонию в Европе, и использовавших для этого вопрос о репарационных платежах. Вмешательство США с планом Дауэса, согласно которому с 1924 по 1932 гг. Германии были предоставлены огромный заем и капиталовложения почти в 32 млрд. марок, позволило ей восстановить экономику, военно-промышленный потенциал и выплачивать репарации. Целью плана была ликвидация революционного движения в Германии на основе экономического подъема, а также — в перспективе — ориентация будущей германской экспансии на Восток. Этому способствовали локарные договоры 1925 г., гарантировавшие границы западных соседей Германии, но не предусматривавшие аналогичных гарантий для ее восточных соседей, а также вступление Германии в 1926 г. в Лигу наций. Вместе с тем, Германия не взяла на себя никаких антисоветских обязательств, тем самым на данном этапе сохраняя свободу рук. Торговый договор 1925 г. между Германией и СССР и договор о нейтралитете 1926 г. закрепляли свободу маневра германского правительства.

* Применение современной международной политической лексики, как правило, для исторических исследований не вполне корректно, но в данном случае адекватно и целесообразно.

Между тем, уже в 1925 г. правящие круги Германии сформулировали программу-минимум, которая заключалась в восстановлении довоенных позиций, в том числе возврате колоний, изменении восточных границ, присоединении Австрии. В конце 1920-х гг. был поставлен вопрос об ослаблении военных ограничений Версальского договора, началось строительство 4-х броненосцев.

С приходом Гитлера к власти меняется вся сущность международных отношений, поскольку Гитлер еще в середине 1920-х гг. в «Библии» национал-социализма «Майн Кампф» откровенно высказал претензии на мировое господство. Его расовая теория в сочетании с идеей захвата жизненного пространства делала внешнюю политику фашистской Германии откровенно реваншистской, милитаристской и агрессивной. Причем Гитлер открыто обозначил главных своих врагов в Европе: Францию как давнего соперника на континенте и Россию как «источник жизненного пространства». «Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, — писал он в «Майн Кампф», — нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа. Для этого нам нужны силы, для этого нам нужно прежде всего уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе, ибо Франция является смертельным врагом нашего народа, она душит нас и лишает нас всякой силы»²². Англию и Италию Гитлер в тот момент рассматривал как потенциальных союзников, тогда как Россию — как главный объект экспансии. «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, — откровенничал он, — мы, конечно, можем иметь в виду только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»²³.

Эта идеологическая и внешнеполитическая платформа Гитлера и обозначила рамки, а в известной мере и правила «большой игры», а точнее, исторической драмы, которая развернулась в международных отношениях в 1930-е годы. Основными задачами Гитлера в этой игре были полное снятие ограничений германского суверенитета, в том числе в военно-промышленной сфере, наращивание военно-экономического потенциала, обретение военно-политических и экономических союзников, предотвращение и расстройство реальных и потенциальных антигерманских коалиций, политическое и военно-экономическое ослабление основных противников, а также поэтапное решение задачи подчинения Германии ряда окружающих государств дипломатическими и военными мерами.

Соотношение сил сначала явно было не в пользу Германии, и Гитлер до определенного момента не был заинтересован в открытом военном столкновении с Францией и ее союзниками.

В то же время, откровенность Гитлера относительно агрессивно-милитаристского характера его внешней политики, представлявшей угрозу «демократическому Западу», с одной стороны, а с другой, — об экспансионистских планах по отношению к большевистской России, — все это побуждало основных международных «игроков» осуществлять «политику умиротворения» на Западе, подталкивая Гитлера к экспансии на Восток. Причем помимо пацифистских иллюзий ряда государственных деятелей, другим основным мотивом такой близорукой политики был воинствующий антибольшевизм западных демократий. Так, вспоминая уже в начале 1960-х гг. ситуацию «Мюнхенского сговора», бывший премьер-министр Франции Даладьё признал, что в то время «идеологические проблемы часто затмевали собой стратегические императивы»²⁴.

В этих условиях главной внешнеполитической целью СССР было избежать (или как можно дольше оттянуть) вовлечение в назревавшую мировую войну, а задачами, которые пришлось решать Сталину, являлись:

- наращивание военно-экономического потенциала, что обеспечивалось прежде всего форсированной индустриализацией первых пятилеток;

- недопущение внешнеполитической и экономической изоляции СССР, предотвращение складывания потенциальных антисоветских коалиций и ослабление реально формирующихся;

- по возможности, создание собственных коалиций, а в идеале — создание системы коллективной безопасности в Европе.

Не стоит забывать, что на Востоке у СССР был серьезный потенциальный противник в лице Японии, которого также следовало нейтрализовать.

Основным средством достижения внешнеполитических целей СССР была игра на многочисленных противоречиях западных стран.

Гитлер искусно играл на антибольшевистских настроениях западных держав, лелеявших планы столкнуть и тем самым ослабить и уничтожить два «диктаторских режима». На этапе вплоть до пакта с СССР ему удалось достичь очень многого — фактически, решения всех своих основных промежуточных задач. Гитлер успешно блокировал попытки создания региональных систем безопасности, например, Восточного пакта между СССР, Чехословакией и странами Прибалтики; сформировал в 1936-1937 гг. Антикоминтерновский пакт с Японией и Италией; способствовал победе Франко в Испании; стимулировал антисоветские настроения в крупнейших западных странах, предотвращая их сближение

с СССР. В то же время, еще в 1935 г. между Берлином и Лондоном было подписано морское соглашение, дезавуировавшее пункт Версальского мирного договора, запрещающего Германии строительство военно-морского флота. Началось англо-германское сближение, причем Англия и США активно разжигали экспансионистские настроения Германии и Японии против СССР. В 1937 г. велись англо-германские переговоры о гарантиях целостности Британской Империи и свободе рук для Германии в Центральной и Восточной Европе. Франция также все больше отдалялась от СССР, а французская система региональных союзов (Малая Антанта и советско-франко-чехословацкий договоры) оказалась в кризисе.

Активно осуществлялась милитаризация Германии: в 1935 г. в нарушение версальских ограничений был создан вермахт, а в 1936 г. немецкие войска вошли в Рейнскую зону. В марте 1938 г. произошел аншлюс Австрии. Западные демократии не реагировали, потакаая агрессору. Они не раз демонстрировали «понимание законности» территориальных претензий Германии в отношении Австрии, Данцига и даже Чехословакии. Под видом самоопределения Судетской области Чехословакию вынудили удовлетворить притязания Гитлера «в интересах сохранения мира». Франция открыто предала своего недавнего союзника. Мюнхенское соглашение конца сентября 1938 г. радикально изменило ситуацию в Европе, предоставив Гитлеру огромный военно-промышленный потенциал Чехословакии, выгодное стратегическое положение для нападения на Польшу, а в перспективе — и для агрессии на Восток, против СССР. Но главное, оно подтвердило полную безнаказанность и отсутствие противодействия фашистской агрессии. Была упущена последняя возможность раздавить еще не располагавшую достаточной мощью германскую военную машину, чей потенциал до захвата Чехословакии был существенно меньше совокупного франко-чехословацкого потенциала. А единство действий СССР (который не раз предлагал свою военную помощь), Франции и Англии могли легко остановить зарвавшегося экспансиониста.

В контексте всех этих процессов и событий международное положение СССР было очень сложным. Ни о какой мировой революции не было и речи, и СССР объективно был заинтересован в сохранении мира в Европе. Об этом свидетельствуют и еще не преодоленная отсталость страны в индустриальном развитии, и многочисленные внешнеполитические шаги: заключение в 1935 г. договора с Чехословакией и Францией о совместной обороне против агрессии, под которой имелась в виду именно германская угроза; и новая активная полоса 1933—1935 гг. установления дипломатиче-

ских отношений, в том числе с США; и вступление СССР в 1934 г. в Лигу Наций; и поведение СССР в условиях Мюнхенского кризиса; и неоднократные предложения и инициативы, направленные на формирование системы коллективной безопасности в Европе, не нашедшие поддержки «западных демократий».

В результате Мюнхена международная ситуация для СССР оказалась крайне напряженной: Франция не могла рассматриваться как надежный союзник, система коллективной безопасности отсутствовала, ни Восточный, ни Тихоокеанский пакты заключены не были. Была реальной перспектива изоляции перед лицом открытой агрессии одновременно с Запада и Востока, со стороны германо-японского альянса. Попытки добиться заключения союза с Англией и Францией летом 1939 г. не увенчались успехом, поскольку Лондон и Париж не хотели брать на себя конкретных обязательств, добиваясь односторонних преимуществ, и у СССР были все основания ожидать, что «западные демократии» намерены подставить его под удар Гитлера. Одновременно осуществлялись тайные контакты Англии и Германии, причем в случае успеха Англия готова была отказаться от гарантий, данных Польше и другим странам, разделив сферы влияния. В этих условиях для СССР оставалась только одна возможность: попытаться нормализовать отношения с Германией и в случае развязывания войны в Европе обеспечивать собственную безопасность путем нейтралитета. Возможности здесь открывала и внешнеполитическая игра Гитлера, который остановился на варианте разгрома Польши в «молниеносной войне», в результате чего западные союзники не смогли бы оказать ей помощь, даже если бы действительно собирались это сделать. Но для реализации этого плана Гитлеру также требовался нейтралитет СССР. Поэтому от Германии исходила инициатива активизации торгово-экономических отношений еще с конца 1938 г., что стало базой для более широких контактов. Двойная игра Англии и Франции, очевидный провал переговоров с ними о заключении реального союза, информация о готовности Германии начать вооруженные действия уже в конце августа 1939 г. — все это подтолкнуло Сталина к заключению договора с Германией о ненападении 23 августа. Прочность этому союзу, по мнению Москвы, должен был придать секретный дополнительный протокол, определявший разграничение «сфер интересов» двух стран в Восточной Европе и позволивший СССР извлечь определенные геополитические выгоды из сложившейся ситуации, а именно, вернуть основные геополитические потери на западных границах, понесенные в результате Первой мировой войны и распада Российской

империи, — прежде всего, вследствие политики Германии, только тогда еще кайзеровской.

Авантюристическая решимость Гитлера не оставляла сомнений в нападении на Польшу в ситуации, пока существовали временные военно-экономические преимущества Германии, располагавшей самой боеспособной отобилизованной армией в Европе, пока ее противники не развернули собственный потенциал. Не было сомнений и в том, что Польша будет разгромлена в течение одного-двух месяцев, а значит, германская армия выйдет на ее западные границы в непосредственной близости к Киеву и Минску. Секретные протоколы пресекали эту возможность, улучшая стратегическое положение СССР, и обеспечивали его интерес, заключавшийся в том, чтобы войска вермахта остановились как можно дальше от его «старых» границ. Одновременно решалась и задача воссоединения расколотых народов — украинского и белорусского (прежде всего, в результате агрессии со стороны Польши в 1920 г.).

Вероятно, для того, чтобы закрепить статус военного нейтралитета СССР в условиях разгоравшейся мировой войны, Сталин пошел на дальнейшее сближение с Гитлером, заключив «Договор о дружбе и границе» 28 сентября 1939 г., по которому, в частности, из сферы германских интересов переходила в сферу советских Литва. Оба договора попирали нормы международного права (но отнюдь не в большей степени, чем предшествовавший им Мюнхенский сговор Гитлера с «демократиями», или участие Польши и Венгрии совместно с Германией в разделе Чехословакии, и т.д.).

* * *

Предвоенная «большая стратегическая игра» велась рядом основных «игроков», вступающих друг с другом в формальные и реальные, ситуационные и долговременные коалиции. Формальные коалиции либо не реализовывали заявленные намерения, либо просто прикрывали намерения действительные. Ситуационные, временные коалиции распались после реализации каких-либо конкретных общих целей (таковой для Германии — одновременно формальной и временной коалицией — был «пакт Молотова — Риббентропа»).

При этом члены каждой из коалиций имели свои интересы и нередко вели политику, противоречившую интересам других членов коалиции, так что настоящего доверия внутри коалиций также не было. Франция легко предала своего союзника Чехословакию, пойдя на Мюнхенский сговор, позднее та же Франция вместе с Англией «сдали» Польшу, ведя «странную войну», пока гитлеровская Германия громила их славянского союзника. Были и «пере-

крестные» коалиции: например, Германия одновременно входила в состав и Антикоминтерновского пакта, и «пакта Молотова — Риббентропа». Заключение последнего Германией без уведомления союзника вызвало естественные неудовольствие и недоверие со стороны Японии, охладив их взаимоотношения и предотвратив тем самым согласованное одновременное нападение на СССР с японской стороны.

Следует отметить, что и «большие» «демократические» игроки нередко вели двойную игру по отношению к своим союзникам и перед войной, и в ходе самой войны. Англия поспешно покинула поле боя во Франции, когда Гитлер все же начал наступательные, и более чем успешные, действия. США вообще преследовали исключительно собственные цели в войне. Существует версия, и весьма обоснованная, что США спровоцировали Японию на начало боевых действий с целью не только разгрома заведомо более слабого противника, но и вытеснения руками японцев европейских колонизаторов (Англи, Франции и др.) из акватории Тихого океана, с тем, чтобы самим контролировать эти регионы. Мировая война помогла США окончательно выйти из великой депрессии, а также «обрушить» всю европейскую экономику, так что из крупных держав США единственные оказались в экономическом выигрыше от войны, став самой могущественной военно-экономической державой мира.

Однако, как и в любом многостороннем противоборстве, и в предвоенной дипломатической борьбе, и позднее, на полях сражений, были главные противники, от которых в решающей степени зависел исход борьбы и послевоенное мироустройство. И здесь определяющей была борьба СССР и Германии, а в «большой игре» — стратегическая дуэль Сталина и Гитлера.

Подводя итоги анализа, можно сделать следующие выводы. В стратегической дуэли Сталин проиграл Гитлеру тактически, не сумев определить время фашистского нападения, и, тем более, не успев нанести превентивный удар. С осени 1939 г. в СССР была свернута внутренняя и внешняя антифашистская пропаганда, осложнились отношения со многими государствами, вступившими в противоборство с Германией. В определенной мере СССР связывали руки опасения Сталина раньше времени спровоцировать Гитлера на войну. Трагическое начало Великой Отечественной 22 июня 1941 г., тяжелые поражения и отступление Красной Армии в первые месяцы войны — во многом следствие этих ошибок и просчетов, хотя справедливости ради нужно подчеркнуть: предвидеть время нападения было практически невозможно, поскольку даты неоднократно переносились.

Однако стратегически по основным позициям Сталин выиграл. Этих выигрышей было, по крайней мере, несколько. Прежде всего, Сталин переиграл дипломатии западных демократий, которые с самого начала хотели столкнуть СССР и Германию, повернув агрессию Гитлера на Восток. Вместо этого, в результате заключения пакта с СССР Гитлер направил свой первый удар против стран Запада.

Тем самым СССР:

1) предотвратил возможные коалиции и соглашения фашистской Германии с западными демократиями;

2) прорвал международную изоляцию, фактически сложившуюся в результате «Мюнхенского сговора»;

3) в перспективе получил в лице западных стран потенциальных военно-политических союзников, которые стали реальными с началом германской агрессии против СССР;

4) выиграл время, использованное на форсированный перевод промышленности на военные рельсы, модернизацию и мобилизацию армии;

5) ослабил потенциальный удар против СССР гитлеровской Германии, вынужденной рассредоточить силы и держать их на Западе, участвуя в боевых действиях, а также в оккупированных странах;

6) отодвинул границы СССР на несколько сотен километров, тем самым «погасив» силу германского удара из-за растягивания коммуникаций, предотвратив мгновенный захват Ленинграда и отсрочив форсированное продвижение вглубь советской территории в условиях, когда каждая неделя имела существенное значение;

7) заключением пакта с Германией в период конфликта СССР с Японией Сталин ослабил Антикоминтерновский пакт и фактически лишил Гитлера активного стратегического союзника на Дальнем Востоке, готового одновременно с Германией нанести военный удар на советских восточных границах.

* * *

Геополитический и идеологический раскол Запада в 1930-е годы вызвал потребность в использовании СССР как значимой военно-политической силы в «большой игре» за мировое господство между «демократическими» и «тоталитарными» режимами. При этом англо-саксонский мир проводил свою традиционную — в течение по меньшей мере трех столетий — по отношению к России политику натравливания наиболее сильных континентальных держав друг на друга, с тем чтобы ослабить и по возможности устра-

нить геополитических соперников: так было в Первую мировую войну, в которой Англии удалось столкнуть Германию и Россию, что вызвало в них революционные потрясения и крах имперских систем, так было и во Вторую мировую войну, когда посредством Мюнхенского сговора Англия и Франция толкали Гитлера на Восток. Несмотря на прагматичную политику Сталина, разгадавшего замыслы коварных будущих союзников и заключившего вынужденный пакт о ненападении с Гитлером, давший некоторую мирную передышку, избежать вовлечения СССР в мировую войну не удалось, и Англия, стоявшая перед угрозой немецкого вторжения на Остров, торжествовала: руки Гитлера оказались связаны на Востоке. Но в промежутке между этими событиями – пактом и 22 июня 1941 г. – СССР, абсолютно обоснованно действовавший в интересах собственной безопасности, отодвигавший свои границы (в пределах бывшей Российской империи, окраины которой были насильственно оторваны от нее немецкими оккупантами, польскими авантюристами Пилсудского, а также Румынией, Финляндией и др.) рассматривался «демократическим Западом» как враг. Враг, вызывавший тем большую ненависть, что «не оправдал надежд» и не попал в расставленную им политическую ловушку.

Нападение фашистской Германии на СССР автоматически превращало его в союзника «западных демократий». Конечно же, и Англия, и США максимально использовали столкновение СССР и Германии для их взаимного ослабления, надолго оттягивая открытие реального «второго фронта», тем самым минимизируя собственные военные и материальные потери. Но логика совместной борьбы против гитлеровской Германии изменила многие внешние формы взаимоотношений: в том числе, изменился характер и тон взаимной пропаганды, произведший инверсию официальных образов с образа врага на образ союзника. «Братство по оружию» стало доминирующим ядром этого образа, а «классовые» оценки попросту игнорировались. Тем более, были «забыты» сложные перипетии предвоенных взаимоотношений, которые с моральной точки зрения «не украшали» ни одну из сторон, и – тем более – страны «демократического Запада». Однако лидеры союзников – они же вожди народов разных цивилизаций и социально-экономических систем – никогда не забывали «кто есть кто». Хотя в разгар противостояния с фашистской угрозой западные союзники доносили до своих народов правдивую информацию о подвиге Сталинграда, других крупных битвах, что поднимало их собственный моральный дух, внушая веру в успех в борьбе с ранее «непобедимым III Рейхом», но одновременно в тайне от СССР велись приготовления

«на будущее» — создавалась ядерная бомба, готовились планы по послевоенному противостоянию с СССР.

В годы «холодной войны» попытки ревизии исторической памяти о Второй мировой войне предпринимались на Западе постоянно, однако, поскольку Ялтинско-Потсдамская система держалась на реальном соотношении сил в международных отношениях, характеризовавшемся примерным военно-стратегическим паритетом, ключевые оценки сомнению не подвергались.

Эскалация ревизии исторической памяти началась с конца 1980-х годов. При этом предметом «переосмысления» оказались инициаторы и виновники Второй мировой войны, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое.

Причем в том, что касается России, в большинстве стран используется практика двойных стандартов. СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений, обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее «корректные» действия других стран признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский сговор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но «демонизируется» «пакт Молотова-Риббентропа», явившийся для СССР лишь ответом на англо-саксонскую стратегию подталкивания фашистской Германии к походу на Восток. При этом парадоксальной и во многом комичной выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш. Например, Литва именно благодаря секретному протоколу к этому пакту получила территориальные приращения в виде Виленской области со своей современной столицей Вильнюсом, причем в тот момент — в октябре 1939 г., то есть через два месяца после подписания протокола, получив Вильно, — Литва ликовала, отмечая это праздничными манифестациями, а отнюдь не возмущалась «позорным сговором»²⁵. Осуждая итоги Второй мировой войны, та же Литва почему-то не отказывается и от других территориальных приращений, в том числе порта Клайпеды.

Не отказывается и Польша, которая приобрела Силезию и часть Восточной Пруссии, при этом предъявляя многочисленные обвинения СССР и претензии к России. Поляки забывают, как их руководство накануне Второй мировой войны вело активные переговоры с фашистской Германией на предмет присоединения к Антикоминтерновскому пакту и совместному походу на Восток,

если та поддержит притязания Польши на Украину. Польша, которая пытается сейчас представить себя невинной жертвой двух агрессоров, таковой отнюдь не была. Обвиняя сегодня СССР в «четвертом разделе Речи Посполитой», сама она в 1938 г. с готовностью воспользовалась Мюнхенским сговором, чтобы выдвинуть собственные территориальные претензии при разделе Чехословакии, потребовав Тешинскую область Силезии. Между тем, СССР по этому пакту лишь возвратил территории дореволюционной России, которые были отняты у нее в период Гражданской войны и иностранной интервенции, включая не только оккупацию со стороны кайзеровской Германии (и Брестский мир), но и агрессию Польши в 1920 г. В 1939 г. И.В. Сталин был отнюдь не более циничен, чем польские политики того времени, а точнее — прагматичен, защищая национально-государственные интересы своей страны и стараясь обеспечить ее безопасность в условиях агрессивной угрозы, в том числе и со стороны Польши, сговаривавшейся с Гитлером о разделе СССР.

Не нужно забывать и о прогерманской позиции Прибалтийских государств в конце 1930-х годов, и активном участии в войне на стороне Гитлера добровольческих, в том числе эсэсовских формирований, созданных на их территории и набранных из «коренных» этносов, в том числе и об участии их в карательных операциях и в геноциде евреев, так что их попытки предстать невинной жертвой сталинской экспансии также не выдерживают критики. И уж совсем откровенно циничными являются реабилитация и даже возведение в ранг национальных героев пособников Гитлера в этих странах, установка им памятников и проведение маршей ветеранов СС. При этом прибалтийские государства требуют от России официальных извинений за «советскую оккупацию», «покаяния» за пакт Молотова-Риббентропа, несмотря на то, что еще в 1989 г. Верховный Совет СССР дал ему четкую правовую и моральную оценку (что было грубой политической ошибкой, ибо, будучи вырвано из исторического контекста, это внесло вклад в мифологию «советской оккупации», раздела Европы между Сталиным и Гитлером, в провоцирование антирусских настроений и дало старт разделению Прибалтики и распаду СССР).

В последние годы все чаще предвоенную внешнюю политику СССР оценивают с моральной точки зрения. Однако следует подчеркнуть, что в те годы каждая из крупных стран вела свою игру: имела свои интересы, часто противоречившие другим странам, свои, всегда относительно ограниченные ресурсы для их реализации, ставила свои цели, вступала для их достижения в различные коалиции, выигрывала или проигрывала в конкурентной борьбе на

мировой арене. Ни один из участников «большой игры», включая «западные демократии», отнюдь не руководствовался соображениями морали, а только собственными интересами и принципом «каждый за себя». Тайная дипломатия, секретные протоколы, разделение «сфер влияния», попрание норм международного права, предательство недавних союзников — все это было весьма обычным в международной практике 1930-х годов. Причем, западные демократии «отметились» в подобных действиях отнюдь не меньше Сталина и Гитлера. Чего стоит одно только Мюнхенское соглашение! Наконец, собственную безопасность и интересы демократический Запад намеревался обеспечить прежде всего за счет СССР, сложными политическими интригами пытаясь столкнуть в военном противоборстве германский фашизм и российский большевизм. Но в результате ни один из западных (да и восточных) политиков в мастерстве политической интриги оказался не сопоставим со Сталиным, проявившим себя действительно лучшим политическим стратегом того времени.

К оценке этой исторической личности можно подходить с разными критериями. С современных позиций вполне очевидно, насколько соглашения СССР с фашистской Германией содержат морально-правовые изъяны. Однако, непредвзято учитывая всю совокупность обстоятельств того времени (да и современную практику «двойных стандартов», которую Запад использует в отношении «своих» и «чужих») как дипломату и политическому стратегу, действовавшему в конкретно-исторической обстановке в интересах своей страны, Сталину следует воздать должное: действовал он профессионально.

¹ Назовем лишь некоторые работы: СССР и страны Европы: Внешнеполитические проблемы. М., 1982; Советская внешняя политика. 1917—1945 гг.: Поиски новых подходов. М., 1992; Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917—1991: Сб. статей. М., 1993; и др.

² См.: *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939—1941. М., 1997; Причины возникновения Второй мировой войны: Сб. статей. М., 1982; *Шуранов Н.П.* Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992; От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992; Предвоенный кризис 1939 года в документах: Материалы научной конференции, 15 ноября 1989 г. М., 1992; Международные отношения накануне Второй мировой войны. СПб., 1993; *Мельтюхов М.И.* Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939—1941: Документы, факты, суждения. М., 2000; Международный кризис 1939—1941 гг.: От советско-

германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР: Материалы международной конференции. М., 2006; и др.

³ См.: *Деборин Г.А.* Международные отношения и внешняя политика СССР: сентябрь 1939 г. — май 1941 г. М., 1947; *Ивашин И.Ф.* Борьба СССР за мир и безопасность народов накануне Второй мировой войны. М., 1958; *Шibaева Е.А.* Региональные пакты взаимопомощи как одна из форм борьбы СССР за создание системы коллективной безопасности до Второй мировой войны. М., 1957; *Кобляков И.К.* Борьба СССР за мир и коллективную безопасность, 1938–1941. М., 1975; СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933–1945. М., 1976; *Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 гг. М., 1981; *Севастьянов П.П.* Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.). М., 1981; *Поцелуев В. А.* Внешняя политика СССР в канун и в годы Великой Отечественной войны. М., 1985; *Сиполов В.Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1936–1939 гг. М., 1987; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989; *Хмелинский П.В.* Навстречу смерчу: О политике И.В. Сталина накануне войны. М., 1991; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941: Документы, факты, суждения. М., 2000; *Маннанов М.Л.* Военные аспекты внешней политики СССР конца 30-х годов: Было ли советское руководство готово к большой войне? Уфа, 2001; Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа: Решения «Особой папки» 1923–1939 гг. М., 2001; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1931 — июнь 1941 года. М., 2008., и др.

⁴ *Некрич А.М.* Внешняя политика Англии в годы Второй мировой войны. 1939–1941 гг. М. 1963; *Некрич А.М.* Война, которую назвали «странной». М., 1961; *Поздеева Л.В.* Лондон — Москва: Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000; и др.

⁵ *Чельшиев И.А.* СССР-Франция: Трудные годы, 1938–1941. М., 1999; СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сб. научных ст. М., 2003.

⁶ *Цветков Г.Н.* Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев, 1973; Советско-американские отношения, 1939–1945: Сб. документов и материалов. М., 2004; и др.

⁷ *Горбунов Е.А.* 20 августа 1939 г. М., 1986; *Горбунов Е.А.* Крах планов «ОЦУ». 10 августа 1938 г., 20 августа 1939 г. Владивосток, 1988; *Орлов А.С.* СССР-Германия: Август 1939 — июнь 1941. М., 1991; *Реутов Г.Н.* Накануне Великой Отечественной: Советско-германские отношения, май 1939–июнь 1941 г. СПб., 1991; *Розанов Г.Я.* Сталин-Гитлер: Документальные очерки советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М., 1991; *Хмелинский П.В.* Навстречу смерчу: О политике И.В. Сталина накануне войны. М., 1991; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланированная дискуссия: Сб. материалов. М., 1995; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000; *Басистов Ю.В.* Сталин — Гитлер: От пакта до войны. СПб., 2001; *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001; и др.

⁸ *Леонгард В.* Шок от пакта между Гитлером и Сталиным: Воспоминания современников из СССР / Пер. с нем. Л, 1989; *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* До и после секретных протоколов: Советско-германские соглашения 1939 г. М., 1990; *Трубайчук А.Ф.* Пакт о ненападении: была ли альтернатива Второй мировой войне. Киев, 1990; *Трубайчук А.Ф.* 1939 год: К истории советско-

германского сговора. Киев, 1994; *Пронин А.Л.* Советско-германские соглашения 1939 г.: Истоки и последствия. Екатеринбург, 1998; *Кунгуров А.А.* Секретные протоколы или кто подделал пакт Молотова-Риббентропа. М., 2009.; и др.

⁹ *Молодяков В.Э.* Берлин—Москва—Токио: К истории несостоявшейся «оси», 1938—1941. М., 2000; *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся «ось»: Берлин — Москва — Токио. М., 2004.

¹⁰ Победа на реке Халхин-Гол: Сб. статей. М., 1981; *Бакаев Д.А.* В огне Хасана и Халхин-Гола. Саратов, 1984; *Кошкин А.Л.* Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 г. М., 1989; На Халхин-Голе: Воспоминания ленинградцев — участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. Л., 1989; На берегах Халхин-Гола: Сборник. Улан-Удэ, 1989; *Панасовский В.Е.* Уроки Хасана и Халхин-Гола. М., 1989; Халхин-Гол в огне: Сборник. М., 1989; Халхин-Гол '39: Сборник. М., 1989; *Деревянко А.П.* Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 году: Материалы к 60-летию хасанских событий. Владивосток, 1998; *Шишов А.В.* Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2000; *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом: Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002.

¹¹ Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939—1941 гг. М., 1999;

¹² *Барышников Н.И.* и др. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989; *Барышников В.И.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997; *Бикмеев М.А.* Советско-финская война, 1939—1940 гг.: Факты, события, люди и безвозвратные потери Башкортостана. Уфа, 1999; Зимняя война. 1939—1940: В 2 кн. М., 1998—1999; Принимаем нас, Суоми-красавица: «Освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 гг.: Сб. документов и фотоматериалов. СПб., 1999; *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000; *Таннер В.* Зимняя война: Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии, 1939—1940. М., 2003; Советско-финляндская война, 1939—1940. СПб., 2003.

¹³ *Урбишис Ю.* В годы суровых испытаний. 1939—1940. Вильнюс, 1989; Полпреды сообщают... Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990; Роковые годы, 1939—1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов. Таллинн, 1990; На чаше весов: Эстония и Советский Союз: 1940 г. и его последствия. Таллинн, 1999; *Крысин М.Ю.* Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004; *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. 1940-1953. М., 2008;

¹⁴ *Кундюба И.Д.* Советско-польские отношения, 1939—1945 г. Киев, 1963; Советско-польские отношения, 1918—1945. М., 1974; *Мисаревич Е.Л.* На освобожденной земле: Политическая работа в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.). Минск, 1989; *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994; Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997; Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923—1944 гг.: Сборник. М., 1997; Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. М., 1999; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостоя-

ние, 1918–1939 гг. М., 2001; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Белый орел против красной звезды, 1918–1939. М., 2004.

¹⁵ Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918–1939: Сб. статей. М., 1968.

¹⁶ *Колкер Б.М., Левит Н.Э.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971; Пакт Молотова – Риббентропа и его последствия для Бессарабии: Сб. документов. Кишинев, 1991.

¹⁷ Подробнее авторскую позицию о стратегическом противоборстве СССР и фашистской Германии в межвоенный период см.: *Сенявский. А.С.* Сталин-Гитлер: стратегическая дуэль с точки зрения теории игр // Военно-исторический архив. 2002. № 6. С. 60–74.

¹⁸ См.: Фальсификаторы истории: (Историческая справка) [По поводу опубликования Государственным департаментом США архивных материалов германского министерства иностранных дел «Нацистско-советские отношения», 1939–1941 гг.] М., 1948;

¹⁹ См.: *Суворов В.А.* Аквариум. М, 1991; он же. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; Он же. День-М.: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994; он же. Освободитель. СПб., 1993, и др. Анализ этих произведений см.: *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». М., 1995; *Помогайло А.Л.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002, и др.

²⁰ *Вентцель Е.С.* Исследование операций. М., 1980. С. 174–176.

²¹ Там же. С. 179.

²² Гитлер Адольф. Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 567.

²³ Там же. С. 566.

²⁴ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. М., 1998. С. 21.

²⁵ *Нарочицкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 36–37.

Г.А. Куманев

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СССР НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1938 — июнь 1941 гг.)

Главная задача — раскрыть общее состояние и особенности военно-экономической подготовки Советского Союза к обороне в условиях назревания угрозы фашистского нападения и возникновения Второй мировой войны.

На богатой документальной базе в работе показан сложный и многосторонний процесс индустриализации страны, осуществленный за годы довоенных пятилеток. Особое внимание уделено преодолению трудностей на пути создания новых видов оборонного производства. Освещается трудовой энтузиазм масс, развитие соревнования, новаторское движение в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, подготовка кадров.

Ключевые слова: технико-экономическая отсталость, планирование производства, новая оборонная техника, кадры, пятилетка, рационализация, бытовые проблемы, социальные трудности.

Во многих войнах прошлого, и особенно XX века, исход важнейших сражений и битв и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их тыла, экономики. Хотя достижение победы в той или иной операции зависело от ряда других важных факторов, успеха, как правило, добивалась армия, оснащенная современными средствами вооруженной борьбы и опиравшаяся на крепкий, организованный тыл, на достаточно мощный военно-экономический потенциал.

С каким же уровнем военно-экономической готовности к большой войне подошел Советский Союз к трагической дате — 22 июня 1941 г.?

В научной литературе и современной (во многом конъюнктурной) публицистике на исторические темы можно встретить различные суждения по этому вопросу. От утверждений, что народное хозяйство СССР к лету 1941 г. оказалось неготовым к войне и что,

мол, эта неготовность была «потрясающей» и «ужасной», до прямо противоположного мнения. И те, и другие оценки представляются слишком категоричными и односторонними, ибо в довоенные годы процесс развития и укрепления военно-экономического потенциала Советского государства, повышения его мобилизационной готовности был весьма сложным.

Опираясь на факты и документы, попробуем представить действительную картину созданного в стране в 30-е годы военно-экономического потенциала, что в немалой степени предопределило исход смертельной схватки СССР с силами фашизма. Ведь именно тогда в основание будущей Победы закладывался прочный экономический фундамент.

Советское руководство с момента образования очагов войны в Европе и Азии рассматривало СССР как «осажденную крепость» во враждебном капиталистическом окружении. Для обеспечения надежной обороны страны и реализации планов социалистического строительства общества считалось необходимым любой ценой и в кратчайшие сроки преодолеть экономическую отсталость, унаследованную от дореволюционной России, доля которой в мировом промышленном производстве не превышала 4%.

Процесс создания современного экономического и оборонного потенциала и его всемерного укрепления осуществлялся в чрезвычайно трудной обстановке, когда в строительстве нового общества происходили серьезные деформации, утверждалась и усиливалась тоталитарная система.

В условиях возрастания угрозы фашистского нападения на СССР и возникновения новой мировой войны большие усилия сосредоточивались на максимальном развитии промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, за счет существенного ограничения фондов потребления. Как свидетельствуют многочисленные документы, необычайно широкое промышленное строительство, развернувшееся в стране, отличалось высоким трудовым энтузиазмом и духовным подъемом многомиллионных масс трудящихся, в основе которых лежали глубокий патриотизм, искренняя вера многих советских людей в реальность социалистических идеалов, желание видеть свою Родину сильной и могучей, поставить надежный заслон для отражения любой агрессии.

Уже в итоге выполнения двух пятилетних планов валовая продукция всей промышленности Советского Союза выросла по сравнению с 1928 г. в 4,6 раза¹. По общему объему промышленной продукции СССР вышел на первое место в Европе и на второе место в мире. За эти годы были реконструированы все основные отрасли народного хозяйства. Новым делом явилось создание оборонной

промышленности, и прежде всего таких ее отраслей, как авиационная и танковая. Одновременно были построены новые и реконструированы старые заводы по производству артиллерийского, стрелкового вооружения и боеприпасов. Наряду с прежними центрами военного производства, расположенными в европейской части СССР, в годы двух довоенных пятилеток стала создаваться новая база оборонной индустрии в районах Поволжья, Урала, Сибири и частично Дальнего Востока. При этом оборонная промышленность развивалась быстрыми темпами. За 1933–1938 гг. она увеличила выпуск продукции в 3,9 раза².

В конце 30-х гг. созидательный труд народов СССР был направлен на выполнение третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.). За пятилетие ожидался рост промышленной продукции почти вдвое³.

За четыре месяца до начала Великой Отечественной войны состоялась XVIII конференция ВКП(б) (15–20 февраля 1941 г.). К этому времени пожар Второй мировой войны, развязанной фашизмом 1 сентября 1939 г., охватил уже многие регионы планеты. Жертвами гитлеровской экспансии стали народы большинства европейских государств. Произошли существенные изменения в соотношении военно-экономических сил на международной арене. Германия резко улучшила свои стратегические позиции и усилила военно-экономический потенциал. К моменту нападения на СССР ее производственные мощности по важнейшим отраслям промышленности (с учетом ресурсов оккупированных и союзных стран) были примерно в 2–2,5 раза больше, чем у Советского Союза⁴.

Созыв XVIII партконференции был вызван острой необходимостью в улучшении работы промышленности и транспорта, обеспечении выполнения плановых заданий, особенно по базовым и оборонным отраслям народного хозяйства. Были вскрыты многие тревожные факты серьезных недостатков в промышленном производстве.

«Промышленность была и есть база оборонной мощи страны, — подчеркивалось в решениях партконференции. — В современной международной обстановке перед нашей промышленностью, перед всеми ее отраслями стоят ответственнейшие задачи. ...Наша промышленность может и должна работать значительно лучше и давать продукцию по всем отраслям гораздо больше и более высокого качества, чем сейчас»⁵.

XVIII партконференция, несомненно, сыграла позитивную роль в повышении мобилизационной готовности страны к вражеской агрессии. Она потребовала от работников промышленности

и транспорта усилить борьбу со штурмовщиной, неритмичной деятельностью предприятий, за экономию сырья, электроэнергии, наладить строгий контроль за исполнением принятых решений...

Объективной предпосылкой укрепления индустриальной мощи СССР были его огромные природные и людские ресурсы. В отличие от Германии, Великобритании, Италии, Японии и многих других государств, находившихся в зависимости от внешних поставок ряда важных видов стратегического сырья, Советский Союз занимал ведущее место в мире по разведанным сырьевым запасам. По геологоразведочным данным предвоенных лет, в СССР было сосредоточено более половины мировых запасов нефти и железной руды, свыше 2/3 мировых запасов апатитов, около 1/3 марганцевой руды, 1/5 запасов угля и т. д.

Но, разумеется, решающим источником увеличения производства за годы третьей пятилетки являлся человеческий фактор, прирост численности работающих и расширение производственных фондов при ограниченном росте фондов потребления. Число рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства, увеличилось за 1938—1940 гг. почти на 4,5 млн, т.е. несколько больше, чем за вторую пятилетку⁶. К началу 1941 г. в народном хозяйстве трудилось около 34 млн. Численность рабочих и служащих в промышленности уже в 1940 г. достигла 13,1 млн. человек⁷. Быстро рос и уровень профессиональной подготовки промышленных кадров.

Одной из важных особенностей изменения состава рабочего класса в годы третьей пятилетки явился рост в его рядах женской прослойки. В связи с началом Второй мировой войны среди советских женщин на многих предприятиях развернулось движение за овладение мужскими профессиями. Стахановка Липецкого завода Н. Вострякова 29 сентября 1939 г. писала в газете «Правда»: «Если наши мужья пойдут на фронт, мы, женщины, обязаны будем занять их места на фабриках, заводах, в колхозах и учреждениях... Для этого мы должны заблаговременно научиться управлять станками, тракторами, машинами, паровозами».

Подобные патриотические призывы находили живой отклик среди женской части населения. Самоотверженным трудом прославили свои имена первые женщины-сталевары Ольга Ковалева (металлургический завод «Красный Октябрь»), Фелисата Шарунова (Нижне-Тагильский завод им. Куйбышева), Мария Зикеева (Магнитогорский металлургический комбинат), паровозные машинисты Зинаида Троицкая и Елена Чухнюк, трактористка Прасковья Ковардак и тысячи других патриоток. В 1940 г. общее число женщин, занятых в промышленности, строительстве и на транс-

порте, достигло 11 млн против 9,3 млн в 1937 г.⁸ А в составе механизаторов МТС их число достигло 100 тыс.⁹

В результате предельной концентрации сил для развития индустриальной базы доля СССР в мировом промышленном производстве к концу 30-х гг. поднялась до 10%. Из отсталой аграрной страны СССР все более превращался в развитую индустриальную, экономически независимую державу.

Исторические факты убедительно свидетельствуют, что и в годы третьей пятилетки ни в одной стране мира не было столь широкого размаха капитального строительства, как в Советском Союзе. Страна представляла гигантскую строительную площадку, где в среднем каждые сутки вступали в строй по два крупных промышленных предприятия. К началу войны возникло более 360 новых городов, ставших опорными базами индустрии, было введено в действие свыше 11 тыс. новых крупных заводов и других предприятий, которые давали 3/4 всей промышленной продукции страны. За очень короткий исторический срок основные промышленно-производственные фонды СССР возросли более чем в 7 раз. Уже в 1938 г. в Советском Союзе выпускалось в 1,5 раза больше промышленной продукции, чем в Германии, а машиностроительной продукции — более чем в 2 раза¹⁰.

Сегодня, несмотря на попытки отдельных публицистов и иных авторов в угоду конъюнктуре перечеркнуть или принизить этот факт строительства, перед нами, несомненно, выдающееся достижение довоенных поколений нашего народа. Для многих миллионов тружеников годы первых пятилеток, несмотря на проявления тоталитарного произвола, были временем высокого духовного подъема, творческого энтузиазма, продолжения революционных традиций. Во всех отраслях народного хозяйства в середине 30-х гг. началось движение новаторов за глубокое освоение техники, перевыполнение установленных норм выработки и плановых заданий. Последователями трудовых подвигов шахтеров Н. Изотова, А. Стаханова, М. Дюканова, сталевара М. Мазая, бурильщиков И. Янкина, А. Семиволоса, паровозных машинистов П. Кривоноса, Н. Лунина, кузнеца А. Бусыгина, ткачих Е. и М. Виноградовых, сельских механизаторов К. Борина, П. Ангелиной и многих других стали сотни тысяч тружеников городов и сел.

Накануне войны зародились новые формы высокоэффективного труда, сыгравшие важную роль в 1941—1945 гг. Начался переход к работе стахановскими сменами, бригадами, цехами, рост числа учащихся в системе общеобразовательной и профессионально-технической школы, а также обучение и повышение квалификации рабочих без отрыва от производства. В 1939 г. курсы массовой

квалификации младших специалистов и мастеров труда закончило 2,4 млн рабочих. В 1940 г. система подготовки и повышения квалификации кадров непосредственно на предприятиях охватывала уже более 3 млн рабочих. Только на железнодорожном транспорте на курсах прошло переподготовку 555,5 тыс. и вновь было подготовлено 202,1 тыс. человек¹¹.

Большие и сложные задачи стояли в новой пятилетке в области энергетики. К началу 1938 г. на душу населения в СССР вырабатывалось электроэнергии в 2 с лишним раза меньше, чем во Франции, в 3 раза меньше, чем в Англии, в 3,5 раза меньше, чем в Германии, 5,5 раза меньше, чем в США¹². Но в ходе пятилетки усилия энергетиков-строителей положение менялось к лучшему.

Гордостью отечественной энергетики стал ДнепрогЭС, ставший крупнейшей ГЭС в Европе. С 1938 г. по первую половину 1941 г. были введены в действие Угличская, Комсомольская, Ткварчельская, Кувайская, Кураховская и ряд других электростанций. Новые мощности составили 2,8 млн кВт, а общая мощность действующих электростанций достигла 11,2 млн кВт. По мощности электростанций и выработке электроэнергии СССР вышел на 3 место в мире (после США и Германии).

Однако потребности народного хозяйства пока еще опережали рост электроэнергетики. Недостаточно использовались огромные гидроресурсы страны: доля гидростанций составляла 10,6% общего электробаланса. Сохранялся большой разрыв в распределении энерго мощностей между различными экономическими районами. На Урал, Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Дальний Восток приходилось электроэнергии в 3 раза меньше, чем на северо-западный, южный и центральный районы. Из общего электробаланса страны свыше 2/3 произведенной электроэнергии шло на удовлетворение потребностей промышленности, незначительная доля (3,4%) — на транспорт и совсем ограниченная часть — на сельское хозяйство. В результате в сельской местности, где проживало 2/3 населения СССР, более 96% колхозов и 65% МТС оставались не электрифицированными, что, конечно, отрицательно сказывалось на условиях жизни в деревне, на продуктивности сельскохозяйственного производства.

В топливном балансе СССР накануне войны около 60% занимал уголь. По его добыче Советский Союз вышел на 4 место в мире. В стране работало 546 угольных шахт. Донбасс традиционно оставался «главной кочегаркой» страны и давал больше угля, чем все другие бассейны. Постепенно росла техническая оснащенность угледобычи. Но все же по сравнению с развитыми западными

странами уровень механизации в советской угольной промышленности был не высок. Основным инструментом в угледобыче оставались бурильные и отбойные молотки; многие производственные процессы велись вручную.

С 1938 по 1940 г. ежегодная добыча нефти увеличилась всего на 0,9 млн т. По отношению к 1937 г. рост нефтедобычи составил лишь 9% вместо 77% по плану¹³.

Ключевой проблемой развития народного хозяйства было производство металла. По добыче железной руды СССР накануне войны занимал 2 место, а по производству чугуна и стали — 3 место в мире.

Для развития железорудной промышленности и горной металлургии были привлечены лучшие научные силы страны во главе с академиками И.П. Бардиным, А.А. Байковым, Э.В. Брицке, А.Е. Ферсманом, Е.А. Чудаковым, А.П. Карпинским, членом-корреспондентом АН СССР К.И. Сатпаевым и др.

К 1941 г. в стране действовало 99 доменных и 391 мартеновская печей, более 200 сталеплавильных электропечей, свыше 150 прокатных станов, более 200 коксовых батарей и др. К таким гигантам советской металлургии, как Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, заводы «Запорожсталь», «Азовсталь», «Электросталь», Криворожский, Днепропетровский, Ново-Липецкий, Ново-Тульский, Мариупольский, Златоустовский, Енакиевский, Макеевский металлургические заводы, перед войной добавились и вошедшие в строй Ново-Тагильский, Петровск-Забайкальский металлургические заводы и другие предприятия. Новые мощности, введенные за три последних предвоенных года, добывали железной руды — 7,2 млн т, производили чугуна — 2,8 млн т, стали — 3,5 млн т, прокат черных металлов составлял 2,2 млн т. Однако в целом положение с металлом оставалось весьма напряженным. Производство чугуна, стали, проката черных металлов, добыча железной и марганцевой руды в 1939 г. по сравнению с 1937–1938 гг. снизились, а в 1940 г. незначительное увеличение выпуска металла (3%) и на 1% проката не соответствовало плановым заданиям¹⁴. Ввод в действие основных производственных мощностей в черной металлургии накануне войны составил только 17–33% от плана.

Другой не менее важной задачей являлось обеспечение высокого качества металла. К началу войны были достигнуты определенные сдвиги в развитии качественной металлургии, особенно по сравнению с годами первых пятилеток, когда Советскому Союзу приходилось почти весь качественный металл ввозить из-за границы. Важную роль в освобождении страны от импортной зависимо-

сти и создании собственной базы качественного металла накануне войны сыграли заводы треста «Главспецсталь».

В целом же проблема повышения технического уровня металлургической промышленности, способной полностью удовлетворить потребности народного хозяйства в качественном металле, была еще далека от своего решения. На таких крупнейших производствах, как Магнитогорский комбинат, выпускались преимущественно рядовые марки проката (88%). Ни на Урале, ни в Сибири, ни в других восточных районах не было даже толстолистовых прокатных станов для изготовления танковой брони. Только 55–60% всей выплавляемой стали в стране было пригодно для качественного проката. Поэтому в первом полугодии 1941 г. потребности в качественном металле удовлетворялись: по стальной нержавеющей ленте — всего на 25%, по инструментальной легированной стали — на 49,7%, по листовой нержавеющей стали — на 23,8%¹⁵.

В металлургическом комплексе большие усилия предпринимались по добыче и производству цветных металлов: без алюминия, меди, свинца, никеля, цинка, вольфрама, олова, молибдена не могло быть и речи о создании современной техники. К началу 40-х гг. были созданы многие крупные базы цветной металлургии: Норильский и Южно-Уральский никелевые комбинаты, Днепропетровский и Уральский алюминиевые заводы, Среднеуральский и Балхашский медеплавильные, Днепропетровский и Соликамский магниевые, Чимкентский свинцовый, Забайкальский вольфрамовый, Джезказганский горно-металлургический и многие другие предприятия. С центрами цветной металлургии было связано становление и развитие таких городов, как Мончегорск, Норильск, Березники, Бокситогорск, Медногорск и др.

Только за период с 1932 по 1940 г. включительно производство важнейших видов цветной металлургии увеличилось в 2–6 раза¹⁶.

Однако этого было недостаточно и накануне Великой Отечественной войны многие отрасли промышленности, прежде всего авиастроение, автостроение, приборостроение, радиотехника, электроэнергетика, испытывали довольно острый дефицит цветных металлов.

Рост экономического и оборонного потенциала страны во многом зависел от состояния химической промышленности. Если в начальный период индустриализации СССР ввозил из-за границы около 100 видов химической продукции, то к началу 40-х гг. потребности народного хозяйства удовлетворялись в основном собственным производством. В годы предвоенных пятилеток было построено свыше 75 крупных химических заводов и комбинатов.

Огромный вклад в развитие химической промышленности внесли геологи. Геологоразведочные работы в предвоенные годы значительно изменили представления о масштабах, характере и размещении минерально-сырьевой базы народного хозяйства. Если в дореволюционный период в стране добывалось менее 20 элементов менделеевской таблицы, то накануне Великой Отечественной войны – более 80. Это резко повысило возможности химического производства как в народно-хозяйственных, так и в оборонных целях.

В связи с возросшими потребностями гражданской и оборонной промышленности в годы мирного строительства были расширены масштабы и направления химического производства.

Важным достижением советских химиков явилось создание и производство синтетического каучука (СК). К началу войны действовало пять заводов СК (Ярославль, Воронеж, Ефремов, Казань, Ереван). С вводом в действие Ереванского завода (1940) СССР стал обладать крупным промышленным производством синтетического каучука, чего не смогла сделать до войны ни одна из зарубежных стран.

Накануне войны в Советском Союзе было также налажено опытное производство прозрачной авиационной брони и органического стекла, которое оказалось очень перспективным и позволило в военные годы преобразовать его в крупносерийное. Вместе с тем в общем производстве пластических масс, синтетических смол и химических волокон СССР еще сильно отставал от ведущих зарубежных государств, где действовали сотни заводов подобного профиля.

Уровень технического прогресса и обороноспособности страны в значительной мере определялся состоянием машиностроительного комплекса, который занимал в промышленности 1-е место по объему всей валовой продукции. На машиностроительных и металлообрабатывающих заводах трудилось 28,7% от общей численности промышленных рабочих страны. К началу Великой Отечественной войны советское машиностроение развивалось наиболее высокими темпами и опережало многие другие отрасли народного хозяйства. Благодаря крупным объемам капитальных вложений и самоотверженному труду рабочего класса СССР ликвидировал отставание по производству многих видов машин, станков, оборудования. Если всего за 7 лет до начала Второй мировой войны страна не имела собственного производства шарикоподшипников и вынуждена была снабжать все свои заводы и отрасли импортом, то к 1941 г. отечественная промышленность

смогла давать народному хозяйству и Вооруженным Силам около 45 млн подшипников в год.

Крупнейшие заводы тяжелого, транспортного, энергетического машиностроения – «Уралмаш», «Уралвагонзавод», Ижорский, Кировский, Коломенский паровозостроительный, Ворошиловградский им. Октябрьской революции, Брянский «Красный Профинтерн», Новокраматорский, Мариупольский, Сормовский, Иркутский машиностроительный им. Куйбышева и многие другие были оборудованы мощными прессами и другим современным оборудованием, способным обеспечивать отечественную промышленность разнообразным ассортиментом промышленной продукции.

Созданные в 30-х гг. автомобильные и тракторные заводы в Москве, Горьком, Ярославле, Харькове, Сталинграде, Челябинске являлись первенцами отечественного массового поточного производства машин и транспортного оборудования. Станкоинструментальные и машиностроительные заводы обеспечивали накануне войны ежегодно выпуск более 58 тыс. металлорежущих станков. Начали осваиваться новые модели высокопроизводительных станков с высокими скоростями резания и повышенной точностью обработки. По методу академика О.Е. Патона началось внедрение автоматической скоростной электросварки в производстве котлов, цистерн, мостов, вагонов. Но преимущественное место в станочном парке СССР все же занимали станки рядовых марок, не обеспечивавшие высокой производительности труда и качества продукции. Станочный парк СССР в 1940 г. насчитывал 710 тыс. единиц. Германия же ежегодно выпускала станков в несколько раз больше, причем многие из них – весьма высокого качества¹⁷.

При сохранявшемся размахе капитального строительства значительно сокращались ассигнования на производство дорожно-транспортного оборудования и строительные материалы. На стройках продолжал доминировать ручной труд, главными орудиями строителей оставались тачки и лопаты. Уровень механизации того времени лучше всего характеризует тот факт, что на 3 тысячи новостроек третьей пятилетки приходилось всего 2100 экскаваторов, 1100 скреперов, 800 бульдозеров.

В официальных документах тех лет признавалась зависимость эффективности производства от уровня социальной инфраструктуры и повышения благосостояния трудящихся. Но в условиях сложной международной обстановки конца 30-х – начала 40-х гг., потребовавшей уделить максимум внимания вопросам повышения мобилизационной готовности СССР, диспропорции между

производством средств производства и сферой потребления не сокращались.

Немало было сделано и в области технической реконструкции советского транспорта. Ускоренными темпами велось сооружение новых магистралей и оснащение их современной техникой. Грузооборот всех основных видов транспорта СССР заметно возрос. К июню 1941 г. вагонный парк советских железных дорог был способен одновременно поднять в 2,5 раза больше груза, чем вагонный парк царской России накануне Первой мировой войны, а локомотивы могли перевезти эту возросшую массу грузов в полтора с лишним раза быстрее, чем раньше¹⁸.

Кооперированное сельское хозяйство СССР преодолело в предшествующие годы серьезные кризисные явления, и его развитие заметно ускорилось. В результате принятых мер за 1938—1940 гг. поголовье крупного рогатого скота в колхозах и совхозах увеличилось на 5,3 млн, овец — на 17,8 млн, лошадей — на 3,1 млн¹⁹.

Колхозный строй обеспечивал Советскому государству возможность удовлетворения основных потребностей растущей промышленности, городского населения и позволял накопить необходимый продовольственный фонд. В 1940 г. страна получила в виде заготовок и закупок 36,4 млн т зерновых, 17,4 млн т сахарной свеклы, 2,24 млн т хлопка-сырца, 8,5 млн т картофеля, 2,16 млн т мяса, 6,45 млн т молока и молочных продуктов, 120 тыс. т шерсти и т.д.²⁰

Мобилизационная подготовка включала и такой немаловажный фактор, как более рациональное размещение производительных сил путем их перемещения в глубинные районы страны. В течение 1938—1940 гг. туда было направлено более 1/3 всех ассигнований на капитальное строительство. Благодаря новому строительству и реконструкции старых предприятий на Урале, в Поволжье, Сибири, Средней Азии и Казахстане выпуск промышленной продукции за эти годы существенно увеличился.

Важное военно-хозяйственное значение имело создание государственных резервов. Они предназначались для быстрого наращивания военного производства и создания в случае необходимости новых отраслей оборонной индустрии. Запасы сырья, металла, топлива, продовольствия, станков, инструментов, оборудования накапливались высокими темпами. За полтора года до фашистского нападения государственные резервы СССР увеличились почти вдвое²¹.

Позитивные результаты и достижения в индустриализации и социально-экономической жизни страны могли быть неизмеримо большими. Особенно пагубно повлияли на развитие СССР и

его народного хозяйства массовые репрессии, развернувшиеся со второй половины 30-х гг. и охватившие буквально все сферы советского общества. В числе незаконно репрессированных оказались тысячи работников промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, в том числе руководящие кадры.

На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) один из докладчиков — Председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов — с удовлетворением сообщил, что с 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г. было «разоблачено» в качестве «членов антисоветских троцкистских организаций» и осуждено 1984 хозяйственных руководителя. Только за один день — 21 ноября 1938 г. — НКВД представил список для санкции на осуждение к расстрелу 292 руководящих работников, в том числе 26 арестованных заместителей наркомов и председателей облисполкомов. Сталин, Молотов и Каганович санкционировали расстрел 229 человек, включая 21 наркома. С 1937 г. и в последующие довоенные годы были арестованы или оклеветаны и погибли заместители Председателя СНК СССР Я.Э. Рудзутак, В.Я. Чубарь, С.В. Косиор, Н.К. Антипов, Председатель Совнаркома РСФСР Д.Е. Сулимов, руководители Госплана СССР Э.И. Квицинг, В.И. Межлаук, Г.И. Смирнов, Г.И. Ломов-Оппоков, наркомы: М.Л. Рухимович (оборонная промышленность), А.Д. Брускин (машиностроение), И.Е. Любимов (легкая промышленность), А.В. Бакулин (НКПС), М.М. Каганович* (авиационная промышленность), И.А. Халепский (связь), Р.И. Эйхе (земледелие), Н.И. Пахомов (водный транспорт), С.С. Лобов (пищевая промышленность), М.И. Калманович и Н.Н. Демченко (зерновые и животноводческие совхозы), председатель Комитета по строительству С.Л. Лукашин и др. Только в Наркомате тяжелой промышленности после гибели Г.К. Орджоникидзе были расстреляны заместители наркома Г.Л. Пятаков, А.П. Серебровский, О.П. Осипов-Шмидт, А.И. Гуревич, члены коллегии, начальники управлений и отделов: А.Ф. Толоконцев, А.И. Зыков, С.С. Дыбец, Ю.П. Фигатнер, Е.Л. Бродов и др. Если в системе того же наркомата в 1935 г. были сняты с работы 6 директоров и главных инженеров, то в 1937—1938 гг. (в основном вследствие огульных обвинений) их число достигло 118.

Подневольный труд огромной армии безвинно осужденных стал использоваться на наиболее тяжелых, а нередко и опасных работах.

Ослабленное арестами и истреблениями кадров советское народное хозяйство в самый ответственный период накануне войны

---

* Михаил Моисеевич Каганович — брат Л. М. Кагановича.

не смогло набрать максимальных темпов прироста промышленной продукции и по всем показателям обогнать Германию.

Развивая индустриализацию страны в предвоенные годы ценой огромного напряжения, удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной — 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях все возрастающей угрозы фашистской агрессии.

С учетом все более напряженной международной обстановки пришлось увеличить ассигнования на военные нужды: с 23 млрд рублей в 1939 г. до 57 млрд в 1940 г. К июню 1941 г. на финансирование оборонных наркоматов выделялось уже 43,4% всех расходных бюджетных ассигнований. На выпуск военной техники переводились сотни цехов и предприятий гражданского сектора²².

Кроме того, сооружение многих заводов и фабрик и работа многих предприятий, производивших гражданскую продукцию, планировались с таким расчетом, чтобы при необходимости их можно было быстро перевести на выпуск военной продукции. Крупные предприятия на случай возникновения войны имели военно-мобилизационные планы. На производство танков предусматривалось переключение тракторных заводов — самых мощных в Европе, а также автомобильных, паровозостроительных и судостроительных предприятий; на выпуск вооружения и боеприпасов — всю машиностроительную промышленность.

Значительные усилия были предприняты по созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров. К лету 1941 г. на Урале, в Поволжье, Западной и Восточной Сибири находилась почти шестая часть всех военных заводов страны. По некоторым видам вооружения и боеприпасов они производили свыше 34% продукции всей оборонной промышленности.

Вопросы укрепления и совершенствования военно-экономического потенциала СССР при надвигавшейся военной угрозе самым тесным образом были связаны с повышением боеспособности и мобилизационной готовности РККА. В обстановке развертывания массовых армий капиталистических государств, роста милитаризации их экономик потребности обороны страны перестала удовлетворять территориальная система строительства Красной Армии. Это вызвало необходимость в конце второй — начале третьей пятилеток перейти к единому кадровому принципу строительства Советских Вооруженных Сил. Теперь ставка делалась не

на кратковременные военные сборы, а на продолжительное и систематическое военное обучение бойцов и командиров Красной Армии, в полной мере овладение ими современным техническим вооружением, боевой техникой и даже азами военного искусства.

Между тем в 1939–1940 гг. выяснилось, что вооружение и техническое оснащение Красной Армии по некоторым видам боевых средств отстают от технической оснащенности армий фашистского блока. Так, самолеты Германии летали быстрее и выше советских, имели большую огневую мощь. Требовалось в кратчайшие сроки ликвидировать подобное отставание.

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной Армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. Военно-Морскому Флоту были переданы десятки новых современных кораблей²³.

Среди отраслей народного хозяйства оборонные отрасли были полностью приоритетны. За первые три года пятилетки удельный вес расходов на оборону в государственном бюджете поднялся с 18,6 до 32,6%²⁴.

По всем принципиальным и даже частным военно-экономическим и военно-техническим вопросам решения принимались при непосредственном участии и одобрении И.В. Сталина. «Сталин, — вспоминал нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов, — со свойственным ему стремлением к неограниченным правам и безграничной власти держал военное дело в своих руках...»²⁶. Это сильно ограничивало самостоятельность и сферу деятельности Госплана и наркоматов. Не было достаточной координации действий между руководителями армии и флота, они оставались нередко в неведении относительно основных направлений и перспектив военного строительства.

Как и в других странах, самым массовым видом вооружения оставалось стрелковое оружие. Технология массового выпуска всех видов стрелкового оружия была освоена на заводах Тулы, Коврова, Ижевска, Подмосковского промышленного района и поставлена на поточное производство. Среднемесячное производство стрелкового оружия в СССР накануне войны превзошло уровень, достигнутый в Германии.

Наряду с этим на вооружение советских войск со значительным опозданием шло внедрение пистолетов-пулеметов — нового вида

индивидуального автоматического оружия с высокой боевой эффективностью. Лишь после советско-финляндской войны и боевых действий вермахта в Польше необходимость оснащения войск таким оружием стала очевидной. В 1940 г. в Советском Союзе была запущена в производство самозарядная винтовка Ф.В. Токарева, а годом раньше создан станковый пулемет системы В.А. Дегтярева. Он же разработал пистолет-пулемет, известный под названием ППД-40. В начале 1941 г. на вооружение был принят более совершенный образец пистолета-пулемета конструкции Г.С. Шпагина (ППШ-41). Однако по оснащенности автоматическим стрелковым оружием Красная Армия заметно отставала от вермахта и ряда других зарубежных армий. В 1939 г. и до начала войны советские войска получили более 105 тыс. пулеметов различных марок и около 85 тыс. автоматов²⁶. Германия же в одном только 1940 г. выпустила 171 тыс. единиц стрелкового автоматического оружия.

Не уделяло должного внимания советское руководство и созданию противотанкового ружья. В 1939 г. был изготовлен его первый образец. В следующем году промышленность выпустила 15 тыс. таких ружей. Но из-за ошибочного мнения начальника Главного артиллерийского управления НКО маршала Г.И. Кулика об отсутствии в германской армии легких танков с тонкой броней выпуск противотанковых ружей был прекращен. Их массовое производство было налажено только осенью 1941 г., т. е. через несколько месяцев после гитлеровского нападения на СССР (ПТРД — конструкции В. А. Дегтярева и ПТРС — конструкции С. Г. Симонова).

Наиболее развитой отраслью военного производства накануне войны была артиллерийская промышленность. За ее развитие отвечал созданный в январе 1939 г. Наркомат вооружения во главе с Б.Л. Ванниковым*. Наряду со старыми дореволюционными оружейными заводами, подвергшимися модернизации, в нескольких индустриальных центрах страны за годы довоенных пятилеток возник ряд новых предприятий по выпуску различных видов артиллерийской техники.

Артиллерийская промышленность располагала опытными конструкторскими кадрами. Крупным успехом ученых и конструкторов явилось создание реактивного оружия: многозарядных пусковых установок и реактивных снарядов.

К началу войны были усовершенствованы реактивные снаряды калибром 82 мм и 132 мм и боевая установка БМ-13. 21 июня 1941 г. эта установка, любовно прозванная во время войны «катю-

* В январе 1939 г. Наркомат оборонной промышленности СССР был разделен на четыре самостоятельных наркомата: вооружения, авиационной промышленности, боеприпасов и судостроительной промышленности.

шей», была принята на вооружение. Большой вклад в ее создание внес ученый-изобретатель А.Г. Костиков.

Оценивая выдающееся достижение создателей «катюши», Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Надо отдать должное нашим вооруженцам за их оперативность и творческое трудолюбие. Они сделали все возможное, чтобы через 10–15 дней после начала войны войска получили первые партии этого грозного оружия»²⁷.

Советская артиллерийская промышленность располагала значительными мощностями. Среднемесячное производство орудий в СССР почти в 2 раза превышало производство Германии. С 1 января 1939 г. по 22 июня 1941 г. артиллерийская промышленность дала Красной Армии 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов, всего с учетом танковых пушек — 92 578. В результате только с мая 1940 г. до начала фашистской агрессии орудийный парк СССР увеличился более чем в полтора раза²⁸.

Однако в области артиллерийского вооружения не все обстояло благополучно. Так, явно недостаточно имелось зенитных орудий для борьбы с авиацией будущего противника. В конце 30-х гг. совершенно неоправданно был прекращен выпуск ряда противотанковых пушек, и их новые образцы пришлось осваивать уже в тяжелейшей обстановке начавшейся войны с фашистским блоком. Опыт войны с Финляндией продемонстрировал перспективность минометного вооружения. Простота изготовления этого вида оружия позволяла в короткие сроки наладить его массовое производство. К сожалению, большинство выпускавшихся к началу войны минометов были 50-мм калибра с небольшим радиусом поражения. Более эффективные 82-мм и 120-мм минометы армия стала получать в требуемых количествах только перед самой войной. Правда, по мнению маршала Г. К. Жукова, «в июне 1941 г. в количественном и качественном отношении наши минометы уже значительно превосходили немецкие»²⁹.

Крупными просчетами в развитии артиллерийского вооружения являлись также отсутствие самоходно-артиллерийских установок и незначительный вес войсковой артиллерии на механической тяге. Большая часть дивизионной артиллерии была на конной тяге, что сильно снижало мобильность и маневренность войск.

Наиболее технически сложной отраслью оборонной промышленности являлось авиастроение, которое, по существу, было создано в стране заново в исключительно короткие сроки.

В январе 1939 г. был образован Наркомат авиационной промышленности СССР во главе с М.М. Кагановичем. Одновременно в ряде городов начали свою деятельность несколько новых авиационных конструкторских бюро и проектных организаций.

В июне правительство утвердило программу реконструкции авиамоторных заводов. Но этого было недостаточно для потребностей военного времени. Так, на 1 января 1939 г. годовая фактическая мощность советских авиазаводов составляла 21 200 самолетов (из них боевых — 17 050), тогда как годовая потребность в самолетах в условиях современной войны исчислялась в 33—35 тыс. боевых самолетов³⁰.

Опыт военных действий в Испании, у оз. Хасан и на Халхин-Голе показал, что серийные типы самолетов, состоявших на вооружении советских Военно-Воздушных Сил, не отвечали возросшим требованиям развития авиационной техники. С началом Второй мировой войны в СССР начался этап качественного перевооружения авиации, дальнейшего расширения и модернизации авиационной промышленности.

В сентябре 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принял постановление о реконструкции существующих и строительстве 9 новых самолетостроительных заводов и 7 авиамоторных. Кроме того, по решению правительства в 1940 г. в авиационную промышленность было передано 7 заводов из других отраслей народного хозяйства.

На выпуск авиационной техники было привлечено свыше 100 самолетостроительных, моторостроительных, агрегатных, приборостроительных заводов, институтов, конструкторских бюро, для которых обеспечивалась первоочередная поставка всех видов материалов и оборудования. «...Не было случая, чтобы какой-то наш заказ не был выполнен, — отмечал нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин. — ...Мы брали все или почти все. Например, забирали почти весь алюминий, магний, кобальт, легированные стали, абсолютное большинство легированных труб и т. д. Здесь мы были монополистами: нам давали то, что никому не давали»³¹.

В короткие сроки конструкторские бюро под руководством А.Н. Туполева, А.С. Яковлева, В.М. Петлякова, С.В. Ильюшина, А.И. Микояна, С.А. Лавочкина, М.И. Гуревича, А.А. Архангельского, П.О. Сухого, В.П. Горбунова, М.И. Гудкова и др. создали первоклассные типы истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков. Хороших результатов добились в этой отрасли конструкторские бюро моторостроителей: В.Я. Климова, А.А. Микулина, А.Д. Швецова, С.К. Туманского, Е.В. Урмина и др.

Новый пикирующий бомбардировщик Пе-2 превосходил немецкие самолеты такого же типа Ю-87 и Ю-88. Новые истребители Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3 имели высокие скорости и сильное пушечно-пулеметное вооружение. Штурмовик Ил-2 по своим тактико-техническим данным не имел аналогов в мировой авиа-

ции. Еще в августе 1939 г. в боях в районе р. Халхин-Гол было впервые применено авиационное реактивное оружие, установленное на истребителях И-16.

В 1940 г. производство самолетов в Советском Союзе по сравнению с 1939 г. выросло на 19%. Хотя авиапромышленность оказалась существенно перестроенной, она была еще не в состоянии удовлетворить возросшие потребности обороны в более совершенных машинах.

«В 1940 году, — вспоминал А.И. Шахурин, — наша авиационная промышленность выпускала самолеты-истребители, развивавшие скорость в среднем 420—450 километров в час (лишь один И-16 последней модификации имел скорость более 500 километров в час). И вооружены они были главным образом пулеметами. А у лучших зарубежных самолетов скорость приближалась к 600 километрам в час, к тому же вооружены они были не только пулеметами, многие и пушками, брали значительный запас снарядов и патронов. Нашей боевой авиации необходимо было выйти на новый уровень, совершить качественный скачок, чтобы не только не уступить самолетам фашистской Германии и других стран, но и превзойти их в летном, тактическом и боевом отношении. И эта работа уже велась»³².

В 1939-м и 1940-х гг. СССР производил больше самолетов, чем Германия. Однако в фашистском рейхе в это время выпускались самолеты только новых типов, а в Советском Союзе — новых и старых конструкций.

Поэтому с конца 1940-х гг. среди авиастроителей развернулась напряженная борьба за ускоренное серийное освоение лучших типов боевых машин. С марта 1941 г. авиапромышленность СССР перешла на суточный график, что повысило четкость и ритмичность ее работы. И если в 1940 г. производство новых типов самолетов было весьма незначительным, то в течение первой половины 1941 г. авиапромышленность дала уже 146 истребителей новых типов, 548 бомбардировщиков Пе-2 и 249 штурмовиков Ил-2. За первое полугодие 1941 г. авиационная промышленность СССР выпустила новых самолетов: МиГ-3 — 1289, ЛаГГ-3 — 322, Як-1 — 335, Ил-2 — 249, Пе-2 и Пе-3 — 458³³.

Всего за три с половиной довоенных года страна получила более 22 тыс. боевых самолетов.

Несмотря на то, что к началу войны парк советских ВВС был значительно пополнен, большую часть из них все еще составляли машины устаревших конструкций. Например, в общем парке боевых самолетов было 82,7% старых типов и только 17,3% — новых. К сожалению, и некоторые самолеты новых типов по ряду тактико-технических данных уступали германским. Главный не-

достаток заключался в слабом вооружении и низкой живучести. На 1 июня 1941 г. только 9,8% общего количества истребителей имели пушечное вооружение, остальные — 90,2% — пулеметное. Ударная сила бомбардировщиков и штурмовиков в целом была также низкой. В своем боекомплекте они, как правило, не имели достаточно эффективных средств борьбы с танками и мотомеханизированными войсками противника. Заметно ослабляла боевую мощь ВВС страны и недостаточная готовность ее летного состава. К полетам в действительно сложных условиях военного времени к июню 1941 г. сумели подготовиться только отдельные соединения, а к ночным полетам — не более 15% летного состава.

Фашистская агрессия, таким образом, застала ВВС страны и ее авиапромышленность в стадии широкой реорганизации, повышения квалификации и мастерства всех кадров авиаторов.

И все же следует считать большим достижением тот факт, что к лету 1941 г. производственные мощности советской авиационной промышленности уже почти в 1,5 раза превышали мощности авиазаводов Германии. В целом производственная авиабаза СССР была подготовлена к запуску в серийное производство новых высококачественных боевых самолетов, что позволило в первые месяцы войны, несмотря на сложнейшие условия, достаточно быстро организовать их массовый выпуск.

Немало делалось и в области танкостроения. Серийное производство танков в СССР началось за десять лет до начала Второй мировой войны и из года в год приобретало все больший размах. Уже в 1933—1935 гг. ежегодный выпуск танков значительно превышал масштабы производства бронетанковой техники в других странах. В стране сформировались два мощных центра танкостроения — в Ленинграде и Харькове. Накануне фашистской агрессии танки, танковые моторы и броню производили 9 заводов.

К началу Второй мировой войны значительная часть танков (Т-37, Т-38, Т-26, Т-35 и ВТ), находившихся на вооружении Красной Армии, устарела, и перед советскими танкостроителями во весь рост встала задача — создать новые образцы машин, отличавшиеся высокими тактико-техническими характеристиками. Танкостроительная промышленность была выделена в самостоятельную отрасль. Своевременная специализация сыграла положительную роль в деле развертывания массового производства, совершенствования конструкции танков и развития моторостроительной базы. Важное значение имело создание в 1938 г. нового танкового двигателя — дизельного мотора В-2. На Кировском заводе (г. Ленинград) в результате напряженной работы группы конструкторов во главе с Н. Л. Духовым и всего конструкторского коллектива (начальник конструкторского бюро Ж. Я. Котин) был создан принци-

пиально новый образец тяжелого танка КВ, что сыграло важную роль в развитии как отечественной, так и мировой танковой техники. На нем установили 76-мм пушку. В декабре 1939 г. танк КВ был принят к производству и на вооружение Красной Армии.

В следующем году коллектив конструкторов Харьковского завода под руководством М.И. Кошкина (главный конструктор), А.А. Морозова и Н.А. Кучеренко создал лучший в мире по тому времени танк Т-34. Его творцам удалось блестяще решить проблему оптимального сочетания надежной бронезащиты, высоких показателей огневой мощи, эффективного вооружения, подвижности и большой маневренности. В 1940 г. два танка Т-34 первого выпуска совершили пробег по маршруту Харьков-Москва. После их демонстрации руководству страны было вынесено решение о начале серийного производства Т-34 для вооружения Красной Армии.

В 1940 г. удалось изготовить только 246 танков КВ и 115 (при плане — 600) танков Т-34. Сказались трудности организационного и технологического порядка. Правда, в первом полугодии 1941 г. выпуск новых боевых машин значительно увеличился: за это время промышленность дала стране 393 танка КВ и 1110 танков Т-34. И что особенно важно: если с 1931 по 1936 г. в общей массе выпущенных танков удельный вес средних и тяжелых составлял 24%, то накануне фашистского нападения их доля возросла до 43%³⁴. Но и этого количества было явно недостаточно для перевооружения армии. Для сравнения отметим, что в этом же году в фашистской Германии было выпущено 1,4 тыс. средних танков новых типов.

Хотя производственные мощности советского танкостроения к лету 1941 г. в 1,5 раза превышали мощность танковой промышленности Германии, выпуск танков не соответствовал производственным возможностям наших заводов.

За годы довоенных пятилеток в СССР была также создана прочная промышленная база для производства боеприпасов. Созданный в январе 1939 г. Наркомат боеприпасов возглавлял И.П. Сергеев, а с марта 1941 г. — П.Н. Горемыкин. Темпы ее развития резко возросли в 1939 г. В июне этого года Комитет обороны при СНК СССР утвердил мобилизационный план по боеприпасам, который предусматривал увеличение выпуска боеприпасов в 4,6 раза по сравнению с 1937 г. В соответствии с планом в стране развернулось строительство 24 заводов и одного комбината по производству боеприпасов, а также реконструкция 28 заводов. Уже в 1941 г. отечественная промышленность способна была выпустить боеприпасов более, чем втрое по сравнению с 1940 г. Только с января по июнь 1941 г. производство боеприпасов по важнейшим видам увеличилось на 66%³⁵.

Быстро развивалась и советская военная судостроительная промышленность, располагавшая 21 заводом с хорошо оборудованными стапелями, развитой сетью конструкторских бюро и научно-исследовательских институтов. Над созданием новых военных судов плодотворно трудился большой коллектив известных ученых, инженеров, конструкторов, и среди них: С.В. Киткин, В.Е. Костенко, А.Н. Маслов, Б.М. Малинин, В.Ф. Попов и др.

Накануне Второй мировой войны в СССР была разработана пятилетняя судостроительная программа, рассчитанная на значительный рост Военно-Морского Флота: на заводах было заложено 100 подводных лодок и более 120 надводных кораблей, в том числе 3 линкора, 2 тяжелых крейсера, 9 легких крейсеров и др. Однако строительство «большого океанского флота» требовало огромного количества металла и производственных мощностей. В 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принял решение о резком сокращении числа строящихся линкоров и тяжелых крейсеров. Основные усилия были перенесены на строительство легких сил флота. В течение 1939–1940 гг. мощности судостроения увеличились в 3 раза. За первые три года третьей пятилетки промышленность передала Военно-Морскому Флоту 265 новых боевых кораблей различных классов.

Таким образом, все отрасли военного производства СССР накануне Великой Отечественной войны расширили свои производственные мощности. Были приняты меры к модернизации самолетов и танков в соответствии с мировыми военными достижениями, сделан шаг вперед в дальнейшем совершенствовании артиллерийского и стрелкового вооружения, возросло производство боеприпасов.

Если степень оснащения Красной Армии на 1 января 1937 г. взять за 100%, то к 22 июня 1941 г. количество винтовок в ней возросло в 2,5 раза, пулеметов — почти в 2 раза, минометов — в 35 раз, противотанковых орудий — почти в 4 раза, танковых пушек — в 2,5, зенитных орудий — в 5, орудий крупных калибров — 3,5 раза³⁶. Что касается состояния военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии, то несомненно одно: созданный самоотверженными усилиями народа военно-экономический потенциал страны не только обеспечивал важнейшие потребности Вооруженных Сил СССР накануне вражеского нападения, но и был способен даже в тяжелейших условиях войны значительно наращивать свое военное производство. Именно этот прочный и надежный потенциал послужил материальной основой достижения Великой Победы над фашистским блоком.

- 1 Промышленность СССР: Статистический сб. М., 1957. С. 10.
- 2 Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 15; По единому плану. М., 1971. С. 84.
- 3 История социалистической экономики СССР. М., 1979. Т. 5. С. 47.
- 4 История Коммунистической партии Советского Союза. 1938—1958 гг. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 141.
- 5 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3 (1941—1952). М., 1968. С. 23.
- 6 История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1971. Т. IX. С. 322.
- 7 История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 73.
- 8 Там же. С. 323.
- 9 Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. М., 1984. Т. 3. С. 114.
- 10 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. С. 340; По единому плану. С. 84.
- 11 *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941—1945. М., 1988. С. 46.
- 12 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. С. 317.
- 13 Там же. С. 344.
- 14 Промышленность СССР. Статистический сб. М., 1957. С. 106.
- 15 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 25. Д. 1376. Л. 173—174.
- 16 Архив Института военной истории МО РФ. Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 6.
- 17 Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический сб. М., 1959. С. 156.
- 18 Социалистическое народное хозяйство в 1933—1940 гг. М., 1963. С. 531.
- 19 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. С. 362.
- 20 Там же. С. 363.
- 21 *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 154.
- 22 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 44. Д. 627. Л. 32; По единому плану. С. 84.
- 23 Коммунист. 1982. № 10. С. 84—85.
- 24 *Куманев Г. А.* Трудный путь к победе. 1941—1945 гг. М., 1995. С. 5; Шаги пятилеток: Развитие экономики. М., 1968. С. 113.
- 25 Москва. 1988. № 5. С. 167.
- 26 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 203.
- 27 Там же. С. 206.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 69.
- 31 *Шахурин А. И.* Крылья Победы. М. 1985. С. 68.
- 32 Там же.
- 33 Военно-исторический журнал. 1971. № 2. С. 11.
- 34 Там же.
- 35 *Куманев Г. А.* 1941—1945. Краткая история, документы, фотографии. М., 1982. С. 15.
- 36 Центральный архив МО РФ (ЦАМО). Ф. 81. Оп. 12079. Д. 4. Л. 31—36.

Е. С. Сенявская

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг.: ЭПИЗОД НА ФОНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ*

В статье рассматривается предыстория советско-финляндской войны 1939–1940 гг., мотивация руководства СССР при принятии решения о ее начале, а также политические и иные последствия локального конфликта в контексте Второй мировой войны. Показаны приемы и методы советской и финской пропаганды, ее влияние на настроения в армии и обществе воюющих сторон. Анализируется позиция западных держав в ходе конфликта, их планы и намерения вступить в войну на стороне Финляндии. Приводятся современные оценки Зимней войны в политических и исторических дискуссиях.

Ключевые слова: СССР, Финляндия, Зимняя война, предыстория конфликта, международная обстановка, внешняя политика, пропаганда, общественные настроения, современные политические оценки

Одним из событий, совпавших по времени с начальным периодом Второй мировой войны, стала Советско-финляндская, или Зимняя война 1939–1940 гг. В советской и российской историографии она рассматривается как «отдельный двусторонний локальный конфликт, не являющийся частью Второй мировой войны», тогда как по мнению ряда зарубежных историков, это «наступательная операция СССР против Финляндии во время Второй мировой войны»¹.

Безусловно, в международных отношениях того времени все события теснейшим образом взаимосвязаны, и «финская война», начавшаяся 30 ноября 1939 г. как локальный военный конфликт, вполне могла перерасти в новый фронт мировой войны, с втягиванием в боевые действия многих стран и народов. Однако этого не случилось, так как «малая война» продолжительностью в 105 дней завершилась 12 марта 1940 г. подписанием Московского мирного договора, и те, кто всерьез планировал выступить против Советского Союза², просто не успели в ней поучаствовать.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

За последние два десятилетия произошло переосмысление и сделаны переоценки многих событий советской истории³. Советско-финляндская война одной из первых попала под прицел «перестроечной критики»⁴, которая связала ее с последствиями Советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и Секретного дополнительного протокола к нему⁵, определявшему разграничение сфер интересов СССР и Германии, согласно которому в сферу интересов СССР вошла и Финляндия. Так, докладывая на II Съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г. о выводах комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г., председатель комиссии А.Н. Яковлев огласил одно из высказанных в ходе ее работы мнений: якобы главным мотивом Сталина при заключении договора о ненападении «было не само соглашение, а именно то, что стало предметом секретных протоколов, то есть возможность ввода войск в прибалтийские республики, в Польшу и Бессарабию, *даже в перспективе в Финляндию [выделено мной. — Е.С.]*. То есть центральным мотивом договора были имперские амбиции»⁶. В конце своего доклада А.Н.Яковлев патетически восклицал: «История сама себе прокурор и судья. Но, погружаясь в нее, мы не можем абстрагироваться от того, что предвоенные события развивались в другой системе координат. Тогда страны еще не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию; голос мыслителей, увидевших предел цивилизации, перекрывался топотом солдатских сапог и овациями в честь вождей; судьбы мира вершились замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и эгоизмом, демагогией и отстраненностью от масс; уделом народов многие хотели навсегда сделать обслуживание этих групп, да еще участие во взаимном истреблении. Понадобилось ввергнуть мир в пучину безумия, прежде чем идея взаимосвязанности и судеб, и коллективных действий во имя избавления Земли от тирании и возрождения мира начала утверждаться как объективная истина...»⁷.

На следующий день, 24 декабря 1989 г. было принято Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», где говорилось, что «протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939—1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпри-

нятые в них разграничения «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран... Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств»⁸.

Многие решения принимались тогда поспешно, под влиянием эмоций, на волне «гласности» и «нового политического мышления». Сегодня мы понимаем, что оценка прошлого как с позиций «абстрактного гуманизма», так и под давлением изменившейся политической конъюнктуры или из соображений «политкорректности» неизбежно искажает причинно-следственные связи и понимание самой сути исторического события, наносит удар по исторической памяти как основе национального самосознания.

Так произошло и с оценкой советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Между тем, предыстория этого конфликта намного сложнее, чем «результат имперских амбиций советского лидера», и расположена гораздо глубже по шкале времени, чем дипломатические игры конца 1930-х годов⁹. Взаимоотношения Советской России с Финляндией были крайне напряженными уже с момента обретения последней государственной независимости в результате распада Российской Империи и Октябрьской революции 1917 г., о чем свидетельствуют две советско-финских войны (1918–1920 и 1921–1922 гг.)¹⁰. Причем инициатором обеих выступала именно Финляндия, политическим и военным путем пытавшаяся отторгнуть у Советской России часть территорий на Северо-Западе страны. Так, после первой советско-финской войны, согласно заключенному 14 октября 1920 г. Тартускому (Юрьевскому) мирному договору, к Финляндии на севере, в Заполярье, отходила вся Печенгская область (Петсамо), часть полуостровов Средний и Рыбачий и ряд островов в Баренцевом море. Новая морская граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива. Однако территориальные уступки со стороны ослабленной Советской России не умерили аппетиты наиболее радикальных финских политиков, и менее чем через год началось новое финское вторжение на территорию РСФСР. В общей сложности за период с 1918 по 1922 гг. «финской стороной было совершено 6 вооруженных походов в пограничные с Финляндией территории России (в Беломорскую Карелию, Олонец, Реболы и Посозеро, Печенгу, в Ингерманландию). Кроме того, в период с 11 августа 1921 по 20 февраля

1922 г. она оказывала помощь беломорским партизанам в борьбе с советской властью на территории Беломорской Карелии»¹¹.

Но и в дальнейшем политика Финляндии оставалась враждебной по отношению к СССР. Аннексионистские настроения среди финских политиков и в обществе сохранялись все 1920-е — 1930-е гг., не раз реализуясь в политических провокациях, враждебных СССР стговорах и планах, в том числе военного характера.

На протяжении 1920-х — 1930-х гг. Финляндия активно искала сближения (включая военные союзы) со странами Прибалтики, Польшей, Швецией, Англией, Германией, договариваясь с ними о возможных совместных действиях против Советской России. Так, в 1922 г. в Варшаве министрами иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии было подписано политическое соглашение, по существу оформившее Балтийский союз, направленный на совместное противостояние СССР¹². В своих отношениях со Швецией, Англией и Германией Финляндия готовилась предоставить свою территорию в качестве плацдарма для нападения на СССР. В то же время переговоры 1926 г. о заключении — по инициативе СССР — советско-финского договора о ненападении оказались безрезультатны.

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. обстановка на советско-финляндской границе вновь обострилась, что явилось отголоском активизировавшегося движения за создание «Великой Финляндии», выхода на политическую арену влиятельных, агрессивно настроенных сил, «проявляющих заинтересованность в расширении территории страны за счет Советского Союза»¹³. В Финляндии с новой силой развернулась антисоветская пропаганда. Напряженность в отношениях нарастала. В 1930 г. оперативный отдел финского Генерального штаба подготовил записку о взаимодействии вооруженных сил Финляндии и Эстонии в грядущей войне против СССР. Помимо прочих мер, этим планом предусматривалось минирование советских территориальных вод, а главное — организация «мощного наступления из Финляндии на Ленинград и базу Балтийского флота»¹⁴. Просочилась информация о финско-польских переговорах о военном сотрудничестве. И хотя 21 января 1932 г. по инициативе СССР был наконец подписан советско-финский договор о ненападении¹⁵, ситуация оставалась тревожной.

В 1933 г., в связи с приходом к власти в Германии Гитлера, правые круги Финляндии стали всерьез рассчитывать на то, что «сильная в военном отношении Германия сможет упрочить позиции Финляндии и поддержать ее притязания на Восточную Карелию», а известный своими прогерманскими симпатиями президент П.Э. Свинхувуд высказался следующим образом: «Любой враг

России должен быть всегда другом Германии. По своему существу финский народ является другом Германии»¹⁶. С этого момента стали активно развиваться германо-финляндские контакты, в том числе в сфере военного сотрудничества, закупки вооружений, обмена разведывательной информацией и т.п. Финские газеты, пропагандировавшие «дружбу» с Германией, напоминали читателям о том, что высадившиеся в 1918 г. на территории Финляндии немецкие войска «помогли ей обрести независимость». В 1934–1935 гг. маршал Маннергейм совершил несколько неофициальных визитов в Германию, в результате которых, по данным советской разведки и дипломатических кругов ряда зарубежных стран, было достигнуто соглашение об использовании Финляндии «в качестве базы для развертывания германского флота и воздушных сил против СССР»¹⁷, разумеется, в обмен на обещание получить Советскую Карелию. В результате у руководства Наркомата Иностранных дел сложилось вполне обоснованное мнение, что «после Японии, Германии и Польши Финляндия является ... по своим замыслам наиболее агрессивной страной»¹⁸.

О враждебных намерениях финской стороны в конце 1930-х гг. свидетельствовал целый ряд фактов. Так, летом 1939 г. в Финляндии с «инспекционной поездкой» в приграничные с СССР районы побывал начальник Генерального штаба германской армии Ф. Гальдер, а также группа офицеров немецкой разведки во главе с адмиралом Ф.В. Канарисом¹⁹. В августе 1939 г. на Карельском перешейке состоялись крупные военные маневры финской армии «по отражению советского наступления на «линию Маннергейма», причем на них были приглашены все аккредитованные в Финляндии военные атташе, кроме советского²⁰. Сталин, по воспоминаниям К.А. Мерецкова, расценил это как готовность Финляндии к участию в войне против СССР в составе антисоветской коалиции: «Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР. А Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны»²¹. Таким образом, советское руководство весьма обоснованно рассматривало Финляндию как вероятного противника в надвигающейся войне. Причем «в Москве наиболее опасным считали не вероятность выступления самой Финляндии против

СССР, а использование для этой цели ее территории западными державами»²².

У советского руководства были вполне реальные основания опасаться финской угрозы в преддверии разгоравшейся Второй мировой войны, особенно учитывая, что один из важнейших центров страны — Ленинград — находился менее чем в 40 км от границы с опасным, агрессивным соседом.

Тем не менее, в 1938—1939 гг. СССР пытался достичь компромисса дипломатическим путем. Но тенденция ухудшения советско-финских отношений на протяжении первой половины 1939 г. только усиливалась, а затем из-за отсутствия прогресса на переговорах начались военные приготовления с обеих сторон. В начале октября финское командование объявило частичную мобилизацию, начало переброску войск к советско-финской границе. К 11 октября мобилизация закончилась. На следующий день, 12 октября, финская делегация прибыла в Москву на переговоры, где 13 октября ей было предложено заключить пакт о взаимопомощи между Финляндией и СССР²³. Предложение советской стороны было отвергнуто. 14 октября финской делегации была направлена «Памятная записка», в которой «фактически содержалось требование передать СССР ряд островов Финского залива, часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий и предоставить в аренду часть полуострова Ханко. В качестве компенсации Финляндии предлагалась вдвое большая территория в Восточной Карелии»²⁴. «Поскольку Ленинград нельзя переместить, — говорил финнам Сталин, — мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда... Мы просим 2700 кв. км и предлагаем взамен более 5500 кв. км».²⁵ Финны и на этот раз решительно отказались. 13 ноября переговоры закончились, не приведя ни к каким результатам, и финская делегация вернулась в Хельсинки²⁶.

За месяц до начала войны, на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Председатель СНК СССР и нарком иностранных дел В.М. Молотов делал доклад о внешней политике Правительства: «...Главный, после Москвы, город советского государства — Ленинград, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. Это значит, что Ленинград находится от границы другого государства на расстоянии меньшем, чем это нужно для артиллерийского обстрела из современных дальнобойных орудий. С другой стороны, морские подступы к Ленинграду также в значительной мере зависят от того, враждебную или дружественную позицию в отношении Советского Союза занимает Финляндия, которой принадлежит вся северная часть побережья

Финского залива и все острова вдоль центральной части Финского залива»²⁷. Далее он подчеркнул: «...в современной международной обстановке, когда в центре Европы разворачивается война между крупнейшими государствами, чреватая большими неожиданностями и опасностями для всех европейских государств, Советский Союз не только имеет право, но и обязан принимать серьезные меры для укрепления своей безопасности. При этом естественно, что Советское Правительство проявляет особую заботу относительно Финского залива, являющегося морским подступом к Ленинграду, а также относительно той сухопутной границы, которая в каких-нибудь 30 километрах нависла над Ленинградом»²⁸.

Через месяц после окончания боевых действий, 17 апреля 1940 г., в своем выступлении на совещании высшего командного состава РККА И.В. Сталин рассуждал о том, «нельзя ли было обойтись без войны?»: «Мне кажется, что нельзя было, — говорил он. — Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30—35% оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны...»²⁹. И, касаясь сроков начала войны, утверждал, что «решение вопроса» откладывать было нельзя, необходимо было воспользоваться «международной обстановкой», когда «на западе три самых больших державы вцепились друг другу в горло» и «руки у них заняты», но неизвестно — надолго ли, так как война там «какая-то слабая», «вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено», и благоприятная обстановка будет упущена³⁰.

Поводом для начала войны стал артиллерийский обстрел советских солдат у приграничной деревни Майнила 26 ноября 1939 г., произведенный, как сообщило московское радио, с территории Финляндии. «Историки до сих пор спорят, что же в действительности произошло в Майниле. Доказательств в пользу официальной советской версии инцидента или для ее опровержения пока не найдено»³¹.

Не вдаваясь в подробности дискуссии, развернувшейся в историографии по поводу «инцидента в Майниле» в последние два десятилетия³², приведем отрывок из сборника «Бои в Финляндии. Воспоминания участников», изданного в 1941 г. Речь здесь идет о реакции советских бойцов на известие об обстреле и о гибели товарищей:

«Пулеметчик Спокойчев Дмитрий — высокий и стройный, горячий, страстный — громко сказал:

— Когда выстрелы были — мое сердце огнем занялось! К бою я готов! Как и все мои товарищи! Так я хочу товарища Молотова попросить: «Давайте, товарищи правительство, приказ скорее. Время за все рассчитаться с врагами! Терпения нашего нет».

Всюду — жаркое волнение. Уже обсудили товарищи и сообщение ТАСС, и ноту советского правительства, направленную Финляндии. Всяду — одно: к бою готовы, не терпят, скорее бы приказ.

В кругу бойцов поднимается командир пулеметчиков лейтенант Яковлев, и все слушают его с огромным вниманием.

— Быть готовым — это правильно... Недалек час. А сколько мы перенесли от провокаций, от злобы врага. *Я девять лет на финской границе. Провокациям счет потерял* [выделено мной — Е. С.]. Ну, скоро и провокаторам, и тем, кто ими там управляет, будет крышка...»³³.

Разумеется, и сам сборник, и приведенный отрывок под названием «Что случилось в районе Майнилы» за авторством Вл. Ставского, следует воспринимать критически, как типичный продукт пропаганды своего времени. Однако строчка из высказывания лейтенанта-пограничника — «*Я девять лет на финской границе. Провокациям счет потерял*» — отражает реальную ситуацию напряженной обстановки не только накануне войны, но и на протяжении многих предвоенных лет. Так что и без Майнилы для начала войны можно было найти достаточно поводов, поэтому обвинения в адрес СССР в том, что это была специально подготовленная «фальшивка», выглядят неубедительно.

28 ноября было объявлено о денонсации Договора о ненападении с Финляндией. В своем выступлении по радио 29 ноября 1939 г. В.М. Молотов заявил: «Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности... Запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, [оно] не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом ... и считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций. Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о не-

нападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии»³⁴.

Ранним утром 30 ноября 1939 г. под прикрытием артиллерийского огня части Красной Армии перешли советско-финскую границу и развернули наступление вглубь финской территории. Война продолжалась три с половиной месяца и закончилась 12 марта 1940 г. подписанием мира на советских условиях.

Это было столкновение огромной державы с небольшой соседней страной с целью решить свои геополитические проблемы. Ход и исход этой войны известен. Непропорционально большими жертвами СССР удалось вынудить Финляндию отдать часть стратегически и экономически важных территорий. Известен и международный резонанс этого конфликта: начатый в контексте разворачивающейся Второй мировой войны, он вызывал ассоциации с германскими вторжениями в Австрию, Чехословакию и Польшу и привел к исключению СССР из Лиги Наций как агрессора. Все это должно было воздействовать и на взаимное восприятие непосредственных участников боевых действий с обеих сторон.

Пропагандистская кампания в СССР в целях морально-психологической мобилизации населения при подготовке к войне была масштабной и массивной. Суть ее отражают многочисленные сообщения советских газет того времени. Приведем для примера заголовки только двух из них — «Красной звезды» и «Ленинградской правды» за 27–29 ноября 1939 г.³⁵ Они содержат обвинения финской стороны в провокации конфликта для объяснения и мотивации «ответных действий» СССР: «Наглая провокация финляндской военщины», «Поджигатели войны не уйдут от ответственности», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Провокаторам не сдобровать!», «Долой провокаторов войны!», «Уничтожим врага, если он не образумится», «Проучить бандитов!», «Унять обезумевших гороховых шутов», «Не позволим финской военщине держать Ленинград под угрозой», «Ответить тройным ударом!», и т.д. Ряд заголовков был посвящен «отношению общественности» к позиции советских и финских властей, причем тезис «Одобряем внешнюю политику СССР» дополнялся утверждением «Финский народ осуждает политику марионеточного правительства», а чувства «Гнев и возмущение» — практическим выводом «Всегда готовы выступить в бой». Другие заголовки обрисовывали перспективу: «Великий советский народ сметет и развеет в прах обнаглевших поджигателей войны», «Поджигатели войны будут биты», и т.п. Все эти лозунги подкреплялись утверждениями о советской мощи: «Советский Союз неприступен», «Страна Советов непобедима»,

«Красная Армия — несокрушимая сила», «Готовы разгромить врага на его же территории».

Тональность и аргументация советской официальной пропаганды хорошо отражена в стихотворении Василия Лебедева-Кумача «Расплаты близок час»³⁶, опубликованном на другой день, 30 ноября 1939 г., в газете «Известия». Оно было размещено в том же номере газеты, что и речь Молотова, и фактически явилось ее образно-поэтической иллюстрацией с целью усиления эмоционального воздействия на читателя. То, что не мог позволить себе Глава правительства (хотя и он не особенно стеснялся в выражениях), в полной мере воплотил в своем произведении официальный поэт-пропагандист, выполнявший вполне определенный политический заказ. Говоря от лица народа и одновременно обращаясь к нему, В. Лебедев-Кумач начал с ритуальной лести в адрес советских вождей («*Закалкой сталинской и правдой мы сильны...*»), упомянул об «исполненной мудрости» речи Молотова. Далее идет, с одной стороны, — подчеркивание справедливости советской позиции, а с другой, — обвинение, уничтожение и даже оскорбление финского руководства. Приведа обобщение «принципиальной установки СССР» («*Неправой никогда мы не ведем войны, / Мы — первые враги разбоя и захвата!*»; «*Любой народ земли мы рады уважать...*»), поэт приводит аргументацию агрессивных действий советской стороны, стараясь преподнести их как вынужденные и справедливые («*Мы не хотим войны, но мы должны беречь / Покой своих границ — и берега и воды!*»; «*Держать под выстрелом наш славный Ленинград / Мы не дадим продажной, наглой своре!*»; «*Но пусть не смеет нам оружием угрожать, / Правительство шутов и генеральской швали!*» и т.д.). Вторая половина стихотворения представляет собой чередование продолжающихся оскорблений («*вояки-провокаторы*», «*предатели*», «*бешеные собаки*», «*кровавые шуты*» и т.п.) с угрозами («*И черной крови вашей мы прольем озера!*»; «*Расплаты близок час! Она наступит скоро!*»), в которых главным аргументом звучит мощь и сила, неисчерпаемость ресурсов («*Огромен наш Союз и гнев его огромен!*»). Завершается этот «образец» художественно-пропагандистского творчества уверенностью в расколе между властями и народом Финляндии («*Вы подло погубить хотите свой народ, / Но ваши подлости поймет народ Суоми!*»). Но этим надеждам не суждено было оправдаться, и финский народ оказал весьма ожесточенное сопротивление превосходящим силам противника.

Однако следует отметить, что при всех перехлестах советской пропаганды, реальная психологическая и официальная идеологическая мотивировка в советско-финляндской войне в основном совпадали. В очень сложной международной обстановке, в усло-

виях уже начавшейся Второй мировой войны Советское Правительство действительно было озабочено проблемой безопасности границ, особенно в столь важной их части, как район, примыкающий к Ленинграду. Вот что впоследствии написал об этом в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев: «Было такое мнение, что Финляндия будет предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина... Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера... Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить... Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах»³⁷. Кстати, в секретной телеграмме, разосланной статс-секретарем германского МИД Э. фон Вейцекером 2 декабря 1939 г. германским дипломатическим миссиям, «финско-русский конфликт» трактовался как «естественная потребность России в укреплении безопасности Ленинграда и входа в Финский залив»³⁸.

Каким же было отношение к войне участвовавших в ней советских войск?

Диапазон мнений оказался весьма широк — от сомнений в правомерности действий советской стороны до откровенно циничной позиции, согласно которой «сильный всегда прав». Так, в донесении Политуправления Ленинградского военного округа начальнику Политуправления РККА Л.З. Мехлису от 1 ноября 1939 г. говорится о систематической работе по разъяснению вопросов международного и внутреннего положения в частях округа «путем проведения бесед, докладов, лекций, чток и консультаций». «Настроение личного состава всех частей в связи с докладом т. Молотова [на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР — Е.С.] и редакционной статьей «Правды» от 3 ноября — боевое»³⁹, — сообщается в донесении. Однако вслед за этим утверждением приводятся следующие факты, свидетельствующие о том, что настроения эти были не столь однозначны:

«Красноармеец 323 арт. полка Чихарев говорит: “Финляндия не приняла мирных предложений СССР и этим самым дала понять,

что не хочет дружбы. Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров»...

Младший командир 54-ой отд. зен. артдива Полин в беседе заявил: «Зачем СССР настаивать на требованиях в переговорах с Финляндией в отношении территории, ведь Финляндии тоже нужна эта территория. 20 лет она не обстреливала, а если и будет обстреливать, то постреляет и перестанет. Мы ведь японцам не отдали высоты Заозерной. Не являются ли наши требования агрессивными?».

По этим высказываниям военком т. Летуновский провел беседу с уделением особого внимания новой постановке вопроса об агрессии?»⁴⁰.

В целом пропаганда оказывала сильное влияние на советских людей, в том числе в действующей армии. Даже столкнувшись с реальной силой противника и с тяжелыми потерями, советские бойцы сохраняли уверенность в победе, опираясь в частности на стереотип в соотношении сил великой державы и маленькой страны. Вот, например, строчки из письма младшего лейтенанта М.В. Тетерина жене от 27 декабря 1939 г.: «Вы, вероятно, читали в газетах за 24/ХІІ об итогах военных действий в Финляндии за три недели, где все подробно рассказано. Как видите, жертв уже есть порядочно, вместе с ранеными около 9 тыс. человек. Вероятно, заметно это и у вас в Петрозаводске, так как ты, Катя, пишешь, что уже дежурила в госпитале. Но ничего, не надо падать духом, все равно победа будет за нами и «козявке» слона не победить»⁴¹.

Чем дольше продолжалась война, тем слабее становилось воздействие идеологических штампов, и критичнее воспринималась реальность. Одновременно росло уважение к противнику, а собственное подавляющее превосходство в силе воспринималось уже в ином, драматическом контексте. Все это отразилось в письме красноармейца П.С. Кабанова к родным от 1 марта 1940 г., где в одной короткой фразе смешались самые разнообразные чувства — отчаяние и страх погибнуть, и высокая оценка боевых качеств неприятеля, и слабая надежды выжить, но лишь потому, что нас гораздо больше, чем врагов: «Несмотря на то, что финны прекрасно стреляют, но всех же нас здесь не перебьют...»⁴². Всех, конечно, не перебили, но сам красноармеец Кабанов погиб несколько дней спустя...

Далеко не однозначным было отношение к этой войне и в советском тылу, при всей активности пропагандистского воздействия. Слухи, просачивавшиеся с фронта и о ходе военных действий, и о наших потерях, и о поведении финнов, существенным образом расходились с газетными сообщениями, что заставляло

людей думать и переоценивать сложившиеся стереотипы и установки. Например, в дневнике А.Г. Манкова, проживавшего в одном из поселков в окрестностях Ленинграда, 14 января 1940 г. сделана следующая запись, фактически зафиксировавшая уважительно-сочувственное отношение к противнику: «Бабы в очередях о Финляндии говорят так: «Маленькая, да удаленькая»»⁴³. Сам же автор дневника в день окончания войны 13 марта 1940 г. высказал такую свою оценку ее итогов: «...Очевидно одно: война, если и выиграна стратегически ценой страшных потерь, политически проиграна позорно...»⁴⁴. Таким образом, ни на фронте, ни в тылу воздействие пропаганды оказывало далеко не абсолютное влияние на массовое сознание советских граждан, сохранявших способность весьма трезво и критично оценивать действительность.

Еще противоречивее воспринимался переход советской пропаганды от обоснования необходимости обеспечения безопасности Ленинграда к провозглашению освободительных целей Красной Армии в отношении народа Финляндии. Классовые идеи «освобождения от эксплуатации» с помощью советских штыков нашли свое отражение в газетных заголовках отчетов о многочисленных митингах трудящихся СССР «в поддержку решительных мер» Советского правительства. Недавняя терминология о «фашистах» ушла из советского пропагандистского лексикона в связи с заигрыванием с фашистской Германией. Пропагандистскими штампами стали такие выражения, как «белофинские бандиты», «финская белогвардейщина», «Белофинляндия» и др. Справедливости ради нужно отметить, что аналогичная пропаганда велась и в Финляндии, где в ходе антисоветской кампании финских рабочих призывали бороться против «большевистского фашизма»⁴⁵.

Естественно, финская сторона также идеологически обосновывала свое участие в Зимней войне, что нашло отражение прежде всего в приказе главнокомандующего вооруженными силами Финляндии К.-Г. Маннергейма о начале военных действий против СССР: «Доблестные солдаты Финляндии!.. Наш многовековой противник опять напал на нашу страну... Эта война — не что иное, как продолжение освободительной войны и ее последнее действие. Мы сражаемся за свой дом, за веру и за Отечество»⁴⁶.

Конечно, рядовые участники боев с обеих сторон отнюдь не мыслили формулами правительственных директив и приказов командования, однако последние, безусловно, накладывали отпечаток и на обыденное восприятие противника. Идеологические наслоения присутствуют во всех официальных документах, причем, с советской стороны в них доминируют классовые мотивы, а с финской — националистические и геополитические. Нужно учитывать

достаточно большую эффективность финской пропаганды на свое население, которая апеллировала к чувствам патриотизма и справедливости оборонительной войны. Однако, и позиция Финляндии в войне, и ее пропаганда также не были абсолютно действенны и безупречны. Сомнения о необходимости воевать с огромным могущественным соседом из-за относительно небольшого участка земли возникали даже у преданных бойцов финской армии. Вот что было записано в военном дневнике младшего сержанта Марти Салминена 12 февраля 1940 г.: «...Мне пришло в голову: а так ли необходимо воевать? Я знал, что СССР осенью требовал финские территории для своей безопасности. Исходя из того, что финское правительство выбрало войну против огромного народа, а не территориальную уступку, то, видимо, советские предложения были чрезмерны (Как я позже узнал, эти предложения были приемлемы). Я сравнивал вооружение противника с нашим. Артиллерии у врага было очень много, с нашей не сравнишь. Я знал, что где-то в тылу, за нашими позициями есть несколько финских орудий, которые стреляют редко в связи с нехваткой снарядов, я видел сотни самолетов неприятеля, а своего ни одного. Танков у противника было несчетно, а ни одного финского я за всю войну не встретил... Я ненавидел военную пропаганду. Нас заставляли верить в то, что армия врага всего лишь шайка одетых в лохмотья людей. Однако на практике оказалось, что обмундирование русских лучше, чем у нас: теплый ватник, валенки, шинели из толстого сукна. Лишь у немногих финнов были валенки. Я ненавидел пропаганду не только за лживость, но еще и за то, что она ослабляла боевой дух. Если в такое верили бы, то никакой мало-мальски порядочный человек не стал бы стрелять в беспомощного врага...»⁴⁷. Таким образом, финская пропаганда была столь же далека от реальности, что и советская, да и мотивация ее во многом оказывалась уязвимой. При этом «феноменом Зимней войны явилось то, что как одна, так и другая противоборствующие стороны считали ее справедливой, а окончание достойным. Советский Союз укрепил свои северо-западные рубежи. Финляндия сохранила независимость»⁴⁸.

* * *

Анализируя геополитическую ситуацию в контексте уже начавшейся Второй мировой войны, враждебных настроений элиты и политики правящих кругов Финляндии, можно прийти к выводу, что в конце 1939 г. у СССР объективно не было иных возможностей, кроме как силовым способом решить проблему обеспечения безопасности своих границ, проходивших в непосредственной близости от Ленинграда — крупнейшего индустриального, военно-

морского, политического, культурного и т.д. центра. Великая Отечественная война со всей очевидностью показала принципиальную верность этого решения, хотя и реализованного формально некорректно с точки зрения международного права и недостаточно эффективно в военном отношении. Однако попрание норм международного права в тот период стало «фактической нормой», реальной практикой межгосударственных отношений, пример чему показали «западные демократии» Мюнхенским сговором 1938 г.

Позиция СССР не была принята мировым сообществом. 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об «исключении» СССР из Лиги Наций, осудив его действия, направленные против Финляндского государства, как агрессию⁴⁹. 16 декабря в «Правде» по этому поводу было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором говорилось: «Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе. При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об «исключении» СССР.. Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может здесь остаться и в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки»⁵⁰. Заключительную фразу этого заявления о «свободных руках» следует рассматривать в сложном международном контексте, в котором велась дипломатическая и одновременно стратегическая игра со многими участниками. В ней одной из действующих сторон выступала фашистская Германия с уже определившимися союзниками, с другой — Англо-франко-американская, еще не вполне оформившаяся коалиция, и с третьей — СССР, вынужденный вследствие закулисных интриг «западных демократий» пойти на соглашение с Гитлером в целях отодвинуть надвигающуюся «большую войну» хотя бы на какое-то время⁵¹.

Впрочем, советско-финская война едва не обернулась для СССР втягиванием в ту самую «большую войну», которую руководство Советского Союза стремилось отодвинуть и успеть подготовить к ее началу более благоприятную для себя стратегическую обстановку (в том числе в Балтийском море и на Севере).

Серьезные изменения в международной обстановке после начала боевых действий Красной Армии против финских войск заключались не только в исключении СССР из Лиги Наций и развернувшихся во многих странах кампаниях в поддержку Финляндии, которой оказывалась финансовая, военная и широкомасштабная

пропагандистская помощь, в то время как по отношению к СССР со стороны США, Англии, Франции и некоторых других государств были предприняты дискриминационные меры. «Во многом это была лишь внешняя сторона общей картины. Поддержку Финляндии скрытно, ограниченная советско-германским договором, демонстрировала и Германия. Молниеносный разгром вермахтом Польши, которой западные союзники не оказали практической военной помощи, «странная война», а точнее, их бездействие на Западном фронте стали, по мнению англо-французских стратегов, неким основанием для их сближения с Германией. Союзники 19 декабря 1939 г. приняли решение направить в Финляндию экспедиционный корпус. В их штабах разрабатывались планы ударов силами англо-французских войск с севера на Ленинград и с юга на Баку с последующим развитием встречного наступления на Москву. Эскадрилья британских самолетов «блен-хейм» готовилась к бомбардировкам нефтепромыслов Кавказа»⁵². Как вспоминал впоследствии французский дипломат Ж. Барду, «проекты возможного мира распространялись за Ла-Маншем и германскими агентами. Мир был бы заключен за счет России, против которой сразу же после заключения перемирия выступил бы вермахт. Англия получила бы Туркестан. Границы Ирана и Турции оказались бы отодвинутыми до Каспийского моря. Италия имела бы долю участия в нефти, а Германия аннексировала бы Украину»⁵³. Таким образом, «создалась реальная угроза возникновения нового фронта второй мировой войны, угрожающего Советскому Союзу, с вовлечением в него великих держав и Скандинавских стран»⁵⁴. И только быстрое заключение мирного договора с Финляндией не позволило этим планам осуществиться.

Но были у советско-финляндской войны и другие последствия, тесно связавшие ее со Второй мировой.

Германский генерал К. Типпельскирх признавал, что «новый очаг войны на севере Европы» возник «независимо от войны между Германией и западными державами, но отчасти благодаря ей»⁵⁵. Он же дал следующую характеристику Красной Армии в Зимней войне: «Престиж русских в военном отношении сильно поколебался, хотя с самого начала было ясно, что финнам не избежать поражения. Спрашивалось: почему удалось достигнуть успеха только после трехмесячных кровопролитных боев? Конечно, наступление было начато слишком слабыми силами. Но русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, несли такие огромные потери во время борьбы за линию Маннергейма, что во всем мире сло-

жились неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительное влияние и на решения Гитлера»⁵⁶.

Таким образом, участие в «малой войне» не только не отодвинуло, но, возможно, только ускорило втягивание СССР в «большую войну», в которой всего через год ему предстояла встреча с гораздо более серьезным и опасным противником, чем Финляндия, — с фашистской Германией. Впрочем, и с Финляндией, ставшей в 1941 г. союзницей Гитлера, советским войскам пришлось снова воевать на одном из фронтов Великой Отечественной — Карельском, где места боев во многом совпадали с театром военных действий Зимней войны 1939—1940 гг.

¹ См.: Советско-финская война (1939—1940) // Википедия. Свободная энциклопедия. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-финская_война_\(1939-1940\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-финская_война_(1939-1940)).

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти томах. Т. 3. М., 1974. С. 43—48.

³ Например, проблемам истории советско-финляндской войны в 1995 г. был посвящен отдельный номер журнала «Родина», учредителем которого выступает Администрация Президента РФ и Правительство РФ. См.: «Граниты финские, граниты вековые». Мирная дискуссия о «зимней войне» // Родина. 1995. № 12. С. 34—42. Впоследствии своими «обличительно-разоблачительными» изысканиями наиболее отличились Борис Соколов и Павел Аптекарь. Так, книга последнего «Советско-финские войны» (несмотря на свое название «во множественном числе», посвященная одной Зимней войне 1939—1940 гг.) вышла под красноречивым девизом: «Самые позорные в истории русского оружия». См.: *Соколов Б.В.* Тайны финской войны. М., 2000; *Аптекарь П.А.* Советско-финские войны. М., 2004.

⁴ Документы комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. (Пояснительная записка комиссии II Съезду народных депутатов СССР от 14 декабря 1989 г.; Доклад председателя комиссии А.Н. Яковлева на Съезде 23 декабря 1989 г. и его выступление 24 декабря 1989 г.), а также Постановление Съезда от 24 декабря 1989 г. см.: 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 469—498.

⁵ См.: Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23 августа 1939 г. // Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы в двух томах. М., 1990. № 602; Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом // Там же. № 603.

⁶ Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года (Доклад председателя комиссии А.Н.Яковлева 23 декабря 1989 г. на II Съезде народных депутатов СССР) // Правда. 1989. 24 декабря.

⁷ Там же.

⁸ Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г. 24 декабря 1989 г. // Правда. 1989. 28 декабря.

⁹ О сотрудничестве финских сепаратистов с Германией в Первую мировую войну и об участии финских войск в интервенции против Советской России в Гражданскую войну см.: *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 126–132.

¹⁰ *Первая советско-финская война* началась в середине января 1918 г., в ходе Гражданской войны в России, вторжением финских отрядов на территорию Восточной Карелии и Заполярья (которые никогда не были частью шведско-финского государства и Великого княжества Финляндского). Официально объявлена правительством Финляндии 15 мая 1918 г. Завершилась 14 октября 1920 г. подписанием Тартуского мирного договора, которым была определена новая финско-советская граница и зафиксированы территориальные уступки в пользу Финляндии. Установленная договором граница сохранялась до 1940 г., когда по итогам советско-финской войны 1939–1940 г. между СССР и Финляндией был подписан Московский мирный договор, зафиксировавший ряд территориальных уступок в пользу СССР. *Вторая советско-финская война* — вооружённый конфликт между Советской Россией и Финляндией на заключительном этапе Гражданской войны в России. Началась 6 ноября 1921 г. вторжением финских войск на территорию Карелии. Официально не объявлена. Завершилась 21 марта 1922 г. подписанием в Москве Соглашения между правительствами РСФСР и Финляндии о принятии мер по обеспечению неприкосновенности советско-финляндской границы. См.: Советско-финские войны: Первая советско-финская война; Тартуский мирный договор между РСФСР и Финляндией; Вторая советско-финская война // Википедия. Свободная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki>. Также см.: *Соколов-Страхов К. И.* Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Л., 1927; *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа: (По материалам Комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6; *Ширококорд А. Б.* Финляндия-Россия. Три неизвестные войны. М., 2006.

¹¹ *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 56–57.

¹² *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 87.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ *Лескинен Я.* Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР // Цитадель. 2002. № 10.

¹⁵ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2-х т. Т. 1. / Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. СПб., 2003. С. 10.

¹⁶ Цит. по: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне. С. 115.

¹⁷ Там же. С. 138.

¹⁸ Там же. С. 139.

¹⁹ См.: Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. М., 1990. С. 67–68; *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 54.

²⁰ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Указ. соч. С. 55; Зимняя война. 1939–1940. Кн. 1. М., 1998. С. 88.

²¹ *Мерецков К. А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 178.

²² *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 27.

²³ Советский Союз и борьба за Скандинавский плацдарм // *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–

- 1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 144–146; *Широкоград А.Б.* Северные войны России. М.–Мн., 2001. С. 546.
- ²⁴ *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁵ Цит. по: *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁶ *Кабанен Павел.* «Двойная игра». Советско-финляндские переговоры 1938–1939 гг. // *Родина.* 1995. № 12. С. 43–48.
- ²⁷ *Молотов В.М.* О внешней политике Советского Союза. М., 1939. С. 12–17.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Зимняя война 1939–1940. В 2 книгах. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999. С. 272–273; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 32.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 28.
- ³² Свои версии по этому поводу высказывали П. Аптекарь, Охто Маннинен, С. Грачев, А.Э. Семенов, К. Филиппов и др. См.: *Аптекарь П.* Выстрелов не было // *Родина.* 1995. № 12. С. 53–55; *Охто Маннинен (Ohto Manninen).* Выстрелы были // Там же. С. 56–57; *Филиппов К.* Майнила. В дебрях лжи // <http://www.rkka.ru/analys/mainila/mainila2.htm>; Жестокое отрезвление: «Зимняя война» // *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007. С. 190–194.
- ³³ *Ставский Вл.* Что случилось в районе Майнилы (Из записной книжки) // *Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Часть I.* М., 1941. С. 22.
- ³⁴ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 7.
- ³⁵ Цит. по: Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. I. СПб., 2000. С. 26–27.
- ³⁶ Там же. С. 224.
- ³⁷ *Хрущев Н.С.* Воспоминания // *Огонек.* 1989. № 30. С. 11.
- ³⁸ СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989. С. 30.
- ³⁹ Цит. по: Советский Союз: годы испытаний. Великая Отечественная война. М., 1995. С. 29.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Принимай нас, Суоми-красавица! Ч. I. С. 195.
- ⁴² Там же. С. 198.
- ⁴³ Там же. С. 189.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Семиряга М.И.* Незнаменитая война // *Огонек.* 1989. № 22. С. 28–30.
- ⁴⁶ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 11.
- ⁴⁷ Военный дневник Мартти Салминена. Пер. с финск. // Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. II. СПб., 2000. С. 139.
- ⁴⁸ *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁹ После исключения СССР из Лиги Наций ее деятельность по существу прекратилась. Формально она была ликвидирована в апреле 1946 г. решением специально созданной Ассамблеи.
- ⁵⁰ Правда. 1939. 16 декабря.

⁵¹ См.: *Сенявский А.С.* Сталин – Гитлер: стратегическая дуэль с точки зрения теории игр // Военно-исторический архив. 2002. № 6. С. 60–74.

⁵² *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 31.

⁵³ Цит. по: *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 31–32.

⁵⁴ Там же. С. 32.

⁵⁵ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб.-М., 1999. С. 68.

⁵⁶ Там же. С. 73.

Т.С. Бушуева

О ВАЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПРЕДЫСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ОСНОВЕ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

Война — область недостоверного;
три четверти того, на чем
строится действие на войне,
лежит в тумане неизвестности...

Карл Клаузевиц

...ледокол «И. Сталин» продолжает свой
рейс с востока на запад...

газ. «Правда», 31 августа 1939 г.

В статье дана оценка состояния отечественной историографии и источников по проблеме предыстории Второй мировой войны; обосновывается тезис о том, что процесс начала Второй мировой войны хронологически раньше 1939 года. На базе новых документальных свидетельств рассмотрены события августа 1939 г., до сих пор являющиеся предметом острых споров на различных уровнях, показан характер мирового противоборства и роль ведущих держав в развязывании Второй мировой войны.

Ключевые слова: предыстория, Вторая мировая война, советско-германский пакт о ненападении, историография, источниковедение, финансовый капитал, геополитическая обстановка, мировая держава.

1. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ РАСТЯНЕТСЯ НА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Мировая историография и источниковедение истории Второй мировой войны к началу XXI в. насчитывают многие тысячи книг, статей и документальных публикаций, общий тираж которых исчисляется сотнями миллионами единиц печатной продукции¹. За

истекшие 70 лет после начала войны исследователями военной темы — как отечественными, так и зарубежными — осуществлена огромная работа по изучению предыстории, хода, последствий и уроков мировой войны, в ходе которой под ружье были поставлены 110 миллионов человек и погибло более 60 миллионов².

Вместе с тем очевидно, что проблема изучения истории Второй мировой войны растянется еще на десятилетия. Это обусловлено тем, что практически почти 70 лет исследователям военной темы был недоступен основной комплекс документов (в том числе и «ключевых») и главным образом по истории Великой Отечественной войны³ как важнейшей составляющей Второй мировой. В силу идеологической закрытости советских архивов и навязывания исследователям через структуры ЦК ВКП(б) (КПСС) и Главного Политического управления Советской Армии задачи подгонять историю под пропагандистские клише и восхвалять подвиги генсеков правящей партии в войне, многие проблемы военной темы, зачастую и не по вине авторов, так и остались вне их поля зрения, или замалчивались, или фальсифицировались в силу заданного.

Официозная советская концепция войны оставляла массу странностей и несуразностей, множество фактов, которые невозможно было объяснить с позиций логики и здравого смысла. И только в конце XX-начале XXI века появилась возможность обратиться к «ключевым источникам» первостепенной важности, к документам высших эшелонов государственной власти и ее лидеров, к «особым папкам» сверхсекретных материалов, к прежде закрытой статистике, к стенограммам конференций антигитлеровской коалиции и др. Эти новые документы, подчас, существенно изменили многие из прошлых оценок, позволив рассмотреть и раскрыть значительное число проблем, которые ранее, по причинам идеологическим и пропагандистским, (причем это было свойственно не только советской историографии, но, в определенной мере, и зарубежной), оказались запретными. И хотя пласт новейшей документалистики еще далеко не освоен, а многое еще по-прежнему так и недоступно (к примеру — закрыто значительное количество единиц хранения из фонда 558 (И.В. Сталина), закрыто более 100 дел по катыньскому делу, в Великобритании вновь засекречены материалы о миссии Гесса и др.), но, тем не менее, у современных исследователей появилось больше возможностей говорить и об актуальных и о все еще «болезненных» проблемах, опираясь на реальные, во многом ранее совершенно недоступные источники с тем, чтобы максимально полно воссоздать историю Второй мировой войны — и как великую победу народов, и как трагедию всего человечества. В настоящей статье затронуты лишь отдельные аспекты проблемы, главным образом предыстории Второй мировой войны.

2. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР «СПОЛЗАЕТ» ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

На протяжении уже многих десятилетий день 1 сентября 1939 г. официально считается датой начала Второй мировой войны⁴. Но справедливости ради надо сказать, что терминологическое определение войны как Второй мировой начало употребляться в официальных документах и выступлениях лидеров великих держав⁵ значительно позднее, когда война в действительности по своей сути стала мировой. А по терминологии того времени (имеется в виду в первый период Второй мировой войны) начавшаяся война называется или «европейской войной», или «второй войной», более того — стали классическими такие термины для военных составляющих этого периода: «странная война», «освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию», «Зимняя война». При исследовании причин войны необходимо иметь в виду следующее: если Первая мировая война началась с ее формального объявления и основные державы сразу вступили в войну, то во Вторую мировую войну мир «сползал» или по терминологии Молотова, «вползал» постепенно. Практически первой датой такого «сползания» капиталистического мира в войну исходным пунктом для понимания событий Второй мировой войны можно считать японо-китайскую войну, точнее **захват Японией Маньчжурии — 1931—1932 годов**.

В своем вступительном слове на XVII партийной конференции Молотов говорил, что войны ныне не объявляются, в отличие от прошлых времен, о чем красноречиво свидетельствовали события в Шанхае. Молотов подчеркнул, что «особенность данного момента заключается в том, что все больше стирается грань между мирным положением и войной. Вползают в войну и воюют без открытого объявления войны». Однако тогда, в конце 1930-х годов, было достаточно трудно определить, в каком направлении могли развиваться военные и внешнеполитические события, поскольку европейский мир считал, что события на Дальнем Востоке, в Маньчжурии стояли далеко от основных мировых центров политики, более того, их рассматривали как периферийные. В действительности, процесс «сползания» **буржуазного мира в войну продолжался вплоть до 1935 года**. Таким образом, можно констатировать, что с захвата Японией Маньчжурии и до итало-абиссинской войны мир переживал полосу окончательной ликвидации версальско-вашингтонской системы и иных прошлых мирных дипломатических установлений и начался процесс насильственного пересмотра границ. Именно к этому времени приобрел огромные размеры

размах производства в США и Германии: один из главных показателей — выплавка стали в США составила 70 млн. тонн в год, в Германии до 30 млн тонн. С точки зрения экономической, обе эти страны заняли ведущие места в капиталистическом мире. В соответствии с этими показателями не трудно представить, какой огромный размах производства имел место в этих двух воюющих капиталистических странах. (Что касается Англии, то в выплавке стали — 12 млн тонн — она не сделала сколько-нибудь резкого скачка; то же самое можно наблюдать и по добыче угля, выплавке чугуна и по добыче нефти. Практически эта старая страна капитализма находилась почти в застойном состоянии). 26 сентября 1939 г. в Тезисах Исполкома Коминтерна о начавшейся войне (в те дни употреблялся термин «европейская война») говорилось: «Три богатейших государства — Англия, Франция, США располагают огромными территориями, подчинив себе более половины человечества, господствуют на важнейших мировых путях и рынках сбыта, сосредоточивая в своих руках основные источники сырья, огромные экономические и финансовые ресурсы, львиную долю мировых запасов золота, держат в экономически-финансовой зависимости большинство капиталистических стран. Они создали эти резервы войнами, грабежом чужих народов и эксплуатацией трудящихся своих стран... На костях индусов, китайцев, негров, малайцев, арабов, индейцев правящие классы этих держав создали свое могущество. Эти державы являются стеновым хребтом всей капиталистической системы. В другом лагере — три других крупных капиталистических государства — Германия, Япония, Италия, — государства, вступившие позже других на арену колониальной экспансии, обделенные в мировой войне 1914—1918 гг. При распределении колоний, источников сырья государства без нефти, железа, угля и каучука, без цветных металлов и хлопка, государства, рвущиеся к рынкам сбыта, к сферам влияния, к территориям, уже захваченным уже раньше богатыми империалистическими державами. ...Развал польского реакционного государства, вскрывший его внутреннюю гнилость, военное бессилие, его полную политическую недееспособность, есть историческая расплата за всю контрреволюционную внутреннюю и внешнюю политику, которую вели польские помещики и капиталисты со времени образования этого государства»⁶.

Одновременно важнейшим обстоятельством кануна войны и фактором, определявшим «сползание» капиталистического мира в войну, становится гигантский рост значения **финансовой олигархии** — «200 семейств» во Франции, «60 семейств» в США, десятки семейств в Германии. Концентрация капитала достигла чрезвы-

чайно высокого уровня, а финансовая олигархия приобрела исключительно важное, решающее значение во всей политической и экономической жизни стран буржуазного мира. Отсюда если раньше имела место, даже при самых острых кризисах, обычная смена одной группы буржуазии другой у кормила власти, то в период, предшествовавший Второй мировой войне, имеет место необычная смена – почти полный отказ от парламентских методов управления и переход к фашистским методам. Это не обычная форма проявления политических кризисов, которая достаточно хорошо известна из прошлой истории.

Давно уже очевидно, что всякая война стоит больших денег. Именно в свете этого положения необходимо рассматривать факты, связанные с ролью мирового финансового капитала в приходе к власти А. Гитлера, и установление национал-социалистского режима в Германии. В апреле 1927 г. Гитлер был приглашен на встречу с 400 предпринимателями угольного Рура, проходившую на вилле крупнейшего промышленника Г. Круппа в Эссене. В октябре 1931 г. магнаты германского капитала Ф. Тиссен, Г. Крупп, президент имперского финансового банка Я. Шахт, немецкие принцы, представители рейхсвера (вооруженных сил) создали своеобразный блок фашистов с монополистами, генералитетом и олигархами. Лично Ф. Тиссен, глава немецкого Стального треста, передал А. Гитлеру 3 млн марок (в 1941 г. он издал книгу под названием «Я оплачивал Гитлера»). Был создан «специальный фонд Адольфа Гитлера из пожертвований германской экономики», через который Гитлеру досталось свыше 70 млн марок. Большой бизнес вне Германии также финансировал А. Гитлера. Английский нефтяной король Г. Детердинг выплатил Гитлеру субсидий на 10 млн. марок. В 1929 г. банкирский дом «Мендельсон и Ко» из Амстердама перевел в распоряжение Гитлера 10 млн долларов, а в 1931 г. еще 15 млн, на этот раз при посредстве Римского коммерческого банка. Осенью 1930 г. английский магнат лорд Ротемир также предоставил Гитлеру значительную сумму денег. В конце 1934 г. английский банк выделил германскому рейхсбанку заем в 750 тыс. фунтов стерлингов. По указанию монополиста Э. Кирдорфа, возглавлявшего рейнско-вестфальский угольный синдикат, все фирмы синдиката должны были отчислять в партийную кассу Гитлера по 5 пфеннигов с каждой тонны добытого угля.

В итоге в ноябре 1932 г. 17 крупных промышленных и банковских магнатов Германии потребовали от президента Германии Пауля фон Гинденбурга передать власть Адольфу Гитлеру. «Мы его ангажировали», – откровенно заявлял один из видных представителей германского монополистического капитала фон Папен.

После закулисного торга между различными фракциями германской монополистической буржуазии 30 января 1933 г. Гинденбург поручил создание нового правительства Гитлеру. Так был оформлен давно готовившийся сговор заправил монополистического капитала⁷.

В январе 1933 г. в Германии была установлена фашистская диктатура. Это стало переломным моментом в процессе непосредственной подготовки Второй мировой войны и имело катастрофические последствия для человечества. Фашизм у власти означал грубое политическое насилие над массами, крайнюю степень реакции, разгром демократических организаций, террор, разветвленную, всеохватывающую систему слежки и контроля за общественной и личной жизнью граждан. В ранг государственной политики возводились шовинизм и расизм, разжигались самые низменные инстинкты, распространялся культ вождя, который все видит, все знает, все может.

Уже в ходе войны и после нее политические деятели, ряд писателей, журналистов, ученых отрицали факт того, что крупный промышленный, финансовый капитал, а также монополисты зарубежных стран, в том числе ведущих — США, Англии, Голландии, Франции («Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Чейз Манхэттен бэнк», английский нефтяной король Г. Детердинг, английский магнат лорд Ротемир, банкирский дом «Мендельсон и Ко» из Амстердама, Римский коммерческий банк, монополист Э. Кирдорф, возглавлявший Рейнско-Вестфальский угольный синдикат, а также английский банк, выделивший германскому рейхсбанку крупный заем и др.) совместными усилиями привели к власти Адольфа Гитлера. Магнаты промышленного и финансового капитала Тиссен, Крупп, Флик, Гугенберг, Шахт, генерал фон Сект на совместном с Гитлером совещании создали так называемый гарцбургский фронт — своеобразный блок нацистов с монополистами, генералитетом и олигархами⁸.

Гитлер не скрывал своих целей — все его устремления были направлены на Восток. В утвержденной 25 августа 1938 г. генеральным штабом сухопутных сил Германии памятке солдатам говорилось: «Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец: как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»⁹.

Достаточно условно возможно ограничить возникновение Второй мировой войны 1939 годом, имея в виду, что в целом, с

1935 по 1939 гг. мир переживал новую, Вторую войну, основными вехами которой стали — итало-абиссинская кампания, итало-германская интервенция в Испании, насильственный пересмотр Гитлером границ, выразившийся в захвате Рейнской области, присоединении Австрии, аннексии Чехии и фактически Словакии, и, наконец, захват Польши.

Рассматривая процесс так называемого «сползания» капиталистического мира в войну, нельзя не сказать и о «странной войне». Хотя формально между Германией и Францией и Англией было состояние войны, военные действия носили сравнительно ограниченный характер, и вряд ли можно назвать военные действия между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией, с другой, военными действиями в собственном смысле этого слова. Это была большая политическая война, дипломатическая война, в которой проявлялось стремление английской и французской дипломатии наметить пути направления германской агрессии в сторону Советского Союза. В этом политический смысл событий и в Бельгии, и в Голландии, и во Франции.

Недостаточно рассмотрен вопрос о связях делового мира в мюнхенских событиях, а именно связь Чемберлена, Даладьё с деловыми монополистическими организациями. Сегодня уже известен целый перечень военных фирм, которые были заинтересованы в разжигании войны в Европе с тем, чтобы найти сбыт для продукции, находившейся в их распоряжении промышленности. Важные факторы превращения войны во «Вторую мировую» — это, несомненно, падение Парижа и затем сентябрь 1940-го — оформление блока агрессоров, заключение договора между Италией, Германией и Японией, иными словами, пакта о военном союзе, заключенном в Берлине 27 сентября 1940 г. Этот документ в окончательном виде оформляет фашистский блок и точно определяет программу и цели войны. Пакт открыто признавал сферы влияния его участников и раздел этих сфер между ними с обязательством взаимной помощи этим сферам от покушений со стороны других государств, и в первую очередь со стороны Англии, находящейся в союзе с США. Согласно Берлинскому пакту, Японии предоставлялась великая азиатская сфера; Германии и Италии — Европа. Реализация подобного плана зависела от реального соотношения сил воюющих стран, от хода все обостряющейся войны.

«Если до последнего времени, — подчеркивал В.М. Молотов в одном из своих выступлений, — война ограничивалась сферой Европы и Северной Африки на Западе и сферой Китая на Востоке, причем эти сферы были оторваны друг от друга, то теперь этой оторванности кладется конец, ибо Япония отказывается от

политики невмешательства в европейские дела, а Италия и Германия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела...»¹⁰.

Таким образом, сентябрь 1940 г. можно считать исходной датой, с которой фактически заканчивается процесс превращения большой войны во Вторую мировую войну. С момента вступления СССР в войну она получает в полном смысле слова антифашистский освободительный характер, а с момента событий в Пирл-Харборе в войну вступает, по выражению Сталина, «главная цитадель капитализма» – США, и Вторая мировая война получает всесветный характер и фактически, в отличие от Первой мировой войны, включает в орбиту своего влияния все имеющие какое-либо значение государства (проблема нейтралитета во Второй мировой войне практически отсутствовала).

3. «НЕ ВСЯКИЙ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ ИМЕЕТ ЦЕЛЬЮ УКРЕПЛЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО МИРА»¹¹.

Роковые события августа 1939 г. уже несколько десятилетий являются предметом острых споров и дискуссий на различных уровнях. В тот период перед советским руководством было три варианта действий: договориться с Англией и Францией, заключить пакт с Германией или остаться одному, без союзников. Сегодня есть возможность взглянуть на эти события на основе все еще мало известных или все еще недостаточно изученных и осмысленных документальных свидетельств.

3 августа 1939 г. с грифом «секретно» советский полпред в Германии Г. Астахов сообщал в Москву – В. Молотову (этот документ был разослан также И. Сталину, К. Ворошилову, А. Микояну, Л. Кагановичу) о своей беседе с Й. Риббентропом следующее: «Риббентроп начал с выражения своего удовлетворения по поводу благоприятных перспектив советско-германской торговли: «Ваша страна производит много сырья, в котором нуждается Германия. Мы же производим много ценных изделий, в которых нуждаетесь вы. Предпосылки развития торговли между нашими странами налицо. К.Ю. Шнурре¹² говорил мне о беседе, которую имел с Вами. Мы вообще в курсе подобных бесед. Я также хотел подтвердить, что в нашем представлении благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения. Есть одно предварительное условие, которое мы считаем

необходимой предпосылкой нормализации отношений, — это взаимное невмешательство во внутренние дела. Наши идеологии диаметрально противоположны. Никаких поблажек коммунизму в Германии мы не допустим. Но национал-социализм не есть экспортный товар, и мы далеки от мысли навязывать его кому бы то ни было. Если в вашей стране держатся такого же мнения, то дальнейшее сближение возможно»¹³.

Воспользовавшись моментной паузой, я заметил, что могу вполне определенно заверить министра, что мое правительство также считает взаимное невмешательство во внутренние дела одной из необходимых предпосылок нормальных отношений и никогда не считало разницу идеологий и внутренних режимов фактом, не совместимым с дружественными внешнеполитическими отношениями.

Риббентроп, подчеркнув, что он с удовлетворением принимает это сообщение к сведению, продолжал: «Что же касается остальных вопросов, стоящих между нами, то никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского морей, мы могли бы договориться. В этом я глубоко уверен (это Риббентроп повторил в различных выражениях несколько раз).

Если у вас другие перспективы, если, например, вы считаете, что лучшим способом урегулировать отношения с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, это, конечно, дело ваше. Что касается нас, то мы не обращаем внимание на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западных демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой. Мы уверены в своих силах. Для нас военная кампания против Польши дело недели — десяти дней».

Далее Астахов сообщал, что Шнурре просил довести до сведения Советского правительства следующую мысль: «Не было бы целесообразным одновременно с подписанием кредитного соглашения подписать, скажем, секретный протокол, в котором говорилось бы об одновременном намерении обеих стран улучшить политические отношения? Или, если мы не хотим секретности, то оттенить политическое значение соглашения во вступительном абзаце вроде «обе стороны, исходя из желания развить экономические и улучшить политические взаимоотношения и т.д.»¹⁴.

Еще в начале июля 1939 г., выступая на годовичном обеде в Институте международных дел, лорд Галифакс заявил: «В настоящее время мы ведем с Советским правительством переговоры, которые, как я надеюсь, очень скоро увенчаются успехом и которые

имеют целью объединить нас с ним для совместной обороны тех европейских государств, независимость и нейтралитет которых могут оказаться под угрозой. Ближайшей нашей задачей является реконструкция международного порядка на более широких и прочных основах. Угроза применения военной силы довлеет над миром, и нашей неотложной задачей является сопротивление агрессии»¹⁵.

3 августа 1939 г. в дневнике В.П. Потемкина в связи с приемом французского посла Наджиара зафиксировано, что последний передал официальный список членов французской военной миссии для переговоров в Москве. В состав миссии вошли: армейский генерал Думенк, от военного министерства: майор Кребс, капитан Бофрэ, капитан Дэ Вильно Де Рэнкэзэн; от министерства авиации: генерал Валэн, капитан Совиш; от морского министерства: капитан корвета Вийом. К миссии были прикомандированы: 1 унтер-офицер и 3 орденосца¹⁶. А 11 августа Я. Суриц сообщал на имя заместителя наркома по иностранным делам СССР В. Потемкина, что, по оценке его разных собеседников, генерал Думенк — глава делегации не занимался политической деятельностью, его причисляют к профессионалам-военным, не являющимся реакционерами. Подчеркивают, что он «не предубежден против СССР. Наоборот, он считает советский фактор жизненно необходимым для установления условий, которые смогут обеспечить безопасность Франции. Все члены миссии не участвовали в какой-либо партийной борьбе, ни в политических дискуссиях. Это кадровые офицеры, специалисты каждый в своей области»¹⁷.

7 августа 1939 г. Л. Берия доносил К. Ворошилову: «Краткие данные на главу английской военной миссии в СССР Дрэкса и членов миссии Барнета и Хэйвуда». В документе отмечалось, что глава Британской миссии в Москве Дрэкс (58 лет) (Реджинальд Планкет-Эрнле-Эрде Дрэкс) «во время империалистической войны служил в королевском флоте и был участником больших битв. Позже был в Берлине в качестве председателя комиссии союзников по военно-морскому контролю. Затем до 1922 г. был директором военно-морского колледжа в Гринвиче, после чего — главнокомандующим военными базами в Америке и Западной Индии. С 1935 по 1938 гг. — главнокомандующий военной базой в Плимуте. Недавно получил назначение на пост морского адъютанта короля. Уже в 1914 г. имел возможность оказывать влияние на русских. Сопровождал Лорда Битти, посетившего царя в Царском Селе, после чего поехал в Москву. Имеет царский орден Святого Станислава».

Член Британской миссии Барнет Чарльз (57 лет) занимал следующие должности: «генеральный инспектор военной авиации,

авиационный маршал, участник южно-африканской войны. Во время империалистической войны принимал участие в операциях на Ближнем Востоке. Был начальником эскадрильи, а позднее офицером воздушного флота во Франции и Палестине. Начальник разведывательной и оперативной службы в авиационном министерстве. С 1927 г. по 1929 г. — начальник центральной летной школы, а потом помощник начальника авиационного штаба. С 1933 г. по 1936 г. — офицер воздушного флота в Иране».

Другой член Британской миссии 53-летний генерал-майор Хейвуд «во время империалистической войны служил во Франции, Македонии, Сербии, Болгарии, Египте. Крупный специалист по военной стратегии. В 1923—1926 гг. был в составе британских войск в Шанхае. Затем в составе британской миссии был на Востоке и Версале. С 1932 по 1936 год — военный атташе в Париже. В одно время был командующим артиллерией в военном округе Олдермот. Лингвист, неплохо говорит по-русски. Много времени провел за границей. Является близким другом начальника ГШ Франции генерала Гамелена»¹⁸.

7 августа 1939 г. К. Ворошилов, назначенный И. Сталиным главой советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции, получил инструкцию от Сталина, в которой указывалось:

«...6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом, о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал»¹⁹.

10 августа 1939 г. миссии прибыли в Ленинград, о чем Л.П. Берия немедленно сообщил Ворошилову²⁰.

На начавшихся в августе 1939 г. военных переговорах трех делегаций (советская делегация — К.Е. Ворошилов, Н.Г. Кузнецов, А.Д. Локтионов, И.В. Смородинов, Б.М. Шапошников) по существу не была выдвинута концепция совместных действий против Германии. В позиции западных представителей явно просматривалась цель отвести СССР главную роль в противостоянии возможной агрессии немецких войск без определенных гарантий собственного пропорционального вклада в дело борьбы с агрессией.

Сложилась своеобразная ситуация. Заседания трех военных делегаций шли без какого-либо прогресса, и практически одновременно на политическом уровне лихорадочно осуществлялись контакты между представителями Москвы и Берлина.

12 августа Г.А. Астахов сообщал из Берлина: «Конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе, решающие события могут разразиться в самый короткий срок. Пресса в отношении нас ведет себя исключительно корректно. Наоборот, в отношении Англии глумление переходит всякие границы элементарной пристойности».

13 августа Астахов вновь сообщил: «Германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее».

14 августа 1939 г. Риббентроп передал распоряжение из Берлина Шуленбургу: «Я прошу побывать у господина Молотова и сообщить ему следующее:

1. Противоречие между национальной идеей, воплощенной в национал-социалистской Германии, и идеей мировой революции, воплощенной в СССР, было в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и Россия находились в двух различных по мировоззрению, противостоящих друг другу борющихся лагерях. События последнего времени, кажется, показывают, что различные мировоззрения не исключают разумные отношения между двумя государствами и восстановление нового хорошего сотрудничества. На этом может быть завершен раз и навсегда период внешнеполитической вражды и открыт путь в новое будущее обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и России нет. Жизненные пространства Германии и России соприкасаются, но по своим природным потребностям они не пересекаются. В соответствии с этим, с самого начала отсутствует всякая причина агрессивных устремлений одной стороны против другой. Германия не имеет никаких агрессивных намерений. Правительство рейха полагает, что между Балтийским и Черным морями нет ни одного вопроса, который не мог бы быть урегулирован к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся такие вопросы, как Балтийское море, Прибалтика, Польша, Юго-восточный вопрос и т.д. В этом политическое сотрудничество обеих стран могло бы быть только полезным.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-русская политика сегодня достигла исторического поворотного момента. Принимаемые в последнее время в Берлине и Москве решения будут иметь решающее значение для формы отношений между

немецким и русским народами на поколения. От них будет зависеть, скрестят ли однажды снова и без необходимой причины оружие оба народа или снова придут к дружеским отношениям. Для обеих стран раньше было хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами.

4. Правда, Германия и Советский Союз из-за многих лет идейной враждебности сегодня с недоверием относятся друг к другу. Многочисленные создавшиеся завалы еще предстоит разобрать. Но необходимо отметить, что и в то время природные симпатии немцев к русскому народу никогда не исчезали. На этом снова можно строить политику обоих государств.

5. Правительство рейха и Советское правительство на основе накопленного опыта должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советской России. Сегодня они снова пытаются путем заключения военных союзов втянуть Россию в войну против Германии. В 1914 г. эта политика привела русский режим к разгрому. Вынужденные интересы обеих стран состоят в том, чтобы в будущем уклониться от грызни между Германией и Россией в интересах западных демократий.

6. Вызванное английской политикой обострение германопольских отношений, а также английское стремление к войне и связанным с ней заключением военных союзов, требуют скорого выяснения германо-русских отношений. В противном случае без немецкого участия события могут принять такой оборот, который лишит оба правительства возможности восстановить германо-русскую дружбу и, в данном случае, совместно выяснить территориальные вопросы Восточной Европы. Следовательно, руководства обеих стран не должны позволять событиям развиваться самим по себе, а вовремя активно вмешиваться в них. Было бы гибельным, из-за взаимного незнания точек зрения и намерений, окончательно столкнуться оба народа.

Советское правительство, как нам было сообщено, также имеет желание выяснить германо-советские отношения. Но так как, по имевшемуся до сих пор опыту, это выяснение по обычным дипломатическим каналам может быть проведено только медленно, я готов отправиться в Москву с кратким визитом, чтобы от имени фюрера разъяснить господину Сталину точку зрения фюрера. Только путем такого непосредственного обмена мнениями, по моему мнению, можно достигнуть перемен и сделать возможным при этом заложить фундамент для окончательного урегулирования германо-русских отношений».

Дополнение: «Я прошу не вручать господину Молотову эту инструкцию, а зачитать ее. Я придаю большую ценность тому, чтобы она как можно точнее дошла до господина Сталина, и при этом наделяю Вас полномочиями по моему поручению просить у господина Молотова аудиенции у господина Сталина с тем, чтобы Вы также могли сделать ему это важное сообщение.

Наряду с беседой с Молотовым обстоятельная беседа со Сталиным была бы предпосылкой моего визита. Риббентроп»²¹.

15 августа Шуленбург вручил Молотову памятную записку, в которой повторялись слова Риббентропа о том, что «между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, прибалтийских государств, Польши, Юго-востока и т.п.».

16 августа Шуленбург передал из Москвы в Берлин следующее сообщение:

«Молотов выслушал содержание изложенного мной сообщения с большим интересом, отметил, что оно имеет чрезвычайную важность, и заявил, что он немедленно проинформирует о нем свое правительство и вскоре даст мне ответ. Уже сейчас он может заявить, что Советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить отношения с Советским Союзом, и, принимая во внимание мое сегодняшнее сообщение, оно теперь верит в искренность этих намерений. По вопросу о прибытии сюда господина рейхсминистра пока он хотел бы высказать свое мнение, что такая поездка требует соответствующей подготовки для того, чтобы обмен мнениями привел к результату.

В связи с этим его интересовал вопрос, как германское правительство относится к идее заключения пакта о ненападении с Советским Союзом, готово ли в дальнейшем германское правительство повлиять на Японию в целях улучшения советско-японских отношений и устранения пограничных конфликтов и относится ли к области обсуждения с Германией совместное гарантирование Прибалтийских государств.

Молотов повторил, что, если мое [Шуленбурга] сегодняшнее сообщение включает идею пакта о ненападении или что-либо подобное, то об этих вопросах надо говорить конкретно для того, чтобы в случае приезда господина рейхсминистра дело не ограничивалось обменом мнений, а были приняты конкретные решения.

Правда Молотов признал, что необходимо спешить, чтобы не быть поставленным перед свершившимся фактом, подчеркнув тем не менее, что соответствующая подготовка упомянутых им вопросов была необходимой. Шуленбург»²².

Имеется еще один документ от 15 августа 1939 г., касающийся предварительных, перед подписанием договора от 23 августа 1939 г., переговоров Молотова с Шуленбургом.

16 августа 1939 г. Шуленбург из Москвы передал в Берлин следующее:

«Я вел переговоры с Молотовым 15-го с установкой, что после сделанных нами сообщений Советское правительство будет заинтересовано продолжать политические переговоры, предпочитая, однако, вести их в Москве. Молотов ответил, что это правильно. Затем я зачитал господину Молотову содержание порученного мне сообщения, немецкий текст которого тут же по абзацам был переведен на русский. Мое сообщение о том, что я в данном случае должен просить аудиенции у господина Сталина, а также утверждение, что наряду с переговорами с Молотовым подробная беседа господина рейхсминистра со Сталиным создала бы предпосылку для объявленного визита, Молотов принял к сведению.

Далее Молотов заявил, что он, принимая во внимание важность моих сообщений, не может дать мне сразу ответ, а должен сначала сделать доклад своему правительству. Но уже сейчас он может заявить, что Советское правительство тепло приветствует заявление немецкой стороны о намерениях достигнуть улучшения отношений с Советским Союзом. При условии дальнейших сообщений прежде он хотел бы, как свое собственное мнение по отношению к предложению Германского правительства, высказать нижеследующее.

Осуществление визита господина имперского министра иностранных дел в Москву требует тщательной подготовки для того, чтобы задуманный обмен мнениями дал результат...

Что касается Советского правительства, то оно всегда положительно относилось к вопросу о хороших отношениях с Германией и удовлетворено, что это теперь имеет место с немецкой стороны...

Молотов продолжал, что для Советского правительства было бы важно в связи с планируемым визитом господина имперского министра иностранных дел в Москву получить ответ на вопрос, готово ли германское правительство заключить с Советским Союзом пакт о ненападении или что-либо подобное. При благоприятном наличии повода могла бы зайти речь о возможности «оживления и освежения ранее заключенных договоров». Молотов сказал, что он мне [Шуленбургу] по вопросу о визите господина имперского министра иностранных дел даст еще один дополнительный ответ. Но ему кажется, что для этого визита необходимо предварительное выяснение и подготовка определенных вопросов, чтобы в Москве все не ограничилось разговорами, а могли бы быть также

приняты решения. Он вполне признает правоту моего [Молотова] намека, что желательнее скорое выяснение. У него также было мнение, что необходимо спешить, чтобы не быть поставленным событиями перед свершившимся фактом. Поэтому он должен повторить, что если германское правительство положительно относится к идее пакта о ненападении и если мое сегодняшнее заявление содержит в себе эту или аналогичную идею, то необходимо сначала конкретно вести переговоры по этому вопросу. Шуленбург»²³.

16 августа 1939 г. В.М. Молотов принял американского посла Штейнгардта. Посол изложил точку зрения Франклина Рузвельта о международном положении. Молотов заявил, что «...Советское правительство относится со всей серьезностью к положению в Европе и к своим переговорам с Англией и Францией. Нас интересуют решения, которые имеют конкретный характер взаимных обязательств по противодействию возможной агрессии»²⁴.

17 августа В. Молотов, принимая Шуленбурга, заявил ему: «Прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении».

19 августа 1939 г. между СССР и Германией было подписано кредитное соглашение, в соответствии с которым правительство СССР через торговые представительства передало германским фирмам добавочные заказы на сумму в 200 млн германских марок.

19 августа Шуленбург, добившись приема у Молотова, сообщил ему следующее: «В Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей. Дальнейшие события зависят не от Германии»²⁵.

20 августа 1939 г. Шуленбург направил в Берлин новое сообщение о переговорах с Молотовым.

«После того как я [Шуленбург] на моей первой сегодняшней беседе с Молотовым сделал порученные мне сообщения, я снова попытался убедить Молотова в том, что визит господина имперского министра иностранных дел в Москву будет единственным средством для того, чтобы достичь срочно требуемого политической обстановкой ускорения.

Молотов признал положительное значение предложенного визита, он подчеркнул, что Советское правительство понимает и ценит намерения, которые будут в нем заключены, однако остался на том, что невозможно заблаговременно, даже приблизительно, определить время визита, так как он требует основательной подготовки. Это относится как к пакту о ненападении, так и к содержанию протокола, который будет заключен одновременно с ним. Немецкий проект пакта о ненападении отнюдь не всесторонен, советское правительство желает, чтобы в основу пакта о

ненападении с Германией в качестве образца был положен один из договоров о ненападении, заключенных Советским правительством с другими странами.

Он представляет германскому правительству выбрать, по его мнению, надлежащее. Затем, содержание протокола — очень серьезный вопрос, и Советское правительство ждет, что Германия еще точнее выразит то, какие пункты должны быть включены в протокол. Точка зрения советского правительства на договоры, заключаемые им, очень серьезна, оно соблюдает взятые на себя обязательства и ждет того же от своего партнера по договору.

На мое высказывание, снова сделанное с особым нажимом, о причинах необходимой поспешности Молотов возразил, что до сих пор еще ни разу первый шаг не делался с заключения экономического соглашения. Затем наступит черед пакта о ненападении и протокола.

От моего возражения Молотов остался заметно обеспокоенным, так что первая беседа закончилась заявлением Молотова, что он сообщит мне точку зрения Советского правительства. Больше ничего добавлено не было.

Через полчаса после окончания беседы Молотов попросил меня посетить его еще раз. Он извинился, что побеспокоил меня, и заявил, что проинформировал советское правительство, и уполномочен мне передать проект плана о ненападении. Что касается визита господина имперского министра иностранных дел, то Советское правительство согласно с тем, чтобы господин фон Риббентроп прибыл в Москву через неделю после объявления о подписании экономического соглашения. Если об этом будет объявлено завтра, то господин фон Риббентроп может прибыть в Москву 26 или 27 августа. Причины неожиданного изменения своего мнения Молотов не сказал. Я думаю, что вмешался Сталин. Моя попытка побудить Молотова к принятию более ранних сроков визита господина имперского министра иностранных дел, к сожалению, осталась безуспешной. Шуленбург».

20 августа Гитлер в телеграмме Сталину подчеркивал: «Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения в качестве первого шага к перестройке германо-советских отношений. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться в любой день». Телеграмма была вручена Шуленбургом Молотову в 15.00 21 августа.

21 августа состоялось последнее заседание делегаций на трехсторонних переговорах. Тогда же И. Сталин написал А. Гитлеру:

«Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами».

22 августа 1939 г. на пресс-конференции в Берлине известный деятель Германии барон фон Штумм высказался следующим образом:

«По поводу подписываемого завтра Договора о ненападении следует сказать следующее: было бы очень хорошо, если бы было особо указано на сенсационный поворот в истории обоих народов. Обе страны снова нашли друг друга. Сделайте ссылку на долгое сотрудничество, из истории вы должны знать, что Германия и Россия сотрудничают уже на протяжении многих лет. Об этом говорит история времен Бисмарка. Мы знаем также, что под Лейпцигом немцы и русские стояли в едином строю. Укажите, пожалуйста, также на те возможности, которые вытекают из этой дружбы для политической и экономической сферы. Далее укажите также на то, что эти сведения получили среди немецкого народа дружественный отклик.

Мы снова увидели, что другие говорят — они долго говорили в Москве: Штрамг, Айронсайд и его французские коллеги. Мы же быстро перешли к делу, сначала в области экономики, а затем — в среду прошедшей недели — мы заложили фундамент и в области политики.

Это дело подобно разорвавшейся бомбе. Те, кто дал гарантии Польше, сегодня уже без особой радости думают о своем прошлом. О мировоззренческих проблемах, которые имеются между коммунизмом и национал-социализмом, нельзя говорить ничего отрицательного».

На этой же пресс-конференции господин Фритцше (ДНД — Дойче Нахрихтенбюро — Немецкое информационное бюро) подчеркнул, что «можно сформулировать точку зрения о том, что наступил решающий поворот в европейской политике». По его мнению, конечно, «нельзя подхватывать такие высказывания, как в «Юманите», которая пишет о победе Сталина. На это надо дать ответ, но мы этого пока не хотим. Можно также отметить, что переговоры велись в атмосфере максимального доверия, с большой серьезностью, поэтому они были завершены так быстро».

В Дневнике заместителя фюрера по Национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП) Альфреда Розенберга от 22 августа 1939 г. записано: «...у Риббентропа нет никаких политических убеждений, кроме ненависти к Англии. Поворот фюрера был необходимостью; и поскольку поворот был совершен на 180 градусов, то из этого можно сделать далеко идущие выводы. Несколько

месяцев тому назад я говорил с Герингом о подобной возможности: если речь идет о судьбе Германии, то в расчет должно приниматься и временное сотрудничество с Москвой. Приблизительно: новый раздел Польши. Необходима осторожность, чтобы после определенных переговоров Советы не пошли на попятную, оставив нас в одиночку, выставив перед всем миром в качестве просящих и заключивших союз с противной стороной. Может, когда-нибудь история установит: должна ли была возникнуть ситуация, которая возникла. То есть не было ли решительных британских сил, которые можно было мобилизовать для совместных с нами действий. Тот факт, что срок действия договора определен на 10 лет, его автоматическое продление и вступление в силу до ратификации показывают, насколько велик исторический поворот. Трудно переоценить значение новой ориентации».

25 августа А. Розенберг сделал в дневнике еще одну запись:

«Надежды Англии на затягивание переговоров, к счастью, не оправдались: пакт в Москве был подписан быстро. Далеко идущее решение, последствия которого трудно предвидеть. Как Спарта и Афины по очереди призывали на помощь персов, так и Англия и Германия обращаются сейчас к Советскому Союзу. Несомненно, что англичане первыми предприняли попытку натравить на нас Советы; что мог сделать фюрер перед лицом сложившейся обстановки, он сорвал эти планы посредством внезапного поворота. Как я только что узнал, получилось так, что фюрер направил Сталину письмо с предложениями, на которое пришел очень любезный ответ. У меня такое чувство, что этот Московский пакт когда-нибудь обернется мстостью для национал-социализма. Была ли ситуация неизбежной? Должен ли был польский вопрос решаться сейчас и в такой форме? Сегодня никто не может дать на это ответа»²⁶.

Подписанный 23 августа 1939 г. «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом»²⁷ от 23 августа 1939 г. предусматривал, что обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, агрессивного действия и нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами. СССР и Германия обязались в случае возникновения споров или конфликтов разрешать их исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликта. Договор заключался на десять лет с тем, что, «...поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет...»

Договор подлежал «ратифицированию в возможно короткий срок». Он вступал в силу немедленно после его подписания. Обмен ратификационными грамотами предполагали осуществить в Берлине.

Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении предусматривал, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признавались обеими сторонами. В секретном протоколе подчеркивалось, что в случае «территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сана». Протокол следующим образом определял «польский вопрос»: «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимости Польского государства, и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия».

В специальных сообщениях особых отделов НКВД, отслеживавших общественное мнение в СССР, сообщалось о следующих фактах. Осенью 1939 г. в Военно-электротехнической академии курьер строевого отдела Воронова на политинформации подала реплику, смысл которой сводился к тому, что Риббентроп и Молотов, подписав договор, вдвоем решили судьбу народов и в результате этого договора советской стороне, возможно, придется воевать²⁸.

В это же время на политзанятиях в 135-й стрелковой дивизии красноармейцы просили ответить на непонятные для них вопросы: «Германия урвала кусочек территории Польши, и мы теперь урвем кусочек? Правильно ли это будет?» Или еще: «почему мы не помогли украинцам и белорусам на Западе, когда существовала Польша, а теперь решили помогать? Зачем нам вмешиваться в дела Польши и влезать в войну?»²⁹

23 августа 1939 г. Л. Берия сообщал К. Ворошилову: «Нами получены сведения из Парижа о том, что полиция, опасаясь демонстрации, в связи с поездкой Риббентропа в Москву, у здания полпредства СССР в Париже выставила усиленную охрану»³⁰.

25 августа 1939 г. в письме секретаря военного атташе майора Кремера из Лондона на имя начальника Отдела внешних сношений сообщалось: «Обстановка здесь, начиная с 22 августа, стано-

вится все более напряженной. Советско-германский пакт очень тяжело воспринят местной общественностью. Только коммунистическая печать положительно разъясняет его значение. Основной тон прессы, главным образом, антигерманский. Английская печать со всей силой обвиняет Гитлера, что он действует в данный момент не так, как это написано в его книге «Моя борьба». Судя по «Таймс», получается впечатление, что англичане больше всех болеют, что советско-германский пакт сделал прорыв антикоминтерновского фронта. Печать доказывает, что в настоящее время Япония и Италия, а также Испания должны отойти от Германии и приблизиться к Англии. «Ньюс Кроникл» от 24 августа пишет, что одно ясно, что центр мировой политики передвинулся в Москву. Одна Москва может решать — быть или не быть войне.

22 августа ночью Чемберлен лично имел разговор со всеми владельцами основных газет, и отсюда характерно, что уже с 23 августа тон печати серьезно изменился. На сегодня тон печати характеризуется:

1. Подчеркивается твердость Англии в соблюдении взятых ею обязательств по отношению к Польше. 2. Германия изобличается как фальшивый член антикоминтерновского фронта, выказывая полное сочувствие Японии, Италии, Испании и Венгрии как пострадавшим от вероломства Германии. Указывается, что в настоящее время дело не в том, кому будет принадлежать Данциг, а в том, что Германия хочет доминировать над Европой и что Англия, в силу ее «преданности демократическим традициям», не может этого допустить. 3. Выделяется сдержанность в отношении оценки советских позиций за исключением «Таймс», которая заявляет, что Москва договорилась с Берлином о разделе Польши. Хотя Чемберлен на заседании парламента 24 августа заявил: «Для него является сюрпризом, что СССР, несмотря на присутствие в Москве английской и французской военных делегаций, вел секретные переговоры с Германией». Все же печать этого вопроса не раздувает, как и не поднимает вопроса о необходимости добиться заключения англо-советского пакта.

Лейбористы сейчас показали полностью свое лицо. В своем манифесте от 22 августа они совершенно опустили момент о необходимости каких-либо переговоров с СССР. С 24 августа они единогласно поддержали правительство по всем вопросам, не найдя нужным даже напомнить Чемберлену, что это именно его правительство тормозило переговоры в Москве. Далее говорится, «что вчера вечером Чемберлен и Галифакс заявили, что Англия от своего слова не отступится, она будет воевать за Польшу. Но действительно ли Англия вступит в войну, еще трудно сказать»³¹.

27 августа 1939 г. военный атташе СССР в Польше полковник П.С.Рыбалко доносил наркому Ворошилову: «После сообщения, что Риббентроп выезжает в Москву для заключения пакта о ненападении, в польских политических кругах и прессе появилась растерянность. Печать высказывается явно против такого пакта, заявляя, что этот шаг Советского Союза ведёт к ослаблению фронта мира, хотя поляки никогда не рассчитывали на какое-либо совместное действие с Москвой и неоднократно предупреждали западные державы, что СССР не является партнером, на которого можно было рассчитывать в европейской международной политике. Мы никогда не рассчитывали на военную помощь Советского Союза в эвентуальном конфликте, наоборот, делали решительные оговорки на протяжении многих лет против идеи пропуска войск через наши земли. В вопросе материальной помощи мы не начали никаких переговоров с нашим восточным соседом. Факты снова подтвердили, что на востоке Европа кончается Польшей»³².

24 августа 1939 г. полковник Бек в беседе с советским послом Шароновым заявил, что «немцы сосредоточили против Польши 30 дивизий». С апреля по август поляки через подставных лиц в «частном порядке» обращались к нашим торговым представителям не один раз с вопросом о возможности закупок у нас вооружения, боеприпасов, нефтепродуктов и сырья, о возможности транзита таких товаров через СССР. В случае войны Польши с Германией, продолжительность которой предвидеть трудно, а на длительный срок войны Польша стратегическим сырьем не обеспечена, получать стратегическое сырье и вооружение морским путем, она, безусловно, не сможет, так как Гдыньский порт в первые же дни будет выведен из строя и, если польское правительство по-серьезному думает, что оно сумеет разрешить конфликт мирным путем, оно вынуждено будет этот вопрос ставить перед нашими учреждениями не только в частном порядке».

24 августа 1939 г. бельгийский король Леопольд I обратился по радио с воззванием к Гитлеру сесть за стол переговоров. 25 августа 1939 г. Ф. Рузвельт направил послание А. Гитлеру, призывая его к урегулированию польско-германского конфликта путем непосредственных переговоров или путем примирительной процедуры. Президент Польской Республики И. Мосьцицкий в переписке с Ф. Рузвельтом сообщал ему, что он согласен с методами примирительной процедуры при посредничестве третьей стороны.

25 августа 1939 г. в телеграмме посла Франции в СССР П. Наджиара на имя посла Франции в Польше Л. Ноэля подчеркивалось: «Гитлер примирился со Сталиным, несмотря на все то, что он говорил или делал против СССР, и на основе реальных фактов давних

отношений между двумя странами повел разговор с новой Россией как держава с державой, отбрасывая, таким образом, Польшу на ее место, столь уязвимое между объединенными немцами и русскими»³³. 26 августа 1939 г. французский премьер Э. Даладье призвал Берлин к благоразумным переговорам с Варшавой. Дважды выступил с призывом к миру Папа Римский. 27 августа 1939 г. К.Е. Ворошилов, отвечая корреспонденту «Известий» о провале переговоров с военными миссиями Англии и Франции, заявил следующее: «Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР. Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран. В этом основа разногласий».

На вопрос корреспондента о том, каково мнение К.Е. Ворошилова на тот факт, что газета «Дейли Геральд» считает, что «военные миссии Англии и Франции будто бы спросили советскую миссию, готов ли СССР снабжать Польшу сам боеприпасами и держать в готовности на границе Красную Армию, а советская военная миссия будто бы ответила на это предложением: «Немедленно после начала войны оккупировать Вильно и Новогрудок на северо-востоке, а также Львовское, Тернопольское и Станиславское воеводства на юго-востоке, что из этих районов Красная Армия могла бы оказать полякам военную помощь, если это потребуется».

Ворошилов ответил: «Это заявление является от начала до конца лживым, а газета «Дейли Геральд» — клеветническая газета». 27 августа 1939 г. начальник отдела внешних сношений НКО полковник Осетров с грифом «совершенно секретно» направил документ заместителю наркома обороны СССР, начальнику 5-го (разведывательного) управления Штаба РККА комдиву Проскурову: «27 августа немецкий военный атташе генерал Кестринг посетил Отдел Внешних Сношений и выразил поздравление с заключением пакта о ненападении между Германией и СССР. При этом Кестринг заявил, что он якобы высказывал такую мысль еще пять лет тому назад. После доклада т. Сталина на XVIII съезде партии, Кестринг якобы снова напоминал о возможности установления добрососедских отношений с Советским Союзом, но тогда к этому в Германии относились недоверчиво.

Риббентроп, по словам Кестринга, собираясь лететь в Москву, все еще сомневался в возможном успехе. Его (Риббентропа) сомнения, говорит Кестринг, рассеялись лишь тогда, когда он встретился лично с великим человеком т. Сталиным и услышал его ясную и не вызывающую никаких сомнений постановку вопросов. После этого он вернулся в посольство, связался по прямому проводу с Гитлером, доложил ему свои соображения и получил его согласие»³⁴. После подписания Договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. И.В. Сталин высказал мысль о том, что, «к сожалению, не всегда вопросы мира и войны решаются народами».

1 сентября 1939 г. газета «Правда» на первой полосе поместила важное сообщение: «О ратификации советско-германского договора о ненападении». В центре статьи был помещен портрет председателя Советского правительства и наркома иностранных дел В.М. Молотова и были приведены его слова о том, что «Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение т. Сталина блестяще оправдалось. Советско-германский договор о ненападении кладет конец вражде между Германией и СССР, а это в интересах обеих стран. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира»³⁵.

В этот же день на второй полосе газеты можно было увидеть огромный портрет К.Е. Ворошилова и еще одно важнейшее сообщение: «О проекте Закона о всеобщей воинской обязанности».

1 сентября «под шумные аплодисменты» собравшихся в зале «Кроль-опера» А. Гитлер объявил, «что вчера в Москве был ратифицирован германо-советский пакт и что одновременно германское правительство со своей стороны ратифицировало этот пакт...». И далее Гитлер заявил о том, что «...вчера вечером польские регулярные части перешли германскую границу и что сегодня утром германские войска выступили против поляков».

Рано утром 1 сентября 1939 г. секретарь И.В. Сталина А.Н. Поскребышев сообщил ему, что «войска вермахта вторглись в Польшу». Через несколько часов Сталину поступило донесение от военного атташе в Варшаве П.С. Рыбалко и полпреда Н.И. Шаронова: «Вне всякой очереди. Первого сентября немецкая бомбардировочная авиация произвела налеты на Гдыню, Катовице, Краков, Варшаву. Налет на Варшаву был отбит. Третий налет в 10.00 — результаты неизвестны. Данциг занят немецкими войсками. На Вестерплатте идут бои. Сухопутные части немецкой армии перешли границу в направлениях Млавы, Крыница, Дзялдово и Верхней Силезии. Идут бои».

В этот же день высшее советское руководство, приняв Закон о всеобщей воинской обязанности, начало проводить частичный призыв запасных на Украине, в Белоруссии и еще в четырех военных округах. В те дни в потоке различных информационных сообщений на страницах «Правды» привлекало и другое, в некоторой степени символичное, покрытое флером таинственности. 3 августа 1939 г. «Правда» написала о том, что «Ледокол «И. Сталин», преодолевая 9-балльный тяжелый лед подошел к мысу Челюскин. За ним грузовой транспорт «Сакко». Мыс Челюскин — это самая северная часть евро-азиатского материка», а 31 августа накануне большой мировой войны в «Правде» можно было прочесть следующее: «Ледокол «И. Сталин» идет в обратный рейс. ... После суточной стоянки в бухте Провидения ледокол «И. Сталин» продолжает свой рейс с востока на запад. Идем тем же путем, которым совсем недавно шли на восток Арктики. Прошли Уэллен. Отсюда ледокол взял курс к острову Врангеля. Предстоят короткая стоянка и встреча с жителями этого далекого советского острова»³⁶.

Через несколько десятилетий после окончания войны выйдет сенсационная книга с символическим названием «Ледокол»³⁷, которая заставит отечественных и зарубежных историков не только задуматься над важнейшими проблемами истории минувшей войны, но в значительной степени и резко размежеваться друг с другом в своих оценках мирового противоборства и роли ведущих держав в развязывании Второй мировой войны.

4. МИРОВАЯ ДЕРЖАВА КАК АБСОЛЮТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОИСХОДЯЩЕЕ В МИРЕ

Невежеством людей часто пользуются недобросовестные политики, представители определенных общественных кругов, различных партий, а также некоторые ученые. Где же решилась в конечном счете судьба Второй мировой войны? Кому принадлежит Победа? Конечно, битвы и сражения, проведенные англичанами, американцами, французами в годы Второй мировой войны, сыграли важную роль в разгроме немецких войск. Это и сражение в районе Эль-Аламейна, и крупнейшее морское сражение у острова Мидуэй, и битва в Атлантике, и бои за остров Гуадалканал на Тихом океане. И, конечно же, высадка в Нормандии, знаменовавшая открытие второго фронта западных союзников в Европе. Отдавая должное вкладу воинов зарубежных армий в победу в годы Второй

мировой войны, мы не имеем права забывать, что основную тяжесть войны вынес солдат действующей Красной Армии. Битвы под Москвой, Сталинградом и Курском явились главными и решающими в ходе Второй мировой войны. В 1943 г. Красная Армия осуществила битву за Днепр, а в 1944 г. провела такие крупные стратегические операции, как Корсунь-Шевченковская, Белорусская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская, Белградская, Будапештская, а в 1945 г. — Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Балатонская, Венская, Берлинская, Пражская. В действующей армии в 1941—1945 гг. ежегодно служило не менее 14—16 млн военнослужащих. За два года войны по мобилизации были призваны мужчины 33-х возрастов, начиная с пенсионного — 1890-го и заканчивая 1923 годом. В ноябре—декабре 1944 г. был произведен призыв в Красную Армию 17-летних юношей. За четыре года войны было призвано почти 30 млн чел. Только крупных формирований: объединений, соединений и частей в Красной Армии — насчитывалось почти три тысячи. Был сформирован 61 фронт. 11 из них, ввиду особой ожесточенности борьбы и огромных потерь, Ставка Верховного Главнокомандования формировала дважды, а Резервный и Брянский фронты — трижды. Вооруженные силы были объединены в более чем 2000 стрелковых, горно-стрелковых, легкострелковых, особых, воздушно-десантных, танковых, механизированных, моторизованных, артиллерийских, кавалерийских, горно-кавалерийских, минометных, бомбардировочных, дальнего действия, штурмовых, истребительных и других корпусов и дивизий. Многочисленные воинские части, так же как и фронты и армии в целом, неся жестокие потери, формировались дважды, трижды и даже четырежды. Наш народ заплатил очень высокую цену за Победу. Но какой бы жестокой ни оказалась правда о войне, от нее не уйти, ее необходимо сказать во имя памяти тех, кто безвременно окончил на войне свои земные сроки.

Сегодня историки по-разному смотрят на одни и те же проблемы минувшей войны. Возникают резкие споры друг с другом, а также непонимание точек зрения зарубежных ученых. Единодушны все в одном — подвиг солдата и в целом военная тема, нуждаются в дальнейшем изучении и неискаженном освещении

На рубеже XX—XXI вв. человечество вступило в один из самых сложных и противоречивых периодов мировой истории, характеризующийся крайней неопределенностью перспектив развития геополитической обстановки и ожиданием крупных перемен во всей системе мироустройства. Российская Федерация, представляя собой объект повышенного интереса и определенных притязаний со стороны других стран, оказалась накануне третьего

тысячелетия в центре радикальных геополитических изменений экономического, социально-политического и военного характера. Новая расстановка военно-политических сил в мире, особенно в Европе, нарушила прежние основы стабильности, изменила характер, масштабы и содержание опасностей и угроз, приобретающих все более комплексный характер. Уже сегодня обозначились новые вызовы и опасности для России. Знать и изучать прошлое — значит предвидеть будущее. У нас у всех сегодня один разумный путь — восстанавливать страну как современную мировую державу. Мировая держава — это абсолютная ответственность за происходящее в мире; бремя русских в новой тревожной ситуации начала XXI века — не дать миру покончить с собой.

¹ Примечательно, что в первые послевоенные годы (конец 1940-х годов) в советской литературе появилось большое количество статей, посвященных разбору отдельных тактических и стратегических операций. Особенно выделялись статьи журнала «Военная мысль». В Англии и США было издано большое количество военных справочников, пособий, работ, освещавших отдельные операции, например, падение Сингапура, военные действия в Европе, Норвежскую операцию и т.д.; целая серия официальных документов, преследовавших главным образом цель реабилитировать затяжку открытия второго фронта. Что касается разбора отдельных военных операций, то там сознательно подчеркивалось величие отдельных небольших действий, которые имели место (например, описание африканских событий, которые уже тогда умаляли значение Сталинградской операции, в лучшем случае ставили ее на второе место). Таким образом, отдельные историки и публицисты, не задумываясь, сравнивали несравнимые события военные операции под Тобруком, или Арденны со Сталинградом, восхваляя при этом всячески «политическую предусмотрительность Черчилля в отношении СССР. Особенностью историографии США и Англии являлось также стремление всячески затушевать события предыстории войны. Так, в книге Кейта Фейлинга «Жизнь Невилля Чемберлена» прославлялись его усилия спасти мир от второй войны. Автор делал вывод о том, что «Подобно Асквиту и, безусловно, подобно Уильяму Питу, он был по существу поборником мира. Ум Чемберлена, возможно, был слишком ясным для хаотического положения Европы». В то же время такие работы, как книга Ингерсолла «Совершенно секретно», книга Элиота Рузвельта «Его глазами», книга Рута «Секретная история Второй мировой войны» давали достаточно ценную фактическую сторону отдельных событий войны. Немаловажным являлся тот факт, что Ингерсолл как талантливый журналист вращался в тех кругах, где так или иначе становились известными те или иные внешнеполитические тайны. Элиот Рузвельт имел другое преимущество — он был с отцом на важнейших совещаниях и международных встречах, и одно это обстоятельство делает крайне ценным его книгу. На то время это был единственный источник, дававший возможность выяснить, что же было на Тегеранской конференции и в ее кулуарах.

² Первая мировая война стоила человечеству 10 млн погибших и 20 млн искалеченных.

³ В 2007 г., спустя 67 лет после начала войны, Министр обороны РФ А.Э. Сердюков издал ведомственный Приказ о рассекречивании в ЦАМО РФ всего массива документов по истории Великой Отечественной войны (несколько миллионов единиц хранения), кроме фондов прокуратуры и трибуналов, но практически недоступными остаются материалы ряда отделов Генерального штаба.

⁴ Фактически Вторая мировая война началась ровно через 25 лет после кровопролитной Первой мировой войны, стоившей человечеству 10 млн погибших и 20 млн искалеченных.

⁵ По мнению уже упоминавшегося знатока и очевидца войны Рута, Вторая мировая война дипломатически вообще началась с мюнхенских событий.

⁶ Тезисы были составлены Г. Димитровым, Д. Мануильским и доложены А. Жданову. РГАСПИ. Ф. 77 (А.А. Жданова). Оп. 4. Д. 8.

⁷ Richard J. Evans. Das Dritte Reich-Aufstieg, München, 2009; Norbert F. Machtergreifung Anmerkungen zur einem historischen Begriff. In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. (VIZ). 31/1983. S. 136–145; Gotthard Jasper. Die gescheiterte Zühhmung. Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930–1934. Frankfurt am Main. 1986.

⁸ Там же.

⁹ Вторая мировая война. М., 1989. С. 49

¹⁰ Правда, 1939. 5 марта.

¹¹ По выражению М.М. Литвинова.

¹² Шнурре К.Ю. Начальник Экономического отдела МИД Германии.

¹³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1241. Л. 75.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Известия. 1939. 2 июля.

¹⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 397–401.

¹⁷ Там же. Д. 1235. Л. 70–72.

¹⁸ Эти сведения взяты из «Дейли Телеграф энд Морнинг Пост» от 1.8.1939 г. и за подписью Начальника Особого Бюро при Наркоме Внутренних Дел Союза ССР Шария переданы Л.Берия. (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 66–68).

¹⁹ Документы внешней политики СССР. 1939. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 584.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 65. Переговоры проходили в здании особняка НКВД по адресу: Спиридоньевка, 17, и, согласно официальному распоряжению, в особняк на переговоры были допущены: 1) члены миссий Англии, Франции и СССР. 2) От НКО: 1. комкор т. Хмельницкий; 2. комбриг Иванов (Н[ачальник]О[тдела] 1 Г[енерального] Ш[таба]); 3. Полковник Осетров; 4. полковник Сахаров; 5. полковой комиссар Кромский; 6. майор Драгун; 7. капитан Фомичев. 3) От НКВМФ: капитан 3 ранга Фрумкин. 4) полковой комиссар стенограф т. Хатунцев. Переводчик ст. лейтенант т. Тюрин, переводчик военинженер 1 ранга т. Пономарев. (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 76).

²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 76–79.

²² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 85–86.

²³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 93–95.

²⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1234. Л. 69–71.

²⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1234. Л. 75.

²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 18.

²⁷ Известия. 1939. 24 августа.

²⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3773. Л. 404.

²⁹ Там же. Л. 372.

³⁰ Там же. Д. 1242. Л. 77.

³¹ Там же. Д. 1235. Л. 78–80.

³² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 29.

³³ Цит. по: Год кризиса 1938–1939. Т. II. М., 1989. С. 327.

³⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 4. Д. 13. Л. 20–25.

³⁵ Известия. 1939. 1 сентября.

³⁶ Площадь острова около 7670 км², из них около 4700 км² занимают горы. Остров Врангеля в Северном Ледовитом океане между Восточно-Сибирским и Чукотским морями принадлежит России. Своё название получил в честь российского мореплавателя и полярного исследователя Фердинанда Врангеля. В 1926 году на острове Врангеля под руководством Г.А. Ушакова была создана полярная станция. Вместе с Ушаковым на остров высадились 59 человек, преимущественно эскимосов, ранее проживавших в посёлках Провидение и Чаплино.

³⁷ Сам Резун-Суворов так определяет свой вклад в науку: «Правильность любой теории измеряется ее объясняющей силой. Моя теория разъясняет многое из того, что раньше объяснению не поддавалось. Прочитайте «Ледокол», и вы найдете ответы даже на те вопросы, которые в моих книгах не затронуты. Моим оппонентам не надо меня ни разоблачать, ни уличать. Им надо найти другое – простое, понятное, логичное объяснение тому, что случилось в 1941 году. Пока они другой теории не придумают, «Ледокол» будет продолжать свое победное плавание».

М. Ю. Мухин

АВИАПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР И ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные проблемы развития авиационно-строительного комплекса СССР в 1939–1941 гг: административное переустройство в рамках создания наркомата авиапромышленности; темпы и формы наращивания масштабов авиавыпуска; динамика структуры авиавыпуска; географическое размещение важнейших центров авиастроения и роль отдельных регионов в суммарном авиавыпуске и др. Особое внимание уделяется причинам форсированного развития авиаиндустрии в рассматриваемые годы.

Ключевые слова: авиапромышленность, экономика, Вторая мировая война, качество труда, алюминий, самолеты, структура авиавыпуска, разведка, Комитет обороны, рабочие, трудовые ресурсы, оборонная промышленность, дипломатия.

Вторая мировая война стала войной моторов. Этот трюизм, несмотря на свою банальность, достаточно верно отражает реальное положение дел. Механизация и моторизация воюющих армий стали факторами, не менее численности личного состава, влияющими на исход боевых действий. Ещё в первую мировую войну Россия столкнулась с тем, что, даже создав в мирное время армию, в целом не уступающую по основным параметрам армиям других великих держав, она была не в состоянии обеспечить адекватное снабжение этой армии в годы войны. С некоторой натяжкой можно сказать, что Первая мировая война была проиграна Россией не на фронте, а в тылу. Этот урок был хорошо усвоен руководством новой, советской России. Заблаговременная подготовка страны вообще, и индустрии в особенности, к грядущей войне, стала первоочередной задачей советского правительства на весь межвоенный период.

Авиапромышленность, как ведущая отрасль «оборонки», всегда была на особом счету. Советское руководство постоянно уделяло этой подотрасли оборонной промышленности повышенное внимание, и к концу 1930-х гг. эта политика стала приносить зримые плоды — объём авиавыпуска нарастал, ВВС СССР на глазах превращались в мощную силу. По мере приближения к концу

1930-х гг. всё более очевидным становилось, что наиболее вероятным противником Советского Союза в будущей войне станет гитлеровская Германия. Соответственно, специальное внимание уделялось и сопоставлению советского и германского авиапрома. Итак, с какими же результатами авиастроители СССР и Германии приближались к началу Великой Отечественной войны?

НКАП В ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Просуществовав около 2 лет, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1939 г. Наркомат оборонной промышленности был разделен на: Наркомат авиационной промышленности (НКАП), Наркомат судостроительной промышленности, Наркомат боеприпасов (НКБ) и Наркомат вооружений (НКВ).

НКАП был создан на основе 1-го (самолетного) и 18-го (авиамоторостроительного) главных управлений (ГУ) НКОП.

По воспоминаниям современников, М.М. Каганович, ставший из наркомов оборонной промышленности наркомом авиационной промышленности, сумел удержать за НКАПом практически все административные здания и ресурсы НКОП. На прощальном заседании коллегии НКОП М.М. Каганович «... еще раз сказал, что наркомат разделен на четыре, перечислил, кто назначен наркомом вновь образованных наркоматов, пожелал новым наркомам всяческих успехов, а в заключение сказал:

— Вот вам по карандашу на прощанье, и больше я вам ничего не дам. Я уже старик, а вы люди молодые, наживете себе добро сами.

Каганович сдержал слово — выпустил всех наркомов «голенькими», и пришлось им обзаводиться всем заново»¹.

10 января 1940 г. М.М. Кагановича на посту наркома сменил А.И. Шахурин, ушедший с этого поста только в 1946 г. Близкое родство со «старожилом» Политбюро Л.М. Кагановичем не спасло Михаила Кагановича. Неудачи советской авиации в небе Испании привели к тому, что авторитет М.М. Кагановича стал стремительно падать. По свидетельству очевидцев, Сталин не стеснялся устраивать опальному наркому публичные разносы². Вскоре Каганович был смещен с поста наркома и отправлен директором завода в Казань. После того как к М.М. Кагановичу стали проявлять недвусмысленный интерес «компетентные органы», он, видимо предчувствуя близкий арест, застрелился³.

Вскоре после своего назначения Шахурин доложил Сталину, что на 1940 г., учитывая присоединение к авиапромышленности гитлеровской Германии авиастроительных заводов покоренных

стран и государств-сателлитов, суммарная мощность ее авиапромышленности превосходит вдвое аналогичный показатель советской авиаиндустрии⁴. Надо отметить, что данный эпизод относится к ряду «темных мест» довоенного соперничества советской и германской авиапромышленности. В октябре 1939 г. в Германию выехала советская хозяйственная комиссия во главе с членом ЦК КПСС И.Ф. Тевосяном⁵, авиационную группу которой возглавлял генерал А.Н. Гусев⁶. По возвращении Гусев доложил, что немцы показали устаревшую технику, однако значительная часть авиационных специалистов с ним не согласилась. В результате в марте 1940 г. в Германию была направлена новая комиссия, авиационную делегацию которой возглавлял на этот раз А.С. Яковлев⁷. Его заместителем в этой поездке был ставший впоследствии начальником Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), генерал-майор И.Ф. Петров. Вернувшись из командировки, Петров сообщил⁸, что германская авиапромышленность способна выпускать 70–80 самолетов в день. Аналогичные цифры приводились на декабрьском 1940 г. совещании высшего руководящего состава РККА командующим Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенантом Ф.И. Кузнецовым, который, ссылаясь на американскую печать, утверждал, что германская авиапромышленность выпускает до 2000 самолетов ежемесячно⁹. Это казалось весьма правдоподобным, особенно на фоне постоянных донесений разведки об интенсивном освоении «ведомством Геринга» авиапредприятий оккупированных Польши¹⁰, Чехии¹¹ и Франции¹². В марте 1941 г. Разведуправление Генштаба РККА дополнительно подтвердило тревожный рапорт Петрова, доложив, что Германия, включая заводы на территории Чехословакии и Польши, располагает 112 самолетостроительными и 58 моторостроительными заводами, на которых в общей сложности заняты 500000 человек. Годовой выпуск немецкой авиапромышленности оценивался в 25000–30000 самолетов в год¹³, что фактически подтверждало данные Петрова.

Советский авиапром в тот момент в день выпускал только 26 самолетов¹⁴, что было совсем неплохим достижением, если учесть, что в 1930–1931 гг. авиавыпуск составлял 2,5, а в 1935–1937 годах – 10 машин в день. Этот уровень считался достаточным, так как даже Франция в 1939 г. производила около 7 самолетов в сутки¹⁵. Как выяснилось позднее, данные Петрова были существенно завышены – среднемесячный выпуск самолетов в Германии на тот момент колебался от 700¹⁶ до 1000¹⁷, т.е. ежедневный их выпуск был 25–35 машин. Ошибочность предвоенных оценок мощности германской авиапромышленности была молчаливо признана и

советской историографией, выяснившей, что в 1940 г. ведомство Геринга производило в среднем в месяц 850 самолетов, а в 1941 — 1030¹⁸. Трудно однозначно назвать причину этой ошибки — добросовестное заблуждение Петрова¹⁹, его желание «выдвинуться» на волне разоблачений «врагов народа» в НКАП, тонкая провокация германских спецслужб, пытавшихся сбить с толку потенциально-го противника, или что-то иное. Однако в результате информации Петрова советское руководство пришло к выводу о катастрофическом отставании от гитлеровской Германии не только по качеству, но и по количеству производимой авиатехники.

По свидетельству А.И. Шахурина, это известие привело кремлевского «хозяина» в ярость, трансформировавшуюся в требование немедленно ускорить рост отечественной авиапромышленности и довести выпуск самолетов до «немецкой нормы» — 70—80 машин в сутки.

Для увеличения мощностей самолетостроения и приближения моторных заводов к восточной группе самолетных предприятий Комитет обороны еще в 1939 г. принял решения «О развитии авиа-моторных заводов Наркомата авиационной промышленности» и «О реконструкции существующих и строительстве новых самолет-ных заводов»²⁰, согласно которым к концу 1941 г. число авиазаво-дов по сравнению с 1939 г. должно было удвоиться²¹, а их мощность составить 166% от уровня 1939 г.²² Количество авиамоторных за-водов также должно было удвоиться за этот срок. В октябре 1939 г. было принято аналогичное постановление и по авиаагрегатным заводам. Как видим, и без реляций Петрова планировалось суще-ственное расширение советской авиапромышленности. Однако в 1940 г. эти планы были признаны недостаточно радикальными и подверглись пересмотру.

В 1940 г. деятельность НКАП рассматривалась в Политбюро ЦК ВКП(б). По итогам обсуждения перед руководством наркомата была поставлена задача довести к концу года суточный выпуск самолетов до 50²³. Надо отметить, что эта задача, хотя и с некото-рым опозданием, действительно была решена, и накануне войны советский авиавыпуск вплотную приблизился к отметке 50 машин в день²⁴. В феврале 1940 г. Комитет обороны увеличил полугодо-вую программу выпуска самолетов и авиамоторов почти на 40%. Разрешалось применение сверхурочных работ до 3,5 часа в день на 1 работника, а в отдельных случаях и работа в выходные дни²⁵. Ко-митет обороны взял под свой контроль поставку сырья, топлива и комплектующих на авиазаводы. Наркомат путей сообщения был обязан осуществлять перевозку грузов для НКАП и его смежни-ков в течение суток²⁶. Подготовка к назревающей войне иници-

ривала введение в промышленности военных методов управления. В июне 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о переходе на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений²⁷. В Германии аналогичные меры были приняты еще в апреле 1939 г.

Тем не менее попытка увеличить авиавыпуск путем интенсификации работы уже существующих авиапредприятий не увенчалась успехом. При их планомерном развитии выход на ежедневный выпуск 70 машин ожидался приблизительно к 1943 г.²⁸

Единственным выходом, таким образом, становилось форсированное развитие авиаиндустрии с резким увеличением производственных мощностей. Для этого в составе НКАП был создан специальный главк, ведавший капитальным строительством, в подчинении которого находилось 25 строительно-монтажных трестов. Согласно решениям 1939 г. было решено заложить 9 новых самолетостроительных и 6 авиамоторных заводов; кроме того, еще 9 самолетостроительных и все авиамоторостроительные заводы были реконструированы. К концу 1940 г. начались работы по строительству 8 самолетостроительных заводов, на строительство 3 моторостроительных предприятий были выделены средства²⁹. Показателен рост внимания советского руководства к проблемам авиапромышленности, выразившийся в подключении к решению авиапроблем партийных структур Коммунистической партии. В июле 1940 г. некоторым наркомам и первым секретарям обкомов ВКП(б) было вменено в обязанность взять под личное наблюдение выполнение заказов НКАП³⁰. Специально для постоянного ускорения развертывания авиапроизводства в ряде горкомов и обкомов по решению XVIII конференции ВКП(б) были введены должности секретаря по авиапромышленности³¹. В ЦК ВКП(б) была создана комиссия, еженедельно рассматривавшая ход строительства авиазаводов³². Одновременно с этим предпринимались меры по усилению дисциплины в высших эшелонах администрации. Постановлением ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1940 г. директора самолетостроительных и моторных заводов обязывались ежедневно отчитываться перед наркоматом и ЦК партии о количестве принятой военной приемкой продукции³³. Впервые за историю авиапромышленности строительство новых авиапредприятий было доверено заключенным. Приказом НКВД от 23 августа 1940 г. было создано Управление особого строительства под руководством заместителя начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ) старшего майора госбезопасности А. П. Лепилова, целью которого

было строительство в районе Куйбышева двух авиастроительных³⁴ и одного моторостроительного³⁵ заводов³⁶. К лету 1941 г. производственные корпуса были уже возведены, что позволило в годы войны оперативно перебросить туда оборудование эвакуированных авиастроительных и моторостроительных предприятий. Другим источником расширения авиапромышленности был перевод заводов невоенной сферы экономики в подчинение НКАП. В авиационную индустрию передавали текстильные³⁷ заводы, фабрики школьного оборудования³⁸, авиамастерские расформированных армий прибалтийских государств³⁹, ремонтные авиапредприятия «Аэрофлота»⁴⁰ и Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ)⁴¹. Во второй половине 1940 г. подобной процедуре всего подверглось 60 заводов⁴². Разумеется, авиапромышленность интенсивно развивалась и до «рывка» 1940 г., за период 1937–1940 гг. количество авиапредприятий увеличилось на 75%⁴³, описанное же «ускорение» 1940 г. привело к тому, что к лету 1941 г. советская авиапромышленность в 1,5 раза увеличила свои производственные мощности⁴⁴ и превосходила германскую авиапромышленность по этому показателю в 1,5 раза⁴⁵. Станочный парк пополнялся как внутренним производством, так и за счет закупок оборудования в Германии. Это объяснялось тем, что после начала «Зимней» войны США наложили так называемое «моральное эмбарго» на поставки в СССР авиатехники и авиаоборудования⁴⁶.

Разумеется, германское руководство отнюдь не рвалось развивать советскую экономику накануне решающего столкновения, однако только на таких условиях Сталин согласился на встречные поставки в Германию 2500 тыс. т зерна, 970 тыс. т сырой нефти и 200 тыс. т марганцевой руды⁴⁷, без чего экономическое развитие Рейха было невозможно. С другой стороны, вне зависимости от экономических расчетов, Гитлеру требовался мирный тыл во время вторжения во Францию, так что на некоторое время от Советской России имело смысл «откупиться», тем более что по мнению гитлеровского руководства, славянские «унтерменши» были не в состоянии освоить передовые технологии⁴⁸.

Накануне войны по выплавке алюминия СССР опережал Великобританию, Францию, Японию и Италию⁴⁹. В 1940 г. ассигнования на развитие авиационной промышленности составили 40% военного бюджета страны⁵⁰. В том же году были выделены фонды в валюте для закупки импортного оборудования и дано указание наркомату внешней торговли разместить заказы за границей по авиационной спецификации с минимальными сроками достав-

ки⁵¹. Фактически со второй половины 1940 г. советская авиапромышленность работала в условиях, приближенных к боевым⁵².

К сожалению, столь бурное развитие имело и свои негативные стороны. Повторилась ситуация середины 1930-х гг., когда одновременный ввод в эксплуатацию многих новых заводов «размыл» тонкий слой квалифицированного персонала, в результате чего резко упала производительность труда. С 1939 г. на авиапредприятия начинается массовый приток необученных⁵³ рабочих, учебу которых предлагалось организовать непосредственно в цехах. Важно отметить, что новые рабочие на авиазаводы *переводились* с сохранением стажа, т.е. это было принудительное административное решение. Старые «кадровые» заводы буквально захлестнула волна новых рабочих. Всего на заводы НКАП в 1940 г. было переведено 30 тыс. «необученных» квалифицированных рабочих⁵⁴. Были случаи, когда производственные группы удваивались за счет «новеньких» на одного опытного рабочего приходился один стажер. Начальникам цехов, отказывавшихся брать новичков и требовавших прислать подготовленную рабочую силу, директор завода № 22 открытым текстом отвечал: «Готовых сборщиков, клепальщиков, слесарей нам никто не даст»⁵⁵. Их просто не было. В результате, в некоторых цехах до 50% продукции составлял брак. Ситуация осложнялась тем, что параллельно обучению новопереведенных рабочих заводам предстояло существенно увеличить авиавыпуск. В частности, на авиазаводе № 22 программа 1939 г. вдвое превышала план предыдущего года⁵⁶. Всего, по сравнению с 1938⁵⁷ г., уровень брака на заводе к 1939 г. возрос на 88%⁵⁸, а к 1940 г. составил 86%⁵⁹ уровня 1938 г. Ситуацию удалось несколько улучшить лишь в следующем году. В январе 1941 г. Совнарком направил 50000⁶⁰ молодых людей, закончивших производственное обучение в том году, на предприятия «оборонки» и на оборонные стройки⁶¹.

Неопытность персонала усугублялась материальной неготовностью заводов снабдить такое количество новичков инструментом и приспособлениями. Руководители производственных групп разводили руками: «...За 2 дня я получил 48 человек, чуть меньше, чем я имею старых рабочих... Пошел в (*инструментальный отдел* — М.М.), спрашиваю, чем меня обеспечат — дам молотков 10 шт.; дрелей, пневмомолотков нет, электромолотков есть 5 шт⁶²». Итого — цех получил 48 рабочих, на оснащение которых выдано... 15 молотков, т.е. приблизительно на один молоток 3 рабочих! Неизбежная в подобных условиях организационная неразбериха вела к снижению эффективности работы каждого. Рабочих становилось больше, но индивидуальная выработка падала. Типичным случаем является «фотография рабочего дня»⁶³ фрезеровщика Милехина,

сделанная в феврале 1941 г. на заводе № 22 им. Горбунова⁶⁴. За 1,5 смены Милехин из 660⁶⁵ минут проработал только 262. Остальные были потрачены непроизводительно: установка станка⁶⁶ (35 мин.), получение инструмента (35 мин.), простой (30 мин.), начал уборку рабочего места за 27 мин. до фактического срока окончания работы. На что ушло остальное время — не указано. Случай с Милехиным исключительный, но следует сказать, что из 6 человек, рабочий день которых хронометрировался, никто не проработал более 494 мин., а простои достигали 200—300 мин. Отмечалось общее падение дисциплины на производстве. За 20—30 мин. до начала обеденного перерыва у столовых уже выстраивались очереди⁶⁷, дошло до того, что мастера старались не докладывать табельщикам даже о 30-минутных опозданиях рабочих⁶⁸, так как увольнение сколько-нибудь подготовленного сотрудника было по бригаде, чем по уволенному. Кадровые сотрудники авиапромышленности отмечали, что с приходом «переведенных» рабочих резко упала культура труда. Новички, принудительно загнанные на авиапредприятия, относились к новому месту работы как к чужому, нелюбимому, временному пристанищу. Сотрудники парткома завода № 22 отмечали: «... Мы обошли три четверти рабочих мест... у любого станка открываешь стол — там булка, грязные тряпки и т.д. Говоришь ему (*рабочему* — М.М.) — ведь противно булку есть, а он — «ничего, обойдется». На станках валяются проволока, обрывки и т.п., как у свиньи... Ряд станков поломаны из-за того, что к ним относятся безобразно. ...Вы поглядите, что у нас творится на рабочих местах, в шкафчиках. Ведь все верстаки пообломали, замки сломаны, у каждого стула вот такая цепь, чтобы не украли, тиски поломаны, пыль, грязь — не пройдешь...⁶⁹». Неоднократно отмечались случаи, когда работу специально откладывали до вечера, когда ее можно было провести в бухгалтерской отчетности как «сверхурочную», причем эта практика распространялась и на ИТР. Выполнение основных обязанностей стало дополнительно оплачиваться как аккордные работы; например, технологи с зарплатой 800 руб. получали премии в 1000—2400 руб. за составление технологии⁷⁰. Судя по всему, убедившись в неэффективности дальнейшего усиления репрессивных форм стимулирования трудовой активности, советский менеджмент пытался простимулировать ударный труд рублем.

Подводя итоги, можно сказать, что в 1939—1941 годах советская авиапромышленность существенно расширилась. Всего в отрасли было занято 466400 человек, из них 174361 — на самолетостроительных и моторостроительных заводах. К началу войны НКАП включал в себя свыше 100 предприятий, из которых 24 были

самолетостроительными, 7 — моторостроительными, 10 выпускали агрегаты, предназначенные для установки на самолеты, и 13 — агрегаты для моторов, еще 17 предприятий производили авиаприборы и 6 — авиасплавы⁷¹. Прочие заводы выполняли вспомогательные функции.

«ВЕДОМСТВО ГЕРИНГА»

На 1935 г. в ведении Министерства авиации Германии состояло 48 авиазаводов. Ещё 18 производили авиадвигатели, 22 — авиаприборы и 20 — прочие авиаагрегаты⁷². Всего в авиапромышленности Рейха на тот момент было занято 120000 рабочих⁷³. По оценкам советской разведки, месячный авиавыпуск Германии на тот момент составлял 500 самолётов⁷⁴, это приблизительно совпадало с оценкой французских военных специалистов — 15 самолётов в день⁷⁵. К 1936 г. количество авиазаводов возросло до 60⁷⁶. При этом авиация была как бы «на особом положении»⁷⁷. Её руководитель — Герман Геринг, совмещал высокий пост в партийной иерархии с должностями «уполномоченного по 4-летнему плану»⁷⁸ и министра авиации, ввиду чего он считал авиацию чем-то вроде своей вотчины и категорически возражал против вмешательства в вопросы люфтваффе кого бы то ни было, включая и штаб Верховного главнокомандования (ОКВ).

Осуществление исследовательских работ в области авиации было возложено на Германское управление испытательными работами в области авиации (ДФЛ)⁷⁹, созданное ещё в годы Первой мировой войны⁸⁰. Не удовлетворившись этим, германское руководство развернуло крупномасштабные работы по расширению авиапромышленности. С финансовой стороны эти работы поддерживались выделением льготных кредитов уже существующим авиафирмам и поддержкой новых компаний в переходе на выпуск авиационной продукции. Германская авиапромышленность была перестроена в духе «рационализма». Такие понятия, как «конкуренция» и «интеллектуальная собственность», ликвидировались — все работы и патенты были общедоступными, создание новых конструкций поддерживалось только у компаний с сильным конструкторским коллективом и соответствующим опытом. К производству самолетов подключались предприятия тяжелой индустрии, создавая своеобразные концерны с сильной производственной базой и опытными конструкторскими коллективами⁸¹.

Накануне вторжения в СССР авиапромышленность по-прежнему оставалась на особом положении. В феврале 1940 г. для

объединения и координации усилий по производству военной продукции было создано Министерство вооружений. Министром был назначен Тодт. Теоретически новое министерство должно было курировать и авиаиндустрию, однако Герингу удалось отстоять своё исключительное право решения вопросов, связанных с авиацией. Был достигнут своеобразный компромисс: Тодт обязался не вмешиваться в вопросы авиапромышленности, а Геринг наградил покладистого министра званием генерал-майора авиации⁸². В русле этой политики следует рассматривать и тот факт, что, хотя общее руководство всей строительной промышленностью Рейха было поручено Тодту, руководство строительством объектов авиапромышленности было специально возложено на Шпеера⁸³.

Ведомство Тодта было, по сути, структурой экономической, т.е. координировало производство. Для координации систем вооружения и выработки единой концепции военной техники требовался орган, объединяющий или курирующий все три (сухопутная армия, ВВС, ВМФ) военные структуры. Разумеется, все три главнокомандующих яростно возражали против подобного ущемления своих прерогатив. Наконец в августе 1940 г. начальнику Управления вооружений ОКВ Беккеру удалось уговорить строптивых фельдмаршалов, и Гитлер подписал соответствующий приказ, но вечером того же дня приказ был отменён⁸⁴. Беккер, оскорблённый подобным отношением, застрелился. Фактически, сосредоточение всей военной промышленностью Германии в едином центре произошло только в 1943 г., после назначения Шпеера министром вооружения, а Геринг в августе 1940 г. ещё раз подтвердил своё монопольное право принимать значимые решения в отношении люфтваффе и авиаиндустрии.

Всего к 1941 г. германская авиапромышленность состояла из 135 авиазаводов и 35 авиамоторных заводов⁸⁵. Германская авиапромышленность превосходила советскую как по числу предприятий⁸⁶, так и по количеству занятых — ок. 2000000⁸⁷ чел. против 272600 чел. Существующие предприятия удовлетворяли запросы люфтваффе при работе только в одну смену. Более того, производственные мощности германской авиапромышленности были даже избыточны. Несмотря на то что авиация оставалась основным приоритетом военного заказа, её удельный вес в общей стоимости военного заказа 1940 г. снизился, за счёт чего были увеличены ассигнования на танко- и судостроение⁸⁸. Некоторые авиазаводы, опасаясь простоев, даже начали осваивать производство десантных судов, сборных домиков и т.п.⁸⁹.

ВЗАИМООЦЕНКА

Подписание пакта Риббентропа – Молотова дало советским специалистам уникальный шанс – взглянуть на авиапромышленность потенциального противника «изнутри». Впрочем, аналогичную возможность получили и германские представители. Каждая из сторон старалась рассмотреть сильные и слабые стороны коллег по ту сторону границы, промышленный потенциал и технические возможности потенциального неприятеля. Эта взаимооценка накануне начала Великой Отечественной войны сыграла немаловажную роль в принятии важнейших военно-политических решений.

ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

В результате подписания советско-германского договора 1939 г. советские авиаконструкторы и инженеры получили возможность ознакомиться с достижениями своих германских конкурентов. Посещению советских специалистов подверглись многие объекты «ведомства Геринга», что позволило составить в СССР достаточно полное впечатление о германской авиапромышленности.

Объекты германской авиаиндустрии, на которых побывали в 1939 г. советские специалисты⁹⁰

Осмотренный объект	Основная продукция	Местоположение объекта	Время осмотра (не всегда указано)
Испытательный институт Министерства авиации		Рехлин	
Завод ФДМ	шасси и винты	Гамбург	
Завод Шварца	винты	Берлин	27.11.1939
Институт Стали		Дюссельдорф	
Заводы «Хеншиль»	самолёты	Росток, Иоганишталь	30–31.10.1939
Завод «Хеншиль»	самолёты	Шонефельд (Берлин)	11.11.1939
Завод «Юнкерс»	моторы	Дессау	7–8.11.1939
Заводы «Юнкерс»	моторы и самолёты	Бернсбург, Ашерслебен, Магдебург	9.11.1939
Завод «Мессершмидт»	самолёты	Регенсбург,	2.11.1939
Завод «Мессершмидт»	самолёты	Аугсбург ⁹¹	10.11.1939

Таблица (продолжение)

Осмотренный объект	Основная продукция	Местоположение объекта	Время осмотра (не всегда указано)
Завод «Фокке-Вульф»		Бремен ⁹²	8.11.1939
Завод «Бер»	радиаторы	Штутгарт	
Завод «Плексиглас»		Дармштадт	
Завод «Динамит»	пластмассы	Кёльн	
Завод «Континенталь»	резиновые изделия	Ганновер	
Заводы «Рур-Сталь»	литьё		
Завод «Дюринг»	дюраль	Кёльн	
Завод «Блом и Фосс»		Гамбург	7.11.1939
Завод «Дорнье»	самолёты	Фридрихсгафен	3.11.1939
Завод «Бюккер»	учебные самолёты	Рансдорф (Берлин)	
Завод «Даймлер-Бенц»	моторы	Штутгарт	
Завод «Даймлер-Бенц»	моторы	Хансхаген	1.10.1939
Заводы «БМВ»	моторы	Мюнхен, Алах	
Завод «Брамо»	моторы	Берлин	1.12.1939
Завод «Хирт»	моторы	Вальтсдорф	
Завод «Аргус»	моторы	Берлин	
Завод «Бош»	насосы, магнето, моторные свечи		
Завод «Бюссинг»	моторы	Брауншвейг	
Завод «Гетце»	поршневые кольца и уплотнители	Кёльн	21.11.1939
Завод «Крупп»		Эссен	24.11.1939
Завод «Адмос»	бронзовое и латунное литьё	Берлин	25.11.1939
Завод «Дейтц»	моторы	Гамбург	29.11.1939
Завод «Раутенбах»	алюминиевое литьё	Золинген	
Завод «ФДМ»	алюминиевое литьё	Франкфурт-на-Майне	

Это был своеобразный «промежуточный финиш», на котором, ещё до реального столкновения, советская и германская авиапромышленности могли сравнить свои достижения. По возвращении в СССР участники упомянутой выше комиссии Тевосяна на заседании Технического совета НКАП 27 декабря 1939 г. изложили своё мнение о германской авиапромышленности. Так, Н.Н. Поликарпов сказал: «Германское самолётостроение шагнуло весьма далеко и вышло на первое место мировой авиационной промышленности»⁹³. А.С. Яковлев особо отметил, что «в Германии научно-исследовательская работа поставлена очень хорошо, ДВЛ⁹⁴ работает с некоторым опережением. По некоторым вопросам немецкие конструкторы ... могут смотреть вперёд на год-два. Если мы будем сравнивать то, что мы имеем у нас, то по целому ряду вопросов, над которыми должен бы работать ЦАГИ и давать нам указания, мы никаких указаний не имеем. ... Такой вопрос, как радиатор, у нас остаётся неразрешённым, мы до сих пор имеем тяжёлые радиаторы, что не позволяет нам сделать машину с большими скоростями. Этот вопрос очень тёмен, и ЦАГИ в данном вопросе только контролирует, но не даёт... методики.

Если взять вопрос профилей, то у нас 2-3 профиля и конструктор за них держится, атлас новых профилей ЦАГИ предполагается выпустить только концу 40-го года⁹⁵.

...Затем, германским конструкторам очень помогает обмен опытом. Работа построена так, что каждый завод строит 2–3 типа конструкций. Завод Мессершмидта⁹⁶ выпускает «Мессершмидт-109» и ещё крылья⁹⁷.

...К нашему стыду, мы должны признать, что мы всё ещё работаем очень замкнуто и нет никаких побуждающих причин, которые заставили бы нас познакомиться с тем, что делают многие из конструкторов⁹⁸. Нам часто приходится разрешать вопросы, которые уже разрешены другими, приходится наталкиваться на ошибки, от которых пострадали другие конструкторы.

...Немецкие конструкторы, помимо того что они имеют возможность знакомиться с опытом других заводов, они имеют ещё одно подспорье, весьма существенное, это техническая литература, не говоря уж о периодической литературе. Там имеется несколько научных журналов, которые публикуют весь современный материал.

Они имеют ещё замечательные книжки – справочники для конструктора. Это ценнейшие вещи, где мы имеем решения ряда элементарных вещей, над которыми мы ломаем головы. У нас этого нет, и это очень печально».

Примерно так же оценивали авиаинженеры и уровень изготовления авиатехники. Закупленные в Германии самолёты осматривались советскими авиаспециалистами в НИИ ВВС. Один из них — Б.Е. Черток писал: «У меня и других специалистов по оборудованию вызывало зависть тщательность и чистота отделки интерьеров приборных досок и пультов. Электрический бомбосбрасыватель фирмы «Сименс-аппарат» имел, как теперь бы сказали, великолепный дизайн. Бомбардировщики были оснащены электрическими автопилотами. Впервые увидав электрогидравлические рулевые машины «Аскания», мы даже не разгадали принципы их работы»⁹⁹. Несколько отвлекаясь, отметим, что рулевые машины «Аскания» применялись в советском авиастроении даже на первых послевоенных крылатых ракетах¹⁰⁰. Восхищало качество не только целых агрегатов, но и отдельных деталей. При сравнении поршневых колец завода № 20, изготовленных по американской технологии фирмы «Райт» (причём по качеству советские кольца превосходили американские прототипы¹⁰¹), с аналогичными кольцами производства германской фирмы «Гётце» моментально выявилось явное превосходство «немцев», причём попытки использовать на заводе № 20 анализ структуры немецких колец для получения изделий того же качества не увенчались успехом¹⁰².

Впрочем, ряд «изюминок», подсмотренных на закупленных немецких самолётах, всё же удалось внедрить. Так, в октябре 1940 г. завод № 39 оборудовал ДБ-3Ф термическим антиобледенителем, скопированным с Ю-88. Завод № 120 стал делать тормозные колеса с ребристой тормозной рубашкой для ДБ-3 по образцам Ю-88, Ме-110 и До-215¹⁰³, на истребителе МиГ-3 был установлен новый капот на стяжных замках по образцу Ме-109¹⁰⁴ и т.д.

В отчёте НИИ ВВС о результатах испытаний германских самолётов признавалось, что «характерной особенностью всех немецких самолётов является то, что при конструировании любого типа самолёта конструктором весьма много внимания уделяется максимальному облегчению эксплуатации самолёта в полевых условиях и удобству выполнения боевых заданий. С этой целью в конструкции самолёта предусмотрен ряд автоматов, облегчающих работу лётчика.» Например, чтобы снять пропеллер на Ю-88 требовалось 4 минуты, а на СБ — 1 час, чтобы снять мотор — соответственно 1,5 и 4,5 часа, чтобы поставить мотор — соответственно 3 и 10 часов¹⁰⁵. К сожалению, невнимание к подобным «мелочам», как дизайн и удобство в обслуживании и эксплуатации, осталось неизжитым советскими конструкторами и после ознакомления с германской техникой. Так, уже в 1943 г. пилоту Фокке-Вульфа-190, для того что бы увеличить скорость, достаточно было переместить

сектор газа. Советский лётчик, пилотирующий Ла-5ФН, для того же результата должен был последовательно сдвинуть 6 рычагов¹⁰⁶, регулирующих шаг пропеллера, положение жалюзи радиатора и т.п. Только к концу войны на советских самолётах появилась система «винт—газ»¹⁰⁷, позволявшая централизованно управлять этими двумя параметрами. Плохой и неэргономичный дизайн вёл к повышенной утомляемости советских пилотов. В результате в ходе Кубанского воздушного сражения после пятого—шестого вылета советских пилотов-истребителей из кабин надо было извлекать силами аэродромной команды, потому что самостоятельно они передвигались уже с трудом¹⁰⁸.

Вообще говоря, ненамного уступая — а иногда не уступая вовсе, — германским аналогам по таким параметрам, как вооружение, скорость, манёвренность, даже новейшие советские самолёты безнадёжно уступали потенциальным противникам по оснащённости различным дополнительным оборудованием. Например, немецкие самолёты в обязательном порядке оснащались радиостанциями, радиокompасами, аппаратурой слепой посадки и т.п. Уже в 1937 г. попавшие в Испанию Me-109 оснащались радиостанциями, что существенно облегчало им борьбу с «Ратами» — так франкисты и их «союзники» из легиона «Кондор» прозвали И-16. Для советских истребителей бортовая радиостанция долгое время представлялась избыточной роскошью. На 1937 г. единственным советским типом самолёта, в массовом порядке оснащённым авиарацией, был 4-моторный бомбардировщик ТБ-3¹⁰⁹. Несмотря на то что некоторые экземпляры И-16 радиофицировались¹¹⁰, таких машин было так мало, что уже в годы войны М.Л. Галлай, испытывая Ла-5, называл бортовую радиостанцию «новинкой»¹¹¹.

Особый интерес для нас составляет мнение советской стороны о собственно авиапромышленности Германии. Этим сюжетам было посвящено несколько специальных докладов, подготовленных для руководства Советского Союза специалистами НКАП, совершившими ознакомительные поездки по Третьему рейху в 1940 г. В ходе этих поездок была собрана информация, впоследствии заметным образом повлиявшая на развитие отечественной авиапромышленности. Так, советские инженеры отмечали, что в Германии производится ограниченное, не слишком большое число типов моторов, но зато каждый тип производится сразу на нескольких предприятиях, что позволяет избежать риска прекращения выпуска данного типа в случае аварии на одном заводе¹¹². Наибольшее внимание уделяется моторам с водяным охлаждением. Германские моторостроители избегают применения карбюраторов, предпочитая моторы с непосредственным впрыском. Сложно сказать,

насколько эти данные послужили руководством к действию, но историческим фактом является резкое повышение внимания руководства СССР к созданию предприятий-дублёров (особенно в области моторостроения) именно в эти годы; повышенное внимание к моторам с водяным охлаждением в ущерб моторам с охлаждением воздушным; интенсификация работ над моторами с непосредственным впрыском топлива.

Со стороны советских специалистов вызывал интерес также и порядок распределения работ внутри германского авиапрома. Как особо важное обстоятельство в отчётах НККАПа подчёркивалось, что в Германии серийный авиадвигательный завод получает от ведущего завода фирмы или группы предприятий все чертежи, технологию, инструкции, нормативы и т.п. Более того, серийному заводу строго запрещено вносить самовольно какие-либо изменения в конструкцию или технологию. Для советских авиадвигательных заводов, на которых и экспериментальные работы, и серийное производство были совмещены, такая постановка вопроса была внове.

Инженеры, побывавшие в Германии, отмечали, что методологически советские авиазаводы организованы более прогрессивно. «На ряде заводов узлы собираются по группам, а полная сборка производится бригадами по 2 человека. На более крупных и новых заводах («Юнкерс», «Даймлер-Бенц») сборка мотора производится поточным методом. Сборки по конвейеру ни на одном заводе нет»¹¹³. Таким образом, высокая квалификация германских рабочих и присущая им культура производства позволила германским авиадвигательным строителям обойтись без конвейерного производства и создавать сверхмалые (по 2 человека) бригады, эффективно работавшие без постоянного надзора со стороны мастера или начальника участка. В данном случае германский опыт был принципиально не применим к советским условиям — одновременно резко повысить уровень квалификации сотен тысяч рабочих не представлялось возможным. При этом фундаментальные проблемы авиапромышленности по обе стороны советско-германской границы были одинаковы. «Сборка идёт поточным методом... Это позволяет применять не очень квалифицированную рабочую силу»¹¹⁴, — отмечали советские специалисты. То есть переход к поточному производству был не в последнюю очередь обусловлен именно нехваткой высококвалифицированного персонала для расширения масштабов авиавыпуска старыми, привычными технологическими методами. Очевидно, в СССР, где ситуация с подготовкой персонала была ещё острее, насущным был переход уже не к поточному, а к конвейерному производству.

Аналогично в «ведомстве Геринга» решали проблему быстрой сменяемости моделей в производстве — «Оборудование (*на германских авиамоторных заводах — М.М.*) в основном состоит из универсальных станков — на универсальных станках легче возможен быстрый переход производства с одного типа на другой»¹¹⁵. Однако для работы на универсальных станках и рабочий должен иметь сравнительно высокую квалификацию, поэтому в СССР этот метод следовало применять с осторожностью.

Самыми сильными сторонами германского авиапрома, по мнению авторов доклада, представленного в НКАП, были технический контроль и межзаводская кооперация. В механических цехах контроль в ходе производства был столь высок, что итоговый брак составлял лишь 6–10%. Ещё жёстче был контроль в литейном производстве. Там каждая деталь в обязательном порядке проходила рентгеновскую дефектоскопию. С крупных деталей делали до 60 рентгеновских снимков, а детали мелкие просвечивали на специальных экранах, позволявших браковщикам интерактивно отбирать дефектные изделия. С явной завистью советские специалисты отмечали, что в германской промышленности «...отличная кооперация. Моторные заводы получают со стороны всё литьё, совершенно готовые поршни, поршневые пальцы и все агрегаты»¹¹⁶. Уверенность германских технологов в безошибочной работе смежников выражалась, например, в том, что авиамоторные заводы вообще не имели литейных цехов — всё литьё поступало от смежников¹¹⁷.

Следствием хорошо поставленной кооперации заводов стали определённые изменения в станочном парке. «Самолётные заводы получают в готовом виде литьё цветное и стальное, штамповку горячую, пластмассы... На самолётных заводах обрабатывают только литьё и горячая штамповка. Механический парк заводов преимущественно состоит из фрезерных станков... Таким образом, на эти (*самолётостроительные — М.М.*) заводы падает от общей трудоёмкости производства самолёта не более 50–60%. Механический парк на заводах (кроме Мессершмидта) очень беден. Это вполне понятно, так как они большинство деталей получают готовыми»¹¹⁸.

Советские аналитики полагали, что в целом германская авиапромышленность насчитывает в своём составе 17 моторостроительных, 30 самолётостроительных и 35 авиаремонтных заводов. Мощность «ведомства Геринга» при 60-часовой рабочей неделе, принятой в Германии на тот момент, оценивалась в 1000 самолётов и 1500–2000 моторов ежемесячно. Специально уточнялось, что в случае нужды эти мощности легко могут быть удвоены и утроены. В перспективе ожидалось дальнейшее расширение немецкой

авиаиндустрии и подключение к ней производственных мощностей покорённых стран. Например, со ссылкой на германские источники приводилась информация о том, что на бывших польских авиазаводах уже идёт ремонт немецких самолётов и моторов.

Очень высоко оценивалась организация труда и общий уровень технической культуры. «На авиазаводах заметна большая дисциплинированность. Дисциплина проявляется в том, что какходишь в цеха, заметно отсутствие болтающихся в проходах и занятых разговором. Все находятся у рабочих мест и заняты делом. Курение запрещено. Строго выполняются технические процессы и ритмичное движение потока. Техническая дисциплинированность выражается в том, что серийные заводы беспрекословно выполняют свои изделия по чертежам внедрённого образца. В свою очередь, и серийным заводам дают вполне конкретные отработанные для серийного запуска самолёты. Изменения в чертежах никто не имеет права вводить. ... Вся технология отработана на головном заводе, серийные (*заводы — М.М.*) получают чертежи самолёта и оснастки»¹¹⁹. В общем-то, ничего сверхъестественного тут не описывается — рабочие на заводе работают, а не прохлаждаются, на серийные заводы поступают утверждённые чертежи, и по этим чертежам строятся самолёты. Но то, что все эти моменты специально подчёркиваются в отчёте специалистов НКПА, показывает, что в советском авиапроме этот простой и естественный порядок вещей, к сожалению, не соблюдался.

Напротив, слабым местом германской авиапромышленности считалось снабжение сырьём. Советские инженеры отмечали, что, как правило, немецкие заводы имеют склады сырья и комплектующих, достаточные для полугодовой работы завода. Поэтому даже сравнительно длинное отсутствие подвоза ввиду разрушения завода-поставщика или транспортных перебоев не ставило завод в безвыходное положение. Однако в масштабах всей страны ситуация с сырьём была не столь радужна. В 1938 г. в Германии было произведено 195000 т алюминия¹²⁰, однако в основном он был выплавлен из импортного глинозёма. В 1940 г. перспективы производства алюминия были ещё лучше ввиду того, что во Франции были захвачены обширные запасы бокситов, да и Югославия — один из лидеров Европы по добыче бокситов — в основном переориентировалась на германский рынок. Но прекращение импортных поставок глинозёма могло сильно ударить по германской авиаиндустрии. В конструкциях германских самолётов широко использовалась сталь. Однако и она выплавлялась из импортной шведской руды. В целом вопрос стабильности и непрерывности импортных поставок сырья признавался кардинальным для авиапромышленности Германии.

ВЗГЛЯД ИЗ БЕРЛИНА

Впрочем, процесс взаимооценок был обоюдным. Ещё во время Гражданской войны в Испании франкисты захватили и переправили в Рейх несколько советских самолётов¹²¹. Ознакомившись с захваченными франкистами в Испании СБ, В. Мессершмидт сказал: «Туполев — несомненно, самый выдающийся русский авиаконструктор... он... проектируя (*свои* — М.М.) самолёты, не забывает об уровне русской авиапромышленности и делает их простыми и доступными для изготовления рабочими средней и малой квалификации¹²²».

Однако вернёмся к эволюции взглядов германского руководства на советский авиапром. После заключения советско-германского соглашения германское руководство направило в СССР авиационную комиссию, аналогичную советской. Немецкие авиаспециалисты посетили несколько авиазаводов и встретились с рядом советских авиаконструкторов, в том числе — с Микояном. По свидетельству Швабедиссена, германские инженеры были поражены — «Каждый из этих заводов был гигантским предприятием, где работало до 30000 человек в каждой из трех смен».

В сводном отчете о визите среди прочего подчеркивалось:

«1. Заводы практически полностью независимы от внешних поставщиков.

2. Работа прекрасно организована, все продумано до мелочей.

3. Оборудование современное, в хорошем состоянии.

4. Высокий уровень квалификации, трудолюбие и бережливость советских рабочих.

Еще одной интересной особенностью было то, что до 50% рабочих составляли женщины, выполнявшие работу, которую в других странах доверяли лишь квалифицированным мужчинам, и что качество конечной продукции было прекрасным.

Хотя можно предположить, что немецкой комиссии показали самые лучшие заводы, следовало ожидать, что и остальные заводы находились на вполне приемлемом уровне»¹²³.

Это мнение можно было бы рассматривать как попытку задним числом преувеличить мощь советского авиапрома с целью оправдать итоговое поражение люфтваффе, однако документы говорят о том, что именно в преддверии войны члены германской делегации отзывались весьма уважительно о советских авиазаводах¹²⁴. Качество советских и немецких самолётов немецкими специалистами оценивалось примерно равным¹²⁵, а основные надежды компенсировать количественное превосходство советских ВВС над Люфтваффе члены делегации связывали с лучшей квалификацией

немецких пилотов и планами разгромить советскую авиацию на земле¹²⁶. В то же время масштабы советского авиавыпуска германскими экспертами занижались. Так, весной 1941 г. авиавыпуск в СССР оценивался в 6000 самолётов в год¹²⁷, в то время как уже в 1939 г. было выпущено свыше 10000 серийных самолётов. Важно отметить, что в 1938 г. немецкие аналитики¹²⁸ оценивали советский авиавыпуск также в 6—7 тыс. самолётов в год¹²⁹, т.е. германская разведка первоначально существенно завысила мощь советской авиационной промышленности, а затем проглядела спурт 1939—1941 годов.

В целом доклад комиссии произвёл на гитлеровское военное и политическое руководство «удручающее» впечатление¹³⁰. Складывается впечатление, что в Берлине просто не желали слышать ничего хорошего про советские ВВС, рассматривая такую информацию как паникерскую.

Характерен диалог немецкого военно-морского атташе в Москве Баумбах и помощника атташе по вопросам ВВС в том же посольстве Вундерлиха, состоявшегося в апреле 1941 г. после посещения немецкой делегацией ряда московских авиазаводов¹³¹:

«Баумбах: Вы остались довольны осмотром заводов?»

Вундерлих: Необычайно. Русские отнеслись к комиссии очень радушно, дружелюбно. Мы теперь имеем точное представление о русской авиации, об их инженерах и техниках. В Берлине теперь будут иметь действительную картину русского воздушного флота.

Баумбах: Они работают продуктивно?

Вундерлих: Да. Их заводы чисты и в общем производят очень хорошее впечатление. Рабочие работают серьёзно, внимательно...

Баумбах: Скажите, если они ещё 10 лет будут работать так, как сейчас, они смогут догнать нас?

Вундерлих: Я думаю, им надо более 10 лет.

Баумбах: На хорошее качество русских моторов можно рассчитывать?

Вундерлих: Русские моторы очень тяжёлые.

Баумбах: В общем, их качество не такое хорошее, как наше? 10 лет им будет недостаточно, чтобы достичь нашего качества?

Вундерлих: 10 — нет. Что у них долго тянется, так это строительство заводов¹³²».

Этот диалог, как в капле воды, отразил господствовавшие умонастроения гитлеровского истеблишмента. Примечательно, что Вундерлих, будучи специалистом, даёт в целом взвешенную и осторожную оценку советского авиапрома, Баумбах же едва ли не требует от него признания советской отсталости.

Интересно, что германский военно-воздушный атташе Ашенбреннер счёл отчёт комиссии недостаточно объективным. По его

мнению, комиссия не завышала, а напротив, занижала потенциал советского авиапрома, однако его алармистские сообщения не вызвали доверия у руководства Рейха¹³³.

Достаточно туманна и дальнейшая судьба отчёта комиссии. По одной версии, прочитав его, Гитлер воскликнул: «Теперь стало видно, как далеко зашли эти люди. Нужно начинать немедленно!», с другой стороны — на Нюрнбергском процессе Мильх не смог чётко ответить на вопрос, передавал ли Геринг текст этого отчёта Гитлеру¹³⁴.

Таким образом, в 1941 г. немецкая авиапромышленность, а вернее, её руководство оказалось поражено советской болезнью середины 30-х годов. Самоуверенность, убеждённость в том, что даже через 10 лет противник не достигнет германского уровня, нежелание слышать осторожные сомнения профессионалов в низких качествах советской авиаиндустрии вскоре сыграли с «ведомством Геринга» злую шутку. Можно спорить, достигли ли советские авиазаводы германского качества к 1945 г., но то, что немецкой авиастроительной промышленности не удалось достичь советских темпов производства, является неоспоримым фактом. Напротив, руководство НКАП сумело достаточно точно оценить сильные и слабые стороны германского авиастроения, что позволило ещё до начала Великой Отечественной войны начать работы по преодолению отставания.

¹ Емельянов В.С. На пороге войны. М., 1971. С. 92.

² Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1972, С.172, 198.

³ Куманев Г.А. Рядом со Сталиным. М., 1990. С. 80.

⁴ Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1990. С. 105.

⁵ И.Ф. Тевосян по праву пользовался репутацией знатока технических и экономических проблем советской тяжелой промышленности. В 1930–1937 годах он возглавлял всесоюзное объединение «Спецсталь», а затем стал руководителем Главного управления судостроения в составе НКОП.

⁶ Петров И.Ф. Авиация и вся жизнь. М., 1992. С. 47.

⁷ Яковлев. А.С. Цель жизни. С. 211.

⁸ Петров И.Ф. Указ. соч. С. 47.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т.12(1). М.,1993. С. 199.

¹⁰ 1941 г. Кн. 1. М.,1998. Кн. 1. С. 463.

¹¹ Там же. С. 519.

¹² Там же. С. 520, 568, 605.

¹³ Там же. С. 751.

¹⁴ Соболев Д.А. Немецкий след в советской авиации. М., 1996. С. 49.

¹⁵ Степанов А. Пиррова победа Люфтваффе на Западе. // История авиации. 2000. № 3.

¹⁶ Грин А. Крылья Люфтваффе. Ч. II, М., 1994. С. 180.

- ¹⁷ Керль Г. Военная экономика и военная промышленность // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 364.
- ¹⁸ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 288.
- ¹⁹ Ввиду множественных подтверждений информации Петрова из независимых источников, автор склонен придерживаться именно этой версии, хотя не может решительно отрицать и остальные.
- ²⁰ Арлазоров М. Фронт идет через КБ. М., 1987. С. 75.
- ²¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1963. С. 413.
- ²² Никитин А. Состояние важнейших отраслей промышленности СССР накануне Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 1960. №3.
- ²³ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917—1945. М., 1983. С. 264.
- ²⁴ 1941 г. Кн. 2. М., 1998. С. 379.
- ²⁵ Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. М., 1994. С. 199.
- ²⁶ Там же. С. 200.
- ²⁷ История Второй Мировой войны 1939—1945. М., 1974, Т. 3. С. 374.
- ²⁸ Черток. Б.Е. Ракеты и люди. М., 1994. С. 24.
- ²⁹ Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. М., 1994. С. 3.
- ³⁰ 1941 г. Кн. 1. М., 1998. С. 132—133.
- ³¹ Шумихин В.С. Советская военная авиация. 1917—1941. М., 1986. С. 208.
- ³² Арлазоров М. Указ.соч. С. 90.
- ³³ 1941 г. Кн. 1. М., 1998. С. 395.
- ³⁴ № 122 и 295.
- ³⁵ № 377.
- ³⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 58, Л. 44.
- ³⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8328. Оп. 1. Д. 1403.
- ³⁸ Там же. Д. 1407.
- ³⁹ Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. С. 200.
- ⁴⁰ Таликов Н. Полвека — первый. М., 1999. С. 16.
- ⁴¹ РГАЭ, Ф. 8328. Оп. 1. Д. 1402.
- ⁴² Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 73.
- ⁴³ Устинов Д.Ф. Во имя победы. М., 1988. С.122.
- ⁴⁴ Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 73.
- ⁴⁵ История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 383.
- ⁴⁶ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁷ Мюллер Р.Д. Экономические приготовления Германии к операции «Барбаросса» // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. С. 347.
- ⁴⁸ Фон Штрадман Х.П. Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи. 1939—1941 // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. С. 374.
- ⁴⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1963. С. 411.
- ⁵⁰ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917—1945. С. 264.
- ⁵¹ Шахурин А.И. Указ. соч. С. 84.
- ⁵² Шумихин В.С. Указ. соч. С. 221.
- ⁵³ Имеются в виду — необученных нужным на авиазаводе профессиям. Особую остроту социальному конфликту в данном случае придавало то, что большинство из «молодых» рабочих являлись высококвалифицированными

пожилыми рабочими, с производственным стажем в 7–11 лет. Принудительное перепрофилирование было для них не только унижительно, но и стеснительно в финансовом отношении. Для человека, обремененного семьей, в одночасье пониженного в разряде (и, соответственно, в оплате), переброшенного в другой коллектив и в приказном порядке обязанного осваивать новую профессию, новое назначение вызывало стресс, явно понижавший производительность труда.

⁵⁴ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 200.

⁵⁵ Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ), Ф. 217. Оп. 1. Д. 49. Л. 14–15.

⁵⁶ Там же. Л. 3–4.

⁵⁷ Уровень 1938 г. рассматривается эталонным, так как это последний довоенный год. С началом Второй мировой войны ситуация резко изменилась.

⁵⁸ ЦАОДМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 96., Л. 196.

⁵⁹ Там же. Л. 18.

⁶⁰ Из 439 тыс., закончивших образование в системе «Трудовых резервов» в том году.

⁶¹ Народное хозяйство СССР. 1922–1972. М., 1972. С. 355.

⁶² Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ), Ф. 690. Оп. 1. Д. 135. Л. 25.

⁶³ Специальная форма хронометрирования использования рабочего времени персонала, применявшаяся в те годы на советских предприятиях для научной организации труда.

⁶⁴ ЦМАМ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 98. Л. 6.

⁶⁵ Так в документе. Реально 1,5 смены – 720 минут.

⁶⁶ Так в тексте. Видимо, имеется ввиду подготовка станка к работе – установка фрезы и т.п.

⁶⁷ ЦМАМ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 98. Л. 9.

⁶⁸ Там же. Л. 23.

⁶⁹ Там же. Л. 25–99.

⁷⁰ ЦАОДМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 96. Л. 164.

⁷¹ Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. С. 205.

⁷² Вудман Д. Воздушное вооружение Германии. М., 1935. С. 34–36.

⁷³ Германская авиация в освещении иностранной прессы. // Вестник воздушного флота. 1936. № 7.

⁷⁴ 1941 г. М., 1998. Кн. 2. С. 519.

⁷⁵ Там же. С. 524.

⁷⁶ Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 103.

⁷⁷ Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М., 1956. С. 102.

⁷⁸ Фомин В.Т. Фашистская Германия во Второй мировой войне. Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М., 1978. С. 25.

⁷⁹ Вудман Д. Указ. соч. С. 45.

⁸⁰ Велижев А. Авиапромышленность в условиях империализма. М., 1934. С. 47.

⁸¹ Грин В. Указ. соч. Ч. II. С. 180.

⁸² Мюллер Р.Д. Мобилизация экономики в интересах войны – задача армии? Вермахт и экономика, 1933–1942. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 284.

⁸³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М., 2002. С. 200.

- ⁸⁴ Шнейдер Э. Техника и развитие оружия в войне. // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 326—327.
- ⁸⁵ Советские Военно-Воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. М., 1968. С. 26.
- ⁸⁶ Советский авиапром на тот момент состоял из 86 заводов.
- ⁸⁷ Промышленность Германии в период войны 1939—1945. М., 1956. С. 104.
- ⁸⁸ Milward A.S. The German Economy at War. London. 1965. p. 42.
- ⁸⁹ Грин В. Указ. соч. Ч. II. С. 182.
- ⁹⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1 Д. 359. Л. 61—186.
- ⁹¹ Имел статус «ведущего». По сути, был технической базой КБ Мессершмидта. Кроме того, там серийно производились самолёты Me-110.
- ⁹² Согласно отчётам советских специалистов, во время осмотра этого завода им показали «решительно всё». С другой стороны, в отчёте нет ни одного упоминания о перспективном истребителе ФВ-190, первые образцы которого именно в эти дни проходил испытания. Видимо, в этом «решительно всё» были существенные лакуны. В результате, высоко оценив технический уровень завода, советские конструкторы отозвались весьма скептически о номенклатуре производимых на нём самолётов. Единственным, по их мнению, стоящим внимания был двухмоторный учебный самолёт ФВ-58.
- ⁹³ Цит. по Соболев Д.А. Указ. соч.. С. 49.
- ⁹⁴ Так в документе. Правильно — ДФЛ. Хотя по-немецки пишется DVL, буква V в немецком алфавите читается как «фау».
- ⁹⁵ В защиту сотрудников ЦАГИ надо сказать, что первый атлас аэродинамических профилей был выпущен в СССР ещё в 1932 г. — Ширманов П.М. Атлас аэродинамических характеристик авиационных профилей. М., 1932. — однако, к 1939 г., он, разумеется, устарел.
- ⁹⁶ Справедливости ради следует заметить, что именно с Мессершидтом-109 дела в области производства на заводах-подрядчиках не клеились. Нередко узлы, изготовленные на разных фабриках, оказывались не взаимозаменяемыми. В этом плане выгодно выделялась фирма «Дорнье», организовавшая рассылку подрядчикам т.н. «мастер-шаблонов», что позволило стандартизировать производство на географически удалённых друг от друга предприятиях.
- ⁹⁷ Имеется в виду — крылья для самолётов других фирм.
- ⁹⁸ Очень ценное наблюдение. Жаль, что из него не было сделано должных выводов. Даже в годы войны целый ряд агрегатов и типовых деталей советских самолётов были не унифицированы. Например, ЯКи и МиГи имели разный диаметр патрубков пневматических систем, что делало их взаимозаменяемыми.
- ⁹⁹ Черток Б.Е. Указ. соч. С. 23-24.
- ¹⁰⁰ Ангельский Р. «Комета» и её охвостье. // Техника и вооружение. 1999. № 10. С. 29.
- ¹⁰¹ ЦМAM. Ф. 690. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-2.
- ¹⁰² Там же. Д. 197, Л. 1; Д. 199. Л. 19.
- ¹⁰³ Капистка В. Что мы взяли в Люфтваффе // Крылья родины, 1995, № 8.
- ¹⁰⁴ Медведь А.Н., Хазанов Д.Б., Маслов М.А. Истребитель МиГ-3. М., 2003. С. 41.
- ¹⁰⁵ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 52.
- ¹⁰⁶ Ананьев В.Л. Крах люфтваффе в Курской битве // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 18.
- ¹⁰⁷ Соболев Д.А. История самолётов. 1919—1945. М., 1997. С. 247.

- ¹⁰⁸ Голубев Г. В паре с «Сотым». М., 1978. С. 90; Савицкий Е.Я. Полвека с небом. М., 1988. С. 124.
- ¹⁰⁹ Каминский Ю. Кремлёвские перелёты. Б.м. 1998. С. 96.
- ¹¹⁰ Тростянский А.Г. Записки конструктора. М., 1998. С. 51.
- ¹¹¹ Галлай М.Л. Избранное. Т. I. М., 1990. С. 139.
- ¹¹² РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 357. Л. 2.
- ¹¹³ Там же. Л. 12.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 359, Л. 15.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 357. Л. 12.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 14.
- ¹¹⁷ Там же. Д. 358. Л. 4.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 359. Л. 17–19.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 17, 33.
- ¹²⁰ Там же. Л. 5.
- ¹²¹ Булах А. Испанский неудачник профессора Хейнкеля. //История авиации. № 3. 2000.
- ¹²² Цит. по Кербер. Л. Туполев. СПб. 1999. С. 99.
- ¹²³ Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. — Минск., 2001. С. 32.
- ¹²⁴ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 37.
- ¹²⁵ За исключением того, что советские ВВС не располагали пикирующими бомбардировщиками.
- ¹²⁶ Швабедиссен В. Указ. соч. С. 62; см. там же 1941 г. М., 1998. Кн. 2. С. 110.
- ¹²⁷ Швабедиссен В. Указ. соч. С. 30.
- ¹²⁸ Там же. С. 31.
- ¹²⁹ Реально в 1938 г. было выпущено около 4000 самолётов.
- ¹³⁰ 1941 г. М., 1998. Кн. 2. С. 130.
- ¹³¹ Этот разговор состоялся в помещении немецкого посольства, прослушиваемом советской разведкой, поэтому можно предположить с высокой степенью вероятности, что его содержание было известно советскому руководству и послужило, таким образом, косвенным подтверждением алармистской информации Петрова.
- ¹³² Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 225.
- ¹³³ Швабедиссен В. Указ. соч. С. 12.
- ¹³⁴ Там же. С. 33.

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. Олейников

ЗАБЫТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

(генерал от кавалерии П.А. Плеве
в Первой мировой войне)

Статья раскрывает главные вехи биографии и деятельности как командарма генерала П.А. Плеве (1850–1916), блестящего тактика, мастера маневра и флангового удара, представителя плеяды талантливых отечественных полководцев Первой мировой войны 1914–1918 гг. На основе новых архивных материалов автор рассматривает участие Плеве в таких решающих сражениях войны, как Галицийская битва, Лодзинская операция, Проснышское сражение, бои в Прибалтике, показывает особенности его военного искусства.

Ключевые слова: биография, стратегия, тактика, маневр, фланговый удар, военное искусство, участие в боях.

Имя генерала от кавалерии Павла Адамовича Плеве, представителя плеяды талантливых отечественных полководцев Первой мировой войны 1914–1918 гг., почти незнакомо современному читателю. Между тем ратный труд Плеве заслуживает всестороннего внимания. Именно ведомые им войска противостояли самому сильному участнику Четверного союза – германской армии – и боролись против него с завидным успехом. Блестящий тактик, Плеве был приверженцем энергичных действий, мастером маневра и флангового удара, более того, стал по сути дела «палочкой-выручалочкой» русского фронта: для выправления критической ситуации его неизменно посылали в самые горячие точки.

Павел Адамович Плеве родился 30 мая 1850 г.* в семье дворян Петербургской губернии евангелическо-реформаторского вероисповедания, образование получил в Варшавской классической гимназии. В 1868 г. он поступил в Николаевское кавалерийское училище и в 1870 г. закончил его по 1-му разряду с занесением на

---

* Все даты приводятся по старому стилю.

мраморную доску¹. В том же году Плевелу был произведен в офицеры (корнеты) и выпущен в лейб-гвардии Уланский его величества полк. В 1874 г. получил чин поручика и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1877 г., также по 1-му разряду. В этом же году за отличия в учебе он был произведен в штаб-ротмистры. В качестве обер-офицера участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За отличия в боях с турками 23 февраля 1878 г. Плевелу наградили орденом Св. Анны 3 степени с мечами и бантом.

После войны до 1889 г. Плевелу служил в Болгарии в должности штаб-офицера для поручений при штабе командующего оккупационными войсками княжества Болгарского, руководил отделением Военного министерства княжества. Был штаб-офицером для поручений при военном министре. 15 ноября 1879 г. «в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в разновременных делах с турками» награжден орденом Св. Станислава 2 степени с мечами. В 1879 г. он становится подполковником. Служба в Болгарии приводит его в члены Главного военного суда — начальника софийского военного отдела. С 19 августа по июль 1881 г. он осуществлял цензовое командование 2-м эскадронам лейб-гвардии Кирасирского его величества полка².

С 1880 по 1889 г. Плевелу служил на различных командных и штабных должностях: штаб-офицером для поручений при штабе Казанского военного округа; при Главном штабе; в составе экзаменационной комиссии Офицерской кавалерийской школы; штаб-офицером — заведующим обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами; правителем дел Академии; временно командовал лейб-гвардии Кирасирским его величества полком. В 1882 г. Плевелу произведен в полковники. Являлся Плевелу и автором военно-научных работ. Так, в 1889 г. вышли в свет его «Очерки из истории конницы», предназначавшиеся для юнкеров старшего класса Николаевского кавалерийского училища. Он охватывал развитие конницы с древности до Русско-турецкой войны 1877–78 гг. включительно и являлся добротным исследованием по проблеме. С 26 декабря 1890 г. Плевелу стал командиром 12-го драгунского Мариупольского полка, с 27 января 1893 г. — занял пост окружного генерал-квартирмейстера штаба Виленского военного округа с присвоением чина генерал-майора³. В новой должности Плевелу детально ознакомился с будущим театром военных действий, осуществив инспекционные поездки в Ковенскую и Осовецкую крепости, под Гродно, руководил поездкой офицеров Генерального штаба под Ригу и Сувалки. Иногда Плевелу исполнял и должность начальника окружного штаба⁴.

С 23 июня 1895 г. генерал становится начальником Николаевского кавалерийского училища. С 30 июня 1899 г. — начальником 2-й кавалерийской дивизии с зачислением в списки Генерального штаба по кавалерии. 1 января 1901 г. Плеве произвели в генерал-лейтенанты⁵, а с 20 ноября 1901 г. он — начальник войскового штаба войска Донского. С началом волнений в Царстве Польском 7 марта 1905 г. был назначен комендантом Варшавской крепости, а вскоре, 4 июля, был переведен на пост командира 13-го армейского корпуса. К этому времени, кроме наград за боевые отличия, он был награжден орденами Св. Анны 2 и 1 степеней, Св. Станислава 1 степени, Св. Владимира 4 и 3 степеней, а также французским орденом Почетного легиона (Командорский крест), румынским Орденом короны (Большой крест) и медалями⁶.

С 1906 г. Плеве — помощник командующего войсками уже знакомого по прежней службе Виленского военного округа. А 6 декабря 1907 г. произведен в полные генералы — генералы от кавалерии. С 17 марта 1909 г. он занял ответственный пост командующего войсками Московского военного округа. К 1914 г. за его плечами был пятилетний опыт руководства войсками округа: Плеве сумел подготовить вверенные ему соединения к предстоящим боям и войти во все стороны их жизни. Будущий полководец прошел службу в строю, познал культуру штабной работы, преодолев все ступеньки военной карьеры, характеризовался всегда исключительно положительно, «беспорочно».

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА

В ходе мобилизации, объявленной с началом Первой мировой войны, на базе управления Московского военного округа в июле 1914 г. началось формирование 5-й армии под командованием Плеве. Ей предстояло войти в состав Юго-Западного фронта, сосредоточить главные силы в районе Ковель-Холм-Брест-Литовск и участвовать в одном из грандиознейших сражений той войны Галицийской битве. Штаб нового оперативного объединения сначала находился в Москве, затем в Брест-Литовске и Холме⁷.

Русская Ставка Верховного главнокомандующего получила от своей агентуры план развертывания австро-венгерских войск в Галиции (разработанный еще в 1912 г.), на основе которого спланировала против них следующую операцию. Предполагалось, что две группы армий Юго-Западного фронта (северный фас — 4-я и 5-я армии, южный — 3-я и 8-я) фронтальным движением по

сходящимся направлениям выйдут на фланги неприятеля и сожмут их, отрежут его корпуса от рек Сан и Днестр и уничтожат. Но австро-венгерское командование вовремя вскрыло утечку информации и развернуло свои войска на 100 км западнее, чем намечало первоначально. В результате русское наступление началось на пустое пространство. Вверенные генералу силы и средства 5-й армии оказались в несколько худшем положении по сравнению с другими армиями Юго-Западного фронта (для ее первоочередных частей запас продуктов питания был всего на 9 дней)⁸.

Главным «оппонентом» 5-й армии Плеве была 4-я австро-венгерская под командованием генерала пехоты М. Ауффенберга, к которой с 11 августа присоединилась группа эрцгерцога, генерала пехоты Иосифа-Фердинанда. В целом противник значительно превосходил 5-ю армию в живой силе и в артиллерии. В начале августа армия Плеве начала наступать на участке Мосциска-Львов для содействия выполнению задачи, возложенной на соседнюю 4-ю армию. Но из-за поражения последней под Красником главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. И. Иванов с целью оказания помощи ее левому флангу приказал 5-й армии повернуть на запад⁹ (прежним курсом был юг), чем поставил Плеве в крайне неблагоприятное положение. Фактически 5-я армия должна была выполнять две задачи, разделив свои силы на две части. В результате к вероятному полю сражения они подошли отдельными друг от друга на расстояние одного перехода, растянувшись на 100–110 км. Левый же фланг армии открылся. Его обеспечение возлагалось на 3-ю армию генерала от инфантерии Н. В. Рузского, но она пока была значительно южнее.

13 августа правое крыло 5-й армии столкнулось с наступавшим левым 4-й австро-венгерской (вскоре к последней подошли часть сил 1-й и группа эрцгерцога Иосифа-Фердинанда). Произшедшее между ними сражение получило название Томашевского. Потери армии Плеве в Томашевском сражении составили менее 30 тыс. человек (в том числе 10 тыс. пленными, в основном из состава фланговых корпусов), а «победоносных» австро-венгерских войск — 40 тыс. человек (половина из них — пленные). Окружение, задуманное австро-венгерским командованием, превратилось в тривиальное оттеснение, полученный же результат оказался неадекватным понесенным потерям. Итог сражения свидетельствует о более грамотном руководстве войсками со стороны командования 5-й русской армии. А самое главное, эти события дали выигрыш времени, в чем огромная заслуга командарма.

Началась вторая фаза Галицийской битвы — Городское сражение. 26–27 августа эти тяжелые бои закончились русской победой

благодаря смелому маневру Плеве. Сформированный им сводный кавалерийский корпус ринулся в тыл 4-й австро-венгерской армии, у Красноброда и Фрамполя, внес беспорядок в тылы неприятеля, разгромив обозы и части прикрытия, затем в помощь 3-й армии Рузского содействовал разгрому группы эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Кроме того, две группы корпусов командарм направил, чтобы они вклинились между группой эрцгерцога Иосифа-Фердинанда и 4-й австро-венгерской армией. Таким образом, 5-я армия двумя своими частями выполняла разные задачи: правой содействовала 4-й армии, левой – 3-й.

Выход сил Плеве на пути, идущие на Фрамполь в обход правого фланга и в тыл 1-й австро-венгерской армии, мог повлечь за собой настолько тяжелые для врага последствия, что его командование сочло за благо прекратить бои и отойти за реку Сан.

Начавшееся общее наступление Юго-Западного фронта, а также крупные силы 5-й армии Плеве, сосредоточенные в тылу армии Ауффенберга, сломали неприятеля. С 30 августа началось его общее отступление. Итогом всей операции русских войск 21–30 августа стал разгром 1-й австро-венгерской армии и группы эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, отступление под угрозой окружения 4, 3 и 2-й австро-венгерских армий. В этом была огромная заслуга Плеве и его стойкой армии. В Городском сражении она сыграла роль «свободной силы»: парировать действия 5-й армии, уже записанной австро-венгерским командованием в разряд разгромленных, противнику было нечем, что и решило во многом успех сражения. Маневр Плеве двумя группами корпусов разорвал связность австрийского построения и сорвал замыслы противника, в частности попытку группы Иосифа-Фердинанда поддержать правый фланг 1-й австро-венгерской армии.

В тяжелейшей, почти безнадежной обстановке, как в развертывании, так и в численности войск, Плеве не растерялся, сумев переломить ход событий в свою пользу. Волевой и энергичный генерал не снимал руку с «пульса» боев, решительно реагировал на стремительно меняющуюся обстановку: «Ген. Яковлеву (генерал от инфантерии П.П. Яковлев, командир 17-го армейского корпуса – *А.О.*) 16.08.1914 г. Горбатовский и Литвинов (генерал от кавалерии А.И. Литвинов – командир 5-го армейского корпуса – *А.О.*) одержали успех севернее Томашева, взято нами много пленных, несколько знамен, орудий; предписываю Вам во что бы то ни стало отбросить австрийцев для завершения удачной операции. Выжидательные действия неуместны, требуются решительные. Донosite чаще. Ген. Плеве»¹⁰. Требование к корпусным командирам действовать во фланг и тыл противника содержат и многие другие

документы за его подписью периода Галицийской битвы. Верный глазомер Плеве в Томашевском сражении отмечает видный военный историк Н.Н. Головин¹¹.

За успешные действия своих войск Плеве 18 сентября 1914 г. получил орден Святого Георгия 4 степени — высшую военную награду России.

Плеве, один из первых полководцев в этой войне, нашел грамотное применение коннице: образовал сводный кавалерийский корпус, нанес им удар в тыл 4-й австро-венгерской армии, использовал казацьи дивизии для обеспечения благополучного отхода войск после Томашевского сражения. Именно эти дивизии в конечном результате не допустили полного окружения пехоты и обеспечили выход центральной группировки армии из тяжелого боя. Ряд приказов командарма требовал более активного использования конницы командирами корпусов в общевойсковом бою. Именно кавалерийская разведка вскрыла изменение плана сосредоточения австрийских войск по сравнению с добытым нашей разведкой. Ряд важнейших решений, в том числе и по вопросу помощи 4-й армии, Плеве осуществил, отталкиваясь от этой информации.

Грамотно взаимодействовал полководец и с соседними армиями, мгновенно ориентируясь в быстроменяющейся обстановке. Однако соседи не всегда приходили на помощь 5-й армии, нередко даже игнорируя распоряжение командования фронтом. Так, 15 и 17 августа лишь энергичная деятельность Плеве и стойкость его корпусов предотвратили разгром 5-й армии. Действия же ее войск 26—27 августа осуществлялись прежде всего именно в интересах соседей, что иллюстрирует высоконравственную позицию генерала, думавшего не о личных интересах, а прежде всего об успехе общей фронтовой операции.

Плеве требовал постоянно поддерживать связь, подробно информировать его обо всех событиях. Но связь нередко прерывалась, донесения запаздывали. Темп же развития боевых действий ускорялся, напряжение усиливалось, и командующий стал рассылать доверенных лиц на наиболее ответственные участки сражения. Задачей их было, не мешая командирам управлять войсками, постоянно информировать штаб армии обо всех интересующих его деталях, в том числе таких важнейших показателях успеха действий войск, как количество потерь, захваченных пленными и трофеев. Ради достижения успеха Плеве иногда сосредоточивал несколько корпусов в руках наиболее талантливого командира корпуса. Так, 15 августа он объединил действия 19, 5 и 17-го армейских корпусов, поставив им задачу после разгрома противника

у Томашева наступать на северо-запад — на Замостье и Щебрежин для удара во фланг и тыл неприятеля, действующего против 25-го армейского корпуса и 4-й армии. Командующим южной группой командарм назначил командира 17-го армейского корпуса генерала от инфантерии П.П. Яковлева. Но такой шаг не дал ожидаемых результатов, и к вечеру 17 августа Плеве снова взял на себя непосредственное командование корпусами.

Корпуса, вверенные Плеве, сумели выскользнуть из окружения только благодаря полководческому искусству командарма. Отвод 5-й армии возвратил ей свободу маневра, позволил привести в порядок потрепанные части и соединения, чтобы вернуться к активным действиям. Избежать катастрофы на северном фазе Галицийской битвы удалось во многом именно за счет грамотных действий Плеве, ставших классикой отечественной военно-исторической науки.

Участник Галицийской битвы генерал-лейтенант Я.К. Цихович (в то время полковник, командир 26-го Сибирского стрелкового полка) весьма точно подметил: «Упорство наших войск на фронте в связи с обходом левого фланга австрийцев 21-м корпусом и глубоким движением в тыл австрийцам двух корпусов 5-й армии привело к отступлению неприятеля. Таким образом 5-я армия помогла одной половиной своих сил 4-й и 9-й армиям и другой половиной — 3-й и 8-й армиям, применяя маневр глубокого движения обеими своими половинами в эксцентрических направлениях. Хотя таким образом операция 5 армии развивалась в двух направлениях, но была объединена одной мыслью командарма»¹².

Генерал Н.Н. Головин называл Плеве «выдающимся командующим армией». Весьма метко он подметил такую его черту, как справедливое признание заслуг подчиненных: «Генерал Плеве преклонялся перед доблестью и решительностью, проявленными генералом Горбатовским в Томашевском сражении, и был преисполнен благодарности по отношению к нему, что и выразил ему лично на свидании со всеми командирами корпусов, в первых числах сентября в районе Цешанува перед движением армии к Сану». При этом Головин отмечал, что «велика была и заслуга самого командующего 5-й армией генерала Плеве»¹³.

ЛОДЗИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Ярко проявился полководческий талант Павла Адамовича и в Лодзинской операции. В первых числах октября 1914 г. его армия вышла на рубеж Вислы между 2-й и 4-й армиями и 11 октября форсировала р. Равка.

При разработке плана крупномасштабной операции на русско-германском участке Восточноевропейского театра военных действий наше командование исходило из выгодного расположения своих войск в Польше и из того, что 9-я армия противника, потерпев крупное поражение в результате Варшавско-Ивангородской операции, отошла к границам Германии. Предполагалось крупными силами вторгнуться в Силезию с последующим ударом на Берлин.

Русская группировка включала (с севера на юг) 2-ю и 5-ю армии Северо-Западного фронта, 4-ю и 9-ю армии Юго-Западного фронта. 10-я и 13-я армии в Восточной Пруссии, 3-я и 8-я в Галиции должны были содействовать главному удару. К началу операции ударная группировка русских войск состояла из 1, 2 и 5-й армий Северо-Западного фронта (впоследствии ответственного за осуществление Лодзинской операции). Вытянувшись в линию на громадном фронте, они не имели армейских и фронтовых резервов для развития успеха или парирования неожиданных ударов противника.

Командование противника не имело четкого плана, войска были истощены непрерывными боями. Однако начальник штаба Главнокомандующего Восточным фронтом генерал-лейтенант Э. Людендорф отлично знал: самый лучший способ сорвать вражеское наступление — самому нанести удар в другом месте. Немцы перехватывали русские радиogramмы, что давало им возможность, по словам генерал-полковника Э. фон Фалькенгайна (с 1915 г. генерал пехоты, начальник полевого Генерального штаба — фактически Главнокомандующий германской армией), «с начала войны на Востоке до половины 1915 г. точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие контрмеры»¹⁴.

Осуществив перегруппировку войск, германское командование образовало Восточный фронт (командующий генерал пехоты П. Гинденбург, Э. Людендорф — начальник штаба), включавший 8-ю (командующий генерал пехоты О. фон Белов) и 9-ю армии (генерал кавалерии А. фон Макензен). Операция планировалась совместно с австро-венгерским главнокомандованием. 9-я армия должна была нанести глубокий удар во фланг и тыл русским 2-й и 5-й (в полосе между линиями железных дорог Тори-Лович и Лодзь-Лович) с перспективой окружения, в связи с чем перебрасывалась из Калишко-ченстоховского района к Торну. Позиции в районе Ченстохова были заняты войсками немецкого Бреславльского корпуса и 1-й австро-венгерской армии. Для усиления основной ударной силы — 9-й армии — перед началом операции с Западного

(французского) фронта прибыли 1-й и 3-й кавалерийские корпуса, из состава 8-й армии — 1-й и 25-й резервные.

Обе противоборствующие стороны ставили перед собой наступательные цели, но немцы в отсутствие ясного плана явно импровизировали, надеясь сорвать русское наступление. И действительно, внезапный удар Макензена на Кутно 29 октября спутал карты нашего командования. Первыми двинулись в бой головные дивизии германских корпусов, поддерживаемые тяжелой артиллерией и бронемашинами. 29—30 октября после тяжелых боев немцы отбросили 5-й Сибирский армейский корпус (левый фланг 1-й армии). В ряде мест его части под давлением превосходящих сил противника отошли на вторые позиции, хотя нигде не позволили ему обойти фланги или прорвать боевой порядок. Попытка неприятеля сходу окружить корпус не удалась. С арьергардными боями он отошел под натиском трех германских. С помощью подошедшего к нему на помощь 6-го Сибирского армейского корпуса обстановку удалось стабилизировать. Гинденбург требовал от 9-й армии более энергичных действий. Внезапно Макензен нанес сильный удар корпусами в правый фланг 2-й русской армии — по позициям 2-го армейского корпуса. Его части продержались сутки, затем отошли на Кутно. В этот момент обстановка еще более осложнилась — были оголены фланг и тыл 2-й русской армии, разорвана связь в 1-й. Немцы приступили к окружению 2-й армии. Гинденбург стремился охватить ее с обоих флангов и сомкнуть кольцо окружения в районе Лодзи. В это время 5-я армия Плева начала двигаться на север. 4-я и 9-я атаковали, согласно прежнему плану, в Ченстоховском направлении. Только 2 ноября командование Северо-Западного фронта, поняв тяжесть обстановки в районе Лодзи, приостановило наступление 5, 4, 9-й армий, начав перегруппировку сил для противостояния 9-й германской армии. 5 ноября для обеих сторон сложилась весьма напряженная обстановка. 5-я армия, развернувшись на фронте Пабиянце, Ласк, стремительно перешла в наступление левым крылом, остановила продвижение двух немецких корпусов, нанеся им большие потери. К вечеру 6 ноября у русских оказалось прочное положение в центре, на левом фланге и угрожающее на правом фланге 2-й армии, куда все глубже вклинивалась обходящая группа генерала пехоты Р. фон Шеффера-Бояделя.

В этих условиях командующие 2-й и 5-й русскими армиями — генерал от кавалерии С.М. Шейдеман и П.А. Плева, обсудив создавшееся положение, решили 6 ноября перейти в наступление всеми наличными силами и остановить неприятеля. Немцы к этому времени фактически охватили 2-ю армию полукольцом. Однако

дальнейшие успехи германцев были приостановлены подходящими частями 5-й армии. 2-я армия тогда переживала жесточайший кризис, и 7 ноября Плевел поручили общее руководство войсками 5-й и 2-й армий¹⁵. 8 ноября немцы прорвались на южную окраину Лодзи. Но город остался в руках русских благодаря активным действиям 5-й армии и лично Плевелу, которому хватило двух дней для стабилизации обстановки. Правый фланг 9-й германской армии и приданные ей корпуса, которым поручалось замкнуть кольцо окружения, наступать уже не могли: они сами с трудом отбивались от атак армии Плевел.

Гинденбург и 8 ноября продолжал надеяться, что русские не выдержат и начнут наконец отходить от Лодзи. Однако Плевел в этот день тоже приказал обеим своим армиям наступать по всему фронту, не давая германским флангам сомкнуться к югу от Лодзи. С утра 8 ноября завязалось ожесточенное сражение на левом крыле 5-й армии. Положение группы Шеффера-Бояделя к концу дня оказалось тяжелым.

Гинденбург и Макензен 9 ноября предприняли последнюю попытку окружить русских под Лодзью. Наше командование в это время тоже оценивало обстановку как благоприятную для дальнейшего проведения операции (во многом благодаря тому, что 5-я армия парализовала южную «клешню» германского наступления). И Плевел на 9 ноября от вверенных ему армий требовал: от 5-й — удерживать свое положение, от 2-й — наступать правым флангом при поддержке частей 5-й против обходящей их группы Шеффера-Бояделя и тем самым совместно с наступающим Ловичским отрядом окружить ее. В итоге воля и энергия Плевел взяли верх над напором Гинденбурга и Макензена.

В результате всех усилий к 9 ноября, отбив атаки противника, Плевел окружил группу Шеффера-Бояделя. Этот день стал переломным для Лодзинского сражения. Ловичский отряд, двигаясь навстречу наступающим 5-й и 2-й армиям, сумел восстановить с ними связь. Получился как бы «слоеный пирог»: группа Шеффера-Бояделя, взявшая в полукольцо 2-ю армию, сама попала в окружение. Когда утром 11 ноября немцы перехватили русскую радиограмму о подготовке эшелонов для эвакуации германских пленных, напряженное состояние германского командования достигло предела.

Плевел уже не сомневался в полной победе. Однако «помощь» остаткам четырех германских дивизий неожиданно пришла со стороны командования нашего Северо-Западного фронта: Н.В. Рузский, не разобравшись в обстановке, предписал 1, 2 и 5-й армиям отход¹⁶. Несмотря на протесты Плевелу, главнокомандующий

фронтом настоял на своем. Его распоряжение в дальнейшем Ставка отменила, но время было упущено и блокирующие части не усилены. Группа Шеффера-Бояделя в ночном бою 11 ноября прорвала позиции 6-й Сибирской стрелковой дивизии и соединилась с главными германскими силами. Преследование не только группы Шеффера-Бояделя, но и германских войск, отходящих по фронту русских армий, также не было организовано, несмотря на отправленную Рузскому телеграмму Плева: «Войска противника истомлены как большими переходами, так и голодовкой, а сверх того наступили морозы. При таких условиях немедленное и безостановочное преследование может дать самые решительные результаты»¹⁷.

12 ноября 2-я и 5-я русские армии перешли в наступление и через три дня достигли фронта Стрыков-Шадек. Во второй половине ноября неприятелю пришлось перебросить с западноевропейского театра военных действий еще четыре армейских корпуса. Тяжесть обстановки и активность русских армий вынуждали Гинденбурга вводить эти соединения в дело несогласованно и разновремено. Таким образом, силы целой германской армии, способные привести к значительным оперативным результатам, будь они введены в дело сразу на одном участке, растрачивались на сдерживание напора наших войск.

Тем не менее в силу изменившейся общей обстановки и под напором свежих соединений противника наши войска были вынуждены осуществить общее отступление. 5-я армия начала отходить 18 ноября. И несмотря на то что 21 ноября ею «все атаки немцев отбиты, и положение упрочивалось»¹⁸, 23 ноября пришлось оставить Лодзь. Плева же в телеграмме от 19 ноября предлагал Рузскому закрепиться на занятых рубежах и повременить с отходом: «...войска прочно окопались, продолжают еще усиливаться, положение вполне для нас благоприятное, настроение войск вполне бодрое. По отзывам многих начальников, они и вверенные им войска крайне огорчены предстоящим отходом; полагаю, со своей стороны, что войска 5-й и 2-й армий, оставаясь на линии занимаемых укрепленных позиций, могли бы успешно удерживаться на них до получения возможности перейти в наступление, отход же их при теперешней близости противника представит чрезвычайные трудности, не говоря о неблагоприятном впечатлении на силу духа»¹⁹. В итоге Лодзинской операции, длившейся с 29 октября по 6 декабря 1914 г., группировка Плева нанесла значительный урон противнику.

Тем не менее попытка немцев повторить самсоновский «Танненберг» провалилась. Как писал впоследствии Людендорф,

«крупная оперативная цель — уничтожить русских в излучине Вислы — не была достигнута»²⁰. Этот вывод подтверждает генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Восточного фронта подполковник М. Гофман: «Мы избежали большой беды, но намечавшийся крупный успех не был достигнут»²¹. Вместо окружения наших войск под Лодзью противнику пришлось спасать свой корпус.

Лишь благоприятное для немцев стечение обстоятельств позволило им создать угрозу тылу 2-й русской армии. Наше командование не имело такого важного козыря, как знание неприятельских планов, довольствуясь данными армейской разведки и, естественно, действовало более осторожно. Несмотря на это, Плеве нашел правильные контрмеры и поставил 9-ю германскую армию в тяжелое положение. Гинденбург и Людендорф были уверены, что русские не выдержат угрозы обхода фланга и начнут отходить. Но Плеве ответил на нее угрозой окружения левого крыла противника.

Создавшуюся ситуацию Гофман характеризовал следующим образом: «Вместо ожидавшегося большого успеха мы потерпели чувствительную неудачу. Между левым крылом войск [генерала артиллерии Ф. фон] Шольца и войсками, проникшими в тыл неприятеля, связь внезапно оборвалась. В образовавшийся промежуток продвинулись русские силы... Конница Рихтгофена была отброшена частями 5-й русской армии, подошедшими с юга на поддержку [2-й русской] армии [генерала от кавалерии С.М.] Шейдемана. 25-й резервный корпус, 3-я гвардейская дивизия и конница Рихтгофена были отрезаны и окружены русскими»²². Неверный расчет германского командования стоил ему тяжелых потерь и разгрома группы генерала Шеффера-Бояделя.

Но и русское командование не осуществило свой замысел глубокого вторжения в Германию. По вине руководства Северо-западным фронтом была упущена возможность взять реванш за поражение в Восточно-Прусской операции. Подчеркнем: в отношении военного искусства Лодзинская операция — одна из наиболее сложных в Первую мировую войну. Достаточно сказать, что такого количества глубоких обходов и окружений до этого не наблюдалось. Именно в таких намеренных действиях проявилось оперативное мастерство Плеве, позволившее предотвратить катастрофу «в форме Седана», вырвав у немцев, казалось бы, уже гарантированную победу.

В тактическом плане генерал вновь показал себя как сторонник маневра, активных действий, в том числе на флангах. Важное значение имела и переброска 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А.В. Новикова с левого фланга 5-й армии на правый

фланг 2-й. Корпуса армий Плевэ уступом выходили за свободные фланги и, огибая обходящие войска противника, не допускали смыкания кольца окружения. Генерал решительно парировал атаки немцев, более того, они вынуждены были сами переходить к обороне или даже отступить, неся большие потери. Интересно мнение о Плевэ генерал-майора Нокса (представителя британской армии при русском командовании) — оно же дает и психологический портрет полководца: «Успешность задуманного плана зависела от толкового его выполнения Реннекампом, командующим 1-й армией, и Плевэ, командующим 5-й армией. Эти два человека, которые, как и Шейдеман, командующий 2-й армией, принадлежали к давно обрусевшим фамилиям германского происхождения, совершенно не походили друг на друга. ...Плевэ в Москве имел репутацию человека, слишком погруженного в подробности, детали, педанта. За исключением своих ближайших сотрудников он не был популярен из-за своей любви к точности и аккуратности, да и сам не искал популярности. ...Плевэ... работал в полном согласии со своим блестящим начальником штаба г. Миллером. Реннекамф, может быть, сделался бы Мюратом, родился он сотней лет раньше, на посту же командующего армией в двадцатом столетии он был анахронизмом и прямой опасностью для этой армии. Плевэ принадлежал больше к школе Мольтке и обладал логическим умом и железной волей. Не удивительно поэтому, что именно Плевэ со своей 5-й армией спас 2-ю от надвигавшейся катастрофы... Несколькими месяцами позже поклонники Плевэ из штаба 5-й армии любили рассказывать, как на походе к нему подскакал офицер, ординарец от Шейдемана, и взволнованно воскликнул: «Ваше пр-во, 2-я армия окружена и принуждена сдаваться!». Плевэ в продолжение одной-двух секунд молча смотрел на молодого человека из под своих густых, нависших бровей и затем сказал: «Вы прибыли, мой милый, играть трагедию или с докладом? Если у вас есть донесение, то доложите его начальнику штаба, но помните, не разыгрывать трагедий, а то я посажу вас под арест»²³.

Плевэ еще раз подтвердил свою репутацию полководца, воюющего не числом, а умением: его армия к началу операции была самой малочисленной в составе фронта, что не помешало ей сыграть ключевую роль в сражении. Действия его были высоко оценены как русскими военачальниками, так и противником. Так, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов охарактеризовал его как человека «с верным военным пониманием и солдатским сердцем», а его действия назвал «единственно возможными»²⁴ в сложившейся

ситуации. Генерал-лейтенант Э. Людендорф впоследствии отмечал: «25-й резервный корпус с находившимися при нем частями был отрезан и атакован с юга частями 5-й русской армии»²⁵. А генерал-полковник Э. фон Фалькенгайн также заметил применительно к Лодзинскому сражению: «Очень скоро в Польше стало ясно, насколько неприятельское командование успело подучиться с начала августа»²⁶.

Отдала должное действиям талантливого полководца и отечественная военно-историческая наука. Г.К. Корольков, говоря о наметившемся 4 ноября окружении 2-й русской армии, отмечал: под Лодзью сравнительно с августом имела место существенная разница, в том числе и потому, что слева «теперь была 5-я армия»... Плеве удивительно верно оценил обстановку и стремился оттеснить противника дальше на запад, так как только этим в полной мере обеспечивался фланг 2-й армии. Такое постоянное стремление не останавливало от занятия широких позиций, получавшиеся разрывы фронта не пугали, так как подвижность войск гарантировала своевременность противодействия вторжения в такой прорыв...»²⁷ Когда выяснилась возможность окружения (группы Шеффера-Бояделя. — *А.О.*), то один Плеве задался этой целью, но его распоряжения или опаздывали, или просто не выполнялись, как это было в 1-м корпусе»²⁸. Д.Н. Рыбин также подчеркивает: «5-я русская армия, как железный клин, врезалась заходящими флангами немцев и не позволила им сомкнуться»²⁹. Участник Лодзинского сражения полковник Ф. Новицкий, крайне негативно отзываясь в своих воспоминаниях о русском высшем командном составе, тем не менее характеризует Плеве как человека «очень твердого, прямолинейного и упрямого»³⁰ и называет его автором плана окружения немцев. А.А. Керсновский отмечает: «Стойкость и энергия командовавшего 5-й армией генерала Плеве предотвратили катастрофу, и немцы из обходящих сами оказались обойденными»³¹.

Полководец заслужил славу мастера кризисных ситуаций, о котором вспоминали в тяжелой оперативной обстановке. Директивы генерала пронизаны требованиями «держатъ связь», «энергично атаковать», «активно применять конницу», «энергично наступать», «действовать самым решительным образом». Именно его действиям Лодзь обязана спасением, а Шеффер-Боядель — котлом. Плеве прекрасно понимал: только нерешительность, неумение ориентироваться в быстро меняющейся обстановке современной войны, невладение ситуацией командования фронта не позволили тактическому успеху перерасти в оперативный, а возможно, и в стратегический³².

ПРАСНЫШСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

ФЕВРАЛЬ – МАРТ 1915 г.

Германское командование, планируя на начало 1915 г. осуществление «стратегических Канн» (удары на флангах Восточного фронта – Восточная Пруссия – Карпаты), провело в Восточной Пруссии Августовскую (26 января – 8 февраля) операцию, по сути точную копию Лодзинской. И хотя противник не сумел достичь окружения с последующим уничтожением 10-й русской армии, все же оттеснил ее к рубежу рек Неман-Бобр, окружив ее 20-й армейский корпус.

Проведение Праснышской операции, начавшейся 17 февраля, было обусловлено следующим. Во-первых, для русского командования остро стоял вопрос о стабилизации положения своего театра военных действий на северо-западе. Для реализации этой важной задачи на Ломжинском направлении была сформирована 12-я армия, руководство которой поручили Плеве.

На новую армию возлагалось «наступление в Восточную Пруссию на Ортельсбург, Вилленберг, Нейденбург, Сольдау и далее прямо на север, так как вторжение в пределы Пруссии в этом направлении, несомненно, болезненно отзовется в Германии и, по всем вероятностям, может вызвать оттяжку германских сил с левого берега Вислы и может быть из района 10-й армии»³³. По свидетельству генерал-квартирмейстера штаба Ставки Ю.Н. Данилова, Плеве вместе с его начальником штаба генерал-лейтенантом Е.К. Миллером Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич «считал наиболее подготовленными для выполнения задуманной операции»³⁴.

Вскоре немецкое командование решило нанести удар на Седлец (через Прасныш) для совместного с австрийцами (действующими со стороны Карпат) отсечения т.н. «польского балкона» с окружением находящихся в нем русских войск. Для нанесения удара на Прасныш-Седлец и окружения русских в Польше немецкое командование создало армейскую группу генерала артиллерии М. фон Гальвица в составе 8-й и 12-й армий, оснащенную тяжелой артиллерией.

Операция развивалась в три этапа: германское наступление на Прасныш (7-11 февраля), контрудары 1-го и 2-го Сибирских армейских корпусов (12-14 февраля) и общее наступление правого крыла Северо-Западного фронта (17 февраля – 17 марта). В течение первого этапа германские войска первыми перешли к активным действиям и после ожесточенных боев потеснили 1-ю русскую армию. 10 февраля германская дивизия генерала Верница

продвинулась вперед левым флангом и вошла в соприкосновение с 1-м резервным корпусом и Воля Вержбовска, замкнув кольцо вокруг Прасныша. В этот же день противник силами двух корпусов атаковал город, овладел его южной окраиной и казармами в восточной части. Местный гарнизон – 63-я пехотная дивизия – упорно оборонялся. Однако ввиду превосходства сил неприятеля утром 11 февраля Прасныш был сдан.

Упорные бои по обороне города дали возможность 12-й армии Плеве более основательно подготовиться к предстоящему сражению. На втором этапе операции ее 1-й и 2-й Сибирские временные корпуса сильным фланговым ударом нанесли поражение германской ударной группировке и 14 февраля выбили ее из Прасныша.

17 февраля (начало третьего этапа) 1, 10 и 12-я армии Северо-Западного фронта перешли в общее наступление. В ходе его группа Гальвица потерпела вторичное (в рамках одного сражения) поражение. Теперь задача русских войск заключалась «в нанесении сильных, но коротких ударов с преследованием лишь до границы, после чего армии Северо-Западного фронта должны занять положение, выгодное для активного прикрытия подступов к Неману, Бобру и Нареву, удерживая в то же время ныне находящийся в нашей власти плацдарм на левом берегу Вислы»³⁵. Итог Праснышской операции был весьма убедительным: до 14 тыс. пленных немцев и 58 орудий (этот «рекорд» был побит лишь французами более чем через полгода в наступлении в Шампани).

Наши войска, прежде всего благодаря решительным действиям Плеве, одержали решительную победу над равноценным противником. Значение этого успеха трудно переоценить: в значительной мере были устранены последствия неудачного Августовского сражения, Плеве не дал уничтожить 10-ю армию генерала от инфантерии Ф.В. Сиверса. Первоначальные успехи германцев в Августовской операции над армией Сиверса сменились их поражением от войск Плеве (не зря французы впоследствии именовали зимний Прасныш «русской Марной»).

Необычайно важно и стратегическое значение операции: неприятельский план удара на Седлец с северо-запада был сорван, успех русских войск в этом сражении наряду с другими факторами в значительной степени расстроил германский план весенней кампании 1915 г. Задуманные противником зимние «стратегические Канны» провалились. Генерал Э. фон Фалькенгайн впоследствии признавал: «Операции против обоих флангов русского фронта не оправдали возлагавшихся на них далеко устремленных ожиданий». По его словам, «к середине марта союзники (германские и

австро-венгерские войска. — Прим. автора) вновь на всем Восточном фронте были принуждены перейти к обороне»³⁶.

Плеве в очередной раз подтвердил репутацию решительного военачальника. Директивы его традиционно выдержаны в активно-наступательном духе. Так, командир 2-го Сибирского армейского корпуса генерал от инфантерии А.В. Сычевский получил от командарма 13 февраля указание «бить противника, преследовать его самым настойчивым, беспощадным образом, если можно, не выпускать его, а взять или уничтожить, вообще проявить крайнюю энергию... стараясь не выпустить отступающие от Прасныша части противника и захватить пути отступления его от Прасныша на северо-восток и север»³⁷.

В тактическом аспекте командарм стремится осуществлять фланговые удары и атаковать коммуникации противника. Например, 11 февраля командир 2-го Сибирского корпуса получил от него приказ: «после переправы вашего корпуса через реку Оржиц целью действий должны быть не город Прасныш, а неприятельские войска, которые необходимо атаковать во фланг и тыл» (выделено автором). При этом указывалось: «необходимо захватить сообщения противника, отходящего на север и северо-восток»³⁸.

Действия русского командования в операции, и прежде всего Плеве, заслужили высокую оценку как в отечественной военно-исторической науке, так и со стороны руководства противника. В качестве первого примера можно назвать высказывание известного военного историка генерала от инфантерии А.М. Зайончковского: «...в действиях западной группы русских войск можно отметить один положительный факт — это все большее и большее вкоренение в привычку частных начальников отвечать на удар контрударом. Праснышская операция является в этом отношении положительным образцом»³⁹. Другой военный историк полковник А. Борисов писал: «...успех русских войск в этой операции наряду с другими факторами расстроил германский план весенней кампании 1915 г.»⁴⁰. Праснышским боям посвящена и специальная запись в дневнике императора Николая II от 13 февраля 1915 г.: «На нашем Северо-Западном фронте, слава Богу, дела значительно поправились. От Ломжи до Прасныша идут успешные наступательные бои; наши войска забрали порядочно пленных германцев, орудий и пулеметов»⁴¹. Германское же командование в лице Людендорфа, не отрицая «энергичные контратаки» русских и «значительные потери» своих войск, подчеркивало: «...наши войска получили от русских урок»⁴². Гофман также отметил факт охвата с фланга и обхода немцев со стороны русских под Праснышем»⁴³. Фалькенгайн говорил о том, что наступление армейской группы

Гальвица «так же мало продвинулось вперед, как малы были и все дальнейшие успехи на севере. Наоборот, русские своими контратаками в некоторых пунктах достигли перевеса»⁴⁴. Словом, именно действия Плеве дали значительный тактический выигрыш русской армии и позволили в целом в неудачном для России 1915 г. сохранить на северо-западе стабильное и прочное положение.

БОИ В ПРИБАЛТИКЕ. ВЕСНА – ОСЕНЬ 1915 г.

Военные действия противника в Прибалтике в апреле изначально вытекали из общей установки – осуществлять демонстрацию на других участках фронта с целью облегчения операции Макензена у Горлице – глубокому прорыву русского фронта.

Русское командование, уделяя главное внимание польско-карпатскому участку фронта, недооценивало прибалтийское направление, сосредоточив на нем явно недостаточное количество войск. Пока наши войска удерживали в своих руках, хотя бы частично, территорию Восточной Пруссии, неприятель не способен был наступать в направлении среднего и нижнего течения Немана. Но в связи с отступлением после февральских боев 10-й русской армии к рекам Неману и Бобру противник получал возможность продвигаться не только к Ковно, но и в обход его с севера, со стороны Тильзита на Шавли. Именно поэтому данный район в тот момент имел огромную значимость для всего Северо-Западного фронта.

Уже с начала апреля стало заметно усиление вражеских войск на линии Кенигсберг – Инстербург с выдвиганием конницы к нижнему течению Немана. Германская демонстрация сил, начатая 14 апреля армейской группой Лауенштейна, неожиданно принесла успех: неприятель продвинулся глубоко в русский тыл и овладел Шавли. Оценив стратегическую важность этого театра военных действий, германское командование увеличило натиск. К 25 апреля противник овладел Южной Курляндией и взял Либаву, тем самым создав угрозу русским военно-морским силам на Балтике. В опасности оказалось и рижское направление. Расположенные здесь наши малочисленные войска отошли на Виндаву и Дубиссу.

Для стабилизации обстановки в Прибалтику было переброшено управление 12-й армии во главе с Плеве. Командование 12-й армии (вскоре переименованной в 5-ю), перебросив на этот тяжелый участок дополнительные силы, укрепило фронт, благодаря чему удалось вернуть Шавли. Последний эпизод Людендорф

комментирует весьма ярко: «После жестоких боев мы остановились у берегов Дубиссы. Мы не могли долго удерживать Шавли и успели вывезти лишь часть богатых и столь важных для нас кожаных запасов. Уже в мае нам пришлось отдать город противнику»⁴⁵.

Теперь линия фронта от Немана до Балтийского побережья стала территорией ответственности 5-й армии Плева с опорой на Ригу и Двинск. В мае-июне ее войска с переменным успехом вели бои местного значения с Неманской армией О. фон Белова. Гофман так отзывался об этих действиях: «...в тяжелых боях в течение мая и июня нам удалось удержать линию р. Дубиссы и левое крыло линии р. Виндавы»⁴⁶. В трудное для русской армии время не в последнюю очередь благодаря действиям Плева обстановка во вверенной ему зоне ответственности оставалась стабильной, и это при относительной малочисленности армии (к началу июня состоявшей лишь из трех армейских корпусов). Ее войска приостановили продвижение германцев в Прибалтике, что в сложившихся тяжелых условиях уже было немало.

Неудачное развитие событий на Юго-Западном фронте (Горлицкий прорыв 19 апреля – 9 июня) наложило отпечаток на Северо-Западный. Противник осуществлял удары на севере (летнее Праснышское сражение) и юге (июньское наступление А. фон Макензена) под «основание» т.н. «польского балкона», делая последнюю попытку продвинуться к Седлецу.

Этот общий план верховного германского командования в той или иной степени был сорван активными действиями русских войск под Праснышом, Томашевом и Красником. Но параллельно руководство Восточным фронтом проводило в жизнь собственный замысел – наступление силами 10-й армии в обход Ковно на Вильно и Минск.

Русское верховное командование могло противопоставить этим замыслам современный и организованный отход из Польши, удерживание «оснований» «польского балкона», прочную оборону с элементами активности в Прибалтике. Реализации последней задачи способствовали действия армии Плева на Митаво-Шавельском направлении. Командующий германской Неманской армией О. фон Белов видел задачу своих войск в овладении Поневежем – Шавли, затем Митавой и в продвижении до линии Ковно – Двинск. Целью же 5-й армии Плева было прикрытие путей на Митаву и Двинск, защита Ковно с севера. Причем район Шавли являлся центральным опорным пунктом, прикрывающим эти направления.

Со стороны противника в Митавско-Шавельской операции участвовала Неманская армия – около 120 тыс. человек при

600 орудиях, с русской — 5-я армия — 107 тыс. человек при 365 орудиях. Таким образом, германцы обладали общим превосходством в силах и подавляющим в артиллерии. К тому же весьма значительной была протяженность фронта 5-й армии — до 250 км. В сложившихся условиях главной задачей, стоявшей перед Плевле, было не допустить прорыва фронта на северо-западе и прикрывать важнейшее рижское направление.

Риго-Шавельская операция проходила с 1 июля по 7 августа. Противник атаковал Шавли (центр боевого порядка) 1-м резервным корпусом, образовав на левом фланге ударную группу. Неприятель воспользовался тем, что части армии Плевле на этом участке были значительно слабее, создал здесь превосходство над противостоящими нашими силами, двукратное в пехоте и еще большее в артиллерии. Этот «боевой кулак» должен был, пройдя Митаву, окружить войска Плевле с севера, в то время как другая группа противника — атаковать с юга.

Действуя согласно своей концепции активной обороны, командарм решил нанести неприятелю фланговый удар со стороны Шавли силами 19-го армейского корпуса с приданными ему частями. Но за время подготовки к этому маневру обстановка настолько изменилась, что полководец, почти никогда не отменявший свои решения, на этот раз поступил по-другому: путем перегруппировки частей (создал две сильные группы — на правом фланге армии и в центре) замедлил продвижение обходящего крыла противника и усилил свои войска на опасном направлении, в результате первоначальную атаку немцев на Митаву удалось отбить.

Центральные корпуса армии Плевле стойко оборонялись, под Шавли шли упорные бои, но обозначился обход наших корпусов северной группой противника. Под напором его превосходящих сил правофланговые соединения 5-й армии отходили в восточном направлении. Неприятель планировал окружить центральные русские дивизии северной и южной «клешнями». Разгадав замысел врага, Плевле вовремя вывел войска из намечавшегося котла.

7 июля южная группа германцев, действуя встык между 5-й и 10-й армиями, форсировала Дубиссу, 8 июля овладела Шавлями, 12-го — Поневежем и обошла левое крыло 5-й армии. Армия Плевле отступила к Западной Двине на Ригу, Якобштадт и Двинск, прикрываясь конницей.

В ходе операции русское командование маневрировало силами и средствами, наносило контрудары, однако перевес сил решил дело в пользу немцев. Но территориальные успехи не скрыли их главного проигрыша: попытка путем двойного охвата уничтожить 5-ю армию не удалась. Плевле сделал все возможное при сложившейся

оперативной обстановке и наличных силах и средствах, он предпочел сохранить войска, а не территорию.

Так военный историк Г.К. Корольков справедливо отмечал: «...в этом решении Плеве идет против требований Ставки — удерживать каждый аршин земли до последней крайности (это привело ко многим излишним потерям без всякой пользы для дела) и этим показывает правильное понимание маневра. Для него разрыв фронта менее страшен, чем напрасная потеря живой силы, он видел, что всякий разрыв может быть исправлен соответствующим маневром»⁴⁷. И далее: «Недостаток сил и средств не позволял Плеве принять наступательный план и вырвать из рук противника инициативу, ему приходилось ограничиваться обороной. Однако, он не мог отказаться от активности и решил на удар противника отвечать ударом. Такой контрманевр является не только противодействием воле противника, но выражает стремление оказать на нее давление и заставить его отказаться от удара»⁴⁸.

В результате Митаво-Шавельского сражения, продолжавшегося более месяца и отличавшегося борьбой на широком фронте, обе стороны понесли большие потери, но основной цели — разгрома армии Плеве противник, несмотря на превосходство во всех отношениях, не достиг. Тем не менее германцы приобрели в Прибалтике район для развертывания в перспективе операций стратегического масштаба.

С момента падения крепости Ковно и форсирования реки Неман путь на Вильно и Двинск оказался для врага открытым. 27 августа германские войска перешли в наступление. Главный удар они нанесли в стык между 5-й армией Северного фронта и 10-й армией Западного фронта*, создав для этого «ударный кулак» из двух дивизий. 28 августа 10-я армия противника прорвала фронт у Новосвенцяна — между Вильно и Двинском, чтобы потом всей массой своей кавалерии обрушиться на тылы армий Западного фронта. Как пишет Гоштовт, «германские войска весь день сжимали стальными клещами правый фланг 5-й и левый 10-й армии, отрывая их все дальше и дальше друг от друга»⁴⁹. Между ними образовался 50-километровый разрыв, и 10-я германская армия двинулась на Вильно-Сморгонь, Неманская армия — на Двинск. 3 сентября был оставлен Вильно, и германская кавалерийская группа, прорвав наши позиции, вышла в тыл 10-й русской армии. Ударная группа фон Гарнье осуществила Свянцянский прорыв — последнюю маневренную операцию Первой мировой войны на восточном

---

* В августе 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на Северный и Западный.

фронте — в тыл русских армий Западного фронта. Впоследствии энергичными действиями русских войск прорыв удалось локализовать и закрыть, в чем большую роль сыграла деятельность Плева по смыканию левого фланга 5-й армии с правым флангом 10-й. Уже к концу первых суток германского наступления Плева, «поняв опасность прорыва немцев к линии Свящяны-Двинск... пытается локализовать эти действия немцев соответствующим применением своей стратегической кавалерии»⁵⁰. Именно кавалерия 5-й армии ликвидировала эту опасную брешь в нашей линии фронта.

В ситуации выхода противника на наши коммуникации Плева отвел левое крыло армии на Северную Двину, где в конце августа в районе Двинска остановил немецкое наступление. С падением крепости Ковно, где имелись огромные склады с оружием, амуницией и продовольствием, именно Двинск стал важным стратегическим центром обороны русских войск на северном крыле германского Восточного фронта. Первоначальная обстановка в районе этого города была крайне тяжелой. Германские части вышли на подступы к нему и пытались взять с ходу. Дополнительные проблемы возникали из-за малочисленности и усталости войск 5-й армии при растянутом фронте. Плева 6 сентября докладывал главнокомандующему армиями Северного фронта Н.В. Рузскому: «Доношу Вам, что по занятии войсками Двинского района новых позиций после отхода их вчера 06.09 позиции эти оказываются слишком растянутыми, общая линия, за включением озер, не менее 50 верст, она занята войсками в числе около 35000 штыков, не считая 3000 ополченцев. В моем резерве только два батальона Тенгинского полка. Усиливаю его батальонами Кабардинского полка, которым, однако, нужно пройти около 35 верст. Плева»⁵¹.

Двинск и его окраины непрерывно обстреливала немецкая тяжелая артиллерия. Осуществлялась эвакуация учреждений и предприятий, шел массовый исход местных жителей, в панике оставлявших жилье и имущество. Обозы и тыловые учреждения 5-й армии размещались за городом, который бомбила германская авиация. Одной из главных задач немецких летчиков было посеять панику и лишить войска возможности сопротивляться. Тем, кто был тогда рядом с Плева, запомнились фраза: «Пока я в Двинске, ни шагу назад», его твердость и непоколебимость в принятии решений по обороне города. Более того, в результате его активных действий произошел перелом в психологии защитников города и жителей. А с прибытием резервов, зачастую вводимых в бой прямо с поезда (их столкновения с немцами нередко выливались в рукопашные схватки), положение окончательно стабилизировалось.

Постепенно под Двинском удалось создать глубокоэшелонированную оборону, одну из самых мощных на всем русском фронте. Офицер 1-го Сумского гусарского полка В. Литтауэр увидел эти укрепленные позиции, когда в составе кавалерийского подразделения пришел сменить отводимую на отдых пехоту: «Траншеи... были глубокими, с большими блиндажами. В траншеях были установлены артиллерийские орудия. Непосредственно за нами располагалось тридцать два полевых орудия, а дальше тяжелая артиллерия. Полевые орудия должны были открыть огонь сразу после телефонного звонка командира нашего полка с просьбой о помощи. Если бы этого оказалось недостаточно, то в ход пошла бы тяжелая артиллерия. До этого у нас никогда не было столь мощной поддержки»⁵². Действия русского командования в прибалтийских операциях противник оценивал как «искусные» и «активные». Вновь в должной мере проявил себя командарм Плева. Остановку германского наступления в Курляндии он смог смело зачислить в свой актив. С момента его перевода в Прибалтику, как отмечал генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов, «управление войсками было упорядочено и дальнейшее распространение неприятеля приостановлено»⁵³. Относительно боев под Двинском официальная точка зрения русского командования была следующей: «Весь сентябрь прошел под Двинском почти в непрерывных боях. Дравшимся здесь нашим войскам при помощи удачного маневрирования удалось отстоять Двинские позиции, несмотря на сосредоточение перед ними больших сил германцев, получивших задачу взять город во что бы то ни стало... В неоднократных в течение ноября и декабря боевых столкновениях на Двинских позициях немцам ни разу не удалось добиться существенного успеха»⁵⁴.

Германское командование также отдало должное русскому полководцу, стоявшему во главе 5-й армии. Людендорф в самом начале Митаво-Шавельской операции отметил искусный удар на Ошмяны, вынудивший отступить 6-ю немецкую резервную дивизию (хотя русские не смогли использовать этот успех вследствие угрозы их правому флангу), долгие и ожесточенные бои за предместные укрепления Двинска и Якобштадта. Гофман также подтвердил «энергичную оборону» русских в Митаво-Шавельской операции. А Фалькенгайн констатировал: «После достигнутого в начале июня успеха у Россиен на реке Дубиссе... [мы] рассчитывали на большее»⁵⁵.

Германское командование оценило значение удержания нашими войсками Двинска на фоне Виленской операции и сочло «необходимым усилить левое крыло 10-й армии, с одной стороны, для того, чтобы придать более размаха предполагаемому удару этого

крыла в юго-западном направлении, и с другой, чтобы располагать более сильными резервами на случай неприятельского перехода в контрнаступление со стороны Двинска». Важен был и сковывающий эффект двинской позиции: по словам Фалькенгайна, «снятие дальнейших сил в настоящее время невозможно. Даже по отбитии атаки, оно может последовать лишь тогда, когда по взятии Сморгони и предместного укрепления у Двинска достигнуто будет сокращение фронта»⁵⁶.

Отечественные военные историки тоже отдали дань боевой деятельности Плеве в Прибалтике. И.И. Ростунов отмечает применительно к Митаво-Шавельской операции: «Плеве, весьма здраво оценив обстановку, разгадал этот замысел (маневр двойного охвата немцев. — А.О.). Он отдал приказ о немедленном отходе, чтобы вывести войска из-под ударов врага». И далее: русское командование, «находясь в невыгодных условиях, сумело противопоставить врагу способ борьбы, приведший к срыву его намерений. Только генерал Плеве, которого Ставка считала одним из лучших командующих армиями, в Риги-Шавельской операции проявил удивительную настойчивость и требовательность»⁵⁷. Г.К. Корольков, говоря об отходе 5-й армии в июле-августе 1915 г., подчеркивает: это «показывает гражданское мужество Плеве, так как мало было генералов, способных принять решение, идущее вразрез с требованиями Ставки «ни шагу назад»⁵⁸.

Обращает на себя внимание быстрота, с которой Плеве оценивал обстановку и принимал решения, что особенно важно при парировании ударов противника. Так, чтобы проанализировать донесения подчиненных, прийти к верному заключению о главном ударе немцев в первый день сражения под Шавли (1 июля) и принять адекватные меры, генералу понадобилось всего три часа. Г.К. Корольков замечает: это «вполне выявляет его умение руководить боем... такая быстрая ориентировка в изменениях обстановки могла быть достигнута только при хорошо поставленной службе донесений и связи. В этом отношении Плеве проявлял удивительную настойчивость и требовательность»⁵⁹.

Войска 5-й армии, отходя с рубежа на рубеж, на отдельных участках осуществляли короткие, но энергичные (в стиле Плеве) контратаки. Командарм сохранил свои силы и вывел их из-под фланговых ударов превосходящих сил врага. Во время Митаво-Шавельской операции все действия Плеве отличались спокойствием и своевременной распорядительностью при правильном понимании обстановки. Во всем видно стремление противодействовать противнику и сломить его волю. Особенно впечатляет стойкость и решительность генерала при сохранении Двинска и

двинского плацдарма: как истинный военачальник, он руководствовался стратегическими соображениями и работал на перспективу (этот район требовалось сохранить в расчете на будущее наступление). В тактическом же плане заметно умение командарма оперировать на флангах противника: удержать плацдарм на левом берегу реки у Двинска Плева смог, действуя на флангах Неманской и 10-й германской армий. Следует упомянуть и о таланте Плева-руководителя. Прослужив долгое время в строю и отлично зная солдатскую массу, он приложил все силы для поднятия боевого духа в войсках, особенно в кризисные моменты. Эту цель преследовали речи генерала перед прибывающими в Двинск резервами, использование военной музыки. Литтауэр упоминает даже проводившийся в Двинске парад, который принимал командующий 5-й армией⁶⁰. Не пустив германцев в Двинск, Плева во многом предотвратил возможное неблагоприятное развитие оперативной обстановки на русском театре военных действий, заложив фундамент для последующих операций. Двинский фронт в конфигурации, созданной Плева, продержался 2,5 года — до февраля 1918 г.

6 декабря 1915 г. Плева сменил вновь заболевшего Рузского на посту главнокомандующего армиями Северного фронта, но, к несчастью, ненадолго. По состоянию здоровья 10 февраля 1916 г. его освободили от командования, а 5 февраля назначили членом Государственного совета. Умер Павел Адамович 28 марта в Москве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя человеческие качества для полководца не главное, хотелось бы отметить следующее. Плева был весьма скромн — почти не сохранилось его фотографий, он не любил публичных выступлений и пр. Избегал генерал внешнего блеска и эффекта, не мог, а может быть, не хотел заниматься «саморекламой»: когда почти все командармы — участники Галицийской битвы возглавили фронты, Плева остался командармом. Но именно с ним связаны не только победы русского оружия, но и некоторые яркие страницы в области военного искусства. Так, уже не раз отмечалось, как грамотно и эффективно он применял конницу, пример тому — действия 5-й армии в Галицийской битве, Лодзинском сражении. В Митаво-Шавельской операции он организовал рейд в тыл германского заслона перед Митавой, причем к 1-й кавалерийской дивизии придал для подкрепления полк пехоты. М. Позек, начальник штаба 1-го германского кавалерийского корпуса во время боев в Прибалтике, в то время полковник, отметил успех вылазки: «Телефонная

сеть немцев была разрушена на большом протяжении по фронту и в глубину, а подвоз продовольствия к 2-й и 6-й кавалерийским дивизиям прерван на 24 часа»⁶¹.

Грамотно использовал полководец армейскую кавалерию и в начале сентября под Двинском, парируя движение сильной неприятельской кавалерии с пехотой и артиллерией, двигающейся в охват с юга Двинских передовых позиций. Подобное новаторство генерала имело место во время войны, которая вообще привела к свертыванию кавалерии как одного из важнейших родов войск. Между тем Плеве, в отличие от многих военачальников (причем не только в русской армии), нашел ей место в новых условиях: действия крупных кавалерийских соединений на коммуникациях противника, прикрытие своих отходящих войск, выход на оперативный простор после прорыва неприятельского фронта, разведка.

Показал себя генерал и сторонником борьбы за фланги. Иллюстрацией этому служат действия его армии на второй фазе Галицийской битвы, в Лодзинской операции, Праснышском сражении, боях в Прибалтике. Плеве учил и подчиненных действовать аналогичным образом. Например, в телеграмме командующему 4-й армией Эверту от 22 ноября 1914 г. он упоминает о приказе своему командиру корпуса генералу Горбатовскому атаковать противника во фланг⁶².

Наиболее эффективными мерами срыва вражеских замыслов Плеве считал активные, энергичные действия, широкий маневр силами и средствами (поскольку быть сильным везде невозможно). Настойчивое преследование потерпевшего поражение противника также характеризует Плеве как полководца. Вместе с тем он старался беречь по мере возможности войска, не ставя их на грань уничтожения, иллюстрацией чему служат действия командарма после Томашевского сражения, в Митаво-Шавельской операции. Однако это сочетается с упорством в необходимых случаях, как во время Томашевского сражения и обороны Двинска.

Умело оперировал генерал с резервами, определял им место в общевойсковом бою. Еще не закончилась активная фаза Лодзинской битвы, как он начал формировать сильные армейские резервы во 2-й и 5-й армиях, не останавливаясь даже перед ротацией фронтовых частей⁶³. А в Митаво-Шавельской операции генерал проводил перегруппировки в связи с изменением обстановки, и перемещаемые части своевременно перекрывали пути наступления колонн противника.

Приветствовал полководец и технические новинки, являясь сторонником современной войны. Речь идет прежде всего о зенитной артиллерии и броневиках. В конце зимней Праснышской

операции в распоряжение штаба 12-й армии (в Ломже) передали автомобильную батарею капитана В.В. Тарновского для стрельбы по самолетам противника. Плеве и его начальник штаба Е.К. Миллер посетили и подробно ознакомились со «свойствами батареи и предполагаемыми способами стрельбы»⁶⁴. Именно командование 12-й армии высоко оценило первые успехи русских зенитчиков, наградив Тарновского орденом Святой Анны II степени, офицеров батареи штабс-капитанов Величко и Боровского — орденами Святой Анны III степени. Заслуженное поощрение на войне — вещь очень нужная, и этот факт придавал дополнительную динамику развитию оружия. При организации воздушной обороны Двинска генерал вновь привлек отлично зарекомендовавшую батарею.

Использовал командарм и бронесилы. В Лодзинской операции «20 ноября 1-я автомобильная пулеметная рота была расставлена в засады по дорогам в прорыве между 5-й армией и левым флангом 19-го корпуса у Пабьяниц. На рассвете 21 ноября пятью броневыми автомобилями были уничтожены два полка немецкой пехоты, прорвавшиеся в охват левого фланга 19-го корпуса, а автоматическая пушка взорвала передок выезжавшей на позиции батареи»⁶⁵. В феврале 1915 г. три атаки немцев в районе города Прасныша русская пехота отбила при поддержке броневиков. Они врываются в боевые порядки наступающей германской пехоты и в упор расстреливали ее, а при отступлении немцев содействовали развитию успеха, не давая врагу возможности остановиться и привести себя в порядок: «В ночь с 12 на 13 февраля 1915 г., в один день перекинувшись из Старожеб через Пултуск под Прасныш, пройдя маршем 120 верст, отряд 1-й автопулеметной роты из 4 пулеметных и одного пушечного автомобиля ворвался на укрепленную позицию немцев у с. Добржанково. Потеряв три машины со всею прислугою, расстрелянными с 30 шагов, занял два моста, отрезав путь отступления немцев»⁶⁶. В результате подошедшим 2-му и 3-му Сибирским стрелковым полкам сдалась бригада немцев. Во всех случаях речь идет не о новаторстве, а, что куда важнее, эффективном применении новых боевых средств. Аспект от действий бронетехники в Праснышской операции был настолько велик, что данный факт нашел специальное отражение в записях главы российского государства: «...очень помогли успеху автомобили с пушками и пулеметами!»⁶⁷.

Важно и то, что полководцу пришлось воевать с наиболее сильным в той войне противником — германской армией, в тяжелых условиях местности, усиленных к тому же фортификационными сооружениями. Уход Плеве с военной службы и безвременная кончина совпали с подготовкой крупномасштабных

русских наступательных операций 1916 г. Присутствие энергичного руководителя в период Брусиловского прорыва как минимум не позволило бы германцам привлечь части с других участков русско-германского фронта, а переброшенные из Франции — делить между зонами русской активности. Если тактика нескольких ударов в рамках одного фронта в 1916 г. принесла русской армии такой успех, то одновременные наступления по аналогичной схеме нескольких фронтов (а силы и средства вполне позволяли это сделать) могли привести к обрушению всего Восточного фронта.

Честный, смелый и добросовестный солдат, с честью выходявший из самых сложных ситуаций, Павел Адамович Плеве оставил заметный след в истории Первой мировой войны. Современной войне, какой она уже являлась, требовались именно такие военачальники — не только грамотные, но и твердые, спокойные, инициативные.

¹ Российский Государственный военно-исторический архив (Далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 24237, Л. 3, 3 об.

² Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133834 (пс. 82559 (4)). Л. 39, 40, 40 об., 45 об.

³ Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24237. Л. 3, об., 4

⁴ Ф. 409. Оп. 1. Д. 133834 (пс. 82559 (4)). Л. 42.

⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24237. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133834 (пс. 82559(4)). Л. 38, об.

⁷ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Вост. Пруссию и Галицийская битва. М., 1922. С. 14.

⁸ Белой А. Галицийская битва. М., 1929. С. 108.

⁹ Кузнецов Б.И. Томашевская операция. М., 1933. С. 19.

¹⁰ Кузнецов Б.И. Указ. соч. С. 57.

¹¹ Головин Н.Н. «Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Галицийская битва 1-й период до 1 сентября нового стиля» Париж 1930 г. Указ. соч. С. 272.

¹² Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 1. С. 185.

¹³ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 391, 440.

¹⁴ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 38.

¹⁵ Лодзинская операция. Сборник документов. М., 1936. С. 189.

¹⁶ Там же. С. 254-255.

¹⁷ Там же. С. 287-288.

¹⁸ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 3. Период с 12(25) ноября 1914 г. по 15(28) марта 1915 г. М., 1922. С. 6, 7.

¹⁹ Лодзинская операция. Сборник документов. С. 370.

²⁰ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., 1924. Т. 1. С. 90.

²¹ Гофман М. Война упущенных возможностей. М. — Л. 1925. С. 62.

²² Там же. С. 62.

²³ Нокс. «Лодзинская операция в ноябре 1914 г.» // «Армия и революция» 1921. № 4—5, С. 135—136

- ²⁴ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 218.
- ²⁵ Людендорф Э. Указ. соч. С. 89.
- ²⁶ Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 45.
- ²⁷ Корольков Г.К. Сражение под Шавли. М.-Л. 1926., С. 68, 129.
- ²⁸ Там же. С. 160.
- ²⁹ Рыбин Д.Н. Лодзинская операция на Русском фронте мировой войны а 1914 г. М., 1938. С. 41.
- ³⁰ Новицкий Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. (из личных воспоминаний участника) // ВиР, 1930 г. № 7. С. 122.
- ³¹ Керсновский А.А. «Мировая война (краткий очерк). Упущенные возможности». Белград. 1939 г. С. 197.
- ³² Лодзинская операция. Сборник документов. С. 236, 241, 253, 255–256.
- ³³ Там же. С. 60.
- ³⁴ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 230.
- ³⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. С. 77.
- ³⁶ Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65–66.
- ³⁷ Борисов А. Праснышская операция. // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 33.
- ³⁸ Там же. С. 32.
- ³⁹ Зайончковский А.М. Маневренный период войны 1914-1915 гг. СПб., 2002. С. 270.
- ⁴⁰ Борисов А. Указ. соч. С. 35.
- ⁴¹ Дневники Николая Второго 1915 г. Материалы сайта «Военная литература».
- ⁴² Людендорф Э. Указ. соч. С. 108–109.
- ⁴³ Гофман М. Указ. соч. С. 76.
- ⁴⁴ Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65.
- ⁴⁵ Людендорф Э. Указ. соч. С. 116.
- ⁴⁶ Зайончковский А.М. Первая мировая война. С-Пб., 2002. С. 414; Гофман М. Указ. соч. С. 86.
- ⁴⁷ Корольков Г.К. Сражение под Шавли. М.–Л., 1926. С. 45.
- ⁴⁸ Там же. С. 15.
- ⁴⁹ Гоштовт Г.А. Кирасиры Его Величества в Великую войну 1915 г. Париж. 1942. С. 163.
- ⁵⁰ Евсеев Н. Священский прорыв 1915 г. М., 1936. С. 46.
- ⁵¹ Там же. С. 130–131.
- ⁵² Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии 1911-1920. М., 2006. С. 208–209.
- ⁵³ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 264.
- ⁵⁴ Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций Русского Западного фронта. Пг., 1916. С. 41–42.
- ⁵⁵ Людендорф Э. Указ. соч. С. 133; Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 109; Гофман М. Указ. соч. С. 94.
- ⁵⁶ Фалькенгайн. Указ. соч. С. 131, 135.
- ⁵⁷ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.
- ⁵⁸ Корольков Г.К. Указ. соч. С. 53.
- ⁵⁹ Там же. С. 44.
- ⁶⁰ Литтауэр В. Указ. соч. С. 207.
- ⁶¹ Позек М. Германская конница в Литве и в Курляндии в 1915 г. М.–Л., 1930. С. 98.
- ⁶² Лодзинская операция. Сборник документов. С. 378.

⁶³ Там же. С. 406.

⁶⁴ Лашков А. Новатор русской зенитной артиллерии. Ч. 2 (1) //Техника и вооружение. 2004. № 1. С. 3.

⁶⁵ Барятинский М., Коломиец М. Бронеавтомобили русской армии 1906–1917 гг. М., 2000. С. 20.

⁶⁶ Там же. С. 52.

⁶⁷ Дневники Николая Второго 1915 г. Материалы сайта «Военная литература».

А.В. Буганов

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕННЫЕ ГЕРОИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО НАРОДА*

Статья посвящена отражению в памяти русских крестьян героических страниц отечественной истории, деятельности выдающихся полководцев. Автор показывает, что в осмыслении военных событий определяющими были патриотические и конфессиональные факторы. В массовом сознании до середины XX в. сохранялись основные черты дореволюционной военно-исторической фольклорной традиции, схожесть в трактовках героев прошлого и настоящего.

Ключевые слова: историческая память, фольклор, русское крестьянство, полководцы и герои российских войн XVII—XX вв.

В исторической памяти русского народа всегда высоко ценились полководцы и военные герои, добывавшие славу России и проявлявшие боевые и героические качества русских людей. В военных противостояниях ярко проступали черты личности как выразителя народного духа. Воспоминания об удачных сражениях укрепляли убеждение в непобедимости России, ее государственного величия, поднимали самооценку народа, способствовали росту позитивной идентичности. Подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении. Яркие личностные качества (а уж воинов особенно) проявлялись на государевой службе. В историческом фольклоре XVII—XVIII столетий все чаще на первый план выходят отличившиеся в походах и сражениях военачальники. Значительный след в народных исторических представлениях оставило Смутное время начала XVII века. По выражению П.Я. Чаадаева, то был «момент беспримерный, пробудивший

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00436а.

скрытые силы общества». В России прежде не было столь широкого освободительного всесословного движения. Современникам Смуты и их потомкам остались памятные яркие исторические деятели той поры: Д.М. Пожарский, Козьма Минин, Прокопий Ляпунов, М.В. Скопин-Шуйский.

Князь Пожарский предстал в народной памяти как спаситель Отечества и избранник простого люда: «удалого молодца воеводушку» Пожарского «выбрали себе солдатушки, молодые ратнички». Перед штурмом Москвы он вместе с ними молился «на святые врата Спасские и на пречистый образ Спасителя» (из песни Смутного времени).

В одной из песен Дмитрий Пожарский — вопреки историческим фактам — был даже избран в цари, но отказался от престола в пользу Михаила Романова:

*Как и возговорит к боярам Пожарский князь:
Ох вы гой еси, бояры, воеводы московские!..
Уж вы выберите себе в православные цари
Из славного, из богатого дома Романова —
Михаила, сына Федоровича.
И выбрали себе в цари Михаила, сына Федоровича¹.*

Столь своеобразное преломление воспоминаний о борьбе различных кандидатур на русский престол выявляет не только популярность князя Дмитрия в народе, но и воззрения на то, каков должен быть православный царь — защитником и заступником Отечества.

Козьма Минин, обратившийся к посаду с призывом освободить Московское государство от польских и литовских интервентов, не был полководцем да и сколько-нибудь военным человеком. Но в нашем сознании он навсегда остался патриотом, мирским подвижником, организатором нижегородского ополчения:

*Ох вы гой еси, товарищи, Нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен и детей,
Вы продайте все ваше злато-серебро.
Накупите себе острых копьев,
Вострых копьев, булатных ножей.
Пойдем-ка мы сражаться
За матушку за родную землю².*

И в дальнейшем имя Минина жило в памяти народной. Во время Отечественной войны с Наполеоном его образ, несомненно,

способствовал формированию «жертвенного» сознания. Очевидна и обратная связь — в обстановке патриотического подъема и добровольных пожертвований в 1812 г. личность Минина становилась для крестьян еще более известной и привлекательной. В 1899 г. корреспондент Этнографического бюро сообщал из Гжатского у. Смоленской губ.: «Слава Минина и вообще вся сцена с жертвованием [денег на ополчение — А.Б.] ... трогают простолюдинов и вызывают в них чувство патриотизма. Народу приятно читать про лиц, приносивших себя в жертву России»².

Не был обойден вниманием в исторических песнях и воевода князь Михаил Скопин-Шуйский. Решающую роль в героизации образа Скопина сыграли его победы над поляками и войсками Лжедмитрия II. В песнях он «оберегатель мира крещеного и всей нашей земли святорусския». Немаловажным для народного признания Скопина стало получение им благословения от преп. Иринарха Ростовского. Отказав в духовной поддержке предводителю поляков Сапеге, старец передал гонцам от Скопина-Шуйского крест и просфору и велел сказать: «Дерзай, и Бог поможет тебе», и под Александровой слободой князь разбил литовцев. История повторилась после прибытия к ним подкреплений. Вновь старец послал князю благословение и просфору, и опять русские стали победителями. После того как Сапега был окончательно разбит и бежал в Волоколамск, а Тушинский вор был убит в Калуге, Скопин с благодарностью вернул крест старца его посланцам⁴. Церковное благословение в этом предании, как, впрочем, и во многих других воспоминаниях, считалось неременным условием успеха в военном деле.

Часто встречалось противопоставление «бояр-изменников» Скопину-Шуйскому (например, князей Мстиславского и Воротынского) и Прокопию Ляпунову. В песне «Ляпунов и Гужмунд» подчеркивалось: в то время как «многие русские бояре нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись», думный воевода Прокопий Ляпунов «крепко веру защищал ... изменников отгонял».

После создания регулярной армии в начале XVIII столетия к выдающимся полководцам постепенно переходит от царя дело защиты Отечества. С именем фельдмаршала Б.П. Шереметева, «царева большого боярина, генерала и кавалера», народное сознание связывало первые победы над шведами: освобождение Орешка, битву при Красной мызе и другие успехи в Северной войне. Не прошло незамеченным появление сильного флота. Фольклорное число кораблей — три — в песнях того времени осмысливалось так: на первом корабле находились царь или глава войска — Шереметев, на втором — князья да бояре, офицеры, на третьем — солдаты,

которые помогают царю или Шереметеву «думу думати» о том, как одолеть неприятеля. Песни о военной службе на флоте стояли все же несколько особняком: как к любому новому делу, отношение к морю было несколько настороженным.

По народным представлениям рука Божия была рядом с фельдмаршалом. Предание повествует, что когда Петр I решился дать шведам генеральное сражение под Полтавой, то назначил его на 26 июня, в день празднования явления чудотворной иконы Тихвинской Божьей Матери. Шереметев, который имел «особую веру и усердие» к этой Богородичной иконе, упросил государя отсрочить битву на один день. Петр согласился. Вместе со своим воинством государь и фельдмаршал молились перед образом Богоматери. Тогда же графом дан был обет, если останется победителем, основать невдалеке, в Борисовке, иноческую девическую обитель в честь чудотворной Тихвинской иконы. Сразу после победы фельдмаршал вместе с Петром выбрали место для устройства обители, и в ближайшие годы попечениями Шереметева она была выстроена и получила наименование Борисовской-Тихвинской⁵.

Подвиги военных героев порой больше следовали за фольклорной традицией, нежели за их реальной биографией. В песнях о Прусской войне атаман И.М. Красношеков, переодевшись купцом, даже посещает прусского короля в его собственной резиденции (впоследствии этот подвиг героя казаков был приписан казачьему атаману Платову, отправившемуся в Париж, к «самому французу»). В последующие десятилетия победная традиция в песнях опиралась на образы П.А. Румянцева, З.Г. Чернышева⁶ и других полководцев.

Характерно, что для возведения того или иного лица в ранг народного героя вовсе не обязательным являлось «простое» происхождение. В Куликовской битве героями-воинами стали Александр Пересвет, бывший боярин брянский, и Андрей Ослябя, бывший боярин любецкий. Когда-то они славились как опытные и доблестные воины, даже прослыли богатырями, но потом ушли из мира в Святотроицкую обитель под покровительство Сергия Радонежского. Их религиозный и военный подвиг создал уверенность у войска, что эта битва — святая, что умершие в ней ради спасения родины пойдут в рай.

Военачальники—бояре, если выступали вместе с народом против внешнего врага, представляли в фольклоре искренними патриотами. Таковы были, например, Семен Пожарский, отказавшийся изменить Родине и погибший в татарском плену, боярин-воевода Карамышев в песнях об осадах Пскова и Волоколамска. Боярин Никита Романович (дед царя Михаила) выступал иногда как

казачий есаул, сподвижник Ермака и Степана Разина, именовался «старым казаком» и противопоставлялся Малюте Скуратову. З.Г. Чернышев в одной из песен называется «донским казаком», «племянником Стеньки Разина» и т.д.

По глубокому народному убеждению, для успеха любого начинания, в том числе и военного, необходимо было снискать Божью помощь. Естественно, что русские — сначала солдаты, а затем, по их рассказам, и крестьяне — знали о набожности своих героев, ценили ее.

Воин-флотоводец Федор Ушаков (с его прославлением в 2000 г. в лике святых российский флот обрел своего небесного покровителя) «к вере отцов своих оказывал чрезвычайную приверженность». Сохранились свидетельства о его жизни в Севастополе, когда по окончании войны с Турцией в 1791 г. он начальствовал над портом и городом, «каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных; а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного; и был исполненный доброты необыкновенной». Во время знаменитой Средиземноморской кампании вице-адмирал показал себя не только как храбрый флотоводец и мудрый государственный деятель, но и как милосердный христианин и благодетель освобожденных им народов. Ушаков и его подчиненные доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны⁷. Органичное восприятие основ христианского мировоззрения дополнялось сформировавшимся в Новое время правосознанием, признавшим принцип: не делать врагу больше зла, чем сколько того требуют цели войны.

Крупнейшие полководцы прошлого считались у русских выразителями воли Божьей. Самый выдающийся русский полководец А.В. Суворов, по мнению народа, был богатырь, знал «Планиду небесную» и потому всегда побеждал врагов⁸. В конце XIX в. один из жителей Дмитровского уезда Московской губернии убеждал односельчан: «Ни было и ни будить таких вояк, как Суворов. Да видь ему Божья сила помогла. Ен, как идти на войну, станить служить молебн и сичас же видить, кому быть живому и кому убитаму. Тех, кого на войне побьют, он видит с венцами на голове»⁹.

Солдаты приписывали своему полководцу не только благочестие, но и традиционные для народных воззрений свойства колдуна: «Знал он все на свете, проникал замыслы врагов, чуял в безводных местах ключи»¹⁰. По убеждению его воинов, «ни одна пуля не могла сразить Суворова, ни одно оружие не могло коснуться его тела»¹¹ (при этом как бы забывалось о тех ранах, которые получил

Суворов в битвах с турками). Именно сочетание в «избраннике Божиим» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца.

С Суворовым солдатам по плечу любые трудности:

*Ой ты гой еси, да Суворов-князь,
Командир ты наш, начальник!
Не страшна-то нам сила вражия,
Сила вражия, злая Туречина¹².*

В песнях суворовского цикла очень сжато изображались военные события, в центре внимания оказалась личность полководца. При этом деятельность героя, практически все свои кампании проведшего за пределами России (с Турцией – 1787–1791 гг., с Наполеоном – 1799 г.), в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов (причина, вероятно, в том, что наши многочисленные войны с турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах народных масс были борьбой с мусульманами за Православную Россию).

В песнях и преданиях всячески подчеркивались простота вкусов и привычек Суворова, его готовность разделить с подчиненными тяготы походной жизни. В 40-е гг. XIX в. в Олонекской губернии рассказывали о посещении Суворовым Петрозаводска, где он осматривал пушечно-литейный Александровский завод. По преданию, Суворов, всегда являвшийся прежде, чем его ожидали, прискакал в Петрозаводск на тележке, в обыкновенной солдатской куртке.

В 1899 г. корреспондент Этнографического бюро сообщал из Саранского уезда Пензенской губернии, что крестьяне «знают... о Суворове: как он кричал петухом и переодевался в одежду простого солдата, приходил в лагерь и был принимаем всеми за обыкновенного солдата и как он велел своим солдатам отвечать, когда их спрашивают о чем-нибудь». Некоторые более подробно, с юмором описывали, как солдат приходил с пакетом к Суворову. Когда искал Суворова, наткнулся на него самого; спросил и, не получив четкого ответа, назвал «чертом»; потом, поняв ошибку, просил прощения. Суворов не обиделся, угостил водкой и отпустил¹³.

Воспоминания о Суворове зафиксированы практически по всей территории расселения русских. Образ Суворова оставался настолько привлекательным, что память о нем была вплетена и в боевые страницы кубанских казаков. «Наш Суворов» становит-

ся участником значимой для них Кавказской войны. А память о знаменитом переходе полководца через Альпы увязывалась в воспоминаниях XX столетия даже с Первой мировой войной¹⁴. На фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. бытовала поговорка: «Суворовский завет свят, гвардейцы насмерть стоят».

По окончании Отечественной войны 1812 г. в исторических знаниях крестьян центральное место отводилось ее героям — М.И. Кутузову и М.И. Платову. После того как 8 августа 1812 г. главнокомандующим русскими войсками был назначен Кутузов, личность этого полководца приобрела исключительную популярность в народе и в армии. По воспоминаниям Ф.Н. Глинки, переезд Кутузова из Петербурга к армии походил на торжественное шествие: «Народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных чувств, прибегал к старому, радушному обычаю — отпрягал лошадь и вез карету на себе»¹⁵.

После Суворова Кутузов был, пожалуй, самым популярным среди солдат русской армии полководцем. Он стал первым военачальником, широко использовавшим народное ополчение (причем ополчение 1812 года в значительной своей части было построено на общественных началах, в отличие, скажем, от ополчения 1855 г., которое было государственной организацией). В песнях Кутузов изображен полководцем, уверенным в правоте своего дела — защиты родной земли:

*Перед ним (царем — А.Б.) стоял
генералушка — сам Кутузов.
Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка,
православный царь!
А мы встретим злодея среди пути,
Среди пути, на своей земли»¹⁶.*

Близость к солдатам подчеркивалась задушевным и доверчивым обращением полководца:

*И возговорил он речь хорошую:
Да еще что-то мне вас, солдатушки,
Будет дарить, жаловать
Златом или серебром
Али хлебом белым¹⁷.*

Песни об атамане М.И. Платове создавались преимущественно в казачьей среде, но бытовали по всей России. Собирателю

фольклора С.И. Гуляеву записи песен о Платове присылали из самых разных мест, что свидетельствовало об их широкой популярности¹⁸. Расторопность Платова противопоставлялась в песнях неспособности царских чиновников повлиять на ход войны:

*Расплакались-растужились наши сенаторы,
Вы не плачьте, не тужите, нам Платов пособит¹⁹.*

В 1899 г. корреспондент Этнографического бюро В.А. Квачевский записал в селе Бессоновка Пензенского уезда Пензенской губернии предание, в котором уже состарившийся Суворов, лучший полководец недавнего прошлого, передает дело защиты Родины в руки достойного преемника, «Платова-казака». Далее, по тексту предания, Суворов с Платовым сообща преследуют и побеждают «басурман французов». Еще одна типичная черта в народной версии прошлого: враги русских, посягнувшие на Православную Россию, традиционно воспринимались как нехристи, басурмане, даже если и принадлежали к христианскому миру.

В песнях о Крымской войне часто упоминались М.С.Воронцов и П.С.Нахимов. В одной из них Воронцов курил трубку,

*Чтобы пьяному быть,
Посмелее послужить,
Турку голову сказнить,
Агличанке кровь пролить.*

Легендарным героем, чуждым каких бы то ни было недостатков, предстал в воспоминаниях об обороне Севастополя адмирал Нахимов. На той же войне вдохновляюще подействовало на солдат и офицеров благословение священника и любимых военачальников. Участник обороны Севастополя капитан 1-го ранга Рейсмерс вспоминал: «Никогда не забуду тот момент, когда в первый день бомбардирования Корнилов, Нахимов, Тотлебен и почтенный священник с крестом, благословляя всех, обходили бастионы. С каким чувством каждый из нас подходил к кресту, и как одушевляли нас своим спокойным духом все эти достойные люди». «С благословением Божиим и сражаться, и умирать легко», — говорили солдаты.

В Зарайском уезде Рязанской губернии те крестьяне, которым корреспондент Бюро указывал на неудачную Крымскую войну, «объясняли такой исход ее несовершенством оружия, с которым русским приходилось сражаться с хорошо вооруженными войсками союзников, а также недостатком в знающих и способных командирах»²⁰.

Довольно четко очерчен круг исторических деятелей, завоевавших признание в народе за время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.: М.Г. Черняев, М.Д. Скобелев, И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкий.

Генерал Черняев в 1876 г. уехал в Белград и был назначен главнокомандующим сербской армией. В письме Черняеву возглавлявший Славянский комитет в Петербурге И.С. Аксаков писал: «Не забывайте, что вы теперь самое народное имя в России, что на всем ее пространстве поются молебны с многолетием “христоробивому и братолюбивому вождю славянского воинства, рабу Божию Михаилу”»²¹.

Пик популярности Черняева пришелся на начало войны. Вскоре на первый план выдвинулись имена генералов Гурко и Скобелева. В Орловском уезде Орловской губернии крестьяне рассказывали, как Скобелев с Гурко отстали от войска и турки хотели их взять в плен, но не смогли. В Саранском уезде Пензенской губернии весьма ценились книги про Скобелева и Гурко²². Скобелева почитали особо. В действующей армии солдаты кричали «Ура!», когда он проходил мимо их палаток. И через двадцать лет, в конце столетия в народе любили вспоминать о «белом генерале». Солдаты, участники войны, уверяли, что Скобелев всегда ездил в романовском полушубке белой дубки и знал заговор против пуль. На территории Борисоглебского уезда Ярославской губернии «чаще всего приходится слышать рассказы о генерале Скобелеве». В Дорогобужском уезде Смоленской губернии «большой симпатией пользуется Скобелев и время его славных подвигов»²³. В Тарусском уезде Калужской губернии Скобелева, наряду с Суворовым и Кутузовым, считали избранниками Божиими, которым была известна «Планида небесная»²⁴. Как и его славные предшественники, Скобелев, с точки зрения крестьян, неизменно выходил победителем в сражениях, и «если бы не он, то нашим досталось бы плохо». Если речь все же заходила о неудачах, говорили, что «Скобелева не было при этом».

Довольно ошутимо и социальное звучание образа. Подобно Кутузову и Платову, Скобелев противопоставлялся «изменщикам-генералам». В селе Вассы Щелкановской волости Мещерского уезда Калужской губернии «одни хвалили наших генералов, другие корили: они-де изменники, царь им не верит... Дальше стало известно, что наших под Плевенью много дюже полегло оттого, что генералы изменили. Один только Скобелев героем оказался и велел солдатам стрелять своих начальников, если они будут бояться турок или изменять»²⁵.

В войнах начала XX века, судя по многим воспоминаниям, солдаты в большинстве своем верили начальству: оно, мол,

знает, что делать. Участвовавшие в Русско-японской войне солдаты боготворили главнокомандующего А.Н. Куропаткина (в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. был начальником штаба Скобелева), хотя «многие его ни разу не видали». Тем же, чем был для Севастополя Нахимов, для Порт-Артура стал генерал-лейтенант Р.И. Кондратенко. Он остался в памяти душой обороны крепости, командиром, широко использовавшим инициативу подчиненных.

В начале Первой мировой войны корреспонденты Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) зафиксировали довольно оптимистичные ожидания крестьян Кинешемского уезда, традиционно связывавшиеся с фигурой главнокомандующего: «Немцы, как ни злы и ни хитры, но при помощи Бога наши дорогие мученики, серые солдатики, с таким главнокомандующим, как Николай Николаевич, разобьют всех врагов в пух и прах и защитят свою Родину грудью»²⁶. Успехи на фронте, а также заботливое отношение к солдатам, создали большую популярность в войсках и обществе А.А. Брусилову. Не случайно впоследствии, в 1920 г. во время войны с Польшей, В.И. Ленин, осознававший, что одного классового стимула недостаточно, чтобы подвинуть народные массы на борьбу с внешним врагом, должен был обратиться к Патриарху Тихону и генералу Брусилову для того, чтобы придать этой борьбе национальный характер.

Легендами были окружены военачальники Гражданской войны. Распространялись слухи о побегах генерала Л.Г. Корнилова из немецкого плена, а потом и советского. В Крыму ходила легенда, что он не убит, а намеренно скрывается в народе и подготавливает его, а потом опять станет во главе и прочее... Передавали и другие слухи, будто потом красные нашли его труп и издевались²⁷.

Способностью внушать доверие и преданную любовь войскам обладал генерал Я.А. Слащев (командир 2-го армейского корпуса в Добровольческой армии А.И. Деникина, в январе-апреле 1920 г. руководил обороной Крыма). Он обращался к солдатам не по-старому: «Здорово, молодцы», а «Здорово, братья»; «это была новость и очень отрадная и современная. В ней слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к “серому солдату”. И войска готовы были тут же броситься по его приказу в огонь и воду...»²⁸

Слащев эвакуировался в Константинополь, но вскоре порвал с белыми (ему ставили в вину отдельные неудачи) и уехал на пароходе к красным. В Москве его убили с улицы через окно. Одни считали, что это сделали внутренние белые, мстя за предательство, другие винули красных. В Крыму про него ходила легенда, что он совсем не Слащев, а великий князь Михаил Александрович²⁹.

Большой авторитет имел П.Н. Врангель, хотя и был не в ладах с генералом Деникиным. О нем рассказывали, как о человеке железной воли и даровитом, «его любили, ему верили, его боялись»³⁰.

В советское время, и прежде всего в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, появились новые исторические фигуры, ставшие прототипами фольклорных персонажей³¹. Довольно противоречивы народные суждения о роли И.В. Сталина в войне (и, разумеется, в истории страны в целом). Наряду с односложными высказываниями о том, что «при Сталине был порядок», встречаются попытки осмысления иного рода: «При Сталине мы были рабы, трудолюбиво, честно работали, поэтому в городах было много еды». Опрошенные в ходе этнографических экспедиций рубежа XX–XXI столетий бывшие участники войны часто вспоминали, как они шли в бой с кличем: «За Родину, за Сталина!». По замечанию елаьминского краеведа (Елаьма – город в Касимовском районе), «в сознании людей того времени это [имеется в виду Сталин. – А.Б.] было все. Изменение отношения происходит только сейчас» (записано в 1989 г.)³².

Кроме Сталина в народе памятны имена Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева и др. Некоторые опрошенные высказывали суждения об их взаимоотношениях: «Рокоссовский с Жуковым были, похоже, товарищами», «Один Жуков не боялся Сталина». В последней формулировке нетрудно уловить характерное, идущее от былинных времен, противопоставление народного героя и правителя. Еще более определенно этот мотив прозвучал в другом мнении: «Сталин из Москвы не выезжал, Жуков – на фронте все время». Народная версия взаимоотношений Сталина с Жуковым прочитывалась в духе сказки о царе и опальном генерале³³.

Большинство опрошенных полагают, что войну выиграл народ под руководством командования. При этом безусловное лидерство в кругу военачальников принадлежит маршалу Жукову. Сохранившийся в исторической памяти образ Жукова, как и фольклорный Суворов, сочетает в себе полководческое искусство и демократизм поведения³⁴. По словам одного из участников войны, крестьянина деревни Инкино (Касимовский район Рязанской области), Жуков «объезжал все фронты в простой шинелишке».

В партизанских рассказах о войне фигурировал С.А. Ковпак. В 1944 г. в Путивльском районе Сумской области были записаны рассказы о Ковпаке, которые удивительно мифологичны для середины XX в. Ковпак в начале войны представлен стариком, которого уже не берут в армию. «Стал Ковпак проситься в армию, а ему: “Извините, года ваши вышли”, и не взяли. “Года вышли? –

отвечает Ковпак. — Так погодите же, я немцам таких делов наделаю!» И наделал»³⁵. В повествованиях о Ковпаке заметны элементы преувеличения, художественного вымысла. Подобно тому, как Ермаку или Степану Разину приписывались чрезвычайная ловкость и чудодейственные возможности, рассказы о Ковпаке включают в себе множество мифологических характеристик: «Ковпак все может», «его ничто не берет», «танки железные и те горят, а Ковпаку хоть бы что», «Ковпак сразу пропадает с глаз, если за ним устраивают погоню».

В последние годы все больше становятся известными факты религиозности видных советских полководцев. Есть свидетельства о том, что маршал А.М. Василевский, сын протоиерея, которому революция не дала закончить семинарии, тайно приезжал в Троице-Сергиеву Лавру и причащался Святых Христовых Таин. Г.К. Жуков, будучи еще командиром полка, примерно в 1925 г., посетил последнего оптинского старца Нектария. После закрытия Оптиной пустыни в 1923 году о. Нектарий переехал в село Холмищи в 50 верстах от Козельска. Он жил в доме крестьянина Андрея Ефимовича Денежкина (после смерти старца в 1928 году хозяин вместе с семьей был репрессирован, дом его богоборцы сровняли с землей). Дочь Андрея Ефимовича рассказывала, что будущий маршал несколько раз приезжал к о. Нектарию, оставался даже ночевать. Подробности пока мало известны. Передают, что, как некогда преподобный Сергей благословил великого князя Дмитрия Донского, оптинский старец Нектарий, ныне прославленный в лике святых, напутствовал Жукова: «Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет»³⁶.

В некоторых местностях вспоминали об уважении Георгия Константиновича к чувствам верующих (и не удивительно — ведь Жуков был крещен, учился в приходской школе, получил воспитание в верующей семье, как личность и воин сложился в царской армии, был удостоен георгиевских крестов). В начале Великой Отечественной войны Жуков прислал в деревню под НароФоминском машину со священником, чтобы окрестить всех детей. В послевоенной Белоруссии один священник пожаловался в письме Жукову, что фашисты увезли колокола из его храма. Через некоторое время по приказу маршала в церковь доставили три колокола и взвод солдат для наладки. Колокола висят там по сей день, а прихожане хранят письмо маршала³⁷. В Киеве есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов. Среди православного духовенства и многих прихожан до сих пор сохраняется убеждение, что Жуков всю войну возил с

собой в машине образ Казанской Божьей Матери – самой «боевой и военной» иконы.

Безусловно, в толковании причин побед военачальников Великой Отечественной войны религиозные мотивы присутствуют относительно редко. Сказались гонения на религию, отход от православия значительной части населения. На первый план в осмыслении военных событий вышел патриотический фактор. По крайней мере вплоть до середины XX века народное сознание сохраняло основные черты военно-исторической фольклорной традиции, схожест в трактовках, подчас мифологических, героев прошлого и настоящего.

¹ Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. 1. Боровск, 1913. С. 77.

² Там же.

³ Архив Русского этнографического музея. Фонд 7. Опись 1. Дело 1558. Лист 2 (далее в ссылках на АРЭМ будут указываться только номера дел и листов).

⁴ Жития святых. 1000 лет русской святости. Собр. монахиня Таисия. 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1991. С. 52–53.

⁵ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. Изд-е Введенской Оптиной пустыни. 1996. С. 363–365.

⁶ Имеются свидетельства, что перед капитуляцией фашистской Германии весной 1945 г. среди советских офицеров различных рангов велись разговоры о событиях 1760 г., когда Захар Чернышев принял ключи от Берлина. См. *М. Жукова*. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М., 1999. С. 19.

⁷ См.: Святой праведный воин Феодор (Ф.Ф. Ушаков, адмирал флота Российской империи). Житие. Служба. Киев, 2001. С. 32, 34, 36.

⁸ АРЭМ. Д. 1576. Л. 17.

⁹ Там же. Д. 1046. Л. 9-9об.

¹⁰ *Петрушевский А.Т.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. III. С. 301. О личности Суворова и его образе в восприятии народа см.: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002. С. 269–286.

¹¹ *Елисеев А.В.* Народные предания о Суворове // Древняя и новая Россия. 1879. № 8. С. 340.

¹² Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С. 256. № 472.

¹³ Описание Олонекской губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении, составленные В. Дашковым. СПб., 1842. С. 175; АРЭМ. Д. 1378. Л. 13.

¹⁴ *Матвеев О. В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 311.

¹⁵ *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1985. С. 29.

¹⁶ Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 45. № 37.

¹⁷ Архив Географического Общества. Ф. 12. Оп. 2. Д. 4. Л. 42.

- ¹⁸ Былины и песни Алтая: Из собрания С.И. Гуляева. Барнаул, 1989. С. 175–177.
- ¹⁹ Исторические песни XIX века... С. 74–75. № 104.
- ²⁰ АРЭМ. Д. 1429, 1467; 1449. Л. 7.
- ²¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М., 1961. С. 386.
- ²² АРЭМ. Д. 1105. Л. 4; Д. 1390. Л. 12.
- ²³ Там же. Д. 1820. Л. 29; Д. 1585. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Д. 555. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Д. 551. Л. 2.
- ²⁶ Костромская деревня в первые годы войны. Сб. статей и документов // Труды КНОИМК. Вып. V. Кострома. 1916. С. 90.
- ²⁷ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 198–199.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 202, 247.
- ³¹ Песни Великой Отечественной войны особенно широко бытовали в конце 40-х—начале 50-х гг. Потом их постепенно стал вытеснять фольклор мирного времени. См.: Полищук Н.С. Формирование песенного репертуара у русских в советский период // Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. С. 95.
- ³² Архив автора.
- ³³ Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. № 1. С. 24.
- ³⁴ В годы Великой Отечественной войны и по ее окончании в народе продолжали бытовать предания о Суворове, об Отечественной войне 1812 года, о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. См., напр.: Войны кровавые цветы / Устные рассказы о Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 187–191; Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 50, 53–54.
- ³⁵ Русский фольклор Великой Отечественной войны... С. 222.
- ³⁶ См.: Жукова М. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М., 1999. С. 40–41.
- ³⁷ Там же. С. 34.

А.К. Соколов

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА НА СОВЕТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Обобщающая статья посвящена анализу реального состояния трудовых отношений и анализу государственной политики на всех этапах семидесятилетней истории советского общества — в период военного коммунизма, новой экономической политики, социалистического строительства 30-х годов, послевоенного времени. Автор видит главный конфликт в области трудовых отношений в советское время в борьбе уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд, рассматривает связь мотивации труда с состоянием финансовых технологических и трудовых ресурсов, с созданием разветвленной социальной сферы и социальными гарантиями.

Ключевые слова: мотивация труда, стимулы работы, эффективность, индустриализация, централизация, дисциплина, рынок труда, социальная сфера, личностные факторы.

I

Данный доклад базируется на участии автора в исследовательском проекте «Мотивация труда в России. 1861—2000 гг.»¹, относящегося к изучению основополагающей сферы человеческой деятельности - труда, и прежде всего — индустриального, который долгое время считался главной общественной ценностью в истории нового и новейшего времени. Ныне делаются попытки подвергнуть это представление радикальному переосмыслению. Раньше, рассматривая проблемы трудовых отношений, советские исследователи руководствовались марксистскими положениями о разделении, отчуждении, обобществлении труда, трудовой эксплуатации и т. п. На этой основе создавалась теория *освобождения труда* при условии смены общественного строя и строительства коммунизма. Однако теории, созданные учеными-обществоведами в советский период, оказались, в сущности, виртуальными, выдавая

желаемое за действительное, обходя стороной реальное состояние трудовых отношений на советских предприятиях. Особенно это было свойственно истории советского рабочего класса, где научный анализ подменялся иллюстрацией идеологических схем и догм². Сегодня она мало что дает для понимания того, почему социалистический эксперимент по созданию новых трудовых отношений на производстве потерпел неудачу. Поэтому одной из ведущих тем сегодня становится исследование проблем мотивации труда, стимулов для более производительной работы, избавления от негативных эффектов, связанных с индустриализацией, специализацией, применением машин и механизмов, преодоления «отупления» (К. Маркс), непривлекательности работы для занятых в промышленности и других отраслях экономики. Заметно больше стало появляться работ, написанных на эту тему экономистами, социологами, историками³.

В качестве методологической основы для изучения проблемы мотивации труда было бы полезно обратиться к книге западных историков и социологов Чарлза и Криса Тилли (отца и сына) «Труд при капитализме»⁴, в которой авторы свели систему мотивов и побуждений к работе к трем основным группам: различным формам материального вознаграждения (compensation), морально-нравственных побуждений и обязательств (commitment), принуждения или насилия (coercion). По мнению авторов, эти группы в разных сочетаниях действовали применительно к различным странам, историческим условиям и обстоятельствам. Как представляется, в качестве исходной гипотезы этот подход можно применить не только к исследованию труда на предприятиях дореволюционной России, но и к заводам и фабрикам как в советское, так и постсоветское время.

Изучение мотивации труда строилось на сочетании принципов макро- и микроисследования, анализе государственной политики в области труда, отношения к этой проблеме руководителей и рабочих отдельных предприятий. В исследование были включены завод «Серп и Молот» в Москве на всем протяжении его истории⁵, московский «Электрозавод» (1930-е гг.)⁶, ВАЗ (1960–80-е гг.)⁷, ряд текстильных фабрик Центрального района. В соответствии с положениями современной социальной истории о необходимости учитывать историю не только «сверху вниз, но «снизу вверх» уделялось внимание анализу реальных трудовых практик в производственных коллективах, охватывающих совокупность отношений не только на производстве, но и в повседневной жизни. Конечной целью такого анализа было сделать определенные наблюдения и

выводы обобщающего характера об изменениях в мотивации труда на протяжении длительного времени, ответить на вопросы, какие стимулы к труду существовали в дореволюционной России и в каких сочетаниях, как повлияли на труд революционные потрясения и разруха военного коммунизма в первые годы советской власти, насколько эффективными оказались поиски трудовых стимулов в период новой экономической политики и активного строительства социализма в 1930-е годы, почему усиливались элементы принуждения к труду в конце этого десятилетия, насколько они были оправданны в конкретно-историческом контексте, какими факторами были обусловлены послевоенные изменения в труде, почему они не принесли удовлетворения работникам и что может дать проведенный анализ для объяснения нынешней ситуации в России.

II

Рассматривая изменения в мотивации труда, нельзя не обратить внимания на тесную и неразрывную их связь с теми процессами, которые переживала вся отечественная промышленность в ходе индустриализации, модернизации, формирования нового, по сути индустриального общества. Отношение к труду в этой связи развивалось как бы по своим законам, не всегда зависящим от воли тех, кто распоряжается на производстве, или от очередного поворота в идеологии, экономической и трудовой политике государства. Это обусловлено тем, что у рабочих было и есть свое видение труда, его смысла и назначения, его стимулирования и оплаты. По материалам отдельных предприятий обнаруживается заметная историческая преемственность во всех аспектах отношения к работе, коренящегося в традициях жизни сельского населения, перешедшего к индустриальному труду в период бурных социальных трансформаций, с которыми вынуждены были считаться советские и постсоветские директора, администрация, а также общественные организации, призванные проводить трудовую политику. Исследование также показало, что работники неизменно оказывались зависимыми от состояния дел на предприятиях. Если до революции 1917г. хозяева оправдывали политику слабого стимулирования труда необходимостью расширения производства, умалчивая о личной заинтересованности в прибыли, то в советское время администрация, следуя директивным указаниям сверху, также была вынуждена ограничивать наиболее действенные стимулы к росту производительности труда, компенсируя это призывами к

моральному долгу, убеждением, административным рвением или жесточением наказаний за плохую работу.

Начало российской индустриализации совпадает с основанием тысяч новых предприятий. Их владельцы стремились выстроить отношения на производстве по передовым западным стандартам. Стремление «переломить через колено» свойственное России отношение к труду, поощрение тех, кто готов играть по предложенным правилам, и довольно крутое обращение с теми, кто к этому еще не готов, натолкнулось на неподатливое сопротивление рабочих, основной поток которых шел из крестьян, как и в других странах, вставших на путь индустриального развития. Встречаясь на практике с недостатком знаний и квалификации, с привычками и формами труда, свойственными русской крестьянской общине, рабочей артели, владельцы предприятий, независимо от того, делали они это добровольно или под давлением обстоятельств, вынуждены были приспособляться к существовавшим традициям, среди которых отмечаются значительные элементы патриархальных отношений, наивный социализм и уравнительность, религиозность, патернализм и т.д. Наиболее ярко они проявлялись в случае возникновения конфликтных ситуаций. Крестьянские представления о том, что есть труд и что есть праздник, рваный производственный ритм, сочетание тяжелых трудовых будней и вынужденного безделья, перенесли из деревни в город и были усугублены тяжестью труда на предприятиях, особенно на заводе Гужона (будущий «Серп и Молот»), который рабочие не случайно называли «костоломным заводом». Взятые в совокупности, они определяли настроения рабочих. Характеризуя их борьбу за свои права и интересы, нельзя обойти вниманием тот факт, как они их выражают и в чем состоит их сущность. Опыт предприятий говорит о том, что выработанные советской литературой **взгляды о рабочем движении в России нуждаются в существенном исправлении, ибо оно развивалось далеко не так, как было прописано в программах политических партий и движений.** Разумеется, отдельные идеи, которые вносились в сознание рабочих, падали на благодатную почву неудовлетворенности своим положением, но преломлялись сообразно психологии трудового коллектива. Одновременно пример многих предприятий показывает, что подобные **производственные коллективы начинают играть очень важную роль в жизни общества,** с которой надо было считаться, и это особенно проявилось в революции 1917 г.

III

Если до революции мотивация труда в России мало чем отличалась от трудовых стимулов, характерных для стран, переживающих раннюю ступень индустриализации, то наступление советского периода можно определить как каскад экспериментов в области трудовых отношений, где можно было проследить все: от идущего снизу анархического отрицания какой-либо дисциплины и организации труда вообще до апелляции к революционной сознательности и долгу. Задачи новой организации труда и повышение его производительности ставились в центр большевистской политики. Согласно большевистским воззрениям, массы сами должны были на практическом опыте приходиться к убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от дисциплинированности их собственного труда. Поэтому главная роль в создании новой трудовой дисциплины отводилась самим рабочим и их организациям.

Сразу же обнаружилась **преемственность трудовых отношений в дореволюционной и Советской России**. Старые отношения между хозяином и работником специфически преломились в новых условиях. Развал и хаос на производстве ускорили его национализацию, переход предприятий в подчинение главков Высшего совета народного хозяйства — органа управления государственной промышленностью. В результате вмешательство государства в жизнь трудовых коллективов приобрело гораздо более широкие масштабы по сравнению с дореволюционным временем, хотя производственную анархию преодолеть не удалось. В ряду инициатив, шедших снизу, явно сквозил также принцип уравнительности и уравнительной справедливости: *все должны трудиться одинаково и получать одинаково*. Обозначился, по сути, главный конфликт в области трудовых отношений в советское время: **борьба уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд**. Следует учесть и «инициативы снизу» совершенно иного рода, когда в результате сложившейся в Советской республике обстановки перед людьми вставали проблемы элементарного выживания, связанные с голодом, отсутствием продуктов в городах и их относительной доступностью в деревне. Отсюда массовые «походы» за продовольствием: организованное движение в форме продотрядов, составленных из рабочих, и неорганизованное — в форме «мешочничества». Рабочие проявляли поистине чудеса изобретательности и мимикрии, чтобы как-то добыть продукты первой необходимости. Спекуляция, воровство, использование заводского оборудования для личных целей, работа на стороне,

прогулы, волынки и забастовки явились стихийным ответом на ужесточение дисциплинарных мер. Такие формы существования утвердились довольно прочно и служили основой для дополнительных, зачастую нелегальных заработков на долгие годы вперед. Значительная часть рабочих, сохранивших связи с деревней, вообще оставила производство и вернулась к сельским занятиям. Опыт первых революционных преобразований показал опасность резких переходов, к которым ни производство, ни общество еще не готовы, особенно наглядно видные на микроуровне общества. То есть на отдельном предприятии сходились все проблемы социального переустройства общественных отношений.

IV

С переходом от рабочего контроля к государственному управлению усиливаются централизация, администрирование, регламентация и постепенное ужесточение дисциплинарных и карательных мер в сфере трудовых отношений, которые достигают своего апогея в годы военного коммунизма (1918–1921 гг.), особенно в начале 1921 г. Большая часть из них отражает лихорадочные усилия большевиков по преодолению разрухи, поддержанию хотя бы какого-то минимального производственного уровня. Провозглашенные ранее ценности свободного и инициативного труда сменяются попытками ужесточить дисциплину, нарастающими по мере того, как обострялась ситуация в стране под влиянием разгоравшейся Гражданской войны и разорения страны. Трудовая повинность как мера принуждения к труду находила все более широкое применение в Советской республике, распространяясь на самих рабочих. Конечно, и в годы военного коммунизма в законодательном порядке проводились мероприятия в области поощрения и стимулирования труда с целью поставить его в зависимость от роста производительности. Компенсировать обесценивание денег было призвано централизованное продовольственное снабжение рабочих, вводимое декретами о трудовых пайках и натуральном премировании, — **натурализация оплаты труда**. Создавались подсобные хозяйства, чтобы улучшить положение с продуктами. Наряду с этим принимались декреты, которые положили начало созданию сферы **общественных фондов потребления**. В годы военного коммунизма они имели всеобщий, но зачастую эфемерный характер (бесплатное жилье, медицинские услуги, транспорт и т.п.). По мере нарастания трудностей проявилась необходимость

более дифференцированной политики вознаграждения труда. Выделялись *ударные* заводы, вводилось особое снабжение, которое стало не столько формой поощрения, сколько сохранения и выживания предприятий. Но никакие попытки удержать рабочих на производстве в условиях голода и разрухи не срабатывали, никакое убеждение не могло побудить к большему производству продукции. Натурализация заработной платы не давала эффекта, поскольку она была негибкой, недифференцированной, не обеспечивала прожиточного минимума, а следовательно и стимулов и удовлетворения в работе.

Удерживать рабочих на производстве отчасти позволяли унаследованные от старого строя **патерналистская практика, в которую делались попытки вложить новое содержание.** Патернализм и опека стали тем механизмом, который не только гасил протестные настроения, но и вел к упрочению позиций новой власти и ее социальной опоры. Наряду с ними широко практиковались способы убеждения и призывы к сознательности. Пропаганда и агитация позволяли как-то примириться с крайней нищетой и повсеместными трудностями. Пропаганда «Великого почина» — *коммунистических субботников* никак не повлияла на состояние производства. Немедленная попытка сделать упор на сознательность и воспитание нового человека на производстве потерпела провал. Изучение субботников на ряде предприятий показало, что рабочие быстро приспособились к этой новой принудительно-добровольной форме трудовой активности. Случаи энтузиазма оказались единичными по сравнению со случаями хищений на производстве, безделья, упадка производительности труда, порчи оборудования и т.д. В целом военный коммунизм оказался крайне неэффективным способом мотивации труда, и в начале 1920-х гг. предприятия представляли собой по сути **тысячи «маленьких Кронштадтов», вызвавших переход к новой экономической политике.** Но осталось иллюзорное убеждение в действенности неэкономических, карательных, принудительных и воспитательных мер при решении наиболее острых производственных проблем.

Система трудовых отношений в период военного коммунизма показала, какие побудительные мотивы у рабочих выступают на первый план, если сменить ориентир на зарплату. Выяснились фундаментальные основы, без которых экономика существовать не может, а механизмы мотивации труда не срабатывают. В арсенале воздействия на рабочих не осталось никаких иных рычагов, кроме административных, но именно их экономическая неэффективность обусловила переход к другим способам стимулирования труда.

Трудовые эксперименты в Советской России 1920-х гг. заслуживают сегодня особенно пристального внимания. Плачевное состояние экономики в предшествующие годы неизбежно вело к тому, что упор делался на рост производительности труда, условием которой провозглашались его механизация, рационализация и интенсификация. Основное противоречие новой экономической политики, провозглашенной руководством, состояло в насаждении новых трудовых отношений и преодолении старых, свойственных капитализму. Практика ставила перед руководством одни задачи, а идеология диктовала совсем другие. Идеология отводила рабочим главное место в жизни советского общества, им обеспечивалось преимущество, они были предметом особой заботы правящей партии и государства. Такая установка способствовала укреплению и дальнейшему развитию государственного патернализма, его отражению в деятельности профсоюзов и других рабочих организаций. Характерная черта времени — *выдвиженчество* — нашла отражение в массовых призывах в партию «рабочих от станка» для создания кадров управленческого аппарата. Подобная политика вела к тому, что работа на производстве стала рассматриваться как **временная, но очень важная ступень в жизненной карьере, в то время как труд на фабриках и заводах — сам по себе общественно не престижный и не привлекательный.**

Новая экономическая политика потребовала практики *коллективных соглашений* между рабочими, профсоюзами и администрацией. Социальное партнерство — наиболее приемлемый договорный способ разрешения производственных и прочих конфликтов и одновременно ключ к выработке правильной трудовой политики. Трудовые договора того времени призваны были по своему содержанию всячески демонстрировать **заботу о коллективах** в рамках имеющихся сил и возможностей, против чего не могли возражать рабочие. Каждый такой договор включал множество пунктов и подпунктов, содержащих взаимные обязательства, но эта множественность чрезвычайно усложняла детальное обсуждение, которое превращалось в бесконечную череду бригадных, цеховых собраний, заводских, фабричных конференций, производственных совещаний. Их решения тонули в общих намерениях и декларациях, которые невозможно было применить на деле. Рабочие довольно активно обсуждали конкретные вопросы, касающиеся оплаты труда, тарифов, жилищных условий, питания, оставляя без внимания вопросы снижения себестоимости продукции, повышения производительности труда, дисциплины, распорядка и

правил. Упор на увеличение производства рождал среди рабочих подозрение, что их снова начинают эксплуатировать, теперь уже государство и его аппарат. Вместе с тем они быстро сообразили, к чему ведет размахивание кадиллом пролетарской диктатуры. Отсюда — напор на администрацию предприятий, рабочая спесь, представление об особой ценности физического труда, бравирование пролетарским происхождением, снисходительное отношение к крестьянину, презрение к «гнилой интеллигенции», спецеество. Отсюда же — настроения вседозволенности, ведущие к нарушениям дисциплины и порядка на производстве. Администрация, в свою очередь, опасалась предпринимать действия, ущемляющие рабочих.

Нормы труда, установленные в годы военного коммунизма, были пересмотрены, так как они были низкими и позволяли рабочим легко перевыполнять их, компенсируя возможность приближения к уровню жизни в других секторах экономики. Это вызывало резкое недовольство рабочих, как свидетельствуют публикуемые сегодня ранее секретные сводки о политических настроениях⁸. Несколько изменились способы разрешения трудовых споров. Стачечное движение меняет свой характер. Забастовки рабочих мельчают, становятся более кратковременными. Проявления недовольства, неизбежные как на производстве, так и в быту, должны были решаться *в индивидуальном порядке* через соответствующие комиссии профсоюзов, дисциплинарные, товарищеские, третейские, народные суды, примирительные камеры. Часто они решали споры в пользу рабочих, как того требовала идеология, но **основы для организованных совместных солидарных действий были уничтожены** и немедленно пресекались.

Уровень интенсификации труда, унаследованный от военного коммунизма, был очень низкий вследствие истощения рабочих, падения квалификации и незадействованного оборудования. Стимулирование оплатой выдвигалось в качестве главного условия повышения производительности. Индекс заработной платы сильно возрос в период нэпа, но он отражал переход к нормальному от голодного и полуголодного существования. Выдвижение на первый план материальных стимулов, как показывает опыт изученных предприятий, шло не без трудностей. От приспособления к рыночным условиям зависела и оплата труда рабочих. Выход предприятий на более или менее свободный рынок требовал их независимости и оперативной самостоятельности, в том числе и в вопросах стимулирования труда. Одним из условий роста производительности мог бы стать стимул к повышению квалификации. Линия на дифференциацию оплаты труда в зависимости от квали-

фикации наиболее последовательно проводилась хозяйственными органами, тогда как политическое и профсоюзное руководство вынуждено было отвечать на уравнильные настроения, бытующие среди рабочих. Гарантированные, как правило, более высокие ставки, и особенно премии специалистам, вызывали острое недовольство. Уравнильные тенденции в оплате труда оказывали негативное влияние на рост его производительности. В основном политика стимулирования свелась к совершенствованию структуры заработной платы. Одновременно обозначилось основное противоречие советской системы вознаграждения за труд: **рост заработной платы стал опережать увеличение его производительности**, несмотря на аксиому в теории заработной платы: производительность должна расти быстрее, чем оплата труда.

С переходом к единоначалию по принципу «обсуждение — общее, ответственность — одного» **возрастает роль директора**, а значит происходило усиление субъективного фактора в организации производственной и трудовой деятельности. В советской практике деление предприятий на «хорошие» и «плохие» во многом зависело от личности директора, к которому, по сути, переходят многие функции, свойственные владельцам и управляющим предприятий в дореволюционной России. Как правило, первыми директорами становились наиболее способные выдвиженцы из рабочих — «красные директора». Для выдвижения необходим был хотя бы минимальный уровень грамотности и знания дела, поэтому выдвиженчество, с одной стороны, консервировало недостаток знаний и квалификации среди рабочих, с другой — способствовало падению уровня профессионализма управленческого аппарата. Подобное противоречие со временем стало все более четко осознаваться руководством. Предпринимались шаги, чтобы повысить уровень образования рабочих и их квалификацию, равно как и профессиональную подготовку управленческого персонала, но в 1920-е годы явно недостаточные, чтобы серьезно улучшить положение, ввиду отсутствия материальной базы и средств, и необходимости отвечать той тяге к образованию, которая царил в обществе. Рабочим обеспечивалось преимущество в доступе к высшему и среднему образованию через рабфаки, что способствовало **устойчивой установке на продолжение образования**, прежде всего среди молодых рабочих. Хотя советская историография старательно доказывала, что советские рабочие это совсем не те, что были раньше, приводя сведения о профессиональном обучении, о преемственности фабрично-заводского труда и т. п., они мало что меняли в общей картине: **рабочий класс в массе своей сохранял деревенскую подоснову, низкий уровень образования и культуры**. Несмотря на то что

среди выходцев из деревни преобладала молодежь, они несли с собой традиционные крестьянские представления о трудовом ритме, буднях и праздниках, плохих и хороших хозяевах, эгалитаристские настроения. Кроме того, в сознании рабочих со времен революции существовали некие «священные коровы», покуситься на которые в «Республике Труда» было крайне опасно. Поскольку частично восстанавливались капиталистические отношения, то возвращались и старые проблемы борьбы рабочих за свои права: за сокращение рабочего дня, снижение интенсивности труда, за более высокие ставки его оплаты. Рабочие в первую очередь заботились об улучшении своего положения, перед предприятиями же стояла задача увеличения выпуска продукции. Далеко не всегда и во всем эти задачи совпадали. Суть возникающих конфликтов состояла в том, что возможность опоры на энтузиазм рабочих и моральные побуждения сильно сократилась. Конечно, рабочие вынуждены были откликаться на пропагандистские призывы, проявлять энтузиазм в деле восстановления разрушенной экономики, но после многих лет трудностей и разорения добиться проявлений трудового героизма было нелегко, хотя его поощрение продолжалось.

Недостаток средств вел к тому, что вознаграждение за труд считалось с применением повседневных практик патерналистского типа. Они были направлены на организацию детских садов и яслей, досуга как в выходные, так и в праздничные дни, труда и отдыха подростков и молодежи. Если в годы Гражданской войны патернализм и опека со стороны государства имели по большей части **вынужденный** характер, направлены на организацию физического выживания рабочих, то после некоторого оживления промышленности в период нэпа в рамках этого механизма начинает реализовываться система стимулов к труду. В отсутствии последовательной линии на дифференцированную оплату труда именно организация инфраструктуры предприятий, системы льгот и дополнительных возможностей имела важную **компенсаторную**, а иногда и **стимулирующую** функцию. Вместе с тем сложная финансовая ситуация в стране в целом и на большинстве промышленных предприятий вела к тому, что в 1920-е годы подобная деятельность охватывала главным образом самые насущные потребности, досуг, образование и разные формы общественной активности: амбулатории, клубы и т.п. На масштабное строительство жилья, улучшение условий труда, питания и столовых не было средств, что существенно сдерживало значение этих мероприятий и их стимулирующее влияние на трудовой процесс.

В целом в 1920-е годы в трудовых отношениях произошло мало изменений. Эти годы в основном отмечены **восстановлением преж-**

них традиций, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями. Рабочие руководствовались, как и прежде, старыми представлениями о том, что есть труд и что есть отдых. Такие приметы, как празднования, митинговая активность, рабочие собрания, клубная работа и другие формы досуга, носили на себе отпечаток традиционного поведения и традиционной трудовой этики. Жизнь и быт рабочих кварталов мало изменились. Нередко они оставались рассадниками пьянства, преступности, хулиганства, «мордобоя» и проституции⁹.

VI

Период ускоренной индустриализации, провозглашенный сталинским руководством, и связанные с нею процессы строительства новых заводов, реконструкции старых и переделки трудовых отношений на новый лад оказались самыми примечательными в истории тысяч предприятий, в том числе московского «Серпа и Молота», не случайно названного «Магниткой близ Садового кольца», а книга американского автора Стивена Коткина о самой Магнитке¹⁰, по мнению автора, дает основание понять все, что происходило тогда в советском обществе — «сталинизм как цивилизацию». Основное направление, о чем говорят материалы предприятий того времени, — **апелляция к моральным обязательствам, связанным с форсированием задач строительства социализма**, содержание которой можно выразить речевыми практиками времени, в частности: «Жарь, Ваня! До социализма одна верста осталась!». В них, как в зеркале, отразились настроения рабочих, а сам издательский по своей сути его настрой отражает отношение к этому основной массы рабочих. Были, конечно, попытки стимулировать более производительный труд путем увеличения заработков, применения других способов вознаграждения. Были попытки усилить принудительные методы, был ГУЛАГ, но история большинства предприятий того времени говорит о том, что на первое место в эти годы выдвигались моральные стимулы и обязательства. Началась следующая череда экспериментов, которая после серии провалов и неудач, их выправления в конечном счете и привела к становлению главных черт **советской системы хозяйствования с присущей ей организацией трудовых отношений и мотивации труда**.

В рамках советского планирования закладывалось его основное противоречие: между амбициозностью провозглашаемых планов и реальными возможностями их выполнения. При переходе к плановой экономике ставка была сделана на государственное

регулирование, которое, по мысли руководства, позволяло легче обеспечить контроль за совмещением местных и отраслевых интересов, возбудить общественный энтузиазм, подчинить его требованиям политики. На производстве укреплялось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Переход к плановой экономике сопровождался централизацией процесса заключения коллективных договоров и вмешательством в него партийных и государственных органов. Нацеливание профсоюзов на выполнение производственных программ, плановых заданий закрепляло за ними организацию новых форм труда, пропаганду трудовых достижений и социалистического соревнования, а на практике выливалось в свертывание каких-либо самостоятельных функций профсоюзов, превращение их в придаток государственных органов. Производство же должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. К тому же в планирование было внесено волевое начало, необоснованное взвинчивание тех или иных плановых заданий «снизу», которому объективные законы экономики не желали подчиняться. Это служило основой постоянных сбоев на производстве («прорывов», по тогдашней терминологии) и диктовало внесение корректив в управление экономикой. Планирование, сколь бы оно ни было обширным и детальным, не могло охватить всей совокупности факторов не только экономического порядка, но и исторических, социальных, природно-демографических и др. Отсюда — фрагментарный и несбалансированный характер советских модернизационных процессов в рамках строительства социализма, ярко видный на примере отдельных предприятий.

Социалистическое соревнование должно было стать краеугольной основой выработки нового отношения к труду, рассматривалось как удар по старым традициям в работе, старым навыкам и психологии, которые десятилетиями воспитывались при капитализме. Участие в социалистическом соревновании считалось важнейшим инструментом классовой борьбы, а ударники противопоставлялись остальным рабочим и «дезорганизаторам производства», куда относились «буржуазные специалисты», «бюрократы» и прочие элементы, якобы препятствующие строительству социализма. На фоне отсутствия квалифицированных кадров, отвечающих требованиям современного производства, и огромного притока не обладающих навыками индустриального труда выходцев из деревни, с началом сплошной коллективизации хлынувших в город, сталинскому руководству удалось заразить духом соревнования значительную часть рабочих, особенно

молодежь и комсомольцев. В социалистическом соревновании отчетливо прослеживаются две волны.

Первая — *ударная*. Активное «социалистическое наступление», как иногда называется процесс форсирования строительства социализма, и бурные темпы индустриализации в первой пятилетке должны были настраивать людей на штурмовой ритм работы, на ударное, коллективное, одномоментное и конечное в обозримой перспективе действие, за которым «маячил» социализм. Пропаганда тех лет была направлена на подвижных, молодых, физически выносливых людей, не обремененных еще семьей, домашним хозяйством, к каковым относились молодые деревенские выходцы. Ударный труд обнаруживал сходство с традиционными способами работы, свойственными России (артельность, навал, штурмовщина). Вместе с тем ударничество с самого начала приобрело характер кампаний, показухи и рекордомании. Просуществовав несколько месяцев, ударные бригады рассыпались. За ударной работой нередко скрывались фиктивные показатели. В работе ударных бригад порою отмечалось больше прогулов, брака, опозданий по сравнению с остальными коллективами. Ориентироваться на аврально-штурмовой ритм работы в качестве долговременной перспективы оказалось совершенно не продуктивно и вело лишь к нагнетанию противоречий на производстве. Попытка перевести способность русского человека к напряженному труду в постоянный процесс была стратегической ошибкой руководства. Более того, после выполнения плановых заданий немедленно поступали новые директивы, связанные с ростом объемов производства и интенсивности труда. Естественным было возникновение отчуждения между теми, кто ударно трудился, и остальными рабочими. Ударная работа не стала принципом трудовой этики. **Победила обычная бригада со свойственными для нее отношениями между рабочими и этикой труда.**

Среди пропагандистских мероприятий 1930-х годов заметна попытка изменить представление о труде и превратить его из «проклятого» в *радостный созидательный труд* на благо общества. Всеми доступными средствами активно пропагандировался, буквально насаждался архетип труда-борьбы, битвы, подвига: «*Труд наш есть дело чести./Есть подвиг доблести и подвиг славы...*». В бою не принято задумываться над приказами сверху и уж тем более о материальном вознаграждении. Сам по себе процесс труда-битвы, победа в ней, совершение подвига является здесь вполне достаточной мотивацией. Труд из прежнего «тяжелого» и «подневольного» должен был приобрести иную тональность, что особенно прослеживается в пропагандистских мероприятиях. Уже в ударническом движении прослеживаются линия на примере отдельных

«трудовых подвигов», на «лучших примерах» перевоспитать слои рабочих, которые вливались в производство, отрываясь от сельского хозяйства. Это неизбежно вело к установке на личные трудовые рекорды. В результате возникло *стахановское движение*, которое представляло собой *вторую волну* социалистического соревнования, пришедшую на годы второй пятилетки.

К стахановскому движению, как показывает история предприятий, нельзя подходить упрощенно. Оно тесно связано с изменениями, которые стали происходить на производстве (строительство более технически оснащенных заводов, их реконструкция и пр.). В стахановском движении поначалу прослеживаются попытки соединить принципы морального и материального вознаграждения за более производительный труд. Стахановское движение провозглашалось движением новаторов производства, достигающих успехов за счет улучшения организации труда, более совершенного владения техникой. Главная основа стахановского движения усматривалась в улучшении материального положения рабочих в свете сталинских слов о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее». Упор делался на значительное перевыполнение установленных норм выработки и рост фонда заработной платы.

Движение с самого начала вошло в противоречие с логикой утверждающейся планово-распределительной системы. Основная масса рабочих выступала против рекордомании. Сложилось **негласное организованное сопротивление** подрыву существующих норм, доказывающее существование рабочей солидарности на производстве. Противодействие ей грозило нарушителям всеобщим остракизмом вплоть до порчи оборудования и физической расправы. Рекордомания, как, например, на «Серпе и Молоте», оказавшемся в авангарде стахановского движения, вела к нарушению производственного процесса, перерасходу сырья и материалов, износу оборудования. Стахановское движение не могло вызывать большого энтузиазма у руководителей предприятий и ИТР. Пока сохранялись действующие нормы и расценки и увеличивался фонд заработной платы, стахановское движение давало эффект. Их пересмотр в сторону повышения интенсивности труда вел к спаду движения и выхолащиванию его содержания. В то время как стахановцы разъезжали по всей стране, делясь опытом установки своих рекордов, или делали карьеру, реализация их достижений выпадала на плечи остающихся на производстве рабочих, вызывая с их стороны лишь фиктивный, показушный энтузиазм. Нельзя не обратить внимания на связь стахановского движения с развертыванием массовых репрессий. Отовсюду поступали сведения о поломках, срывах производственных заданий. Явно обозначились

линии противостояния: между различными группами рабочих, ИТР и администрацией предприятий. Все это рассматривалось как сопротивление стахановскому движению и действия «вредителей». Как только были увеличены производственные задания и пересмотрены нормы выработки, ориентированные на «передовиков», стахановское движение в перспективе было обречено. Как массовое соревнование за повышение производительности труда оно потерпело крах. *Закрепить стахановские рекорды*, как на то рассчитывало руководство, не удалось. На какое-то время удавалось заразить энтузиазмом, настроениями штурма, готовности к лишениям и жертвам определенные группы рабочих. Но жизнь «на марше», «на пределе» не может продолжаться долго, и довольно быстро повседневные нужды и заботы сменяли «будни великих строек», и это составляет одну из существенных черт советской истории.

С неудачей ударнического и стахановского движения связана и общая судьба социалистического соревнования в стране. По форме оно долго оставалось пропагандистским инструментом в политике руководства, но, несмотря на высокие официальные цифры участников, происходила постепенная **маргинализация** движения. Ни повышения производительности труда, ни его новых форм организации, ни нового к нему отношения оно не принесло. Рабочие вырабатывают свою стратегию, суть которой состояла в том, как и где получить компенсацию за труд, **не прикладывая особенных трудовых усилий и не идя на постоянные конфликты с администрацией и остальными рабочими.**

Гораздо более весомую роль в трудовых отношениях, как свидетельствует история многих предприятий, играли другие изменения, связанные с индустриализацией и реконструкцией. Наиболее очевидное — **повышение роли промышленных предприятий не только в экономической, но и во всей жизни советского общества.** Эта роль прослеживается не обязательно прямо, а косвенно, через выдвигание людей, прошедших производственную школу в различные эшелоны партийного, государственного и прочего руководства, откуда проводилась трудовая политика. Предприятие становится основной ячейкой, через которую она осуществлялась, определяя занятость, организацию труда, жизнь и быт работников. Следует сразу отметить, какие из них отвечали интересам большинства, а какие — нет, чтобы понять, чем была обусловлена поддержка сталинского режима, какие противоречия на этой почве возникали и как медленно, но необратимо снизу начал накапливаться взрывной потенциал, приведший к падению советского строя. В условиях строительства социализма заводы и фабрики становились

своего рода локальными центрами социалистических преобразований, тот же «Серп и Молот», «Электрозавод» и др. для ряда столичных районов, как и множество других советских предприятий, вокруг которых шла повседневная жизнь советских городов (градообразующие предприятия), и такая политика всячески поощрялась руководством. На этой основе складывалась многофункциональность советских предприятий, которая вела к разрастанию трудовых коллективов, усложнению задач управления, где, помимо производственных целей, ставились многие другие, с которыми, ввиду недостатка средств и ресурсов, без соответствующей государственной поддержки, справиться было невозможно. Несмотря на изъятие ряда функций из ведения предприятий и передачи их государственным органам и общественным организациям, к концу советского строя многие заводы и фабрики сложились в гигантские трудноуправляемые структуры с многочисленными функциями производственного и непромышленного характера. Естественно, это влияло на эффективность труда, рост его производительности, на отношение к трудовым обязанностям и дисциплину.

Создание вокруг предприятия разветвленной социальной сферы, а также многочисленных социальных гарантий по линии государства и профсоюзов воспринималось в советском обществе как должный и естественный процесс, существенно не повлиявший на отношение к труду каждого отдельного работника. Этот процесс имел двойные следствия. С одной стороны, он служил основой социальной поддержки, но вел также к социальному иждивенчеству, падению индивидуальной инициативы в труде, к уравниловке, находившей опору и в официальной идеологии, и в особых отношениях, установившихся между администрацией и работниками. С другой стороны, он служил причиной социального недовольства, неудовлетворенности получаемыми компенсациями за труд, отстранению от таких форм приложения трудовых усилий, которые не дают прямых материальных выгод, за исключением карьерных побуждений. История многих предприятий говорит о том, что они прилагали немало усилий, чтобы компенсировать тяжелые условия работы и обеспечить необходимое, как казалось их руководителям, число работников. Но деньги и возможность их зарабатывать продолжали оставаться весомым стимулом в труде. Закрепление работников требовало улучшения жизненных условий по мере того, как происходила реконструкция. В какой-то мере стахановское движение стало ответом на изменения в трудовых отношениях, на отмену карточной системы, существовавшей в 1930–1934 гг. Поэтому кратковременный всплеск трудовой активности можно

рассматривать в русле тех изменений, которые произошли в стране в годы второй пятилетки: дифференциацию заработной платы, возможность зарабатывать и пользоваться более высокими материальными благами. Таким образом, в действие вступали **личностные факторы в стимулировании труда, забота о своих интересах, о семье, о своих близких**, отвечать которым ни у предприятий, ни у государства не хватало ни средств, ни ресурсов. Не подкрепленное ими увеличение плановых заданий вело к обострению противоречий на производстве, **текучести кадров**, срыву плановых наметок обеспечения предприятий рабочей силой (оргнабор, подготовка квалифицированных кадров и т.д.), возрастанию дефицитов и отложенного спроса. Руководство рассчитывало, что с помощью государственных рычагов легче будет осуществить контроль за соблюдением меры труда и потребления. Но происходило как раз обратное. Возможности заработной платы как побудительного мотива к труду снижались.

Текучесть кадров стала ответом работников на неудовлетворенность условиями работы, неустроенность, низкую оплату труда. В этих условиях **вопросы обеспечения занятости и стабильности трудовых коллективов неизбежно выдвигались на первое место по сравнению с стимулированием роста производительности труда**. В литературе есть разные трактовки феномена текучести кадров на советских предприятиях. Есть тенденция рассматривать его как форму пассивного сопротивления рабочего класса тоталитарному режиму, устанавливающему новые порядки на предприятиях. Часто текучесть трактуется также в русле столкновения городской и традиционной крестьянской культуры. Но прежде всего не следует забывать, что текучесть — это **своеобразный рынок труда в советских условиях**. Ей были подвержены все категории рабочих, и учащиеся школ ФЗО, и служащие, и специалисты. В целом текучесть имела характер «броуновского движения», отражающего процессы, происходившие в советском обществе. Текучесть имела позитивный аспект, связанный с быстрым продвижением наверх и жизненной карьерой. Но, как правило, в понятие текучести тогда вкладывалось негативное содержание как в явление, препятствующее нормальной организации трудового процесса. Традиционный рискованный характер крестьянской работы, присущий выходцам из деревни, внедрение новой техники, недостаточная квалификация вели также к увеличению брака, травматизма на производстве, которые превращались в реальную производственную проблему, решить которую руководство рассчитывало укреплением трудовой дисциплины. Текучесть ставилась в один ряд с ее нарушениями: прогулами, опозданиями и пр. Борьба с текучестью предусматривалась

в серии законодательных актов, предусматривающих наказания за порчу оборудования, пьянство, озорство, за хищения и воровство, за прогулы и опоздания, в том числе лишение продовольственных карточек, жилплощади и пр. Введение трудовых книжек на предприятиях, паспортной системы и института прописки тоже рассматривается отдельными авторами в русле общего «драконовского» законодательства 1930-х годов, «покончившего со свободой рабочего класса». Однако наши данные говорят, что меры эти были спонтанными, принимались в качестве реакции на встающие проблемы и еще не оформились в последовательную систему принуждения к труду на производстве, да и проводились в жизнь больше в показательном (воспитательном) порядке. Одновременно предпринимались меры для того, чтобы поднять зарплату, облегчить тяжесть труда и улучшить его безопасность.

В связи с притоком больших масс сельского населения на предприятия отдельные современные исследователи говорят о так называемой негативной социальной интеграции, о том, что деревня фактически поглотила город в этот период, как, например, американский историк Дэвид Хоффман, утверждавший, что выходцы из деревни не столько воспринимали новую трудовую этику, городской образ жизни, рабочее сознание, как рассчитывало руководство. Напротив, они трансформировали город в соответствии с деревенскими привычками и способами жизни рабочей артели. Большинство историков, однако, все-таки предпочитают говорить о **складывании новой социальной идентичности советских рабочих и новой трудовой этики**, пусть и на деревенской основе, или о «позитивной интеграции», как считает, например, С. Коткин – автор книги «Гора Магнитная», или американский историк Кевин Штрос, занимавшийся историей завода «Серп и Молот», и наше исследование этого завода тоже склоняется к этой точке зрения.

Не только деревня служила источником пополнения рабочих. Следуя социальной политике руководства, в производство вовлекались женщины, ранее занятые в домашнем хозяйстве, как города, так и деревни. По переписи 1939 г. 43% рабочих уже составляли женщины, а ряд отраслей и профессий характеризовались явным преобладанием женского труда. Одновременно проводилась политика выравнивания их положения на производстве, широкого привлечения их в школы ФЗО, однако полностью различия между мужчинами и женщинами в оплате труда не были ликвидированы в силу целого ряда причин. Во-первых, существовали ограничения на привлечение женщин на работы, связанные с тяжелым физическим трудом, с работой в «горячих» цехах, где заработки были выше, хотя женщины, особенно молодые, всячески стремились

преодолеть эти ограничения. Во-вторых, несмотря на попытки облегчить труд женщин в домашнем хозяйстве, создание фабрикухонь, столовых, прачечных, детских садов и т.п., домашнее хозяйство по-прежнему ложилось на плечи женщин, препятствуя тем самым их производственной и общественной активности. Более того, чем больше трудностей со снабжением возникало в стране, тем большая нагрузка приходилась на женщин.

Государство явно не справлялось со снабжением населения, а предприятия – с теми обязанностями по снабжению своих работников, которые они на себя возлагали. Поэтому трудно было убедить рабочего повышать интенсивность труда, если это мало что давало на практике. Негативные последствия этого сказывались также на передвижениях рабочих. Слухи о предприятиях, лучше обеспеченных, способствовали текучести. Бесконечное стояние в очередях отрицательно влияло на состояние трудовой дисциплины, способствовало прогулам и опозданиям. Приток новых кадров, адаптация новых рабочих к современному производству были болезненным процессом. Случаи пьянства, отлынивания от дела, порчи станков и оборудования, производственного травматизма оставались типичными для рабочей среды. Эти явления обычно объяснялись в те годы происками враждебных элементов (бывших кулаков, вредителей, шпионов и т.д.), сознательно препятствующих строительству социализма со всеми вытекающими для них трагическими последствиями.

Форсирование индустриальных задач вызвало ряд кризисных явлений в стране. Их значение в дальнейших мероприятиях сталинского руководства в литературе часто недооценивается. Между тем они привели к существенным изменениям в проводимой политике и далеко не случайно многие из них касались сферы трудовых отношений. Обычно эти изменения рассматриваются в историографии в контексте большего прагматизма и реализма, однако далеко не все здесь выглядит однозначно, а прагматизм предпринятых руководством шагов бывал порою весьма своеобразным. В области труда они представляли собой любопытное сочетание методов материального стимулирования, морально-политических обязательств, принуждения и насилия. Все это происходило на фоне усиливающейся централизации, укрепления ведомственных начал, репрессивного аппарата. Общее регулирование трудовых отношений возлагалось на центральные органы. Предприятиям предоставлялась определенная самостоятельность по увеличению валовой продукции, повышению производительности труда, сокращению простоев, брака, прогулов, но это не касалось жестко

устанавливаемых лимитов – на фонд заработной платы, на снабжение сырьем и материалами.

Одной из ярких примет времени стала борьба с «обезличкой» или «функционалкой», которая явилась ответом на эксперименты предшествующего времени и кампанию по научной организации труда (кампания НОТ). Они входили в противоречие с курсом на усиление персональной ответственности работника за порученное дело, натолкнулись на текучесть кадров на предприятиях, неподготовленность рабочих к таким формам труда, как сборочные линии и «непрерывка», которые встретились с традиционной рабочей и крестьянской трудовой моралью. Борьба с «обезличкой» имела прямое отношение к тому, что происходило на предприятиях. Отсутствие подготовки перехода предприятий на сменность, конкретной ответственности работников за механизмы, станки, инструменты, за порученную работу вызывали массовую порчу оборудования, снижение стимулов к работе. Частые поломки и брак в работе, объективно вполне объяснимые, для руководства служили поводом для выявления «вредителей». Сама же организация трудового процесса пошла по линии бюрократической регламентации: составления инструкций на каждое рабочее место, назначения ответственных с указанием фамилий, введения журналов, табельных номеров, увеличения штата контролеров, табельщиков, нормировщиков, инспекторов по охране труда, образовавших значительную прослойку на предприятиях и вызывавших особую ненависть, если они не шли навстречу рабочим. Но все же НОТ как кампания не осталась бесследной. Сам термин НОТ закрепился в советской практике, хотя не рассматривался в качестве «боевого коня» повышения производительности. На заводах и фабриках существовали отделы и бюро по рационализации и изобретательству. Несомненно, что интерес ко всему новому, на что было рассчитано внедрение современных научных достижений, на какое-то время мог стать побудительным мотивом к труду. Но не надолго. Изматывающий монотонный и нетворческий труд, характерный для поточного производства, не мог быть привлекательным для рабочих. **Отчуждение от труда оставалось, и единственно реальным стимулом для него было достойное вознаграждение.**

Острой оставалась проблема неподготовленности кадров требованиям современного производства, значительная часть оканчивающих школы ФЗО не закреплялась на производстве, а, минуя его, уходила на рабфаки, в техникумы и вузы. Основной формой подготовки кадров рабочих на предприятиях было, как и прежде, **индивидуально-бригадное ученичество**. Впрочем, присвоение разряда и дальнейшее продвижение рабочего в значи-

тельной степени зависело не столько от квалификации, сколько от воли или каприза мастера, бригадира, как и в старой России. Вместе с тем бригада — уже не совсем прежняя рабочая артель. Для бригады было характерно более глубокое разделение труда. Формирование бригады не было произвольным, а определялось производственными задачами, в которых не принимались в расчет земляческие, родственные и прочие отношения, поэтому на производстве **началась их постепенная атрофия**. Обучение элементарным профессиональным навыкам и операциям не представляло особых трудностей для более образованного поколения, приходящего на производство. Оно способно было осваивать и более высокие квалификации. На этой почве были возможны производственные конфликты. В этом смысле старое отношение «патрон-клиент» было уже заметно подорвано.

VII

«Социалистическое наступление» показало, что опора на энтузиазм без материального подкрепления является ненадежным способом решения производственных проблем, а административная горячка и репрессии, связанные со «стахановской работой» привели к надлому в развитии многих предприятий, породила, как говорили тогда, «экономическую лихорадку». Государство решило пойти по пути ужесточения принудительных мер на производстве, приняв серию «чрезвычайных» указов, которые, однако, действовали в течение длительного времени. Наиболее известный из них — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., отмененный только в 1956 г. Формально действие указов, предусматривавших уголовное наказание и штрафные санкции за брак в работе, за прогулы и опоздания и т.п., совпадает с периодом определенных успехов в работе предприятий. Как показывает опыт других стран, само по себе стремление укрепить дисциплину и порядок на производстве в целом не противоречит процессам, происходящим в странах, переживающих период бурной индустриализации, когда нужно привить работнику представление о промышленном труде как обязательном и необходимом процессе, любой ценой привязать его к рабочему месту с целью выработки нужных для современного производства навыков и квалификации. Огромное количество бывших крестьян, пришедших на производство, еще не имело традиций и опыта работы на промышленных предприятиях, обладало своими представлениями о дисциплине и организации труда. Несбалансированный характер советской ин-

дустриализации заставлял такие предприятия держаться не только за квалифицированных, но и неквалифицированных рабочих. Текучесть кадров по-прежнему оставалась уязвимым местом советского производства. Плановое обеспечение и распределение рабочей силы, на чем, собственно, стояла советская экономика, фактически вытеснялось в старых и новых индустриальных центрах множеством локальных рынков труда. У государства были свои интересы, у работника – свои, причем последние с формированием новых социальных групп в результате индустриальной трансформации общества далеко не всегда сочетались с политикой руководства. В этих условиях государство развернуло трудовое право в свою пользу. Современные историки часто делают упор на насилие и принуждение в свете укрепления тоталитаризма и, как правило, игнорируют факт сочетания различных методов стимулирования занятости и повышения производительности труда в тот период. Уступкой, например, стало разрешение в 1940 г. вести рабочим и служащим огороды, чтобы получить «приварок к зарплате». Наряду с материальным стимулированием продолжались также кампании поддержки социалистического соревнования.

На поворот к принуждению, который обозначился накануне Великой Отечественной войны, наложилась система чрезвычайных мер и указов, свойственных военному времени. Хорошо известно, что в любых странах в период войны усиливаются такие формы труда, как мобилизация, закрепление рабочей силы за предприятиями, удлинение рабочего дня, сверхурочные, нормирование продуктов, карточки и т.п. Естественно, что эти меры в СССР были особенно суровыми и жестокими, везде наблюдалась **апелляция к долгу и патриотизму** как способу мотивации труда. С этой точки зрения трудовая политика выглядела двойственной и противоречивой. Советские авторы особенно упирали на патриотизм и трудовой подъем советских людей в годы войны, их готовность к лишениям и жертвам, методы принуждения получали свое полное моральное оправдание. В годы войны роль предприятий как социально организующих ячеек усилилась. Но это удовлетворяло лишь минимум потребностей, необходимых для выживания, и значительную их часть работники вынуждены были покрывать из других источников, в частности за счет приобретения товаров на «вольном рынке». Поэтому денежная оплата труда сохраняла свое значение, несмотря на растущие цены. Средняя заработная плата в годы войны увеличилась существенно. В этот период государство пошло на расширение рыночных элементов в экономике и подсобных хозяйств предприятий.

Сразу после войны руководство намеревалось решать многие производственные и прочие проблемы прежними методами принуждения, очередным нажимом на деревню. Однако жизнь брала свое. Крайне низкий уровень потребления, характерный для военного времени, вызывал стремление жить лучше, лучше не только по сравнению с войной, но и довоенными стандартами как воздаяние за великую победу. Возвращение предприятий к нормальному рабочему ритму требовало отмены наиболее одиозных чрезвычайных указов. Отменялись сверхурочные, продленные смены, восстанавливались отпуска. Заводы и фабрики переходили на выпуск продукции мирного времени. Чрезвычайные мобилизационные усилия в какой-то мере позволили быстро восстановить экономику, а следующая за восстановлением пятилетка была отмечена наиболее высокими темпами промышленного развития в стране. Сторонники плановой административно-командной экономики нередко апеллируют к этому времени, чтобы доказать ее эффективность. Но, как свидетельствует наше исследование, среди причин быстрого экономического роста следует назвать, во-первых, то, что к этому времени **начали оказывать свое воздействие факторы, связанные с индустриализацией и превращением страны в индустриальное общество.** Во-вторых, следует учитывать проблему так называемого «замещения», обусловленного переводом отраслей на нужды мирного времени и использования для этого наработанных новых технологий. Это касается и сферы труда. Как показывает история «Серпа и Молота», именно постепенный отказ от принудительных мер и их **замещение другими способами стимулирования труда стали причинами более или менее успешного развития производства,** хотя достижения страны в этот период оказались непрочными. Они были достигнуты путем нещадной эксплуатации деревни и низкой доли средств, идущих на потребление населения и развитие инфраструктуры. Поэтому на повестку дня все больше выдвигался вопрос о структурной перестройке экономики, немедленно «всплывший» перед руководителями страны после смерти Сталина. Особенно остро стоял вопрос о дисбалансе между промышленностью и сельским хозяйством, а его плачевное состояние во многих аспектах касалось состояния промышленных предприятий.

От планового распределения рабочей силы, от прикрепления рабочих, мобилизаций и репрессий в послевоенные годы пришлось фактически отказаться. План подготовки квалифицированных кадров для промышленности не выполнялся. Образование как стимул повышения квалификации не играло особой роли, и перед руководством вставала проблема приведения системы образования и

подготовки кадров в соответствие с современным уровнем производства. Жилищная проблема в послевоенный период еще больше обострилась по сравнению с довоенной ситуацией. Обретение жилья в централизованном порядке не привязывало работника к конкретному предприятию, и многие продолжали поиски более подходящей работы. То, что жилищную проблему нужно срочно решать, становилось очевидным всем руководителям страны. Явные признаки вырождения обнаруживало социалистическое соревнование.

Советское производство сохраняло неровный, рваный ритм, к тому же постепенно утрачивало военно-мобилизационный характер. Рабочее время, свободное от штурмовщины, отмечалось частыми простоями, которые государство вынуждено было оплачивать. Оплата простоев по «объективным» причинам была меньше, но не намного, поэтому рабочие не были особенно заинтересованы в их ликвидации. За период с 1946 по 1956 г. средняя зарплата на промышленных предприятиях увеличилась в 1,5 раза. Подсобные хозяйства сохранялись в качестве источника дополнительных доходов. Упор делался на политику развития социальной сферы на предприятиях, на «децентрализованные фонды снабжения работников».

Таким образом, уже в рамках сталинской системы явно обнаруживались черты кризиса принуждения на всех участках производства и общественной жизни, в том числе, как показывают новейшие исследования в сфере «чисто принудительного» труда, т.е. в ГУЛАГе¹¹. Безусловно, правы те исследователи, которые считают, что не личные качества, воля и желания отдельных руководителей, а обстоятельства вели к отказу от методов насилия и принуждения. Любой руководитель в этих условиях вынужден был бы действовать в сторону либерализации режима, поскольку карательная политика полностью исчерпала себя, и в рамках советской системы нужно было искать иные стимулы и побуждения к труду.

VIII

Советская экономика после смерти Сталина представляла собой средоточие сложных и взаимосвязанных противоречий. Жесткий централизм, привязывание к плановым директивам из центра любого мало-мальски значимого решения не отвечали возрастающей сложности производства, вели к выстраиванию и консервации хозяйственных связей предшествующего времени, борьбе за приоритеты в распределении имеющихся ресурсов и

капиталовложений, необходимых для развития производства. Из кабинетов Госплана трудно было уловить все направления перспективного развития, поэтому **прорывы происходили лишь на тех участках, где удавалось сосредоточить финансовые, технологические и трудовые ресурсы.** Отставание одних участков производства на фоне других способствовало тому, что последние начинали выдвигать свой голос в борьбе за приоритеты. В конечном счете это способствовало установлению уравнительного принципа «всем сестрам по серьгам», и большинство предприятий, даже принадлежавших к ВПК, работало в условиях постоянного дефицита сырья и материалов и недостатка средств, необходимых для обновления производства. Начинаясь сверху, **уравнительный эффект распространялся на всю сферу экономических и социальных отношений, в том числе и на стимулирование труда.** Естественный принцип «если хочешь, чтобы люди работали, — надо платить» вступал в противоречие с директивными основами планирования и экстенсивными формами использования трудовых ресурсов, поскольку между оплатой труда, количеством и качеством произведенной продукции не было прямой зависимости. В идеологическом плане принцип материальной заинтересованности сталкивался с якобы чуждой советскому обществу «частнособственнической психологией», под которой нередко подразумевались явления, вызванные к жизни объективными изменениями в жизни советского общества. Идеология превращалась в сдерживающий фактор развития экономики. Воспитанные в атмосфере социалистического штурма, хозяйственные руководители и идущие им на смену выдвиженцы военного и послевоенного периода в хозяйственной номенклатуре оказались неспособными отвечать на вызовы времени.

Мероприятия в области стимулирования труда во многом велись по тем направлениям, которые сложились в 1930-е годы, за исключением практически полного отказа от методов прямого принуждения и насилия. Они начались с реформирования заработной платы, попыток применить более гибкие формы вознаграждения за труд, исходя из задачи повышения производительности труда и уровня мастерства работников. Но заработная плата была самым строгим показателем советского планирования, и не случайно. Возможности администрирования в политике цен и заработной платы были связаны с практикой легко устанавливаемых, трудно устанавливаемых и договорных цен. Государство задействовало рычаги, препятствующие взвинчиванию цен, но не финансовые и экономические, а политические и административные. Относительная стабильность цен была предметом гордости советских руководителей. Механизм, автоматически регулиру-

ющий ценообразование, отсутствовал. Вместо этого происходило малозаметное повышение, ползучий и постоянный рост цен, который препятствовал инфляции, но способствовал дефицитам и напряженности в приобретении потребительских товаров. Причем чем интенсивнее был дефицит, тем напряженнее была ситуация на потребительском рынке, доходившая до позорных и диких сцен.

Распределение работников по отраслям, предприятиям и учреждениям, профессиям и регионам мало зависело от ценовых сигналов и связанных с ними стимулов. В советской экономике зарплата как цена рабочей силы имела более рыночный характер, чем другие «социалистические цены». Неудача разрешить проблему трудовых ресурсов с помощью плана привела к **возрастанию элементов рынка труда**. При этом размеры зарплаты регулировались сверху, и на всем протяжении советской истории она сохраняла большое, если не решающее значение в социальной политике власти. Деньги, выделяемые в фонд заработной платы, жестко фиксировались, переброска средств в фонд оплаты труда запрещалась на фоне других более мягких бюджетных ограничений. Советские руководители твердо помнили, что нужно отчитаться об опережающем росте производительности по сравнению с зарплатой, независимо от того, как это обстояло на деле. Условия кредитования на выдачу зарплаты особенно тщательно оговаривались и сопровождалась составлением кучи документов. Премирование руководителей и работников тесно увязывалось с соблюдением финансовой дисциплины. Советский бухгалтер по своей роли на предприятии стоял на уровне руководителя. Такая политика вынуждала экономить не только фонд, но и каждый рубль, выделенный на оплату труда. Поэтому **вознаграждение за труд часто подменялось моральным поощрением**. Щедрой рукой рассыпались всякие формы такого поощрения, обесценивая их до предела. Но каждое предприятие оставалось в рамках строгих лимитов на зарплату и спрос на рабочих практически от нее не зависел. Выбор занятия или профессии на долгосрочную перспективу заменялся краткосрочными и сиюминутными соображениями. **Если зарплата устанавливается централизованно и везде одинаково, то в действие вступают другие факторы мотивации труда**.

При планировании заработной платы упор делался на рост постоянной доли выплат, заключенных в ставках, тарифных сетках и разрядах. Переменная часть, другие выплаты и доходы не должны были составлять значительной части совокупного дохода семьи. Поэтому человек почти всегда не был удовлетворен оплатой своего труда и оставался с ощущением несправедливости, почти всегда был готов согласиться с переходом на другое место, где,

при прочих равных условиях, больше платят. Такая неудовлетворенность доходила до сознания руководителей, вплоть до высших эшелонов власти, побуждая их вносить изменения в политику заработной платы. В этом смысле администрация и профсоюзы на советских предприятиях выступали как бы в одном лице по отношению к высшему начальству. Причиной этого была их близость к трудовым коллективам и то, что их популярность и сохранение своей должности находились в сильной зависимости от умения налаживать личные связи и контакты с работниками, причем куда в большей степени, чем умение жить в ладу с начальниками. Не сумевшие этого понять, отторгались, становились ненавидимыми, и рано или поздно вынуждены были уходить со своего поста. Сами директора предприятий старались отождествлять себя с трудовыми коллективами. Но вынужденные изменения в заработной плате «наверху» всегда происходили с запаздыванием, с проволочками, а не с упреждением, не изменяли кардинально ситуацию, что также становилось причиной общественного недовольства.

С 1956 г. отрасль за отраслью, предприятие за предприятием повышали минимальный уровень оплаты труда. Повышался налогооблагаемый налогом минимум заработной платы. Однако повышение минимума не играло большого значения для дальнейшего распределения оплаты труда по тарифным ставкам, и каждое предприятие подчинялось уравнительной тенденции снизу. В конечном счете разница в оплате труда различных категорий работников сократилась настолько, что вызывала тревогу среди советских экономистов. Особенно резкое поравнение произошло на предприятиях с тяжелыми и опасными видами труда. Прежний высокий статус таких профессий, как металлург, сталевар, шахтер и т.п., пал. Оплата управленческого труда как бы застыла на одном формальном уровне, не стимулируя профессиональный труд. Оставался еще стимул для карьерного роста, но наблюдалось усиление партийного и государственного контроля за наиболее значимыми назначениями. К концу советской эпохи различия в оплате труда между отраслями, между работниками различной квалификации, между рабочими и специалистами на производстве практически сгладились.

В результате разнообразие предшествующих норм сократилось, оплата упростилась, стала более единообразной и уравнительной. Упор был сделан на премиальную систему, находившуюся в зависимости от степени выполнения плана всем коллективом предприятия, т.е. премии подвергались ограничению и уравниванию, усиливая значение централизованного контроля над оплатой труда. Различия между видами труда сглаживались в оплате, чему

способствовал упор на рост общественных фондов потребления, которые по своей сути имели уравнительный характер для всех советских граждан. В хрущевский период этот вопрос был дополнен риторикой о близком приходе коммунизма, предполагающем равенство в распределении различных благ и услуг. Недостаток проводимых мер заключался в том, что они, с экономической точки зрения, не увязывались с другими социальными изменениями и вытекающими из них необходимыми механизмами. Отсюда постоянная рассогласованность ведомственных решений, касающихся труда и заработной платы, их растягивание на длительный срок, большое число чисто бюрократических и маловлиятельных мер.

Нельзя сказать, что вопрос о применении более действенных стимулов к работе не осознавался. Однако каждый раз, когда вставал вопрос об этом, как, например, на заводе «Серп и Молот», было больше шума, чем дела, а регулирование заработной платы шло по линии привычных административных мер. **Уравниловка формально осуждалась, но сопрягалась с постоянной пропагандой равенства.** Особенно явно эти мотивы звучали в период проведения юбилейных мероприятий, знаменующих победы социализма в СССР, и влекли за собой ликвидацию различий в оплате труда в русле борьбы с бедностью, различные выплаты и пособия, формирующие огромную сферу социальных льгот и гарантий, с которыми сегодня довольно круто разбирается российское правительство.

Политика выравнивания доходов вела к тому, что все трудности роста распространялись на все общество. У одних изымали больше, чтобы поддержать остальных, в том числе дышащие на ладан и неэффективные производства и предприятия. Высокие доходы постоянно пресекались. Тем самым отчасти удовлетворялось чувство социальной справедливости, но пропадали стимулы, связанные с увеличением производительности труда за счет роста заработной платы. Следствием такого положения становилось непомерное **разрастание сфер, связанных с распределением и перераспределением средств, и усиление административной зависимости, понижающей общество сверху донизу, и падение роли ценовых обменных факторов.** Поэтому никакие изменения масштабов цен, к которым прибегало советское руководство, не только не устраняли дефициты, но и способствовали их возрастанию.

Раньше доходы в городах значительно превышали доходы в деревне и способствовали перекачке рабочей силы из деревни в город. Происходило перераспределение рабочей силы в пользу отраслей тяжелой промышленности. В них устанавливались более высокие нормы оплаты труда, но не очень значительные, так что

одной зарплатой привлечь туда рабочих было недостаточно. Высокая женская занятость, которая была достигнута в предшествующий период, феминизация многих отраслей труда вследствие громадных потерь мужского населения в годы войны вели к быстрому сокращению рождаемости и естественного прироста населения. Традиционные источники пополнения трудовых ресурсов в промышленности (сельские жители, домашнее хозяйство) приблизились к исчерпанию, за исключением молодых поколений, вступающих в жизнь. Поэтому **борьба за молодежь приобретала решающее значение в плане обеспечения производства необходимыми кадрами.** В этом отношении у города был ряд преимуществ, но они лишь отчасти распространялись на промышленные предприятия. Особенно это касалось рабочих наиболее дефицитных профессий. Интересы молодежи явно не соответствовали потребностям производства, которое усугублялось отсутствием безработицы и неизбежным ростом элементов рынка труда. Производство не обеспечивало четких и ясных стимулов для молодого образованного поколения. Зачастую оно оказывалось в неравном по сравнению со старшими положении, получавшими больше социальных льгот и гарантий. Так что **битву за молодежь руководство проиграло вчистую.**

В развитии производства делалась также ставка на научно-технический прогресс. Однако успешное внедрение научно-технических достижений требовало иной, более гибкой и мобильной организации управления и хозяйства, поэтому в развитии экономики продолжали нарастать дисбалансы. С одной стороны, процветали гиганты энергетики, индустриальные монстры, с другой — убогий и рутинный труд в «неприоритетных» отраслях и на участках производства. Ставка на ВПК и тяжелую промышленность вела к дальнейшему отставанию отраслей, производящих товары народного потребления, вызывала растущую напряженность в обществе, связанную с дефицитами. Это, в свою очередь, приводило к нарушению денежного обращения на фоне увеличения заработной платы.

Громадные усилия предпринимались для решения жилищной проблемы в индустриально растущих городах. Вследствие этой политики начался исход городского населения в отдельные квартиры. **Но распределение квартир также носило уравнительный характер,** мало зависящий от трудовых усилий, не отвечало демографическим изменениям и росту потребностей людей. Руководство отчасти осознавало эту проблему, но откладывало на «потом» (на 20–25 лет) вопрос о более основательном жилищном устройстве. Получение жилья приносило лишь частичное удовлетворение.

Попадая в спартанскую обстановку новых квартир, люди едва ли не сразу снова становились в очередь «на улучшение жилищных условий». Поэтому очереди год от года продолжали расти. Возможность получить квартиру более основательную и благоустроенную становилась все более весомым мотивом при выборе работы. Предприятия обзаводились своим жилищным фондом, чтобы привлечь рабочих, но не для того, чтобы стимулировать рост производительности труда.

Попыткой оживить соревнование на производстве стало движение за коммунистический труд. Суть движения состояла в апелляции к ленинской идее опоры на *сознательность* тружеников в строительстве коммунизма. В движении наиболее наглядно проявился менталитет того поколения руководителей, которое формировалось в годы «социалистического наступления», а в его отторжении обществом — новый разворот общественного сознания. Движение должно было корреспондировать с обширной хрущевской программой развернутого строительства коммунизма, приход которого «в основном» намечался на 1980 г. Пропагандистская шумиха первой половины 1960 г. увенчалась созданием «*Морального кодекса строителей коммунизма*», который развешивался на всех предприятиях. Его содержание было исполнено массой благих принципов типа: «*превратить труд в первейшую жизненную потребность*», «*один за всех и все за одного*» и т.п., включало также преломленные через коммунистическую риторику моральные заповеди всех времен и народов. Новая кампания была обречена на провал в силу ряда объективных обстоятельств. Среди них следует отметить следующие, наиболее важные. Прежде всего, сдерживание материальных стимулов на производстве. Руководство систематически проводило снижение расценок на производстве и выравнивание оплаты труда, взывая к коллективистским ценностям. Между тем набирали силу ценности иного рода: **личное и семейное благосостояние**, карьера для себя, своих детей и близких. Попытки реанимировать общественный энтузиазм разворачивались в условиях набравшей силу **потребительской революции**, которая охватила мир.

В течение 20 лет с момента свержения Н.С. Хрущева вплоть до реформ М.С. Горбачева советское общество обрело законченные стабильные черты, которые оставались в целом неизменными и включенными в понятие «зрелый социализм». Однако в рамках этой системы подспудно развивались явления и процессы, приведшие к краху советской модели социализма и свойственной ему организации трудовых отношений. Отдельные попытки усовершенствовать систему трудовых стимулов не удались. **Инерция**

планово-распределительной экономики, созданной в предшествующие годы, оказалась сильнее, чем давление новых тенденций и обстоятельство.

Сложившаяся на предприятиях система вознаграждения за труд входила в явное противоречие с новой социальной ситуацией. Противоречие состояло в том, что существовал широкий спектр различного рода социальных гарантий — бесплатное медицинское обслуживание, в том числе и в заводском стационаре с более качественным обслуживанием, бесплатный или льготный отдых в санаториях и на курортах, дешевое жилье по социальной норме. Общая тенденция в развитии этой системы сводилась к распределению благ вне зависимости от трудового вклада потребителя, а также к росту спектра гарантий и повышению их качества. Таким образом, вне зависимости от трудового вклада каждый работник получал из года в год все больше и больше социально-гарантированных благ в их натуральном выражении. Если учесть, что занятость в СССР была гарантирована всем без исключения, включая хронических алкоголиков и прогульщиков, то с точки зрения распределения благ последние были абсолютно равны, например, с квалифицированным рабочим.

Попытки реформирования трудовых стимулов постепенно растворялись в различного рода многолетних экспериментах, в основе которых лежали отдельные хозрасчетные принципы. Однако подобные эксперименты мало что дали для экономики советских предприятий. Они сталкивались с рядом препятствий, поскольку их внедрение требовало изменений по всей цепочке производственных связей. Так, неизвестно было, что делать с рабочими, которые освобождались в результате распространения новых методов. Пойти на безработицу, ликвидация которой считалась важнейшим завоеванием советского строя, руководство не могло. Директора предприятий также боялись предпринимать шаги в этом направлении, так как опасались оказаться без рабочих. Поэтому пока работавшие на эксперименте «вкалывали», остальные в «ус не дули», получали «свою» зарплату да посмеивались над теми, кто проявлял инициативу, усердие и старание. Соответственно вставал вопрос об оплате многочисленного административно-управленческого персонала, который ничего не приобретал от этих экспериментов.

Повышение самостоятельности предприятий в условиях советской плановой системы вело к тому, что они стремились занизить плановые задания. Зарплата стала расти еще быстрее по сравнению с производительностью труда, чем в прежние годы. Обнаружилось замедление темпов экономического развития, а с конца

1970-х годов отмечаются черты явного кризиса. Наблюдалось повышение роли центра и столичной бюрократии в принятии управленческих решений. Отраслевой, ведомственный принцип вступал в противоречие с корпоративным, основанным на гибких межотраслевых производственных связях. Поэтому крупные советские предприятия и производственные объединения лишь внешне напоминали соответствующие западные. Разговоры об интенсификации, повышении производительности труда велись постоянно, но оставались преимущественно на бумаге. Выдвигались программы автоматизации и комплексной механизации, целевые и долгосрочные программы, которые упирались в «выбивание» средств и ресурсов, бесконечное согласование планов на всех уровнях. Периодически предпринимались попытки оживить трудовой энтузиазм, но это была уже жалкая пародия на ударничество и стахановское движение довоенного времени. Многочисленные трудовые починки витали где-то наверху, о которых подчас не знали даже рабочие, объявленные их инициаторами. Согласно отчетности, трудовые коллективы брали на себя повышенные обязательства, вставляли на многочисленные «трудовые вахты» без какого-либо влияния на состояние производства. Попытки соединить соревнование с принципами материального вознаграждения не удалась в силу их уравнилельного характера.

При наличии напряженного плана предприятию предлагалось изыскивать внутризаводские резервы для его выполнения. Жесткое и упрямое требование выполнять плановые задания, как и раньше, вело к штурмовщине, неизбежному и неоправданному перерасходу ресурсов, к замещениям, ведущим к снижению качества продукции, интенсивной эксплуатации станков и оборудования, суете с криками «давай-давай», нервной обстановкой, конфликтами и стрессами. Причем, чем ограниченнее были ресурсы, тем сильнее оказывалась напряженность на производстве. Если в рыночной экономике предприятия не могут мириться с убытками, то при советском социализме они были вынуждены их покрывать, перераспределять рабочее время, производить замены в использовании ресурсов. Для того чтобы выполнить план, предприятие старалось держать в резерве как можно больше рабочих. Размер фонда заработной платы также зависел от числа рабочих. Поэтому в обычные дни, свободные от штурмовщины, нередкими бывали простои, которые предприятие вынуждено было оплачивать, причем в таких размерах, чтобы удержать рабочих на производстве.

Такая обстановка оказывала разлагающее воздействие на стимулирование труда, не только экономическое, но и морально-психологическое. Способом согласования интересов все больше

становились личные контакты, связи, «телефонное право». И администрация, и рабочие со временем стали больше внимания уделять тому, как обеспечить стабильность трудового процесса, обеспечить его необходимыми ресурсами. На этой основе в результате своеобразного торга вырабатывались компромиссы, а в итоге опять же — усреднение и сближение трудовых норм. Политика Хрущева, унаследованная из прошлого, постоянно будоражить производство, вызвала сначала пассивное, а затем более активное сопротивление руководителей, для которых главным было обеспечить преемственность и стабильность в созданной системе.

Получая план, обычно на квартал, предприятие меняло комбинацию затрат в соответствии с имеющимися ресурсами. Напряженность количественных показателей плана вела к «погоне за валом». Только сталкиваясь с дефицитом рабочих рук, администрация могла делать ставку на изменение технологического процесса. Наибольший дефицит рабочих обнаруживался на тяжелых физических и погрузочно-разгрузочных работах. Таким образом, технологические нововведения вынуждены были подстраиваться к дефицитам, т. е. к рынку. Но для того чтобы осознать, что подобный дефицит носит не временный, как уверяли наверху, а хронический характер, нужно было время. После «хозрасчетной» реформы 1965 г. и последующих преобразований труд в советской экономике все более разделялся на два вида: работе по государственным заказам и работе «на склад», напрямую связанных с трудовыми стимулами. «На склад» обычно производилась стандартная и долговременная продукция и ее производство было связано с ликвидацией простоев. Обычно работники осознавали то обстоятельство, что продукция «на склад» не пользуется спросом и соответственно относились к труду, работая «спустя рукава».

В свободе маневра заключался интерес каждого предприятия, который оказывал воздействие на мотивацию поведения его директора. Психологически для него были важны результаты деятельности предприятия, каким оно выглядело на фоне других. Если задачи на ближайшее время были выполнены, несмотря на усталость, измученность и нервозность, наступало **кратковременное удовлетворение**, выполнявшее свою компенсаторскую функцию, как для самого руководителя, так для администрации и всего трудового коллектива, невзирая на то, каким способом был достигнут результат. Разумеется, администрация была заинтересована в дееспособности и выживаемости своего предприятия, волновала ее и общественная приемлемость своей продукции. Из этого складывались моральные побуждения в поведении производителей. Чтобы сохранять свое положение, директору предприятия

необходимо было признание вышестоящего начальства. Он всячески стремился попасть в особый список, избежать начальственного гнева и смещения со своего поста, предугадать все возможные последствия своих действий. Выполненный или слегка перевыполненный план приводил к обоюдному согласию, сопровождался получением премии за месяц, квартал, полугодие, год («тринадцатая зарплата»), которая, впрочем, не играла особой роли в мотивации труда.

Таким образом, отношения в сфере управления оказывали прямое воздействие на мотивы расширения производства, погоню за валом или техническую реконструкцию, но они имели не постоянный, а дополнительный и временный характер. Главным же стимулом в труде советского работника было **отождествление себя с определенным кругом профессиональных обязанностей**. Работать как следует уже в силу привычки, без особых побудительных усилий — естественное стремление и природный инстинкт человека. Это позволяет понять отношение к труду большинства работников на всех советских предприятиях. Сами руководители и их подчиненные внутренне убеждали себя, что их предприятие является если не самым, то очень важным, и готовы были работать вроде бы бескорыстно и в силу долга. Конечно, играли свою роль и карьерные побуждения, и стремление к власти, и желание получить компенсацию. Часто, не имея материальных рычагов для поощрения, руководство било на чувствительные струны профессиональной гордости. Последовательно вводились профессиональные праздники: «День металлурга», «День шахтера» и т.п., используемые, впрочем, работниками, чтобы лишний раз погулять и повеселиться.

Одним из преимуществ созданной советской системы была всеобщая занятость, созданная ускоренным развитием советской экономики в предшествующие годы и экстенсивным подходом к использованию трудовых ресурсов. В результате был достигнут определенный моральный эффект, внешне исчезла угроза безработицы, создающая чувство уверенности, собственного достоинства и безопасности. В равной мере это касалось и рабочих, и работниц. Но всеобщая занятость повлекла за собой не только социальные выгоды, но и социальные издержки: явные и неявные. Явные были связаны с увеличением расходов на содержание аппарата управления, оплаты труда и т.п. Неявные были обусловлены ростом непроизводственных расходов, оплатой простоев, сверхурочной работы, вынужденных замен в результате перегруженности и перенасыщенности производства, расширения городской территории, уплотнения транспортных потоков, усложнения жилищных, бытовых проблем — источник постоянно возрастающих

стрессов, раздражения и недовольства. Следует принять во внимание и издержки всеобщей женской занятости, которую не компенсировало широкое распространение предприятий бытового обслуживания. Для «беспредельного» роста социальной сферы — детсадов, яслей, поликлиник, санчастей, спортивных сооружений и других объектов существовали свои ограничения: дефицит строительных материалов, рабочих рук, необходимость повышения качества услуг. Дополнительная нагрузка на семью была связана с бесконечными стояниями в очередях, большим объемом домашней работы и новыми заботами, связанными с воспитанием детей, чтобы у них все было не хуже, чем у других. Приобретение квартир за счет государственного и кооперативного строительства с газом, электричеством и водопроводом привело к изменению стиля и образа жизни. Квартиры получали и приобретали по очереди, в которой нужно было стоять многие годы. В этом случае старшее поколение обладало существенными преимуществами, и жилищный вопрос в значительной степени решался путем патронажа родителей над детьми, что вело к социальному иждивенчеству. Молодежь во многом решала свои проблемы за счет старшего поколения: купить кооперативную квартиру, автомобиль, получить высшее образование и т.д. Однако нараставшая год от года потребительская революция и проблемы качества жизни вызывали такой рост потребностей, который не в силах были удовлетворить ни советское государство, ни домашнее хозяйство. Именно в этот период наблюдается резкое падение престижа традиционных и коллективных форм бытия, их деградация и разложение.

Высокая степень занятости населения породила феномен скрытой «внутризаводской безработицы». Ей были подвержены все советские предприятия, все организации и учреждения, она составляла основу для взаимозаменяемости и замещения в советской экономике. Вместе с тем она негативно и развращающе действовала на стимулирование труда, трудовую дисциплину, снижала качество работы. Чем больше был дефицит рабочих, тем очевиднее становились эти явления вследствие истощения трудовых ресурсов для экстенсивного роста экономики. Замена на производстве способствовало плачевное состояние сельского хозяйства, когда предприятия вынуждены были выделять значительную часть рабочей силы в подшефные колхозы и совхозы в сезон сельскохозяйственных работ. Политика выравнивания заработной платы вела к ликвидации различий между рабочими по образовательному уровню, нежеланию людей заниматься тяжелой неквалифицированной работой. Поэтому каждое предприятие стремилось создать

такой резерв, который можно было бы использовать для этой цели, послать без ущерба для себя людей на сельхозработы и т.п.

Кардинально в пользу города изменилась социальная структура общества. Основной контингент поступающих на предприятия теперь составляли **определенные слои городских жителей**. Как правило, приходящая на предприятия молодежь теперь имела за плечами среднее общее образование. Однако гарантий ее закрепления на производстве не было. **Значительно большую роль играло перераспределение рабочей силы по территориям, отраслям и предприятиям**. Везде висели объявления, приглашающие рабочих: требуются, требуются, требуются... Наиболее дефицитными были массовые профессии — слесари, токари и т.п., а также профессии, связанные с тяжелыми, рутинными операциями, доля которых застыла на уровне 20–40% в зависимости от отрасли. Только оборудованные по последнему слову техники предприятия, построенные, как правило, в кооперации с иностранными фирмами, такие как АвтоВАЗ, не испытывали особенно серьезных проблем с рабочей силой. На остальных предприятиях, как и прежде, наблюдалась высокая текучесть кадров. По сути, постоянно усиливались элементы рынка труда, где главную роль играла, однако, не столько зарплата, сколько целая **совокупность методов закрепления работников на производстве**. Побудительные мотивы для более высокой производительности труда в этой системе неизменно оказывались на заднем плане. Руководители предприятий вели постоянную борьбу за рабочих, обещая различные льготы и преимущества. Задержка, неисполнение этих обещаний влекли за собой уход с производства. Разрабатывалась целая система поощрения занятости: премии, надбавки за «вредность», за работу в тяжелых климатических условиях, за труд на молодежных стройках, строительство ведомственного жилья, детских учреждений, поликлиник, санаториев, профилакториев, домов отдыха, покупка автомобилей и других дефицитных товаров и т.п. Всеобщая занятость создала чувство безопасности в работе и постоянном доходе, но рождала и безответственность. Естественно, администрация предприятий старалась бороться за собранность и усердие в труде, но реальных рычагов воздействия на трудовые коллективы, кроме методов административных и убеждения, у нее не было. Методы принуждения изжили себя и были отвергнуты. Попытки усиливать административный нажим и дисциплинарные меры, особенно при Ю.В. Андропове, фактически саботировались.

1970–80-е годы ознаменовались появлением особой прослойки рабочих — так называемых *«лимитчиков»*. Предприятия Москвы и других городов с ограниченной пропиской по согласован-

ным квотам стали приглашать людей на малоквалифицированные и социально непрестижные работы, предоставляя им возможность получить прописку и жилье. Проработав ряд лет, лимитчики получали квартиры, становились городскими жителями, в то время как коренные горожане продолжали десятки лет ждать очереди на улучшение жилищных условий. Это вызывало резкий антагонизм между «москвичами», «коренными питерцами» и др. и «лимитой».

Выходило так, что работник в советской системе гораздо сильнее воздействовал на работодателя, чем на Западе, в силу неравновесия спроса и предложения на рынке рабочей силы. Что же побуждало руководителей быть снисходительными и закрывать глаза на снижение стимулов к труду и не прибегать к крайним мерам? То, что он ничего не мог противопоставить нарушениям трудовой дисциплины и небрежению в работе. Любой руководитель предприятия знал, что если он прибегнет к более решительным мерам воздействия, то рабочие просто уйдут, зачастую с большей выгодой для себя. Получалось, что **система постоянно воспроизводила условия, способствующие падению стимулов в труде**, ибо дефицит рабочей силы был хроническим. Чем острее был дефицит, тем сильнее было желание рабочих уволиться. Если же они не увольнялись, то прогуливали, а если не прогуливали, то зачастую манкировали своими обязанностями, воздействуя на других рабочих, вели длительные разговоры в «курилках», «делили на троих» и т.д. Разгильдяи и лодыри пользовались ситуацией. К увольнению таких рабочих администрация прибегала в крайнем случае, так как опасалась урезания штатного расписания, сокращения фонда заработной платы и резерва для маневрирования рабочей силой. К тому же увольнение по закону было трудно провести через профсоюз, призванный стоять на защите интересов работника, как подтверждалось новым КЗоТом, принятым в 1970 г. и действовавшим вплоть до принятия нового Трудового кодекса в современной России.

Большое значение придавалось системе профессионального обучения, но оно с самого начала определялось числом желающих приобрести те или иные профессиональные навыки. Гораздо существеннее был общественный престиж и другие нематериальные стимулы и соображения, например личность руководителя, взаимоотношения в коллективе. Разумеется, было немало таких, которые трудились по привычке, в силу долга, удовлетворяясь тем, что имели, но по мере вхождения в жизнь новых поколений эти побуждения к труду утрачивали свое значение. Выбор работы все более зависел от места работы и от жилья. Даже низкая заработная плата погашалась надеждой быстро приобрести квартиру. В этих условиях утрачивали какое-либо значение **плановое распределение**

работников, общественные призывы, апелляция к производственной активности по политическим и моральным побуждениям, принудительное распределение и закрепление работников. Домашнее хозяйство стремилось получить как можно больше товаров и услуг через общественные фонды потребления. Они органически становились частью совокупного домашнего дохода. Однако предложение таких товаров и услуг было заранее задано, и на семейном микроуровне происходило моментальное к ним приспособление. Решаемое административными способами, оно приводило к формированию особого типа отношений в виде взяток и услуг, так как цены на них рассматривались как неизменные и твердые (государственное и кооперативное жилье, дачные и огородные участки, путевки и т.п.) или же вообще бесплатные (обучение в вузе, спецшколе, занятия в спортивной секции и др.). Особое раздражение вызывали льготы и привилегии номенклатурного слоя, имевшего относительно свободный доступ к товарам и услугам, причем зачастую лучшего заграничного качества, тогда как рядовому советскому гражданину доставались уже «крохи с барского стола», причем добываемые с боем в огромных и злых очередях.

Вместе с тем **углубление потребительской революции стало именно той благодатной почвой, где развивались новые представления о труде.** Но их развитие не совпадало с официальной тенденцией развития трудовых отношений. Застывшая идеология стала причиной того, что современные этические установки в области труда стали «прятаться» в сфере теневых отношений. Дефицит товаров и услуг с неизбежностью вел к расширению «теневого» экономики. Наиболее открытой «законной» сферой, через которую она распространялась в обществе, было огородничество и садоводство, где труд, по идее, должен был осуществляться в свободное от основной работы время. Но по мере выравнивания условий на производстве и падения стимулов в труде наблюдались различные формы совмещения: использование рабочего времени для личных нужд, часто путем негласного соглашения с администрацией, а также хитрости или обмана, оказание ремонтных или иных услуг на стороне — «халтурка», использование заводского оборудования, сырья и материалов для своих целей, мелкие хищения и т.п. Коллективные (бригадные) формы дополнительных заработков часто были сопряжены с пьянкой — пропиванием заработанного.

Вынужденность, отсутствие выбора в приобретении товаров и услуг повышало степень напряженности в советском обществе. Люди с раздражением реагировали на административные решения, полагая, что с помощью открытого рынка они гораздо легче могли бы решить свои проблемы, коль скоро есть деньги. Конечно,

было немало людей, которые чувствовали себя как рыба в воде в сложившейся системе, поддерживая связи с нужными людьми, но в силу характера и условий труда на производстве рабочие, как видно на примере обследованных предприятий, чувствовали себя обделенными.

Наиболее массовым пороком в рабочей среде по-прежнему оставалось **пьянство**. Рост пьянства был связан с снижением стимулов трудиться. Государство проводило в этом отношении двойственную политику, что отчетливо осознавалось всеми гражданами. С официальных трибун декларировалась необходимость борьбы с этим вековым злом. Это вело к кампаниям по борьбе с пьянством, особенно на производстве, которые призваны были победить порок быстро и исключительно административными принудительными мерами. Пьянство рассматривалось как благоприятный фон роста преступности. Вместе с тем социальные причины этого явления искоренять всерьез никто и не пытался. Пьянство и алкоголизм становились обычным делом. Именно в **такой пассивной форме наряду с прогулами, низкой производительностью труда и наплевательским к нему отношением проявляется в эти годы недовольство рабочих**. Пьянство устойчиво «молодело». Появилась проблема женского алкоголизма.

IX

Общественные настроения 1970–80-х годов были характерны **нарастающим чувством недовольства дефицитами, заменами, подменами, очередями**. Заметно было отстранение от политики и политических лозунгов, от коммунистической идеологии. Достижения советского строя в историческом плане выглядели вроде бы значительными, особенно в официальных отчетах. Но в обычной жизни люди мыслят не историческими категориями, а повседневными реалиями, не показателями статистики, а тем, как это сказывается на непосредственном бюджете семьи и текущих потребностях. К числу достижений советского строя относились общественные фонды потребления, но распыленность и неопределенность предоставляемых ими социальных льгот и гарантий не приносила должного удовлетворения и не была непосредственно связана с результатами труда каждого конкретного работника, не особенно влияла на характер повседневного поведения. Постоянная риторика руководства о росте материального благосостояния советских людей, планы-обещания встречались с заслуженной долей скепсиса. Людей на практике интересуют не завтрашнее,

а сегодняшнее потребление, чему в то время в немалой степени способствовал рост гедонистических настроений под влиянием потребительской революции. Обыкновенному человеку приходилось постоянно реагировать на различные раздражители: грубость и формализм бюрократов, переживать горькие часы разочарования мерами, которое руководство предпринимало для улучшения ситуации. Отсутствие товара, стресс огромной очереди, грубость продавцов и покупателей, плохое обслуживание — все это не отражалось в статистических показателях, о которых сообщалось на партийных форумах и в официальных средствах массовой информации. Молодая семья, не получающая квартиры, могла стать мощным катализатором недовольства. Все это усугублялось стрессами, лихорадкой на производстве. Штурмовщина, снижение качества не приносили удовлетворения в работе, ибо работники несли свою долю общественной ответственности. В результате — **падение профессиональной гордости и престижа как стимула к труду.** Общественное мнение подходит к границе терпения и, в случае ухудшения ситуации, как это случилось с началом горбачевских реформ, **недовольство выплескивается наружу и приобретает массовые масштабы.** В наибольшей степени эти настроения были присущи молодежи. У молодого поколения вырабатываются свои интересы, подчас далекие от тех ценностей, которые разделяло старшее поколение. Упор делается не столько на труд, сколько на престижную карьеру, отдых, удовлетворение своих каждодневных потребностей, склонность к маскультуре городского типа, посещению ресторанов, баров, кафе, молодежных тусовок, дискотек, к туризму и т.п., а то и просто бесцельному времяпрепровождению, к распитию спиртных напитков и буйству, присущему рабочей молодежи. Молодые поколения не обнаруживали также склонности к домашнему труду, который чаще всего выпадал на долю привыкших к нему людей зрелого возраста. В принципе **к концу советского периода произошла атрофия практически всех трудовых стимулов.** Старшее поколение еще сохраняло приверженность к моральному долгу и привычке трудиться, верности избранной профессии, молодежь большей частью руководствовалась иными побуждениями, среди которых на первое место выходило желание быстрее и побольше заработать, не особенно заботясь о том, какими способами это будет достигнуто, не гнушаясь различного рода нелегальными заработками и доходами.

К середине 1980-х годов осознание кризисных явлений дошло до сознания высшего руководства страны, выразителем которого стал избранный в апреле 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачев. Немедленно была обнародована программа преоб-

разований советской системы, названная концепцией *ускорения* социально-экономического развития страны. Суть ее сводилась к быстрому подъему экономики за счет перераспределения финансовых потоков и новой структурной политики. Предлагалось отказаться от затратных методов распределения капитальных вложений, а освободившиеся средства направить на техническое перевооружение и модернизацию предприятий. В качестве приоритета было выделено машиностроение. В решении новых задач предполагалось всемерно задействовать «человеческий фактор». Первоначально это виделось в продолжении андроповского курса на укрепление дисциплины и порядка на производстве, в связи с чем развязывалась антиалкогольная кампания. Средствами укрепления «здорового образа жизни» стал небывало широкий комплекс административно-запретительных, воспитательных и материальных мер (повышение цен на вина и водку, сокращение выпуска винно-водочной продукции, сети магазинов, торгующих спиртным, и т. п.). Парадокс ситуации заключался в том, что вся масса населения как бы приравнивалась к порочным алкоголикам. Ценность «бутылки» необычайно возросла, и даже непьющие граждане вынуждены были вставать за нею в длинные очереди, в которых буйствовал «рабочий класс». Кампания повлекла за собой ряд побочных эффектов. Возникла брешь в государственном бюджете, спекуляция и распространение винно-водочных суррогатов, вызывавших массовые отравления, употребление наркотиков. Кампания вызвала массовое острое недовольство, которое приобрело стихийный характер.

Другой стороной задействования «человеческого фактора» был упор на то, чтобы заинтересовать работников в результатах труда, вдохнуть жизнь в движение рационализаторов и изобретателей, постараться восстановить моральные стимулы к труду. Для улучшения качества производимой продукции вводилась *государственная приемка продукции*. Ее введение представляло собой механическое перенесение опыта советских оборонных предприятий на гражданское производство. Но замена ведомственного контроля очередной бюрократической структурой вела только к разбуханию административного персонала, нарушению ритмичной работы предприятий. Главный недостаток государственной приемки продукции состоял в том, что он ставил барьер некачественным товарам на конечном этапе производства. В результате продукция с браком оседала на складах, объемы ее выпуска на рынок сократились, дефициты по всем параметрам экономики возросли, а качество осталось на прежнем уровне, поскольку на него совершенно не влиял и без того высокий потребительский спрос.

С 1985 г. начали предприниматься шаги по улучшению нормирования труда. Действующие ставки были признаны не соответствующими требованиям ускорения и интенсификации. Указывалось, что «вал отжил свой век». Вводилась аттестация кадров. Повременщикам и сдельщикам при переходе на новые нормы оплаты труда предусматривались надбавки: первым – 10%, вторым – до 20%. В результате проводимых мер доля тарифа в оплате труда снизилась до 50–60%. Остальное приходилось на премии и разного рода доплаты. Теперь от централизованного повышения заработной платы государство и профсоюзы как бы отказывались. Вопрос переносился на предприятия, на трудовые коллективы в зависимости от перехода на хозрасчет и самофинансирование. Это должно было касаться всех видов оплаты труда. Общие заработки рабочих должны были повыситься в среднем на 25–30%, упор делался на повышение оплаты труда квалифицированных рабочих. Повышение оплаты труда специалистов должно было производиться в последнюю очередь по отношению к рабочим. Однако все мероприятия по повышению оплаты труда должны были осуществляться в пределах запланированного фонда заработной платы. Централизованно не устанавливались лишь нормы снижения расценок. Таким образом, вся программа «ускорения» базировалась на арсенале средств, заимствованных из советского опыта с некоторым ослаблением бремени ответственности предприятий перед государством, чем они попытались немедленно воспользоваться, как показывает изучение материалов отдельных предприятий.

Между тем положение в стране довольно резко ухудшилось. Причины этого виделись в сопротивлении аппарата, созданного в советский период. Выход из этого Горбачев и его команда видели в продолжении курса реформ, направленных теперь на *перестройку* всей системы общественных отношений на основе демократизации и гласности, создания «социализма с человеческим лицом». Перестройка экономики должна была строиться теперь на внедрении рыночных механизмов и хозяйственной самостоятельности предприятий на основе самофинансирования, самокупаемости и самоуправления. За это ратовали ведущие экономисты: Л. Абалкин, А. Аганбегян, П. Бунич, Т. Заславская, Г. Попов, Н. Шмелев и др., статьи которых активно обсуждались на предприятиях. Такой тип отношений должен был, по их идеям, превратить предприятия в субъекты рыночной экономики, действующие на основе конкуренции и рыночных цен. Т. Заславская, например, выступала за полную ликвидацию общественных фондов потребления и их передачу в фонд заработной платы.

Согласно Закону о государственном предприятии, вступавшем в силу с 1 января 1988 г., трудовые коллективы провозглашались хозяевами предприятий и получали широкие права: могли сами выбирать администрацию, решать вопросы экономического, социального характера. Функции министерств сводились теперь только к определению госзаказа, который на 1988 г. составлял 85% планируемого на этот год производства, а в дальнейшем должен был уменьшаться. Вся продукцию, помимо госзаказа, предприятиям позволялось реализовать на свободном рынке.

Как показывает история отдельных предприятий в годы горбачевских реформ, хорошо смотревшиеся на бумаге типы хозяйственных связей и трудовых отношений в реальности не сработали. Хотя предприятия получили возможность выбирать партнеров, необходимая инфраструктура для внедрения рыночных отношений в виде банков, фондов, посреднических организаций, товарно-сырьевых бирж и прочих учреждений отсутствовала. К вхождению в рынок советские предприятия-гиганты были абсолютно не готовы. Началась борьба за получение госзаказа всеми доступными средствами, превращающая огромное число неэффективно работающих предприятий в тяжелую обузу для и без того ставшим убыточным госбюджета, подорванным антиалкогольной кампанией, чернобыльской катастрофой и падением мировых цен на нефть. Новыми возможностями заводы тоже воспользовались весьма своеобразно: они повышали цены на свою продукцию и прекращали выпуск дешевой и нужной продукции, способствуя нагнетанию дефицитов и совершенно не стремясь к повышению производительности труда и удовлетворению спроса. Легко получая на этой основе большую прибыль, предприятия получали больше возможностей делать отчисления в фонд материального поощрения. Зарботная плата стала ощутимо расти, способствуя скрытой инфляции. Напор денежной массы возрос и привел к буквальному расхватыванию в магазинах всех товаров подряд. В советской хозяйственной системе возникли огромные дисбалансы. Ситуация ухудшалась буквально с каждым месяцем. Дисциплина на производстве стремительно падала. Происходила бесконечная череда собраний по выдвижению, выборам руководителей предприятий на альтернативной основе, где избрание на пост отнюдь не определялось интересами производства, а стремлением выбрать «хорошего человека». Людей больше заботили дефициты и очереди, где теперь проходила значительная часть рабочего времени.

Углубление рыночных реформ пошло по линии кооперативной деятельности. С 1988 г. кооперативы можно было создавать практически везде, в том числе и на базе государственных

предприятий. Их создание также упиралось в отсутствие рыночной инфраструктуры, государственную монополию на сырье и ресурсы, в чиновничий произвол и коррупцию. Но если для производственной деятельности эти препятствия были практически непреодолимы, то в торговле и сфере обслуживания дело пошло проще. «Кооператоры» довольно быстро сориентировались в ситуации, открывая множество ларьков, лавочек, кафе, ресторанов, скупая дешевые государственные товары и перепродавая их по высоким ценам, в то время как государственные товары исчезали один за другим, перемещаясь на базы, подвалы, «подсобки» и прочие закрытые для рядовых покупателей места. Несмотря на заградительные цены, спасительная роль рынка становилась все более очевидной. Граждане вынуждены были все больше «отовариваться» на «колхозных рынках» у спекулянтов, «челноков», у нечистых на руку государственных торговых работников, которые действовали почти в открытую, не боясь никаких наказаний.

В сентябре 1989 г. 1-я сессия вновь избранного Верховного Совета СССР приняла закон о прогрессивном налогообложении фонда оплаты труда, известный как «Закон о замораживании заработной платы», который фактически торпедировал все прежние мероприятия в области стимулирования труда на производстве. Возможностей для плавного вхождения экономики в рыночные отношения оставалось все меньше и меньше. К тому же развитие демократии и гласности, отмена цензуры вела к тому, что весь советский опыт подвергался беспощадной критике. Никаких успехов и достижений за ним уже не признавалось. Прибавились экономические противоречия между республиками, регионами, национальные конфликты, разрывающие налаженные производственные связи. Многие экономисты склонялись к тому, что советская система не реформируема в принципе и только радикальный переход к рыночной системе западного типа — «шоковая терапия» может спасти положение.

Есть точка зрения, что в событиях 1990–91 гг., приведших к концу советского социализма, роль рабочих оказалась весьма существенной, а по мнению ряда авторов, решающей. Под влиянием ухудшения материального положения и роста социальной и политической напряженности в стране происходили бурные митинги, ширилось забастовочное движение, которое наряду с экономическими требованиями (повышения заработной платы, улучшения снабжения и др.) выдвигало уже политические лозунги: смена системы власти, введение многопартийности и др. Бастующие требовали восстановления частной собственности и запрещения КПСС. Следует обратить внимание, что подобные

лозунги наиболее отчетливо звучали в так называемых «депрессивных районах», связанных с угольной отраслью, и, надо сказать, искусно использовались определенными политическими силами. Недовольство ситуацией и брожение в коллективах в годы горбачевской перестройки отчетливо видны на примере заводов «Серп и Молот» и АвтоВАЗ. Но в наибольшей степени, пожалуй, прослеживается усиливающаяся апатия и неверие в реформы, связанные с совершенствованием социалистических отношений, к которым призывал М.С. Горбачев. Те же настроения, как представляется, преобладали на большинстве предприятий СССР, и в силу этого **к смене общественного строя в стране рабочие в массе своей отнеслись равнодушно.** Это означало, что они по существу отказали в поддержке советскому режиму и партии, выступавшей от имени рабочего класса.

Х

Переход к шоковой терапии в постсоветских условиях вызвал обрушение сложившегося порядка вещей. Что же оказалось «в осадке» от продолжительных социалистических экспериментов в области труда и как они влияют на современную ситуацию в России, на жизнь отдельных трудовых коллективов? Изучение стимулов к работе на ряде предприятий говорит, что советский опыт, вопреки нынешним представлениям о нем, не прошел бесследно. Он оказывает не только негативное, но и позитивное воздействие на выработку политики в области трудовых отношений. Они приводятся в действие, если предприятие освобождается от чрезмерной централизованной опеки, от сковывающих пут административного планирования и от запуска реальных, а не фиктивных рыночных механизмов. Тот факт, что рабочие упорно держатся за то, что делалось при советской власти, а руководство предприятий вынуждено идти навстречу этому стремлению, говорит о том, что многое здесь заслуживает внимания и использования. К сожалению, этот вопрос затуманен многими мифами, порожденными нынешней российской ситуацией. Среди них миф о благотворительной роли частной собственности, которая, дескать, в наибольшей степени соответствует интересам как собственников, так и наемных работников. Миф о том, что только усилиями владельцев капитала могут быть обеспечены нормальные условия труда и жизни, эффективность производства. На самом деле работники на практике довольно равнодушны к формам собственности. Для них главное, чтобы **находили удовлетворение их потребности и инте-**

рессы. Очевидно, что в этой связи задачи предприятия сводятся не только к извлечению максимальной выгоды из производства, но и выполнению определенных социальных функций и предоставлению гарантий работникам. В то же время советский опыт говорит о том, что они тоже должны быть поставлены в зависимость от результатов и эффективности трудовых усилий. В частности, современная история завода «Серп и Молот» лучше всего показывает, что оказалось в советском опыте приемлемым для рабочих, а что не выдержало проверки. Справедливое материальное вознаграждение за труд, дополненное другими способами его стимулирования, может принести удовлетворение работникам, но ставка на моральное побуждение, тем более подчиненное эфемерным идеологическим задачам, не даст в конечном счете ни экономического, ни политического эффекта. Именно поэтому социалистическое соревнование, вокруг организации которого было столько суетни и напрасных усилий, не оправдало себя. Поскольку у работника и работодателя разные интересы, то в целях производства не исключается использование методов принуждения как экономического, так и административного свойства, способствующих соблюдению правил и порядка, трудовой дисциплины, но важно найти оптимальное сочетание различных способов мотивации труда. Одностороннее выпячивание той или иной группы стимулов нарушает баланс интересов. И здесь нет иного пути, кроме осуществления договорной практики, которая должна иметь не формальный, а реальный характер. Работодатель должен обеспечивать приемлемые условия труда, задача работника состоит в том, чтобы эти условия были выполнены. К сожалению, эти функции в советское время были присвоены государством, но с возвращением капиталистических порядков работникам предстоит снова учиться защищать свои интересы. Дебаты, связанные с принятием Государственной думой России в 2000–2001 гг. нового Трудового кодекса взамен принятого еще в советское время, показывают остроту данной проблемы. Левая печать расценила его как наступление на достигнутые права и завоевания рабочего класса. Однако подобный взгляд вряд ли следует признать полностью оправданным, так как, хочешь-не хочешь, надо приводить трудовые отношения в соответствие с теми изменениями, которые произошли в стране после падения советского строя, и их сегодня уже нельзя игнорировать. Это не значит, что все гладко в современном трудовом законодательстве: его направленность очевидна, но ясно, что оно будет действовать в ближайшие годы и изменить его можно только под давлением объективных обстоятельств.

На примере истории предприятий наглядно видно, как с течением времени менялось отношение к индустриальному труду, причем на разных этапах истории наблюдалось любопытное сочетание методов материального стимулирования, принуждения, апелляции к сознательности и долгу. С момента своего основания многие заводы и фабрики отличались далеко не в лучшую сторону по привлекательности труда. Но существование безработицы и жесткие условия рынка не создавали их владельцам особых проблем с рабочей силой и позволяли обеспечивать ею даже самые непривлекательные, тяжелые и грязные участки работы, не требующие особой квалификации. В советский период привлечение к индустриальному труду больших масс населения из деревни на какое-то время могло стать побудительным стимулом для работы на таких предприятиях как способ приобщения и адаптации людей к городской жизни и культуре, но, как показывает опыт, они не могли стать долговременной и надежной мотивацией труда. Поэтому судьба многих предприятий сегодня во многом зависит от того, насколько успешно будут преодолеваются тяжесть и опасность работы, внедряются новые современные технологии, освобождающие работника от наиболее непривлекательных рутинных операций, насколько сохраняют свой творческий характер отдельные группы ведущих профессий и специальностей, каким образом будут вознаграждаться инициативы, направленные на совершенствование производственного процесса. Изучение советского опыта помогает понять, при каких условиях могут быть достижения в этом направлении.

Не может вызвать удовлетворения и отношение к данной проблеме в современной России. Разумеется, сохраняется тот пласт литературы, который создается по советским или марксистским лекалам, есть приверженцы традиционного классового или, как его еще называют, фундаментального подхода к рабочей истории среди коммунистов, черпающих свою идеологию в прошлом и утверждающих, что именно они стоят на защите интересов людей труда. Но первый и естественный вопрос, который в этой связи возникает, есть ли в современной России рабочий класс в его марксистском понимании и на кого опирается их политика? Приходится констатировать, что такого класса в результате изменений, происшедших еще в советское время, уже не существует. Сложилась определенная группы-корпорации работников, объединенные в трудовые коллективы, которые в результате смены общественного строя переживали бурный процесс переделки или люмпенизации. Вместе с тем идет процесс образования новых классов, основания которого далеко не ясны и требуют своего изучения и осмысления,

как и анализ того, какое место будет в принадлежать в новом российском обществе работникам наемного труда. Как свидетельствуют данные о выборах в центральные и местные органы власти, коммунисты особой популярностью среди них не пользуются. Причина этого лежит не в развернутых против них кампаниях, как они утверждают, а во многом коренится в той памяти, которая осталась от советского социализма и передается через эстафету поколений. Поэтому вряд ли обречены на успех попытки полностью реабилитировать советское прошлое, равно и представить его как последовательность упущенных и нереализованных возможностей, основываясь на принципах фундаментального классового подхода.

Поворот к капитализму в современной России обозначил рост интереса к истории российского бизнеса и предпринимательства, банковского дела, деятельности российских капиталистов, финансистов и реформаторов, которые раньше в советской литературе однозначно выставлялись в качестве главных врагов рабочего класса. Разумеется, без внимания к этой стороне дела в изучении труда не обойтись. К сожалению, как бывало и раньше, обозначился явный перебор. Если раньше в противостоянии труда и капитала ученым предписывалось быть на стороне первого, то теперь главным двигателем истории объявляется не труд, а капитал, а также классы и группы, стоявшие на страже его интересов. Рабочие, если о них вообще заходит речь, выступают теперь в качестве объекта не эксплуатации, а всяческой заботы и покровительства со стороны предпринимателей и организаторов производства. Такой подход ведет к искажению реальной картины трудовых отношений и не дает ключа к пониманию и объяснению тех социальных катаклизмов, которые произошли в отечественной истории XX в.

Не вызывают восторга и те исследования, которые концентрируют свое внимание только на негативных сторонах прошлого, связанных с революцией в России, индустриализацией страны, Второй мировой войной, и построение на этой основе гулаговской версии советской истории. Это история не только самого ГУЛАГа, но и распространение его как символа принуждения и насилия на всю сферу трудовых отношений в советское время. Односторонность такого подхода тоже очевидна. Подобная «скособоченная» история фактически игнорирует многие стороны жизни людей, в том числе рабочих, которые постепенно под влиянием происшедших в обществе трансформаций составили большинство в населении страны.

Исследование труда как основополагающей общественной ценности, равно как и отношений собственности, рынка, капиталов,

предпринимательской деятельности в качестве двигателей истории будет всегда привлекать внимание ученых России. Одновременно в современных условиях формулируется и более широкое понимание труда, происходит размывание и сближение различных его видов и разновидностей, а это ведет к тому, что и прежняя рабочая история становится все более объемной и многомерной. Объектом исследования становятся не только индустриальный труд как специфическая ее черта до недавнего времени, но также работа в сельском хозяйстве, в других отраслях экономики, труд управленческий, организаторский, умственный, игравшие постоянно возрастающую роль в новейшей истории. Не меньшее значение приобретает исследование ситуации «вокруг труда», семьи, домашнего хозяйства и других постоянных составляющих повседневной жизни. Можно с уверенностью сказать, что последовательное и настойчивое продвижение по этому пути может стать гарантией преодоления кризиса истории рабочего класса, вызванного крушением советского социализма.

¹ Проект осуществлялся при содействии Международного института социальной истории (Амстердам) и финансовой поддержке фонда «*Nederlandse Organisatie voor Wetenschappelijk Onderzoek*». Автор выражает благодарность им, а также всем участникам проекта.

² Более подробно о советской историографии рабочего класса см.: *Соколов А.К.* Перспективы рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4—5.

³ См. например: *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки положения народного большинства. Том 1. Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. М., 2000; *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. 2-изд. Испр. и доп. М., 2003.

⁴ *Tilly Charles and Chris.* Work under Capitalism. Oxford, 1998.

⁵ *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца» Стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот». 1883—2001. М., 2005.

⁶ *С.В. Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма: Повседневность и проблемы мотивации труда на советском предприятии (на примере Московского Электrozавода. 1928—1938)». М. 2004.

⁷ *Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Зезина М.Р., Соколов А.К.* АВТОВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода. 1966—2003. Тольятти, 2005.

⁸ Из публикаций на эту тему см. продолжающуюся серию издания документов из архива ФСБ: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). К настоящему времени вышло 6 томов. См. также: Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М., 1998; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929 гг. СПб., 2000.

⁹ Более подробно о жизни рабочих в этот период см.: *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—30-е годы. СПб., 1999;

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан. 1917–1932 гг. М., 1998.

¹⁰ *Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization, Berkeley, 1995.*

¹¹ Из многочисленных публикаций на эту тему наибольшее значение в этом аспекте имеет документальный сборник: ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960. М., 2000, а также готовящаяся к выходу свет 6-томная серия документов по истории ГУЛАГа. Отчасти этот вопрос также затрагивался нами. См.: *Соколов А.К. Принуждение к труду на советских предприятиях и его кризис. Конец 1930-х – середина 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2003.*

Л.П. Колодникова

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 20-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ «ЛУБЯНКИ»

В статье рассматривается огромный документальный пласт архивов «силовых» органов, являющихся наиболее репрезентативным источником советской истории XX века, предназначенных для объективного информирования высших эшелонов власти страны, прежде всего раскрывающих сложные взаимоотношения власти и общества. Особое внимание автор уделяет характерным чертам советского варианта империи, формированию информационного механизма построения внесудебных и секретных органов. В том числе механизма репрессий.

Ключевые слова: история, власть, империя, монархия, информация, секретные источники, структура «силовых органов», рабочие, крестьяне, интеллигенция, национальные окраины.

1. ВАЖНЕЙШАЯ ЧЕРТА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России происходит активный процесс **введения в научный оборот ранее совершенно секретных источников бывшего СССР**. Этот факт рассматривается учеными как важнейшая черта историографического процесса двух последних десятилетий и залог дальнейшего углубления исторических исследований. В отечественной историографии уже стал привычным термин «архивная революция». Причем рассекреченные документы бывших советских архивов оказывают влияние на совершенно разные отрасли знания, в том числе и на изучение правовых норм в развитии СССР в 20-е годы XX вв.

В данном конкретном случае имеется в виду прежде всего огромный документальный пласт архивов Лубянки, в том числе и личный фонд ее руководителя Феликса Дзержинского. Документы этой властной структуры советского времени, а в данном случае

я веду речь о 1920-х годах, рассматриваются отечественной историографией, а также многими зарубежными исследователями, как **наиболее репрезентативный источник советской истории XX столетия**. Важность и специфика этих документов в том, что они предназначались для объективного информирования высших эшелонов власти страны о том, что на самом деле происходило в стране. Это документы поистине энциклопедического содержания.

Таким образом, мы можем констатировать факт пересмотра приоритетов структуры источниковой базы исследований в современной России, что существенно влияет на развитие методологии источниковедения в целом, стимулирует разработку проблем аутентичности источников, обеспечивает переоценку их роли. Такие источники особенно важны с точки зрения исследования **ключевой проблемы XX столетия – взаимоотношения власти и общества**.

2. ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ – ЦЕННЫЙ РЕСУРС ДЛЯ БУДУЩЕГО

Следующая проблема, на которой позвольте сосредоточить ваше внимание. В начавшемся XXI столетии слово «империя» **все чаще звучит при обсуждении прошлого России, ее текущих проблем и ее будущего**. Одни исследователи обозначают современное состояние России как «после империи», другие говорят об «имперских парадигмах», из которых России не вырваться, третьи – о руинах империи, на которых приходится строить новую Россию, иные рассуждают о том, какую империю России следует построить в будущем.

В последние годы историки все больше внимания уделяют понятию **имперской власти**. Оно шире и гибче, чем понятие «империя» и охватывает многообразные приемы неравных отношений имперского центра и периферийных политий¹, будь то с формальным включением в империю или с сохранением «государственной независимости».

В современной российской историографии империя предстает как меняющаяся форма со сложным и противоречивым содержанием и наследием. Имперская роль России также не фиксирует сама по себе ее роли «виноватого» или «благотетеля» в отношениях с соседями.

Когда мы говорим о наследии империи в современной России и о том, как оно влияет на будущее нашей страны, то представляется необходимым прежде всего определить, где, в каких сферах жизни мы сталкиваемся и в историческом ракурсе, и с точки

зрения современности с институтами, социальными структурами и процессами, с мыслительными привычками и стереотипами или устойчивыми элементами идентичности, унаследованными от империи. Кроме того, важно определить также, что из этого имперского наследия является «Русью уходящей», а что представляет собой устойчивую проблему, имея в виду, что наследие империи не только бремя, но и важнейший ценный ресурс, которым можно умело воспользоваться во благо будущего развития государства.

3. ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Следующая проблема. Мне представляется, что мы еще не в полной мере исследовали в целом проблему феномена России в XX столетии. История доказала, что самодержавная Россия в формате всемирной истории состоялась именно как империя, пройдя великий путь, создав беспрецедентное образование — Евразийское государство, объединив две ветви развития человеческой цивилизации, заложив в основу идеологии государства — православие — стержень терпимости.

В конце XIX века в России, казалось бы, ничто не угрожало династии: страна развивалась, не было необходимости ни в чужих, ни в новых рынках сбыта, ни в колониях. В стране, как говорилось, «всего было не меряно, толком не изучено и не сосчитано». Демографическая ситуация была блестящая. К концу XIX века в стране проживало свыше 180 млн граждан². Опору государства составляли 30–40-летние люди, уже рожденные свободными, не крепостными. Была создана система образования. Международное положение страны представлялось стабильным. В мире не было такой огромной, величественной страны, которая бы смогла сплотить бесчисленное многообразие культур, традиций и народов, совершенно не похожих друг на друга.

Территория Российской империи в 1914 году делилась на 81 губернию и 20 областей; насчитывался 931 город³. Часть губерний и областей была объединена в генерал-губернаторства⁴. Все население считалось подданными Российской империи, мужское население (от 20 лет) присягало на верность императору. Подданные Российской империи делились на 4 сословия («состояния»): дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Местное население Казахстана, Сибири и ряда других районов выделялось в самостоятельное «состояние» (инородцы). На территории России проживало свыше 100 народов. Российская империя была наследственной монархией во главе с императором, обладавшим

самодержавной властью. Члены его семьи и родственники составляли императорскую фамилию.

Однако террор, не имевший в России ни общественных корней, ни общественной поддержки, все же оказался достаточно многочисленным и фанатичным и дотянулся до самого верха власти в империи, в конечном счете сокрушив ее основы. В стране начались масштабные социальные эксперименты, включившие три революции и три изнурительные войны. Их политическими, военными и экономическими последствиями явились разрушение основ Российской империи с ее самодержавной и православной составляющими; резкое падение промышленного и сельскохозяйственного производства; утрата многих памятников культуры и самое главное – огромные людские потери. После Февральской революции 1917 года самодержавие было свергнуто, а Россия с 1 сентября 1917 г. провозглашена Временным Правительством Республикой. После свержения Временного Правительства в октябре 1917 года на большей части территории бывшей Российской империи была установлена власть Советов. Постепенно возникли советские республики, объединившиеся в 1922 г. в Советский Союз (СССР).

По мнению одних историков, к середине 1930-х годов в СССР завершилось формирование административно-командной системы, важнейшими чертами которой были: централизация системы управления экономикой, сращивание политического управления с экономическим, усиление авторитарных начал в руководстве общественно-политической жизнью; другие ученые считают эту систему революционно-тоталитарной, подчеркивая соучастие народных масс во всех происходивших процессах. Сужение демократических свобод и прав граждан и общественных институтов сопровождалось ростом и укреплением культа личности И.В. Сталина. Многие отечественные и зарубежные историки считают возможным говорить о том, что в 1930-е годы в СССР сформировалась советская командная система, которая до сих пор остается наиболее сложной структурой, когда-либо созданной, а методы и принципы управления в этой системе долгое время удерживались втайне от общественности. В целом же реальные процессы функционирования административно-командной экономики были весьма сложными и остаются до сих пор недостаточно осмысленными.

В современной историографии утверждается, что родоначальником советского варианта империи можно считать Сталина. Ему принадлежит как общий территориальный дизайн с установлением ранжированного ряда этносов и соответствующих им

национально-территориальных образований разного уровня, зафиксированный «сталинской» Конституцией 1936 года, так и базовые принципы функционирования: сопряжение этнического и территориального; горизонтальные ротации управленцев, множественность конкурирующих между собой управленческих вертикалей и др. При Сталине границы СССР максимально приблизились к прежним очертаниям границ империи Романовых (за некоторыми исключениями в виде Польши и Финляндии в минус, Калининградской области, Сахалина и ряда более мелких территорий в плюс). Сталин существенно расширил арсенал имперской политики, широко практикуя объединение разнородных этносов в национально-территориальные образования и лишение «почвы» — насильственное перемешивание по территории, переселение целых народов с окраин вглубь территории. Провозглашенная после Октябрьской революции Российская Федерация была федерацией скорее народов, чем территорий. Об этом, в частности, свидетельствуют и нормы представительства в советском парламенте, верхняя палата которого представляла собой не столько палату регионов, сколько народов, ранжированных по статусам⁵. В экономической политике большевистское руководство проводило линию на полное уничтожение частной собственности, планировалось постепенное обобществление производства и создание централизованного управления экономикой, национализировались банки, железнодорожный транспорт, средства связи.

В феврале 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял «Основной закон о социализации земли», по которому началась реализация «Декрета о земле». Крестьяне должны были безвозмездно получить 150 млн десятин земли, одновременно освобождаясь от задолженности банкам и от платежей за аренду. Однако объявленная «народной» «общественная» собственность таковой не являлась, ею управляла новая советская номенклатура, постепенно превращавшаяся в привилегированный класс СССР. Лозунги «фабрики — рабочим», «земля — крестьянам» оказались социальной демагогией.

Историкам еще предстоит, не морализируя, попытаться понять мотивы функционирования феномена советского общества и, в конечном счете его разрушения.

4. ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕХАНИЗМА ПОЛУЧЕНИЯ СОВЕТСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТ ОРГАНОВ «ЛУБЯНКИ» ИНФОРМАЦИИ, ИМЕВШЕЙ СТАТУС «ГОСУДАРСТВЕННОЙ

Следующую проблему я определила бы как важность получения высшими структурами советской власти информации о положении в стране. С чем это было связано и почему мы говорим о важности информационного обеспечения деятельности власти в стране. В советской литературе долгое время существовал миф о том, что в стране строился самый справедливый в мире строй — без частной собственности и эксплуатации людей. Действительно, если мы обратимся к статьям принятой советской Конституции, то она формально провозглашала права граждан Страны Советов. Однако на деле провозглашение вовсе не означало гарантий. А потому люди в Стране Советов протестовали, в стране происходили восстания, заводы были охвачены забастовками, интеллигенция создавала подпольные группы и организации, в Средней Азии и на Кавказе бандитизм принимал угрожающие масштабы.

И здесь я выскажу мысль о том, что причины репрессий, которые были обрушены на народ высшим партийно-государственным руководством СССР во главе со Сталиным, главным образом имели одну цель — удержать страну и народ в повиновении. Очевидно, другого способа сделать это в те годы не оказалось. Применение механизма репрессий было противозаконно, так как он применялся во внесудебных органах. Такое право внесудебной расправы было предоставлено главному органу «Лубянки», а именно — Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Позднее она получила название — ОГПУ и НКВД. Это право дано было осуществлять высшему коллективному органу — Коллегии (Президиум) ВЧК в Центре (в Москве) и коллегиям губернских ЧК на местах. Коллегии ВЧК и ГубЧК проводили специальные судебные заседания и выносили приговоры — от самых незначительных наказаний и вплоть до высылки, заключений в концлагерь и расстрелов. В 1923 году правом вынесения приговоров обладали Коллегии и — с 1924 года — Особое совещание (ОСО) при Коллегии ОГПУ, однако приговаривать к расстрелу имела право только Коллегии ОГПУ. На заседаниях Коллегии рассматривались дела, находившиеся в производстве как в Центральном аппарате ОГПУ, так и местных органах (полномочные представительства) ОГПУ. При этом следствие велось на местах. В Москву, за редким исключением, арестованных не этапировали, а направляли лишь их след-

ственные дела с предложениями о мерах наказания. В Москве дело рассматривалось в отделах Центрального аппарата и либо ставилось с рекомендацией отдела на заседание Коллегии для вынесения окончательного решения, либо отсылалось обратно в местный орган (с рекомендацией о доследовании, прекращении, передаче дела в суд или прокуратуру). Представители защиты не имели права принимать участие в рассмотрении дела. Заседания, формально делившиеся на распорядительные и судебные, сводились к ознакомлению с заранее подготовленными протоколами, краткому их обсуждению и подписанию. За несколько часов заседания выносилось 30—50, а иногда и более приговоров. В судебных заседаниях участвовала не вся Коллегия, а специально выделенная для этого группа — обычно не более трех человек. Другое обстоятельство, понуждавшее отправлять дела не в общие суды, а в собственные судебные органы ОГПУ — это слабая доказанность обвинений, явная во многих случаях их сфальсифицированность, откровенные нарушения требований Уголовно-процессуального кодекса. В общих судах и трибуналах 1920 — начала 30-х гг. вероятность того, что дело вернут на доследование или даже вовсе его прекратят после рассмотрения на Коллегии или в ОСО, практически равнялась нулю.

Следует отметить, что с годами функциональное и содержательное значение информации как инструмента социального управления подразумевало выполнение специфических функций ОГПУ при Правительстве СССР. Его аппараты на местах действовали как часть системы исполнительно-распорядительных органов СССР и союзных республик. Концентрация информативных данных в ВЧК—ОГПУ в рамках предоставляемой им компетенции постепенно привела к образованию довольно стройной и регулярно совершенствуемой системы информационного обеспечения, а также к выработке форм ее предоставления в высшие государственные инстанции, то есть к постановке государственной информации, как одному из важных направлений деятельности органов безопасности.

С точки зрения права, сам эксперимент по получению информации, практически не имевшей границ, безусловно, еще нуждается в серьезном исследовании. Документы Лубянки свидетельствуют, что из всех уголков необъятной страны, наследницы Императорской России, начавшей эксперимент по строительству социализма, стекались в центр огромные потоки важнейшей оперативной информации с мест, и каждый день на стол руководства страны ложились сводки событий, показывающие истинное положение в стране. Эту работу осуществляла гигантская сеть чрез-

вычайных территориальных комиссий, накрывшая всю огромную страну. Ни о какой правовой составляющей сбора информации не могла вообще идти речь. Здесь было только одно правило — нельзя было подавать наверх, во власть искаженную информацию. За это репрессировали.

Что же представлял собой информационный механизм Лубянки? В декабре 1921 г. в составе Секретно-оперативного управления был создан Информационный отдел — сокращенно ИНФО, задачей которого стало ведение и систематическая обработка материалов, полученных в виде сводок с мест о политическом и экономическом положении СССР⁶. ИНФО включал следующие структурные подразделения: секретариат, литературное отделение, бюро печати, отделение обработки материалов и отделение военной цензуры. Но к 1922 г. их названия стали отражать тенденцию к большей конкретизации материалов внутри отдела по видам и назначению информации, а именно — государственная, ведомственная, по прессе для инстанций, для руководства ВЧК и т.д. Военная цензура не была включена в новые штаты отдела, а заняла самостоятельное место в ведомстве Лубянки. В конечном счете были созданы три отделения информации: государственной, секретной и иностранной. Иностранная информация готовилась на базе двух бюро — рессы и обработки материалов.

7 февраля 1922 г. была утверждена инструкция ИНФО о госинформации и перечень вопросов, подлежащих освещению в госинфсводках. В 1922 г. Информационный отдел определился с основными видами информационных документов⁷. Появились специальные сводки, направлявшиеся в 30—40 адресов; они назывались — спецполитсводка, продовольственная сводка, промышленная сводка, земельная сводка, финансовая сводка, кооперативная сводка и церковная сводка. Эту сводку готовило 6-е отделение Секретного отдела Государственного Политического управления. Работая с архивами Лубянки, параллельно в фонде известного советского партийного функционера Льва Борисовича Каменева, удалось найти шифровки периода Генуэзской конференции. Одна из шифровок Георгия Васильевича Чичерина в Наркоминдел была следующего содержания: «Пиццадо помощник Гаспарри от имени Папы просит освободить Тихона, кстати, предлагает купить изъятые из церквей предметы культа и оставить их как /пропуск 1 группы/ у епископа Цеплека, а деньги немедленно вручат нам. Это соблазнительно, но передача православных церковных предметов католикам вызовет бурю в России». Далее информировалось, что Литвинов [сообщает также] о том, что никакого соглашения с Ватиканом не заключали⁸. И дата — 20.5.1922 г.»

Проведенный мною выборочный анализ только пространственной информации, полученной аналитиками информационного отдела Лубянки лишь за один 1929 год, названный Сталиным великим и переломным, свидетельствует, что информация была собрана работниками Лубянки в 2 (двух) тысячах 300 (трехстах) административных единицах, находившихся в их поле зрения. В числе этих административных единиц было 9 союзных республик, 11 автономных, 9 крупных административных единиц, 26 областей, 220 округов, 16 губерний, 537 сел, 532 района, множество станиц, хуторов, сел, деревень, поселков. Чекистская сеть только в 1929 году информировала о том, что происходило в 18 кантонах, 7 аймаках, 56 аулах, 25 кишлаках, а также на 300-х отдельных административных участках, многочисленных станциях, станицах, а также в таких специфических административных единицах, как тумены, теми, сомоны, оазисы.

Позднее Информационный отдел совместно с Секретным отделом Лубянки начали готовить, уже помимо сводок, носивших преимущественно информационный характер, объемные в 150—200 страниц, иногда и более, информационно-аналитические Обзоры внутреннего политического положения в СССР. В них, по замыслу составителей, сразу же были определены, ставшие позднее традиционными, основные рубрики, в соответствии с которыми, хотя и с некоторыми корректировками, строились и все последующие обзоры. Первой всегда шла рубрика «Рабочие», затем «Крестьяне», затем «Восточные национальные республики», затем «Армия», «Бандитизм», «Антисоветские организации», «Интеллигенция» и «Эмиграция».

Нельзя не сказать и о феномене двух потоков советской информации — один поток объективной информации и другой — чисто пропагандистский, рассчитанный на широкие круги общества. Если в информации, поступавшей от ОГПУ, преобладали негативные сведения, объективно отражавшие неблагоприятное положение в городе, деревне, в национальных окраинах, то в официальной советской информации содержались преимущественно только позитивные факты, свидетельствовавшие о достижениях в области социалистических преобразований, призванные влиять на настроения и поведение широких масс населения. Именно эти два, разительно отличавшиеся друг от друга потока информации, нуждаются сегодня в углубленном изучении, анализе и сопоставлении. Это особенно важно и с той точки зрения, что главным образом только на пропагандистской информации формировалась официальная концепция истории России советского периода, доказывавшая успешное и бескризисное строительство социализма.

5. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЦЕЛОМ ТЩАТЕЛЬНО ПРОСВЕЧИВАЛОСЬ ПО ВСЕМ ГРАДАЦИЯМ И ВСЕМ ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИМ

Важной темой информации Лубянки становились люди труда — **рабочие и крестьяне**, бывшие подданные империи — участники грандиозного эксперимента по строительству нового общества. Рассекреченные документы Лубянки свидетельствуют, что советское общество буквально как рентгеном просвечивалось в целом по всем его градациям и всем его составляющим.

Возьмем так называемую **рабочую проблему в 1920-е годы**. Как известно, в сфере трудового права существовал трудовой договор между сторонами. Юридическое толкование правовых норм являлось обязательным условием реализации трудового договора. В октябре 1922 г. в рамках нового КЗоТа предусматривалось изменение системы коллективных договоров. В них вводились коэффициенты и процентные добавки за тяжелые условия труда, за более высокую квалификацию, дифференцированные по отдельным отраслям производства. Отдел нормирования труда ВЦСПС устанавливал разряды, которые расценочные комиссии заводоуправлений могли видоизменять. Ввиду сложностей индивидуального определения коэффициентов в 1926 г. VII съезд профсоюзов заменил универсальную сетку отдельными 8-разрядными сетками по отраслям промышленности и экономики, выделяя при этом учеников, рабочих, служащих, административный и технический персонал. Последние две группы были переведены в 1927–1928 гг. на твердые оклады в соответствии с занимаемой должностью. Но это изменение не привело к возникновению новых стимулов для повышения квалификации. Рабочий больше приобретал от перехода на другую более оплачиваемую работу, чем от повышения квалификации. Это было следствием глубоких различий в оплате труда между отдельными отраслями. В целом же рассекреченные документы информационной службы Лубянки свидетельствуют о повсеместном нарушении администраций заводов и фабрик всего правового комплекса норм. И как следствие этого, страну захлестнула волна забастовок и стачек, вплоть до многодневных и многочисленных.

Только в 1927 году, по проведенным мною подсчетам, практически 500 предприятий (а их в то время было чуть более тысячи по всей огромной стране), которые упоминаются в документах Лубянки за этот год, были охвачены волнениями и забастовками,

а снижение заработной платы рабочих на предприятиях доходило до 25 и даже 50%. Среди бастовавших особенно выделялись такие отряды рабочих, как металлисты, транспортники, горняки, текстильщики. Только в январе 1927 г. волна конфликтов прокатилась по 23-м металлургическим заводам страны. Рабочие остро реагировали на ущемление их прав, ухудшение материального положения, массовую безработицу. В 1929 г. СССР окончательно перешел на карточную систему. Национальным бедствием в СССР стала безработица.

Что касается **деревни**, то в рассматриваемый исторический отрезок времени чрезвычайно сильным стало ее **разделение на три основные группы**: 23% составляли середняки, 63% – маломощные крестьяне, зажиточная группа составляла 14% населения. Индустриальный рывок тяжело отразился на положении крестьянских хозяйств. Чрезмерное налоговое обложение возбуждало недовольство сельского населения. Непомерно увеличивались цены на промышленные товары. Одновременно искусственно занижались государственные закупочные цены на хлеб. В результате резко сократились поставки зерна государству. Это вызвало осложнения с хлебозаготовками и глубокий хлебный кризис. Запрещалась свободная рыночная торговля зерном. При отказе продавать хлеб по твердым ценам крестьяне подлежали уголовной ответственности, местные Советы могли конфисковать часть их имущества. Особые «оперуполномоченные» и «рабочие отряды» изымали не только излишки, но и необходимый для крестьянской семьи хлеб. Эти действия привели к обострению отношений между государством и сельским населением, которое значительно стало сокращать посевные площади.

Кризис заготовительной кампании 1927/28 гг. и тенденция части работников аппарата ЦК ВКП(б) к централизованному, административно-командному руководству всеми отраслями экономики ускорили переход к всеобщей коллективизации.

Массовый голод, заболеваемость, рост смертности, бездействие властей, обязанных помогать населению, обостряли классовую борьбу в деревне между кулачеством и беднотой, росла политическая активность во всех слоях деревни, наблюдался рост антисоветских настроений, «отход бедноты от советской власти». Усиливались антиналоговые выступления крестьянства, крестьяне требовали своей партии, своего крестьянского союза. Как признавал Сталин и другие лидеры, опасность была в крестьянском восстании, то есть в потере социальной базы в деревне, в новой гражданской войне. Поэтому власть вынуждена была реагировать на эти факты, нередко прибегая к насильственным методам

военно-коммунистического типа: арестам наиболее активных крестьян, конфискации имущества, отказам в отсрочке выплат налогов, в кредитовании — и в конечном счете начала политику насильственной коллективизации.

Говоря о положении крестьянства в рассматриваемый период, их протестных выступлениях и недовольствах политикой, следует иметь в виду, что именно крестьянство было поражено таким страшным явлением периода новой власти, как голод. Эта тема в постсоветский период в российской историографии стала предметом особого внимания, однако еще предстоит, на наш взгляд, в специальных исследованиях выявить все, что связано с этой трагической страницей советской истории. Здесь я хотела бы обратить ваше внимание на следующий феномен. С одной стороны, в стране — голод, а с другой — документы свидетельствуют, что СССР — страна богатейших природных ресурсов. Для примера. Документы, посвященные рыбной путине на Дальнем Востоке в 1931-м году, свидетельствуют об огромнейших, богатейших запасах рыбы, крабов, икры. Только рыбными богатствами можно было прокормить множество людей. И другое богатство страны — это ее лес. Этот лес вырубается варварски миллионами кубометров. Цифры вырубок фантастические. И можно вспомнить, как советский посол в Швеции Александра Михайловна Коллонтай рассуждала о том, что лес — это практически золото и, соответственно, валюта на мировом рынке. Куда уходило и уплывало все это вырученное от продажи на мировых рынках российское богатство, сегодня можно только догадываться.

И еще две особенности жизни советского общества в рассматриваемый период. Первая — состояние национальных окраин огромной империи; и вторая особенность — вынужденный уход, высылка из страны в эмиграцию уцелевших после революции членов царского двора и видных деятелей бывшей российской политической элиты. Что касается первой особенности, то в документах Лубянки — вся палитра самых разнообразных данных о том, что на самом деле происходило в бывших окраинах огромной империи. Они охвачены резким обострением межэтнических, межнациональных отношений. Это характерно для всей Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Основными причинами национальной вражды между русскими и горцами становились вопросы землеустройства и национального состава советского аппарата. Документы свидетельствуют о стремлении узбекского населения к выделению из Киргизстана, об усилении клановой и родовой борьбы за власть в Чечне, обострении сословного антагонизма в Адыгее. На страницах документов ИНФО ОГПУ впервые открывается материал об

активной деятельности родоплеменных объединений в Семипалатинской, Актюбинской губерниях, в Таджикистане, Узбекистане, Чечне, Кашка-Даринской обл., Сыр-Дарьинской губернии и др. Внимание ОГПУ к восточным республикам, фиксация внимания на их потенциальной нелояльности, по оценке властей и информации ОГПУ, свидетельствовало о чрезвычайной озабоченности советского режима законностью своего пребывания на мусульманских приграничных территориях. Из документов можно узнать также о существовании в СССР буквально многих тысяч полугальных и подпольных организаций, деятельность которых была направлена против советской власти.

И наконец, документы ведомства Лубянки дают возможность констатировать факт тщетности русских, главным образом монархических, организаций создать за рубежом, в том числе с помощью других государств, механизм противодействия советской власти. Как мы знаем из документов, эмиграция в 1920-е годы прежде всего усилиями советских спецслужб того времени оказалась разделенной — на сторонников великого князя Николая Николаевича и великого князя Кирилла Владимировича. Многие ориентировались на великого князя Дмитрия Павловича и великую княгиню Марию Федоровну. Более того, различной становилась ориентация русской эмиграции — одних на Германию, других на Францию. Лубянке удалось уничтожить и основную военную составляющую русской монархической эмиграции — Русский Общевоинский Союз — РОВС. Вначале чекистами был отравлен П.Н. Врангель (1928), затем устранены два других руководителя РОВСа — А.П. Кутепов (1930) и Е.К. Миллер (1937).

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что общество в целом в рассматриваемый временной период переживало тяжелейший процесс приспособления к новой власти, новому укладу жизни, пытаясь, в свою очередь, как-то приспособить его «под себя». Разнообразие взглядов, позиций, надежд и разочарований, страшный пресс повседневности, надежды на лучшее и в то же время постоянное ощущение трагического — все это было характерно для 1920-х годов прошлого столетия.

Около двух десятилетий потребовалось России на то, чтобы сломать главные составляющие советской системы. Советский эксперимент завершился возвращением России к мировым цивилизационным нормам. Наступивший XXI век должен обозначить дальнейшие пути ее цивилизационного развития.

¹ (POLITY) – политическая организация того или иного общества. Полития может означать либо данное государство, всю совокупность граждан конкретной страны, либо совокупность институциональных форм и процессов, посредством которых осуществляется управление данной страной. Понятие политии может быть отнесено и к высокоорганизованной государственности, так и к весьма примитивному обществу, где едва обозначились контуры признанной политической власти. В широком смысле полития – другое наименование политической системы. Она часто фигурирует в дискуссиях о формах или типологиях политических систем, в особенности когда преследуется цель классифицировать политические системы в их целостности, а не конкретные институты, группы или политические подсистемы внутри того или иного общества.

² Статистика по переписи конца XIX в. По расчетам Д.И. Менделеева, Россия к концу XX столетия могла иметь население в 500 млн человек. Однако в 1929 г. численность населения СССР составляла по сравнению с концом XX в. – 154,2 млн чел., в том числе в городах – 27,6, в сельских районах – 126,6 млн.

³ В 1914 году под протекторат Российской империи был принят Урянхайский край (Тува).

⁴ Варшавское, Иркутское, Киевское, Московское, Приамурское, Степное, Туркестанское и Финляндское.

⁵ В постсоветское время от этого отходили постепенно, начиная с доминирования республик в верхней палате через проект 50:50 к формированию верхней палаты как органа представительства регионов.

⁶ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 157. Л. 70.

⁷ При подготовке пояснительной записки к штатам Информационного отдела ОГПУ 8 февраля 1924 г. подробным образом были расписаны функциональные задачи отделения по обработке сводок (бывшее отделение госинформации). Этот документ имеет существенное значение для исследователей, так как дает достаточно полное представление о требованиях к информационным материалам, а следовательно о полноте и достоверности документального источника (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6).

⁸ РГАСПИ. Ф. 323. Оп.2. Л.229. В фонде Ф.Э.Дзержинского (РГАСПИ. ф. 76. Оп. 3. Д. 48) сохранился его ответ с отказом на письмо члена Всероссийского Церковного собора Н.Д. Кузнецова. Речь шла о необходимости поездки делегации Русской Православной Церкви в Константинополь для встречи с Константинопольским Патриархом. Цель поездки – согласовать день празднования Пасхи в связи с изменениями советской властью общего календаря. Дзержинский пишет о враждебном отношении Церкви и Патриарха Тихона к советской власти, а потому такая поездка, по мнению Дзержинского, будет содействовать «планам англо-американских империалистов».

А.Н. Федоров

ХРОНИКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОСКВИЧА В 1917–1920 гг.: ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

В числе дискуссионных вопросов, связанных с изучением эпохи революции и Гражданской войны, не последнее место занимают вопросы условий жизни и труда рабочего класса. Долгое время историческая наука рассматривала все мероприятия власти в этой сфере «как неизменное улучшение условий жизни рядового гражданина». Вполне естественным признавалось, что подобное улучшение стало возможным за счет враждебных революции классов. В данной статье рассматриваются издержки и противоречия перераспределения собственности в 1917–1920 гг., анализируются новые данные о темпах и характере «муниципализации» в Москве, выясняются судьбы простых людей и целых семей. В итоге автор пришел к выводу, что в результате «муниципализации» повседневная жизнь москвичей изменилась в худшую сторону, а перераспределение собственности в экономическом отношении оказалось крайне неэффективной мерой.

Ключевые слова: революция 1917 г., гражданская война, история повседневности, социальная политика, жилищный вопрос, муниципализация городских недвижимостей.

На сегодняшний день понимание роли и места «маленького человека» в историческом процессе выступает одним из основных требований к познанию прошлого. Это предполагает рассмотрение государственных институтов, политического устройства и т.п. как производных от исторически сложившихся общественных форм. Подобная трактовка взаимоотношений власти и общества отвечает потребностям гражданского общества, становление которого в современной России продолжает оставаться актуальной проблемой.

Эпохе революции и гражданской войны (1917–1920 гг.), положившей начало советской модели общественного развития, посвящена огромная историография, но вместе с тем ряд вопросов остался остро дискуссионным. Например, недостаточно изучено, в чем состояли непосредственные жизненные проблемы и интересы советских граждан, их ценностные ориентации в переломный момент истории, а также какие связи и взаимодействия субъектов

совместного жизненного процесса определяли их существование в 1917–1920 гг.

«Эпоха перемен» привела к настоящей «трагедии материального бытия»¹, от которой в первую очередь пострадало население российских городов: Москвы, Петрограда, ряда крупных торгово-промышленных центров. Единственным городом, в котором в 1917–1920 гг. сохранялось миллионное население, осталась Москва. Среди повседневных забот горожан, в частности москвичей, первое место занимали проблемы обеспечения всем необходимым для жизни, например крышей над головой, поскольку в городах большой проблемой еще в годы Первой мировой войны стал обострившийся жилищный вопрос. Война блокировала приток капиталов в жилищный сектор и выявила, как всеобщую трудность, острую нехватку средств не только на строительство, эксплуатацию, но и на оплату найма жилья. С момента своего возникновения советская власть рассматривала жилищный вопрос в качестве одной из наиболее острых социальных проблем, связанной с необходимостью предоставления трудящимся «здорового жилища», с «извлечением» их из подвалов, чердаков и прочего «неудобного жилья», куда их «загнал старый режим и капиталисты». Цель сама по себе благородная, потому что рабочие действительно нуждались в улучшении условий проживания. Решить эту задачу планировалось путем отмены права частной собственности на городские недвижимости, имевшие стоимость свыше определенного предела или служившие предметом постоянной сдачи внаем. Декрет Президиума ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах» вводил в действие правовую норму о муниципализации строений, то есть об изъятии их из рук граждан и о передаче недвижимого имущества в распоряжение органов местной власти. В общероссийском масштабе эта революционная норма права действовала до августа 1921 г.

В Москве муниципализация была проведена еще раньше, согласно Постановлениям Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов «о городских недвижимостях» от 30 ноября, 12 декабря 1917 г. и 26 января 1918 г. Отменялось право частной собственности, если стоимость строений была не меньше, чем 20 тыс. руб., или, если чистый годовой доход с найма превышал 750 рублей. На первом этапе муниципализации в Москве признавалось сохранение права частной собственности на отдельные жилища. Как правило, речь шла об одноэтажных деревянных строениях, которые не подходили под действие постановлений и своим видом напоминали скорее деревенскую избу, чем городской дом. Но уже с осени 1918 г. в городе начнется процесс «сплошной муни-

ципализации», который затронет и домовладения, формально не подходящие под действие декретов.

Дома передавались в ведение районных Жилищных Советов и выборных домовых комитетов, корпоративных организаций граждан, многие из которых в целях совместной закупки продовольствия появились еще в годы мировой войны. Главная роль в проведении муниципализации отводилась домкомам, которые «вынуждены» взять в свои руки жилищное хозяйство для того, «чтобы не дать полопаться трубам и не замерзнуть от холода», «чтобы не быть залитыми водой из пришедшего в неисправность водопровода»⁴ и т.п. Они получили все права и обязанности юридического лица, в том числе по определению жилищной платы, распределению помещений, текущему ремонту, оплате счетов, найму необходимых по хозяйству работников и т.д. С точки зрения власти, в лице отдельных комитетов планировалось создать мощный регулирующий аппарат, контролирующий все потребности горожанина, «домовую коммуну», которая займется и распределением жилья, и обеспечит всем необходимым для жизни, прежде всего продовольствием, одеждой и топливом.

Наследство, которое досталось домовым комитетам, не было простым. На стенах сотен домов отразились последствия революционных боев конца октября – начала ноября 1917 г. Другой проблемой стало мародерство. Главными действующими персонажами устных городских «историй», повествующих о том, что где-то, с кем-то, что-то случилось, становятся красногвардеец и грабитель. Часто они уживались в одном лице, которое посредством формулы «Откройте, именем революции!» вторгалось в частное пространство дома.

Когда государство не могло гарантировать своим гражданам безопасность, то они сами старались защитить себя. Отсюда ряд обращений домовых комитетов в Военно-Революционный Комитет г. Москвы с просьбой выдать винтовки. В частном письме, изъятом у одного из председателей домовых комитетов в декабре 1917 г., сообщалось: «С полковником Валентином я переговорил относительно охраны, и последний согласился поставить охрану, если мы будем платить по 350 руб. на человека в месяц, при готовой квартире, бесплатном кипятке и карточках на хлеб и сахар. Еще предлагали услуги офицеры Оленников П.С. и Попович С.И., но последние желали бы, чтобы им оплачивали по 40 руб. ежедневно на человека, при готовой квартире и кипятке. Кроме этого, предлагал людей для охраны Нил Петрович из бывших пожарных брандмейстеров»⁶. Как вспоминал один из участников Октябрьской революции в Москве: «Когда мы проходили по Остоженке,

обыватели упрашивали нас за особую плату остаться охранять их дома. Мы сердито огрызались: «Буржуев охранять — еще чего не хватало, нам надо свои заводы и штабы охранять»⁷. Представитель немецкой дипломатической миссии, К. Ботлер, иностранец, интересующийся новой обстановкой, бесстрастно подмечал то, что глаз москвича уже привык видеть: «Отдельные дома изрыты остой пулеметного огня»⁸.

Типичный московский дом образца весны 1918 г. представлял собой печальное зрелище. За время мировой войны во многих зданиях как внутренний, так и внешний ремонт не производился; сказывались и последствия многочисленных нарушений технических правил застройки: от ошибок в планировке дома до неправильной установки парового котла. Отсюда — проблемы с центральным отоплением, неисправная канализация, проржавевшая крыша, во многих местах которой были дыры, развалившиеся кухонные печи и плиты, сгнившие рамы и двери, обвал штукатурки. Кроме того, сырость, холод, накопившиеся во дворах мусор, груды нечистот.

Данные по Сокольническому району Москвы свидетельствуют об обострении жилищного вопроса — 3/4 домов района весной 1918 г. находилось в аварийном состоянии⁹. В целом, в Москве, в 1918 г., по сравнению с 1914 г., общая жилая площадь уменьшилась с 41 250 000 м² до 26 813 000 м²¹⁰. Примерно 22–26% москвичей проживало в самых стеснительных условиях (около 400 тыс. человек)¹³.

Причины деструктивных процессов были как объективными (последствия революции, мировой войны, всеобщей разрухи), что повлекло сокращение полезной площади на 25%, так и субъективными. Весной 1918 г. в связи с переносом столицы из Петрограда и переводом ряда советских учреждений общая жилая площадь сократилась еще на 10%¹⁴. В то время как 75% помещений Китай-города, специально предназначенных для советских учреждений, стояли «опечатанными»¹⁶. Расквартирование воинских частей в условиях мировой войны также потребовало от города определенных жертв. Позже Жилищный Отдел Московского Совета признал, что «бессистемность» политических решений породила перенаселенность в отдельных квартирах, «наряду со сплошь и рядом пустующими помещениями»¹¹.

Объективно жилищные условия рабочего и буржуа отличались как до революции, так и в послереволюционные месяцы. Летом 1918 г. власти предпринимают первые серьезные попытки по «справедливому» перераспределению московских жилищ с учетом социального статуса горожанина («уплотнение»). 12 июля 1918 г. было принято Обязательное Постановление Московского Совета

«О распределении жилых помещений в г. Москве», по которому уплотнение производилось из расчета «1 комната на 1 взрослого человека»¹².

Ордера на вселение и выселение граждан выдавались районными Жилищными Советами. На их основании домовые комитеты предоставляли комнаты и квартиры. В этом случае имели место злоупотребления и взаимное неуважение горожан друг к другу, что приводило к постоянным конфликтам внутри городского сообщества. Характерное «письмо во власть» от гражданина Демидчикова в Исполком Московского Совета по поводу уплотнений: «...наниматель приходит и далжон низко склонится тому же буржую. Тогда получишь комнату. Знать наши товарищи заставляют им опять в починение и на их усмотрение, а комитету дома не понравится фигура человека конечно, пролетарского класса отвичают нет у них квартир, потому что не желают, чтобы мужик жил вместе с баринном. Вот только для такова мужичка свободен подвал, где уже воды полно, а между тем записана меблированная комната и цена 35 рублей... Долой подвалы, баронов, угнетателей, капиталистов»¹³. С другой стороны, так же легко было уплотнить «буржую», для этого было достаточно доказать «факт эксплуатации» в прошлом или в настоящем времени.

Иногда уплотнение приносило пользу и проходило безболезненно. С конца лета 1918 г. в квартире гражданина Пантелеева из дома № 1 по Олсуфьевскому переулку поселился командный состав мортирного дивизиона в количестве 5 человек. Таким образом, он получил гарантии от дальнейших уплотнений, а также защиту от многочисленных преступников, которыми наводнился послереволюционный город. Кроме того, Пантелеев, «ссылаясь на то, что красноармейцы не платят за занимаемые комнаты, отказывается платить квартирную плату»¹⁴. Хотя плата за жилье не представляла серьезной угрозы для семейного бюджета в послереволюционном городе, некоторые предпочитали вообще ничего не платить, пользуясь всеобщей неразберихой.

Во всех странах-участницах мировой войны в разное время была произведена фиксация квартирных цен на уровне довоенного уровня, что являлось фактически понижением реальной величины этой платы. Квартирная плата в Советской России в 1918 г. оставалась примерно такой же, как в 1915–1917 гг. Она выросла всего в 2–3 раза, в то время как цены на все предметы потребления и промышленные товары выросли в 30–40 раз. Один из способов решения жилищного вопроса, который активно использовался в Западной Европе — повышение квартирной платы, — не рассматривался в качестве возможного пути в России. Потому что «это» вызовет

«такое широкое и глубокое движение среди народных масс, которого не выдержит ни один политический режим»¹⁵.

Наиболее полные данные по 5 (из 11) районам Москвы свидетельствуют, что Жилищные Советы не смогли удовлетворить спрос на жилье:¹⁶

Таблица 1. Деятельность районных Жилищных Советов по распределению комнат и квартир в 1918 г.

Наименование районов	Поступило требований		Предоставлено	
	на комнаты	на квартиры	комнат	квартир
Благуше-Лефортовский	нет сведений	2 986	1 896	1 937
Замоскворецкий	6 034	4 281	3 806	1 623
Пресненский	8 486	1 860	5 592	1 685
Сокольнический	4 436	2 295	2 680	638
Сушевско-Марьинский	4 472	2 173	3 260	1 837

Частично решить проблему дефицита жилищ можно было бы путем активного строительства летом. После Декретов Совета Народных Комиссаров, Постановлений Московского Совета о национализации земли и городских недвижимостей «было заморожено» строительство нового жилья, оно отодвинулось на расстояние 30—40 верст от Москвы, так как на территорию, находящуюся за чертой города, не распространялось действие декретов о муниципализации. Речь шла примерно о 600 поселках, которые «в своем устройстве ничем не регламентируются»¹⁷. Из-за неуверенности в беспрепятственности осуществления прав пользования и распоряжения своим жилищем отсутствовала одна из необходимых составляющих, которая должна была обеспечить нормальную городскую жизнь, — личная заинтересованность граждан в сохранении имеющегося жилья и в его приумножении путем строительства.

Согласно Постановлениям Московского Совета осенью 1918 г. в городе начинается вторая волна уплотнений. Сначала выходит Постановление от 11 сентября «О порядке реквизиции жилых помещений и движимого имущества», где впервые был определен «принцип изыскания и предоставления рабочим жилых помещений за счет буржуазно-паразитических элементов»¹⁹. На практике под определение «паразит»²¹ могли попасть все горожане, в независимости от социального статуса, в том числе и трудящиеся. Жилищная анархия, захват домов, масштабные выселения — характерные черты «решения» жилищного вопроса в сентябре. Этих

мер оказалось недостаточно, Исполнительный Комитет Благоуше-Лефортовского Совета Депутатов признавал в сентябре 1918 г., что «...по-прежнему рабочие живут в ужасной тесноте, в то время как лучшие дома занимает зажиточный класс буржуазии и высших служащих»²³.

Затем принимается Постановление Московского Совета от 26 октября 1918 г. «Об учете и распределении жилых и нежилых помещений в г. Москве». В нем необходимо отметить два момента: минимальный порог при уплотнении (2 кв. сажени на 1 взрослого человека, около 9 м²) и призыв к рабочим занимать буржуазные квартиры²⁴. В служебной инструкции, выработанной Жилищно-Земельным Отделом Московского Совета, городское население делилось на несколько категорий. Привилегированная категория: «организованные коммунисты», семьи красноармейцев, находящихся на фронтах Гражданской войны («они получают все и остаются на своих квартирах»). Крупная интеллигенция, советские служащие, буржуа, не имеющие недвижимости, «разоренные и разоряющиеся» уплотнялись согласно жилищной норме. Третья категория, рабочие, мелкая и средняя интеллигенция, через получение «хороших комнат в других домах» должны сделать невыносимой жизнь для классовых и идейных противников советской власти, которые попадали под категорию «буржуа, ликвидировавших свои дела и живущие спрятанными капиталами или имеющие собственность». Лица последней категории выселялись из Москвы, «у них отбирается все и выдается только «походный паек»: пара белья, подушка, одеяло, то есть что полагается красноармейцу, уезжающему на фронт»²⁵. В результате осенью 1918 г. из Москвы было выселено 3 197 «буржуазных» семей²⁷.

Общегородскую ситуацию ноября 1918 г. можно определить как чрезвычайную. Показательным является открытое письмо председателю Московского Совета Л.Д. Каменеву от С.А. Студенецкого, председателя домового комитета д. № 9 по Тихвинскому переулку. До октябрьского переворота он занимал должность товарища московского городского головы, эсер, идейный противник большевизма, принимавший активное участие в борьбе против установления советской власти в Москве, «одно уже это обстоятельство должно было бы удержать меня от обращения к Вам, как к представителю одного из органов существующей власти». Автор видел в письме «последнее и, быть может, единственное средство, чтобы спасти сотни московских трудящихся семей от безжалостной и бессмысленной расправы». Уплотнение «буржуазных» квартир сводилось, по его словам, «как правило, к выселению из них нынешних жильцов и заселению их новыми жильцами из рабочего

класса». «Ужас положения заключается в том, что выселение теперь (зимою!) производится большей частью из домов, которые в той или иной мере обеспечены топливом... Агенты власти открыто заявляют рабочим — “отыщите такой дом, где есть дрова, и мы вам его реквизируем”»²⁸.

Ответ власти выразился в дальнейших шагах по пути муниципализации, в таком случае в первую очередь страдали лица, рассматривавшие недвижимую собственность как главный источник своего повседневного существования. Кроме того, с осени 1918 г. в Москве создаются квартальные домовые комитеты (квартхозы), каждый из которых объединил порядка 30 домов (150—300 квартир), с общим денежным фондом, из которого квартальный комитет станет выделять средства на текущий ремонт, приобретение топлива и т.п. «наиболее нуждающимся домам». Также предполагалось создать общегородские ремонтные и топливные кассы. Это означало «сплошную муниципализацию», действие которой распространялось на оставшиеся частные домовладения (около 24 тыс. владений).

В начале ноября 1918 г. в Москве прошел семинар по вопросам муниципализации недвижимого имущества в Советской России, на котором присутствовали представители от 60 городских Жилищных Отделов. К этому времени заканчивался срок «переходного положения», который отводил Декрет Президиума ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» с тем, чтобы наконец перейти в общероссийском масштабе к муниципализации городского жилого фонда.

Речь коммунальных работников на этой встрече шла преимущественно о необходимости «остановить дальнейшее разрушение жилищ», о требуемом ремонте, о «рациональной деятельности» домовых и квартальных комитетов и т.п.³¹ В этом смысле курс московских властей на «сплошную муниципализацию» был признан правильным, поскольку позволял предоставить жилище каждому трудящемуся человеку в независимости от числа свободных квартир в настоящем времени. С другой стороны, было важным не только предоставить комнату или квартиру «нуждающемуся», что составляло только половину решения жилищного вопроса, но и предоставить ему «здоровое жилище».

Вторая половина вопроса имела не меньшее значение. «Санитария» или «антисанитария» жилища были очевидны каждому гражданину. Жилище выступало объектом его повседневной жизни и, одновременно, политики государства, поэтому выяснение бытовых условий жизни простого человека окажет содействие пониманию того, почему же муниципализация городских

недвижимостей в Советской России уже с начала 1919 г. будет ограничена, а в августе 1921 г. начнется широкомасштабная демунципализация жилья. В этой связи опыт Москвы, как первого города в Советской Республике, вставшего на путь «сплошной муниципализации», станет решающим обстоятельством для центральных и местных властей.

Решение жилищного вопроса в Москве в первый год «пролетарской диктатуры» привело к постоянному «переделу» недвижимого имущества между государством, городом и отдельным человеком. Свое отражение это находит и в том, что, по словам современника, «Иван кивает на Петра, а Петр кивает на Степана, а время идет, и мы продолжаем жить среди грязи, заразы и смрада»³³. Самой большой проблемой отдельных домовых комитетов становились накопившиеся в пределах владения мусор и нечистоты. По подсчетам инженеров Сокольнического Совдепа, в 1918 г. каждый москвич производил 19 пудов твердого мусора (около 300 кг) и порядка 40 ведер нечистот (около 490 л) в год. Учитывая, что численность населения Москвы не опускалась в 1918–1919 гг. ниже отметки в 1 100 тыс. чел., получается, что за 2 года на улицах города оказалось около 85 тыс. тонн отходов³⁵. Из этого числа, по самым оптимистичным оценкам, за пределы городской черты своевременно было вывезено не более 1–3% мусора. При наличии объективных трудностей в работе коммунальных служб — явной нехватки перевозочных средств и «черновых» работников, полнейшая бесхозяйственность обывателя — в числе первых причин разгула эпидемий в 1918–1920 гг., главными из которых стали кишечные инфекции (дизентерия, холера) и тиф.

В таком случае жалобы на соседей, которые «развели бекасов в неисчислимом количестве»³⁶, выглядят неуместными и несостоятельными. Среди мер административного характера, направленных на превентивную борьбу с заболеваниями, стоит отметить Обязательные Постановления Московского Совета от 18 июля и 7 августа 1918 г. «О содержании бань». Владельцам этих заведений предписывалось открывать бани для посетителей не менее 3 раз в неделю, воздерживаться от повышения платы за услуги, а главное, обеспечить бесплатный вход «наиболее нуждающемуся населению»³⁸. Банщики восприняли эти инициативы властей как обязанность, которую, если и стоит выполнять, то таким образом, чтобы не потерять своей выгоды. Медико-Санитарный Совет Москвы признавал, что в «простонародных» отделениях, посещаемых бесплатно, «страшная грязь, горячая вода почти не течет». В то время как в «дворянских» отделениях, посещаемых за плату, «вода течет хорошо и чистота»³⁹.

Планировавшаяся в декабре 1918 г. муниципализация частных бань, направленная на то, чтобы перевести данные заведения в собственность города, была практически сразу ограничена. Это произошло потому, что из 51 столичных бань, функционировавших в конце 1918 г., 22 закрылись при первых же слухах о возможной муниципализации⁴⁰. Нечто подобное случилось и с другим элементом социальной инфраструктуры города — парикмахерскими. Услуги данных заведений воспринимались современниками как средство радикальной борьбы с распространением насекомых — переносчиков болезни. Муниципальные парикмахерские не выдерживали конкуренции со стороны частных заведений, «умирали медленной смертью». Несмотря на то что в советских парикмахерских брали в 1919 г. 5 руб. за стрижку, в то время как в частных в 20—40 раз больше, муниципальные заведения обладали такой низкой пропускной способностью, что «надо ждать 2—3—4 часа и уйти, не остригшись»⁴¹.

Заведующий Медико-Санитарным Отделом Московского Совета, а с июля 1918 г. нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко усматривал прямую связь между материальными условиями жизни человека и ростом числа эпидемических заболеваний в Советской России⁴³. В этом смысле жилищный вопрос являлся не только социальным, но и санитарным вопросом. Важным условием, благоприятствующим распространению заразы, стала высокая скученность населения в отдельных жилищах — именно в них чаще всего происходило заражение от человека к человеку. Власть при решении жилищного вопроса в столице пошла по пути «уплотнений» граждан, концентрируя все большее число людей в одном месте, при этом достигалась и экономия топлива, и реализовывались некоторые принципы коммунальной жизни. Температура в московских зимних квартирах, из-за «дровяного голода», в 1918—1920 гг. не поднималась выше 13°, а чаще колебалась на уровне 8—9°. В это время в источниках личного происхождения появляется устойчивое словосочетание — «четырёхградусная температура»⁴⁴.

По вопросам практической реализации принципов коммунальной жизни Инструкция Московского Совета «О максимальном уплотнении квартир в связи с кризисом топлива» (декабрь 1918 г.) предусматривала, что «переселяющиеся берут с собой минимум вещей»⁴⁵. На практике это означало отсутствие сменного белья, отдельной постели и т.п. элементарных правил личной гигиены. Вследствие этого распространение получил не только тиф, но и «народные болезни» — сифилис и туберкулез, а в органы

власти всех уровней поток поток жалоб с просьбой об удалении «нежелательных» соседей.

В 1918–1920 гг. «самоуплотнения граждан», как основной метод решения жилищного вопроса, вызывался исключительно материальными условиями жизни простого человека в годы революции и гражданской войны. Если в зимнее время года «самоуплотнение» было связано с недостатком топлива, то в летнее время с тем, что обыватель буквально «бежал» от мусора и нечистот, которые накопились в пределах владения. Пути к отступлению в последнем случае становились или верхние этажи жилого дома, или соседние комнаты. В этом смысле проявленное «хищничество» в захвате «лишних» квадратных метров выглядит как насмешка над несчастным горожанином, у которого паркетный настил в квартире походил «на клавиши пиано», вследствие давления нечистот, подступавших с нижних этажей³⁶. Среди других причин «самоуплотнений» и уплотнений могли быть: неисправность водопровода, удаленность местожительства от места работы и т.д. Характерными чертами времени является и то, что в каждой квартире хранятся большие запасы продовольствия, «до живых птиц и животных включительно»³⁷.

В обстановке повседневного хаоса проявлялись самые худшие качества человеческой природы: желание досадить соседу, выжить его с жизненного пространства, отомстить за прошлые обиды, даже если причиненные не им лично, то тем сословием, из которого он вышел. Показательным является обращение в Замоскворецкий Совдеп г. Москвы от одного из бывших домовладельцев: «Жилец Николай Степанович Митюшин, проживающий в моем доме, допускает небрежное отношение к ватерклозету, засоряет умышленно костями, тряпками и другими предметами водопроводные трубы, желая всецело обвинить в том, что дом находится якобы в антисанитарном состоянии и, как высказывается его брат, “подвести меня под штраф”»³⁸. Или другой пример, когда жильцы сознательно сыпают мусор под дверь своего соседа, «превращают комнату в помойку», выливают помой на голову входящим в дом и т.п. В 1918–1920 гг. на уровне отдельного дома, объединявшего от нескольких десятков до нескольких сотен человек, постоянно подпитывается «классовая неприязнь» рабочего к буржуа и наоборот, хотя все сословные различия уже формально и реально стерты, а «паразитический элемент» вообще выселен из Москвы.

Всего за 1918–1920 гг. в Москве умерло около 150 тыс. чел.³⁹ Смертность населения была выше в зимнее время года, в период с октября по апрель, и весьма «весомый» вклад в это вносила неустроенность быта, прежде всего отсутствие «здоровых жилищ».

Таким образом, заявленная советской властью основная цель при решении жилищного вопроса оказалась невыполненной. И обыватель постепенно сознает, что в этом виноват не «буржуй», не он сам, а государство. Такие настроения были крайне опасны и требовали немедленного вмешательства властей, поэтому в феврале 1920 г. создается Московская Чрезвычайная Санитарная Комиссия (соответствующие Постановления СНК РСФСР и Исполкома Московского Совета от 9 и 20 февраля).

Главной задачей Чрезвычайной Комиссии (МЧСК) становилась очистка Москвы от накопившегося мусора и нечистот, а также общее улучшение санитарного состояния столицы. Особое внимание Комиссии было обращено на очистку жилых помещений и мест общего пользования (дворов, лестниц, чердаков, подвалов и т.п.). Эта обязанность возлагалась на самих жильцов, за исполнением которой следил 4-уровневый контроль: соседи, председатель домового комитета, управляющий квартальным хозяйством и государственный контролер. Вся система держалась на принципах «круговой поруки». Власти, в лице Правительства РСФСР и лично В.И. Ленина, гарантировали материально-техническую поддержку проводившимся мероприятиям, самым масштабным из которых стала «Неделя очистки» (1–15 марта 1920 г.).

По первоначальной смете на ее проведение планировалось израсходовать 200 млн руб., затем сумма расходов выросла в 3, 5 раза и составила 700 млн рублей. Из финансовых расчетов стоимости вывоза одной подводы с мусором в марте 1920 г. вытекает, что всего за это время за пределы городской черты было вывезено порядка 60 тыс. тонн мусора⁴⁰, то есть около 65–70% накопившихся за 2 года отходов. Остальной мусор или сжигался в кухонных печах или на улицах, отравляя едким запахом воздух, или «оседал» внутри города на специально отведенных или на стихийных свалках, или попросту закапывался в землю или переносился на территорию соседнего двора. Не умаляя значения «Недели чистоты», она была, скорее, паллиативной мерой, решившей проблему загрязнения крупного города на очень короткое время.

Еще меньший практический результат имело проведение «Банной недели», «Недели стрижки и бритья», «Недели стирки» с 30 марта по 10 апреля 1920 г. Каждый москвич получил «баннный ордер» с правом однократного бесплатного посещения важнейших заведений: бани, парикмахерской и прачечной. В московских общественных банях даже при 14-часовом рабочем дне и максимальной пропускной способности «баннным ордером» смогут воспользоваться не более 700 000 чел.⁴¹, то есть примерно 70% населения столицы весны 1920 г. При этом можно предполагать ужасные

очереди, ругань, давку и риск получить заболевание. Официальные источники свидетельствуют, что в районных Совдепах остались «почти непечатые стопки банных билетов»⁴². С другой стороны, «по городу можно часто видеть людей с узелками под мышкой, бегающих из одной бани в другую, ища, где бы можно было бы помыться»⁴³.

Становится понятно, что не все население Москвы воспользовалось возможностями «банного ордера». Это была разовая акция, и на серьезный долговременный результат рассчитывать не приходилось. Тем не менее на все вышеуказанные мероприятия были израсходованы колоссальные суммы, порядка 1 млрд руб., и при этом нельзя сказать, что это принесет значительные улучшения санитарной обстановки столицы в ближайшей исторической перспективе.

Гораздо более взвешенной и продуманной представляется деятельность Особого Строительно-Санитарного Комитета г. Москвы, которым руководил управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич. Действуя автономно от Чрезвычайной Санитарной Комиссии, Строительный Комитет имел своей задачей обследование жилых зданий, по результатам которого решалась их дальнейшая судьба: ремонт, слом на дрова или уничтожение. К октябрю 1920 г., когда были подведены некоторые итоги деятельности Комитета, оказалось, что за летний строительный сезон отремонтировано 3 653 столичных здания, в то время как в 53 губерниях Российской Республики, вместе взятых, — всего 2 347⁴⁴. Довольно успешно Строительным Комитетом были выполнены работы по восстановлению водопровода, системы центрального отопления. Несколько хуже дело обстояло с ремонтом крыш и канализации.

При проведении муниципализации недвижимого имущества в городах советская власть руководствовалась несколькими соображениями. Во-первых, предполагалось, что эта мера позволит быстро и относительно безболезненно решить жилищный вопрос. Во-вторых, организации граждан, которые взяли на себя управление жилым фондом — домовые комитеты и квартальные хозяйства, — должны были бы стать как эффективным управляющим имуществом, так и коммуной, в которой «замыкались» все духовные и физические потребности граждан. На материалах Москвы, в которой впервые в Советской России была проведена «сплошная муниципализация», следует утверждать, что муниципализация, практика уплотнений, переселений и выселений жильцов, как основные методы решения жилищной проблемы, доказали свою общую неэффективность. Жилой фонд продолжал сокращаться, у массы рабочих по-прежнему не было «здоровых жилищ», кроме

того, в городской среде росло недовольство властями и популистскими мерами. Прежние домовладельцы были устранены от забот о своем имуществе, а новые «управляющие», прежде всего домовые комитеты жильцов, не смогли самостоятельно справиться с возложенными на них обязанностями по содержанию зданий в надлежащем виде. Противоречивые результаты муниципализации в Москве стали заметны зимой 1918/1919 гг., когда люди буквально замерзали в своих квартирах, задыхались от накопившегося мусора и нечистот, умирали от масштабных эпидемий и т.д.

С марта 1919 г. Отдел Местного Хозяйства НКВД перестал утверждать постановления местных Советов, имеющие отношение к «широкой муниципализации»⁴⁵. Это вызывалось не только «контрреволюционными настроениями мелких собственников», превышением расходов над доходами домовладений, но, в первую очередь, неудачным «московским опытом». В резолюции I Всероссийского Съезда Заведующих Коммунальными Отделами местных Советов (20–25 января 1920 г.) говорилось: «Считая, что Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» преуказывает самим своим содержанием сугубую осторожность органам местной власти в проведении этой важной меры социалистического строительства в жизнь и что современное критическое состояние нашего хозяйства требует эту преуказанную Декретом осторожность:

1) проводить муниципализацию недвижимостей в тех городах, где она еще не проведена, и распространять действие ее на новые категории домовладений в тех городах, где частичная муниципализация уже проведена, лишь при условии уверенности местных органов власти в том, что они справятся с этим хозяйством;

2) Съезд категорически высказывается против проведения сплошной муниципализации, считая ее нерациональной с точки зрения хозяйственной и противоречащей политике советской власти в ее отношении к мелкобуржуазным слоям населения»⁴⁶.

Таким образом, муниципализация в общероссийском масштабе, практически с момента вступления в силу Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г., носит частичный характер, затрагивая в 1919–1920 гг. в первую очередь здания или занятые советскими учреждениями, или дома, находившиеся в критическом хозяйственном положении. В отечественной историографии оставался невыясненным вопрос непонятной «задержки» в проведении в жизнь Декрета «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». Эта «задержка» сопровождала Декрет еще с ноября 1917 г., когда Центр совершенно недвусмысленно дал понять, что он не будет спешить с муниципализацией недвижимого

имущества в общероссийском масштабе. Опыт «сплошной муниципализации» в Москве представил необходимый материал для трезвой оценки советским государством возможности принять на себя важнейшее обязательство по отношению к гражданам. Фактически речь шла о неспособности, в условиях революции и гражданской войны, решить жилищный вопрос, предоставить «здоровое жилище» каждому «нуждающемуся».

Революционность преобразований в сфере общественной жизни сообщила качественную особенность мероприятиям в области государственного регулирования быта. Во-первых, небывало увеличивалась роль государства в распределении ограниченных материальных и духовных ресурсов. На всем протяжении советской истории распределительная функция государства, в частности в жилищном секторе, только будет возрастать. Во-вторых, очевидно нивелирование условий жизни всех горожан, вне зависимости от социального статуса. Революционный передел жилья привел к окончательному исчезновению «хозяев», как первых лиц, заинтересованных в его сохранении. Одновременно, таким образом, уничтожалось индивидуальное жилище как постоянный источник «мелкобуржуазного быта». В-третьих, государство при перераспределении ресурсов руководствовалось классовым принципом, совокупностью патерналистских и дискриминационных мер, что помогло, с одной стороны, обрести социальную поддержку в городе (в лице рабочих), а с другой — активно способствовало росту классовой неприязни. Подобное решение вопросов социальной сферы неминуемо предполагало раскол общества, гражданскую войну, которая велась не только на фронтах Российской Республики, но и на уровне массового сознания. Боль, разочарование, апатия царили на одном полюсе общественных настроений, а на другом — революционный энтузиазм, «неспокойное желание деятельности». В-четвертых, в домовых коммунах, как в производительных единицах нового общества, вполне определенно проглядываются попытки немедленного перехода к коммунизму, которые и характеризуют исторический смысл «эпохи перемен».

¹ *Ильяхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 188.

² Известия Жилищного Совета при Московском Совете Р.Д. 1918. № 1. С. 15.

³ ЦГАМО, Ф. 66, Оп. 3, Д. 749, Л. 30.

⁴ См.: *Носов С.Д.* Воспоминания // Москва в октябре 1917 года. Воспоминания красногвардейцев, участников октябрьских боев / Под ред. О.Н. Чаадаевой. М., 1937. [Электронный ресурс]: сайт. — URL: <http://scepsis.ru/> (дата обращения 28.06.2008).

- 5 *Ботлер К. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 1996. С. 12.*
- 6 ЦАГМ, Ф. 2311, Оп. 1, Д. 1, Л. 1 об.
- 7 Жилищное товарищество. 1922. № 6. С. 9.
- 8 Коммунальное хозяйство. 1921. № 1-2. С. 2, 4.
- 9 Жилищное товарищество. 1922. № 6. С. 9.
- 10 ЦГАМО, Ф. 4557. Оп. 1, Д. 59, Л. 4.
- 11 Там же. Ф. 66. Оп. 13, Д. 23, Л. 103 об.
- 12 Там же. Оп. 3. Д. 728, Л. 186.
- 13 Там же. Л. 104, 104 об.
- 14 Там же. Ф. 4557. Оп. 1, Д. 59, Л. 48.
- 15 Известия Жилищного Совета при Московском Совете Р.Д. 1918. № 1. С. 7.
- 16 ЦГАМО, Ф. 4557, Оп. 1, Д. 67, Л. 8.
- 17 Там же. Д. 59, Л. 19.
- 18 Там же. Ф. 66, Оп. 3, Д. 728, Л. 288.
- 19 Лицо, проживающее свои доходы, получаемые без затраты труда.
- 20 ЦАГМ. Ф. 2347, Оп. 1, Д. 1, Л. 19.
- 21 ЦГАМО. Ф. 66, Оп. 1, Д. 70, Л. 157.
- 22 Там же. Оп. 13, Д. 23, Л. 110.
- 23 Вестник Отдела Местного Управления Комиссариата Внутренних Дел. 1920. № 5. С. 13.
- 24 ЦГАМО. Ф. 66, Оп. 13, Д. 23, Л. 157, 157об., 158.
- 25 Вестник Отдела Местного Управления Комиссариата Внутренних Дел. 1918. № 27. С. 20.
- 26 ЦАГМ. Ф. 2315, Оп. 1, Д. 7, Л. 15.
- 27 Там же. Л. 144.
- 28 Там же. Ф. 2326, Оп. 1, Д. 18, Л. 236.
- 29 Санитарный бюллетень Москвы. 1918. № 6. С. 1.
- 30 ЦАГМ. Ф. 1616, Оп. 3, Д. 50, Л. 4 об.
- 31 Там же. Ф. 2315, Оп. 1, Д. 6, Л. 25 об.
- 32 Там же. Ф. 2434, Оп. 1, Д. 25, Л. 46.
- 33 Семашко Н.А. Советская власть и народное здравие. М., 1920. С. 10.
- 34 ЦАГМ. Ф. 2365, Оп. 1, Д. 2, Л. 16.
- 35 Там же. Ф. 1514, Оп. 1, Д. 32, Л. 347.
- 36 Там же. Ф. 2326, Оп. 1, Д. 18, Л. 151.
- 37 Вадемекум жилищно-санитарных инспекторов. Сб. статей по санитарии, гигиене жилищ и благоустройству населенных мест. М., 1921. Ч. 1—2. С. 54.
- 38 ЦАГМ. Ф. 2326, Оп. 1, Д. 20, Л. 37.
- 39 Коммунальное хозяйство. 1921. № 7. С. 39.
- 40 ЦАГМ. Ф. 2403, Оп. 1, Д. 16, Л. 29.
- 41 Там же. Д. 4, Л. 112.
- 42 Там же. Ф. 2326, Оп. 1, Д. 7, Л. 116 об.
- 43 Там же. Ф. 2403, Оп. 1, Д. 2, Л. 102.
- 44 ОПИ ГИМ. Ф. 454, Оп. 1—2, Д. 210, Л. 28 об.
- 45 Вестник Отдела Местного Управления Комиссариата Внутренних Дел. 1920. № 1. С. 5.
- 46 Там же. 1920. № 2—3. С. 14, 15.

И.А. Курляндский

ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ В ГОДЫ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» (1937–1938 гг.). ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ*

В статье рассмотрен малоизученный вопрос влияния итогов переписи 1937 г., а также данных обсуждения проекта Конституции СССР и предвыборного законодательства на решение руководства страны обратиться к проблемам антирелигиозной пропаганды и нейтрализации активности «церковников» на предстоящих выборах в числе иных «враждебных» категорий населения. В этой связи рассмотрена история создания и деятельности последней Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), поиск путей усиления антирелигиозной работы в стране в 1937 г., особенности вовлечения священноцерковнослужителей и активных мирян в орбиту сталинского террора, вопросы закрытия церквей в этот период, итоги идеологических и репрессивных кампаний 1937–1938 гг. для церковных структур и верующих. В статье использованы новые архивные документы, в том числе из Архива Президента РФ.

Ключевые слова: Сталин, власть, террор, репрессии, антирелигиозный, пропаганда, конституция, выборы, перепись, религиозники, «церковники», безбожники.

В большинстве исследовательских работ сталинские репрессии 1937–1938 гг. традиционно называются «Большим террором». В виду условности этого термина, он берется здесь в кавычки, так как существуют и научно обоснованные предложения понимать под началом Большого террора 1930 год (А.Н. Сахаров) или рассматривать его с 1927 по 1953 гг., а события 1937–38 гг. трактовать как «апогей Большого террора» (В.П. Данилов)¹.

Террор 1937–1938 гг. вошел в историю как сложное, многофакторное явление, которое вызывает широкий спектр осмыслений, трактовок и оценок. Открытие в 1990-х гг. многих источников позволило уйти от укоренившейся прежде интерпретации 1937 года как трагедии главным образом номенклатурной элиты, бюрократии²

* Доклад на заседании Ученого совета Института российской истории РАН октября 2008 г.

и позволило осмыслить его более глубоко и широко как духовную и нравственную катастрофу народа в целом. Смысл репрессий в ходе этого был понят и как централизованное и планомерное подавление стихийной, часто не осознанной духовной и идейной оппозиции части народа господствующему режиму, которому не удалось еще достичь в должной мере идеологической монолитности общества³. Власть сделала решительную попытку привести всех к общему знаменателю — одних уничтожить, других изолировать и третьих запугать. Многочисленные документы рисуют террор как погромную реакцию партийно-государственного аппарата на разнообразные спонтанные проявления автономной жизни общества. Тогда сталинская номенклатура пошла на «штурм», чтобы покончить с ними раз и навсегда.

Одним из главных объектов террора 1937-38 гг. стали практически все религии и церкви в Советском Союзе, так как одновременно с погромными кампаниями окончательно расчищалось поле для официального марксистского мировоззрения — неслучайно окончание «большого террора» совпало с триумфальным продвижением «Краткого курса истории ВКП(б)» 1938 г., своего рода «Евангелия» сталинизма. Властными структурами еще и радикально решалась проблема «бывших людей» с большим удельным весом в этой группе «религиозников», как источника потенциальной опасности для их руководства. Важнейшей особенностью сталинского террора было уничтожение не только людей, но и истребление социальной, исторической памяти народа, личных архивов, музеев, библиотек, массовое разрушение социальных связей между людьми, расщепление общества на элементы, когда людей заставляли массово отречься от родственников, друзей, товарищей и коллег, рвать со своими корнями, с прошлым, заниматься унижительными публичными самобичеваниями в печати и на собраниях, распространять доносы и взаимные разоблачения. Миллионы граждан вовлекались руководством страны в соучастие в терроре на самых разных уровнях. Так Сталин, по выражению Б.И. Николаевского, сделал террор «фактором своей активной социологии»⁴.

Тема взаимоотношений власти и религии в годы террора содержит ряд малоизученных проблем: как выстраивались и изменялись в ходе террора формы и методы антирелигиозной политики государства? Какие политические факторы влияли на ее выработку? Какую позицию по этим вопросам занимали разные структуры и руководители? Каким был удельный вес религиозной составляющей в террористических операциях государства? И, наконец, каковы были результаты этой политики?

Исследователь, обращающийся к данной теме, сталкивается с неполнотой источниковой базы, часто искусственной, связанной с противоправной практикой засекречивания в российских архивах, когда чиновники взяли на себя функции непрошенных цензоров исторической памяти народа. Так, вопреки статье 7 Закона о государственной тайне, прямо запрещающей засекречивать документы, связанные с нарушением государством прав и свобод граждан, абсурдными, противозаконными решениями междуведомственной Комиссии по охране государственной тайны только в РГАСПИ закрыты все документы особых папок Секретариата ЦК ВКП(б), документы комиссий Политбюро ЦК ВКП(б), в их числе — около 500 дел комиссии по судебным делам за 1930-е гг., большинство материалов к особым папкам Политбюро ЦК ВКП(б), относящихся к событиям террора 1937—1938 гг., 300 дел из фонда Сталина, включающие всю переписку вождя с НКВД, документы из фонда Молотова — переписка председателя СНК с НКВД почти вся до сих пор засекречена и т.д. По другим архивам, хранящим документы советского периода, ситуация столь же ненормальна.

Но и ряд открытых теперь материалов позволяет понять механизмы принятия важных решений, направления и поиски антирелигиозной политики. Это материалы руководящих партийных органов — протоколы Политбюро ЦК ВКП(б), Секретариата ЦК ВКП(б), Оргбюро ЦК ВКП(б) и материалы к ним, материалы Пленумов ЦК ВКП(б), информсводки, фонды вождей, прежде всего Сталина и Молотова, хранящиеся в РГАСПИ, и также важные документы для освещения темы дают тематические «антирелигиозные» дела фонда Политбюро из Архива Президента РФ.

Важным сигналом для власти о неблагополучии в религиозной сфере явились материалы Всесоюзной переписи населения января 1937 г. Усилиями сотрудников ИРИ РАН они опубликованы и изучены. Как известно, перепись показала большинство (57%) признавших себя верующими среди населения Союза, из них около двух трети в сельской среде и трети в городах⁵. Но необходимо избегать прямолинейной интерпретации итогов переписи. Ответы на внесенный, скорее всего по предложению Сталина⁶, опасный вопрос о религии объяснялись разными причинами. По информационным сводкам, люди боялись не только записаться верующими, но и неверующими. Так, довольно часто в сводках встречаются опасения, что верующих будут клеймить, что власть обрушит на них репрессии, что их будут морить голодом, последует «Варфоломеевская ночь» и т.д.⁷ Но встречались опасения совсем другого рода: что придут оккупанты и станут уничтожать неверующих, что неверующим станет плохо при Страшном суде⁸. Действенными

факторами при побуждении записаться верующими были и давление старших людей в семье, и агитация церковников, которые надеялись, что массовое обнаружение верующих поможет им лучше защитить церковные интересы. Играли немалую роль и надежды верующих на открытие церквей и прекращение их закрытия, на освобождение репрессированных священнослужителей, на то, что правительство создаст верующим лучшие условия жизни⁹.

Необходимо учесть, что сам вопрос о религии не затрагивал сферу реальной воцерковленности населения¹⁰. Массированные безбожные кампании оставили после себя реальные результаты. В стране уже были целые области, районы, города и села, где никаких церквей не было, а значит, никакой возможности для духовного окормления людей тоже, и можно сделать вывод, что большинство людей записывались православными по традиции, часто по тому факту, что они были крещены. В целом итоги переписи не дают почвы для вывода, что антирелигиозная пропаганда в стране потерпела полный крах. Неверующие во всех процентных выкладках преобладали в группе грамотного молодого поколения¹¹, особенно среди городской молодежи, комсомольцев, энтузиастов сталинскихстроек, т.е. весьма активной части общества. Перепись зафиксировала тот факт, что десятки миллионов людей государству успешно удалось оторвать от веры, от духовных корней своих отцов и дедов и этим внести раскол между поколениями. Так, один из райуполномоченных по переписи мог с основанием донести начальству: «Надо признать, что многие из записавшихся верующими давно не верят... те факты, которыми мы располагаем по переписным листам, говорят о большом сдвиге в этой области, веками считавшейся неприкосновенной и разрушенной за десять лет»¹². Но вместе с тем и недостатки антирелигиозной работы перепись обнажила явно. Полностью разрушить церковную область тоже не удалось. Так, комментируя итоги переписи в записке Сталину и Молотову, начальник ЦУНХУ И.А. Краваль писал в марте 1937 г.: «Ряд сообщений участников переписи показывает, что число верующих оказалось больше, чем они ожидали. Это свидетельствует об очень плохой постановке антирелигиозной работы»¹³. Антирелигиозная промывка мозгов часто оказывалась неэффективной. Руководители не ожидали такого высокого процента верующих. Это явление воспринималось и как вызов господствующей системе, как результат целенаправленной деятельности «религиозников» разных толков, «враждебных» строем групп¹⁴. Следует заметить, что правительство не решилось объявить итоги этой переписи, в чем не последнюю роль сыграли и неожиданные итоги ответа на

«религиозный» вопрос¹⁵. Позднее материалы переписи были объявлены «дефектными», и ее итоги аннулированы¹⁶.

Активно тревожило власть и другое явление — информационные сводки, содержащие данные по обсуждению проекта Конституции 1936 г., по откликам на ее принятие и по обсуждению проекта избирательной системы 1937 г. По новой Конституции (ст. 135) церковники, как и другие «лишенцы», впервые получили право избирать и быть избранными в Верховные Советы, как Союза, так и республик¹⁷. Многие священники, члены церковных активов, верующие искреннее полагали, что правительство готово объявить своего рода «весну для религии», что теперь будут массово открываться церкви, разрешат строить новые, что духовников выпустят из лагерей и тюрем, что церковники будут избираться в советы и даже в руководители этих органов и тем самым получат реальные возможности для защиты интересов церковных общин. Такого рода отклики в сводках привычно объяснялись деятельностью «контрреволюционных» элементов или целых организаций и проходили под рубрикой «враждебные отклики и предложения». Характерны высказывания верующих, зафиксированные в сводках «Крестьянской газеты» и доложенные «наверх» — в Секретариат ЦК ВКП(б): «Дать всем гражданам полную свободу... открыть все храмы православные, освободить всех тех, которые были сосланы... к храмам православным и другим молениям со стороны сельсоветов и других учреждений чтоб препятствий не было никаких, граждане свободно должны молиться кто как хочет»¹⁸, «после обсуждения проекта Конституции на общем собрании несколько стариков-колхозников явились в сельсовет и поставили вопрос об открытии церкви, закрытие которой ранее оформлено установленным порядком», «по новой Конституции все церкви должны быть восстановлены и якобы сейчас организовали специальные школы для попов», «ст. 136 толкуют неверно, что могут быть избранными и попы, тогда как церковь отделена от государства»¹⁹ и т.д. Академик В.И. Вернадский записал в своем дневнике 13 марта 1937 г. такую характерную примету этого времени: «Несомненно, очень глубоко верующие люди проникают в окружающую среду, и теперешнее положение неустойчиво»²⁰.

Вместе с тем выдвижение церковников на выборах в Советы было крайне затруднено советским законодательством. Либеральная поправка члена Конституционной комиссии К.Б. Радека о возможности самовыдвижения кандидатов в депутаты была отвергнута. На июньском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин издевательски отозвался на попытку члена ЦК Б.П. Позерна реанимировать эту инициативу: «...у нас было бы такое положение,

которое существует «для смеха» в некоторых конституциях европейских стран, где каждый гражданин имеет право поставить себе ящик и объявить себя кандидатом... Каждый дурак может ящик поставить и сам за себя голосовать... этой установки требовал у нас в комиссии Радек, но мы его отвергли, мы идем по группам, обществам и организациям. Вот основные субъекты, которые ведут дело кандидатов, выставляют кандидатуры». Одиночкам Сталин согласился предоставить только право «беспрепятственной» агитации за кандидатов²¹. Итак, по закону кандидатов в депутаты могли выдвигать только общественные организации и группы трудящихся. Прокурор СССР А.Я. Вышинский разъяснил, что избирательным правом обладают только общества, учрежденные в соответствии с Положением ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г., особо отметив, что «так называемые двадцатки» не являются обществами и общественными организациями, они не пользуются правом юридического лица и должны ограничиваться исключительно «удовлетворением своих религиозных потребностей»²².

В направлении расширения влияния религии и Церкви развертывалась с осени 1936 г. по весну 1937 г. пропаганда «религиозников», ими велась агитация против голосования за коммунистов на выборах и за избрание своих людей в советы²³. В такой деятельности не было ничего противоправного, если рассматривать ее с цивилизованных общегражданских позиций. Однако в глазах партийной номенклатуры подобные явления неизбежно принимали криминальный оттенок. Так, в записке Е.М. Ярославского, посланной в начале марта 1937 г. секретарю ЦК А.А. Андрееву (с просьбой разослать другим секретарям ЦК), отмечалось: «Проект Сталинской Конституции попы постарались «понять» и истолковать по-своему. По данным об Украине, Воронежской области, Азово-Черноморском крае и др. после опубликования проекта Конституции наблюдалась усиленная агитация за открытие церквей, организовывались делегации в Киев и Москву, были попытки организовать демонстрации с требованиями открыть церкви. В ряде районов Саратовского края такие демонстрации и шествия были организованы, а руководители церковных 36 организаций заявляли, что свобода уличных демонстраций для всех гарантируется Конституцией. В Саратовском крае зарегистрированы случаи, когда попы поговаривают о том, что в Советы трудящихся выберут и их. В Дагестане (в Левашевском районе) отмечены случаи агитации кулацких элементов, что по новой Конституции в советы следует избирать «почетных» людей, в частности мулл. Вообще заметно сейчас стремление духовенства истолковать Конституцию в свою пользу. Поповщина пытается добиться свободы религиозной

пропаганды²⁴, отвоевать себе свободу уличных шествий, религиозной печати и т.д. Отдельные группы духовенства вносят в ЦИК СССР даже свои проекты законодательства по этим вопросам». «Все эти факты свидетельствуют о том, — подытожил Ярославский, — что вокруг религиозных организаций ютится много антисоветских элементов, стремящихся потянуть за собою рядовую массу верующих, располагающих довольно внушительным готовым аппаратом, кадрами и средствами, (они) будут в условиях предвыборной кампании, вероятно, **единственными легальными организациями, которые смогут использовать враги для борьбы против нас** (здесь и далее выделено мной — *И.К.*)»²⁵.

Были среди верующих и голоса, которые предрекали, что теперь как раз церковники будут репрессировать, общины громить, верующих уничтожать²⁶. Материалы об этом пробужденном Конституцией противоречивом общественном религиозном движении, в котором сплетались наивность и рациональность, осознанная вера и фанатизм, здравые и бредовые суждения, получались в 1936–37 гг. властями всех уровней — от Сталина до местных секретарей — и вызывали у номенклатуры обоснованные тревоги и опасения.

Таким катализатором тревог и опасений номенклатуры явился печально известный февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., инициировавший эскалацию массовых репрессий в стране. В докладе об избирательной реформе секретарь ЦК А.А. Жданов особо остановился на проблеме отмены ограничений для «лишенцев». Он говорил, что теперь придется иметь дело с враждебной агитацией и кандидатурами, которые не пренебрегут возможностью воспользоваться новой Конституцией, что деятельность религиозных организаций и «попов всех рангов и мастей» теперь оживилась, они активно организуют разные кружки и проч. Жданов подверг резкой критике состояние антирелигиозной пропаганды в стране и деятельность Союза воинствующих безбожников во главе с Ярославским. Вместе с тем Жданов дал понять, что государство прибегнет и к прямым репрессиям против «враждебных элементов» в связи с избирательной кампанией: **«...такого рода кампании не обходятся без известного нажима. Это входит в понятие диктатуры рабочего класса. Мы не отказываемся от этого нажима, и впредь было бы смешно от этого отказываться»**. Ярославский, признав в своем выступлении, что антирелигиозная пропаганда «находится в состоянии анабиоза», попытался отвести удар от возглавляемого им Союза. Он сделал упор на то, что упреки в этой области должны касаться всех партийных организаций в стране в целом. Ярославский привел тревожные для участников пленума

цифры: в стране имеется 39 тысяч только зарегистрированных религиозных организаций («двадцаток») и около миллиона их актива. Он призвал не увлекаться административными мероприятиями в виде закрытия церквей, не делить трудящихся на верующих и неверующих во время выборов, стараясь оторвать первых от влияния церковников, а также провести комплекс мер по усилению антирелигиозной пропаганды, укреплению ее печатью, кадрами и др.²⁷

Другие выступающие члены ЦК также выражали свою озабоченность. Так, С.В. Косиор приводил примеры нежелательного оживления религиозников на Украине. «Нам надо тут каким-то образом протянуть свои щупальцы, — предложил он, — знать, что происходит, что делается, какие организующие рычаги, центры имеются. И все это надо делать заблаговременно, потому что во время избирательной кампании будет уже поздно заниматься этими делами». Секретарь ЦК КП Казахстана Л.И. Мирзоян выразил беспокойство активизацией мулл в республике, добивавшихся открытия мечетей и строительства новых. Он говорил, что попы и муллы готовятся к выборам, и «в целом ряде мест духовенство так ловко подделывается под советский лад, что частенько разоружает наши отдельные первичные организации. У нас был случай, когда в церквях и мечетях выступали с докладами о новой Конституции, говорили относительно великого значения Конституции и т. д.» В том же духе высказывались на Пленуме М.М. Хатаевич (Украина), А.Я. Попок (Туркмения), И.Д. Кабаков (Урал), А.С. Калыгина (Воронежская область). Выступления некоторых ораторов на религиозную тему прерывались репликами Сталина, показывающими заинтересованность «вождя» в этом вопросе. Так, глава Агитпропа А.И. Стецкий говорил, что хотя проход «враждебных элементов» в Верховный Совет затруднен, «что касается низовых советов — районных, городских, сельских в особенности, то тут избирательная борьба будет чрезвычайно серьезная». Сталин заметил на это: «Ряд сельсоветов может попасть в их руки». Стецкий провел далее мысль, что и когда церковники становятся на советскую платформу, это якобы является прикрытием для их антисоветской агитации. Когда Е.Г. Евдокимов жаловался на засилие сектантов в Азово-Черноморском крае, Сталин прервал его: «Чего же ты, т. Евдокимов, смотришь?» Н.К. Крупская (Наркомпрос) подчеркивала «чрезвычайную хитрость» попов и мулл, которые в своей агитации якобы опираются на недостатки советской работы, поэтому призвала не просто укреплять работу политпросветов, а «тесно связать их работу с политикой. И затем надо бы сейчас же начать улучшать работу секций, что поможет шире вести подготовительную работу к выборам». В резолюции Пленума по

докладу Жданова констатировалась только всеобщность выборов по новой Конституции, а прозвучавшие в выступлениях делегатов предложения о необходимости использования в избирательной борьбе против церковников административно-репрессивного и агитационно-пропагандистского ресурсов отражены не были²⁸. Но дальнейший ход событий показал, что эти предложения были учтены в реальной политике государства.

Антирелигиозная пропаганда после подъема и крупных успехов на волне коллективизации в 1929–33 г. действительно переживала глубокий кризис, о чем руководители идеологических служб сигнализировали «наверх». В декабре 1936 г. замначальника отдела культурно-просветительской работы ЦК А.И. Ангаров подал подробную записку на имя секретарей ЦК Сталина, Андреева и Ежова о резком ослаблении антирелигиозной работы в стране всеми организациями с «кричащими» фактами, как-то: фактический коллапс деятельности Союза безбожников («в настоящее время ячейки и районные союзы безбожников почти повсеместно развалились») — при сохраняющейся «густой сети опорных пунктов» активизирующихся церковников и сектантов, распространение «бродячих попов», ведущих «контрреволюционную работу» по деревням, сокращение антирелигиозной литературы, слабое влияние местных партийных организаций. «Вождь» такие материалы читал и изучал, о чем свидетельствуют его отчеркивания в тексте записки Ангарова²⁹. Заметим, что ситуация, переданная в записке, корреспондировала с мнением Л.Д. Троцкого в книге «Преданная революция» (1937 г.), что «по отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета»³⁰.

Как бывало в партийно-государственной практике, поводом для принятия властью важного решения послужило конкретное дело. 27 января 1937 г. начальник отдела ЦУНХУ В.И. Хотимский послал докладную записку Сталину о чрезвычайном происшествии, с которым он столкнулся во время своего пребывания в пограничном Лепельском районе Белоруссии. Тогда 230 сектантов (52 хозяйства) отказались отвечать на вопросы переписи, и даже в ходе суда над ними «организаторы молчания» продолжали молчать. Хотимский в духе времени сделал вывод, что происходящее связано с деятельностью шпионской контрреволюционной организации, которая «путем молчания по переписи, под религиозным прикрытием... демонстрировала безнаказанное неповиновение власти»³¹. Записка заинтересовала Сталина, и он написал резолюцию: «Т. Андрееву. Надо потребовать объяснения от секретаря Обкома и предсовнаркома Белоруссии. Видимо, партработа

поставлена у них плохо. Хорошо бы поставить вопрос в Оргбюро. И. Сталин»³².

Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «Записка т. Хотимского о Белоруссии» от 8 февраля 1937 г., помимо обвинений в адрес ЦК КП Белоруссии в запущенности партийно-политической работы, облегчившей «подрывную работу среди населения» классово-враждебным элементам, постановило также заслушать на следующем заседании доклады Отдела пропаганды и агитации ЦК и Союза воинствующих безбожников «о состоянии антирелигиозной пропаганды и мерах по ее улучшению»³³. Готовясь к этому заседанию Оргбюро, от безбожников страны Е. М. Ярославский, от культпросветотдела ЦК А. И. Ангаров и Е. Тамаркин, от агитпропа ЦК А. И. Стецкий и В. Г. Кнорин в феврале—апреле 1937 г. подали в ЦК ВКП (б) обширные записки, в которых авторы пытались объяснить развал антирелигиозной пропаганды как пассивностью местных властей, так и повышением активности враждебных церковников, использующих Конституцию в своих целях. Ярославский пытался защитить главным образом свое безбожное «ведомство», не получавшее несколько лет от идеологических служб страны должной поддержки. Он в духе своего выступления на пленуме выступил против администрирования в деле закрытия церквей, как способствующего расширению церковного подполья. Ярославский призвал к выступлению широким фронтом против религии с помощью активизации партийных и советских организаций всех уровней³⁴. Стецкий и Кнорин в своей записке использовали материалы обследования в ряде областей РСФСР и в Дагестане, которые показали заметный рост влияния церковников на население и тревожащие факты сотрудничества местных властей с ними. Авторы критиковали Союз безбожников, комсомол, профсоюзы, наркомпросы за бездеятельность³⁵. Ангаров и Тамаркин представили похожую картину пассивности и развала работы советских и партийных органов в антирелигиозной сфере. Их записка была более критически заострена против Союза безбожников, авторы подчеркивали его «засоренность» троцкистами³⁶. Как документы, характеризующие «новые методы работы церковников», Ангаров и Тамаркин приложили к записке подписанное обновленческим архиепископом Павлом «воззвание духовенства Вяземской епархии» с беззастенчивыми восхвалениями Сталина и план лекции протоиерея Алексея Поспелова «Советская власть при свете веры» с славословиями в адрес советской власти³⁷. В проекте постановления ЦК ВКП (б) «Об антирелигиозной пропаганде», предложенном Агитпропом ЦК, содержался обстоятельный план развертывания антирелигиозной работы. Прежде всего, предполагалось

оживить деятельность в этой сфере союзов безбожников, партийных и комсомольских организаций³⁸. Ярославский же предложил дать директиву всем парторганизациям об усилении антирелигиозной работы³⁹, созвать весной специальное антирелигиозное совещание при ЦК ВКП(б) (созвано не было), а также организовать помощь безбожникам, укрепить их кадрами, средствами, печатью, позволить провести новый съезд осенью 1937 г.⁴⁰

На заседании Оргбюро ЦК от 29 апреля решили, видимо, не торопиться с принятием конкретных решений, так как антирелигиозного постановления принято не было, а была создана Комиссия, который было поручено разработать закрытое письмо ЦК к местным парторганизациям об улучшении антирелигиозной пропаганды, а также сложный комплекс мер по возрождению антирелигиозной работы в стране — в школах, комсомоле, профсоюзах, кино, радио, издании литературы. Комиссии было поручено вносить свои предложения в ЦК по мере их готовности, подготовив первый доклад к 20 мая⁴¹. Возглавил Комиссию крупный партийный деятель Я.А. Яковлев, разработчик нового избирательного закона, глава сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б), и в прошлом активный проводник политики сплошной коллективизации. Яковлев был известен как плодовитый партийный журналист, создатель и первый редактор «Крестьянской газеты», а также знаток религиозного вопроса на селе, который он рассматривал в ряде книг о нэповской деревне в 1920-е гг.⁴² О высоком статусе Комиссии свидетельствует, что в нее вошли такие видные руководители, как вожак комсомола А.В. Косарев, глава Агитпропа А.И. Стецкий, нарком просвещения А.С. Бубнов, председатель комиссии ВЦИК по культам П.А. Красиков, начальник Главного управления кинопромышленности Б.З. Шумяцкий, зав. отделом печати и издательств ЦК Б.М. Таль, глава Госполитпросвета Н.К. Крупская, председатель Союза воинствующих безбожников Е.М. Ярославский, начальник ЦУНХУ И.А. Краваль, видный специалист по национальному вопросу Г.И. Бройдо и др.⁴³ «Комиссия Яковлева» 1937 г. — вторая по счету Антирелигиозная комиссия ЦК после «Комиссии Ярославского» 1920-х гг., и о ней ничего неизвестно. Не найдено никаких документов, характеризующих ее деятельность, — ни подготовленных решений, ни докладов, ни протоколов заседаний. Дело, скорее всего, не в том, что ее материалы до сих пор засекречены. Сама деятельность Комиссии, ориентированной на выработку разных методов пропаганды, на продолжительную и кропотливую работу, не отвечала происходящим в стране процессам, когда руководство страны востребовало грубые террористические методы. Комиссия оказалась мертво-

рожденной — в условиях массового избияния партийных и советских кадров становилось некому готовить и проводить решения. Трагическая статистика — из 16 членов Комиссии в годы террора было уничтожено 11, включая ее председателя. Из 11 человек, выступавших на Оргбюро с предложениями по созданию Комиссии, уничтожено 6⁴⁴. Методичная организационно-пропагандистская работа с лета 1937 г. задвигалась на второй план по отношению к погромно-репрессивным кампаниям.

По документам заметно, что с 1937 г. происходит охлаждение властей к деятельности Союза воинствующих безбожников, потерявшему в ходе чисток значительную часть своих членов. Это видно в решениях по международным контактам этой организации. В 1920—1930-е гг. ЦК ВКП(б) и Сталин охотно шли навстречу Ярославскому в его контактах с коллегами по безбожию на Западе, отправляли и оплачивали делегации на разные конгрессы безбожных Интернационалов⁴⁵. Так, 20 февраля 1937 г. ЦК выделил Ярославскому сумму в 1 000 американских долларов для уплаты членского взноса в Международном объединении свободомыслящих. Неуплата этого взноса грозила исключением СССР из этой организации⁴⁶. Но в сентябре 1937 г. ЦК без объяснения причин отказал в просьбе Ярославского о командировке безбожников на заседание Совета свободомыслящих в Париж⁴⁷, и дальше такого рода поездки и контакты Союза безбожников были, видимо по решению Сталина, отменены. 29 августа 1938 г., ввиду настойчивых предложений от зарубежных товарищей приехать, Ярославский доложил Сталину, что «согласно указаниям т. Андреева, мы ничего им о делегации не пишем, так как такой делегации не посылаем»⁴⁸.

В руководстве страны были лица, которые склонялись к радикальному решению вопроса существования самих религиозных организаций. Так, в упомянутых выше предложениях Ярославского содержалось требование пересмотреть существующее законодательство о религиозных организациях⁴⁹. В литературе уже писалось о несостоявшейся церковной «контрреформе», предложенной Г.М. Маленковым и поддержанной Н.И. Ежовым в их записках Сталину от 20 мая и 2 июня 1937 г⁵⁰. Маленков предложил так изменить и без того крайне дискриминационное постановление ВЦИК о культах 1929 г., чтобы ликвидировать церковные двадцатки и исполнительные органы церковников. «Предложить такой порядок регистрации религиозных обществ, который не оформлял бы наиболее активных церковников. Декретом мы сами создали широко разветвленную, враждебную советской власти легальную организацию»⁵¹. Ежов отметил, что двадцатки являются якобы «прикрытием» антисоветской работы церковного актива и

предложил выработать новое законодательство, которое, по сути, лишило бы церковные общины юридической основы⁵². Проект Маленкова-Ежова отражал настроения номенклатуры. На пленумах ЦК в 1937 г. ораторы были не довольны тем, что церковники имеют легальную основу для организаций. В том, что эти предложения были отклонены, думается, сыграли особенности сталинской тактики. Сталин в своих операциях — даже в самой жестокой террористической деятельности — никогда не шел до конца, до последнего предела, сохраняя возможность для маневра и отступления. Так, в 1937 г. неслучайно были сохранены остатки Патриархии. При почти полном уничтожении всего корпуса православных иерархов на свободе оказались 4 действующих архиерея, как подобие церковного управления. При разгроме обновленческой иерархии официальный глава Александр Введенский со своим штатом был сохранен⁵³. Так и в случае с двадцатками. При предстоящем, планомерном и массовом уничтожении церковного актива Сталину было важно сохранить внешний вид легальности церковных общин, чтобы показывать миру видимость свободы вероисповедания в СССР. Между тем Президиум ВЦИК в начале 1937 г. направил в ЦИКи союзных республик для рассмотрения и внесения предложений проект закона о религиозных организациях. Однако проект закона не был одобрен центральной властью. Тогда же были отклонены и проекты постановлений «Об отправлении религиозных культов и молитвенных зданиях» и «Положение о постоянной Комиссии ЦИКа по вопросам культа»⁵⁴. Действующее законодательство о культах, определяемое дискриминационным постановлением 1929 г., устраивало Сталина.

Синхронно с подготовкой массовых террористических операций в июле 1937 г. власти резко ужесточили налоговый гнет для верующих. 11 июля председатель СНК СССР В.М. Молотов направил записку в Политбюро о необходимости отменить постановление ЦИК 1931 года как льготное для налогообложения служителей культа, так как они во многих случаях платят налогов меньше, чем трудовые единоличные хозяйства. В результате постановлением Политбюро от 14 июля было решено установить с 1 июля 1937 г. максимально высокие ставки налогов (подходный и культсбор) для служителей культа, предусмотренные для лиц, имеющих нетрудовые доходы⁵⁵. Таким образом, согласно этому решению, обрушиваемый руководством страны на духовенство, религии и церкви массовый террор должен был сопровождаться их экономическим удушением. О том, как это воплощалось в жизнь, свидетельствует запись в дневнике В.И. Вернадского от 10 ноября 1938 г.: «...борьба с православием. Арестовывают последних

священников. Их облагают явно для всех несправедливыми налогами (коза — более 300 р.), овощи во много раз дороже, чем для других единоличников. Те, которые добиваются отмены этих явно тенденциозных обложений, арестовываются, а новые священники не идут или их нет. Церкви закрываются, но создается глубокое недовольство и расстройство социального строя. Жуткие рассказы непосредственно из быта людей, вовсе не противников нынешнего режима, умных и порядочных»⁵⁶.

Вопрос о вовлечении церковников в орбиту массовых террористических операций государства был по существу предрешен февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б) 1937 г., когда Сталин актуализировал две теории, ставшие идеологической программой террора. Первая — теория обострения классовой борьбы по мере продвижения социализма — многократно рассматривалась в литературе, а вторая остается как бы «в тени». Это теория **единого фронта врагов на основе программы восстановления капитализма**. В своем программном выступлении на Пленуме 3 марта 1937 г. Сталин отметил, что «зиновьевцы» и троцкисты **объединяют вокруг себя ВСЕ враждебные буржуазные элементы**», а их политическая платформа — «восстановление капитализма в СССР». Сталин указывал далее: **«Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добивают будто бы свои последние кадры. Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу»**⁵⁷. Эти откровенно преступные сталинские установки, помимо нагнетания в стране психоза и истерии, ориентации людей и партийно-государственных структур на шпиономанию, ксенофобию и поиск врагов, программировали собой неизбежное расширение террора на многие слои населения, находящиеся за пределами партноменклатуры, — и прежде всего ставили под удар так называемых «бывших людей». Теория «единого фронта» давала универсальный повод для репрессий всех и каждого. Троцкисты могли соседствовать с попами, правые с эсерами, а интеллигенты с простыми крестьянами и уголовниками. Так, на том же пленуме 1-й секретарь Уральского обкома И.Д. Кабаков, очевидно озвучивающий очередную разработку НКВД, проинформировал, что расстрелянный незадолго перед тем руководитель троцкистского «заговора» Г.Л. Пятаков якобы давал конкретные указания «относительно связи ... с служащими культа»⁵⁸. В архиве Молотова сохранились

его заметки в день речи Сталина на пленуме. В них председатель СНК формулирует концепцию тотального врага: «Враги народа — их выкорчевывание, много сделано — не додел(али) — доделаем!.. Враг стал хитрее, изворотливее, а **мы, многие из нас, шли со старыми понятиями о враге...** Враг в его новом тр(оцкистско)-бур(жуазном) обличи живуч: а) неприм(иримо) враждебен, б) приспособл(яется) к партии, **в) объеди(яет) все антисов(есткие элементы, г) опора за границей, у капгосударств, г) исполыз(ование) сов. аппарата, г) озлоб(ление) усилилось (процесс)**»⁵⁹.

В сохранившемся конспекте доклада Ежова на июньском пленуме ЦК ВКП (б), давшем размах террору, говорилось о «центре центров» как заговоре заговоров, объединенном общностью целей — восстановлением капитализма⁶⁰.

НКВД принимало практические меры по подготовке удара против церковников. Еще 27 марта 1937 г. из центра в местные управления был разослан циркуляр № 23 «Об усилении работы по церковникам и сектантам», в котором указывалось, что именно в связи с предстоящими выборами необходимо принятие всех мер, чтобы ставленники Церкви не прошли в низовой советский выборный аппарат. Циркуляром также предписывалось не допустить расширения выступлений Церкви за предоставление прав наравне с ВКП (б) и общественными организациями в выдвижении собственных кандидатов на выборах⁶¹. Кроме того, в нем содержался приказ об усилении агентурной и оперативной работы по «персоналу церкви» (церковникам) и приверженцам сект⁶². О том, что циркуляр был принят к действенному исполнению на местах, говорят недавно рассекреченные документы Службы безопасности Украины. Уже к концу апреля на Украине был завершён сбор материалов по деятельности религиозных общин. Отчет об этом подчеркивал их отрицательное влияние на молодежь, доказывал их «организованную антисоветскую деятельность», включавшую контакты за границей⁶³. 8 июня 1937 г. последовала новая директива НКВД «начать решительные меры по ликвидации церковников и приверженцев сект»⁶⁴. Это послужило началом массовых арестов в церковной среде — в рамках подготовительной кампании к запланированным руководством страны «массовым операциям».

«Религиозники» (священноцерковнослужители, активисты церковных общин) репрессировались главным образом внесудебными тройками в рамках так называемой «кулацкой операции» — в результате реализации утвержденного постановлением Политбюро от 31 июля 1937 г. приказа НКВД № 00447, которым определялись направления и масштабы массового террора против простых людей в стране, т.е. не принадлежавших к номенклатурной

элите, в приказе утверждался упрощенный порядок следствия, составы троек, лимиты лиц, подлежащих быстрому уничтожению или отправке в лагеря (лимиты потом в течение 1937–38 гг. регулярно продлевались Сталиным и Политбюро, а также Ежовым по согласованию со Сталиным)⁶⁵. Только во исполнение этого постановления в 1937–38 гг., по внутриведомственной статистике, было осуждено 767 397 чел., из них 386 798 чел. расстреляно⁶⁶. Это примерно половина арестованных и половина расстрелянных жертв «Большого террора».

В материалах к особым папкам Политбюро стала доступна часть документов о подготовке «кулацкой операции» и ее дальнейшем расширении в плане повышения лимитов. Документы дают широкую картину совместного террористического «творчества» местных партийных секретарей и начальников НКВД, с одной стороны, и Сталина и других членов Политбюро, с другой. Так, в постановлении Политбюро от 2 июля 1937 г. (его черновик был написан лично Сталиным) о начале подготовки «кулацкой операции» церковники, как целевая группа репрессий, еще не выделялась, — речь шла о необходимости взятия на учет для последующих репрессий вернувшихся из ссылок бывших кулаков и уголовников⁶⁷.

Расширение предлагаемого к репрессиям контингента произошло по предложениям с мест в ходе определения размеров лимитов на репрессии в период подготовки приказа № 00147 в июле 1937 г. Особенно «отличились» в этом отношении секретари национальных компартий и областей. Так, Батыр-Атаев выразил беспокойство активизацией мусульманского духовенства («мусульманских») в республике: «ЦК КП(б) Туркменистана считает необходимым включение этих контингентов для репрессии и высылки». На следующий день, 9 июля, постановление Политбюро «проштамповало» предложение Батыр-Атаева (Сталин дописал: «поручив НКВД определить число подлежащих расстрелу и высылке»)⁶⁸. 1-й секретарь ЦК КП Грузии Л.П. Берия в своем предложении упоминает просто «враждебный антисоветский элемент» (без категорий «кулаки», «уголовники»), секретарь Карельского обкома П.А. Ирклис учел также «прочий антисоветский элемент»⁶⁹, 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана А.И. Икрамов предложил обрушить репрессии на очень широкий круг «антисоветского элемента», включающий как мусульманских, так и русских «духовников». Предложение Икрамова было автоматически утверждено Политбюро⁷⁰. В шифровке Сталину секретарь Мордовского обкома В.М. Путнин отметил, что среди возвратившихся в Мордовию из высылки «много активных церковников и сектантов», якобы

«продолжающих сейчас активную враждебную работу»⁷¹. Секретарь ЦК КП Азербайджана М.Д. Багиров методично перечислил разные категории людей на уничтожение и в их числе «муссавистов, иттихадистов, дашнаков и духовенства». Резолюция Сталина, обычная для этих бумаг: «Согласен. Утвердить. И. Ст.»⁷². Секретарь Бурят-Монгольского обкома М.Н. Ербанов обратил особое внимание на лам, «ведущих антисоветскую работу, прикрываясь знахарством, предсказаниями и шарлатанством», и предложил применить директиву о кулаках и к ним. Резолюция Сталина — «Утвердить», далее следовали подписи всех членов Политбюро⁷³. Партийные начальники также предлагали распространение операций и на другие категории «бывших людей» — бывших членов «антисоветских» партий, торговцев, баев и т.д. Ирония истории заключается в том, что большинство самих этих активистов сталинского террора, отправлявших многие тысячи людей на расстрелы и в лагерь, тоже были репрессированы.

В результате в окончательном тексте утвержденного Политбюро приказа от 31 июля 1937 г. среди категорий людей, обреченных на репрессии, присутствовали не только «кулаки» и «уголовники», но еще и разнообразный «антисоветский элемент», в число которого закономерно вошли церковники. В преамбуле приказа Ежова говорилось, что в деревне «осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов». В разделе «контингенты, подлежащие репрессии» под пунктом 6 значились церковники и сектанты, ведущие враждебную работу в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях. Однако п. 9 раздела «разрешал» повсеместную репрессию этой категории и «на воле»: «репрессии подлежат **все** перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе — на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве»⁷⁴. Заметим, что резкое расширение целевых групп террора в рамках «кулацкой операции» отвечало концепции «единого враждебного фронта» и задачам, ставившимися в этой связи Сталиным перед партийной номенклатурой и карательными органами. Отныне в отчетных сводках НКВД по исполнению приказа № 00447 указывались **три** важнейшие составляющие «кулацкой операции» — 1) «бывшие кулаки», 2) «уголовники», 3) «другой контрреволюционный элемент»⁷⁵. Именно в рамках «другого контрреволюционного элемента» массово репрессировались церковные иерархи, духовенство всех религий, церковнослужители. Хотя необходимо учесть, что многие активные миряне, члены церковных советов, репрессировались также и в числе «бывших кулаков»

и «уголовников», а часть духовенства разных религий пострадала в рамках так называемых «национальных операций». Репрессировали церковников в этот период и обычные суды разных уровней. Поэтому точный подсчет репрессированных церковников (разных конфессий) затруднителен, если вообще возможен, а бытующие в литературе цифры носят приблизительный, гипотетический или дискуссионный характер. Подсчитанный общий расклад репрессированных «кулацкой операцией» по трем основным категориям является таким: «кулаки» — 372, 6 тыс., «другие контрреволюционные элементы» — 266, 7 тыс., «уголовники» — 127, 9 тыс.⁷⁶

8 сентября 1937 г. Ежов направил Сталину спецсообщение «о первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов», содержащее особый раздел «церковно-сектантское контрреволюционное подполье», в котором перечислялись «вскрытые» формирования в ряде областей страны. Вредная роль церковников отмечалась наркомом также в «кулацких» и «повстанческих» организациях⁷⁷. Для репрессирования церковников в рамках «кулацкой операции» характерно огромное количество «групповых дел». В ходе создания органами многочисленных липовых организаций в их названиях «религиозников» постоянно объединяли с кулачеством — например, «кулацко-церковная», «кулацко-сектантская» группа. Церковники неслучайно увязывались с кулаками. Они действительно составляли единое целое с крепким крестьянством в плане духовной, неполитической альтернативы режиму.

Террористические операции против «бывших» руководство страны увязывало с задачами правильного проведения предвыборной кампании, что отразилось в материалах октябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года, посвященного предстоящим выборам. При обсуждении особенностей предвыборного процесса ораторы вновь поднимали вопрос опасности, исходящей от церковников при выборах в Верховный Совет, усматривая решение этой проблемы не только в агитации и пропаганде, но и в активных усилиях карательных органов. Так, секретарь Архангельского обкома Д.А. Конторин в речи на пленуме попросил ему увеличить установленный для области лимит по 1 категории (на расстрел) — еще на 400—500 человек, так как «это помогло бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет». «У нас такая область, что требуется еще подавить этих гадов»⁷⁸. (Сам Конторин был арестован 3 ноября 1937 г., т.е. через 20 дней после работы пленума, расстрелян 10 февраля 1938 г.)⁷⁹. 1-й секретарь Днепропетровского обкома Н.В. Марголин остановился на «антисоветской деятельности церковников», отметив, что последние активно используют кликуш-старух, бывших монашек, которые ходят по колхозам и агитируют за крещение детей. Молотов наставительно прервал

Марголина: «Тут не в старухах дело, а в организациях». «Марголин: Именно в контрреволюционных организациях церковников, сектантов и прочей сволочи»⁸⁰. (Марголин арестован 3 ноября 1937 г., расстрелян 10 февраля 1938 г.)⁸¹. 1-й секретарь Ярославского обкома Н.Н.Зимин заметил, что вокруг церковников «объединяются уголовные и фашистские элементы в попытках вести антисоветскую работу в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет»⁸². (Зимин арестован 11 февраля 1938 г., расстрелян 10 сентября 1938 г.)⁸³. Секретным пунктом своей итоговой резолюции октябрьский пленум окончательно превратил предстоящую избирательную кампанию в фарс: всем местным парторганизациям предписывалось предоставить в ЦК ВКП(б) согласованные списки кандидатов в депутаты на утверждение — «с тем, чтобы кампания по выдвижению снизу началась лишь после согласования списков состава кандидатов с ЦК ВКП(б)»⁸⁴.

Несомненно, прямым итогом прений на Октябрьском пленуме была последовавшая в промежуток времени с 12 октября по 5 ноября 1937 г. директива НКВД, предписывающая «в ближайшие дни обеспечить оперативный разгром церковного и сектантского контрреволюционного актива, подвергнув аресту всех участников шпионских, повстанческих и террористических формирований, в том числе пытающихся вести подрывную работу в связи с выборами [в Верховный Совет СССР]»⁸⁵. Интенсификация кампании террора против церковников осенью 1937 года происходила не без личного вмешательства Сталина и под его личным контролем. 13 ноября 1937 г. Л.З. Мехлис переадресовал Сталину письмо редактора газеты «Звезда» о вредном влиянии церкви в Белоруссии, и Сталин написал резолюцию: «Т. Ежову. **Надо бы поприжать господ церковников**»⁸⁶. В ответ на это указание Ежов направил шифротелеграмму на места с требованием предоставить ему материалы по арестам церковников и сектантов в ходе «кулацкой операции» с августа по ноябрь 1937 г. Обобщив данные этих сводок, нарком в конце ноября направил обширную докладную Сталину. В записку Ежова вошли только данные о репрессиях против православных («тихоновцев», «григорианцев» и «обновленцев») и сектантов. Приведенные в ней сведения свидетельствовали о впечатляющих «успехах» органов по разгрому «церковной контрреволюции». Так, в целом с августа по ноябрь было арестовано 31 359 церковников и сектантов, из них митрополитов и епископов 166, попов 9 116, монахов 2 173, «церковно-сектантского кулацкого актива» 19 904. Из этого количества было осуждено к расстрелу 13 671 человек, из них епископов 81, попов 4 629, монахов 934, «церковно-сектантского кулацкого актива» — 7 004. Комментируя эти данные, Ежов

откровенно обнажал цели преступной сталинской политики: «Оперативный удар был нанесен исключительно по организующему и руководящему активу церковников и сектантов. В результате наших оперативных мероприятий почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь. Остались одиночки-епископы, при том условии, что мы пресекаем попытки к выращиванию каких бы то ни было новых епископов и митрополитов. Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что также должно способствовать разложению церкви и сектантов»⁸⁷. К числу недостатков в работе НКВД Ежов отнес тот факт, что еще не все начальники местных управлений развернули у себя в областях и республиках мероприятия по разгрому церковников и сектантов, о чем свидетельствовали и приводимые им данные — 6 990 легальных церквей по Союзу, 9 750 попов, свыше 2 000 сектантских проповедников. По мнению наркома, православные церковники (тихоновцы, обновленцы и григорианцы) якобы теперь действуют заодно и совместно с сектантами, «ставят своей задачей создание единого антисоветского фронта». Далее перечислялись «вскрытые» за отчетный период по разным областям Союза многочисленные «блоки» церковников и сектантов самых разных направлений, с фантастическими обвинениями в шпионаже, вредительстве, терроре, связях с фашистами и проч. Обращает на себя внимание, что ряд «враждебных» действий церковников Ежовым связывался с предвыборной кампанией («использование легальных возможностей для укрепления позиций церкви и сектантства»)⁸⁸, попытками выдвижения церковниками своих кандидатов на выборах, борьбой за права Церкви, что интерпретировалось чекистами в криминальном плане («многие арестованные нами митрополиты и епископы разрабатывали специальные обращения к верующим, в которых призывали к борьбе за политические права церкви»). Коснулся Ежов и острой проблемы развала антирелигиозной работы в стране, обвинив в бездействии Союз воинствующих безбожников, в рамках которого якобы вредила «по заданию Гестапо» троцкистская организация во главе с заместителем Ярославского Лукачевским. Ежов проинформировал Сталина о специальных указаниях, данных им управлениям 17-ти областей, «о немедленной ликвидации всех церковно-сектантских контрреволюционных формирований»⁸⁹. В неопубликованной части записки содержались предложения о насыщении оставшихся церковных структур чекистской агентурой, очевидно одобренные Сталиным.

Карательные органы правильно понимали установки, поставленные им руководством страны (и, в частности, сталинское

«поприжать церковников») по уничтожению «церковно-сектантского актива». На это их нацеливало и продолжение в 1938 г. избирательной кампании при выборах в местные органы власти. Людей уничтожали часто просто по признаку социального происхождения, материалы упрощенного «следствия» имели мало значения, они служили «оформлением» заранее подготовленных проскрипционных списков. Так, Ежов, выступая на активе НКВД УССР 17 февраля 1938 г., в ходе карательной экспедиции на Украину, заметил, что у начальников УНКВД, «оказывается, живыми еще ходят 7 или 8 архимандритов, работают на работе 20 или 25 архимандритов, потом всяких монахов до чертика. Почему всех этих людей не перестреляли давно? Это все-таки не что-либо такое, как говорится, а архимандрит все-таки. (Смех). Это же организатор, завтра же он начнет что-нибудь затевать»⁹⁰. Ежов также упрекал украинских чекистов, что операция в основном сосредоточилась на деревне, а «город остался в стороне, и в городах у вас продолжают ходить и попы и архиепископы — очень активная контрреволюция из духовенства»⁹¹. В день этого выступления Ежова, 17 февраля, Политбюро и Сталин выделили для Украины самый большой дополнительный расстрельный лимит за все время «кулацкой операции» — на 30 тысяч человек⁹². Как показывает документ, Сталин лично отредактировал текст этого постановления Политбюро и расписался «За. И. Сталин», а за ним — Молотов и Ворошилов⁹³. В рамках этого лимита в феврале-мае 1938 г. происходило массовое уничтожение украинских церковников. В директиве НКВД по итогам поездки Ежова на Украину среди групп, подлежащих уничтожению, были выделены «черное и белое духовенство», «сектантские руководители и проповедники»⁹⁴.

Итог террористической кампании 1937–1938 гг. против церковников можно интерпретировать как в целом успешный для Сталина и его окружения. Удалось добиться нейтрализации неприятного пропагандистского пункта Конституции о допуске бывших «лишенцев» в Верховные Советы. Так, никто из «религиозников» или их представителей ни в центральный, ни в местные советские «парламенты» избран не был — массовый террор, сопровождаемый циничными манипуляциями, поставил подобному результату надежный заслон.

Надо сказать и об одном ранее неизвестном, но важном решении Сталина в октябре 1937 г., которое показывает его роль в погромной антирелигиозной кампании. Террор против верующих сопровождался массовым закрытием церквей, принявшим вновь, как и в годы коллективизации, колоссальные масштабы⁹⁵. Местная партийная печать часто выступала застрельщиком этих акций. Но

сопротивление пришло с неожиданной стороны. В октябре 1937 г. к руководству Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) пришел главный редактор «Правды», один из активных сталинских выдвиженцев Л.З. Мехлис. Мехлис сыграл огромную роль в раскручивании маховика террора, так как превратил печать в отточенный и действенный инструмент террористических кампаний. Редактируемая им «Правда» была одним из важнейших механизмов массового террора в стране. На местах инициаторами террора, бывало, выступали различные корреспонденты «Правды». В архиве Молотова хранится значительное количество пересланных Мехлисом Сталину и Молотову доносов спецкорров «Правды» из разных областей страны⁹⁶, послуживших причинами раскручивания фальсификаций различных заговоров — в том числе с участием местного духовенства. Один из примеров — донесение Мехлиса Сталину и Молотову от 21 ноября 1937 г.: «Бурят-монгольский корреспондент «Правды» тов. Овчаров прислал корреспонденцию, в которой сообщает о шпионской и предательской работе ламства. Как пишет тов. Овчаров, в столице республики Уде рассосалось (так в тексте — *И.К.*) 265 лам, состоявших ранее в большом духовном чине. Пять человек из них работают на аэродроме, 30 на паровозно-пороховом заводе, 65 человек — на кирпичных, кожевенных заводах и т.д. Ламы ведут большую шпионскую и диверсионную работу. В колхозе им. Ленина осело 13 лам, которые распустили провокационный слух, что за выборные бюллетени будут высчитывать трудодни. В колхозе им. Лупсанова ламы заразили ядами весь хлеб, подлежащий распределению по трудодням, отчего заболели все колхозники. Далее тов. Овчаров сообщает, что в республике организации плохо пресекают подрывную работу ламства. Посылаю Вам для сведения копию этой корреспонденции. Мехлис»⁹⁷. По подобным сообщениям руководство страны принимало решения об эскалации чисток в областях и республиках. Тот же Мехлис 23 октября 1937 г. подал Сталину и другим секретарям ЦК Кагановичу, Андрееву, Жданову и Ежову записку «Об извращениях в антирелигиозной пропаганде и массовом закрытии церковью административными мерами». Наиболее ярким примером этого негативного явления Мехлис выделил в записке серию публикаций газеты «Вичужский рабочий» Вичужского района Ивановской области, приведя заголовки столбиком с призывами массово закрывать церкви («Церкви должны быть закрыты», «закрыть все церкви в городе», «давно пора закрыть все церкви», «Писцовскую церковь под пионерский клуб» и т.д.). Мехлис также сослался на то, что ряд местных газет в разных областях Союза выдвигает такие же требования закрытия церковью со ссылками на желания трудящихся,

приведя конкретные примеры и показав таким образом, что это массовое явление в местной печати. Мехлис предположил, что «не исключена провокационная, преступная цель: поссорить верующих с советской властью»⁹⁸.

Документы показывают, что Сталин отнесся серьезно к сигналу Мехлиса и решил облечь решение в форму постановления второго по значимости после Политбюро партийного органа – Секретариата ЦК ВКП(б). В Архиве Президента РФ сохранился как черновой вариант постановления, так и его окончательный текст, что позволяет сделать наблюдения над направлением сталинского редактирования важного документа.

В черновой редакции первоначально значилось три пункта. В белой варианте переключались два, а третий был вычеркнут Сталиным. Первые два пункта – с правкой Сталина – предписывали обратить внимание Ивановского обкома на недопустимое явление и снять с работы редактора газеты, а зачеркнутый Сталиным пункт приказывал послать зашифрованную телеграмму всем обкомам, крайкомам и секретарям нацкомпартий. В телеграмме требовалось проверить, нет ли где подобных явлений, характерных для дела «Вичужского рабочего», в других местных газетах, и «пресекать их в корне»⁹⁹. Вычеркнув текст с проектом указаний для всех партийных организаций, Сталин, таким образом, сузил значение события до локального инцидента и отказался осудить в целом антицерковные выступления местной печати в стране. Продолжение антирелигиозной вакханалии пока было выгодно Сталину, а «показательная порка» немногих местных товарищей в Ивановской области могла продемонстрировать, что партия вроде бы борется с извращениями в деле антирелигиозной пропаганды. О пресечении подобных выступлений на местах после сталинской редакции постановления теперь не было речи. Дело об извращениях партийной линии в печати превратилось в частное «дело Ивановского обкома» и перегнувшего палку редактора местной районной газеты, которого в постановлении знаково не назвали «товарищем», что обычно значило в партийном документе, что человек обречен на уничтожение¹⁰⁰.

Протестующие материалы против обвального закрытия церквей весной 1938 г. неоднократно переправлялись Сталину и Ярославским. Сталин материалы Ярославского прочитывал, что-то отчеркивал, но никаких мер сознательно не принимал. Так, 23 апреля глава безбожников докладывал Сталину: «В дополнение к ранее посланным материалам (не выявлены или не сохранились – И. К.) обувлечении административными мерами в борьбе против церкви (закрытие церквей без согласия большинства населения), посылаю письмо Ив. Круглова об одновременном закрытии

12 церквей в Мосальском районе Смоленской области. Необходимо, видимо, указание ЦК, чтобы прекратить это вреднейшее мероприятие»¹⁰¹. В записке Круглова действительно содержались возмутительные факты¹⁰², но указания ЦК на этот счет не последовало. 26 апреля Ярославский переслал Сталину копию записки корреспондента газеты «Безбожник» Померанцева о закрытии церквей и синагог в Одессе. В этой записке Померанцев по результатам своей командировки в Одессу приводил мнения местных инспекторов Комиссии ВЦИК по культам, что «церкви закрываются ввиду того, что арестованы все священники, и некому в них служить», с чем корреспондент, однако, не согласился¹⁰³. И вновь никакого решения Сталина в связи с этой информацией не последовало.

В том же русле было решение властей об упразднении Комиссии ВЦИК по культам (16 апреля 1938 г.). Комиссия еще с конца 1936 г. в целом ряде записок, направленных руководству страны, пыталась остановить процесс обвального закрытия церквей. После ее исчезновения единственной структурой, связующей государство с церковными проблемами, становилось «церковное» подразделение в НКВД¹⁰⁴.

Провал попыток возрождения в стране систематической антирелигиозной пропаганды в 1937 г. был обусловлен окончательным выбором Сталина и руководства страны в пользу плана уничтожения значительной части духовенства и церковного актива разных религий в ходе массовых репрессивных операций. Антирелигиозная работа выродилась по существу в грубую погромную кампанию, составившую идеологическое прикрытие антицерковного террора, и эта кампания поощрялась Сталиным. В этой позорной игре приняли участие и видные деятели советской культуры. Так, композитор Д. Д. Шостакович писал: «К созданию антирелигиозной оперы следует отнестись очень серьезно. Тут не отделаешься шуточками и смешками по адресу церковников. Нам нужны могучими средствами музыкального искусства, очень понятного массам, раскрыть невежество и мракобесие людей церкви, контрреволюционное нутро многих из них, их подрывную работу по заданию врагов народа из иностранных разведок»¹⁰⁵.

После того как цели террора 1937–1938 гг., по мнению Сталина, были достигнуты и общество приобрело нужную диктатору степень социальной и духовной монолитности, всесоюзный антицерковный погром был в 1939 г. свернут, а антирелигиозная пропаганда направлена в более тихое русло, что дало повод ряду современных авторов считать это переменной самого церковного курса, которая в действительности произошла в 1943 году. Автор категорически не согласен с теми исследователями, которые объ-

ясняют причины «большого террора» главным образом внешне-политическими опасениями Сталина¹⁰⁶. Власти в ходе чисток «Большого террора» 1937–1938 гг. радикально решали не только предвыборные задачи, но и реализовывали своего рода «мобилизационный проект» в духовной и идейной сферах общества, жестокими и варварскими методами утверждали монополию господствующей вульгарно-материалистической идеологии, непре-рекаемой сталинской догматики, составлявшей основу доминирования в стране партийно-советской номенклатуры и сталинской клики. Поэтому надежно и надолго обрекались на молчание все потенциальные критики и оппоненты власти. Требовалось и подавить на многие годы желания церковных общин и верующих отстаивать свои права, гарантированные лицемерной сталинской Конституцией 1936 г. Люди из церковной, религиозной среды, с их обостренным чувством совести, долга, справедливости и гражданской ответственности, только в силу этих качеств попадали в «группу риска». Они стали одним из ведущих объектов «охоты на ведьм» со стороны тоталитарного сталинского режима и дали обильную кровавую жатву.

¹ *Сахаров А.Н.* 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора / Вопросы Истории. М., 2008. № 9. С. 40–69. *Данилов В.П.* Советская деревня в годы Большого террора / Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. М., 2004. Т. 5. 1937–1938. Кн. 1. 1937. С. 7.

² Такая интерпретация событий 1937–1938 гг. ведет свое начало с доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и получила развитие в трудах Р. Конквеста, В.З. Роговина, Р.А. Медведева и других.

³ См.: *Данилов В.П.* Указ. соч.; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора. История операции по приказу № 00047. М., 2008; *Верт Н.* Государство против своего народа / Черная книга коммунизма. М., 2001. С. 66–259; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997; *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту. Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999; *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008; *Хвельнюк О.В.* Государственный террор в 1930-е гг. / Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2007 и др.

⁴ Б.И. Николаевский отмечал, что Сталин «вел политику преступную, но единственную, при которой диктатура могла удержаться. Его действия были определены этой политикой. Он вел террор не по безумию Калигулы, а потому что сделал его фактором своей активной социологии». (*Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 218, 219.)

⁵ *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 185–217. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

- 6 Отредактированный Сталиным переписной лист с вопросом о религии или не сохранился, или до сих пор находится в засекреченной части фонда Сталина или фонда Политбюро ЦК ВКП (б).
- 7 *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 187, Всесоюзная перепись населения...С. 291, 292. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 88, 89.
- 8 Всесоюзная перепись населения...С. 293, 294.
- 9 *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 189–191. Всесоюзная перепись населения...С. 293–297, 303–311. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 86, 87.
- 10 См. также об этом интересные наблюдения по этому поводу церковного историка и богослова игумена Иннокентия (Павлова) в статье «Российская религиозность в контексте переписи 1937 года». По Павлову, перепись 1937 г. отразила также укороенность в СССР формы «примитивной религиозности», носившей главным образом бытовой характер. (http://www.krotov.info/history/20/1930/1937_pavlov.htm).
- 11 *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 191–205. Всесоюзная перепись населения... С. 118–123.
- 12 Всесоюзная перепись населения...С. 41.
- 13 Там же.
- 14 Именно как прямые результаты «контрреволюционной агитации» церковников, «классовых врагов», «враждебных элементов», интерпретировали итоги Переписи по вопросу о религии в своих докладных записках начальник ЦУНХУ Краваль, начальники местных управлений ЦУНХУ и начальники местных управлений НКВД (Всесоюзная перепись населения...С.36, 294, 302-305, 311; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 86, 87, 89-91).
- 15 См. запись в дневнике В.И. Вернадского 13 марта 1937 г.: «Говорят, будто перепись показала большее количество верующих, чем ожидали. Этим объясняется долгое непоявление подсчетов». (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 52 об.).
- 16 Всесоюзная перепись населения... С. 288.
- 17 В своем докладе на Чрезвычайном съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР» 25 ноября 1936 г. Сталин подробно остановился на защите ст. 135 Конституции, декларирующей избирательные права так называемым «бывшим», в их числе служителям культа: «говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т.д. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит, надо работать, а не хныкать, надо работать, а не дожидаться того, что все будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряжений». (*Сталин И.В.* Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 145). Последующие события в полной мере показали лицемерие этих заверений «вождя».
- 18 Трагедия советской деревни... М, 2002. Т. 4. С. 822.
- 19 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120, Д. 232. Л 50, 51, 71, 72. Один священник внес и такое причудливое предложение: «Церковь взять в управление колхоза, колхоз будет получать все церковные и священнические доходы, а священник будет зарабатывать по своей профессии в колхозе трудодни» (Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 825).

- ²⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 52 об.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 617. Л. 226, 227. Н.И. Бухарин, возражая Радеку на заседании Конституционной комиссии, мотивировал недопустимость нормы самовыдвижения тем, что «тогда все будут лезть в эту щель и выставлять антисоветских кандидатов» (Вопросы истории. М., 1992. № 2.).
- ²² Павлова И.В. Выборы как мистификация, террор как реальность. // Вопросы истории. 2003, № 10.
- ²³ Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 847, 848; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 805. Л. 15, 36, 37.
- ²⁴ Свобода религиозной пропаганды не предоставлялась верующим сталинской Конституцией 1936 г.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 805. Л. 36, 37.
- ²⁶ Всесоюзная перепись населения... С. 303, 311; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1, С. 80, 89. .
- ²⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года./ http://www.memo.ru/history/1937/feb_mart_1937/index.htm
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Архив Президента РФ (далее АП РФ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 14. Л. 34–38.
- ³⁰ Троицкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? / <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm>
- ³¹ Валентин Иванович Хотимский (1892–1939) был арестован 20 февраля 1938 г., расстрелян 3 июля 1939 г.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 794. Л. 2–4.
- ³³ Там же. Д. 621. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Д. 805. Л. 31–45.
- ³⁵ Там же. Л. 15–23.
- ³⁶ Там же. Л. 24–30.
- ³⁷ Там же. Оп. 120, Д. 256, Л. 42–44.
- ³⁸ Так, особым пунктом ЦК ВЛКСМ предлагалось «восстановить антирелигиозную пропаганду молодежных организаций, в первую очередь в деревне; организовывать лекции, беседы, особые кружки для научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды; регулярно освещать эти вопросы в комсомольской печати; принять деятельное участие в работе и ввести своих представителей в руководящие органы Союза воинствующих безбожников». / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 805. Л. 10–14.
- ³⁹ В.А. Алексеев без ссылки на источник упоминает о существовании некой «директивы» 1937 г., спущенной ЦК ВКП (б) местным партийным организациям с требованием усилить антирелигиозную работу в массах. Он упоминает в связи с этой «директивой» о том, что вопрос об усилении антирелигиозной работы стоял на ряде съездов местных компартий и областных партконференций весной 1937 г. «Резолюции и решения конференций, съездов, пленумов и совещаний коммунистов по этому вопросу были все похожи друг на друга — резко усилить антирелигиозное наступление, ограничить влияние церковников на массы трудящихся» (Алексеев В.А. Штурм небес отменяется? М., 1992. С. 172). Однако текст упомянутой Алексеевым антицерковной «директивы» в архивах не выявлен, и, скорее всего, она не существовала, а антирелигиозные постановления съездов и конференций местных парторганизаций были прямо связаны с состоявшимся обсуждением доклада Жданова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), когда были актуализированы опасения номенклатуры в связи с возможным избранием церковников в Советы.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 805. Л. 43–45.

- ⁴¹ Там же. Д. 626. Л. 2..
- ⁴² *Яковлев Я.* Деревня как она есть (Очерки Никольской волости). М., 1924; *Яковлев Я.* Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М.-Л., 1925; Обновленная деревня: Сборник / Под ред. В.Г. Богораз-Тана. Л., 1925. С. 118. Яковлев наблюдал тогда укорененность «религиозных предрассудков» на селе и понимал, что закрытие церковей «указом сверху» ведет к их разжиганию (*Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 47).
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 626. Л. 2.
- ⁴⁴ Подсчеты автора.
- ⁴⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 14.
- ⁴⁶ Там же. Л. 65–75.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 819. Л. 26–32.
- ⁴⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 14. Л. 76–79.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 805. Л. 5.
- ⁵⁰ *Беглов А.Л.* В поисках безгрешных катакомб. Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 35, 36. *Цыпин В.В.* История русской Церкви (1917–1997). М., 1997. С. 248.
- ⁵¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 34, 35.
- ⁵² Там же. Л. 36, 37.
- ⁵³ *Цыпин В.В.* Указ. соч. С. 254–258. Митрополит Сергей (Воскресенский) так объяснил сохранение Патриархии, как учреждения, при почти полном уничтожении Сталиным епископата: «для Советского государства важно было сохранить Патриархию как орган высшего церковного управления, в целях рекламы и пропаганды, как неоспоримое доказательство, что в Советском государстве даже Православная Церковь... пользуется полной религиозной свободой». (Там же. С. 256.).
- ⁵⁴ *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны. М., 2005 / <http://www.rusoir.ru/print/03/001/index.html>.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1156. Л. 106.
- ⁵⁶ АР АН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 19 Л. 5 об.-6.
- ⁵⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. / http://www.memo.ru/history/1937/feb_mart_1937/index.htm.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 84. Л. 15–19.
- ⁶⁰ Доклад Ежова и прения по нему участников Пленума не стенографировались. Но сохранился подробный конспект его доклада на Пленуме (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 20.), из которого Н.В. Петровым и М. Янсенем опубликованы только введение и фрагмент, посвященный «заговору в НКВД» (*Петров Н.В. Янсен М.* «Сталинский питомец – Николай Ежов». М., 2008. С. 293–312). Остальные фрагменты конспекта доклада, посвященные множеству «анти-советских заговоров», недоступны исследователям. По свидетельству Н.В. Петрова, полный текст конспекта доклада Ежова до сих пор находится на секретном хранении в ЦА ФСБ, что прямо противоречит 7 статье Закона РФ о государственной тайне.
- ⁶¹ *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. 1936 – 1938 гг. М., 2008. С. 68.
- ⁶² *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Указ соч. С. 29. Упомянутый циркуляр НКВД от 27 марта 1937 г. до сих пор засекречен и известен только в изложениях, в книге В.Н. Хаустова и Л. Самуэльсона он содержит архивную ссылку: ЦА ФСБ Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 57. (*Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Указ соч. С. 68.).

- ⁶³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Указ соч. С. 29.
- ⁶⁴ Там же. С. 30.
- ⁶⁵ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938 гг. Сборник документов. М., 2004. С. 273–282.
- ⁶⁶ Петров Н.В., Янсен М. Указ. соч. С. 106.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 21. Автограф Сталина.
- ⁶⁸ Там же. Л. 78, 86.
- ⁶⁹ Там же. Л. 106, 107.
- ⁷⁰ Там же. Л. 132, 133.
- ⁷¹ Там же. Л. 118.
- ⁷² Там же. Л. 119.
- ⁷³ Там же. Д. 576. Л. 90.
- ⁷⁴ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД... С. 274.
- ⁷⁵ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Указ соч. С. 520–598.
- ⁷⁶ Там же. Л. 598.
- ⁷⁷ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД... С. 327–343.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 627. Л. 38, 39.
- ⁷⁹ Трагедия советской деревни... Т. 5. кн. 1. С. 592.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 627. Л. 9, 10.
- ⁸¹ Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза. / <http://www.knowbysight.info/MMM/04594.asp>
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 626. Л. 70.
- ⁸³ Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза. / <http://www.knowbysight.info/ZZZ/02735.asp>
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 624. Л. 10.
- ⁸⁵ Сам текст директивы до сих пор засекречен, опубликовано только ее изложение: «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. / http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html
- ⁸⁶ Указанный документ хранится в закрытой ныне части архива Сталина в РГАСПИ, его изложение и резолюция Сталина опубликованы В.Н. Хаустовым и Л. Самуэльсоном с неверной ссылкой на источник. (*Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 272).
- ⁸⁷ Из спецсообщения Н.И. Ежова И.В. Сталину о церковниках и сектантах. / *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 407, 408.
- ⁸⁸ Так, Ежов привел фрагмент из показаний епископа Евсевия Шадринского (Рождественского), проходившего по «делу» антисоветской организации церковников Ленинградской области и расстрелянного 5 ноября 1937 г., о том, что якобы по заданию митрополита Сергия (Страгородского) «участники организации пытались использовать предстоящие выборы в Советы депутатов трудящихся, чтобы протолкнуть своих кандидатов из церковников». Он также сообщил, что, «по агентурным данным», ряд активных церковников ведет агитацию среди верующих по выдвижению митрополита Сергия (Страгородского) и обновленческого митрополита Александра Введенского в Верховный Совет и что якобы митрополит Сергей «в беседах с церковниками поощряет эту антисоветскую деятельность и толкает их на антисоветские вылазки во время выборов. В частности... предлагает церковникам опускать в урны бюллетени с антисоветскими карикатурами». (Там же. С. 412).
- ⁸⁹ Там же. С. 408–414.
- ⁹⁰ *Петров Н.В. Янсен М.* «Сталинский питомец – Николай Ежов»... С. 331.
- ⁹¹ Там же. С. 332.

- ⁹² Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938 гг. С. 489, 657, 658.
- ⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 586. Л. 56, 57.
- ⁹⁴ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938 гг. С. 657. *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Указ соч. С. 286.
- ⁹⁵ По подсчетам церковного историка В.В. Цыпина, всего за 1937 год было закрыто свыше 8 000 церквей. «В результате этого опустошения и разорения на огромных просторах РСФСР осталось около 100 храмов, почти все в больших городах, в основном тех, куда пускали иностранцев. Эти храмы так и называли — «показательными». Несколько больше, до 3 % дореволюционных приходов сохранилось на Украине... В Одессе осталась одна действующая церковь на кладбище». (*Цыпин В.В.* Указ. соч. С. 254).
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 985.
- ⁹⁷ Там же. Л. 67.
- ⁹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 14. Л. 43–47.
- ⁹⁹ Там же. Л. 40, 41.
- ¹⁰⁰ 23 ноября 1937 г. редактируемая Мехлисом «Правда» напечатала заметку с названием «Организаторы провокационной кампании наказаны. (Постановление Ивановского обкома ВКП (б) о «Вичужском рабочем»), в нем сообщалось о снятии и исключении из партии редактора «Вичужского рабочего» Мелентьева и что «Ивановский обком установил, что вся эта антисоветская работа проводилась по указанию бывшего секретаря райкома Костылева, ныне разоблаченного как врага народа. Член бюро и нынешний секретарь Вичужского райкома Кисилев проглядел маневр врага и проявил политическую беспечность». Само бюро обкома признавалось, что «своевременно не вскрыло вражескую деятельность газеты, не призвало к порядку зарвавшегося редактора до тех пор, пока не были получены указания ЦК ВКП(б)». (Там же. Л. 48.). 1-й секретарь Ивановского обкома В.Я. Симочкин, которому бюро обкома поручило подобрать новую кандидатуру главного редактора газеты «Вичужский рабочий», был арестован 26 ноября 1938 г. и 10 марта 1939 г. расстрелян. (Жертвы политического террора в СССР / <http://lists.memo.ru/index18.htm>).
- ¹⁰¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 14. Л.50.
- ¹⁰² Там же. Л. 51, 52.
- ¹⁰³ Там же. Л. 53–56.
- ¹⁰⁴ *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны. М., 2005 / <http://www.rusoir.ru/print/03/001/index.html> .
- ¹⁰⁵ Знатные люди Страны Советов о религии. М, 1939. С. 116.
- ¹⁰⁶ Так В.Н. Хаустов и Л. Самуэльсон пишут, объясняя причины завершения «Большого террора»: «Партийное руководство полагало, что достигло своих целей по ликвидации оппозиционно настроенных лиц в различных слоях советского общества... потенциальных, на их взгляд, врагов народа, возможных предателей и изменников в будущей войне». (*Хаустов В.Н, Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 324).

В.Б. Жиромская

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ*

В статье рассматриваются закономерности демографического развития российского населения на протяжении XX века: освещается ряд дискуссионных вопросов о сущности и особенностях демографической модернизации и демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения в России, анализируется динамика численности населения, изменения уровней рождаемости и смертности, трансформация семейно-брачных ценностей. Выясняется влияние на демографическое развитие России факторов экзогенного порядка. Автором привлечены для исследования новые архивные материалы.

Ключевые слова: население России, рождаемость, смертность, брачность, структура семьи, планирование семьи.

Сложившаяся в 1990-е годы **катастрофическая демографическая ситуация в России** все более беспокоит и Российское Правительство, и российскую общественность. Активно дискутируется и в российской науке и в российских СМИ проблема депопуляции многих народов России, прежде всего русского. Одни из участников дискуссии стараются привлечь внимание правительства и общественности к негативным тенденциям в демографическом развитии России и их последствиям с целью найти выход из существующего кризиса, предлагают меры по его преодолению; другие — впадают в отчаяние и преувеличивают и без того значительные осложнения в протекании демографических процессов; третьи — стараются смягчить ситуацию, успокоить общественность и объяснить все происходящее процессом демографического перехода, который пережили практически все страны Европы, многие из которых вступили уже в стадию Второго демографического перехода, который по сути дела является вариантом депопуляции. Сторонники этой последней концепции предлагают

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 22 марта 2007 г.

считать сокращение населения естественным процессом, присущим всем странам по достижении определенного уровня развития цивилизации.

Прежде всего, надо разобраться в самой терминологии, которая применяется в ходе дебатов. Речь идет в первую очередь о понятиях «депопуляция» и «демографический переход». Что вкладывается в их содержание?

Строго говоря, депопуляция — это вымирание населения вследствие его суженного воспроизводства (превышения смертности над рождаемостью), когда последующие поколения в течение длительного срока численно меньше предшествующих. При депопуляции нетто-коэффициент воспроизводства населения страны или крупного региона в течение длительного времени меньше единицы. В последнее время большое распространение получило толкование термина «депопуляция» как численное уменьшение населения по самым разным причинам. Стало привычным говорить о депопуляции деревни, депопуляции того или иного небольшого района или области. В этих случаях термин «депопуляция» можно применять лишь условно, так как речь идет о перемещении населения из деревни в город, из одной области в другую, часто заселенную тем же этносом. При этом не происходит исчезновения этносов, но лишь меняются условия их существования — климатические, экологические, социально-экономические, бытовые. Иногда подобные изменения служат как раз не вымиранию, не вырождению, а укреплению и численному увеличению, улучшению режима воспроизводства той или иной группы населения, того или иного этноса.

Разумеется, не следует преуменьшать значения проблем, связанных с интенсивными миграциями — межобластными, город-село и проч. Но частое и далеко не всегда обоснованное применение термина «депопуляция» заставляет забыть его изначальный трагический смысл. Как депопуляция связана с демографическим переходом и связана ли вообще?

Проблема демографического перехода демократической модернизации давно волнует ученых. В науке демографическим переходом называется переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, а не к вымиранию населения.

Развитие этого перехода связано с изменением типов смертности и рождаемости. Характерным является снижение уровней смертности и рождаемости, увеличение средней продолжительности жизни, сокращение экзогенных причин смерти, снижение смертности в детском и молодом возрастах и т.д. Преобладающей становится простая (нуклеарная) семья, состоящая из супружеской

пары с детьми, не состоящими в браке. Темпы естественного прироста населения снижаются. Наблюдается старение населения. При нормальном протекании демографического перехода на его завершающей стадии происходит демографическая стабилизация, результатом которой является простое воспроизводство населения, когда показатель естественного прироста равен 0. Численность населения стабилизируется.

В разных странах протекание демографического перехода имеет свою, часто значительную, специфику.

Рассмотрим особенности демографического перехода в России. Их нельзя не учитывать при изучении современной демографической ситуации в стране.

В то время как демографический переход к новому типу воспроизводства населения в большинстве стран Западной Европы начался значительно раньше — еще в конце XVII в., — развивался динамично и ко второй половине XX века был в основном завершен, в России его развитие было осложнено рядом факторов объективного и субъективного порядков, в силу чего он приобрел специфический характер.

Специфика демографического перехода в нашей стране заключалась прежде всего в том, что он имел **прерывный** характер. Это выражалось в том, что его естественное развитие на протяжении всего XX столетия неоднократно прерывалось факторами экзогенного порядка. Среди этих факторов — кровопролитные войны на территории России, в том числе Первая и Вторая мировые и Гражданская войны, унесшие миллионы человеческих жизней, частые локальные военные конфликты. Страна не раз переживала глубокие политические и социально-экономические катаклизмы и кризисы. Ситуация усугублялась массовыми репрессиями. Население России понесло большие потери в связи с голодом 1921, 1932—1933 и 1947 годов и т.д. Все эти события имели глубокие демографические последствия и ввергали страну в демографические кризисы и катастрофы, поскольку сопровождалась миллионными людскими потерями, значительным повышением смертности, в том числе младенческой, приводили к неоправданно резкому понижению рождаемости, ослаблению здоровья населения, распространению хронических заболеваний, в том числе в молодых и детских возрастах.

Последствия кризисных демографических ситуаций охватывали несколько десятилетий, прерывая демографический переход на длительный срок, иногда на долгие годы изменяя естественное течение демографических процессов.

В самом деле, по известным подсчетам Ю.А. Полякова, население России в годы Гражданской войны уменьшилось на 11–15 млн человек (включая эмиграцию)¹. При этом военные потери, последствия красного, белого, «зеленого», «розового» террора точно назвать невозможно, но приблизительные подсчеты предпринимаются.

Те авторы, которые придерживаются широкого понятия красного террора (С.П. Мельгунов, П.Н. Милоков) и опираются на данные созданной А. Деникиным «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России», исчисляют жертвы красного террора в 1918–1919 гг. в 1700–1766 тыс. чел. При этом следует иметь в виду, что эта комиссия относилась к жертвам террора, кроме физически уничтоженных, погибших от пыток, казней, побоев, умерщвленных голодом, умерших от намеренного лишения медицинской помощи, еще и арестованных, принужденных к трудам, лишенных продпайка, потерпевших от всякого рода оскорблений, поспраивания неприкосновенности личности, а также пропавших без вести².

Другие исследователи подвергают сомнению эти данные, считая их несколько завышенными. По их подсчетам, жертвами красного, белого и всякого другого террора, погромов, бандитизма, подавления крестьянских выступлений пало в 1918–1919 гг. 1 млн 300 тыс. человек³. Достаточно распространенной в литературе является оценка погибших от красного и белого террора в несколько десятков тыс. человек⁴. Некоторые исследователи и публицисты прибегают к оценке жертв террора, данной Солженицыным: с июня по октябрь 1918 г. было расстреляно 16 тыс. человек⁵. Подсчеты жертв красного, белого, розового и пр. террора очень затруднительны. В научной литературе есть общие оценки потерь населения в годы Гражданской войны. Однако надо иметь в виду, что эти потери были связаны не только с террором, но и действиями вооруженных сил обеих сторон, бесчинствами, в том числе и террористического характера, японских, английских, французских и др. интервентов, распространением эпидемических заболеваний, голодом, гибелью беженцев и т.д.

Ближе к истине, нам кажется, оценка в 1–1,5 млн людских потерь от террора, включая погибших от пыток, казней, побоев, умерщвленных голодом и вследствие намеренного лишения медицинской помощи.

Кроме этого, потери населения связаны с распространением инфекционных заболеваний, ослаблением здоровья истощенных людей, антисанитарией, недостатком питания и отопления и пр.

Все это привело к тому, что показатель смертности населения возрос, в частности, в Европейской России — до 40,9%⁶. При этом смертность мужчин была в полтора раза выше, чем женщин.

Вследствие голода 1921 г. уровень смертности еще более увеличился, особенно в городах. Так, в пострадавших от голода зонах он составил: в Саратове — более 60%, в Казани — 45%, в Самаре 60,3% и т.д. В ряде городов смертность превысила рождаемость. Так, в городах Владимирской губернии в 1920 г. на 100 родившихся было 368 умерших, в Калуге — 212, в городах Орловской губернии — 266, в Перми — 211⁷.

За годы Первой мировой и Гражданской войн катастрофически снизилась рождаемость. В России в конце XIX века показатель рождаемости был равен 50,5%, а в 1920 г. его величина колебалась по разным губерниям от 23 до 35%. В связи с последствиями голода рождаемость еще более сократилась. Например, в городах Саратовской губернии — с 32,9% в 1921 г. до 21,4% в 1922 г., в сельской местности соответственно с 33,4 до 27,4%, в Казани 34 и 14%, в сельской местности Орловской губернии — с 41,4 до 30,3% и т. д. Особенно высокими были показатели детской и младенческой смертности⁸.

После окончания Гражданской войны последовал период демографической компенсации, которому способствовала активная демографическая политика.

Уже тогда в демографической политике упор был сделан на охрану материнства и детства. И была поставлена задача не только поощрения рождаемости, но и борьбы за жизнь и выживаемость каждого младенца.

В то время был создан фонд Защиты детей. Было обращено внимание на здоровье матери и выхаживание младенцев, разработан ряд мер и сейчас полезных.

Большая работа проводилась по просвещению и по обучению матерей уходу за новорожденными. Этим занимались многие организации.

В 1922 г. был открыт в Москве первый Государственный научный институт по охране материнства и детства во главе с Г.Н. Сперанским. Институт не только проводил научные исследования, но также занимался пропагандой знаний в области охраны материнства и детства. Например, используя опыт выставок в Дрездене и Филадельфии, институт организовал в 1923 г. в Москве выставку по уходу за ребенком, на которой работали консультанты. При этом институте была основана школа акушерок.

В 1922 г. начали издаваться два специальных журнала: «Журнал по изучению раннего детского возраста» и «Охрана материнства и

младенчества». Была налажена гинекологическая служба для беременных женщин. Создана сеть гинекологических клиник, с которыми были связаны женские консультации, где проводились и консультации для матерей по уходу за новорожденными. Насколько важна была такая гинекологическая служба, явствует из того факта, что в 1918—1919 гг. от родов погибало до 50 тыс. женщин ежегодно. Уже в 1923—1924 гг. эту статистику удалось существенно изменить в благоприятную сторону⁹.

Проводилась активная борьба с детской сверхсмертностью от инфекционных болезней.

Прежде всего, был издан ряд постановлений о борьбе с эпидемиями: «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» (28 января 1919 г.), «О мерах борьбы с эпидемиями» (10 апреля 1919 г.), «Об обязательном оспопрививании» (10 апреля 1919 г.). В соответствии с этими законодательными актами в практику были введены массовые прививки детей от остроэпидемических заболеваний: оспы, брюшного, сыпного и возвратного тифа. В 1923 г. был создан специальный Бактериологический институт им. Мечникова, в котором разрабатывалась вакцина для прививок. Прививки были обязательными и охватывали массу населения¹⁰. Уже к 1924—1925 гг. удалось значительно сократить смертность от оспы и брюшного тифа.

С 1925 г. в практику были введены систематические профилактические осмотры детей в детских учреждениях и школах. Эта практика позволяла предупреждать заболевания, выявлять их симптомы на ранних стадиях, бороться с хроническими болезнями, главным среди которых был туберкулез. В 1917—1918 гг. туберкулезом были больны 80% детей до 11 лет и 93% детей 14 лет¹¹. От этого заболевания погибало до 25% всех умерших детей. Проблема борьбы с туберкулезом была настолько важной, что был открыт в 1923 г. Московский туберкулезный институт, а также сотни противотуберкулезных диспансеров. К 1925 г. детскую смертность от туберкулеза удалось существенно снизить, особенно в промышленных центрах. Например, в Центрально-промышленном районе смертность от него снизилась в 1925 г. в полтора раза.

В 1918—1922 гг. было еще открыто 16 новых медицинских вузов. В вузах были основаны факультеты и отделения *педиатрии*.

В итоге ситуацию с рождаемостью и младенческой смертностью удалось переломить и поднять рождаемость.

Период демографической компенсации охватывал 1925—1928 гг. Эти годы характеризовались высокими показателями рождаемости. Общий коэффициент рождаемости в Европейской части страны ни разу не опустился ниже 44,7‰, а «эффективной»

рождаемости (т.е. без учета мертворожденных) — 30,7‰¹². Однако довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут.

В мирных условиях начали проявляться признаки демографического перехода. Во второй половине 1920-х гг. развивается внутрисемейное регулирование, прежде всего в городах Европейской России. Уменьшается размер семьи и количество детей в ней. Процесс этот шел постепенно, довольно медленно, рождаемость даже в городах оставалась еще высокой (например, в 1926 году — 33,7‰), тем более — в сельской местности (45,4‰). Общий коэффициент смертности понизился до 24‰¹³. Таким образом, тенденция к нормализации демографических процессов успела проявиться с достаточной очевидностью.

Однако коллективизация и особенно голод 1932–1933 гг. снова нарушили естественное течение демографических процессов. В 1933 г. в сельской местности Европейской России смертность составила 735‰. Высокая смертность была зарегистрирована и у детей. Процент умерших детей в возрасте до одного года из родившихся в 1933 г. в городах Европейской части РСФСР был равен 42, а в селах 35,3, из родившихся в 1934 г. — 58 и 64,7. Высокая смертность наблюдалась в 1933 г. не только в детских, но и в молодых возрастах.

Число потерь населения от голода в СССР в целом по подсчетам исследователей составляло около 8 млн. человек¹⁴.

Голод охватил обширную территорию РСФСР. Значительные потери от этого бедствия понесли большинство районов Кубани, Дона и Ставрополя. В Поволжье наиболее высокие показатели смертности от голода фиксировались в Саратовской и Самарской (Куйбышевской) областях, Автономной Республике Немцев Поволжья.

Пострадало население Сталинградской (Волгоградской), Оренбургской, Пензенской областей. Голод охватывал часть Уральской области — территорию современной Курганской области, юг современной Свердловской области и часть Челябинской. В Западно-Сибирском крае — территорию современного Алтайского края, юг современной Новосибирской области, южную часть Омской области. Пострадало от голода население Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В итоге жертвы голода в РСФСР составили по современным оценкам исследователей не менее 8 млн¹⁵.

В 1933 г. был зафиксирован отрицательный прирост населения в СССР.

Демографические процессы испытывали на себе на протяжении 1930-х гг. не только воздействие голода, но и таких тяжелых

по своим последствиям факторов, как переселение раскулаченных и целых народов, шквал репрессий. Уменьшается средний размер семьи. В Центральной России в 1939 г. уже преобладали семьи из 3-х человек, особенно в городах. Разумеется, в связи с все большим вовлечением женщины в производственную деятельность, с получением ею образования растут ее внесемейные интересы. Соответственно распространяется регулирование рождаемости. Однако не надо преувеличивать развития в те годы внутрисемейного планирования. На сокращение числа детей в семье влияла не только и не столько эта причина, сколько целый ряд факторов экзогенного порядка. В первую очередь — голод, а также последствия насильственных переселений и репрессий. Супруги разлучались, многие из них погибали или теряли здоровье в заключении, разрушались семьи. Детей из репрессированных семей помещали в распределители и детские дома, где не все из них выживали. Немало детей погибало и при выселениях, которые производились в необжитые и трудные для обитания даже для взрослых, физически крепких людей местности. Перепись 1939 г. фиксирует резкое увеличение неполных семей (где был только один из родителей), а также бездетных пар¹⁶.

Следует также учесть, что и само регулирование рождаемости зачастую было реакцией на внешние причины: от рождения ребенка отказывались из-за напряженной внешней и внутрисемейной обстановки, из-за тяжелых условий жизни и т.д.

Не поощряла внутрисемейного регулирования рождаемости и государственная политика. Средства контрацепции были мало распространены, а в 1935 г. были запрещены еще и аборт. Аборт был тогда основным средством прерывания беременности, кстати нелегким и небезопасным.

Наметившаяся в середине 1930-х гг. тенденция снижения смертности уже к концу 30-х гг. сменилась повышением. Смертность, в том числе детская, росла из-за экзогенных причин, прежде всего инфекционных эпидемических заболеваний (скарлатины, кори, дифтерии и т.д.), что тоже свойственно лишь ранней стадии демографического перехода.

Людские потери касались всех возрастных групп населения. В результате в мирные годы (конец 1920-х — вторая половина 1930-х гг.) сверхсмертность в СССР составила около 11 млн человек, в том числе в РСФСР на протяжении 1930-х гг. (без Казахстана и Киргизии) с учетом новых данных о потерях от голода 1932\33 гг. — более 4-х млн человек. В результате людских жертв, в основном мужчин в детородных возрастах, диспропорции

возрастнополовой структуры мы не досчитались накануне Великой Отечественной войны молодых людей призывного возраста.

В условиях сложной демографической ситуации началась Великая Отечественная война, которая унесла миллионы человеческих жизней. Потери населения составили 26–27 млн человек. Война повлекла за собой повышение смертности не только на фронтах, но и в тыловых районах, не говоря уже о зонах оккупации. С 1942 по 1945 гг. на территориях СССР /без прифронтовых и оккупированных районов/ имели место депопуляционные тенденции, фиксировался отрицательный прирост населения.

Свою роль в усилении демографических последствий войны сыграли и послевоенная разруха и форсированное восстановление хозяйства страны, что потребовало от населения колоссального напряжения духовных и физических сил. Все эти вместе взятые причины привели к устойчивости «демографического эха» войны, продолжавшего сказываться на протяжении многих десятилетий. Свою отрицательную роль сыграл здесь и голод 1947-го г., нарушивший процесс демографической компенсации.

Хотя отрицательного прироста населения в целом за 1947 г. не было зафиксировано, однако он наблюдался в районах, охваченных голодом. 1947 год, прежде всего из-за неурожая и голодания населения, отмечен снижением рождаемости и повышением смертности, при этом в ряде районов положение складывалось очень серьезное. Так, в производящих областях – Воронежской, Ярославской в 1947 г. отмечен отрицательный прирост населения – соответственно – 0,8‰, – 0,2‰. В Тамбовской смертность превысила рождаемость в 1,2 раза. В северной Вологодской области также ситуация была крайне неблагоприятна – смертность в 1,5 раза была больше рождаемости. В ряде областей естественный прирост приблизился к 0 – в Костромской, Сталинградской, Саратовской, Астраханской, Горьковской и т.д., т.е. демографические последствия голода фиксировались в Среднем и Нижнем Поволжье¹⁷. Если в Поволжье и Черноземье отрицательный баланс населения наблюдался с апреля по август, то в Вологодской – в марте, а затем – с сентября и до конца года. В декабре уже во многих областях смертность превышала рождаемость. Характерно для 1947 г. резкое возрастание младенческой смертности. В целом в РСФСР коэффициент младенческой смертности (до года) поднялся до 127,5‰, т.е. по сравнению с 1946 г. в 1,7 раза¹⁸.

Причины младенческой смертности до одного года в 1947 г. типичны для голодных лет: диспепсия, дизентерия, гастро- и энтероколиты, воспаление легких. Неблагоприятная ситуация, имевшая место в 1947 г., сохранилась и в 1948 г. Голод принес понижение

рождаемости и повышение смертности, особенно младенческой и детской, ухудшение здоровья детей, подростков и взрослых. Ожились желудочно-кишечные инфекции, пневмонии, болезни, связанные с истощением от голодания. Дети появлялись на свет с врожденной слабостью, были подвержены всякого рода заболеваниям.

В послевоенные годы вновь была активизирована государственная демографическая политика. Вновь, как и после Первой мировой и Гражданской войн, встала остро проблема повышения рождаемости и борьба за выживаемость каждого ребенка. Уже в конце войны, в 1944 г., был издан специальный указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».

По решению правительства с 1 января 1948 г. одновременно выплачивались матерям, имеющим двух детей, при рождении третьего ребенка 200 руб., четвертого — 650 руб., пятого — 850 руб., шестого — 1000 руб., седьмого — 1250 руб., восьмого — 1250 руб., девятого — 1750 руб., при рождении каждого последующего ребенка — 2500 руб.

Особая забота была проявлена о матерях-одиночках, либо никогда не вступавшим в брак, либо оставшимся без регистрации брака по Указу 1944 г., в том случае, если их фактические мужья погибли на фронтах Отечественной войны, не успев зарегистрировать брак, или не захотели этого сделать по возвращении с войны. Дети в этих случаях оставались без всякой материальной помощи, пенсии за отцов не выплачивались. В связи с этим одиноким матерям, не состоящим браке, выдавались государственные пособия на содержание и воспитание детей: на одного ребенка — 50 руб. в месяц, на двух — 75 руб., на трех и более детей — 100 руб.¹⁹

В помощь матерям-одиночкам была снижена на 50% плата за содержание детей в детских яслях и садах. Но эта льгота предоставлялась лишь одиноким матерям, имеющим заработок, не превышающий 600 руб. в месяц.

Матерям, имеющим детей в возрасте до одного года, а также беременным (с момента установления беременности) женщинам-работницам и служащим предоставлялось право перехода на другую работу по месту жительства с сохранением за ними непрерывного трудового стажа²⁰.

Правительству удалось увеличить расходы из государственного бюджета СССР на выплату пособий одиноким и многодетным

матерям. Если в 1940 г. эти расходы составляли 123 млн руб., то в 1950 г. — 366, в 1960 г. — 496 млн. руб., то есть в 1950 г. по отношению к 1940 г. они увеличились на 33,6%, а в 1960 г. по отношению к 1950 г. — на 73, 8%. Пособия по беременности и родам, а также на предметы ухода за ребенком выросли — соответственно на 31,8 и на 34,6%. Расходы на обслуживание детей в детских садах, яслях, пионерских лагерях, детских домах и учреждениях по внешкольной работе с детьми — на 33 и на 74,4%²¹.

Однако эта материальная помощь была минимальной, поскольку материальные затраты на содержание детей постоянно росли. По подсчетам А.Я. Кваши, ежемесячные расходы на воспитание одного ребенка на рубеже 1940—1950-х годов составляли приблизительно 50% от среднемесячной зарплаты женщины²². Даже в полной семье содержание второго ребенка было сложным, учитывая, что мужчины, вернувшиеся с войны, не всегда по состоянию здоровья могли содержать семью и работать в полную силу.

Что же касается пособия на третьего, четвертого, пятого и т.д. ребенка, то они были единовременными. К тому же в РСФСР у славянских и некоторых угро-финских народов эти третьи, четвертые, пятые и шестые дети вряд ли рождались, семьи были малодетными. Многодетные семьи встречались, как правило, у тюркских народов, причем чаще у проживающих за пределами РСФСР.

Поскольку на резкое увеличение рождаемости в связи с потерей мужского населения было трудно рассчитывать, то усилия правительства и медицины были направлены на сокращение младенческой смертности, уровень которой в РСФСР продолжал быть высоким.

Высокая смертность младенцев от врожденной слабости и пороков внутриутробного развития была тяжелым следствием войны.

В РСФСР в 1945 г. родилось живыми 784,5 тыс. младенцев, из них недоношенными 37,5 тыс., или 4,8%. Мертворожденных было почти 18 тыс., 14 тыс. детей умерли вскоре после рождения, среди них преобладали недоношенные — 9 тыс., или 64%. Кроме того, после войны была высокая детская смертность и почти 11% детей умирало, не дожив до года²³.

Причиной этого явления было ослабление женского организма, стрессовые ситуации в военное время, плохое питание, материальное неблагополучие, жилищно-бытовая неустроенность. Все эти последствия войны оказывали негативное влияние на генофонд населения.

В этих условиях был предпринят ряд мер по охране здоровья женщины в дородовой и послеродовой периоды. В постановлении

Правительства РСФСР от 26 января 1946 г. отмечалась необходимость расширения сети родовспомогательных и детских учреждений. Предусматривалось обеспечение этих учреждений квалифицированными медицинскими кадрами и современным медицинским оборудованием. В постановлении также подчеркивалась необходимость полной госпитализации рожениц; организации систематического медицинского наблюдения за состоянием здоровья беременных женщин, за правильным уходом и вскармливанием новорожденных детей; проведения мероприятий по улучшению санитарных условий детских и родовспомогательных учреждений.

Установлено было наблюдение в женских консультациях во время дородового и послеродового периодов. Были организованы курсы при женских консультациях, на которых женщин учили правильному поведению и питанию в эти периоды и уходу за новорожденными.

Беременные женщины были обязаны посещать консультацию в среднем 10–14 раз. Кроме того, патронажные сестры должны были посещать беременную женщину на дому и на производстве.

В 1950-е гг. были введены массовые профилактические осмотры 1–2 раза в год женщин всех возрастов. Было увеличено в стране количество женских и детских консультаций, поликлиник и диспансеров с 8,6 тыс. в 1940 г. до 16,4 тыс. в 1960 г., т.е. на 52,4%. Количество женских и детских консультаций выросло в городах с 2,2 тыс в 1945 г. до 3 тыс в 1950 г., а в селе — соответственно — с 1,7 тыс до 2,8 тыс. Увеличилось и число роддомов. Однако доведенную сеть родильных домов не удалось восстановить и в первой половине 1950-х гг., хотя было издано специальное постановление правительства в июне 1949 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы». Особое внимание в постановлении обращалось на снабжение детских и родовспомогательных учреждений оборудованием и продуктами высокого качества, прежде всего молочными продуктами и овощами.

Даже в столице количество роддомов составляло по отношению к 1940 г. лишь чуть более 70%, консультаций женских и детских — 90%, детских ясель и детских садов — 90%. Кроме того, санитарное состояние некоторых роддомов оставляло желать лучшего. Они часто закрывались на карантин, так как там, особенно в крупных городах, распространены были разного рода инфекционные заболевания (маститы, стафилококковые инфекции, инфекционные дерматиты, кишечные инфекции).

Большое внимание уделялось родовспоможению. Причем старались охватить грамотным медицинским родовспоможением как городское, так и сельское население. Для этого в сельской местности, кроме роддомов, разворачивали деятельность акушерских пунктов, больниц, лабораторий. Если в городах в основном родовспоможение осуществлялось роддомами, то в селе, несмотря на наличие там акушерских пунктов и колхозных и прочих роддомов, основную помощь роженицам оказывали родильные отделения больниц.

У молодых матерей в послевоенное время часто не хватало молока для вскармливания младенцев. В связи с этим большое значение придавалось расширению сети бесплатных молочных кухонь и раздаточных пунктов, действовавших как при кухнях, так и самостоятельно²⁴.

Начиная с 1945 г. их число росло, особенно в голодный 1947 год. В городе таких кухонь было 1,6 тыс., в селе — 1,1 тыс., за год же ими было отпущено почти 400 млн порций детского питания (по 1,5 млн порций в день). Прежде всего в тот период кухни снабжали донорским молоком. К началу 1950-х гг. кухонь стало значительно меньше, поскольку голод был уже в основном преодолен, здоровье и питание молодых матерей улучшились. Однако, судя по числу отпущенных порций — в 1950 г. по 700 тыс. порций в день, население продолжало активно ими пользоваться. К концу 1950-х гг. число кухонь еще более сократилось, однако их насчитывалось более 600 тыс.²⁵. Они прочно вошли в практику.

Обращает на себя внимание распространенность применения уже в первые послевоенные годы обезболивания при родах (сотни тысяч случаев). Конечно, такая практика имела место в основном в городе, но эта практика появляется и в селе. Например, в селе в 1945 г. с применением обезболивания принято 1,5 тыс. родов, в 1946 г. — 4,3 тыс., в 1947 г. — 7 тыс., а в 1948 г. — уже 9 тыс. В городе же только за 1947 г. применено обезболивание 120 тыс. родов²⁶. Следует учитывать, что часть сельских жителей обслуживалась городскими роддомами и больницами.

В помощь работающим матерям была значительно расширена сеть ясель, куда принимали младенцев в возрасте до 1 года и детей до 3 лет. Ясли были разного типа, в том числе сезонные.

Одной из важнейших государственных проблем было снижение уровня заболеваемости детей. В связи с этим Правительством РСФСР был разработан ряд мер по укреплению их здоровья.

В послевоенные годы фиксировалась высокая заболеваемость детей туберкулезом, рахитом, пневмонией, трахомой. Сохранялся высокий уровень распространения среди детей (до года)

воспаления легких и желудочно-кишечных заболеваний. В городах РСФСР в конце 1940-х годов 32,9% детей (до года) умирало от воспаления легких и 28,6% от болезней желудочно-кишечного тракта.

Особенно активно проводились мероприятия по дальнейшему снижению заболеваемости туберкулезом. В 1945 г. в детских туберкулезных больницах содержалось 5,2 тыс. больных. Обращает на себя внимание, что, хотя в этот период штат медицинского персонала больниц и санаториев был далеко не полностью укомплектован, в детских туберкулезных больницах штат был укомплектован на 90%²⁷.

Лечение осуществлялось также по месту жительства и учебы. Система санаториев была разветвленной и гибкой — были круглогодичные и сезонные санатории, круглосуточные, дневные и ночные.

Особой проблемой были детские инфекции, с которыми медицина вела упорную борьбу. Детские инфекционные клиники обслуживали ежегодно сотни тысяч детей: в 1946 г. — 96 тыс., в 1947 г. — на порядок больше — 113 тыс., в 1948 г. — 119 тыс.²⁸. Детей определяли в больницы в связи с голодным истощением, в частности с так называемыми «голодными поносами».

На рубеже 1950-х гг. система детских инфекционных больниц продолжала увеличиваться и обслуживать очень большое число детей.

В начале 1950-х гг. прививками было охвачено свыше 90% детей²⁹.

Учеными-медиками были разработаны новые вакцины, и к 1957 г. удалось снизить уровень детской заболеваемости брюшным тифом, паратифом, скарлатиной и дифтерией. В 1957 г. впервые были проведены новой отечественной вакциной массовые прививки детей против полиомиелита. В этих целях была предпринята массовая вакцинация детей через ясли, детские учреждения, школы и поликлиники. В борьбе с инфекционными заболеваниями помогало широкое применение антибиотиков.

Повышение рождаемости произошло только ближе к 1950-м гг. В результате компенсаторный период оказался очень коротким, охватив лишь конец 1940-х — начало 1950-х гг. Резкое повышение рождаемости в странах — участницах войны, так называемый «бэби-бум» в России не состоялся. Мы оказались лишены демографического выигрыша, то есть существенного прироста населения за счет высокой рождаемости.

Как видим, сложившаяся в послевоенные годы демографическая ситуация не укладывается в рамки естественного развития демографического перехода. Она была связана в основном с воз-

действием на демографические процессы факторов экзогенного порядка.

Демографический переход в России развивался в условиях глубокой деформации возрастнополовой пирамиды: дисбаланса полов в пользу женщин и так называемых «демографических ям» в возрастной структуре населения. После окончания Гражданской войны по данным переписи 1926 г. женщин на территории РСФСР было больше, чем мужчин на 4,5 млн человек. В ряде возрастных групп доля женщин достигала 62 %. Особенно пострадали в этом отношении молодые люди от 25 до 34 лет, то есть в самом репродуктивном возрасте. Мужчин в этих возрастах было на 7% меньше, чем женщин.

Нарушение в соотношении полов в конце 1930-х гг. продолжало оставаться очень резким. Мужчин было меньше, чем женщин, уже на 8 млн человек. Голод и усиливавшиеся репрессии, принявшие массовый характер, не позволяли выправить ситуацию.

После Великой Отечественной войны был нарушен баланс полов в пользу женщин еще более чем в 1930-е годы. Среди лиц 1920–1924 гг. рождения, особенно пострадавших от потерь во время войны, на 100 женщин приходилось всего 63 мужчины. Тяжелым следствием деформации состава населения по полу и в СССР и в РСФСР был несостоявшийся «бэби-бум».

Лишь в конце 1960 – начале 1970-х гг. дисбаланс полов хотя и не был преодолен, но начал сглаживаться. По всему населению России в 1959 г. на 1000 мужчин приходилось 1242 женщины, в 1970 г. – 1196, в 1979 г. – 1174. При этом нарушение в соотношении полов стало отмечаться все больше в старших возрастных группах.

Деформирована была и возрастная структура населения. Статистика обнаруживает несколько демографических ям.

Первая – это дети, рожденные во время Гражданской войны. В 1926 г. доля детей этих лет рождения составляла всего 10% от всего населения России, а доля детей, родившихся после войны, – 15,3%.

Следующую демографическую яму составляли молодые люди, которым в военные годы было от 16 до 25 лет, принимавшие активное участие в боевых действиях. В дальнейшем эти пострадавшие от войн возрастные группы определяли пониженный естественный прирост населения и привели перед началом Великой Отечественной войны к сокращению числа лиц призывного возраста.

В 1930-е гг. добавилась еще одна демографическая яма. Это – дети, рожденные в 1932–1934 гг., то есть в голодные годы.

Великая Отечественная война привела, как уже было сказано, к сокращению в возрастной структуре, прежде всего лиц 1914–1924 г. рождения, то есть тех, кому было 17–27 лет в начале

войны. В результате военных потерь понизилась и доля мужчин более старших возрастов. Небольшим был удельный вес возрастной группы, родившейся перед началом Великой Отечественной войны. Численность этой группы сократилась (несмотря на действовавший в период их рождения закон о запрещении абортов) в связи с детскими эпидемиями конца 1930-х гг.

В возрастной пирамиде послевоенного времени возникла еще одна демографическая яма — это пониженная численность детей, родившихся во время войны: результат не только падения рождаемости, но и высокой детской смертности. В итоге эта возрастная детская группа имела в 1959 г. очень низкий удельный вес в возрастном составе населения — всего 7–8%.

Кроме того, у этих детей фиксировалось отставание в весе и росте по сравнению с детьми, рожденными в предвоенные годы. Так, в 1942 г. в г. Свердловске вес новорожденных мальчиков снизился на 200 грамм, а девочек — на 171. Рост уменьшился соответственно — на 0,71 и 0,74 см. В Москве в 1943 и 1944 гг. годовалые дети по сравнению с рожденными в довоенное время имели дефицит веса в 650 грамм., а роста в полтора см. По обследованию в г. Уфе в 1945 г. рост мальчиков 4–7 лет был меньше, чем у детей того же возраста в 1937 г. — на 4,5 см, вес у семилетних уменьшился на 2 кг и на 1 кг у четырехлетних детей³⁰.

Поколение этих детей выросло более слабым, среди них большее распространение, чем до войны, имели разного рода хронические заболевания, и потомство этих когорт по достижении ими детородного возраста было более слабым. Демографическое эхо войн сказывалось долго.

Прерывный характер демографического перехода (его признаки были очень неустойчивыми, периодически исчезали) **наложил отпечаток на длительность и соотношение его фаз (стадий).**

Демографический переход в России начался, как уже говорилось выше, позднее по сравнению с индустриально-развитыми странами Западной и Центральной Европы. В этих странах, как правило, на первой стадии демографического перехода снижалась смертность, а на второй — на фоне понизившейся смертности и увеличившейся продолжительности жизни происходило снижение рождаемости. Затем наступала длительная стабилизация. В России же затянулась именно первая фаза демографического перехода, связанная с понижением смертности, так как низкие показатели смертности в течение очень длительного периода не могли установиться и стабилизироваться. Причем большую роль играли причины смерти экзогенного характера. Помимо людских потерь вследствие голода, войн и т.д., это были еще и инфекционные эпидемические заболевания — тиф, оспа, дизентерия и т.д.,

а также инфекционные хронические заболевания, среди которых на первом месте стоял туберкулез. Эти причины смерти устойчиво фиксируются на протяжении всей первой половины XX века. За три года Гражданской войны от острых инфекционных болезней погибло более 2-х млн человек, в частности от сыпного тифа в 1919 г. умерло 764 тыс. чел, а в 1920 г. — 834 тыс. чел. На протяжении всех 1930-х гг. фиксируются детские эпидемии кори и скарлатины, унесшие сотни тысяч жизней. Великая Отечественная война привела к новой вспышке инфекционных хронических заболеваний. В конце 1940-х гг. туберкулез стоял на первом месте среди причин смерти. Отмечалось также широкое распространение желудочно-кишечных инфекций.

В структуре причин смерти проявилось запаздывание в России так называемого эпидемиологического перехода.

Таким образом, первая фаза демографического перехода оказалась очень длительной. Отмеченные ранее нарушения в возрастном составе населения также сыграли свою роль. Зато вторая фаза, связанная с понижением рождаемости, разворачивалась очень быстро, причем на фоне еще значительной смертности. Это привело к тому, что у нас в стране не было так называемого «демографического выигрыша», то есть состояния в развитии демографических процессов, когда смертность уже значительно понизилась, а рождаемость, снижаясь медленно, постепенно, остается еще довольно высокой. Подобная ситуация привела во многих странах к демографическому взрыву, обеспечившему высокий прирост населения.

Однако с середины XX века демографическая ситуация в России начинает меняться под воздействием новых факторов, характерных для индустриально развитых стран. Это прежде всего модернизация экономики на основе НТР, интенсивный процесс урбанизации, сопровождающийся резким увеличением городского населения. В период с 1954 по 1975 годы за каждое пятилетие его численность возрастает на 4,4—5,5%, достигнув к 1979 г. 69%. Вместе с тем повышается общий образовательный уровень населения, улучшаются в связи с резким увеличением в 1960-е гг. жилищного строительства бытовые условия жизни населения. Повышается уровень медицинского обслуживания. Население в своей массе приобщается к медицинским знаниям. Наконец, в 1960-е — 1970-е годы получают широкое распространение средства регулирования деторождения. Аборт все еще остается одним из главных средств, но делается более доступными по сравнению с предшествующим периодом отечественные и импортные средства контрацепции.

Во второй половине 1950-х гг. и в России наблюдается устойчивая тенденция снижения рождаемости: 1950 г. — 26,9, 1955 г. — 25,7, 1959 г. — 23,7‰.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в 1960-е гг. Рождаемость в СССР и РСФСР резко падает, ее показатели стабилизируются. В 1960 г. она составляла 23,2‰, а в 1965 — 15,7‰, в 1970 — 14,6‰, затем поднимается, но незначительно: в 1975 г. — 15,7‰, в 1979 г. — 15,8‰. Это быстрое снижение показателя рождаемости охватывает все районы РСФСР. Приведем данные за 1960 и 1970 гг. по отдельным регионам. В ЦПР — 21,8 и 12,6‰; на Северном Кавказе — 24, и 16,3; в Поволжском районе — 23,6 и 14,7; в Уральском районе — 26,6 и 15,6; Западно-Сибирском — 26,7 и 15,2; в Восточно-Сибирском — 27,7 и 17,5; на Дальнем Востоке — 25,0 и 17,8³¹. В особом положении находились Северо-Западный и Центральный районы, где снижение рождаемости произошло раньше и таких резких скачков ее показатели не испытывали. Типична повсеместная тенденция к снижению возраста матерей, уменьшению числа рождений у женщин в возрасте после 35 лет.

Эти годы отмечены и значительным понижением смертности и выравниванием ее показателей в городе и селе. Смертность городского населения в 1960 г. составляла 6,7‰, а в селе — 8,2‰, в 1970 г. соответственно — 7,9 и 10,07. При этом сокращается роль экзогенных причин смерти. Если инфекционные и паразитарные болезни в 1960 г. унесли 62 тыс. жизней (52,2 на 100000 населения), то в 1970 г. — 31 тыс. (24,0), а в 1979 г. — 28 тыс. (20,5). Основными причинами смерти становятся болезни эндогенного характера — на первом месте — органов кровообращения, а на втором — новообразования. Среди младенцев на фоне снижающейся смертности также уменьшается число умерших от инфекционных и паразитарных болезней. Если в 1960 г. от них погибло 11 тыс. младенцев, то в 1970 г. — только — 2 тыс. К концу 1970-х гг. — этот показатель несколько поднимается — до 7 тыс.³². Основными причинами младенческой смертности в эти годы являются болезни органов дыхания, а также отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде. Таким образом, произошли существенные изменения в соотношении причин общей и детской смертности. Смерть младенцев от врожденных аномалий в 1960-е годы пока еще незначительна, однако к концу 1970-х гг. ее показатель имеет тенденцию к увеличению. Сказывается резкое ухудшение экологической ситуации, особенно в промышленных районах страны. В целом же уровень младенческой смертности в России в этот период (в 1970-м г. — 23‰, в 1980-м — 22,1‰) был ниже соответствующих

показателей некоторых европейских стран – Италии (25,9‰), Испании (29,6‰).

В 1960-е – первой половине 1970-х гг. Россия поднимается на уровень мировых показателей продолжительности жизни российского населения, характерных для индустриально-развитых стран. В среднем ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла в этот период в 1961–1962 г. 68,8 года, при этом среди мужчин – 63,8, среди женщин – 72,4; в 1970–1971 соответственно – 68,9, 63,2 и 73,6³³. Однако к концу 1970-х годов наметились неблагоприятные тенденции – сокращение продолжительности жизни, прежде всего мужчин, отмечавшееся еще во второй половине 1960-х гг. стало устойчивой тенденцией, замедлилось и стало неровным снижение смертности детей и младенцев. В итоге в 1979 г. – соответствующие показатели составили 67,7, 61,7 и 73,1.

В течение всего исследуемого периода был зафиксирован положительный естественный прирост населения в России. В 1960 г. он еще весьма высок – 15,8‰, в 1970 – 5,9‰, в 1979 – 5,0‰³⁴. Здесь проявилась присущая завершающей стадии демографического перехода тенденция к снижению естественного прироста, однако ни разу за все рассматриваемое двадцатилетие он не опустился до нулевого, а тем более до отрицательного уровня.

В 1960–1970-е гг. в России демографический переход, успешно развиваясь, вступает в свою завершающую фазу, когда коэффициент рождаемости приближается к уровню простого воспроизводства населения, а коэффициент смертности, испытав некоторое повышение, под воздействием процесса старения населения остается низким. Низкие показатели рождаемости и смертности имеют тенденцию к стабилизации. Уменьшаются региональные различия в демографических показателях. Можно сказать, что к середине 1970-х гг. демографический переход в России был в принципе, в основных своих чертах, завершен. К этому времени стала преобладающей простая, нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары с детьми. Семья стала не только малочисленной, но и малодетной: в среднем 1–2 ребенка.

Однако специфика протекания в России демографического перехода наложила отпечаток на демографические характеристики населения: наличие в возрастном составе многочисленных демографических ям, сохранение и даже увеличение существенной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин, неровный характер и темпы развития демографических процессов и т.д. На сглаживание этих остаточных явлений требовалось время.

Однако длительная демографическая стабилизация не состоялась, она вновь была прервана.

В 1980-е гг. нарастание смертности (более 11‰), было связано и со старением населения, и с неблагоприятной экологией, и с распространением алкоголизма, и ухудшением медицинского обслуживания. Отмечается повышение смертности в трудоспособных возрастах. Однако существенное увеличение рождаемости обеспечивало положительный естественный прирост — + 5 — +6‰ ежегодно. С 1979 до 1989 гг. население увеличилось почти на 10 млн человек, хотя активной миграции в РСФСР не было, наоборот, имел место отток населения в другие республики СССР. Младенческая смертность сокращается — с 22‰ в 1980 г. до 18‰ в 1989 г. Однако смертность детей снижалась в России значительно медленнее, чем на Западе, и не столь последовательно.

1990-е годы отмечены глубинными изменениями во всех сферах жизни: политической, экономической, идеологической, которые вновь осложнили развитие демографических процессов в стране. Ретроспективный анализ переписи 2002 г. показывает, что в конце 1990-х гг. резко возросла смертность детей в России: из каждой 1000 новорожденных в России умирало, не дожив до 15 лет, мальчиков — 24, девочек — 18³⁵. Соответствующие показатели стран Европы, США, Японии в этот период были в 2 и более раза ниже. Прежде всего в России умирали младенцы до года — 13 человек из каждой 1000. Важной причиной смерти являлась смерть от врожденных аномалий. Показатель смертности по этой причине в течение многих лет рос и только в самое последнее время стал убывать.

Ожидаемая продолжительность жизни в 1990-е гг. снизилась и для мужчин, и для женщин. Для мужчин — более чем на 2 года, усугубив и без того значительный разрыв с женской. Если в 1980-е гг. в рабочих возрастах смертность была велика только у мужчин, то на протяжении 1990-х гг. она стала высокой и у женщин. Мужчина, умирающий от сердечно-сосудистого заболевания, проживает в России на 10 лет меньше, чем в Европе, США и Японии³⁶. Среди причин смерти фиксировалось большое количество насильственных. Так, более 50 тыс. человек в 2001 г. погибло в автодорожных происшествиях. Еще 55 тыс. стало жертвами убийств (криминальных и бытовых); 60—80 тыс. — самоубийств (в основном — мужчины), затем более 70 тыс. умерли в результате случайных отравлений низкокачественными пищевыми продуктами и алкогольными напитками, а также отравлений газом и продуктами горения как во время пожаров, так и при нарушении техники безопасности на работе.

Начиная с 1992 г. в России фиксировался отрицательный естественный прирост населения. По подсчетам статистиков, населе-

ние России убыло по причине отрицательного естественного прироста с 1992 до 2000 г. почти на 7 млн чел. При этом естественная убыль была отчасти сбалансирована положительным сальдо миграций. В итоге, по данным переписи 2002 г., население России по сравнению с 1989 г. уменьшилось на 1,8 млн чел.: 147 млн в 1989 г. и 145,2 в 2002 г.

Таким образом, 1990-е гг. характеризуются резким повышением смертности и столь же резким понижением рождаемости, отрицательным естественным приростом населения, что привело к демографической катастрофе в России, поставившей многие народы на грань депопуляции.

Как следует из всего ранее изложенного, Россия неоднократно переживала демографические кризисы, но ее население преодолевало их, несмотря на самые неблагоприятные условия. Почему кризис 1990-х годов, перешагнувший в XXI век, ставит под угрозу популяцию в России? Ответить на этот вопрос можно, лишь проанализировав особенности этого кризиса.

Демографический кризис конца XX – начала XXI вв. глубже и острее, чем все предшествовавшие, уже потому, что он протекает в условиях завершившегося демографического перехода к малодетной семье. Следует учитывать, что переход этот завершился и в городе, и в селе, где еще недавно сохранялись традиционные, средне- и многодетные семьи, которые и восполняли прежде всего потери населения. Завершился этот переход не только у русского, но и у ряда других этносов России. По данным переписи 2002 г., на 1000 женщин от 15 лет и старше городского и сельского населения приходится 0 детей на 217 женщин, 1 ребенок – на 305,2 детей – на 337,3 и более детей – на 141 женщину³⁷. Во-первых, даже незначительное падение рождаемости и увеличение детской смертности ставит в этих условиях под угрозу естественный процесс воспроизводства населения.

Во-вторых, тяжелая демографическая ситуация 1990-х гг. развивалась на фоне кризиса семейных отношений. Об этом свидетельствует не только возрастающее количество разводов, но и резкое снижение числа заключаемых в то время браков. В основе кризиса семьи лежат, безусловно, общая нестабильность экономической и политической обстановки в стране и социально-бытовая неустроенность. Но есть и еще один искусственно навязываемый населению фактор – пропаганда с экранов телевизора, со страниц прессы так называемой «сексуальной» революции: нетрадиционных семейных отношений (розовых, голубых и проч.), случайных половых связей, не ориентированных на деторождение, ранней

половой жизни (в подростковом и детском возрасте), консенсуального брака, то есть «секса ради секса».

В-третьих, необходимо отметить, что в 1990-е гг. страну буквально захлестнули волны массовой миграции, в том числе нелегальной. Это способствовало ухудшению криминогенной обстановки в стране, разрастанию незаконного и бесконтрольного производства и реализации низкокачественных продуктов питания, что вело к массовым отравлениям, смертям, потере здоровья как взрослых, так и детей.

Мигранты, обеспечивая механический прирост населения, быстро адаптируются и усваивают нормы демографического поведения коренного населения. К тому же многие из иммигрантов приезжают в поисках работы в одиночку, оставляя свои семьи на родине.

В-четвертых, появилась новая для российского населения проблема — бесплодие. Это результат широкого распространения наркомании и алкоголизма, в том числе пивного, среди молодежи, подростков и даже детей. Это результат распространения ВИЧ-инфекции, а также новых, неизвестных прежде, венерических заболеваний. Это результат роста проституции, беспорядочных половых связей. Борьба с этими явлениями должна вестись не только законодательным путем, но главное здесь — создать атмосферу категорического осуждения со стороны общественного мнения. И здесь особая ответственность ложится на СМИ.

Наконец, население страдает от небывалой для нашей страны и все возрастающей дороговизны квалифицированных медицинских услуг и лекарственных препаратов, в том числе детских. Общую картину дополняет отсутствие дотаций на детское питание, одежду и, особенно, квартирную плату на детей.

Демографический кризис в России развивался в условиях практического отсутствия активной демографической политики. Пособие на детей вследствие инфляции были настолько ничтожны, что не могли оказать какой-либо материальной поддержки семье, имеющей ребенка, зато плата за коммунальные услуги в 1990-е стала взиматься с детей как со взрослых. Резко возросли цены на детскую одежду, спорттовары, игрушки и т.д.

Все эти факторы привели к тому, что демографический кризис имеет длительный, затяжной характер. Однако он не является необратимым.

В самое последнее время у нас появилась надежда на стабилизацию тенденций к росту рождаемости, на улучшение демографической ситуации.

После упомянутых потерь населения в начале XXI в. появились признаки компенсаторного периода.

По сведениям фонда социального страхования (ФСС) за 10 месяцев 2006 г. в России родились 1 млн 236,4 тыс. детей, что на 15 тыс. больше, чем за аналогичный период прошлого года. По официальным данным, рождаемость увеличилась на 8,5%, а смертность сократилась на 9,5%. На 33 с лишним процента сократилась естественная убыль населения. Это лишь первые шаги в улучшении демографической ситуации.

Если эта тенденция реализуется полностью, то депопуляционные процессы в России могут быть преодолены. Но неперенным условием демографической стабилизации является активная, научно обоснованная демографическая политика.

В настоящее время демографическая политика признана одним из основных направлений государственной политики. Поставлен вопрос о демографической защите населения России. На правительственном уровне разработан Проект концепции демографической политики на срок до 2025 года. Начиная с 2007 г. стали осуществляться целенаправленные меры по поощрению рождаемости и сокращению смертности населения. Стоимость родового сертификата в настоящее время доведена до 11 тыс. рублей. Действует программа поддержки рождения второго ребенка – так называемый Базовый материнский капитал в размере примерно 10000 долларов. Это только первые шаги. Проектом концепции демографического развития предусмотрен целый комплекс мер стимулирования рождаемости, совершенствования системы пособий, улучшения жилищных условий для молодых семей. Ставится задача обеспечения социальных гарантий семье. Важный блок связан с пропагандой и социальной рекламой, формированием позитивного имиджа семей с несколькими детьми. Осуществление этих мер поможет преодолеть демографический кризис в России и добиться стабилизации режима воспроизводства населения.

Важно, чтобы демографическая политика проводилась правительством постоянно и последовательно, усиливаясь в периоды ожидаемого падения рождаемости. Такой период можно уже сегодня прогнозировать в связи с новой «демографической ямой», образовавшейся в возрастно-половой пирамиде в результате катастрофического падения рождаемости в середине 1990-х гг. Поколения этих лет рождения вступают в детородный возраст в 2015–2020 гг. Демографической политикой должен быть предусмотрен хорошо продуманный комплекс поощрительных мер, обеспечивающих повышение рождаемости до 2–3-х детей в семье. В этих целях необходимо поощрение рождения не только второго и третьего, но

и первого ребенка в семье, поскольку в России сейчас довольно значителен процент бездетных семейных пар.

Политика поощрения рождаемости должна сочетаться с политикой борьбы за снижение смертности и укрепление здоровья всего населения — и детей, и взрослых. Эти две задачи должны решаться одновременно. При этом борьба со сверхсмертностью должна осуществляться не в рамках широкоэвangelических программ, а по конкретным, реальным направлениям — улучшения и удешевления медицинского обслуживания и лекарственных препаратов, усиления контроля за качеством пищевых продуктов, борьбы с алкоголизмом и наркоманией и т.д. Конкретные меры по борьбе с младенческой смертностью уже привели в 2006–2007 гг. к положительному результату — в ряде регионов уровень младенческой смертности понизился до соответствующих показателей западноевропейских стран.

Депопуляция не является обязательным следствием и спутницей завершившегося демографического перехода. Он осуществляется с разной степенью вариативности в разных странах. Нормальным результатом его часто является стабилизация естественного прироста на уровне суженного, простого или несколько расширенного воспроизводства населения. Этот путь не потерян для России.

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. М. 2000. С. 93.

² Красный террор в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 9–10.

³ Данилов В.П. За что погибли 16 млн россиян // Юность. 1990. № 107. С. 19.

⁴ Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР, 1917–1990 гг. // Россия. XXI. 1994. № 1–2. С. 123.

⁵ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 9.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР: За время мировой войны и революции. М., 1926. С. 100, 103, 113; *Араловец Н. А.* Городская семья в России. 1897–1926. Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 119.

⁸ *Жиромская В. Б.* После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 7.

⁹ Материалы 1-го Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921. С. 124; Гаврилова И.Н. Указ. соч. С. 300.

¹⁰ Там же. Т. 5. С. 19, 56, 60.

¹¹ Известия советской медицины. 1918. № 5–6. С. 2–3; «Красная Москва». 1917–1920. М. 1920. С. 405.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Население России за 100 лет. (1897–1997). М., 1998. С. 86, 88.

¹⁴ См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. С. 265–275; Трагедия советской деревни: Коллективизация и рас-

- кулачivanje 1927–1939. Документы и материалы. Т. 3. 1930–1933. М., 2001; *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н.* О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6; *Зеленин И.Е.* «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1; *Он же.* Революция «сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; *Данилов В.П.* Коллективизация: как это было? // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989; *Он же.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 годов и демографическая катастрофа 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. Киев, 2003; *Кульчицкий С.В.* Трагічна статистика голодомору/Минуле України. Видновлені сторінки. К., 1991; *Он же.* Демографические последствия голода 1933г. на Украине // Философская и социологическая мысль. 1989. № 6; *Он же,* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.) К. 1999; *Перковський А.Л., Пирожков С.И.* К истории демографического развития 30–40-х годов (на примере Украинской ССР)//Экономика. Демография. Статистика. М., 1990; *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахская трагедия // Вопросы истории, 1989. № 7; *Алексеев А. Н.* Голод начала 30-х годов в Казахстане (методика определения числа пострадавших) // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992; *Батырбаева Ш.* Население Кыргызстана в 20–50-е годы XX века: историко-демографический анализ. Бишкек. 2003; *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У.* Кризис в советском сельском хозяйстве 1931–1933 // Отечественная история. 1998. № 6; *Wheatcroft S.G., Davies R.W.* In the Mirror of the Soviet Statistics/Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S.G. (eds.). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, 1994; *Максудов С.* Потери населения в годы коллективизации // Звенья. 1991. № 1 и др.
- ¹⁵ Расчеты автора по: *Осколков Е.Н.* Голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья. // Вопросы истории. 1991. № 6; *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993; *Исупов В.А.* Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири. 30-е–80-е гг. (Ист. опыт и совр. пробл.). Новосибирск, 1991; *Он же.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Г.Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998. С. 83.
- ¹⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. ТЛ. 1900–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 204.
- ¹⁷ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 20. Д 701. Л. 11, 16, 22, 39, 44. (подсчеты автора).
- ¹⁸ Там же. Л. 1. (подсчеты автора).
- ¹⁹ «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г. // Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967. М., 1968. Т. 2. С. 419.
- ²⁰ «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1949 г. // Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967. М., 1968. Т. 2. С. 420.
- ²¹ Вестник статистики. 1972. № 1. С. 91.

- ²² Кваша А.Я. О некоторых инструментах демографической политики \ \ Изучение воспроизводства населения. М. 1968. С. 73–76.
- ²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 320. Л. 5 об.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 320. Л. 7., Д. 351. Л. 21, Д. 412. Л. 7об., Д. 444. Л. 7об., Д. 486. Л. 8об., Д. 550. Л. 10об.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 402. Л. 10 об.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 320. ЛЛ. 5об.; Д. 351. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Оп. 18. Д. 320. ЛЛ. 1 об.-2; Д. 351. Л. 15 об-16.
- ²⁸ Там же. Оп. 18. Д. 412. ЛЛ. 1 об.-2; Д. 444. Л. 1 об-2.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 486. ЛЛ. 2об. – 3; д. 550. Л. 3-3об.
- ³⁰ *Жиромская В.Б., Араловец Н.А.* Демографические последствия Великой Отечественной войны/Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг. Современные подходы. М., 2005. С. 235; *Жиромская В.Б., Араловец Н.А.* Проблемы охраны здоровья населения в 1920-е гг. \ \ Труды отделения историко-филологических наук РАН 2004. Вып. 2. М. 2004. С. 56–68.
- ³¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 84, 114–137.
- ³² Там же. С. 161–163.
- ³³ Там же. С. 164.
- ³⁴ Там же. С. 114.
- ³⁵ Население и общество. Информ. Бюллетень. 2003. № 72.
- ³⁶ Там же. 2003. № 76.
- ³⁷ Там же. С. 79.

Араловец Н.А.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ В XX в.

В статье рассматриваются изменения в XX в. традиционных ценностей брака и семьи у городского населения России и распространение современных представлений. Раскрывается влияние ценностей семьи на репродуктивное поведение горожан, стабильность семьи и ее величину. Показывается, что существование в обществе традиционных и современных семейных ценностей обусловило кризисные явления в брачно-семейных отношениях, заметно обострившихся в условиях социальной нестабильности конца XX в.

Ключевые слова: ценности брака и семьи, трансформация; современные семейные ценности, кризис.

Трансформация брачно-семейных отношений в XX в. определялась изменениями ценностей семьи, прежде всего у населения наиболее крупных индустриальных и административных городских центров России.

В конце XIX – начале XX в. ценностные установки российского населения на брачно-семейные отношения, как правило, основывались на религиозных взглядах. Для России были характерны разные вероисповедания. Наиболее распространенными из них были христианство, ислам, иудаизм¹. Различный подход в этих вероисповеданиях к ценностям семьи имел непосредственное влияние на ее формирование, добрачное, брачное и внебрачное поведение населения, репродуктивные установки и внутрисемейные отношения.

Наличие разных вероисповеданий в России обусловило вступление в брак в рамках одного вероисповедания, а также одной национальности. По российскому законодательству запрещались браки между христианами и нехристианами. Мусульманин мог вступать в брак с христианками и иудейками. Такой брачный выбор был обусловлен стремлением распространить ислам среди христиан и иудеев. По этой причине брак мусульманки с христианином или иудеем был исключен. Поступок такого рода строго карался, мусульманка обвинялась в вероотступничестве и могла быть подвергнута тюремному заключению. Исключались браки между

мусульманами и язычниками. Существовавшие запреты препятствовали распространению межнациональных браков. В этот период вступление в брак в России имело не только жесткие ограничения религиозного и национального, но также социального и сословного характера. Эти положения были закреплены в гражданском законодательстве Российской империи².

Наряду с этим были и общие положения. Так, вступление в брак и создание семьи было долгом перед Богом и обществом. При этом желание и чувства лиц, вступающих в брак, обычно во внимание не принимались. Российское население в условиях сложности разводов было ориентировано на продолжительность брака, стабильность семьи и высокую рождаемость особенно при слитности сексуального, брачного и репродуктивного поведения населения. Внутрисемейные отношения основывались на зависимости жен от мужей, а детей от родителей. В семье существовало четкое возрастное-половое разделение. Религиозные семейные ценности способствовали сохранению в российском обществе раннего вступления в брак, всеобщему характеру брачности и авторитарным внутрисемейным отношениям.

Однако в начале XX в. религиозные ценности брака и семьи не могли полностью удовлетворить потребности населения. Происходил сложный поиск другой нравственной основы во взаимоотношениях между супругами, родителями и детьми. В этот период П. Сорокин поставил вопрос о кризисе семьи. Нравственные искания особенно ярко проявлялись среди просвещенной части христианского населения.

Философы Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров и др. резко критиковали презрение христианства к сексуальной жизни человека. Такие взгляды по существу затрагивали христианские принципы единобрачия и нерасторжимости брака. Специфика осмысления в русской философии проблем пола и любви накладывала отпечаток на формирование личности, характер брачно-семейных отношений, а также духовную культуру российского общества в целом³.

Представители наиболее радикально настроенной части российского общества считали, что брак должен основываться на любви, а не на расчете и меркантильных интересах, равенстве супругов и возможности расторжения брачного союза. Однако свободный и добровольный брачный выбор, по их мнению, мог осуществиться только при устранении в обществе частной собственности и неравноправия женщин⁴. Новые идеи разрушали традиционные религиозно-этические нормы брака и семьи, что

проявилось, например, в принятии закона (1914 г.) о раздельном проживании супругов.

Первая мировая и Гражданская войны, революционные события, особенно Октябрьская революция 1917 г. с последовавшими радикальными изменениями политической системы российского общества и форм собственности, отделением церкви от государства и активной антирелигиозной пропагандой значительно повлияли на трансформацию традиционных норм брачно-семейных отношений. Важнейшую роль играло принятие в октябре 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекуном праве РСФСР. Кодекс устранял все ранее существовавшие социальные и сословные, национальные и религиозные запреты при вступлении в брак. Юридическая сила признавалась только за гражданским браком, т.е. зарегистрированным в органах ЗАГСа. Женщины были уравнены в правах с мужчинами. Значительно упростился бракоразводный процесс⁵.

Взгляды городских жителей на брак и семью в 1920-е гг. отличались разнообразием. Наиболее ярко они были выражены в работах партийных и государственных деятелей. Широкое распространение, особенно среди молодежи, получили взгляды А.М. Коллонтай. Она считала, что брак должен быть союзом равноправных и свободных людей. Отношения, окрашенные чувством взаимности, духовной и физической близости, основанные на уважении прав друг друга, взаимной поддержке и общности интересов, признавала нравственными. А.М. Коллонтай выступала за признание всех форм брачных отношений и различных видов любовных отношений между мужчиной и женщиной, если при этом не наносился «ущерб расе» и отсутствовало экономическое угнетение. В то же время критиковала утрату частью молодежи духовного начала в любви.

Такие взгляды были популярны и за рубежом. Так, Линдсей (руководитель отделением семейных дел и малолетних преступников в Денверском суде) на основе судебной практики пришел к выводу о разложении современной американкой семьи и предлагал признать законными новые формы брака – компаньонат («товарищеский брак»). Эта точка зрения получила научное обоснование в трудах социологов 1920-х гг. И. Бергесса и Дж. К. Фолсома. Они считали, что в брачно-семейных отношениях ведущую роль играют взаимопонимание и дружеское участие между супругами. Общественный деятель Германии Шарлота Бухов-Гомейер выступала за признание временного брака, заключенного на определенный законом срок. Такой брачный союз основывался на добровольном согласии и экономической независимости супругов друг от друга,

а также необязательности совместного проживания и хозяйствования.

Вместе с тем в эти годы в российском обществе преобладали взгляды на брак как союз равноправных и свободных людей, независимый от социальной, религиозной и национальной принадлежности, расторгимый, не подлежащий социальному и государственному контролю. Эти взгляды проявились в 1926 г. в ходе обсуждения проекта нового брачного законодательства⁶.

Новый Кодекс о браке, семье и опеке был утвержден в 1926 г. на заседании ВЦИК и введен в действие с 1 января 1927 г. Он сыграл немалую роль в разрушении традиционной семьи и способствовал формированию семьи, освобожденной от прежних ограничений, запретов и условностей, выработанных дореволюционным обществом. В Кодексе признавалась юридическая сила за незарегистрированными в органах ЗАГС, т.е. фактическими браками. Это означало, что лица, состоявшие в незарегистрированном браке, получали такие же права, как и в зарегистрированном брачном союзе: на имущество, получение содержания от супруга в случае нетрудоспособности по состоянию здоровья, безработицы, беременности и послеродового периода, а также выплату алиментов на ребенка⁷.

Городские жители в 1920-е гг. имели разные формы брака: гражданский брак, оформленный в органах ЗАГС; фактический брачный союз, не зарегистрированный в органах ЗАГС, а также церковный брак. Однако преобладала гражданская форма заключения брака. Об этом свидетельствовал материал проведенных в 1927 г. обследований наиболее радикально настроенной части населения – студенчества. Так, в Одессе из всех состоявших в браке студентов имели: гражданский брак – 63,3% мужчин и 57,7% женщин; церковный – соответственно 20,2% и 10,6%; свободный брак – 16,5% и 31,7%⁸.

Таким образом, отношение населения, в том числе наиболее молодой его части, к браку оставалось серьезным и вполне традиционным, что выражалось в преобладании регистрации брачных союзов. Наряду с этим женщины активнее мужчин вступали в фактические браки.

Традиционным этическим нормам противопоставлялась новая пролетарская этика, в основе которой лежал коллективизм. В утрированной форме она была выражена А.Б. Залкиндо. Так, он полагал, что в основе брачных отношений должны лежать общественные интересы⁹. Взгляды о превалировании в жизни человека общественных интересов над личными в 1920-е гг. были популярны среди горожан. Коллективистские идеи имели позитивное

значение. Однако их доминирование обостряло противоречия между семейными и внесемейными, личными и общественными ценностями. Нарастание таких противоречий в семье нередко заканчивались их распадом.

Юридическое признание прав женщин во всех сферах российского общества стало определяющим фактором в трансформации традиционных брачно-семейных ценностей. Однако фактического равноправия женщин в конце 1920-х гг. не произошло. Роль женщины в этот период, как свидетельствовали многочисленные источники, оставалась в большинстве случаев традиционной: подчиненная родителям дочь, мужу — жена, мать, хозяйка дома и воспитательница детей. Замужние женщины, имевшие детей, в большинстве случаев не были заняты в общественном производстве, а занимались домом. Из данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. видно, что процент работавших женщин повышался в молодые годы (до 20 лет, 20—24 года), а в возрастах (24 года и старше) с появлением детей, возрастанием нагрузок и семейных обязанностей снижался. В бездетных семьях удельный вес работавших женщин также был небольшим. Активной производственной и общественной деятельностью занимались в основном мужчины¹⁰.

Однако признание равноправия женщин в обществе стимулировало развитие действительного взаимоуважения мужа и жены в семье. В 1920-е гг. возникали противоречия между юридическим и фактическим равенством мужчин и женщин в обществе и семье. Женщины освобождались от авторитарного гнета в семье, включались в производственную и общественную жизнь страны. Вместе с тем в эти годы возникала реальная опасность от все возраставших новых внесемейных и многочисленных традиционных семейных обязанностей женщин.

В конце 1920-х гг. у горожан существовали новые ценностные установки на брак и семью, особенно заметно проявлявшиеся в молодежной среде. При вступлении в брак преобладал свободный выбор будущего супруга или супруги. Брак в большинстве случаев основывался на взаимных чувствах, интересах и потребностях, а мотивы стяжательства, расчета и корыстного материального интереса значительно сократились. Религиозные запреты, традиции и обычаи прошлых десятилетий у городских жителей были значительно ограничены. Так, например, участилось вступление в брак во время постов, что категорически запрещалось церковью. Помесячная регистрация браков в ЗАГСх приобретала все более равномерный характер¹¹. Все это меняло характер брачно-семейных отношений и способствовало распространению, главным образом в городах, социально-смешанных и межэтнических браков. В то

же время у горожан сохранялись традиционные ценности брачно-семейных отношений, несмотря на их значительную трансформацию.

В 1930-е гг. новые брачно-семейные ценности еще более укрепились в сознании прежде всего городского населения РСФСР. В эти годы произошли существенные изменения в положении женщин. В условиях индустриализации российского общества расширилось применение женского труда в промышленности и сельском хозяйстве, на транспорте и связи, в торговле и общественном питании, просвещении и здравоохранении и т.д. Женщины осваивали мужские профессии. Новым явлением стало численное возрастание работавших женщин в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях.

Женщины стремились повысить свой образовательный уровень, что было отражено в данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. — на 1000 человек населения приходилось женщин со средним образованием — 69,0, мужчин — 85,5; высшим образованием — соответственно — 4,2 и 9,8¹².

Расширение применения женского труда и увеличение образовательного уровня способствовали росту экономической и морально-психологической самостоятельности женщин, заметно ускоривших изменения их традиционной роли и поведения в семье. Выросли внесемейные интересы и устремления женщин, сложнее и разнообразнее становились их потребности не только в профессиональной, но и семейной жизни.

В эти годы значительно расширились добрачные контакты молодежи. Юноши и девушки были связаны многочисленными учебными и производственными, профессиональными и общественными делами. Такие многосторонние связи молодых людей стимулировали устойчивые ценностные установки, выходящие за рамки семьи. Увеличение внесемейных ценностей в поведении молодежи в условиях демократизации внутрисемейных отношений способствовало расширению их самостоятельности в решении жизненно важных вопросов, включая вступление в брак и создание семьи.

Вместе с тем в 1930-е гг. в российском обществе нарастали консервативные тенденции в ценностных установках населения. Если в 1920-е гг. общественность широко обсуждала проблемы секса и любви, супружества и регулирования рождаемости, проводились разнообразные обследования, то в 1930-е гг. эти вопросы не только не обсуждались, но и не изучались профессионально. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами, супругами рассматривались только как нравственно-этические. Только вступление в

брак и создание семьи общественным мнением оценивалось положительно и связывалось с нравственным поведением. Усиливалось осуждение добрачных сексуальных связей молодежи, внебрачных отношений и внебрачной рождаемости. Неуважительное и часто подозрительное отношение проявлялось к не состоявшим в браке мужчинам и особенно женщинам. Личная жизнь человека, его интимный мир, брак и семья считались второстепенными по сравнению с масштабными проблемами индустриализации и коллективизации, образования и культуры. Подобные взгляды негативно влияли на брачно-семейные отношения и приводили к бесчисленным драмам¹³.

В эти годы существенно повысился контроль над брачно-семейными отношениями горожан со стороны комсомольских, партийных и профсоюзных организаций. Общественные организации могли вмешиваться и диктовать условия в решение сложнейших проблем брака и семьи. Контроль над брачно-семейными отношениями осуществляли коллеги по работе, а также многочисленные соседи, особенно в условиях коммунального проживания большинства городских жителей. Такой контроль заметно усилился из-за проведения в РСФСР паспортизации и введение в 1932 г. в городах прописки. Кроме того, в 1936 г. были запрещены аборты; усложнен бракоразводный процесс. Эти явления особым образом отражались на формировании личности, взаимоотношениях мужчин и женщин, супругов, и в целом на брачно-семейных отношениях. Однако в эти годы фактические браки были сохранены¹⁴.

Важно также отметить, что семейные установки городского населения в 1930-е гг. также были связаны с дальнейшей трансформацией религиозного сознания, что способствовало изменениям традиционных устоев брачно-семейных отношений¹⁵.

Самым негативным образом отразился на семье голод 1932-1933 гг., массовые репрессии, усилившиеся в конце 1930-х гг., депортационно-миграционные процессы, военные конфликты и т.д. В таких условиях увеличилось число неполных семей с женщинами во главе. Многие семьи перестали существовать: родители были арестованы, многие из них погибли, дети передавались родственникам или в детские дома. Детям, не знавшим в силу возраста своих фамилий, давали другие, что значительно осложняло воссоединение с ними освободившихся родителей или одного из них. Были известны случаи публичного отказа детей от репрессированных родителей, жен — от мужей или мужей от жен. Такие случаи особенно отрицательно сказывались на ценностях брака и семьи.

Огромные людские потери мужчин в годы **Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** увеличили число не состоявших в браке

женщин активных брачных и репродуктивных возрастов, неполных семей вдов и разведенных женщин, а также материнских семей (женщина, не состоявшая в браке, и внебрачный ребенок). Особое влияние на их распространение оказал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о ликвидации института фактического брака и усложнении процедуры развода. В годы войны заметно выросла численность сирот, в том числе в детских домах. Вместе с тем многие семьи усыновляли детей. В условиях военного времени заметно повысилась самостоятельность женщин и ускорилось взросление детей. Все это оказало серьезное влияние на изменение традиционных семейных ценностей в послевоенный период, особенно в годы «Хрущёвской оттепели»¹⁶.

В семейных ценностях горожан в эти годы понижались консервативные установки. Показательно, что юноши и девушки в большинстве случаев считали основой прочного брачного союза взаимные чувства и общность взглядов, доверие и искренность отношений. Об этом свидетельствовал материал обследования, проведенного в 1962 г. в ленинградском Дворце бракосочетаний. В условиях либерализации половой морали в молодежной среде были популярны взгляды о возможности сексуальных отношений с любимым человеком до вступления в брак. Этому явлению также способствовала легализация в 1955 г. аборт.

В мотивации вступления в брак и создания семьи значительно выросли ценности самостоятельного брачного выбора юношей и девушек. Согласие родителей на брачный выбор детей традиционно сохранялось, но решающего значения не имело. Молодожены часто не имели собственного жилья и финансовой самостоятельности, но в отличие от аналогичной ситуации конца XIX—начала XX вв. эти обстоятельства не влияли на решение о вступлении в брак как со стороны юношей и девушек, так и со стороны их родителей и родственников. Отсутствие у молодоженов возможности жить самостоятельно, трудности в приобретении жилья нередко усиливали конфликты в семье и тем самым нередко сокращали продолжительность их брака¹⁷.

Религия и религиозные ценности, включая брачно-семейные, рассматривались в послевоенный период как пережитки, которые необходимо преодолевать в сознании людей. Остро критиковался церковный брак, а также обряды крещения и отпевания. Наряду с этим была усилена атеистическая деятельность по искоренению религиозных проявлений в быту. Неприятие в российском обществе религиозных ценностей брачно-семейных отношений ускорило трансформацию традиционных нравственных устоев семьи.

Изменялась мотивация вступления в брак и создания семьи. Так, у юношей и девушек сокращались социальные и национальные мотивы брачного выбора. Популярными были взгляды о том, что для настоящей любви не имеет значение род занятий и место работы, образование и профессия, уровень заработной платы и жилищные условия любимого человека. Основной акцент делался на искренность и благородство, чистоту чувств и взаимность устремлений. Однако эти мотивы брачного выбора были характерны не только для молодежи, но и людей средних возрастов. Однако при вступлении в брак все же имели значение и образование, и профессия, и национальность, и круг знакомых, и положение родителей будущего супруга или супруги. Из данных проведенных исследований видно, что семейные конфликты часто возникали из-за низкой зарплаты, плохих жилищных условий, разного образовательного и профессионального уровня супругов¹⁸.

Дальнейшее развитие в эти годы получила точка зрения о примате общественных интересов над личными и семейными ценностными установками. Такие взгляды способствовали повышению и без того многочисленных нагрузок у работавших женщин. В официальных постулатах основной упор в супружеских отношениях делался на общности идейных взглядов и убеждений. Считалось, что любовь между мужем и женой особенно сильна, если их объединяет общая любовь к Родине, идейная близость и активное участие в коммунистическом строительстве, взаимное уважение, общие интересы и цели. Взгляды, отрицавшие, по сути, интимный мир брачно-семейных отношений, имели исторические корни и были идейно близки наиболее догматическим концепциям 1920-х гг. В качестве будущих жен приветствовались общественно активные женщины, хорошие специалисты, уважаемые в коллективе. Они могли быть не просто спутницами мужа, а его соратницами, оказывавшими ему всестороннюю помощь и поддержку. Однако в повседневной жизни члены семьи тяготели к психологической близости, вниманию и сердечности¹⁹. Стремление особенно женщин к полному равноправию и интимности в брачно-семейных отношениях, а также активной профессиональной и общественной жизни за пределами семьи усиливало противоречия в браке и ускоряло разводы. Причем нередко женщины были их инициаторами.

Изменение семейных ценностей горожан, а также доминирование в городах малочисленных и малодетных семей в конце 1950-х гг. в целом соответствовало переходу от традиционных к современным семейным ценностям, от традиционной к современной семье, т.е. демографическому переходу.

Во второй половине XX в. у городских жителей преобладали современные нормы брачно-семейных отношений. В городах снизился внешний контроль над жизнью семьи, усилилась ее автономность в обществе. Этим явлениям соответствовало упрощение процедуры развода в 1965 и особенно в 1968 гг. В Указе, принятом Президиумом Верховного Совета СССР 10 октября 1965 г., сокращалось судебное рассмотрение дел с двух инстанций до одной. Было также отменено положение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о публикации в газете объявления о расторжении брака. В Кодексе о браке и семье РСФСР, принятом в 1968 г., процедура развода была еще более упрощена. Так, супруги, не имевшие общих детей до 18 лет, при обоюдном согласии имели право не обращаться в судебные инстанции, а разводиться в ЗАГСе.

Обследования, проведенные в 1960–1970-е гг. на крупных промышленных предприятиях РСФСР, показали значительное распространение взглядов на любовь как духовное чувство и высочайшую ценность в жизни человека. Большинство участников обследования отмечали, что именно любовь должна быть эмоциональной основой брака. Негативное отношение к любви в брачном выборе проявилось у меньшинства опрошенного населения. Однако понимание любви носило сугубо индивидуальный характер, что, несмотря на близкие семейные ценности супругов, нередко вызывало между ними конфликтную ситуацию.

Изучение в эти годы ценностных установок студентов на брак и семью показало, что молодые люди, состоявшие в браке, этические стороны в брачно-семейных отношениях оценивали выше, чем эмоциональные и материальные, а не состоявшие в браке занижали этические и завышали эмоциональные и сексуальные ценности²⁰.

Семейные ценности горожан в 1970-е гг. характеризовались новыми аспектами. Дальнейшее разъединение и автономизация брачного, сексуального и репродуктивного поведения населения заметно снижали традиционные запреты и ограничения в сексуальном поведении не только мужчин, но и женщин. Особенности воспитания юношей и девушек в 1960-е гг. удерживали многих из них от сексуальных добрачных контактов. Однако постепенная либерализация половой морали способствовала возрастанию сексуальных добрачных контактов молодежи. Обследования студентов Ленинграда показали, что в 1957 г. большинство опрошенных юношей вступало в первую сексуальную связь в возрастах 19–21 лет, девушек – 2–24 года; в 1971 г. – соответственно 16–18 лет и 19–21 год. Аналогичные явления фиксировались в других российских

городах, причем не только среди студентов, но и рабочих, и служащих.

Многие юноши и девушки считали любовные отношения самодостаточными. Они могли привести к вступлению в брак и созданию семьи, а могли и не закончиться заключением брака. Эти ценностные установки молодежи в условиях низкого уровня сексуальной культуры в обществе способствовали росту внебрачных рождений у женщин до 18 лет. Так, например, в Свердловске внебрачная рождаемость у молодых женщин в возрасте до 18 лет составляла 0,7%, а во второй половине 1970-х гг. — 1,3%. Росло число добрачных зачатий. Из данных социологов видно, что в Ленинградском дворце «Малютка» в 1963 из 287 супружеских пар 69 (24%) зачали ребенка в среднем за три месяца до юридического оформления брака, а в декабре 1978 гг. из 643 пар 243 (38%). В отдельных случаях добрачные зачатия приводили к вынужденным бракам. Однако такие брачные союзы, по данным многочисленных исследований, не были продолжительными.

Вместе с тем даже в условиях либерализации сексуальной морали горожане часто отрицательно оценивали распространение сексуальных добрачных отношений среди молодежи. Такие оценки со стороны родителей усложняли их отношения с взрослыми детьми и ускоряли дробления семей за счет отделения взрослых детей, прежде всего сыновей.

Однако большинство юношей и девушек особенно в сельской местности стремилось к вступлению в брак и созданию семьи. Обследование добрачного поведения городской и сельской молодежи в Удмуртской АССР показало, что свидания молодых людей на селе в 1970-е гг. происходили в наиболее активных брачных возрастах 20–24 года, а в городе — 15–18, 19–20 лет. Такое поведение было связано с сохранением более традиционных отношений сельской молодежи к браку и семье. Важно также отметить, что влияние родителей на поведение взрослых детей, в том числе брачное, в селах выражалось сильнее, чем в городах.

Проведенные обследования показали неподготовленность большинства юношей и девушек к вступлению в брак и созданию семьи. Они часто не имели реальных представлений о брачно-семейных отношениях. Это сказывалось на стабильности брачного союза²¹.

Отношения между супругами, родителями и детьми развивались как сугубо личностные, интимные и эмоционально насыщенные. В супружестве повышались сексуальные ценности. Вступление в брак не всегда связывалось молодыми супругами с деторождением. Тем более что решение о рождении ребенка

супруги принимали исходя из собственных желаний, без внешних вмешательств. Все эти явления обусловили дальнейшие изменения репродуктивного поведения населения²². В эти годы у городских жителей сохранялись и традиционные семейные ценности, и выработанные ранее стереотипы брачного поведения. Столкновение в семье современных и традиционных ценностей нередко порождало острые противоречия и вызывало конфликты между супругами, родителями и детьми.

Заметно повысились у горожан индивидуальная избирательность брачного выбора и морально-психологические требования к браку и семье в 1980-е гг. Об этом свидетельствовали данные опросов, проведенных в 1982 г. в крупных городах Урала. Их изучение показало, что у молодых супругов в иерархии жизненных ценностей ведущее место (80,0% от числа опрошенных) занимали взаимопонимание и доверие. Ценности супружеской любви у супругов Златоуста составляли 44,4%, а в Магнитогорске — 46,4%. В то же время у молодоженов повысились ценности собственного здоровья. За них высказались 60,2% опрошенных в Златоусте и 57,0% — Магнитогорске. Важно отметить, что ценности материального благополучия, а у молодых специалистов — интересной и творческой работы были выше ценности детей. Так, в иерархии жизненных ценностей у молодых супругов ценности материального благополучия составляли от 31,7% до 45,0%. В Златоусте и Магнитогорске на значимость первенца как основной жизненной ценности указало всего 2,2%, в Свердловске — 5,0%.

Среди наиболее важных условий счастливого брака 68,1% опрошенных назвали взаимоуважение и согласие супругов; 66,1% — взаимную любовь; 51,0% — верность супругов друг другу; 31,0% — материальное благополучие; 24,3% — сексуальную гармонию в супружеских отношениях. Из данных проведенных опросов также видно, что в иерархии ценностей счастливого брака понижалось значение детей: на ценность детей сослалось 15,2% молодых супругов²³.

Семейные ценности представлялись более важными для женщин, чем мужчин. Женщины, несмотря на значительное изменение роли в общественной, профессиональной и семейной жизни, все-таки меньше мужчин были ориентированы на карьеру. По данным опроса, проведенного в Москве в 1983—1984 гг., женщин, отдавших предпочтение семье, было около 50%, мужчин — около 34%.

Изменялись семейные ценности и в зарубежных странах. В ценностных установках молодежи понижались ценности семьи и детей. Опрос 1982 г. в Западной Германии показал, что для

девушек молодых возрастов от 15 до 19 лет в иерархии жизненных ценностей ведущую роль играла профессиональная карьера, затем семья и материнство²⁴.

Данные опросов 1988 г. среди рабочих и интеллигенции Москвы и Львова свидетельствовали о повышении, особенно по сравнению с прошлыми годами, требований к брачному выбору, эмоциональному комфорту в браке, общности интересов супругов, удовлетворенности интимной жизнью. Эти требования сильнее проявлялись у женщин с высшим образованием и реже встречались у мужчин рабочих профессий. Вместе с тем традиционные семейные ценности (муж обеспечивает семью материально, жена занимается домашним хозяйством и воспитанием детей) сохранялись. Наличие традиционных и современных установок у супругов, родителей и особенно взрослых детей, их столкновения, подчас острые, порождали в семье многочисленные противоречия и конфликты²⁵.

Материалы, собранные в 1980-е гг. социологами, свидетельствовали о зависимости семейных ценностей женщин и мужчин от их брачного состояния. Женщины, состоявшие в браке и разведенные, семейному благополучию, хорошим взаимоотношениям в семье, наличию детей, их воспитанию и становлению придавали больше значения, чем женщины, не состоявшие в браке. Однако никогда не вступавшие в брак женщины чаще замужних и разведенных называли в качестве жизненной ценности семью и хорошего мужа. Кроме того, у незамужних женщин средних возрастов существенную роль в мотивации вступления в брак играла боязнь одиночества.

Установки женщин на счастливую семейную жизнь были тесно связаны с возрастом. Социологи отмечали, что с увеличением возраста ценности счастливого супружества для женщин всех категорий брачного состояния снижались. Подобная зависимость у женщин, не состоявших в браке, выражалась сильнее, чем у состоявших в брачном союзе (зарегистрированном и фактическом).

Существовала прямая зависимость между уровнем образования и ценностями воспитания детей. С увеличением уровня образования понижались ценности воспитания детей. Это явление наиболее сильно проявлялось у никогда не состоявших в браке женщин. Они ориентировались главным образом на внесемейные ценности: овладение профессией и карьерный рост, развитие личности и общение с друзьями, отдых и развлечения и т.д.

Из проанализированных социологами данных видно, что женщины всех категорий брачного состояния серьезное значение придавали возможности иметь интересную и любимую рабо-

ту, реализовать свой творческий потенциал и профессиональные знания. Такое стремление замужних женщин нередко снижало в их жизни роль семейных ценностей. Однако для не состоявших в браке женщин профессиональный и карьерный рост был в жизни намного важнее, чем для состоявших в браке. Изменение брачного состояния женщины меняло отношение к этим проблемам. Так, у разведенных женщин понижалось значение традиционных ценностей семьи.

У не состоявших в браке мужчин молодых возрастов 18-19 лет семейные ценности были занижены. С увеличением возраста, особенно при вступлении в брак, ценности брака и семьи повышались. Из данных опросов, проведенных в 1970–1980-е гг., видно, что в Твери доля мужчин, считавших хорошую семью необходимым условием счастливой жизни, составляла 32%, Саратове – 49,8%. У замужних женщин аналогичные показатели были выше, чем у женатых мужчин, – соответственно 40,7% и 59,7%. Вместе с тем мужчины в оценках качеств, наиболее ценных в мужчинах, на первое место ставили преданность делу и принципиальность, на второе – хозяйственную домовитость, на третье – привлекательность и веселый характер. Женщины, наоборот, считали более важными мужскими чертами – хозяйственность и домовитость²⁶.

В супружестве увеличились ценности сексуального и эмоционально-эротического характера. В то же время наблюдалось сближение сексуального поведения мужчин и женщин, а также снижались традиционные запреты и двойные стандарты в оценках их сексуального поведения. Эти явления свидетельствовали о формировании в обществе единой сексуальной морали. Сексуальность супругов стала автономной и не сводилась к деторождению, что существенно изменяло репродуктивное поведение, занижало ценность детей в семье, способствовало распространению внебрачных контактов.

Удовлетворенность браком и стабильность семьи во многом определялась возможностью самореализации и в семье, и за ее пределами. Отсутствие такой самореализации проявлялось и у мужчин, и у женщин в распространении внебрачных связей и разводах.

В эти годы у городского населения существовали альтернативные семейные стили. Наряду с семьями, основанными на юридически оформленном браке, были фактические семьи, не связанные с регистрацией брака; семьи, основанные на зарегистрированном браке, но с раздельным проживанием супругов; семьи, образовавшиеся в результате последовательного вступления в повторные браки, т.е. последовательной полигамии; семьи с неродными

родителями и т.д. Исследователи отмечали также наличие неполных семей вдов и разведенных женщин, материнских семей. Однако новые явления в брачно-семейных отношениях значительно больше затрагивали населения крупных российских городов, чем провинциальных и особенно национальных²⁷.

Важно отметить, что, несмотря на трансформацию брачно-семейных ценностей, а также ранее выработанных норм и стандартов брачного поведения, ценности семьи у горожан были широко распространены.

В зарубежных странах также увеличивались потребности населения в эмоционально-психологических сторонах брачно-семейных отношений. Тем не менее в этих странах было заметнее, чем в РСФСР, влияние социально-экономических и социально-психологических факторов на семейные ценности²⁸.

Сложное переплетение в потребностях и установках российского населения на брак и семью современных и традиционных ценностей, распространение альтернативных форм семьи свидетельствовали о наличии кризисных явлений в брачно-семейных отношениях.

Социальная нестабильность общества, быстрое и значительное снижение уровня жизни большинства россиян в 1990-е гг., многочисленные стрессовые ситуации и глубочайшие эмоциональные переживания оказывали мощное воздействие на переоценку жизненных ценностей, в том числе и семейных, и значительно обострили кризис семьи.

В эти годы у городского населения, прежде всего крупных городских агломераций, наблюдалось активное формирование гибких взглядов, основанных на нравственных принципах, понимании сложности и нестандартности возникавших ситуаций и жизненных обстоятельств.

Гибкость современных норм сказывалась, например, в стремлении городского населения перейти к единому стандарту добрачного и брачного поведения мужчин и женщин. Горожане спокойно воспринимали и вступление в брак, и отказ от создания семьи, бездетных и детных супругов, распадение брачных союзов и повторные браки, внебрачную рождаемость и внебрачных детей, неполные и материнские семьи; зарегистрированные и незарегистрированные, т.е. фактические браки. Исследования взглядов россиян в 1990-е гг. показали: 64,3% респондентов были уверены в допустимости фактического, т.е. незарегистрированного брака; 82,5% допускали сексуальные отношения между любящими, но не состоявшими в браке мужчинами и женщинами; 47,9% считали возможными сексуальные отношения, не ведущие к рождению

детей и т.д. Выборочное социологическое обследование женщин Москвы в возрасте до 40 лет (июль-август 2004 г.) свидетельствовало о том, что 41,6% москвичек высказались в поддержку фактического брака²⁹.

Закономерно, что в 1990-е гг. отмечалось дальнейшее распространение фактических брачно-семейных отношений. Из данных микропереписи 1994 г. видно, что 6,5% мужчин и 6,7% женщин во всех возрастах старше 20 лет состояли в фактическом браке. В Москве в незарегистрированном браке находились 2,9% мужчин и 3,2% женщин. О широком распространении фактических брачных союзов в городах свидетельствовали данные Всероссийской переписи населения 2002 г. Дальнейшее развитие в городах также получали и другие альтернативные формы и стили брачно-семейных отношений.

Изучение брачно-семейных отношений позволило исследователям констатировать, что в современных условиях происходило разделение родительства и супружества. Данные обследований свидетельствовали о широком распространении материнских семей. В то же время повышалось число супружеских пар, не желавших иметь детей. Из данных выборочного обследования молодых семей, проведенного Госкомстатом России в конце 1992 г., видно, что 2% молодоженов не хотели иметь детей. Такие настроения молодого населения способствовали значительному снижению уровня рождаемости в российском обществе в последовавшие годы. Демографы также отмечали существовавшее в современном российском обществе разделение институтов брака и семьи, что соответствовало повышению числа внебрачных рождений и фактических браков. Если в Российской Федерации в 1980 г. процент родившихся вне брака в общей численности родившихся составлял 10,8, то в 1994 г. — 19,6³⁰.

Аналогичные явления отмечались в США. Проведенные обследования показали, что в 1994 г. 76% опрошенных разделяли утверждение о том, что в США наблюдается нравственный и духовный кризис, причем 77% винит в этом кризис института семьи, 76% — самих индивидов, 67% — телевидение и поп-культуру, 55% — правительство и политических деятелей, 50% — экономические условия, 44% — школы, 26% — религиозные институты. В США фиксировалось численное повышение неполных семей. Это явление американскими исследователями объяснялось высоким уровнем разводимости, а также наличием родителей, состоявших в фактических браках. Закономерно сокращение процента состоявших в браке мужчин и женщин с 73 в 1970 до 64 в 1993 гг.

Особенностью ценностных установок российских городских жителей на брак и семью было распространение в 1990-е гг.

ценностей индивидуализма. В жизни женщин возросла ценность любимых занятий в свободное время: в 1990 — 67% опрошенных женщин рассматривали их как важные слагаемые счастья; в 1994 г. — 82%. Из данных опроса замужних женщин с детьми, проведенного в рамках обследования «Россия-1999 г.», видно, что считали семью наиболее уязвимым местом в личной судьбе 53,7% (от числа опрошенных женщин), тормозом для личных успехов — 12,0%.

Заметную роль играла потребность супругов в морально-психологическом комфорте брачно-семейных отношений. Их стабильность, как свидетельствовали социологические обследования москвичей 1995 г., была обусловлена сохранением между супругами отношений равных, доверительных и открытых, сочувствия и сопереживания, а также возможности нахождения взаимоприемлемых решений и т.д.³¹

В эти годы значительно повысилось у супругов стремление к удовлетворенности браком. Проведенные обследования показали существовавшую взаимосвязанность между сексуальной удовлетворенностью супругов и общей их удовлетворенностью браком. Все это способствовало изменению традиционных взглядов горожан о верности в супружестве и распространению внебрачных сексуальных связей. Такое явление было характерно не только для мужчин, но и женщин и в целом свидетельствовало о выравнивании принятых в обществе стандартов сексуального поведения мужчин и женщин³².

В современных условиях, особенно у городских жителей, широко также были распространены внесемейные ценности. Это явление вызывало сознательное одиночество мужчин и женщин: никогда не состоявшие в браке мужчины в средних возрастах 40—44 года в России составляли в 1979 — 3,2%, а в 1994 г. — 7,1%; женщины — соответственно 3,3% и 4,9%. Из данных социологических обследований 1990-х гг. виден сознательный отказ некоторых горожан активных брачных и репродуктивных возрастов от вступления в брак и создания семьи из-за карьерных устремлений и особенностей профессиональной деятельности, желание иметь спокойную и благополучную жизнь и т.д. Отказ от вступления в брак в эти годы был также связан с низким материальным уровнем юношей и девушек.

Заметно изменились ценностные установки российских женщин. Их изучение свидетельствовало о повышении значения профессиональной карьеры: в 1990 — 24% опрошенных женщин представления о счастливой жизни связывали с карьерным продвижением, а в 1994 г. — 47%³³.

Вместе с тем потребность горожан в семейных ценностях в эти годы оставалась значительной. Однако в семейных установках населения, как и в предыдущие годы, сохранялось стремление к взаимной любви и уважению, равноправию и партнерству супругов, психологической близости между родителями и детьми. Важно отметить, что эти ценности были отражены в Семейном кодексе Российской Федерации 1995 г.³⁴

Массовые опросы населения свидетельствовали о том, что семья сохраняла первое место в иерархии жизненных ценностей. Проведенные в 1995 г. обследования (под руководством З.А. Янковой) в Центральном округе Москвы выявили преобладание среди опрошенных семейных ценностей и семейного образа жизни. Эти ценностные установки поддерживали 58% опрошенных москвичей. За совмещение семейного и внесемейного образа жизни высказались 37%. Отвергали семью, семейный образ жизни 5% москвичей. Обследования также показали возрастание в середине 1990-х гг. семейных ценностей у женщин и молодежи.

Важно отметить, что брак в США оставался наиболее предпочтительной формой отношений в институте семьи. Так, 96% супружеских пар, проживавших вместе, состояло в браке; 90% всех американских женщин и мужчин в конце концов заключали брак³⁵.

Однако социальная нестабильность российского общества в эти годы заметно усиливала противоречия между потребностью членов семьи в любви, понимании и поддержке и часто невозможностью ее реализовать в семье.

Вступление в брак и создание семьи в 1990-е гг. было тесно связано с регулированием прав собственности, что обусловило возрастание особенно в среде молодежи ценностей прагматизма и рационализма и распространение браков по расчету. Кроме того, группы населения в современном российском обществе с крупной недвижимостью и капиталом тяготели к традиционным брачно-семейным ценностям: ведущая роль отца в семье, неработающая мать, возрастающее значение сыновей и т.д. В эти годы традиционные отношения также сохранялись во многих семьях национальных регионов России.

Таким образом, в конце XX в. полного обновления семейных ценностей в России не произошло. В установках горожан на брак и семью обострялись противоречия между современными и традиционными семейными ценностями. В условиях значительных социальных потрясений возникшие противоречия нарастали и болезненно проявлялись в снижении уровня брачности и усилении нестабильности брачно-семейных отношений, повышении числа

внебрачных рождений и материнских семей, сознательной бездетности и отказах от родившихся детей, существенном понижении уровня рождаемости и повышении смертности, в том числе от алкоголизма, наркомании и самоубийств, что свидетельствовало о демографическом кризисе в России.

¹ В России, особенно в ее Европейской части, было наиболее распространено христианское вероисповедание. **Христианская доктрина** трактовала брак как телесное и духовное общение между мужем и женой, основой которого была любовь. Однако любовь в христианстве имела духовное содержание, чувственный элемент занимал подчиненное место, плотское начало брака оправдывалось деторождением. Нравственной основой поведения мужа и жены в браке были постоянство и верность, т. е. признавалось равенство супругов в нравственном отношении. Муж считался главой семьи, жена должна была повиноваться мужу, быть ему помощницей. Главенство мужа и покорность жены рассматривались как выражение взаимной супружеской любви. Основным смыслом брачного союза заключался в детях, их воспитании. Брак был нерасторжим за исключением: смерти одного из супругов; супружеской неверности (вина в этом случае падала на обоих супругов); осуждения того или иного супруга; безвестного отсутствия супруга в течение пяти и более лет; физической неспособности к браку; отречения от мира (монашество). Но при отсутствии или исчезновении у супругов взаимного согласия брачные союзы не расторгались. Допускались повторные браки (вступать в брак повторно разрешалось три раза). В христианстве строго соблюдалась моногамия, многоженство считалось величайшим грехом; признавалось, особенно в католицизме, и безбрачие. Резко осуждались все формы внебрачных отношений — наложничество и фактический брак (конкубинат), контрацепция и искусственное прекращение беременности (аборты). Эти положения в православии были выражены сильнее и ярче, чем в католицизме.

В исламе брак был священным долгом каждого мусульманина. Если в христианстве брак был таинством, то мусульманский брак основывался на обязательной уплате приданого (махры). Жена в результате заключения брака приобреталась мужем, становилась его собственностью. В отличие от христианства ислам принимал чувственную сторону брака. Исламский брак был полигамным: по Корану мужчина мог состоять в браке с четырьмя женщинами, иметь наложниц; женщина не могла иметь более одного мужа. В исламе признавались также временные браки. Расторжение брачного союза было вполне естественным и имело разные формы. Однако развод мог исходить в большинстве случаев только от мужа, права которого считались неограниченными.

Вступление в брак в иудаизме рассматривалось как важнейший поступок в жизни человека. Жених, вступая в брак, давал невесте брачный контракт, где перечислялись все обязанности мужа по отношению к жене, оговаривались финансовые обязанности мужа перед женой в случае смерти или развода. Тем не менее женщина находилась в зависимом положении: дочь — от отца, а жена — от мужа. Кроме того, муж мог иметь несколько жен и наложницу. Однако это положение в реальной жизни не было распространено, внебрачные отношения, как и в христианстве, строго порицались. В иудаизме признавалась естественность сексуальных отношений в браке; разрешался

развод, особенно в случаях отсутствия в семье эмоционально-стабильных отношений; при этом строго порицались ссоры и конфликты между супругами. Подробнее см.: *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003. С. 45–52.

² Гражданское уложение. СПб., 1902. Кн. 1. Ст. 1–8, 157–164.

³ Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 120–150.

⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 49. С. 51–52; Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1918. С. 36–47.

⁵ Советское узаконение (СУ). 1917. Отд. 1. Ст. 152, 160; 1918. Ст. 818.

⁶ Брак и семья: Сб. документов и материалов. М., 1926. С. 91, 104, 134. См. также: *Роговин В.З.* Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 95–97; *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи: Опыт введения в марксистскую генеалогию. М., 1925. С. 364–365; *Золотухина М.В.* Мир американской семьи. М., 1999. С. 97.

⁷ Собрание кодексов РСФСР. М., 1927. Ст. 3, 11, 15.

⁸ *Ласс Д.И.* Современное студенчество (быт, половая жизнь). М., 1928. С. 140.

⁹ Философия любви. М., 1990. Вып. 2. С. 334.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л., 1931–1933. Т. 56. Вып. 1. Табл. 8–9, Вып. 2. Табл. 8–9, Табл. 8–9.

¹¹ *Паевский В.В.* Вопросы демографической и медицинской статистики: Избранные произведения. М., 1970. С. 350–351.

¹² Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 50, 97.

¹³ *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. С. 165.

¹⁴ Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1937. С. 89; *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 104–105.

¹⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2004. Т. 7. С. 62. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 106–115; *Жиромская В.Б., Киселёв И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996; С. 96–103. *Крупянская В.Ю.* и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 150.

¹⁶ Законодательство о браке, семье и опеке. М., 1947. С. 51–52.

¹⁷ *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М., 1964. С. 178–180, 193; *Харчев А.Г., Емельянов К.Л.* Брак: идеал и действительность // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 62.

¹⁸ *Нехорошков М.Ф.* Семья и религия. Йошкар-Ола, 1967. С. 22–25; Человек, общество, религия: Сб. статей. М., 1968. С. 167; Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. М., 1996. Вып. 4. С. 58; *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 272–273 и др. *Большакова С.В., Иванова Л.М.* Дома, в семье. М., 1960. С. 9, 22.

¹⁹ См.: *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). С. 105–107; *Большакова С.В., Иванова Л.М.* Указ. соч. С. 27; *Бойко В.А.* Человек в семье. Краснодар, 1962. С. 15.

²⁰ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1965. № 49. Ст. 725; 1968. № 27. Ст. 241; *Файнбург З.* Влияние эмоциональных отношений в семье на ее стабилизацию // Социальные исследования. М., 1972. С. 4, 10; *Кон С.И.* Введение в сексологию. М., 1988. С. 173.

- ²¹ *Голод С.* Социально-психологический эксперимент как метод социального исследования проблем брака и семьи // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 39; он же. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 66; *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1988. С. 148; *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 52–54; *Харчев А.Г., Голод С.И.* Молодежь и брак // Человек и общество. Л., 1969. Вып. 6. С. 125–142; *Кон И.С.* Введение в сексологию. С. 171–172, 174; Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 66.
- ²² *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. С. 176–177; *Голод С.И.* Семья и брак. С. 50–89; он же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 65–71.
- ²³ *Зуськова О.Э.* Становление семьи и развитие личности // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С. 71; *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 73–74.
- ²⁴ Русские: (Этносоциологические очерки). М., 1992. С. 160; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 248.
- ²⁵ *Фотеева Е.В.* Развод в представлениях рабочих и интеллигенции // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С. 64.
- ²⁶ Русские. С. 162, 170.
- ²⁷ *Фотеева Е.В.* Указ. соч. С. 64; *Чистякова Т.Ю.* Жизненные ценности и планы незамужних женщин // Становление брачно-семейных отношений. М., 1989. С. 28, 31, 33; 36; *Голод С.И.* Семья и брак. С. 54–55; он же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 94–95.
- ²⁸ *Зидер Р.* Указ. соч. С. 249–250.
- ²⁹ Русские. С. 166–167; *Голод С.И.* Семья и брак. С. 60; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000. С. 116; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. М., 2005. С. 43.
- ³⁰ *Гурко Т.А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 96; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. С. 100; Голод С.И. Семья и брак. С. 198–211; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. С. 41.
- ³¹ О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. М., 1998. С. 85, 87, 100; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. С. 116; *Кучмаев М.Г.* Традиционные и инновативное в культуре семейных отношений. М., 1999. С. 18–19; Сильная женщина и мужчины. М., 1997. С. 271; *Золотухина М.В.* Мир американской семьи. М., 1999. С. 127, 131–133.
- ³² *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. С. 272–274; он же. Сексуальность и культура. СПб., 2004. 43–47.
- ³³ *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. С. 102; О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. С. 100.
- ³⁴ Семейный кодекс Российской Федерации, [1995 г.] // Собрание законов Российской Федерации. М., 2000. Ст. 1. С. 301.
- ³⁵ *Голод С.И., Клёцин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ: Эмпирическое обоснование. СПб., 1994. С. 20; Русские. С. 166–167; *Кучмаев М.Г.* Указ. соч. С. 18, 20; *Золотухина М.В.* Указ. соч. С. 127, 131, 132, 133. См. также: Кризис семьи и депопуляция в России: «Круглый стол» // СОЦИС: Социологические исследования. 1999. № 11. С. 50–57.

О.М. Вербицкая

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ В XX в.*

В статье рассмотрены узловые проблемы процесса семейных трансформаций, их причины и социально-демографические последствия. Выделены 3 этапа в эволюции российской сельской семьи за 100 лет, каждому из которых присущи специфические черты, в целом обусловившие переход от традиционности и патриархальности к формированию современного демографического типа малодетной и в значительной мере неполной сельской семьи. Рассмотрены изменения в уровне разводимости и брачности жителей села, в том числе распространение нерегистрируемых связей и внебрачной рождаемости. Особое место в докладе отведено периоду 1990-х гг. — системному кризису и реформам в аграрной сфере, которые крайне болезненно отразились на жизнедеятельности сельской семьи.

Ключевые слова: демографический кризис, рождаемость, смертность, брачное и репродуктивное поведение, семейный статус, браки, разводы, аборт, женщины, дети, многодетная, малодетная и неполная семья, традиционные семейные ценности, внутрисемейные отношения.

Сегодняшние демографические проблемы России и непрекращающуюся депопуляцию следует рассматривать как прямое следствие кризиса современной малодетной семьи. Для понимания сути процессов, происходящих сейчас в российской сельской семье, требуется обстоятельный научный анализ узловых моментов ее исторического развития на протяжении достаточно солидного исторического периода — XX в.

Семья — неотъемлемая часть социальной структуры любого цивилизованного общества. Испокон веков она выполняла великую миссию возобновления поколений и воспроизводства населения. Следовательно, семья — это прежде всего демографическая категория. Демографические изменения не так заметны, как экономические или политические, но они затрагивают важнейшие пласты человеческой жизни, постепенно коренным образом меняя

* Доклад на заседании Ученого Совета 18 октября 2007 г.

поведение людей в отношении таких тонких материй, как брачное и репродуктивное поведение, господствующие в данном обществе семейно-нравственные ценности и моральные нормы и т.д.

Семья всегда существует в конкретном социуме – и все социальные и политические катаклизмы XX в. (войны, революции, экономические кризисы) оставляли на ней свой соответствующий след. Параллельно с внешними процессами к коренным трансформациям семьи, как правило, приводил и развивавшийся в XX в. демографический переход от традиционного к современному характеру воспроизводства населения, т.е. от многодетной семьи к малодетной.

Трансформацию института семьи в XX в., характеризовавшемся бурным техническим прогрессом и модернизацией общественных отношений, одни ученые называют «переходом от традиционной семьи к современной», а другие – «нуклеаризацией».

За 100 лет сельская семья преодолела сложный путь от господствовавших в ней патриархальных устоев к современному типу семьи. Однако этот путь был весьма тернистым и приносил не только позитивные результаты. На наш взгляд, теряя покровы патриархальности и традиционности, семья постепенно теряла и способность выполнять свои важнейшие функции. В частности, трансформации брачного и репродуктивного поведения сопровождалась постепенным, но непрерывным снижением рождаемости. В итоге в конце XX в. семья в России, в том числе и ее сельский вариант, оказалась в состоянии глубокого кризиса, суть которого состоит, главным образом, в ее неспособности выполнять свое основное предназначение – воспроизводить население, замещать поколение родителей детьми, не говоря уж о приросте населения.

В данной статье ставится задача определить основные проблемы процесса трансформации сельской семьи, их причины и важнейшие демографические последствия. Иными словами, предполагается рассмотреть суть эволюции, приведшей институт семьи к современному кризису.

Научный подход к проблеме сущностных изменений в российской сельской семье и ее модернизации на протяжении XX в. требует периодизации. В эволюции сельской семьи в данных исторических рамках, на наш взгляд, определенно просматриваются 3 этапа. Критерием для их выделения служат, прежде всего фазы демографического перехода от многодетной к малодетной семье, но не только они. Трансформацию института семьи и брачно-семейной структуры населения, в том числе и сельского, существенно ускоряли крупнейшие политические и социально-экономические события XX в. Для деревни и сельской семьи

определяющее значение имела важнейшая реформа советского периода — коллективизация сельского хозяйства.

Первый этап в рамках XX в. нами датируется началом 1900-х гг. и до конца 1920-х гг. Этот период характерен постепенным углублением кризиса патриархальных отношений в семье. Россия в то время еще представляла собой традиционное, аграрное общество; а сельская (крестьянская) семья в ней имела господствующие позиции, так как была самым распространенным типом. Уже развивался демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Началось постепенное снижение рождаемости. Но на данном этапе кризис патриархальной семьи более четко проявлялся в качественных переменах, происходивших внутри самой семьи.

Что же собой представляла традиционная (патриархальная) крестьянская семья? В сущности, крестьянская семья в доиндустриальном (традиционном) обществе являлась полифункциональным институтом, объединявшим в себе все этапы возобновления поколений — от зачатия до смерти. Семья обеспечивала непрерывное воспроизводство жизни и ее сохранение¹.

В традиционной крестьянской семье были соединены домашнее хозяйство и аграрное производство. Семейные и производственные роли супругов, родителей и детей взаимодополнялись. Очень важную роль играли семейно-родственные связи и приоритет старших поколений в семье. Многодетность в такой семье была экономически мотивирована — крестьяне были заинтересованы в детях — будущих работниках и кормильцах родителей в старости. Одновременно многодетность наступала в результате высокой рождаемости, норм всеобщей и ранней брачности, пожизненного брака и табу на любые попытки регулирования рождаемости и на разводы.

Основными моральными составляющими этой модели семьи являлись: единство брачного, репродуктивного и сексуального поведения. Это означало недопустимость добрачных и внебрачных сексуальных связей; моногамный брак и гетерогенную семью. Примат религии в семейно-брачном поведении диктует такие понятия, как святость брачных уз; наказуемость супружеской неверности, фактическую невозможность разводов и др. Современные исследователи семьи назвали такую систему брачно-семейных отношений «православным брачным порядком» или «церковным брачным правом»².

Примечательно, что эти атрибуты «православного брачного порядка» большинством его современников в России восприни-

мались как безусловные и непоколебимые, тем более что на них вплоть до начала XX в. держались семьи не только крестьян, но и всех других социальных слоев. Однако эти ценности под влиянием русского капитализма постепенно начинают пересматриваться, в том числе и в крестьянских семьях. Происходит переворот в системе жизненных ценностей, так как патриархальные семейные отношения уже явно диссонируют с новой системой ценностей, диктуемых молодым русским капитализмом. Традиционно замкнутый сельский мир или, по образному определению А.Г. Вишневого, «власть земли» в деревне, быстро рушился под напором «власти денег»³ и открывшихся в связи с этим возможностей.

Внутреннее устройство традиционной крестьянской семьи основывалось на совмещении основных ее функций – воспроизводства поколений и хозяйственно-экономической. Она владела совместным нераздельным имуществом (дом, земля, скот, сельскохозяйственный инвентарь, зерно, деньги, продукты и т.д.), на его базе вела натуральное хозяйство, которое, впрочем, в конце XIX в. таковым уже не было.

Во главе патриархальной семьи стоял единый глава – хозяин, патриарх, управлявший общим семейным хозяйством. Именно он представлял семью в сельском сообществе – общине. Кроме того, характерным атрибутом большой семьи патриархального типа являлось наличие у нее общей кассы, «общего котла», куда вкладывались заработки всех взрослых членов семьи. Но право распоряжения общесемейной кассой было лишь у «большака», расходовавшего средства по собственному усмотрению. Иногда при необходимости крупных затрат он, по обычаю, советовался с сыновьями.

Во внутреннем устройстве крестьянской семьи отразились все типичные черты традиционного общества и патриархальные принципы. Она оставалась достаточно авторитарной структурой со строгой иерархией отношений. В полном соответствии с канонами «Домостроя», а также по закону и обычаю, глава семьи имел огромную власть над всеми домочадцами, включая жену – хозяйку дома. Прямой обязанностью всех членов семьи было беспрекословное ему подчинение: не допускались никакие возражения; в случае неповиновения «большак» имел право наказать виновного по своему усмотрению.

Взаимоотношения в такой семье были непростые. Блестящую картину старой патриархальной семьи начала XX в., раздираемой внутренними противоречиями, дал Р.Я. Внуков, писавший: «...патриархи-родители, окруженные любовью и уважением многочисленного потомства, руководят хозяйством и бытом, душою и

телом своих младших членов семьи. Дом — полная чаша, глубокий покой на душе у всех, полный мир в семье. Этой картины... нет и в помине, а если она и была, то в очень стародавние времена... Интересы членов семьи давно разошлись»⁴.

Изменения в семье замечали и другие современники. «Мы застаем семью русского народа в переходном состоянии, в каком-то брожении патриархальных начал, колеблемых со стремлением задушенной ими отдельной личности выйти из них и занять самостоятельное положение... Но среди этого поворота мы ясно замечаем, что патриархальные начала еще живут среди народных масс и больше всего они отражаются на положении женщины, как в семье отца, так и в семье мужа. Везде и всюду видно право сильного, право главы семейства распоряжаться в семье по своему усмотрению», — отмечал в 1880-е гг. «Юридический вестник»⁵.

Положение женщины в патриархальной семье было полностью зависимым от мужчины: до замужества — от отца, после — от мужа. Вышедшую замуж «молодайку»-крестьянку ожидала чрезмерно тяжелая работа, а нередко и нелюбовь мужниной семьи, особенно, свекрови. В сочетании с частыми родами и смертями детей, недостаточным питанием и отсутствием знаний о гигиене крестьянки быстро старились, теряли здоровье, преждевременно умирали.

Практиковавший в Воронежской губернии земский врач А.И. Шингарев в своих записках оставил потомкам следующий портрет русской женщины-крестьянки конца XIX в.: «Больная, худая, изможденная, преждевременно увядшая и состарившаяся фигура деревенской женщины, с тупым, забитым и скорбным лицом — повторяется среди приходящих больных постоянно, принимая какую-то роковую типичность и необходимость. Не отделаться от этой фигуры ни в какой сельской амбулатории, не забыть ее, вечно ищущую помощи, облегчения своих многочисленных страданий, вечно жалующуюся на свою хворость и горькую долю!»⁶.

Но капитализация, проникшая в деревню, затронула и ранее замкнутый мир старой крестьянской семьи, оказала сильное влияние на повседневный быт крестьян. Проникший в деревню «вирус денег» — городских заработков и вообще городских форм жизни и быта по-своему преломился на положении женщины в семье. Обострившиеся вместе с переменами противоречия становились все более заметными, многие женщины-крестьянки осознавали свое подчиненное и эксплуатируемое положение в семье, и это вызывало у них особое недовольство. «Весь бунт от баб: бабы теперь в деревне сильны», — писал из деревни А.Н. Энгельгардт еще раньше⁷. В последующие годы женский протест проявлялся все чаще — из-за деспотизма старших членов семьи — отца, мужа, свекрови,

брата, нередко поступавшим вопреки здравому смыслу и которым «бабы» уже не хотели больше покоряться. Это становилось конкретным поводом к семейному разделу, т.е. выделению малой семьи женатого сына из состава большой родительской семьи.

Патриархальной семья оставалась до тех пор, пока в ней доминировал отец-муж. Но если семья женатого сына с детьми отделялась от старой родительской и при этом была многодетной (что не редкость), то в ней обычно доминировала мать.

В городе патриархальные порядки в семье рушились быстрее, чем в деревне. В рабочих семьях необходимость дополнительного заработка вынудила женщину оставить детей и дом, наряду с мужем идти на фабрику или завод. Подобный поворот событий существенно подорвал бывшее привилегированное положение мужчины в семье. «С тех пор как крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправив ее на рынок труда ... в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа», — отмечал Ф.Энгельс⁸.

Брачность крестьян в начале XX в. оставалась практически всеобщей и ранней (с 16 лет, а то и раньше — для женщин. Для мужчин — с 18 лет; однако иногда по хозяйственным соображениям закон допускал женитьбу в 16 лет).

Благодаря действию «православного брачного порядка», т.е. неразрывности брачного, репродуктивного и сексуального поведения, на единстве которого стояла патриархальная семья, рождаемость в крестьянской среде оставалась предельно высокой, несмотря на отдельные попытки ее регулировать. Поведение супругов в крестьянской семье определялось диктатом религиозных предписаний и очень жестко — бездетность осуждалась, а ограничение рождаемости считалось грехом.

Но постепенно репродуктивное поведение менялось — от полного невмешательства в процессы деторождения до попыток взять его под контроль. Временный уход мужей на заработки многому научил крестьянок — в это время они отдыхали от постоянных беременностей и грудного вскармливания, могли больше времени уделить своим детям. Постепенно они начинают заботиться о предотвращении нежелательной беременности или избавлении от нее, если она наступила. С этого начиналась эра попыток сознательного регулирования рождаемости, т.е. постепенного формирования нового демографического поведения.

И как следствие высокой рождаемости в деревне — очень молодой возрастной состав ее жителей. Доля лиц моложе 50 лет насчитывала в 1897 г. среди уездных жителей России 86,3%, в том числе 28,4% (дети до 9 лет), а лиц старше 60 лет — всего 7%⁹. Эти цифры,

кроме того, подтверждают исключительно высокий демографический потенциал сельских жителей — за счет высокой доли молодых поколений.

Но при существовавшей крайне высокой детской смертности далеко не все дети выживали и становились взрослыми. В силу этого общее число детей, выросших в крестьянских семьях, как правило, было не таким уж значительным. Почти 1/3 детей умирали в младенчестве, а до 15 лет доживали лишь около половины¹⁰. Поэтому бытующее мнение о традиционной многодетности крестьянской семьи, мягко говоря, сильно преувеличено. В условиях высокой детской смертности была характерна скорее «многорождаемость», нежели многодетность¹¹. У сельских женщин уровень реальной плодовитости все время оставался выше, чем у горожанок. В сельских семьях среднее число детей было заметно больше, чем в городских¹².

По показателю смертности детей Россия стояла на печальном месте в мире, теряя ежегодно от 800 тыс. до 1,5 млн грудных детей, как бы совершая, образно выражаясь, страшное жертвоприношение «на алтарь неизвестного бога»¹³. Лишь с 1900-х гг. стали проявляться некоторые сдвиги в сторону снижения детской смертности.

На репродуктивную функцию сельской семьи серьезно влияло крестьянское «отходничество». Миграционный отток крестьян из деревни служил важным фактором снижения рождаемости в сельском населении. Земский врач Д.Н. Жбанков, работавший среди крестьянского населения, в конце XIX в. отмечал, что число детей в «оседлых» семьях почти вдвое превосходило их количество в семьях крестьян-отходников (9,2 и 5,2)¹⁴.

Первая мировая война мало затронула основную часть жителей села. Куда сильнее на нее повлияли Гражданская война и голод, а также радикальные перемены в брачном законодательстве. Трансформация семейной сферы резко ускорилась принятием первых советских декретов о гражданском браке и свободе развода. Эти декреты утвердили приоритет гражданского брака и лишили юридической силы церковные браки. Особо следует подчеркнуть значение декрета «О разводе», снявшего практически все прежние запреты и сделавшего развод простым и общедоступным актом.

Из содержания ранних декретов большевиков видно их стремление к уничтожению старой семьи в России (в чем в 1934 г. за границей, в Мексике, признавался Л.Д. Троцкий). Практически все ограничения снимались и при вступлении в брак (различия по вероисповеданию, сословию и пр.) — брак лишался своей прежней святости и таинства.

Церковный брак так или иначе в деревне продержался все 1920-е гг., т.е. куда дольше, чем в городе. Крестьянство продолжало традиционно заключать браки по церковному обряду, поскольку прочность и нерушимость супружеского союза в его быту значила слишком много. По отзывам самих крестьян, брак — не игрушка, которую «сегодня можно создать, а завтра или через неделю разрушить»¹⁵.

Наиболее продвинутая сельская молодежь — комсомольцы, вопреки вековой традиции и родительской воле, регистрировала свои браки в сельсовете, естественно, без всякого церковного сопровождения. И лишь в 1930-е гг., под растущим идеологическим нажимом властей, основная масса жителей деревни стала переходить к светскому браку.

Примечательно, что в 1920-е гг. в деревне, следом за городом, получают все большее распространение браки, которые вообще нигде не регистрировались, — т.н. гражданские. Это было продиктовано тем, что дальнейшее развитие советского семейного законодательства, в частности Кодекс о браке, семье и опеке, вступивший в действие в 1927 г., признавал правовой статус фактических брачных отношений, не санкционированных в ЗАГСе наряду с юридически зарегистрированными брачными союзами. Уравнивание правового статуса фактического брака с официальным по существу означало, что гражданская регистрация брака становилась необязательной, превращалась в простую формальность.

Существует мнение, что текст декрета о разводах был чуть ли не экспромтом написан А.М. Коллонтай — известной русской феминисткой, но не юристом. Это объясняет многие процессуальные алогизмы, а также недостаточную продуманность многих положений соответствующего декрета. И когда многие граждане молодой Советской Республики не замедлили воспользоваться правом развода, страну охватила настоящая эпидемия судебных дел о выплатах алиментов, росте фиктивных браков, разводов и т.д.

В крестьянской среде отношение к разводу, может быть, лишь кроме совсем молодых людей, было куда более серьезным. Помимо издержек чисто морального характера, развод всегда приводил к большим материальным потерям. Уходящий из двора супруг требовал своей доли имущества, что затрагивало интересы сразу многих домочадцев. Разводы породили и новое для русской деревни социальное явление — беспризорность детей при работающей разведенной матери т.п. Тем не менее уже в первой половине 1920-х гг. развод вошел в сельский обиход, в основном среди молодежи. Прежде столь нетерпимое отношение к разводам постепенно, под влиянием новых реалий стало меняться, хотя они еще

очень долго считались большим позором для женщины. Во многом по этой причине разводов в сельской местности было сравнительно мало. В 1920-е гг. там на каждую 1000 браков приходилось от 100 до 150 разводов, т.е. почти вдвое меньше, чем у горожан¹⁶.

Еще одним показателем острого кризиса, переживаемого патриархальной сельской семьей, наряду с разводами стали аборт. До революции в такой религиозной стране, как Россия, они были категорически запрещены, за них полагалось уголовное наказание, как за убийство. Но в ноябре 1920 г. они были легализованы и стали быстро распространяться. Статистика показывает, что уже в 1920-е гг. аборт стал реалией повседневной сельской жизни¹⁷.

Легализация абортов резко ускорила модернизацию демографического поведения россиян. Она позволила многим женщинам, добивавшимся независимости и равноправия с мужчинами, сознательно, по своему усмотрению, планировать материнство и число детей в семье. Наиболее выраженной готовностью к прерыванию беременности, несмотря ни на какие предостережения врачей, отличались именно активистки-общественницы и передовые производственницы.

Благодаря нововведениям советской власти, касающихся отмены церковного брака, разрешения разводов и абортов, процесс обновления сельской семьи после 1917 г. резко ускорился. В 1920-е гг. средства идеологической пропаганды и массовой информации насаждали представление об отмирании семьи при социализме. Постепенно негативное отношение к старой семье перешло на институт семьи вообще и прочно укоренилось в общественном сознании.

С этого времени патриархальный уклад сельской семьи, освященный многовековыми религиозными традициями, дал серьезную трещину. Основы этого были заложены еще эпохой капитализма, но решающую роль сыграли коренные изменения в законодательстве советской власти.

И все же, несмотря на некоторое развитие новых элементов в брачном поведении, в целом отношение к браку у основной массы сельского населения оставалось традиционным — с характерным ранним вступлением в брак и практически всеобщей брачностью, особенно у мужчин. Оно по-прежнему определялось религиозными и морально-этическими нормами.

Новым ударом для крестьянской семьи стала коллективизация деревни, сопровождавшаяся высылкой многих тысяч раскулаченных и их семей. С этого начался второй этап (конец 1920-х гг. — конец 1950-х гг.) обновления патриархальной крестьянской семьи. Сельская семья вступила в новый этап, открывшийся крупными

социальными потрясениями (коллективизация сельского хозяйства, «раскулачивание» и страшный голод 1932—1933 гг.). Сельское население понесло большие людские потери и не только из-за голода в ряде районов, но и вследствие бегства в город.

С конца 1920-х гг. это уже не просто — крестьянское «отходничество», но, прежде всего, безвозвратный переезд в город на работу и постоянное жительство. Крестьяне бежали от грабительских хлебозаготовок 1927—1928 гг., а главное — в связи с набиравшимся обороты раскулачиванием. Особенно много крестьян покинуло деревню в период с конца 1920-х по 1932 гг. В эти годы от коллективизации и начавшегося страшного голода в город бежало почти 12 млн. крестьян. Это был небывалый ранее массовый исход из деревни, совершенный к тому же в очень короткий срок¹⁸.

Введение паспортов и института прописки в 1933 г. призвано было «очистить» города от нахлынувших крестьян, но не остановило роста городского населения. Известно, что с 1926 по 1937 гг. население городов выросло почти на 20 млн человек, естественно, большей частью за счет прибывавших крестьян. В 1930-е гг. отъезды из села так или иначе не прекратились, хотя и приняли иные, более подвластные государственному регулированию формы. В итоге «деревенский океан» стал стремительно мелеть, и к 1939 г. доля сельских жителей быстро понизилась с 82% (в 1926 г.) до 67% в составе всего населения РСФСР¹⁹.

Начавшаяся в советском обществе активная смена традиционных ценностей и приоритетов в брачном и репродуктивном поведении постепенно затронула и крестьянство. Коллективизация, ликвидация кулачества, огромные социально-политические изменения в деревне и создание колхозно-совхозного строя вызвали новый радикальный переворот в системе жизненных ценностей крестьянской семьи. Крестьяне лишились собственности, превратились в поденных работников. Отныне их основной труд не был связан с домом и семьей. Особенно сурово обошлась советская власть с женщинами-крестьянками. Вместо обещанного освобождения от патриархального рабства и семейной кабалы, они теперь несли двойное бремя — поденную работу в колхозе и в семейном приусадебном хозяйстве, а также заботу о семье, муже и детях.

Постепенно наметилась смена приоритетов — если в традиционном обществе первенство держали ценности родства и свойства, то по мере модернизации семьи они уступили место ценностям индивидуальным — личным достижениям, заработкам, материальной самостоятельности. Очень высок был престиж городского образа жизни и стремление к смене социального статуса. Этим можно объяснить ширококомасштабные миграции из деревни.

И все же наличие у сельской семьи хозяйства с выраженным производственным характером придавало ей большую устойчивость. Совместный труд в хозяйстве, общая заинтересованность в его результатах делали ее по сравнению с городской семьей более прочной и сплоченной. Работа находилась для всей семьи, включая детей и стариков. Личное подсобное хозяйство представляло для сельчан огромную ценность, позволяло выживать в трудные годы, когда от колхоза они ничего не получали.

Брачное поведение на втором этапе продолжало меняться. Этому способствовали новые явления, буйно распутившиеся и в сельской жизни. Брак перестал быть пожизненным и легитимным, так как появились разводы, свидетельствующие о неустойчивости брака. Разводы привели к появлению неполных семей, в которых из родителей была лишь одна мать (90% неполных семей), дети фактически воспитывались без отцов. Все это привело к жесткой ломке патриархальных основ. Но в целом сельские семьи оказались более традиционными, в них прежние семейные порядки сохранялись еще очень долго. В авангарде шла молодежь, которая прагматично использовала новые преимущества в брачном и репродуктивном поведении, предоставленные ей законом.

Великая Отечественная война, связанная с ней эвакуация на восток, насильственная отправка сельской молодежи с захваченной врагом территории в Германию, разруха и военные тяготы больно ударили по семье. Война надолго оторвала мужчин от семьи, миллионы их полегли на фронте, а из тех, кто выжил, в деревню вернулись немногие. Отсутствие достоверной информации не позволяет количественно определить реальные последствия этих событий для сельской семьи. Но ясно, что нарушения возрастно-полового состава сельских жителей из-за войны ощущались впоследствии еще многие годы.

В 1945 г. на селе женщин было на 14,2 млн больше, чем мужчин, и это особенно чувствовалось по молодым возрастным группам. В частности, среди молодежи 1923 г. рождения девушек было ровно в 5 раз больше, чем мужчин, среди которых были наибольшие военные потери²⁰.

В целом развитие семьи в советский период сильно лихорадила непоследовательная политика государства в области семейных отношений. Очередные трансформации семьи вызвал ее новый поворот 1936 г., когда государство встало на путь отмены того, что дала революция 1917 г. в области брака и семьи. Имеется в виду не только запрет аборта Указом от 27 июня 1936 г., но и содержащиеся в нем ограничения разводов²¹.

В 1944 г., когда еще продолжалась война, был принят новый Указ, согласно которому в стране упразднился институт гражданского (фактического) брака — от граждан потребовали официального оформления своих брачных отношений. Вводилась также целая система мер, затруднявших нормальный бракоразводный процесс. Все это предпринималось под благовидным предлогом «укрепления советской семьи», но на деле вело к ее дестабилизации. Запрет аборта привел к повышенной материнской смертности. Многие женщины, несмотря на строгий запрет и угрозу тюремного заключения, решались на аборт вне медицинских учреждений. Нередко расплатой была потеря здоровья, репродуктивной способности, а то и прямая гибель. В результате тысячи детей становились сиротами, а мужья — вдовцами.

Особые изменения в жизнедеятельности сельских семей вызвала постоянная и довольно интенсивная миграция из села, главным образом молодежи. Война и отъезд молодежи из села привели к серьезной дестабилизации брачности, затронув в большей мере женщин, перспективы вступления в брак которых заметно ухудшились. От прежней почти полной брачности жителей деревни мало что осталось.

Это особенно наглядно прослеживается в исторической динамике: в 1926 г. по сельской местности РСФСР замужем было почти 72% женщин старше 16 лет, в 1939 г. — 59,5%, а в конце 1950-х гг. — всего 48,3%. Иными словами, уровень брачности сельских женщин за сравнительно короткий исторический период — с 1926 по 1959 гг. снизился почти на четверть (24%)²².

По этой причине соответственно увеличилось число одиноких женщин (девиц, разведенных и вдов) — с 28% (в 1926 г.) до почти 52% (в 1959 г.), т.е. почти вдвое. Особенно много вдов было среди женщин старше 40 лет, но и рано овдовевшие молодые женщины в условиях напряженной ситуации на брачном рынке деревни не могли устроить свою личную жизнь и доживали в одиночестве, хоть и с детьми.

В этих изменениях отразилось многое — прежде всего, конечно, последствия войны. Но и сельская миграция внесла свою губительную лепту в формирование возрастно-половой структуры жителей села — ведь уезжали на учебу и работу в город в первую очередь подростки и молодежь. Таков итог радикальной ломки деревенского уклада жизни, коллективизации, раскулачивания, голода и небывалой по своим масштабам миграции из деревни. Негативные демографические последствия имела и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. И в том, и в другом случае сельское население теряло главным образом мужчин, что самым

губительным образом сказывалось на понижении уровня брачности женщин, увеличивая среди них долю одиноких.

К тому же семейно-брачное положение многих женщин менялось и вследствие разводов. Несмотря на небывалое ужесточение процедуры развода после вступления в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1944 г., приведшего к тому, что рассмотрение дел о разводе порой затягивалось на 5–8 и более лет, но огромный дисбаланс полов в стране постоянно провоцировал процесс перераспределения брачных партнеров. У мужчин были все шансы выбирать молодых брачных партнерш, и они значительно чаще, чем женщины, заключали повторные браки. Не случайно за послевоенный период уровень брачности мужчин на селе вырос, а у женщин значительно понизился.

Несмотря на жесточайшее ограничение бракоразводной процедуры, практика развода хотя и сократилась, но совсем не исчезла. До войны развестись было намного проще, чем в 1940-е и 1950-е гг., поэтому тогда разводов оформлялось в несколько раз больше. Лишь к 1960 г. их число сравнялось с довоенным.

Разводы в сельской среде также стали достаточно распространенным явлением и неотъемлемым элементом формирования семейно-брачного состава жителей деревни, хотя встречались значительно реже, чем в городах. Некоторую особенность разводам, точнее инициативе их возбуждения, придавали различия в бытовом укладе сельских семей, конкретнее — более значимая хозяйственная роль в нем мужчины, в силу чего от него же, как правило, в конфликтующей семье исходила инициатива развода.

Непоследовательная политика государства в области планирования семьи все же не смогла переломить тенденцию ограничения супругами числа детей в семье. Запрет на аборт, введенный в 1936 г., не остановил процесс снижения рождаемости. Под влиянием планомерно набиравшего силу демографического перехода, усугубленного последствиями войны и сельской миграции, и в не меньшей мере — производственной занятостью сельских женщин, рождаемость в целом за 1930–1950-е гг. заметно понизилась. Изменилось и отношение к рождаемости у сельских жителей, так как в деревне уже не оставалось стимулов к многодетности. Наоборот, даже имевшихся детей семья всячески стремилась определить в город — на учебу или к родственникам. И это тоже связано с изменением ценностных ориентиров. К этому времени многие сельские жители, особенно члены колхозов, окончательно разуверились в возможности хорошей жизни в советской деревне. Поэтому они всячески стремились отправить своих подросших сыновей и дочек

в город, чтобы у них была другая, более благополучная жизнь, нежели у родителей в колхозах.

Уменьшение показателей рождаемости в сельском населении особенно наглядно в динамике. Если за 15–20 лет (с 1893–1912 гг.) в среднем по 50 губерниям Европейской России коэффициенты рождаемости уменьшились всего на 5 пунктов (с 49,7‰ до 44,7‰)²³, то к концу 1930-х гг. в целом по Российской Федерации — до 38,6‰, а через 20 лет — до 26,8‰²⁴. Таким образом, многим более чем за полвека уровень рождаемости в сельском населении России сократился практически вдвое.

Безусловно, данное снижение — результат действия прежде всего глобального процесса — демографического перехода к малодетности, в который Россия вступила еще в конце XIX в. Но огромную роль в данном понижении играли и социально-политические катаклизмы, лихорадившие и обескровливавшие нашу деревню и ее демографический потенциал. В таком наложении на демографический переход экстремальных факторов социального характера заключается особенность процесса семейной эволюции в России и ее отличие от стран Запада.

В результате, если прежде патриархальная крестьянская семья в России была многодетной, то к концу второго этапа ее трансформации, в 1958–1959 гг. — в этом отношении уже произошли перемены. Детей рождалось в деревне в те годы еще достаточно, и коэффициент суммарной плодовитости в среднем по сельскому населению СССР еще превышал необходимые 2,15 — в расчете на каждую женщину репродуктивного возраста, равняясь даже 2,81, правда с учетом населения республик Средней Азии²⁵.

Но многодетных семей в российской деревне постепенно становилось меньше — только за 10–12 лет (со второй половины 1940-х и до 1960 гг.) их доля снизилась с 25% до 20%, а в последующие годы этот процесс ускорился²⁶. Но в целом следует отметить, что на этапе 1950-х гг., не говоря о более ранних годах, российская сельская семья справлялась с задачей замещения родительских поколений детьми довольно успешно.

Произошли заметные изменения и в семейном поведении сельских жителей. В частности, с конца войны в стране получил значительное распространение демографический феномен — семья матери-одиночки. После войны рождения в незарегистрированном браке ежегодно составляли примерно 8–15% от общего числа родившихся детей. Следует подчеркнуть, что у одиноких горожанок детей рождалось почти в 2 раза больше, чем в деревнях²⁷. Отношение со стороны общественного мнения города и деревни к матерям-одиночкам и незаконнорожденным детям в

послевоенные годы хотя и не было полностью благосклонным, все же отличалось значительно большей терпимостью, чем в прежние времена.

Естественно, внебрачная рождаемость у одиноких незамужних женщин — факт, проистекавший вследствие тяжелой демографической ситуации в стране и отсутствия реальных условий для всех женщин вступить в законный брак из-за больших демографических потерь в контингенте мужчин бракоспособного возраста. Вместе с тем учатившееся рождение детей вне законного брака, а главное — изменившееся отношение к этому со стороны общественности, подтверждало огромный сдвиг в общественном сознании и семейных ценностях. Это также иллюстрировало значительный подрыв традиционной морали, характерной для господства патриархальных семейных ценностей.

Третий этап семейных трансформаций датируется началом 1960-х гг. С этого времени деградация традиционных основ семьи принимает ускоренные обороты. Данный процесс не был случаен — он подготовлен всем предыдущим развитием деревни, особенно миграционными перемещениями в город, прежде всего сельской молодежи. Со второй половины 1960-х гг. стала быстро сокращаться рождаемость и, соответственно, падать доля детей в населении. Одновременно по мере нараставшего старения сельского населения росла доля пожилых.

Еще в 1939 г. возрастная структура жителей российской деревни оставалась молодой, поскольку более половины ее (51,4%) составляли дети и молодежь до 20 лет; и всего 14% — лица старше 50 лет²⁸. Такой возрастной состав типичен для обществ, еще не прошедших стадии демографического перехода. Но уже к 1959 г. доля детей и молодежи до 20 лет понизилась сразу на 12% и составила 39,5%; а лиц старше 50 лет — выросла до 20,9%, т.е. на 6%²⁹. К концу XX в. средняя доля детей в сельском населении России сократилась до 19,4%, в то время как доля лиц пенсионного возраста в сельском населении России поднялась до 20,9%. Если же учитывать все взрослое население, включая находящихся за пределами возраста репродукции, т.е. от 50 лет и старше, то их доля в сельском населении превысила $\frac{1}{4}$ (25,6%)³⁰.

Такой возрастно-половой состав населения деревни означал ее быстрое демографическое старение со всеми вытекающими последствиями — перекосами семейно-брачного состава, неизбежным дальнейшим снижением брачности женщин, все большим ростом среди них одиноких. Современный демографический кризис в России, помимо уже названных явлений, дополняется негативными моментами в развитии процессов брачности. В частности, в

этот период произошло заметное снижение регистрируемой брачности на фоне возросшей разводимости населения. Так, в расчете на 1000 населения после 1992 г. ЗАГСами России фиксировалось от 7,5 до 5,9 браков, а разводов — соответственно — от 3,4 до 4,6. Кроме того, в 1990-е гг. заметно выросло число официально несанкционированных брачных сожительств, т.е. нерегистрируемой брачности, которой, естественно, сопутствует рождение детей. В 1990-е гг. заметно (в 2–3 раза больше, чем в 1970 г.) увеличилось число детей, рожденных матерями, не состоявшими в зарегистрированном браке³¹. Это стало еще одним показателем кризисного состояния института брака и семьи в последние десятилетия XX в.

Альтернативой официальной брачности в сельской местности, как и по России в целом, в 1990-е гг. стало распространение нерегистрируемых, фактических браков. Особенно они популярны среди молодежи, которая не прислушивается к мнению старших на этот счет. На фоне сокращения официальной брачности ежегодно росло число детей, рожденных вне зарегистрированного брака. С 1989 по 2002 гг. доля таких детей удвоилась и приблизилась к 20–30% от общего числа ежегодных рождений. В сельской местности число детей, родившихся вне зарегистрированного брака, еще выше³².

Растет число разводов. В последние 10-летия XX в. разводы в сельской среде перестали быть редкими. В целом по сельскому населению России с конца 1950-х по начало 1990-х гг. общие коэффициенты разводимости выросли в 6 раз (с 0,4‰ до 2,3‰). С начала 1990-х гг. разводов стало еще больше, затем с 1996 г. их число стабилизировалось, но на довольно высоком уровне. Общие показатели разводимости свидетельствовали о том, что в 1990-е гг. семейным крахом и разводом заканчивалось более половины (от 58 до 60%) ежегодного числа заключаемых браков³³.

Острота положения усиливалась тем, что во многих распавшихся семьях были дети, которые вместе с разводом, как правило, практически теряли одного из родителей. Микроперепись 1994 г. выявила дальнейший рост доли неполных сельских семей, в которых несовершеннолетние дети воспитывались без одного из родителей (с 11 до 15%)³⁴.

Процессы рождаемости в 1960–1980-е гг. характеризовались некоторым замедлением и снижением среднего уровня, но в целом они развивались благоприятно. В первой половине 1980-х гг. в стране отмечался заметный подъем рождаемости благодаря мерам социальной программы правительства по оказанию помощи семьям, имеющим детей. В результате во многих российских семьях в этот период появились вторые и даже третьи дети. Но с начала 1990-х гг. в связи с разразившимся острым социально-политическим и

экономическим кризисом в России уровень рождаемости резко упал. Уже в 1991 г. фактический суммарный коэффициент рождаемости, т.е. среднее число детей, рожденных женщиной в течение ее репродуктивного периода, опустился до самого низкого со времен Великой Отечественной войны уровня и продолжал снижаться. В 1995 г. в целом по России этот показатель равнялся 1,34‰, а в 1998 г. — 1,24‰³⁵.

В 1990-е гг. во всех федеральных округах Российской Федерации рождаемость в сельском населении была ниже уровня в 2,15, необходимого для простого замещения поколений. В зоне демографического бедствия с низкими показателями рождаемости, а это — центральные области России (Тверская, Владимирская, Калужская, Тульская и даже Московская), сложившийся суммарный коэффициент ее в 1991–1996 гг. оказался практически в 2 раза ниже необходимого уровня — 1,01–1,27³⁶.

Лишь на Северном Кавказе рождаемость была близка к необходимой величине (2,15), но недотягивала до нее (2,13). Максимальная по России величина рождаемости отмечалась в сельских районах республик Дагестан, Тыва, Саха (Якутия), в которых суммарный коэффициент рождаемости был 2,6–2,1 ребенка на женщину. Но даже при этом численное замещение поколений родителей детьми осуществлялось лишь в трех регионах России — в республиках Дагестан, Тыва и Ингушетия³⁷.

Говоря о причинах резкого снижения рождаемости, нельзя забывать и о глобальном факторе — влиянии демографического перехода на репродуктивное поведение людей. В XX в. в целом по России в процессе ускоренного перехода населения к городскому образу жизни, т.е. урбанизации, создавались объективные условия к снижению общей потребности семьи в большом числе детей. В современном обществе с развитым государственным пенсионным обеспечением дети лишились своей прежней роли в семье — родительских кормильцев в старости. Многие сельские семьи со временем потеряли свою производственную функцию, следовательно, отпала необходимость в детях как в подраставшей рабочей силе. В итоге все перечисленные факторы привели к существенно уменьшению числа детей в российских семьях.

Переход семьи от многодетности, бывшей столь характерной для большинства российского населения еще в начале XX в., к привычной сегодня практике малодетности и даже одноплодности убедительно свидетельствует о переживаемых современной семьей серьезных структурных изменениях, о ее фактической неспособности выполнять свою основную функцию по воспроизводству поколений.

Суммарный коэффициент рождаемости, обобщающий числа родившихся детей по всем возрастным группам матерей соответственно к численности каждой из них, показывает, что в сельском населении падение рождаемости за отмеченный период оказалось глубже. Так, за те же 40 лет суммарный коэффициент рождаемости среди горожан снизился с 1,935 (в 1961–1962 гг.) до 1,125 (в 1999 г.), т.е. в 1,7 раза, а среди сельских жителей – с 3,195 до 1,479, т.е. в 2,2 раза соответственно³⁸.

Приведенные данные подтверждают завершение в России перехода к малодетной семье, которая для удовлетворения потребности в детях уже ограничивается, как правило, всего одним ребенком, реже двумя детьми. Прежние социальные и экономические стимулы к рождению трех и более детей в российском обществе уже не действуют. В таком повороте событий определенную роль сыграло и государство, которое в последние 10-летия XX в. практически прекратило постоянную поддержку семьи, ограничившись мизерными выплатами на детей.

В настоящее время сельская семья уже не выполняет свою функцию воспроизводства поколений. Это первейший признак глубокого упадка и кризиса. Как с горечью отмечали средства массовой информации, сельская семья отказывается рожать. Потеряв охранительные покровы патриархальности, репродуктивное поведение вырвалось из рамок семьи, и сексуальная энергия преимущественно расходовалась непроизводительно, в том числе и вне рамок семьи. Ежегодное число аборт в России, начиная с периода второй половины 1950-х гг., т.е. момента их очередной легализации, в 1,5–2 раза превышало число родов. При этом характерно, что в 1980-е и 1990-е гг. соотношение числа аборт и родов в городском и сельском населении по отдельным регионам Российской Федерации существенно различается. Давно прошли те времена, когда сельские женщины делали аборт значительно реже, чем горожанки. Беспрецедентно высокое число аборт – одно из самых высоких в мире – в 2 и более раз превосходило ежегодное число родов (в 1990-е гг.)³⁹

Уровень рождаемости на современном этапе очень быстро падает – с 23,2‰ (в 1960 г.) до 16,6 (в 1985 г.) и 8,3‰ (в 1999 г.). Установившаяся в 1990-е гг. рождаемость в России на уровне 8–10‰ вообще очень низка⁴⁰. Это один из самых низких показателей рождаемости в мире (среди экономически развитых стран), но не самый низкий, поскольку в ряде стран Западной Европы (Франция, Германия, Швейцария и др.) уровень рождаемости местного населения еще ниже.

Старение сельского населения сопровождается и естественным ростом смертности — для пожилых людей характерна более высокая смертность. Все это рождает новые проблемы в семейной сфере. В связи с этим резко изменился характер воспроизводства сельского населения. Если попытаться отразить динамику развития естественных процессов в населении России первой половины 1990-х гг. графически, то получится пересечение двух векторов — идущей резко вниз рождаемости и поднимающейся вверх смертности. Благодаря такой крестообразной форме графического отображения двух важнейших составляющих воспроизводства населения, подобный феномен демографического развития России в 1990-е гг. получил название «русского креста»: т.е. непрерывно снижающаяся рождаемость при растущей смертности.

Смертность, особенно в стареющем сельском населении, быстро растет, а ведь в прежние годы, вплоть до середины 1960-х гг., ее уровень постоянно снижался. В целом за 1990-е гг. показатели смертности в сельском населении выросли до 15‰ против 8‰ (в конце 1950-х гг.)⁴¹.

Сочетание резко уменьшившейся рождаемости, которая уже не в состоянии компенсировать естественные потери сельского населения и выросшей смертности, вызвало широкие депопуляционные процессы в сельской местности России. Ее карта на современном этапе подверглась большим переменам — за последние примерно 2-3 десятка лет заметно изменилась сельская поселенческая структура. Сокращающееся население деревни все более концентрируется в крупных населенных пунктах, хотя наряду с этим увеличивается и относительная доля очень мелких поселений. С каждым годом становится все больше пустых деревень, в которых нет населения вообще, их земли постепенно теряют свое сельскохозяйственное значение и забрасываются.

Процессы модернизации затронули и внутренний мир сельской семьи. Относительно исходного периода 1900-х гг. взаимоотношения в ней стали заметно демократичнее; более современными стали и гендерные роли. Постепенно изживался былой деспотизм отца и мужа — в условиях женской эмансипации в СССР, о которой знали даже самые покорные жены, он уже воспринимался как явный пережиток прошлого. В то же время устранение былой нерасторжимости брака сделало семейные союзы менее прочными.

За последние 10-летия XX в. из-за постоянного увеличения общего числа разводов выросла доля неполных семей, т.е. семей, состоящих, как правило, из разведенной или просто одинокой матери с 1 или несколькими детьми. В 1989 г. перепись показала, что неполных семей тогда было 14%, а в 1994 г., по данным выбороч-

ной переписи, доля неполных семей среди семей с детьми до 18 лет выросла уже до 21%⁴².

Вследствие снижения брачности и рождаемости, роста разводов и т.п. постоянно сокращался средний размер сельской семьи. В начале XX в. многодетных семей еще было немало, но уже тогда ведущим типом крестьянской семьи была малая 2-поколенная семья (родители и дети). Средний размер крестьянской семьи в 1916 г., например, насчитывал 5-6 человек, но в последующие годы такого численного состава в целом по российским регионам уже больше никогда не было. В 1939 г. средняя величина сельской семьи насчитывала 4,3 человека, в 1959 г. — 3,8 чел., в 1979 — 3,4 человека, в 1989 г. — 3,3 и в 2002 г. — 3,4 (лишь по частным домохозяйствам, состоящим из 2-х и более человек)⁴³.

Таким образом, трансформации, которым подверглась российская сельская семья в XX в., преодолевая трудный путь от патриархальных устоев к современному своему типу, на наш взгляд, представляли собой полосу перманентного кризиса. Эти изменения не случайны, а вызваны особенностями социального и экономического развития страны и теми трудностями, которые переживало ее население. Иными словами, семейные трансформации обусловлены объективными факторами реальной истории XX в.

Сегодня мы говорим о кризисе института семьи, не задумываясь, что при этом имеем в виду лишь традиционную ее форму, которая до сих пор доминирует в нашем сознании. Между тем российская семья за 100 лет проделала огромный путь, лишилась многих устаревших атрибутов, приобрела новые характеристики. Она стала такой, какой ее сделало общество. Важно, что сельская семья выжила, проявила при этом высокую способность к адаптации и даже коренным изменениям условий существования. Любая ностальгия по традиционным устоям не уместна — их вернуть невозможно. Для этого нет теперь никаких оснований.

¹ Лешенко В.Ю. Русская семья (XI—XIX вв.). Монография. СПб., 2004. С. 62.

² См.: Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 303.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 26.

⁴ Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 3.

⁵ Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6—7. С. 359.

⁶ Шингарев А.И. Положение женщины в крестьянской среде. Воронеж, 1899. С. 1—2.

- ⁷ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887 гг. М., 1960. С. 359.
- ⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 21. М., 1961. С. 74.
- ⁹ Подсчитано по: Общий Свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения... 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 36–39.
- ¹⁰ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1926.
- ¹¹ Такой точки зрения придерживаются специалисты Центра демографии и экологии человека института народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством А.Г. Вишневского. См.: Демографическая модернизация России. 1900-2000. М., 2006. С. 32.
- ¹² См.: Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных исследований). М., 1974. С. 44.
- ¹³ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 93.
- ¹⁴ Цит. по: Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 123.
- ¹⁵ Брак и семья. Сб. док. и мат. М.–Л., 1926. С. 146.
- ¹⁶ ЦСУ РСФСР. Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. LIV.
- ¹⁷ Благодаров А.А. Современный аборт // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 5. С. 39.
- ¹⁸ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг: деревня. М., 2001. С. 96.
- ¹⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 11; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 87.
- ²⁰ Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. С. 99, 103.
- ²¹ Правда, 1936 г., 28 июня.
- ²² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. С. 122–125; Т. XLIII. М., 1931. С. 2–3; Вербицкая О.М. Указ. Соч. С. 207.
- ²³ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 16.
- ²⁴ См.: Вербицкая О.М. Указ. Соч. С. 138, 144.
- ²⁵ Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. М., 1996. С. 11.
- ²⁶ Вербицкая О.М. Указ. Соч. С. 275.
- ²⁷ Российский статистический ежегодник, 2001. М., 2001. С. 147.
- ²⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С.30; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 60-61.
- ²⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР.
- ³⁰ Российский статистический ежегодник, 2001. М., 2001. С. 125.
- ³¹ Доклад Госкомстата России: Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 г. // www.gks.ru/PEREPIS/report.htm
- ³² Российский статистический ежегодник, 2001. С. 127.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999. С. 75.

³⁵ Меликьян Г.Г., Катульский Е.Д. Демографическая ситуация в России накануне XXI в. // Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. М., 1996. С. 11.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Российский статистический ежегодник, 2001. Стат. сб. М., 2001. С. 246.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 81; Текущий архив Госкомстата РФ. Папка 1965 г.

⁴¹ Россия 1995. Социально-демографическая ситуация. М., 1996. С.48; Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. М., 1992. С. 8.

⁴² См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. II. М., 1972; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. IV. Ч. II. Кн. 1.; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Сводные итоги. Т. 14. М., 2005.

Репинецкий А.И.

ГРАМОТНОСТЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1960–1970-е гг.

В статье дан анализ образовательного уровня населения Российской Федерации в 1960–1970-е гг. Динамика его изменения изучена на материалах Всесоюзных переписей населения 1959, 1971, 1979 гг. Показано повышение уровня грамотности населения, изменение удельного веса лиц, имеющих начальное, среднее (неполное, полное, профессиональное) и высшее образование. Выявлены различия в уровне образования лиц, проживающих в городской и сельской местности, мужского и женского населения, зависимость уровня образованности от возрастного состава населения.

Ключевые слова: образовательный уровень, политика в области образования, перепись населения, грамотность, начальное, среднее и высшее образование.

Итоги образовательной политики государства, достигнутые к началу 1960-х гг., подвела Всесоюзная перепись населения 1959 г. Её результаты показали, что в целом проблема грамотности населения страны была решена. В возрасте 9–49 лет удельный вес грамотного населения составил 98,5%, причём этот показатель у городского населения равнялся 98,8%, сельского — 98%¹.

Высокая степень грамотности населения не означала, однако, что в целом по РСФСР неграмотность полностью ликвидирована. Эта проблема оставалась актуальной не только в послевоенное время, но и в период 1960–1970-х гг. Правда, вопрос о грамотности населения перестал иметь самостоятельное значение и не был включен в опросные листы при проведении последующих переписей населения (1970 г., 1979 г.).

Несмотря на большую работу по обучению неграмотного населения, проведенную перед переписью 1959 г., в стране оставалась часть населения, особенно в селах, прежде всего среди женщин, не умевшая ни читать, ни писать. Списки неграмотных, обнаруженных во время переписи 1959 г., были переданы специальным распоряжением ЦСУ ССР от 19 мая 1959 г. в органы народного образования в центре и на местах.

На всем протяжении 1960-х гг., вплоть до переписи 1970 г., вопрос о ликвидации неграмотности оставался в поле зрения не только органов народного образования, но и общественных организаций. За это десятилетие было обучено грамоте почти полмиллиона человек.

Материалы переписи 1970 г. дают возможность рассчитать уровень грамотности населения в возрасте 9 – 49 лет. Рассмотрим уровень грамотности населения в 1970 г. в сравнении с данными переписи 1959 г.

Таблица 1^{*}. Грамотность населения РСФСР в возрасте 9–49 лет в 1959 г., 1970 г. (в %)

Год	Городское и сельское население. Оба пола	Мужчины	Женщины	Городское население (оба пола)	Мужчины	Женщины	Сельское население (оба пола)	Мужчины	Женщины
1959	98,8	99,6	98,2	98,8	99,6	98,2	98	99,1	97,1
1970	99,8	99,9	99,8	99,8	99,9	99,8	99,4	99,5	99,3

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 3. С. 470–471.

Как свидетельствуют материалы таблицы, практически всё население в возрасте 9–49 лет было грамотным – уровень грамотности в 1970 г. составил 99,8%. В стране оставалось 0,2%, или около 270 тыс. человек, неграмотных. В основном они проживали в сельской местности национальных автономий. Преимущественно это были женщины старше 50 лет², а также лица, не способные к обучению по физиологическим показателям.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что грамотность к 1970 г. повысили как мужчины, так и женщины, причём у женского населения он возрос более значительно – на 1,6%, в то время как у мужского – на 0,3%. Уровень грамотности мужчин и женщин практически сравнялся: в 1959 г. удельный вес грамотных мужчин превысил соответствующий показатель у женщин на 1,4%, в 1970 г. – всего на 0,1%.

В 1960–1970-е гг. пришлось решать и еще одну проблему. Материалы переписи 1970 г. показали, что в РСФСР насчитывалось 18,8% граждан старше 10 лет, не имевших начального образования. Нет оснований зачислять их в образовательную категорию «неграмотные». Среди лиц старше 60 лет имела образование лишь одна

треть, в возрастной группе 55–59 лет – половина³. С высокой долей вероятности можно определить, что многие из лиц, указавших, что они не имеют начального образования, в своё время окончили курсы по ликвидации неграмотности и могут быть отнесены к категории малограмотных. Для них были специально открыты вечерние школы начального образования (3–4 классы).

Наряду с ликвидацией тяжелого военного наследия – «волны неграмотности» страна решала новые задачи, поставленные перед ней развитием НТР, модернизацией производства, требовавшими большого количества дипломированных специалистов.

В связи с этим в 1960-е гг. была поставлена задача перехода к всеобщему среднему образованию. Вместе с тем, поскольку производству требовались хорошо обученные профессионалы, была расширена сеть учебных заведений профессионального образования, значительно увеличен приём в высшие и средние специальные учебные заведения. Эта тенденция стала господствующей в образовательной политике государства.

Характерной чертой этого периода стал значительный рост численности учащихся общеобразовательных школ: 1959/60 учебный год – 18 млн 744,3 тыс. человек, 1978/79 учебный год – 20 млн 739 тыс.⁴ Увеличение количества учеников проходило за счет увеличения численности учащихся в старших классах средней школы.

Рост образовательного уровня населения страны определил процесс снижения удельного веса населения, имевшего начальное образование.

Таблица 2*. Уровень лиц, имевших начальное образование в 1959, 1970 и 1979 гг. (на 1000 человек приходилось)

	1959** г.	1970 г.	1979 г.
Городское и сельское население	325	257	167
Мужчины	409	289	177
Женщины	261	224	157
Городское население	312	206	125
Мужчины	383	235	133
Женщины	258	177	116
Сельское население	339	363	279
Мужчины	442	399	285
Женщины	265	327	272

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1959. С. 102–107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 2. С. 78–79.

** Данные за 1959 г. включают лиц, имевших начальное и незаконченное семилетнее образование.

По сравнению с 1959 г. в 1979 г. удельный вес лиц, имевших начальное образование, сократился в 2,1 раза. Особенно большое сокращение доли лиц, имевших начальное образование, произошло среди городского населения: в 1979 г. число горожан с начальным образованием по сравнению с 1959 г. уменьшилось в 2,5 раза. В сельской местности это сокращение было несколько меньшим и составило 1,2 раза.

Опережающими темпами процесс сокращения удельного веса лиц с начальным образованием проходил у мужского населения. По РСФСР в 1979 г. по сравнению с 1959 г. доля лиц с начальным образованием сократилось в 2,3 раза (с 32,5% до 16,7%), среди жителей городов это сокращение составило 2,9 раза, а удельный вес мужчин с начальным образованием, проживающих в сельской местности, сократился в 1,5 раза.

Среди женского населения также чётко прослеживается тенденция сокращения доли лиц с начальным образованием: за двадцать лет (1959 — 1979 гг.) их удельный вес сократился в 1,6 раза. Однако этот процесс в основном проходил за счёт горожанок, где этот показатель уменьшился в 2,2 раза. В сельской местности в 1960-е гг. произошло некоторое увеличение удельного веса женщин, имевших начальное образование и к 1970 г., их доля увеличилась в 1,2 раза. Однако в следующее десятилетие произошло некоторое сокращение удельного веса сельчанок с начальным образованием. К 1979 г. по сравнению с 1970 г. он уменьшился в 1,2 раза, однако продолжал несколько превышать уровень 1959 г. (265 женщин с начальным образованием на 1000 жителей в 1959 г. и 272 — в 1979 г.). Причина данного явления кроется в демографических последствиях Великой Отечественной войны. Именно в сельской местности более всего проявилась деформация половозрастного состава населения, а высокий уровень послевоенной миграции сельских жительниц, привел к постарению женского населения деревни⁵, а следовательно, и к снижению образовательного уровня.

Переход к всеобщему среднему образованию привёл к повышению доли лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование.

Если в 1959 г. среднее образование (полное и неполное) имела треть населения старше 10 лет, то в 1979 г. более половины граждан страны (57,4%) окончили среднюю и восьмилетнюю школу. А в возрасте 10—55 лет лица, имевшие среднее (полное и неполное) образование, составляли более половины населения всех возрастных групп.

Таблица 3*. Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1959 и 1979 гг. (на 1000 лиц приходилось)

Возраст	Всего	1959 г. Мужчины	Женщины	Всего	1979 г. Мужчины	Женщины
10–19	337	334	421	841	822	864
20–29	504	456	553	891	896	883
30–39	467	472	466	736	731	742
40–49	225	308	174	526	504	546
50–54	132	186	117	477	462	490
55–59	108	162	101	449	482	432
60 и старше	76	88	61	165	253	129
Итого	337	355	323	574	59,2	58,4

* Рассчитано по материалам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 102–103; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 22–23.

Повышение образовательного уровня затронуло все возрастные группы, но особенно лиц подросткового и юношеского возраста: в 1959 г. в возрасте 10–19 лет среднее образование имели 33,7% молодёжи, в 1979 г. этот показатель вырос до 84,1% (рост в 2,5 раза). В возрастной группе 20–29 лет в 1979 г. среднее образование имело подавляющее большинство населения – 89,1%, в то время как в 1959 г. – только половина (50,4%). В последующих возрастных группах, исключая лиц старшего возраста, отмечена следующая закономерность: чем выше возраст, тем больше образовательный уровень. Так, в возрастной группе 30–39 лет удельный вес лиц со средним образованием увеличился в 1,6 раза (с 46,7% до 73,6%), в группе 40–49 лет рост составил 2,3 (с 22,5% до 52,6%), в возрасте 50–54 лет – в 3,6 раза (с 13,2% до 47,7%), 55–59 лет – в 4,2 раза (с 10,8% до 44,9%), и только у лиц старше 60 лет этот показатель увеличился в 2,2 раза (с 7,6% до 16,5%).

К концу 1970-х гг. темпы роста образовательного уровня мужского и женского населения страны сравнялись и составили 1,7 раза. В целом по стране удельный вес мужчин, имевших среднее образование, превосходил этот показатель у женского населения. В 1959 г. среднее (полное и неполное) образование имели 35,5% мужчин и 32,3% женщин. В 1979 г. этот показатель составил 59,2% и 58,4% соответственно. В 1959 г. удельный вес мужчин со средним образованием был на 3,2% выше, чем у женщин, а в 1979 г. этот показатель сократился и составил 0,8%, что свидетельствовало о

тенденции опережающего роста образовательного уровня женского населения. Это просматривается во всех возрастных категориях за исключением населения в возрасте 20–29 лет и лиц в возрасте 55 лет и старше. В этих возрастных категориях удельный вес мужчин со средним образованием превысил соответствующий показатель у женщин.

К концу 1970-х гг. сохранилось отставание образовательного уровня сельского населения от городского.

Таблица 4*. Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1979 г. в зависимости от возраста и места проживания (на 1000 лиц приходится)

Возраст	Город			Село		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего в возрасте 10 лет и старше	629	659	604	451	515	396
10–15 лет	217	214	221	182	181	183
16–19	986	982	990	956	953	961
20–29	891	898	883	889	892	886
30–39	750	743	756	694	690	698
40–49	586	560	611	390	382	398
50–54	546	519	566	340	342	338
55–59	523	539	516	303	365	271
60 лет и старше	231	330	191	58	122	34

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 24–27.

В целом, как показывают материалы таблицы, удельный вес лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование, в городской местности был в 1,4 раза выше, чем в сельской. Это отмечено во всех возрастных категориях. В возрасте 16–29 лет эта разница была незначительна. Начиная с 30-летнего возраста, удельный вес лиц со средним образованием в городской местности постоянно повышался: от 8% в возрасте 30–39 лет до четырёхкратного превышения в возрастной категории 60 лет и старше. В то же время эти данные свидетельствуют, что показатели уровня образования городского и сельского населения постепенно выравнивались.

К концу 1970-х гг. в городской местности удельный вес мужчин и женщин со средним (полным и неполным) образованием практически сравнялись: у мужчин – 65,9%, у женщин – 60,4%. Причём, как уже отмечалось, более высокие показатели образовательного уровня отмечены у женщин во всех возрастных категориях до

55 лет, за исключением возрастной группы 20–29 лет, в которой удельный вес женщин со средним образованием был ниже, чем у мужчин. Фактором, объясняющим это положение, стало активное развитие вечернего и заочного образования. Мужчины повышали свой образовательный уровень через эти формы обучения гораздо активнее женщин. Несмотря на более высокую долю лиц со средним образованием у мужчин, тенденция опережающего роста уровня женского образования сохранялась.

В сельской местности разрыв в показателях удельного веса мужчин и женщин со средним (полным и неполным) образованием был более значителен, чем в городской местности (в городе этот показатель равнялся 5,5%, в селе – 11,9%). Однако и здесь налицо тенденция опережающего роста уровня женского образования. Удельный вес женщин со средним образованием превышал соответствующий показатель у мужчин во всех возрастных категориях, кроме 50 лет и старше. Как и в городской местности, исключение составила возрастная группа 20–29 лет, где отмечено небольшое превышение этого показателя у мужчин – 89,2%, в то время как у женщин он составил 88,6%. Значительно больший разрыв удельного веса мужчин и женщин, имевших среднее образование по сравнению с городской местностью, отмечен в старших возрастах. У лиц 60 лет и старше он составил 3,6 раза (в городе этот показатель равнялся 1,7 раза). В этой возрастной группе среднее образование имели 12,2% мужчин и 3,4%, женщин.

Перепись 1979 г. выявила различия в уровне образования населения промышленноразвитых и аграрно-сырьевых регионов страны. В 1979 г. наиболее высокий уровень высшего и среднего (общего, специального и неполного) образования имело население городов Ленинграда (80,2%), и Москвы (79%). По сравнению с переписью 1959 г., уровень образования ленинградцев возрос в 1,9 раз, а жителей столицы в 2 раза.

Приведённые материалы свидетельствуют, чем выше уровень индустриального развития того или иного региона, тем выше уровень образованности его населения. Наиболее высокий удельный вес лиц со средним (полным и неполным) образованием был отмечен в Дальневосточном – 71,8%, Северо-Западном – 70,3% и Центральном – 67,7% экономических районах. Столь высокие показатели обеспечили быстрые темпы экономического развития и высокий уровень урбанизованности этих регионов⁶. Наиболее низкий удельный вес лиц с данным образованием зафиксирован в Северо-Кавказском – 60% и Центрально-Чернозёмном – 57% экономических районах. Некоторое отставание этих регионов объяснялось преобладанием в них сельского населения, имевшего

Таблица 5. Число лиц, имевших среднее (общее и специальное и неполное) образование, по автономным республикам, краям и областям (на 1000 чел.)

	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
Северо-Западный район						
Оба пола	303	703	368	757	185	495
Мужчины	300	750	358	797	195	569
Женщины	306	666	376	726	177	435
Центральный район						
Оба пола	301	677	364	738	205	464
Мужчины	301	726	357	778	215	538
Женщины	301	640	369	707	197	407
Волго-Вятский район						
Оба пола	235	605	323	702	179	448
Мужчины	250	672	324	747	201	545
Женщины	224	552	323	666	162	376
Центрально-Чернозёмный район						
Оба пола	389	570	557	719	320	413
Мужчины	408	636	557	761	343	500
Женщины	373	517	557	686	298	348
Поволжский район						
Оба пола	260	626	342	712	183	463
Мужчины	286	674	343	749	197	530
Женщины	269	588	342	682	171	406
Северо-Кавказский район						
Оба пола	255	600	350	694	186	484
Мужчины	271	650	358	735	206	548
Женщины	242	558	343	661	168	431
Уральский район						
Оба пола	406	637	471	691	276	477
Мужчины	403	681	456	728	321	542
Женщины	409	600	487	661	291	421
Западно-Сибирский район						
Оба пола	385	630	466	696	277	491
Мужчины	382	667	450	726	287	542
Женщины	389	599	482	670	268	447

Таблица 5 (окончание)

	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
Восточно-Сибирский район						
Оба пола	397	656	452	712	295	509
Мужчины	388	678	452	737	300	546
Женщины	405	625	453	690	291	473
Дальневосточный район						
Оба пола	460	718	494	751	371	619
Мужчины	432	743	466	776	346	646
Женщины	488	693	523	726	396	592

* Таблица составлена по материалам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 133–140; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 190–287.

более низкий образовательный уровень по сравнению с городским.

Уровень индустриального развития регионов определял и образовательный уровень сельского населения: чем выше уровень промышленного развития района, тем меньший разрыв наблюдался в образовательном уровне городского и сельского населения. В Дальневосточном регионе удельный вес горожан со средним (полным и неполным) образованием превысил этот показатель в сельской местности в 1,2 раза. В Северо-Западном, Поволжском, Уральском, Западно- и Восточно-Сибирских регионах этот показатель составил 1,5–1,4 раза. В Центральном, Центрально-Чернозёмном и Волго-Вятском районах уровень образованности городского населения был выше сельского в 1,6–1,7 раз.

Данные таблицы № 5 показывают, что в регионах уровень образования мужского населения превышал соответствующий показатель у женского населения. Наибольший разрыв в уровнях образования мужского и женского населения отмечен в Северо-Кавказском экономическом районе: удельный вес со средним образованием у мужчин составляли 65%, у женщин – 55,8% (разница 9,2%). В то же время рост удельного уровня женщин со средним образованием был наиболее высок среди кавказских народов. Если в целом по стране он вырос 1,7 раза, то в Дагестанской АССР удельный вес женщин со средним образованием увеличился в 3 раза, в то время как у мужчин – в 2,5 раза. Особенно впечатляющие успе-

хи роста образованности женщин кавказских республик отмечены в сельской местности. В Дагестанской АССР удельный вес женщин со средним (включая неполное) образованием увеличился в 3,5 раза, а в Чечено-Ингушской АССР – в 5,6 раза, в Карачаево-Черкесской – 2,9 раза⁷. При анализе этих данных следует иметь в виду, что стартовая площадка в области образования у населения разных регионов была неодинаковой. Высокие темпы роста показателей образования сельского населения национальных районов объясняются не только достигнутыми успехами в области образования, но и его изначально низким уровнем по сравнению с городским населением индустриально развитых регионов. Так, если в небольшом поселке было 2 человека с законченным средним образованием, а стало 4, произошло удвоение показателя. В то же время если в городе было 100000 чел. с законченным средним образованием, а стало 120000, то возрастание показателя относительно невелико.

Наиболее весомы успехи в повышении образовательного уровня были отмечены среди занятого населения страны.

Таблица 6'. Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1959, 1970 и 1979 г. (на 1000 лиц приходилось)

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г. в % к 1971 г.
Городское и сельское население	405	590	702	172,8
Мужчины	392	578	700	178,5
Женщины	417	602	704	168,8
Городское население	495	651	731	147,6
Мужчины	463	635	727	157
Женщины	530	666	736	138,8
Сельское население	302	462	625	207
Мужчины	309	462	634	205,2
Женщины	295	462	616	206,8
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 292.				

За двадцатилетие (1959–1979 гг.) удельный вес лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование, среди занятого населения увеличился в 1979 г. по сравнению с 1959 г. в 1,7 раз. В 1979 г. 7 из 10 человек имели среднее (полное и неполное) образование, что явилось показателем успеха в осуществлении политики государства в области образования.

Повышение образовательного уровня занятого населения страны наиболее ярко проявилось в сельской местности. Удель-

ный вес сельчан со средним образование вырос к 1979 г. по сравнению с 1959 г. в 2 раза (среди городского населения этот показатель составил 1,5 раза). В городах среднее (полное и неполное) образование имели 73,1% жителей, в сельской местности — 62,5%. Для сравнения отметим, что в 1959 г. такой уровень образования имели 49,5% городских жителей и 30,2% сельчан. Таким образом, если в 1959 г. удельный вес лиц со средним (полным и неполным) образованием в городах был выше, чем в сельской местности в 1,6 раза, то в 1979 г. разница в уровне образования составила 1,2 раза.

К концу 1970-х гг. удельный вес лиц с полным и неполным средним образованием среди мужчин и женщин практически сравнялся, при незначительном опережении образовательного уровня женщин (70% у мужчин и 70,4% у женщин).

Продолжали сохраняться различия в образовательном уровне мужчин и женщин, проживавших в городской и сельской местности. В селе удельный вес лиц со средним образованием у мужчин и женщин вырос в 2 раза. Среди городских жителей рост удельного веса мужчин, имевших среднее образование, несколько превысил подобный показатель у женщин. Несмотря на это, образовательный уровень женского населения, проживавшего в городской местности, был выше, чем у мужчин: среднее (полное и неполное) образование имели 72,7% горожан и 73,6% горожанок. В сельской местности удельный вес мужчин со средним образованием был выше, чем у женщин, и составил соответственно 63,4% и 61,6%.

Переход страны к всеобщему среднему образованию изменил соотношение между лицами, имевшими полное среднее (общее и специальное) и неполное среднее образование. Сравним материалы переписей 1970 г. и 1979 г. В 1970 г. среднее полное образование имели 14,1% жителей страны, среднее специальное — 11,1%, неполное среднее — 32,6% человек. Численность населения, имевшего среднее неполное образование, более чем на 70% превышала количество жителей, окончивших полную среднюю общеобразовательную, и лиц, получивших среднее профессиональное образование. К 1979 г. удельный вес группы населения, имевшего среднее (общее и специальное) образование, превысил удельный вес жителей с неполным средним образованием. Полное среднее (общее и специальное) образование имели 30,7% населения (среднее общее — 24,3%, среднее специальное — 16,4%), в то время как жителей с неполным средним образованием насчитывалось 28,3%⁸.

Приведенные материалы показывают значительный рост удельного веса лиц со средним полным (общим и специальным) образованием. К 1979 г. по сравнению с 1959 г. их удельный вес вырос в 2,8 раза (в 1959 г. среднее полное образование имели 11%

Таблица 7*. Лица, имевшие среднее (общее и специальное) образование в 1959 г. и 1979 г. (на 1000 лиц приходится)

	1959 г.	1979 г.
Городское и сельское население	110	304
Мужчины	107	304
Женщины	112	304
Городское население	153	356
Мужчины	145	349
Женщины	159	360
Сельское население	60	187
Мужчины	63	202
Женщины	58	176

* Таблица рассчитана по материалам: Итоги всесоюзной переписи 1959 года: РСФСР. С. 102–107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года, Т. 3. Ч. 1. С. 22–27.

жителей страны в возрасте 10 лет и старше, а в 1979 г. – 30,4%). Опережающими темпами рос удельный вес лиц со средним полным образованием в сельской местности, где он повысился с 6% до 18,7% (рост в 3,1 раза). В городской местности этот показатель вырос с 15,3% до 35,6% (рост в 2,3 раза). Ускоренный рост образовательного уровня сельчан позволил сократить разрыв в уровне среднего образования между городом и селом. В 1959 г. удельный вес лиц со средним полным образованием, проживающих в городской местности, в 2,5 раза превышал этот показатель в сельской местности, а в 1979 г. этот разрыв сократилась до 1,9 раза и составил в городе – 35,6% населения, в сельской местности – 18,7%.

К 1979 г. удельный вес мужчин и женщин, имевших среднее полное образование, сравнялся и составил 30,4%, в то время как в 1959 г. женщины по этому показателю несколько превосходили мужчин (11,2% – у женщин и 10,7% – у мужчин). Сохранились различия между городской и сельской местностью. В городе удельный вес женщин со средним образованием по-прежнему превышал этот показатель у мужчин (соответственно 36% и 34,9%), а в сельской местности образовательный уровень мужчин был выше, чем у женщин (соответственно 20,2% и 17,6%). Наибольшие темпы роста удельного веса лиц со средним образованием отмечены у мужского населения, за двадцать лет он вырос в 3 раза: у сельских жителей в 3,2, у горожан в 2,8 раза. Удельный вес женщин со средним полным образованием увеличился в 2,8 раза: у сельчанок – в 3 раза, а у горожанок – в 2,7 раза.

Возраст населения играл ведущую роль в показателях удельного веса лиц с полным средним образованием. Наиболее высокие показатели отмечены в возрастной группе в возрасте 20–29 лет, где он составил 63,7%. Далее эти показатели уменьшаются: наименьший удельный вес лиц со средним полным образованием зафиксирован в старшей возрастной группе (лица 60 лет и старше), где он составил 9,1%. Несколько выбивается из общей тенденции возрастная группа 55–59 лет: входящие в неё лица имели более высокий уровень среднего образования, чем в возрасте 50–54 года: соответственно 21,3% и 18,3%⁹. В этом проявилось ещё одно негативное последствие Великой Отечественной войны: школьный возраст лиц, находящихся в возрасте 50–54-х лет, пришёлся на военное время, что обусловило невысокий удельный вес лиц со средним образованием.

Второй фактор, влиявший на удельный вес лиц, имевших среднее полное образование, зависел от места проживания последних. Наименьшая разница в уровнях образования городских и сельских жителей была в возрастной группе 20–29 лет: 67,2% и 52,8% соответственно. Примерно в 1,5 раза удельный вес горожан со средним образованием был выше, чем у сельчан в возрастных группах 16–19 лет (в городе – 54,7%, на селе – 38,2%) и 30–39 лет (47,7% и 29,3% соответственно).

В возрастной группе 16–19 лет превышение удельного веса горожан во многом объясняется тем, что большая часть выпускников неполной, а особенно полной средней школы покидала сельскую местность и выезжала в город для продолжения образования, так как село не могло предложить молодёжи со средним образованием достойное применение своих знаний. Особенно большой разрыв в удельном весе лиц со средним образованием в городской и сельской местности отмечен начиная с возрастной группы 30–39 лет. Молодость этого возраста пришлась на конец 1950-х – 1960-е гг. – время бурного развития вечернего и заочного образования, что и привело к повышению его уровня прежде всего у городского населения. В этих возрастах удельный вес горожан со средним образованием превышал этот показатель у сельчан в 2,3–2,4 раза. И только в возрасте 60 лет и старше этот разрыв несколько сократился, составив 1,9 раза. Это сокращение произошло за счёт более низкого удельного веса горожан со средним образованием¹⁰.

Таким образом, в 1960–1970 гг. были достигнуты значительные успехи в развитии образования населения страны. Численность и удельный вес лиц, имевших среднее полное, специальное и неполное образование, значительно возрос.

Постоянное наращивание индустриальной мощи страны при преимущественно экстенсивном пути развития экономики требовало роста численности дипломированных специалистов. Это приводило к увеличению приёма студентов и открытию новых средних специальных и высших учебных заведений. С 1959 г. по 1979 г. число средних специальных заведений увеличилось на 551, а количество обучавшихся на 1271,1 тыс. человек, начали действовать 50 высших учебных заведений, а число студентов увеличилось на 1608,1 тыс. В 1979/1980 учебном году в 2499 средних специальных учебных заведениях обучалось 2688,4 тыс. учащихся, а 488 вуза насчитывали 3025,4 тыс. студентов¹¹. Большое внимание уделялось открытию высших и средних специальных учебных заведений в отдалённых районах. В 1959—1979 гг. 23 вуза и 267 техникумов начали обучение студентов в азиатской части страны¹².

Рост численности и удельного веса лиц со средним специальным образованием представлен в таблице № 8.

Материалы таблицы свидетельствуют, что удельный вес лиц, имевших среднее специальное образование, за двадцатилетие вырос более чем в два раза, а их численность — в 2,8 раза. В эти годы темпы роста удельного веса лиц со средним специальным образованием в сельской местности превышали показатели города: в селе удельный вес лиц с данным образованием увеличился в 2,2 раз, в городской местности — в 1,9 раза. Однако доля горожан со средним специальным образованием превышала соответствующий показатель в сельской местности, причём разрыв в показателях удельного веса сократился незначительно: если в 1959 г. доля лиц со средним специальным образованием среди городских жителей в 2 раза превышала этот показатель в сельской местности, то в 1979 г. — 1,9.

Чётко прослеживается опережающий рост удельного веса женщин со средним специальным образованием. За двадцатилетие удельный вес мужчин со средним образованием увеличился в 2 раза, а женщин — в 2,4 раза. Уровень роста для мужчин городской и сельской местности был одинаков, а среди женского населения он рос быстрее в селе, где за двадцатилетие этот показатель увеличился в 2,3 раза, в то время как в городе — в 2,1 раза. Преимущественный рост доли женщин со средним образованием привёл к тому, что в 1979 г. она на 2,6% превысила соответствующий показатель у мужского населения (2,9% у горожан и 1,7% у сельчан). В 1979 г. 11,5% населения страны 10 лет и старше имели среднее специальное образование.

Столь же быстрыми темпами проходило развитие высшего образования (см. табл. 9).

Таблица 8*. Лица, старше 10 лет, имевшие среднее специальное образование в 1959 и 1979 гг.

	1959 г.		1979 г.	
	численность лиц со средним специальным образованием (тыс. человек)	в % к общей численности населения	численность лиц со средним специальным образованием (тыс. человек)	в % к общей численности населения
Городское и сельское население	4829	5,3	13639,2	11,5
Мужчины	2036,4	5,2	5419,5	10,2
Женщины	2792,6	5,3	8219,7	12,8
Городское население	3419	6,9	11081,9	13,5
Мужчины	1449	6,7	4443,9	12
Женщины	1970	7	6638	14,9
Сельское население	1410	3,3	2557,3	7,1
Мужчины	587,3	3,3	975,5	6,2
Женщины	822,7	3,3	1581,7	7,9

* Таблица составлена: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 102-107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 112-113.

Таблица 9*. Лица, имевшие высшее образование в 1959 г. и 1979 г. (на 1000 лиц приходится)

	1959 г.	1979 г.
Городское и сельское население	19	71
Мужчины	22	77
Женщины	17	66
Городское население	31	91
Мужчины	35	98
Женщины	29	86
Сельское население	6	25
Мужчины	7	28
Женщины	5	23
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 108; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 3. Ч. 1. С. 22–27		

Материалы таблицы свидетельствуют, что численность населения с высшим образованием за двадцатилетие увеличилось в 3,7 раза: с 1,9% в 1959 г. до 7,1% в 1979 г. Темпы роста доли лиц с высшим образованием были более высоки у жителей сельской местности. За двадцатилетие удельный вес лиц с высшим образованием в городской местности повысился почти в 3 раза (с 3,1% до 9,1%), в сельской местности в 4 раза (с 0,6% до 2,5%). Это привело к некоторому сокращению в показателях уровня образования. Если в 1959 г. на одного сельского жителя с высшим образованием приходилось 5 жителей города с высшим образованием, то в 1977 г. этот показатель сократился до 3,6.

Данные переписи 1979 г. фиксируют более высокие показатели высшего образования у мужчин, чем у женщин — 7,7% и 6,6%. Однако по темпам роста удельного веса лиц с высшим образованием лидировали женщины. Среди мужского населения удельный вес лиц с высшим образованием вырос в 2,6 раза (с 2,9% до 7,7%), а у женщин рост составил 3 раза (с 2,2% до 6,6%). Во многом это объяснялось увеличением доли женщин среди студентов высших учебных заведений с 45% в 1965/66 учебном году до 53% в 1979/80 учебном году¹³. Опережающие темпы роста образовательного уровня женского населения привели к незначительному изменению в соотношении мужчин и женщин с высшим образованием: в 1959 г. высшее образование имели 2,2% мужчин и 1,7% женщин (1,3:1), в то время как в 1979 г. этот показатель соответственно был равен 7,7% и 6,6% (1,2:1). Однако тенденцию преимущественного роста доли женщин с высшим образованием материалы переписей зафиксировали четко.

Наиболее высокий уровень высшего образования в 1979 г. был в группе городских мужчин – 9,8% (у женщин этот показатель был равен 8,6%) Низший показатель удельного веса лиц с высшим образованием был зафиксирован в группе женщин, жительниц сельской местности, – 2,3%, (у мужчин он был равен 2,8%). Обращает на себя внимание и тот факт, что разница в уровнях образования у мужчин, проживавших в городской и сельской местностях, была большей, чем у женского населения (удельный вес мужчин-горожан, имевших высшее образование, в 3,5 раза превышал соответствующий показатель у мужчин сельской местности, а подобный показатель у женского населения составил 2,9 раза). Подобное положение может быть объяснено тем, что среди профессий, требующих высшего образования, в сельской местности большой востребованностью пользовались профессии, где женщины составляли большинство работавших – учителя, врачи, частично сельскохозяйственные специалисты (агрономы и зоотехники). Следует отметить, что удельный вес женщин, имевших указанные специальности, постоянно возрастал. Так, если в 1959 г. удельный вес женщин среди учителей составлял 77%, то в 1979 г. этот показатель составил 89%¹⁴.

Рассмотрим распределение лиц с высшим образованием по возрастам.

Таблица 10*. Лица, имевшие высшее образование в 1959 и 1979 гг. (на 1000 лиц приходится)

Возраст	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.
Всего	24	71	39	91	8	25
20–29 лет	30	81	42	91	12	50
30–39 «	45	154	55	181	17	69
40–49 «	32	105	50	138	9	32
50–54 «	30	67	51	90	5	19
55–59 «	27	71	50	98	3	19
60 лет и старше	17	34	34	52	1	5

* Рассчитано по материалам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 102–107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года, Т. 3. Ч. 1. С. 22–27.

Рост удельного веса лиц с высшим образованием отмечен во всех возрастных категориях: в возрастной группе 20–29 лет он вырос в 2,9 раза, в группе 30–39-летних в 3,4 раза, в возрасте 40–

49 лет в 3,3 раза, у лиц 50—59 лет он увеличился в 2,5 раза, в возрасте 60 лет и старше — в 2 раза. Наибольший рост лиц с высшим образованием произошёл в возрастных группах 30—39 и 40—49 лет. Как уже отмечалось, входящие в эти возрастные группы лица вступили во взрослую жизнь во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Реформа образования 1958 г. привела к расширению вечерней и заочной форм обучения. Это позволило значительно увеличить число лиц с высшим образованием.

Удельный вес лиц с высшим образованием рос как в городской местности, так и в селе, где темпы его роста были выше. Количество сельчан с высшим образованием, приходящихся на 1000 жителей, за двадцатилетие возросло в 3 раза, в то время как среди горожан этот показатель увеличился в 2,3 раза. Это связано как с более низким изначальным уровнем образования последних, так и расширением сферы применения их труда, что и привело к уменьшению разрыва в уровнях высшего образования в городской и сельской местностях. Если в 1959 г. удельный вес лиц с высшим образованием, проживающих в городской местности, превышал соответствующий показатель на селе почти в 5 раз, то в 1979 г. этот разрыв значительно сократился, составив 3,6 раза.

Более высокий рост удельного веса лиц с высшим образованием отмечен во всех возрастных группах сельского населения по сравнению с городским (в возрасте 20—29 лет у горожан этот показатель увеличился в 2,2 раза, сельчан — в 4,1; у возрастной группы 30—39 лет эти показатели соответственно составили 3,3 и 4; в группе 40—49 лет у горожан рост составил 2,8, сельчан — 3,5 и так далее). Исключение составили лица в возраст 50 лет и старше. Однако и в этих возрастных категориях показатели роста доли лиц с высшим образованием были высоки. Так, в возрасте 55—59 лет в селе на 1000 человек в 1959 г. приходилось 3 человека с высшим образованием, в 1979 г. — 19 (увеличение в 6,3 раза).

Усиленный рост доли лиц с высшим образованием на селе не привел к ликвидации значительного различия в уровнях высшего образования между жителями городской и сельской местности. Удельный вес лиц с высшим образованием в 1979 г. в городской местности составил 7,1%, а в сельской — 2,5%. Это было вполне закономерным явлением. Сельское производство требовало значительно меньшего числа лиц с высшим образованием. Разрыв в уровнях образования отмечен во всех возрастных группах. Вполне объяснима и следующая закономерность — чем выше был возраст населения, тем больший разрыв наблюдался в уровне высшего образования между горожанами и сельскими жителями. В возрастной группе 20—29 лет удельный вес горожан, имевших высшее

образование, в 1,8 раза превышал этот показатель у жителей сельской местности, в возрастной группе 30–39 лет разница в уровнях образования увеличилась до 2,6, в группе 40–49 лет она составила 4,3; в возрастной группе 50–54 года – 4,7, а в группе 55–59 лет – 5,2, в возрасте 60 лет и старше – 10,4 раза. Эти данные свидетельствуют о том, что политика, проводимая государством в области высшего образования, способствовала постепенному сближению уровней образования между городскими и сельскими жителями.

Следует отметить, что наибольший удельный вес лиц с высшим образованием, как в целом по стране, так и в городской и сельской местностях, зафиксирован в возрастной группе 30–39 лет (соответственно 15,4%, 18,1% и 6,9%). Доля населения с высшим образованием в этой и последующей возрастной группе (40–49 лет) была выше, чем у лиц в возрасте 20–29 лет. Этот своеобразный парадокс объясняется двумя моментами: во-первых, в предыдущей возрастной группе (20–29 лет) был высок удельный вес лиц, продолжавших обучение в высших учебных заведениях и попавших в категорию лиц с незаконченным высшим образованием. Во-вторых, в стране широкое распространение получила вечерняя и заочная форма высшего образования, что позволило получить высшее образование лицам старших возрастов. Так, в 1970 г. по сравнению с 1959 г. количество студентов, обучавшихся на вечерних отделениях вузов, возросло с 15,2% до 27,4%, а на заочной форме обучения – с 31,9% до 40%¹⁵.

Период 1960–1970-х гг. был одним из наиболее плодотворных в развитии отечественного образования. Переход ко всеобщему среднему образованию, открытие новых вузов, средних и общих специальных учебных заведений самым благотворным образом сказались на повышении образовательного уровня населения Российской Федерации. В 1979 г. среднее образование (полное и неполное) имели более половины жителей страны – 57,4%. В возрасте 10–49 лет практически всё население было грамотным. Неграмотные и малограмотные сохранились лишь в старших возрастах. В два раза увеличился удельный вес лиц, имевших высшее образование. Ярко проявились и тенденции в развитии образования – более быстрые темпы его роста у женщин (как в городе, так и в селе) и у жителей сельской местности.

Вместе с тем быстрый рост общего и профессионального образования и исключительная ориентация на его получение у школьников подготовили почву для конфликта уже во второй половине 1970-х гг. между недостаточным уровнем механизации и автоматизации производства и высокими запросами специалистов, жаждущих высококвалифицированного творческого труда. Застойные

явления в экономике в 1980-е гг. еще более углубили этот конфликт. Тяжелой и не решавшейся в 1970—1980-е гг. проблемой была низкая оплата высококвалифицированного творческого труда. Дипломированные специалисты все чаще предпочитали заниматься малоквалифицированными видами труда, оплачиваемого более высоко. В итоге среди лиц, занятых преимущественно физическим трудом, удельный вес лиц с высшим, средним специальным и средним общим образованием составил 35,5%.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 143.

² Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 3. Ч.1. М., 2005. С. 207—208.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 3. М., 1972. С. 6—7.

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. М, 1960. С. 502; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. М., 1980. С. 308-309.

⁵ Подробнее см.: Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. М., 2001. С. 243.

⁶ Сенявский А.С. Российский город в 1960—80-е гг. М., 1995. С. 62.

⁷ Подсчитано по материалам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 133—140; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 190—287.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. М., 1982. С. 6—7.

⁹ Там же. С. 22—23.

¹⁰ Рассчитано по материалам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. Ч. 1. С. 22—27.

¹¹ Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. С. 520; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 326.

¹² Там же.

¹³ Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 340.

¹⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. С. 518; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 233.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А374. Оп. 32а. Д. 2760. Л. 77—78; Д. 2761. Л. 37—76.

Мамаев М.И.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Автор обращается к слабо разработанной в исторической науке проблеме этнических меньшинств и на примере национальных меньшинств Юга России раскрывает их роль и место в системе межнациональных отношений, показывает особенности регулирования национальными процессами в многонациональном регионе страны, отличающемся своей спецификой.

В качестве иллюстрации автор апеллирует к польскому меньшинству. На его примере адаптации в местный социум и интеграции раскрывает различные стороны жизни поляков в сложный период российской государственности – 1990-е годы – начале XXI века. Много внимания уделяется выяснению роли институтов гражданского общества в решении задач по улучшению положения этнических меньшинств, этнокультурному возрождению в новых условиях развития России.

Ключевые слова: национальная политика, национальные отношения, национальные меньшинства, институты гражданского общества, социум, государственные органы власти, диалог, взаимодействие, переселение, социальная система, конфессии.

Важность и актуальность темы в современных условиях безусловны. Проблема национальных меньшинств, а тем более тех из них, которые наравне с «титულными народами» подвергались репрессивному воздействию со стороны государства, мало изучена в исторической литературе, в том числе и применительно к Северному Кавказу. Авторы лишь частично касались ее¹. Эта тема в настоящее время разрабатывается и в федеральных научных центрах².

В то же время в 1990-е годы – начале XXI в. национальные меньшинства занимались вопросами обустройства и организации своей деятельности. Зачастую им приходилось решать сложные социальные проблемы в одиночку, не полагаясь на помощь государственных структур. Поэтому не случайно, что главным выходом

для них явилась реализация такой важной политической задачи, как создание институтов гражданского общества, в числе их формирование национально-культурных автономий, национальных общественных организаций, ассоциаций, центров национальных культур, землячеств и др.

С учетом требований времени в начале 1990-х была создана и соответствующая нормативная база, сыгравшая уже на первом этапе формирования системы институтов гражданского общества огромную роль. В числе приоритетных, конечно, следует назвать такие нормативно-правовые акты, как Закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» (1995, новая редакция 1998 гг.), Закон Российской Федерации «О национально-культурной автономии» (1995 г.).

Именно эти нормативно-правовые акты явились юридической основой для строительства институтов гражданского общества в новой России. Однако следует заметить, что основополагающие идеологические установки были определены Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в 1996 г. и сыгравшей важную роль в решении злободневных проблем жизнеустройства национальных меньшинств на территории Российской Федерации, в том числе и юга России.

Содержание государственной национальной политики применительно к национальным меньшинствам Северного Кавказа получило частичное отражение в «Основных направлениях государственной национальной политики на Северном Кавказе», подготовленных группой ученых и практиков сферы национальных отношений еще в середине 1990-х годов.

Именно государственной национальной политикой определялись подходы при учете роли и места национальных меньшинств Северного Кавказа в выработке общей стратегии достижения и укрепления стабильности в регионе. Без учета этой составляющей вряд ли было бы возможным сбалансированное соотношение между «национальным» и «национальной идеей».

На наш взгляд, целесообразно рассматривать события в этой сфере с начала 1990-х гг., когда 21 ноября 1990 г. была принята главами государств и правительств Парижская хартия новой Европы, новый этап в истории национальных меньшинств. Тем самым было положено начало и новому подходу в практическом решении многих, и в первую очередь социальных, вопросов относительно национальных меньшинств. Хартия гарантировала защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств, решение их жизненно важных вопросов исключительно в демократических политических рамках. Хартия

также провозглашала решимость «способствовать богатому вкладу национальных меньшинств в жизнь обществ, улучшать их положение»³.

В июне 1992 г. Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе был учрежден Верховный комиссар по делам национальных меньшинств (ВКНМ), призванный «способствовать предотвращению конфликтов по возможности на самом раннем этапе их возникновения»⁴. Все это было связано с переходом ряда стран, в том числе и России, к демократическому общественному устройству. Эти меры содействовали и возможности решения на правовой основе многих вопросов обустройства национальных меньшинств на Северном Кавказе.

В числе национальных меньшинств, проживающих на Северном Кавказе и подвергшихся репрессиям, следует рассматривать поляков, немцев, турок-месхетинцев, греков, курдов, крымских татар, корейцев, чеченцев-аккинцев, частично цыган и др.

В новых условиях в России национальные меньшинства получили право через созданные ими общественные объединения – институты гражданского общества выражать и защищать свои интересы. Они получили равные возможности также адаптироваться в существующей системе межнациональных отношений, получать возможность реализации своих стремлений, сохранения своей самобытности, традиций, обычаев, развития родных языков, осуществления других мер в гуманитарной сфере.

Подтверждением этому является и формирование уже названной системы институтов гражданского общества. Как известно, в России приходилось создавать систему общественных объединений на совершенно новой основе, а главное – учитывать особенности и требования «нового этапа в развитии государства с учётом традиций российской государственности, принципов федерализма и гражданского общества, а также с учетом переходного периода, обусловленного рядом кризисных ситуаций и сложных проблем в области межнациональных отношений»⁵. Особенно отчетливо эти трудности проявлялись в 1990-е годы на Юге России.

В 1990-х гг. – начале XXI в. в России была сформирована система институтов гражданского общества. По данным Минюста России, на территории страны были зарегистрированы и работали более 147 тыс. различных общественных объединений, включая объединения реестровых казаков и нереестрового казачества, 17 федеральных национально-культурных автономий, более 500 региональных и местных автономий⁶.

По подсчетам Н.Ф. Бугая и А.М. Гонова, на территории Северного Кавказа в 1990-е годы были созданы более 40 общественных

объединений, в числе которых Международное объединение месхетинских турок «Ватан», объединение турок-месхетинцев «Умид», «Голос Балкарии» «Возрождение» (российские немцы), «Арго» (организация греков), Калмыцкая культурная автономия корейцев, «Цыгане Кубани» и многие другие⁷.

Общественные объединения Юга России активно участвуют в решении многих жизненных проблем обустройства национальных меньшинств. Оказывая помощь органам государственной власти, они участвуют в разработке нормативно-правовых актов по обустройству национальных меньшинств, организации регистрации, решения вопросов трудовой занятости и др.

Практика постоянно требует совершенствования нормативной базы. Она не пребывает в застывшем состоянии, а получает свое дальнейшее развитие в новых нормативно-правовых актах, принимавшихся как на федеральном, так и на местном, республиканском, краевом и областном уровнях.

Уже в начале декабря 1991 г. Совет Министров Республики Дагестан принял постановление о признании утратившими силу некоторых решений правительства Дагестанской ССР, принимавшихся в связи с насильственным переселением чеченского населения (чеченцев-аккинцев) в годы Великой Отечественной войны (2 декабря 1991 г)⁸.

Президент Кабардино-Балкарской Республики В.М. Коков после принятых законодательных актов на федеральном уровне 7 марта 1994 г. подписал Указ «О некоторых мерах реабилитации балкарского народа в связи с пятидесятилетием его депортации». При этом положения указа были направлены на признание административно-территориальных районов до насильственного выселения балкарского народа, их восстановление.

Указ, принятый Президентом Кабардино-Балкарской Республики, явился важным историческим актом. В нем шла речь не только о главной этнической общности (балкарцах), подвергшейся репрессиям в республике, но и о национальных меньшинствах. Ведь известно, что с территории республики депортировались и корейцы, и советские немцы, и казаки, и представители многих других этнических меньшинств. Здесь были проведены зачистки с целью дальнейшей депортации проживавших отдельных чеченцев, крымских татар и др.

18 июля 1994 г. Кабинетом Министров Республики Адыгея было принято постановление «О реабилитации граждан, депортированных из Крыма» (№ 282)⁹. Документ ценен тем, что проведенной политической акцией правительство республики «восстанавливало справедливость в отношении граждан (крымско-татарского

этнического меньшинства на территории республики. — *М.И.*) — жителей республики, подвергшихся репрессиям по социальным, национальным и иным признакам на территории Крыма»¹⁰.

В основу нового Постановления Кабинета Министров Республики Адыгея были положены принципы Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 3 октября 1993 года. Постановлением упорядочивалось решение вопросов реабилитации, были определены льготы для граждан из Крыма в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий»¹¹.

В трудной форме проходило согласование вопросов с федеральным центром и Правительством Республики Калмыкия, в частности, в отношении реабилитации, определения льгот и т.д. проживавших к этому времени на территории республики 394 граждан корейской, крымско-татарской, ингушской, карачаевской, греческой, турко-месхетинской и чеченской национальностей¹². В последующее время эти вопросы решались парламентом республики, были установлены размеры льгот, другие положения, касающиеся реабилитированных представителей национальных меньшинств.

13 сентября 2001 г. администрацией области был принят Закон «О национальных отношениях на территории Волгоградской области» № 586-ОД, а 27 мая 2003 г. Закон «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими организациями» № 826-ОД. Эти же вопросы нашли отражение и в Соглашении о сотрудничестве органов государственной власти Волгоградской области с национальными общественными объединениями¹³.

Одновременно на территории Краснодарского края наблюдалось оживление этнической мобильности, формировалась система институтов гражданского общества. Законодательное Собрание Краснодарского края, реагируя на эти процессы, имевшие место как в масштабе страны, так и в масштабе края, 26 ноября 2003 г. приняло Закон Краснодарского края «О взаимодействии органов государственной власти Краснодарского края и общественных объединений» (№ 627-КЗ). В документе были определены принципы взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества на территории края. Законом учитывались особенности развития этих процессов, их специфика применительно к территории края¹⁴.

Законы проводились в жизнь, в том числе и через общественные объединения. Они участвовали в решении неотложных проблем жизнеобустройства национальных меньшинств на территории края. Этому были подчинены такие провозглашенные в Законе принципы, как: обеспечение органами государственной власти Краснодарского края реализации прав и законных интересов общественных объединений; добровольность во взаимодействии органов государственной власти Краснодарского края и общественных объединений; государственная поддержка общественных объединений; привлечение их к участию в формировании и реализации проводимой государственной политики и другие.

В последующем практика межнациональных отношений, применявшиеся формы и методы взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества потребовали внесения изменений и уточнений в отдельные положения принятого названного закона.

20 апреля 2003 г. Законодательным Собранием Краснодарского края был принят Закон «О внесении изменений в Закон Краснодарского края «О взаимодействии органов государственной власти Краснодарского края и общественных объединений»¹⁵. Внесенными дополнениями заметно расширились права этнических общностей и выражавших их интересы общественных объединений на территории края. Ими определялось право участия представителей общественных объединений в подготовке проектов законов края, других нормативных правовых актов органов государственной власти Краснодарского края.

Согласно внесенным изменениям расширялся обмен информацией, предусматривалось оказание методической помощи, целевое финансирование отдельных общественно полезных программ общественных объединений, предоставление льгот по уплате арендных платежей в краевой бюджет, предоставление в безвозмездное пользование объектов недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности Краснодарского края. Все эти акции содействовали углублению демократизации различных сторон общественной жизни в крае. Эти же меры предпринимались и в других субъектах Южного федерального округа Российской Федерации.

Проблема национальных меньшинств, в частности, применительно к Северокавказскому региону отчетливо прослеживается на примере российских поляков, чья судьба связана с Россией. Представителям этой этнической общности по разным причинам пришлось оставаться на жительство на территории Северного Кавказа. Однако они, как и многие другие этнические общности,

были подвергнуты деструктивным воздействиям со стороны государства.

Изучение разных сторон процесса проживания поляков в регионе позволяет ответить на многие вопросы отечественной истории конца XX века: какими же оставались роль и место национальных меньшинств, в чем заключалась сущность процесса вступления российского многонационального общества в новый этап своего развития, в постсоветский период.

Этот этап характеризовался определенными изменениями в сфере экономики, формированием нового самосознания и национального сознания, установок толерантности в многонациональном обществе. Для него была характерной выработка новых технологий в сфере межнациональных отношений в постмодернистский период, которые базируются на эффективности функционирования системы институтов гражданского общества, отстаивающих жизнеобеспечивающие принципы целостности государства, главенство права в общественных и межнациональных отношениях, мир и гражданское согласие.

Актуальность темы определяется и тем, что ее исследование способно помочь национальным меньшинствам, в частности Северокавказского региона, занять достойное место в системе межнациональных отношений, сложившейся на территории России, показать их роль в создании условий для поддержания в обществе стабильности, мира и гражданского согласия, сохранения целостности государства.

Как отправной момент изучения проблемы национальных меньшинств, которые до этого не были объектом пристального внимания ученых в силу закрытости самой темы, следовало бы рассматривать принятие 14 ноября 1989 г. Верховным Советом СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессированных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», провозгласившей «процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформации и искажений общечеловеческих принципов гуманизма...»¹⁶.

Богатый исторический материал в работах, касающихся разных направлений жизнедеятельности поляков¹⁷, в значительной мере содействовал продвижению изучения этой важной научной проблемы в целом.

Для этого периода характерны публикации трудов обобщающего характера, в которых большое место отводилось и рассматриваемому польскому сообществу на территории России¹⁸, однако, проблема пока не исследовалась в комплексе.

В 1990-е годы – начале XXI в. состоялись многочисленные научно-практические конференции, как общероссийского уровня¹⁹, так и регионального, на которых предметом рассмотрения выступала тема национальных меньшинств, включая, в частности, и российских поляков.

В сообщениях участниками уделялось внимание вопросам национальных меньшинств, подвергшихся репрессиям, а также вопросам их реабилитации в условиях новой демократической России, последующей интеграции меньшинств в региональный социум, связанной с миграционными процессами, а вернее, вовлеченными в эти процессы.

Предметом исследования были формы и методы взаимодействия с другими народами в новых условиях России, поиск путей экономического и этнокультурного развития национальных меньшинств, взаимодействие институтов гражданского общества с государственными органами власти²⁰.

В конце мая 2007 г. в Бухаресте состоялось заседание «круглого стола» «Европейское Сообщество и его политика в отношении национальных меньшинств у его соседей. Роль средств массовой информации в освещении отношений национальных меньшинств в регионе Чёрного моря», в котором приняли участие журналисты и ученые Украины, Молдовы, Турции, Румынии, Грузии, России, Польши.

Организатором мероприятия выступил Региональный центр по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе «Проекта по этническим отношениям» (Project on Ethnic Relations). Это неправительственная организация со штаб-квартирой в Нью-Джерси, основанная пятнадцать лет назад – как раз после распада социалистического лагеря в Восточной Европе и последовавшей затем вспышки этнических конфликтов (возглавляет Ольвия Плакс). Цель PER – способствовать взаимопониманию между народами через доверительный диалог. Проблемы этнических меньшинств относятся к числу основных в его деятельности²¹.

Обсуждался широкий круг вопросов, связанных с освещением национальных меньшинств в средствах массовой информации, а также формы регионального сотрудничества. Все это свидетельствует о том, насколько важной остается проблема национальных меньшинств в жизнеобустройстве европейского сообщества. Однозначно, в современном мире по тому, как относятся в том или ином государстве к меньшинствам, в первую очередь этническим, судят об уровне развития самого государства. Демократия предполагает обеспечение комфортного существования для тех, кто находится в меньшинстве.

Еще до 1917 г. по разным причинам попадали на Северный Кавказ поляки. Фактически они были расселены небольшими по численности группами почти во всех субъектах Северо-Кавказского региона.

В 1944 г. Правительством Советского Союза было принято решение «облегчить» положение граждан польской национальности, переместив их в очередной раз. Поляки должны были перемещаться из северных в южные районы страны. В этом процессе были задействованы 27 363 человека. И снова эшелоны с поляками двинулись из Коми АССР, Казахской ССР, Новосибирской, Молотовской, Иркутской, Архангельской, Кемеровской областей, Каракалпакии (Узбекистан).

Они переезжали на жительство в Орджоникидзевский (Ставропольский) и Краснодарский края, Саратовскую, Воронежскую, Курскую области, в Украинскую ССР.

Несомненно, такая мера рассматривалась Правительством Советского Союза в качестве своеобразного этапа реабилитации и объяснялась стремлением улучшить климатические условия для проживания поляков как неприспособленных к жизни в крайне «неблагоприятных по климатическим условиям северных и южных районах страны». К сожалению, и в новых районах никто особенно не ждал польских переселенцев. Естественно, не были созданы и необходимые условия для расселения.

Принятое постановление СНК СССР № 854-224 «секретно» от 11 августа 1944 г. явилось юридической основой для начала второй, в своем роде самостоятельной, волны переселений поляков на территорию региона. Согласно постановлению как раз и «переселялись в СССР польские граждане (ранее депортированные) из северных и крайне южных регионов страны».

Именно тогда Краснодарское краевое руководство и выразило согласие о расселении поляков в отдельных районах края, в том числе и в Темрюкском районе, в совхозах Тамани²². Здесь многие из прибывших поляков и оставались навсегда, интегрируясь в экономику края, развивали свою культуру в сочетании с русской культурой.

В конце 1940-х годов в Краснодарском крае насчитывалось около 4 тыс. поляков. Количество поляков возрастало. Принятие 3 ноября 1972 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указа «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», содействовало тому, что численность поляков в крае возросла с конца 1950-х годов до начала 1970-х годов на 24,5 %²³. Подобная тенденция на-

блюдалась и в других регионах Северного Кавказа. На территории многих из них поляки проживали небольшими по численности группами.

В последующем многие из поляков сосредоточивались в регионах Юга России. За пределами России, как известно, проживали около 29 млн соотечественников, из них 26 млн русских. В числе соотечественников оставались и представители национальных меньшинств, подвергшиеся репрессивным воздействиям на территории России. К такой категории относятся и поляки, и немцы, цыгане, греки, корейцы, курды, турки-месхетинцы, хемшилы и др. В разное послевоенное время многие из них стали жителями РСФСР.

Как отмечалось на состоявшемся в июне 2002 года Всероссийском съезде в защиту мигрантов, из 8,6 млн человек, прибывших в Россию после развала Советского Союза, только 1,6 млн человек получили официальный статус. Как раз в этом иммиграционном водовороте 1990-х годов и оказались многие из поляков. В числе мигрантов были немцы, корейцы, греки, курды, хемшилы, цыгане и др.

Анализ ситуации, возникшей с иммиграцией названных национальных меньшинств, позволяет определить комплекс ее причин. В числе их можно было бы назвать:

- возвращение ранее подвергшихся репрессивным воздействиям национальных меньшинств на территории своего проживания до депортации в 1930–1940-е годы;

- высокая степень интегрированности в экономику России и адаптации к условиям проживания;

- исторически сложившаяся социокультурная близость населения Российской Федерации, более приемлемая адаптация к российской языковой и социальной среде, родственные отношения;

- фактор многонациональности и многоконфессиональности населения Российской Федерации;

- высокий рейтинг российского образования и возможность получения высшего образования для детей;

- использование территории регионов России как временной для репатриации в свои новые государственные образования (например, Грузия, Крым и др.)²⁴.

Северокавказский регион в силу специфических причин (климатические условия, наличие земельных угодий, жилья и др.) во все времена оставался притягательным регионом России для проживания многих этнических общностей. По разным причинам иммигранты прибывали на Северный Кавказ. Как таковой специальной программы их адаптации применительно к регионам Северного Кавказа на государственном уровне не принималось,

Таблица № 1. Поляки в динамике распределения этнических меньшинств в Краснодарском крае в 1980-е годы — начало 2000-х годов

Название этнических общностей	1980-е годы	2000-е годы	Сфера занятости	Проживание
Поляки	5624	2958	Сельское хозяйство, торговля, образование, медицина, юстиция, культура, наука	По всей территории края

как не принимались подобные программы и в субъектах Северного Кавказа, хотя составлялись планы разного рода переселенческими организациями (управлениями) по приему и расселению прибывавших иммигрантов, осуществлялось ли это в индивидуальном, групповом порядке или по государственному заданию.

Конечно, граждане, принадлежавшие к той или иной этнической общности, в условиях вынужденного переселения испытывали огромные трудности в плане смены устоявшихся стереотипов в их жизни. Им во многом приходилось проводить различные мероприятия по обустройству и адаптации на местах, что требовало больших физических усилий. Облегчению ситуации в этом плане могли бы содействовать государственные органы власти как на федеральном, так и на местном уровне.

Поэтому проблема адаптации, включавшая прежде всего процесс приспособления человека к новой среде, его конкретную деятельность, естественно, оставалась сложным делом и для субъектов Северокавказского региона. Национальным меньшинствам необходимо было на практике развивать взаимодействие с другими народами, приспособливаться к окружающей обстановке. Решение этой сложной социальной задачи во многом зависело от способности представителей национальных меньшинств, вовлеченных в этот процесс.

На разных сторонах одновременно выступали *личность* и та новая *социальная система*, в которой она должна была существовать²⁵. И в данном случае через процесс взаимодействия осуществлялась адаптация к местным условиям. С целью достижения гармонии в отношениях этих двух начал выявлялась необходимость решения сложной задачи, которая зависела от способности самой личности воспринять особенности этой социальной системы, передать все то лучшее, чем обладала сама личность с учетом уровня ее духовного развития. Все это содействовало оптимальному функционированию и развитию самой системы.

Нельзя не согласиться с существующей точкой зрения, что расселение этнических общностей на территории субъектов Российской Федерации, включая и субъекты Северного Кавказа, как и адаптация, проходят без должного контроля со стороны государственных органов власти. А посему для этих процессов характерна спонтанность. Только в последнее время к решению проблемы проявляется научный подход.

С этнокультурной обстановкой тесно смыкается этносоциальная ситуация. Адаптация национальных меньшинств в сфере культуры также очевидна, как и первые два направления. Она протекает в более упрощенной форме и связана с пропагандистско-просветительской деятельностью, в том числе посредством проведения разного рода массовых мероприятий (заметно эффективнее – массовых) в сфере культуры. Это более доступный путь, и он не содержит столь большого количества конфликтных моментов, как, например, сфера производства, где необходимо улаживать проблему трудоустройства, конкуренции в занятии рабочих мест. Эта сфера зачастую является самой острой в плане усугубления положения местного (коренного) населения. Как справедливо замечают специалисты, анализирующие проблему адаптации в теоретическом плане, она «формирует условия для новых межнациональных конфликтов, принимая характер цепной реакции»²⁶.

На наш взгляд, необходимо в этой связи и четко выверенное, отработанное обеспечение нормативно-правовой базы, что играет немалую роль в переводе проблемы национальных меньшинств на правовую основу, цивилизованные формы ее реализации. Это может облегчать положение иммигрантов в плане их обустройства на новом месте проживания, трудоустройства и т.д. Конечно, проще может протекать решение этих проблем при наличии политической воли субъектов Северного Кавказа, куда переселяются мигранты, т.е. когда создаются условия для компактного поселения иммигрантов с учетом этих составляющих компонентов адаптации.

По нашему мнению, интеграция национальных меньшинств в российское общество, в том числе и в социум Северо-Кавказского региона происходит тогда, когда этнические общности не только адаптируются к жизни преобладающего по численности этнического сообщества, но и вступают во взаимодействие с другими этническими общностями, решая общие задачи, вызванные их проживанием в иной языковой и этнокультурной среде. Именно в этой ситуации важно, чтобы государство строго и последовательно выполняло свою обязанность по строительству межэтнических отношений.

Безусловно, национальные меньшинства, адаптируясь в новое сообщество, обязаны учитывать не только мнение и сложившиеся стереотипы поведения окружающей их этнической общности, но и представителей других национальных меньшинств, проживающих с ними совместно в регионе.

Создание системы институтов гражданского общества в 1990-е годы постепенно приобретало государственный масштаб и облегчало ситуацию для национальных меньшинств, в том числе и российских поляков. В связи с этим была подготовлена соответствующая нормативно-правовая база, основой которой явились уже названные законы Российской Федерации «Об общественных объединениях» и «О национально-культурной автономии». Эти документы учитывали особенности современного периода развития общества, содержат в себе принципы, которые способствуют эффективному регулированию процессами национальных отношений в Российской Федерации, сохранению мира и гражданского согласия в российском обществе.

Разработчики законов оставили за национально-культурной автономией большое будущее. Они исходили из того положения, что, в частности, «национально-культурная автономия сможет стать «формой самоопределения этнических общностей в самоорганизации и самоуправлении как культурным, так и социальным, политическим развитием в обществе», а система национально-культурных автономий – «важной формой развития Федерации и управления многонационального общества»²⁷.

Стабильность межнациональных отношений требует политической воли, формирования специализированных общественных структур для реализации политики межэтнического диалога, активизации диалога между общественными объединениями с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Именно в 1990-е годы наблюдалась активная этническая мобильность в среде российских поляков, в том числе проживающих на территории Северного Кавказа. Как теперь уже известно, значительная часть из них были наследниками тех, кто в конце 1930-х – 1940-е годы подвергался принудительному переселению и прочим репрессивным мерам.

Сначала на территории Северного Кавказа стали возникать общественные объединения российских поляков, которые действовали непосредственно под руководством координирующего Всероссийского центра «Конгресс поляков в России» со штабом в Москве. Затем, в связи с трансформацией Конгресса в Федеральную национально-культурную автономию «Конгресс поляков в России», в Южном федеральном округе создавалась сеть

национально-культурных автономий поляков, а также других общественных объединений.

Фактически на территории всех северокавказских республик, где компактно проживали представители польской этнической общности, оформились с начала 1990-х гг. национальные общественные польские объединения. Так, в Кабардино-Балкарской Республике, где были расселены 353 поляка (в Нальчике – 164 человека), в ноябре 2002 г. был сформирован национально-культурный центр «Союз поляков Кабардино-Балкарской Республики» («Пшиязнь» – «Дружба»). По данным В.М. Аталикова, в республике в 2003 г. проживало около 1000 граждан польской национальности²⁸.

Особым направлением деятельности общественного объединения выступало составление родословных поляков, проживающих на территории Северного Кавказа, изучение культуры, традиций, истории польского народа, а также польского языка²⁹.

Отличалась определенной активностью работа общественного объединения «Единство» в Краснодарском крае (рук. Александр Селицкий). Оно было основано в 1994 г. и строило свою деятельность с учетом достижений научной мысли по проблеме институтов гражданского общества. «Единство» объединяло 120 польских семей и являлось членом общественного объединения «Конгресс поляков в России», Краснодарского центра национальных культур и «Союза славян Кубани».

Общественные объединения поляков занимались выстраиванием отношений и выработкой более приемлемых форм взаимодействия с органами государственной власти, что было важным для реализации мер государственной национальной политики с учетом местной специфики, при использовании накопленного опыта органам государственной власти на местах, а также непосредственно опыта институтов гражданского общества.

С 2003 г. национально-культурные автономии поляков в России и другие общественные объединения в Краснодарском крае также стали действовать под эгидой созданной Федеральной национально-культурной автономии «Конгресс поляков в России». Усилия институтов гражданского общества были направлены на защиту интересов граждан-поляков, связавших навсегда свою судьбу с судьбой России.

В Республике Северная Осетия-Алания особенно зарекомендовало себя активной работой зарегистрированное 15 февраля 2001 г. Минюстом республики общественное объединение «Союз поляков Северной Осетии» («Дом польский»).

Если речь вести применительно к Южному федеральному округу, то в числе действующих в Российской Федерации 139 тыс. различных общественных организаций, на Южный федеральный округ, по данным органов Росрегистрации, приходится значительная их часть. Они дополняются еще 3 тыс. религиозных организаций (из 20 тыс. действующих на территории России)³⁰. В них занято огромное количество граждан. Для 1990-х годов – начала XXI в. было характерным вовлечение населения в работу институтов гражданского общества. Несомненно, это был особый этап развития демократизационных преобразований на территории Российского государства. Все эти трансформации испытывало и польское сообщество на Северном Кавказе. Проблема возрождения самобытной культуры национальных меньшинств, включая российских поляков, остается в числе актуальных и на территории Северо-Кавказского региона. Однако вряд ли возможно решение столь актуальной проблемы без необходимой поддержки со стороны органов государственной власти.

Национальные меньшинства бережно охраняют свои традиции и обычаи, заботясь и о культуре народа. Большую работу в этом плане проводят общественные объединения российских поляков. Так, на Северном Кавказе Польский национальный культурный центр «Единство» (Краснодарский край) за счет своих средств и при активной помощи, оказываемой организациями, наладил издание газеты «Польские ведомости» (с 2002 г.) на польском и русском языках. Наряду с этим ведется активная работа по выявлению исторических документов о пребывании поляков в России в целом и на Северном Кавказе.

В местах компактного проживания поляков на Северном Кавказе устраиваются праздники, связанные с отношениями в сфере конфессий, с датами событий в истории польского народа, взаимоотношений между Россией и Польшей, а также вечера, посвященные известным деятелям российско-польских связей, мастерам культуры, композиторам, творческим деятелям Польши и России. В центре внимания находятся и проблемы взаимоотношений двух государств – России и Польши, что имеет первостепенное значение в условиях современного развития и состояния этих контактов.

С 2002 г. проводятся научно-практические конференции по теме «Поляки в России», поддерживается тесная связь с посольством Республики Польша в Российской Федерации с целью поддержания контактов с общественными организациями Республики Польша и налаживания культурных связей.

Под патронажем общественного объединения поляков «Единство» большую работу проводил фольклорно-этнографический ансамбль «Скворонэк» («Жаворонок»), было организовано изучение польского языка, истории, устраивались праздники, связанные с историческими датами польского народа, и религиозные (католическая церковь), проводился поиск исторических документов и материалов, связанных с пребыванием поляков на Северном Кавказе³¹, налажен выпуск своей газеты.

Исследование проблемы национальных меньшинств на примере Южного федерального округа Российской Федерации с использованием опыта деятельности российских поляков Северного Кавказа, в том числе подвергшихся репрессиям, позволяет подвести определенный итог. Это касается прежде всего реализации мер по консолидации национальных меньшинств в новых условиях развития российского государства, улучшению их социального положения на ограниченном географическом пространстве.

Процессы, протекающие в рамках Северокавказского региона, свидетельствуют о необходимости своевременной реакции общества на жизнь национальных меньшинств, определения их роли и места в протекающих национальных процессах, рассмотрения их в качестве органичной составляющей многонационального государства, каким является Россия, ставшая суверенной.

Сохранение этнического, конфессионального и культурного многообразия, межнационального мира и согласия, обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности народов России, в том числе проживающих на Северном Кавказе, является важной стратегической задачей государства и общества. Её выполнение — это гарантия благополучия будущих поколений, фактор стабильного социально-экономического развития России, согласия в обществе и укрепления позиций в мире.

Умелое сочетание теоретической и практической работы с массами, которые осуществляют органы государственной власти на Северном Кавказе через институты гражданского общества, в том числе и российских поляков, является важным инструментом в установлении мира, гражданского согласия в Северокавказском регионе, способствует достижению взаимопонимания.

Несомненно, рассматриваемая проблема требует дальнейшего исследования в плане изучения уже накопленного практического опыта, выработки новых форм и «моделей» взаимодействия между этническими общностями в многонациональном регионе Российской Федерации во имя сохранения мира и гражданского согласия.

¹ Губогло М.Н., Симченко Ю.Б. Этнографические портреты репрессированных народов // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. М., 1993; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.). М., 2004; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-германской научной конференции. Анапа. 23–26 сентября 1994 г. М., 1995; Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России: очерк истории российских корейцев М., 2004; Тетуев А.И. Международные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик, 2006 и др.

² Калинина К.В. Национальные меньшинства в России. М., 1993; См.: Дзидзоев В.Д. В поисках национального согласия. Махачкала, 1992; он же: Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994; Кавказ конца XX в.: тенденции этнополитического развития. Владикавказ, 2004; Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации. М., 2003; О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в 2001 году. М., 2002; Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 год. М., 2003; Материалы Всероссийского совещания «О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (Москва, Дом Правительства Российской Федерации. 18 апреля 2003 г.). М., 2003; Маркедонов С.М.. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. Учебное пособие, М., 2005; Мукомель В. И. Политика по отношению к этническим меньшинствам в субъектах Северного Кавказа и других регионах России: позитивная практика // Право и этничность в субъектах Российской Федерации, М., 2004, Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. М., 2005. Т. 1 – 2 и др.

³ Национальные отношения. Отечественные и международные правовые документы. М., 1998. С. 220.

⁴ См. Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни с пояснительными примечаниями. Лунд, Сентябрь 1999 года. С. 3.

⁵ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. М., 1996. С. 10;

⁶ Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003. С. 178 и др.

⁷ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.). С. 392.

⁸ Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений в документах Верховного Совета, Совета Министров и общественных объединений, Махачкала, 1992. С. 83–84.

⁹ Реабилитация народов России. Сборник документов и материалов. М., 2000. С. 265–267.

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 367. Отчет об итогах деятельности Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий народов и граждан при Правительстве Республики Калмыкия за 1995 г. за подписью председателя Комиссии Б. Ильянова от 10 января 1996 года.

¹³ *Мамаев М.И.* Национальные меньшинства Северного Кавказа в российском и международном законодательстве (конец XX – начало XXI века). Махачкала, 2007. С. 159 и др.

¹⁴ Текущий архив администрации Краснодарского края. Копия с оригинала.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Реабилитация народов России. С. 42.

¹⁷ *Бугай Н.Ф.* Амнезия, реанимация памяти, культурная реабилитация – следствие насильственных переселений поляков в СССР // Россия и Польша. Историко-культурные контакты. Сибирский феномен. Новосибирск: «Наука», 2001; *Селицкий А.* Исторические судьбы поляков на Кубани // Польские ведомости. М., 2002. № 1; *Горецкий В.Ф.* Трагическая память польского народа // УП славянские чтения в Кабардино-Балкарии. Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 2004; *Аталиков В.М.* Поляки в Черкесии // УП славянские чтения в Кабардино-Балкарии. Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 2004; *Большакова А.Ю., Селицкий А.И.* Поляки на Кубани // Межнациональные отношения в Краснодарском крае на современном этапе: перспективы устойчивого развития. Краснодар, 2005 и др.

¹⁸ См.: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.). и др.

¹⁹ Российское государство и национальная общественность: пути и перспективы социального партнерства. Материалы международного «круглого стола» «Национальные общественные объединения: их роль и место в достижении гражданского мира, согласия и дружбы между народами. Тула, 26–27 апреля 2001 г.; Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906 – 2006. (К 100-летию российского парламентаризма). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Adler, 26–30 мая 2006 г.) и др.

²⁰ См., например, Развитие законодательства в Российской Федерации. Материалы второй Международной конференции по федерализму 16 – 17 декабря 1997. М., 1997; Северный Кавказ в условиях глобализации. Тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2001; Материалы Северо-Кавказской научно-практической конференции «Через диалог религий к прочному миру и национальному согласию на Северном Кавказе». Пятигорск, 2003; Репрессированные народы: история и современность. Материалы республиканской научной конференции 30–31 октября 2003. Карачаевск, 2003; Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы докладов IV Международного конгресса. 21–24 сентября 2004. Пятигорск, 2004; Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции «Россия и Кавказ: история и современность». (11–12 ноября 2004 г.). Владикавказ, 2005; Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906 – 2006. (К 100-летию российского парламентаризма). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Adler, 26 – 30 мая 2006 г.); Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2006 и др.

²¹ Подробную информацию о заседании «круглого стола» см. *Артемов М.* Этнический скандал по-румынски // Новая политика/ subscribe.ru/archive/state.politics.novopol/200705/25223050.html

²² См.: *Бугай Н.Ф., Гросул В.Я.* Очерки истории Тамани. М., 1996. С. 120.

²³ См. *Большакова А.Ю., Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: историко-лингвистический аспект // Материалы научно-практической конференции «Межна-

циональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития. Краснодар, 2005. С. 19.

²⁴ Следует отметить, что возможности для интеграции народов на территории Российской Федерации вполне реальные. Их необходимо использовать, чтобы сохранять целостность Российского государства, единство его в дальнейшей перспективе. (См. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания № 29 (317). М., 2006.)

²⁵ Теоретические положения этих явлений, взаимодействия между личностью (мигрантом) и социальной системой подробно изложены в книге: Этническая миграция в Москве. М., 2004 и др.

²⁶ Указ. соч. С. 21.

²⁷ Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001. С. 12.

²⁸ *Аталиков В.М.* Указ. соч. С. 15.

²⁹ См. подробнее: *Горецкий В.Ф.* Трагическая память польского народа // УП славянских чтения в Кабардино-Балкарии. Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 2004. С. 33–34.

³⁰ <http://www.caukasustimes.com/artikle.asp?id=6856>

³¹ *Большова А.Ю., Селицкий А.И.* Указ. Соч. С. 17–21.

Рыбаченок И. С.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БАЛКАНАХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ

В статье проанализированы цели, задачи и методы политики России на Балканах на рубеже XIX–XX веков. Прослежена корректировка методов политики под влиянием изменений международной ситуации и отношений России с Турцией, великими державами (преимущественно Австро-Венгрией) и с государствами Балканского полуострова.

Ключевые слова: внешняя политика России, Балканы, территориальное размежевание, борьба национальностей, методы политики.

«Ящик Пандоры» и даже «пороховой погреб Европы»¹ – такие эпитеты заслужил Балканский полуостров в специальной литературе по международным отношениям, что вовсе не случайно. Этот регион издавна являлся одной из зон столкновения многочисленных разнонаправленных интересов. Противоречия разного уровня – между великими державами, между каждой из них с Османской империей, между Портой и подвластными ей христианскими народами, населявшими полуостров, наконец, между постепенно получавшими государственную независимость балканскими странами – со временем становились всё более сложными.

После того как в 1878 г. на политической карте Европы появился ряд независимых христианских государств, претендовавших играть самостоятельную роль в международной жизни, общая расстановка сил не только на Балканах, но и в мире в целом существенно осложнилась. Борьба за национальную независимость христианских народностей, оставшихся под властью османов, соперничество между балканскими странами за территориальное расширение и за политическое преобладание в этом регионе провоцировали перманентные конфликты и войны. Эти факторы оставались в силе на рубеже XIX–XX вв. и не могли не учитываться Петербургом при проведении политики на Балканах.

Сформулированное в своё время А.М. Горчаковым положение «Балканы – зона жизненных интересов России» – казалось,

оставалось актуальным для Петербурга и на этом этапе. В центре внимания по-прежнему находились два вопроса – статус Проливов и судьбы балканских христиан. Более или менее радикальное решение обоих Россия связывала с окончательным распадом Османской империи. При этом для Петербурга одинаково важными являлись три аспекта её балканской политики: отношения с Турцией; с великими державами, прежде всего с Австро-Венгрией, и с государствами и народами полуострова. Однако традиционно один из приоритетных, балканский вектор российской политики на рубеже XIX–XX вв. как бы отходит на второй план, в известном смысле обеспечивая тыл для активизации действий на дальневосточном направлении. Проследим, как менялись на этом этапе цели, задачи и методы балканской политики России, выявляя те подвижки в представлениях, которые происходили в её правящих верхах.

Как известно, после Берлинского конгресса в Балканском регионе сложилось три различных субрегиона. В первый входили: самостоятельные государства – Болгария, Сербия, Черногория, Греция и Румыния. Во второй – земли, подвластные Османской империи: Фракия, Эпир, Кипр, Крит, албанские и македонские вилайеты. В третий – югославянские территории, оказавшиеся под властью Габсбургской монархии: Славония, Словенские земли, Долмация, Хорватия, Босния и Герцеговина². Политика России как в отношении названных групп, так и каждого из независимых балканских государств в отдельности со временем отчасти менялась.

Программа действий Петербурга по всему спектру отношений с Портой была сформулирована в инструкции МИД И.А. Зинovieву ещё при назначении его послом в Константинополе в 1897 г. (где он оставался до 1908 г.) и в целом не менялась на протяжении всего этапа. Главная задача России заключалась в укреплении дружественных отношений с Турцией, сохранении существующего порядка вещей и поддержке законных интересов султана. При этом российская дипломатия стремилась действовать в Константинополе в контакте со всеми великими державами, прежде всего для того, чтобы воспрепятствовать преобладанию какой-либо одной из них в ущерб собственному влиянию.

Важное для Российской империи стратегическое значение Босфора и Дарданелл никогда не упускалось из виду её правящими верхами, но разрешение этого кардинального вопроса откладывалось до той минуты, «когда Россия в состоянии будет сосредоточить на этом все свои силы». Таким образом, основная цель – получить контроль над Проливами – отодвигалась в туманную даль

грядущего. На ближайшее время задача ограничивалась только тем, чтобы «преградить доступ через Проливы в Чёрное море военному флоту какой-либо третьей державы, пользуясь для сего действием самой Турции» и «оказывая ей поддержку против притязаний государств, стремления которых равно противоположны её и нашим интересам»³. При таких условиях политика России на Балканах неизбежно должна была носить консервативный характер.

Задачу «подморозить» Восточный вопрос с тем, чтобы не провоцировать новых международных кризисов на Балканах и предотвратить развал Османской империи, российская дипломатия сформулировала ещё в ходе Ближневосточного кризиса 1894–1898 гг. В основу политической линии Петербурга с того времени легли осторожность и умеренность. В марте 1900 г. товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф составил записку о политическом положении балканских государств, в которой констатировал миролюбивый характер внешней политики России. Исходя из этого предполагалось строить отношения с балканскими странами, что, по мнению МИД, было необходимо и для их внутреннего развития⁴. Такая позиция чётко отражалась в инструкциях дипломатическим представителям в регионе. Так, при назначении Р.Р. Розена посланником в Афины в инструкции от 5(18) августа 1901 г. подчеркивалось: «Общие начала русской политики на Балканском полуострове направлены, прежде всего, к охранению неприкосновенности власти султана во избежание опасных осложнений, кои легко могли бы явиться последствием несвоевременной постановки на очередь вопроса о разделе Турции»⁵. Сформулированная задача не менялась на протяжении исследуемого периода и в значительной степени была успешно решена.

Традиционными методами балканской политики были: поддержка законных требований христианского населения перед Портой и переговоры с ней при разрешении конкретных вопросов. Этап 1899–1905 гг. потребовал от Петербурга использования как старых, так и новых методов. Ими стали, с одной стороны, укрепление соглашения с Австро-Венгрией (заключенного ещё в 1897 г. и получившего подтверждение в 1903–04 гг.); с другой — опора на принципы невмешательства во внутривосточные дела каждого из балканских государств, а также стремление установить определенное равновесие между ними.

В ходе македонского кризиса применялся и другой метод: Петербург организовал коллективное воздействие на Порту держав, подписавших Берлинский трактат с тем, чтобы добиться проведения административных реформ в подвластных туркам областях,

населенных христианами. Этот метод отчасти уже был опробован, и достаточно успешно, в ходе Ближневосточного кризиса 1894—1898 гг., когда России удалось, организовав совместные усилия держав, локализовать восстание на Крите, не дав ему стать детонатором всеобщего взрыва на Балканах. Так же действовала российская дипломатия и в период нового обострения критского вопроса в 1901—1905 гг. Однако в глазах руководства МИД этот метод отнюдь не являлся аналогом «европейского концерта», считавшегося вредным для интересов России.

Четко сформулировал эту позицию В.Н. Ламздорф во время всеподданнейшего доклада Николаю II 11(24) февраля 1903 г., после того как султан принял программу предложенных для Македонии реформ. Министр, не будучи вообще сторонником «концертов», признавал, что «бывают психологические моменты, когда они необходимы» — так было в Японии (имеется в виду совместное воздействие на Токио Петербурга, Парижа и Берлина в 1895 г. — *И.Р.*), на Крите и в этот раз. «Сговорившись с Австро-Венгрией, мы должны были заручиться поддержкой держав, чего мы и достигли. Без этого концерта мы могли бы оказаться впоследствии в невыгодном положении, — подчеркнул он — так как, если бы у нас произошло какое-либо разногласие с Турцией, то другие державы, конечно, не преминули бы этим воспользоваться, как уже это бывало не раз. Теперь, когда достигнуто то, чего мы домогались, этот концерт нам больше не нужен, и... мы можем распустить музыкантов и действовать впредь самостоятельно, не согласовываясь с Австрией»⁶.

Эта позиция оставалась неизменной и в дальнейшем. В инструкциях, данных Л.П. Урусову в марте 1905 г. при назначении послом в Вене (после смерти П.Д. Капниста), констатировалась важность для России спасти славян от конечного истребления. Именно поэтому она «взяла на себя инициативу совместных действий с Австрией и с ней одной, ибо предшествующий опыт достаточно доказал непригодность «европейского концерта» для достижения практических результатов на турецком азиатском востоке»⁷. Стоит отметить, что надежды на возможность действовать «не согласовываясь с Австрией», или даже вполне самостоятельно, были иллюзорны и рушились, когда дело доходило до кризиса.

Отношения с Австро-Венгрией в балканской политике России занимали особое место. Как известно, существенные промахи и серьезные ошибки Петербурга после окончания Русско-турецкой войны привели в середине 80-х гг. XX в. к частичной потере завоеванных на Балканах позиций, утрате влияния в славянских государствах и даже разрыву дипломатических отношений с

Болгарией⁸. При этом господствующее положение, особенно на юго-западе полуострова, заняла Австро-Венгрия. Опираясь на поддержку Германии и Англии, она активно воздействовала на Болгарию, привязала к себе союзными договорами Сербию и Румынию, с Сербией была заключена военная конвенция.

Ещё в инструкциях П.Д. Капнисту в 1895 г. при назначении послом в Вене взаимоотношения России и Австро-Венгрии однозначно определялись как соперничество. По мнению руководства российского МИД, Балканский полуостров стал для Габсбургской империи той ареной, на которой она стремилась «заменить своим влиянием вековое влияние России, проистекающее из единоверия и единоплеменности»⁹. Но при этом любой вариант разграничения сфер влияния двух империй на Балканах расценивался как неприемлемый. Ни мечты Екатерины Великой и Иосифа II «о черте от Белграда до Салоник», ни проекты Бисмарка договорится о пределах деятельности и влияния каждой из сторон, чтобы устранить поводы к недоразумениям и столкновениям в будущем не могли иметь, считали в Петербурге, «никакого существенного применения». Там обоснованно не верили в то, что соперница ограничится установленными пределами, отказавшись «от своего стремления распространить своё влияние на все государства Балканского полуострова».

Поэтому соглашение 1897 г. (вплоть до его крушения в 1908 г.) Петербург рассматривал не как способ разделить Балканы на сферы влияния, но как средство связать руки Вене в аннексионистских намерениях. Между тем П.Д. Капнист являлся одним из сторонников раздела. Ещё в 1897 г. он предлагал заключить с Веней специальное соглашение. Предварительно установив некоторое равновесие между увеличенными балканскими государствами, Россия и Австро-Венгрия затем провели бы заранее обговоренный раздел европейской Турции своими войсками. В МИД замысел посла сочли крайне рискованным и вредным. В.Н. Ламздорф полагал, что такое соглашение свяжет России руки и обяжет её признать право (подчёркнуто в документе — *И.Р.*) Австро-Венгрии искать компенсаций, взамен занятия Россией верхнего Босфора¹⁰.

Что касается судьбы Боснии и Герцеговины, то связывавшие две империи с конца 80-х годов XIX в. обязательства в Петербурге считали теперь недействительными. Хотя австро-русско-германское соглашение 1881 г. (продлённое в 1884 г.), подтверждало договоренности А.М. Горчакова и Д. Андраши об оккупации Боснии и Герцеговины, отказ Александра III возобновить конвенцию в 1887 г. юридически уничтожил согласие России на окончательное присоединение этих провинций к Австро-Венгрии в

удобное время и декларацию о возможности занять Новипазарский санджак. Поэтому Россия на основе начал международного права считала себя в этом отношении связанной только постановлениями Берлинского трактата, в котором говорилось лишь о праве административной оккупации Боснии и Герцеговины и содержании там австрийских гарнизонов.

Эта позиция не изменилась и в начале XX в. В цитированных уже инструкциях Л.П. Урусову отмечалось, что все сепаратные соглашения с Австрией, расширявшие выгоды, предоставленные ей Берлинским трактатом, потеряли силу и последний является единственной основой взаимных отношений между Россией и Габсбургской монархией. В документе подчеркивалось, что соглашение 1897 г. «отнюдь не должно быть толкуемо в смысле, который пытался придать ему гр. Голуховский, а именно — как соглашение России на присоединение к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины, уже оккупированных ею, и Новипазарского санджака, условная лишь оккупация коего, и притом без существенно необходимого точного определения границ его, предоставляется Австро-Венгрии Берлинским трактатом»¹¹.

На протяжении всего исследуемого периода подспудное австро-русское соперничество за влияние на балканские государства, так же как и их борьба между собой, не ослабевали¹². Но угроза вооруженного столкновения на Балканах и — как следствие его — постановка в повестку дня Восточного вопроса в целом и для Петербурга, и для Вены стала дамочным мечом. Нетерпимость любых смут на Балканах и необходимость до поры до времени согласованных действий в обоюдных интересах — вот те достаточно узкие рамки, в которых действовали российская и австрийская дипломатия с момента подписания соглашения 1897 г., подкрепленного в Мюрцштеге в 1903 г. вплоть до 1908 г.

Важно отметить существенное различие в подходах двух держав к решению проблем: если Петербург стремился умерять разногласия между балканскими государствами (в том числе их соперничество за преобладающее влияние в регионе и в решении вопроса о принадлежности территорий со смешанным населением), то Вена играла на этих противоречиях. Различными были и применявшиеся методы воздействия. Капнист точно сформулировал суть политики Австро-Венгрии на Балканах: во-первых, сохранять status quo пока возможно; во-вторых, в случае передела закрепить за собой Боснию и Герцеговину, обеспечив интересы на Адриатическом море; в-третьих, «поддерживать соперничество и равновесие между мелкими государствами так, чтобы они не могли слиться в одно,

ни чрезмерно усилиться одно на счёт другого»¹³. Этот старый тезис — разделяй и властвуй — и поныне сеет раздоры.

Серьёзную озабоченность России вызвало усиление позиций Германии в Турции и на Балканах¹⁴. Экономическое и военнополитическое проникновение Германии в Юго-Восточную Европу происходило путем предоставления займов (главным образом Румынии, а также Болгарии и Сербии) и получения у Порты концессий на железнодорожное строительство. Уже к началу XX в. берлинские и венские банки прибрали к рукам сеть железных дорог в Юго-Восточной Европе. Выгодные торговые договоры с балканскими странами приносили Германии немалые доходы. Наименее весомым германское влияние было в Греции.

Генеральной линией политики Англии на Балканах традиционно было активное противодействие любыми средствами укреплению там влияния России, а по мере усиления позиций Германии в Турции и на Ближнем Востоке — противостояние натиску австро-германского блока. При этом Англия в полной мере опиралась на свою коммерческую и финансовую мощь. Декларируя свою приверженность развитию независимости балканских государств, британские политики на деле стремились лишь к укреплению экономических и стратегических позиций в регионе. Политическое влияние Англии особенно сильным было в Греции.

Франция, в отличие от Австро-Венгрии и Италии, не имела территориальных притязаний на Балканах и, в отличие от Австро-Венгрии, Германии и Англии, не была основным торговым партнером балканских государств. Но Франция наряду с Англией являлась одной из ведущих держав в мире в отношении вывоза капиталов преимущественно в ссудной форме: деньги вкладывались в основном в государственные займы в европейских (главным образом России) и балканских странах. Для этих последних Франция постепенно стала основным кредитором: накануне Первой мировой войны три четверти государственных займов Сербии, Болгарии, Румынии и Греции были размещены на Парижской бирже¹⁵. Глебов отметил отсутствие устойчивости политической линии Франции на Балканах, подчеркнув стремление её государственных деятелей использовать балканскую карту для разрешения более важных задач, в частности проблемы союзов.

Сфера интересов Италии на Балканах территориально ограничивалась Адриатическим побережьем. Вместе с тем методы её действий были достаточно разнообразны¹⁶. В острой конкурентной борьбе с Австро-Венгрией здесь она сумела получить несколько концессий на разработку полезных ископаемых и право оборудовать порт Бар (ныне Антивари), а также провести железную дорогу

от него к городу Ниш. Позиции Италии существенно усилились в Черногории, тогда как Россия не приняла никаких конкретных шагов, чтобы помешать итальянской экспансии. Рим совместно с Петербургом, Парижем и Лондоном активно участвовал в решении критского вопроса.

Отношения России с балканскими государствами тоже складывались не просто. Основной целью её политики в регионе на протяжении всего периода существования Берлинской системы оставалось поддержание и укрепление своего влияния и престижа. Традиционно спектр методов был достаточно широк — от культурно-просветительских до силовых. Как известно, в славянские земли издавна направлялись русские учителя и врачи, в России обучались выходцы с Балкан; государством, Церковью и общественными организациями жертвовались значительные средства на православные храмы, монастыри, школы; оказывалась материальная поддержка христианскому населению. Наконец, Россия не раз с оружием в руках выступала в защиту балканских христиан. Характерной особенностью этапа, о котором идёт речь, было твёрдое намерение Петербурга не прибегать к оружию, используя исключительно дипломатические средства. Вместе с тем в эти годы Россия участвовала в коллективных морских демонстрациях великих держав для того, чтобы принудить Турцию согласиться с их решением, проводила индивидуальные демонстрации и применяла вооруженные силы для подавления восстания на Крите.

Наученный опытом, Петербург в исследуемый период стремился избегать вмешательства во внутривосточные дела балканских государств и в межпартийные разногласия, существовавшие в каждом из них. Эта позиция всегда обозначалась в инструкциях представителям на Балканах. Так, М.Н. Гирсу (посланнику в Бухаресте), как и его коллегам, предписывалось держаться вне борьбы партий, ибо она «определяется не действительным различием в убеждениях, а скорее личными расчетами политических деятелей»¹⁷. Вместе с тем точно определить границу между вмешательством во внутренние дела и влиянием на них Петербургу было не так просто.

В связи с правительственным кризисом в Сербии в 1899 г. Капнист удачно сформулировал затруднительность положения австрийской дипломатии: «Признать публично разницу между вмешательством, то есть давлением, и келейно производимым влиянием; сознаться, что, отказываясь от первого, прибегаешь ко второму, значило бы отнять у келейного влияния сокровенный его характер, лишить его силы и значения и нарушить профессиональную тайну»¹⁸. В другой депеше посол подметил разницу в

понимании Петербургом и Веной договорённостей 1897 г.: «Соглашение с точки зрения Венского кабинета ограничивает совокупное воздействие России и Австрии исключительно вопросами внешнеполитических вожделений и посягательств балканских государств против существующего порядка вещей, но отнюдь не обуславливает совокупного вмешательства во внутренние их дела». Поскольку, по наблюдениям посла, Голуховский последовательно придерживался метода келейных советов для пользы австрийского правительства, он стремился предупредить всякое совокупное с Россией официальное воздействие на сербского короля¹⁹.

Между тем в Петербурге вполне обоснованно полагали, что «при существовании малейшей возможности крайних решений в Белграде, способных вызвать осложнения на Балканском полуострове, сама собой исчезает грань, которая отделяет чисто внутренние дела от внешних, имеющих международное значение; вследствие чего и вмешательство с целью предотвратить роковой ход событий не только получает полное оправдание, но является даже, безусловно, необходимым»²⁰. Лишь после ряда таких объяснений Вена выразила готовность сделать совместные с Петербургом представления в Белграде. По мнению Капниста, «лишь, в крайнем случае, венский кабинет готов был бы... прибегнуть к энергичным действиям в совокупности с Россией, чтобы разделить с нею ответственность в случае неудачи»²¹.

Хотя опыт 80–90-х годов XIX в. не прошел для правящих верхов России бесследно, доминантой в балканской политике по-прежнему оставался патернализм. Посланник в Болгарии Г.П. Бахметев, описывая торжества в Софии по поводу тезоименитства царя в декабре 1897 г., замечал: русско-болгарское празднование этого дня «в присутствии всех иностранных представителей, как бы наложило официальную печать на залог неизменной дружбы и обоюдного доверия между старшим и младшим славянскими государствами»²². Даже с учётом того, что пафосная риторика посланника была рассчитана на восприятие руководством МИД и царем, она отчетливо отражала психологию многих российских дипломатов. Именно это осознание себя в славянской «семье» «старшим братом», имеющим посему право давать советы и руководить «младшими братьями» в их же интересах, лежало в основе идеологического обоснования политики России на Балканах.

В упоминавшихся уже инструкциях Р.Р. Розену роль России в направлении судеб государств Ближнего Востока формулировалась как стремление «поддерживать законные их вожделения и способствовать самостоятельному существованию их на по-

чве самобытности»²³. В черновике инструкции был ещё один абзац (следовавший за цитированным отрывком). Там говорилось: «В беспристрастном отношении России к интересам всех вообще балканских государств императорское правительство усматривает затем наиболее благонадежный залог их правильного развития и сохранения между ними мирных отношений»²⁴. Этот тезис, не попавший в чистовик, свидетельствует о том, что в отношениях с отдельными балканскими государствами всё же присутствовала доля пристрастности, а конкретные задачи и методы варьировались применительно к каждому из них. При этом нельзя упускать из виду, что факторы общеполитического значения тесно сплетались с родственными связями и личными взаимоотношениями дома Романовых с главами этих государств. Престиж монарха зачастую становился довольно сильным козырем в политической игре, хотя далеко не всегда сам Николай II употреблял его на пользу делу.

Рассмотрим общие черты и особенности, которые имелись в отношениях Петербурга с каждой из независимых балканских стран. Болгария со времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. рассматривалась Петербургом как форпост балканской политики. Там рассчитывали, что, получив независимость благодаря России, страна будет играть ключевую роль на Балканах и станет в её руках послушным орудием. Надежды, как известно, не оправдались, и дело дошло до разрыва дипломатических отношений. Их восстановление в 1896 г. пошло на пользу обоим государствам. В дальнейшем Россия прилагала немало усилий для укрепления международного престижа Болгарии. Вместе с тем прочных экономических позиций в Болгарии Россия не завоевала, так же как и в других государствах Балканского полуострова. Торговля с ними была мизерной, а крупные капиталовложения, как в акционерной, так и в ссудной формах, незначительны по сравнению с западными государствами.

Причина заключалась не только в отсутствии свободных средств, но в характере финансовой политики империи, которая сама нуждалась в иностранных займах. Ситуацию в целом ясно отражает эпизод конца 1901 г. с отсрочкой уплаты болгарским правительством ссуды в 4 млн франков, выданной Россией. На заявление министра финансов С.Ю. Витте об опасности давать деньги в займы балканским государствам Ламздорф ответил, что этой ссуде «никогда не придавал значения *выгодной* (выделено в документе — *И.Р.*) для нас финансовой операции». Он считал, что как министр иностранных дел призван «следить за *политическими* интересами России, на которой, по мнению моему, лежит *нравственная обязанность* приходить иногда, в минуту крайности, на

помощь балканским государствам». Министр был убежден, что «могущественная Россия не может из-за денежных соображений предоставить славянские государства совершенному произволу западноевропейских великих держав»²⁵.

Однако благие намерения не могли помешать активному и успешному проникновению финансового капитала Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии в экономику балканских стран. Для отстаивания собственных позиций в распоряжении «могущественной России» оставались, главным образом, дипломатические приёмы и личное влияние на правителей этих стран. В Петербурге сближение с Софией рассматривали как возможность «влиять умеряющим образом на её вождения в Македонии». При этом болгарское правительство неоднократно предупреждали, что ни Россия, ни другие державы не допустят там агитации, «могущей вызвать восстание» и «поставить на очередь весь Восточный вопрос»²⁶.

Отношения России с Сербией на рубеже веков носили нестабильный характер. Это объяснялось неустойчивостью внешнеполитической ориентации Белграда, с 80-х годов опиравшегося на Вену, обидами на Петербург за его мнимое предпочтение к Болгарии, наконец, межпартийными разногласиями политических деятелей²⁷. Но в Сербии достаточно сильными были и позиции сторонников тесных отношений с Россией, поэтому две линии внешнеполитической ориентации королевства конкурировали. Ориентация на Австро-Венгрию во многом определялась географическим положением Сербии, окружённой с трёх сторон владениями Габсбургов, и тесными торгово-экономическими связями²⁸. Вместе с тем весьма значительной оказалась и роль субъективных факторов.

Негативную роль в русско-сербских отношениях играл король Милан Обренович, за отказ Сербии от проведения национальной политики по объединению сербских земель получивший поддержку Вены при провозглашении себя королём. Отречение в пользу сына кн. Александра, отъезд и последовавшее затем в конце 1897 г. возвращение и влияние Милана на политику страны не способствовали улучшению русско-сербских отношений.

Тем не менее В.В. Жадовский при назначении в январе 1898 г. посланником в Белград, получил предписание «решительно воздерживаться от всяких советов и какого бы то ни было вмешательства в семейные дела королевского дома и вероятной борьбы политических партий»²⁹. Осенью 1898 г. король Милан стал фактически соправителем сына, заняв пост главнокомандующего сербской армии. Но Петербург по-прежнему занимал выжидательную

позицию, надеясь, видимо, на его новый отъезд. Не сложившиеся отношения посланника с королем привели в феврале 1899 г. к отъезду Жадовского в отпуск. П.Б. Мансурову, как управляющему миссией, предписали не вмешиваться во внутренние дела Сербии: в Петербурге полагали, что «вопрос о сохранении добрых отношений наших с балканским государством для России гораздо важнее вопросов о том, живет ли Милан в Сербии или Париже и управляют в Белграде Пашич или Георгиевич»³⁰.

Покидая свой пост с горьким разочарованием, Жадовский подчеркивал твердо установившееся здесь влияние Австро-Венгрии, которое объяснял обязательством России соблюдать статус кво на Балканах на основе австро-русского соглашения 1897 г. и явным нарушением его со стороны Вены. Именно оттуда Милан получал советы и безвозмездные ссуды, которым придавался чисто политический характер. В результате в стране «воцарилась глубокая нравственная смута, которая, — пророчествовал Жадовский, — надолго отнимет у неё способность к самостоятельной жизни»³¹. Режим личной власти Обреновичей обострил внутривластную ситуацию в стране — покушение на Милана в июле 1899 г. дало ему повод обвинить радикалов в заговоре, чтобы расправиться с ними.

Попытка Петербурга уговорить Вену оказать давление на Белград, чтобы смягчить суровые приговоры обвиняемым, поначалу не встретила поддержки. По мнению Голуховского, следствием таких шагов явилось бы усиление позиций России в Сербии, что шло вразрез с принципиальными интересами Габсбургов, «а движение Вены в российском фарватере нанесло бы серьезный удар по её престижу в других балканских столицах»³². Петербургу всё же удалось организовать протесты держав с целью повлиять на решение суда. Однако в годовом отчёте МИД за 1899 г. констатировалось пагубное влияние Милана на направление внешней политики Сербского королевства, руководство которой «всецело перешло в Вену». Тем не менее от соглашения 1897 г. не собирались отказываться.

После скандального решения Александра Обреновича жениться на Драге Машковой — немолодой особе сомнительного поведения и бывшей фрейлине королевы Натальи — она и Милан в августе 1900 г. покинули Белград уже навсегда. Молодой король Александр выразил явную склонность наладить отношения с Россией, обратившись к Николаю II с просьбой быть на свадьбе «кумом» (посаженым отцом). П.Б. Мансурову поручили присутствовать на бракосочетании в качестве заместителя русского царя. Пользуясь ситуацией, Петербург попытался взять дипломатический реванш. Н.В. Чарыкову, назначенному в январе 1901 г. посланником в

Белграде, советовали влиять на сербские дела через королеву Драгу³³. Хотя прежняя линия на невмешательство в дела балканских государств и поддержание спокойствия на полуострове, опираясь на соглашение с Веной, сохранялась, намерение противостоять усилению ей звучало более отчетливо.

Чарыкову удалось немало сделать для укрепления позиций России, но очередной переворот 9 мая (11 июня) 1903 г., в ходе которого король Александр и королева Драга были убиты, привёл к смене династии – королём Сербии стал Петр I Карагеоргиевич³⁴. Дипломатические представители иностранных государств были отозваны из страны до тех пор, пока в свите нового короля остаются офицеры – участники заговора.

Для Петербурга была неприемлема не только страшная расправа, но сам факт цареубийства. Процесс налаживания отношений затянулся, и новый посланник Губастов, назначенный в марте 1904 г., прибыл в Белград лишь в июне. Ему предписывалось дружескими советами сербским министрам побуждать Белград к сдержанным отношениям с Веной, предостерегать от увлечения советами Рима и поддерживать тенденцию к сближению Сербии с Болгарией и Черногорией³⁵.

Черногория, казалось, больше, чем другие балканские государства, придерживалась прорусской ориентации в своей внешней политике³⁶. В России на Черногорию традиционно смотрели как на верного союзника, чем определялась поддержка её в военном плане. Сюда из России поставлялось оружие и боеприпасы, в начале XX в. русские офицеры активно работали над модернизацией черногорской армии. Многотысячные субсидии из России десятилетиями поступали на содержание княжеского двора, высшего чиновничества, армию и школу. Правда, по большей части деньгами безотчетно распоряжался князь Николай I, в результате бюджет постоянно был дефицитным.

Вместе с тем прочных экономических позиций в Черногории, так же как и в других балканских странах, Россия завоевать не смогла да и не старалась. Проекты концессионных договоров на разработку полезных ископаемых, эксплуатацию лесов и постройку железнодорожной линии от Никшича до Бара (с оборудованием там порта) были в 1903 г. отвергнуты С.Ю. Витте³⁷. Как в Софии и Белграде Петербург старался прежде всего опираться на свой престиж и личное влияние. Назначая П.М. Власова министром-резидентом в Цетинье в январе 1901 г., ему предписали поддерживать «узы религиозного и кровного родства»³⁸. Эти узы сложились давно, а в рассматриваемый период они подкреплялись родственными отношениями правящих династий: дочери князя Черно-

рии Николая I Анастасия и Милица были замужем за великими князьями из дома Романовых. «Черногорки» имели большое влияние на супругу Николая II Александру Федоровну.

Добросовестный и внимательный наблюдатель, Власов сразу заметил расточительность князя Николая I и непоследовательность его внешнеполитического курса, отражавшуюся, в частности, в том, что по его заданию сыновья Данила и Мирко делили роли австрофила и русофила. Власов предложил установить контроль над финансами страны, но не встретил поддержки начальства. Сменивший Власова в 1903 г. А.П. Щеглов с тревогой сигнализировал об усилении в Черногории экономических и политических позиций Италии. Тем не менее всё оставалось по-прежнему в отношениях петербургского и цетинского дворов.

Характерен нашумевший эпизод с отозванием по требованию князя Николая I секретаря миссии Ю.Я. Соловёва. Он не только отклонил приглашение княжича Данилы участвовать в празднестве по случаю открытия здания итальянской фабрики, но обратился с письмом к министру иностранных дел Черногории, напомнив о неуместности такового в день получения известия о гибели русской эскадры у Цусимы³⁹.

Греческий вопрос играл значительную роль в политике великих держав, и потому Афины являлись важным узлом политических и личных интриг. В России Грецию рассматривали «как один из главных факторов в системе балканских государств»⁴⁰. Вместе с тем в Петербурге не могли не замечать явных антирусских настроений. Их объясняли честолюбивым характером современных греков, считавших себя наследниками Византийской империи. Это нашло отражение в том, что наследника греческого престола претенциозно нарекли Константином.

Долгое время оставался открытым и вопрос о судьбах Крита, существенно осложняя русско-греческие отношения. Хотя кроме Греции ни одно из балканских государств не претендовало на присоединение этой территории, находившейся под сюзеренитетом Турции, исключительное стратегическое положение острова на пересечении важнейших морских путей в Средиземноморье делало его привлекательным объектом в соперничестве европейских держав.

К тому же многочисленные и тесные родственные связи соединяли многие европейские дворы с Афинским. Не исключением был и Петербургский. Великая княжна Ольга Константиновна (племянница Александра II) стала женой греческого короля Георгиоса I. В. Кн. Георгий Михайлович (внук Николая I) был женат на их дочери — Марии, а великая княжна Елена Владимировна

вышла замуж за принца Николая, третьего сына короля. Вследствие этого жизнь русской дипломатической миссии в Афинах вертелась вокруг двора, что создавало большие трудности в работе последовательно сменявших друг друга посланников: Ону (1890–1901), Розена (1901 г.), Щербачева (с января 1903 г.). По словам Розена, миссия была обращена в «придворную контору»⁴¹.

Существенно осложняла деятельность русской миссии в Афинах и чересчур активная позиция королевы Ольги Константиновны, и отношения этой последней с Морским министерством. Ближайшей подругой королевы стала вдова сына М.Н. Каткова, а позже леди Эджертон — жена английского посланника.

В инструкциях Щербачеву в январе 1903 г. также подчеркивалось «единство веры, исторические традиции и родственные связи», опираясь на которые, Петербург надеялся, что эллинское правительство будет прислушиваться к его советам и воздержится от будирования Критского вопроса и вмешательства в македонскую смуту.⁴² Личные связи во многом способствовали тому, что во время Русско-японской войны несколько русских канонерских лодок нашли приют в греческих портах.

Румыния не была обижена на Берлинском конгрессе, получив территориальное приращение, однако утрата ею южной Бессарабии, возвращенной России, стала источником тлеющего конфликта. В этих условиях прорусская ориентация правящих верхов Бухареста полностью исключалась. Ещё в октябре 1883 г. Румыния подписала договор о вхождении в Тройственный союз; характерно, что единственный экземпляр документа хранился в личном сейфе короля Карла⁴³. Точные сведения об австро-румынском соглашении тщательно скрывали от России. В сентябре 1901 г. военный министр А.Н. Куропаткин запрашивал Ламздорфа о достоверности факта существования военной конвенции между Веней и Бухарестом, на что министр иностранных дел был вынужден ответить, что таковыми он не располагает⁴⁴.

Тем не менее в Петербурге учитывали важность географического положения Румынии как причерноморского и придунайского государства, территория которого лежала между балканскими странами и Россией, с одной стороны, и балканскими странами и Австро-Венгрией с другой. Кроме того, через Румынию шел путь к Константинополю и Анатолии, району, из которого Германия стремилась создать опорный пункт для расширения своего влияния на Ближнем Востоке. Не случайно в течение ряда лет германская дипломатия боролась за получение концессий на проведение телеграфной линии и железной дороги Константинополь — Констанца, чего в итоге и добились.

Поэтому одна из задач М.Н. Гирса, назначенного в октябре 1902 г. посланником в Бухарест, формулировалась в инструкциях ему чётко: противодействовать австро-германскому влиянию в стране⁴⁵. Вместе с тем политикам в Бухаресте следовало внушать, что Россия поддерживает славянские государства не в ущерб Румынии. Подчеркнув, что эпоха обострения русско-румынских отношений в основном миновала, руководство российского МИД рекомендовало акцентировать общность интересов двух стран в дельте Дуная. Сын бывшего министра иностранных дел Н.К. Гирса, новый посланник, по отзывам коллег, отличался «необыкновенной осторожностью даже в разговорах с глазу на глаз», был «скрытным, хитрым дипломатом-византийцем» и «пунктуальным исполнителем министерских инструкций»⁴⁶. Он сумел завоевать для себя и состава миссии хорошую репутацию и действовал достаточно активно.

Хотя в 1901 г. между Россией и Румынией была заключена двусторонняя конвенция о рыболовстве, оставалось много других проблем. Сохраняя надежду присоединить к румынской короне Бессарабию, Бухарест затягивал установление постоянной и окончательной границы с Россией по р. Прут, которая изменила русло и фарватер по сравнению с 1878 г. Переговоры, начатые осенью 1903 г., не завершились и в 1910 г.⁴⁷

Русско-австрийское противостояние на Балканах проявлялось также в соперничестве за пути коммуникаций: выбор направлений железнодорожных линий и свободу судоходства по Дунаю. Австро-Венгрия давно проектировала построить железную дорогу от Сараево (где она соединялась бы с боснийской сетью) через Новипазарский санджак до Митровицы (где она смыкалась бы с румелийской). Такая дорога, перерезая Балканы с северо-запада на юго-восток, позволила бы Австро-Венгрии и Германии создать путь от Берлина и Вены до Салоник, дав им экономическое и политическое преобладание в регионе. Проект, став известным в 1900 г., вызвал тревогу не только в Белграде, но и в Петербурге, Париже и Риме. Проект другой трансбалканской линии (составленный ещё в 90-е годы) Дунай — Ниш — Адриатическое море давал Сербии выход к побережью, с одной стороны, а, с другой, при постройке моста через Дунай, мог бы соединиться с русской сетью. Не имея собственных средств, Белград обратился в Петербург и Рим, но и русское и итальянское правительства от финансового участия в строительстве отказались. Провалились и совместные попытки французских и итальянских предпринимателей получить концессию от Порты. События 1903-1904 гг. в Македонии сняли вопрос с повестки дня⁴⁸.

Судоходство по Дунаю регламентировалось с 1856 г. двумя международными комиссиями. В Европейскую Дунайскую комиссию (ЕДК) вошли представители держав, подписавших Парижский мир, а в Постоянную Дунайскую прибрежную комиссию – государств, имеющих выход к Дунаю. Срок полномочий первой ограничивался двумя годами, после чего вторая принимала все функции на себя. Но комиссию представителей придунайских государств так и не создали, а ЕДК превратилась в постоянную. Тем самым права прибрежных государств нарушались. Возвращение Бессарабии России в 1878 г. вновь сделало её придунайской державой, и поэтому западные державы на Берлинском конгрессе укрепили ЕДК, чтобы противостоять влиянию России на Балканах.

Все попытки России ликвидировать ЕДК и возродить комиссию прибрежных государств встречали отпор. Поскольку по решению Берлинского конгресса Австро-Венгрия имели право единолично проводить исправительные работы у Железных ворот и взимать таксу с проходящих судов, то в 1899 г. она задумала контролировать торговлю по Дунаю при помощи высоких такс. Петербург в меморандуме державам от 11(23) сентября 1899 г. заявил о нарушении Веней прав прибрежных государств и предложил совместно урегулировать вопрос. Однако Берлин, Лондон и Рим поддержали Вену, а Париж, отговорившись отсутствием специальных интересов на Дунае, ограничился готовностью рассмотреть вопрос с юридической точки зрения. И только совместная работа Петербурга и Бухареста заставила Вену значительно снизить таксы⁴⁹.

Сложный комплекс противоречий и взаимных претензий серьёзно обострял отношения между балканскими государствами. Родственные народы Сербии и Черногории разделяла смертельная вражда двух династий – Обреновичей и Карагеоргиевичей⁵⁰, каждая из которых претендовала на роль флагмана в осуществлении великой сербской идеи – Душанова царства. Обе стороны претендовали на Новипазарский санджак, лежащий между их территориальными владениями, – стратегически важный район Балкан, находившийся под суверенитетом Турции.

Попытки сторон наладить стабильные взаимоотношения оказались безуспешными. С 1900 г. руководители в Белграде и Цетинье тщились договориться о совместном противодействии планам Австро-Венгрии провести железную дорогу из Боснии через Новипазарский санджак в Салоники, построив вместо неё линию, которая связала бы их территории для выхода в Адриатическое море. Но в 1903 г. сербский посланник был отозван из Цетинье, а

переговоры о союзном договоре двух стран в середине 1905 г. были прерваны из-за отказа Сербии предварительно разграничить сферы влияния в Новипазарском санджаке, Метохии и Албании.

Болгария, Сербия и Греция оказались непримиримыми соперницами за лидерство в регионе в целом. Мечтавшие о великом «Болгарском царстве от моря до моря», софийские лидеры хотели присоединить к себе всю Македонию (реализовав Сан-Стефанский проект Н.П. Игнатьева), но на часть этих территорий претендовали Сербия и Греция. Последняя, так же как и другие балканские государства, лелеяла свою — Мегали-идею, которая в этот период приобрела великодержавные черты, связанные с пропагандой превосходства «расы эллинов» над другими народами полуострова⁵¹. Считавшие себя наследниками Византийской империи, афинские политики под эгидой этой идеи жаждали установления своего господства на Балканах. Судьба Македонии волновала также и Румынию: родственные румынам куцовлахи населяли эту территорию наряду с греками, болгарам, сербам, турками и другими народностями. Государственные деятели в Бухаресте опасались, что при дележе Македонии по национальностям, а затем и округлении границ соседних балканских государств, румынское королевство не получит ничего.

Взаимные территориальные претензии независимых балканских государств, тесно сплетаясь с националистическими идеями, придавали их соперничеству затяжной и непредсказуемый характер. В.Н. Виноградов обратил внимание на факторы, прежде недостаточно принимавшиеся во внимание: сербы, черногорцы, македонцы относились к миру восточноевропейскому, славянскому; хорваты и словенцы, будучи по языку славянами, тяготели к западу, к Германии; мусульмане давно и прочно вошли в орбиту ислама. «Эти различия сказались на менталитете народов, отсюда — множество противоречий не только экономических и политических, порожденных обстановкой, но и социально-психологических и культурных, отсюда — сильнейшая склонность к отторжению». Исследователь констатировал, что сама история развела в разные стороны близкородственные по крови и языку народы полуострова⁵².

На эту тему размышляли раньше и отдельные российские дипломаты. Так, Розен в 1902 г. развивал мысль о том, что племенное родство между народами не составляет гарантии сохранения дружественных между ними отношений, когда сталкиваются их противоположные жизненные интересы. Он справедливо считал национальные стремления законными, а потому неудержимыми. Но в поисках решения проблемы дипломат предполагал, что, «быть может, настанет время, когда для нас окажется желательным най-

ти в эллинизме противовес против чрезмерных притязаний ныне покровительствуемых нами хозяев Балканского полуострова». Процитированный пассаж из депеши Розена был отмечен рукой Николая II, решительно начертавшего на полях: «Никогда!»⁵³.

Безмерную сложность проблемы территориального размежевания на Балканах прекрасно понимали русские военные деятели. В записке Главного штаба, составленной в ноябре 1902 г., констатировалось: «Этнография при её запутанности не может послужить основой для разграничения сфер; страстность не только непосредственно заинтересованных, но даже иностранцев, вносит невообразимую путаницу понятий. Здесь нужно властное слово России, основанное на почве истории и проникнутое идеей справедливости вывода к морю славянских государств»⁵⁴. Между тем в головах некоторых российских дипломатических агентов на Балканах витали планы радикальных решений, осуществление которых, по их мнению, было бы предпочтительнее, чем излишне осторожная позиция руководства МИД.

Посланник в Белграде Н.В. Чарыков главную причину несогласий Сербии и Болгарии видел в том, что обе не принимают во внимание интересов других народностей. В марте 1903 г. он составил проект раздела Европейской Турции между балканскими народами, который, по его мнению, соответствовал и интересам России⁵⁵. Чарыков предложил распределить территории между балканскими странами так: Сербии предоставить выход к морю по линии: Белград – Ниш – Ристовац – Ускюб (Скопье) – Салоники; Болгарии отдать турецкие территории к югу и востоку от границы княжества (как было предусмотрено Сан-Стефанским договором) и присоединить к ней Халкедонский полуостров; Греции предоставить южную часть Македонии между новой болгарской границей и Янинским вилайетом; а из Янинского и Скутарийского вилайетов создать автономную Албанию. При этом к Австро-Венгрии окончательно присоединить Боснию и Герцеговину с условием их автономного устройства и обеспечения интересов Православной Сербской Церкви.

Что касается Константинополя, то его Чарыков мечтал сделать вольным христианским городом, создав для управления особую администрацию из представителей всех балканских государств под верховным наблюдением и руководством России. Осуществить сей прожект предполагалось по предварительному соглашению с великими державами. На чём основывалась его надежда получить таковое, сказать затруднительно.

Р.Р. Розен призывал вообще отказаться от охранительной политики в Турции, не увлекаться «всеславянскими мечтаниями»,

вовсе «эмансипироваться» от балканского вопроса и договориться с Австро-Венгрией о разделе Балкан на сферы влияния. Весьма поверхностно знакомый с многовековыми проблемами региона (он около полугода был посланником в Белграде и менее двух — в Афинах), позже, в мемуарах, написанных в эмиграции, Розен, обличал политическую линию руководства МИД: «Наша политика на Ближнем Востоке не является тем стройным, на столетие вперёд определённым планом действий, каким любит его себе представлять наше общественное мнение, когда речь идёт о наших “исторических задачах” и о нашей “традиционной политике”»⁵⁶.

Действительно, в Петербурге не было разработано продуманного «на столетие вперёд» плана действий на Балканах, да это и невозможно, поскольку в политике приходится действовать, соотносясь с обстоятельствами и учитывая множество привходящих факторов. Идея раздела, как известно, шла вразрез с линией МИД, нацеленной прямо противоположно. Осуществление разработанной по договоренности с Веней программы административных реформ в трёх турецких вилайетах, составлявших так называемую Македонию, должно было стабилизировать положение, а не обострять его⁵⁷.

Ещё одним фактором, осложнявшим противоречия между балканскими государствами, был церковный вопрос. Как известно, в оставшихся под турецким владычеством в Европе областях вопросы принадлежности к тому или другому христианскому вероисповеданию приобретали политическое и административное значение. Порта разделяла национальности по их вероисповеданию, имевшему каждое своё отдельное церковно-административное управление. Так, армяне подлежали ведению Армянского патриарха, греки — Вселенского, болгары — Экзарха и т.д. При этом болгарские деятели сопротивлялись выделению автокефальной церкви для княжества, поскольку в этом случае Экзарх лишился бы оснований пребывать в Константинополе как покровитель болгарских подданных во всей Турции, а, следовательно, непосредственного влияния на Порту.

Одной из главных причин недовольства Сербии являлось то, что сербская национальность в Турции не признавалась, поскольку в Константинополе не было церковно-иерархического её представителя. В македонских вилайетах сербы вообще оставались за штатом между болгарскими и греческими православными. С огромными трудностями Белграду изредка удавалось получать бераты (специальные разрешения Порты) на церковную деятельность в той или иной местности, а это означало право вести церковную службу и преподавание в школах на родном языке. Затяжной

конфликт между Болгарией и Сербией по поводу назначения сербского епископа Фирмилиана митрополитом в Ускюбе приобрел политический характер, причем обе стороны выражали недовольство Россией, от которой ожидали поддержки своей позиции. Российский консул в Солуни считал, что «взаимная распря между сербскими и болгарскими элементами в Македонии скорее искусственно подогревается различными политическими деятелями, а само население далеко не проникнуто такой неприязнью»⁵⁸.

Существенным фактором религиозной розни была и деятельность греческого духовенства. Пользуясь тем, что в силу исторических условий значительная часть православного населения Турецкой империи была подчинена греческой иерархии, её представители стремились превратить православие в орудие для проведения идей эллинизма. В инструкциях посланникам в Афинах постоянно подчеркивалось, что «Россия не может сочувствовать таковым их вождениям». Русским дипломатам предписывалось в беседах с государственными деятелями Греции и его духовенством сдерживать панэллинизм, разъяснять опасность возбуждения розни в среде единоверных народностей⁵⁹.

Как справедливо утверждал Капнист в письме Ламздорфу от 29 июля (11 августа) 1903 г., «на Балканском полуострове политическое движение до сих пор было невозможно без некоторой религиозной подкладки и, наоборот, каждый религиозный вопрос находился в связи с политическим или административным». Ясным доказательством служил тот факт, что болгарские, греческие, и сербские элементы, все принадлежащие к православию, тем не менее вели между собой ожесточенную борьбу именно на церковно-административной почве⁶⁰.

Между балканскими государствами, по образному выражению русского посланника в Афинах Е.П. Демидова, долгие годы шла «упорная, кровавая — крестом, школой, оружием — борьба национальностей»⁶¹. Хотя это высказывание относится к 1913 г., когда Болгария, Сербия и Черногория сошлись на поле брани, существование такой вражды отлично видели в Петербурге и на рубеже веков. Ещё в инструкциях В.В. Жадовскому, назначенному в январе 1898 г. посланником в Белград, отмечалось: «При таких условиях едва ли возможно думать о каком-либо единении между славянскими народностями Балканского полуострова, к чему мы не переставали стремиться в последнее время в интересах общего умиротворения»⁶².

Но, несмотря на трудности добиться славянского единства, в Петербурге не оставляли попыток хотя бы сглаживать имевшиеся противоречия, лишь бы дело не дошло до войны между ними.

При этом на Певческом мосту и, казалось, даже в Зимнем дворце, отдавали себе отчет в её возможных последствиях не только во внешнеполитическом, но и во внутривластном аспекте. Во время всеподданнейшего доклада 11(24) февраля 1903 г. Ламздорф, говоря о нежелательности войны вообще, напомнил Николаю II о тех последствиях, которые имела война 1877–1878 гг. в области революционной пропаганды: «Тогдашнее общественное мнение влияло на решения, принимавшиеся правительством, — утверждал министр, — чувствовалась некоторая слабость и непоследовательность, чем и пользовались вожаки передовых партий»; на что царь заметил: «И всё это привело к 1 марта»⁶³.

Учитывая ту важную роль, которую играла пресса в формировании общественного мнения, МИД пояснял свою позицию по балканской политике, публикуя специальные правительственные сообщения, статьи и заметки для воздействия на своих и зарубежных читателей. Тактика сотрудничества с Веной в целях сохранения статус-кво встречала непонимание и противодействие российской общественности. На страницах многих периодических изданий отечественную дипломатию обвиняли в отказе от традиционной политики поддержки славянства, в сговоре с его исконным противником — германизмом. Таким образом, российской дипломатии зачастую приходилось бороться на два фронта — внешнем и внутреннем. Тем не менее охранительная политика, которой придерживался Петербург и которую настойчиво и умело осуществлял Ламздорф, оказывалась для Российской империи в тех условиях оптимальной.

Важной составляющей в отношениях между Россией и балканскими правительствами был вопрос о военном сотрудничестве в случае борьбы с Турцией. Опыт такого взаимодействия с болгарскими, черногорскими, сербскими и румынскими боевыми силами в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и теперь подпитывал надежды руководителей этих государств опереться на помощь «брата русса» при осуществлении своих территориальных притязаний.

Для решения македонского вопроса в своих интересах болгарская правящая верхушка с конца 90-х годов пыталась заручиться поддержкой России, заключив с ней секретную военную конвенцию. Но во время бесед военного министра Паприкова в марте 1900 г. в Петербурге с русскими военными и дипломатами, выяснилось, что там вовсе не помышляют об активных действиях на Балканах⁶⁴. Миссия премьер-министра С. Данева в марте-апреле 1902 г. оказалась более успешной. В Петербурге согласились начать переговоры о заключении военной конвенции, не придавая

ей характера политического союзного договора. Наконец в ходе официального визита болгарской правительственной делегации в Петербург в мае 1902 г. тайная военная конвенция была подписана Куропаткиным и Паприковым. Её текст, выработанный в Главном штабе России и согласованный с МИД, не предусматривал действий ни против Турции, ни против другого какого-либо балканского государств».

В новых международных реалиях рубежа XIX–XX вв. правящим верхам России было существенно проанализировать возможность привлечения армий славянских государств к совместным военным действиям. С этой целью в ноябре 1902 г. в Главном штабе была составлена весьма секретная записка с характеристикой вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза. За подписью генерал-лейтенанта В.В. Сахарова, генерал-майора Жилинского и полковника Алексева она была представлена военным министром генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным Николаю II и одобрена им.

Вооруженные силы славянских государств Балканского полуострова, по оценке Главного штаба, достигавшие в совокупности 500–600 тыс. человек, хотя и неодинаковые по своим качествам и боевой подготовке, могли принести значительную пользу в предстоящей России борьбе. Военные деятели России ясно отдавали отчёт в существенном различии политических программ и целей правительств Сербии, Болгарии и Черногории, осложненных к тому же взаимным недоверием. Вместе с тем они полагали, что для «победы в предстоящей решительной борьбе мира славянского с германским (который, быть может, окажется в союзе с мусульманским)» необходимо наличие двух факторов. Правители балканских государств должны проникнуться в области политики – «исключительной важностью идеи, сознанием солидарности, духом взаимного примирения», а в военной области – установлением «единства в деле подготовки вооруженных сил».

Роль России состояла в том, чтобы выработать известную программу, в осуществлении которой преемственность не зависела бы от личных взглядов сменяющихся руководителей и исполнителей, и выступить советницей в организации войск, а затем руководительницей при возникновении войны. По мнению военных, «единство мысли внесет и необходимое единство в действиях, имеющих охватить обширное пространство». Строки о программе были отчеркнуты красным карандашом рукой царя, а последний пассаж удостоился его ремарки: «Да».

Поскольку предполагалось, что Румыния явно встала на сторону Тройственного союза, её рассматривали как врага России в случае столкновения на западной границе. Болгария, Сербия и Черногория по симпатиям и убеждениям массы населения причислялись к естественным союзникам России. Однако размеры той пользы, которую она могла извлечь из их участия в борьбе, по мнению авторов записки, «будут находиться в полной зависимости от характера их взаимных отношений, их единодушия и от способности их подчинять свои частные стремления, цели и желания общему благу и высшим целям всего славянства».

Идеологические клише о борьбе славянского и германского миров и якобы существующих высших целях всего славянства не мешали военным адекватно констатировать наличие свойственной славянам розни и даже антагонизма в отношениях Болгарии и Сербии, с одной стороны, Сербии и Черногории – с другой, в их притязаниях на Македонию. Также ясно видели они сильное влияние австро-венгерской дипломатии на болгарских и сербских деятелей. Взаимное недоверие между этими политиками было способно свести на нет всю возможную пользу для России от вооруженных сил славянских государств, если в минуту борьбы они решились бы сводить свои счёты.

К столкновению в Европе, считали военные, Россия могла быть принуждена или нападением на неё держав Тройственного союза, или обстоятельствами, вынуждающими приступить к окончательному решению Восточного вопроса, начав с захвата Проливов. Чтобы создать выгодную обстановку для вооруженной борьбы, авторы записки предлагали два средства. Во-первых, устранить главные причины к недоверию между Болгарией и Сербией, установив основные принципы вознаграждения за участие в войне и заранее справедливо определив сферы их влияния в Македонии, «принимая при этом во внимание в мере возможности весьма сложные исторические и этнографические условия на Балканском полуострове»). И, во-вторых, оттянуть Румынию от союза с Австро-Венгрией.

Анализ боевых сил балканских государств, их организации, вооружения и снаряжения, условий сосредоточения определял задачи, которые могли быть на них возложены, а именно: «привлечь к своим границам возможно большее число войск противника» с конкретизацией роли Болгарии, Сербии и Черногории. Вознаграждением должно было стать освобождение Македонии и Старой Сербии от власти турок и спасение от притязаний австрийцев, а также защиты славян от албанского элемента, получившего значительную силу в ущерб всему окружающему населению. Авторы

записки понимали всю трудность задачи, но основной принцип раздела долей турецкого наследства между каждым из будущих союзников формулировали, также опираясь на принцип патернализма. «Никакие их приращения не могут быть получены иначе, как с соизволения и одобрения России, ибо только её победой над немцами, германскими и австрийскими, и могут быть эти приращения получены славянами и закреплены за ними» — утверждалось в записке. Помета Николая II на полях документа в этом месте — «Верно» — свидетельствовала об однозначном одобрении им этого тезиса⁶⁵.

Информацию о вооруженных силах балканских государств поставляли военные агенты России. В декабре 1902 г. Военное министерство рассматривало вопрос об учреждении самостоятельной должности такого агента в Черногории. К этому времени обязанности военного агента в Сербии и Румынии (с июля 1899 г. по октябрь 1901 г.) выполнял подполковник Е.А. Леонтович, совмещая их с октября 1901 г. с таковыми же по Болгарии и Черногории. В Греции на этой должности (с июня 1900 г. до 1906 г.) состоял подполковник И.А. Хольмсен. Весной 1902 г. военная агентура России была разделена на две части — одна для Болгарии, другая — для Сербии и Черногории; в Софии эту миссию (до конца 1904 г.) выполнял полковник Н.И. Протопопов, а в Белграде и Цетинье — полковник И.Н. Сысоев. В Бухаресте (с октября 1901 г. до 1905 г.) действовал подполковник М.Н. Леонтьев⁶⁶.

В конце 1902 г. Главный штаб считал нецелесообразным присутствие отдельного агента в Черногории. Военные опасались, что значительное усиление в последнее время российской агентуры на Балканах обратит внимание других заинтересованных в судьбе полуострова европейских государств и приведет к учреждению подобных должностей, что «не представляется желательным в интересах России»⁶⁷. Однако необходимость контроля за реформированием черногорского войска и правильностью расходования субсидии на её военные нужды побудила в июле 1903 г. назначить постоянным военным агентом в Цетинье подполковника Н.М. Потапова. Решение определялось тем, что из черногорского войска хотели создать боевую силу, на которую можно было рассчитывать, так как, по мнению военных, «Черногория никогда не потеряет значения горного плацдарма, лежащего на фланге наступления австрийцев в Македонию по узкому 50-верстному перешейку, разделяющему ныне владения Сербии и Черногории»⁶⁸.

С первых же русских военных неудач на Дальнем Востоке князь Николай черногорский отчетливо проявил свой оппортунизм, заискивая у Австро-Венгрии и Италии. В мае 1905 г. Потапов ставил

перед Военным министерством вопрос о прекращении субсидии в её первоначальной форме, срок которой истекал 1 января 1906 г. По докладу начальника Главного штаба Сахарова Николай II 7(20) июня 1905 г. одобрил продление выдачи субсидии на новое пятилетие. Однако 17(30) июля Ламздорф предложил Сахарову пока не объявлять об этом и усилить контроль над расходованием средств. В конце августа решили возобновить пособие только на год.

В течение двух с половиной лет Потапов энергично и достаточно плодотворно трудился на своем посту. Тем не менее выводы его, изложенные в обстоятельном докладе в конце декабря 1905 г., были далеки от оптимизма. Положительная оценка значения субсидии с военной и моральной точек зрения не снимала вопроса о её политической целесообразности в сложившейся обстановке после поражения России в войне с Японией⁶⁹. Как внимательный наблюдатель, Потапов подчеркивал разницу в отношении к России со стороны простого народа и черногорского правительства с князьями во главе, резко обличая жадность последних к деньгам и неразборчивость в средствах для их приобретения. Агент приходил к неутешительному выводу: «Мы, русские, ошибаемся, идеализируя якобы чистый патриотизм князя Николая, его якобы бескорыстное служение родине и славянской идее, его якобы искреннюю преданность России». Чиновники западноевропейской подготовки пренебрегают русским, «видя в России «богатую молоком» и притом «смирную, небодливую дойную корову».

Потапов вполне обоснованно утверждал, что «в политике не должно быть сентиментальности: в ней не могут быть господствующим мотивом ни любовь, ни ненависть, ни презрение, но должна быть исключительно разумная политическая оценка выгод и невыгод». С учётом этих факторов, не позволявших России прекратить поддержку Черногории и допустить преобладающее влияние в ней другого государства, военный агент предлагал обусловить дальнейшую выплату субсидии определенными условиями, зафиксированными в особом договоре, в случае нарушения которого черногорское правительство обязано вернуть все расходы.

При этом Потапов справедливо отметил и незначительность реальных проявлений русского дела в Черногории: недостаток русских офицеров и учителей, школ и церквей, тружеников на всех поприщах — словом, всего, что могло бы поднять престиж серьезности и деловитости, чего не признают пока черногорцы за русскими из-за казенно-формального отношения их к собственным интересам. Только этим путем, убежден Потапов, можно исправить положение России в Черногории и «создать из слабой

подкупной ненадежной союзницы сильного, честного и верного друга». Такой подход, безусловно, был бы оптимальным и по отношению к другим балканским странам.

Ставшее всё более очевидным укрепление позиций Италии в Черногории побудило Потапова осенью 1906 г. вновь вернуться к вопросу о продлении субсидии, точно установив её вид и размер. Порочная практика вела к тому, что иностранные представители в Цетинье, зная о некорректном отношении к России черногорского правительства и двора и продолжении несмотря на это субсидирования, по словам агента, «иронически называют нашу субсидию «контрибуцией», а Россию — «денницею Черногории»⁷⁰. Тем не менее в декабре 1906 г. было принято решение продлить субсидию, ежегодно извещая об этом княжеское правительство.

В начале XX в. на Балканах практически одновременно образовались две «горячие точки»: движения за получение Македонией автономии и за присоединение Крита к Греции, реализация которых стала бы ещё одним шагом к разделу балканских владений Порты, неприемлемому для России. Эта позиция была сформулирована ещё в инструкции Г.П. Бахметеву при назначении его посланником в Софию в 1897 г. и оставалась неизменной. «В поддержании власти султана мы видим в настоящее время лучшее средство достигнуть столь желаемого успокоения на Востоке; полагая, что, неосторожно вступив на путь расчленения Оттоманской империи теперь, когда во всех частях её заметно брожение, мы дадим лишь широкий простор притязаниям балканских государств... вызовем и усилим соперничество их между собою и, таким образом, неизбежно придём к результатам совершенно несогласным с целями русской политики на Востоке»⁷¹. В ходе осуществления реформ в Македонии и в поисках решения критского вопроса Петербург всемерно старался удержать ситуацию под контролем и не дать противоречиям между балканскими государствами вылиться в вооруженное столкновение.

Балканская политика России на рубеже XIX–XX вв. носила прагматичный характер. Но достижение поставленных целей во многом затруднялось тем, что взаимосвязанные аспекты национально-государственных интересов — защита южных границ государства (пересмотр режима судоходства в Черноморских проливах) и право оказывать покровительство христианским подданным Османской империи, поддерживая и укрепляя при этом свой престиж, — несли в себе непримиримое противоречие. Россия проигрывала в соперничестве с Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией и Италией, имевшими мощные рычаги воздействия на правительства балканских стран в торговой и финансовой

сфере, поскольку сама не имела прочных экономических позиций на Балканах.

Важной составляющей балканской политики России оставалось соперничество с Австро-Венгрией за влияние в регионе. На рубеже веков державы перешли к сотрудничеству в определенных рамках. Для России оно стало одним из основных средств, с одной стороны, связать конкурентке руки, а с другой — не будировать стремлений балканских стран играть на австро-русских противоречиях для достижения собственных целей. При этом В.Н. Ламздорф использовал сформулированную ещё Н.К. Гирсом тактику: «Для наших двух стран, для всего Балканского полуострова важно знать, что Россия и Австрия действуют согласованно и находятся в добрых отношениях. В том случае, если возникнут предположения о том, что согласия не существует, или появится надежда на зарождение враждебности между Россией и Австрией, начнётся всеобщее возбуждение, которого оба государства хотят избежать»⁷².

В действиях российских дипломатов на балканском направлении заметны две линии. Одна, предельно осторожная и взвешенная, выработанная в своё время Гирсом, разделявшаяся Лобановым и успешно продолженная Ламздорфом, другая — авантюристическая, проповедовавшаяся Капнистом, Чарыковым, а позже воплощённая Извольским. Австро-русское сотрудничество могло поддерживаться в сравнительно мирное время и разваливалось в моменты кризисов. В начале 900-х годов Ламздорфу удалось ещё раз «подморозить» ситуацию на Балканах, обеспечив Российской империи тыл на время Русско-японской войны.

На протяжении всего периода отчетливо прослеживается связь успехов и поражений политики и дипломатии России на Балканах с усилением или ослаблением международных позиций империи на мировом уровне. Стремление Петербурга получить доминирующее влияние в Константинополе и укрепить позиции на Балканах вызывали чем дальше, тем больше активное противодействие великих держав, которым во многом удалось оттеснить Россию с первых ролей в этом регионе. Надежды Петербурга действовать здесь сообща с другими великими державами, как правило, оказывались необоснованными.

Причины неудач балканской политики Петербурга были многообразны, но определяющей была внутренняя противоречивость цели, диктовавшая двойственность позиции. Для России, с одной стороны, усиление балканских государств было желательным, а с другой — ослабление Турции оказывалось приемлемым лишь до известных пределов. Осложняли ситуацию непримиримые противоречия между балканскими государствами вплоть до возникнове-

ния военных конфликтов между ними. При этом Россия не могла ни встать на сторону одной из воюющих стран, ни устраниваться от решения балканской проблемы.

Неоднократные попытки Петербурга сконструировать в каком-то виде союз балканских государств и опереться на него оказывались бесплодными, а идея всеславянского единства — иллюзорной. Противоречия между этими государствами и их лидерами, обусловленные планами каждого создать своё великое национальное государство, не позволяли им, с одной стороны, выступать единым фронтом против Турции и, с другой — усиливали их зависимость от западных держав, на помощь которых они рассчитывали.

¹ Последний эпитет некоторые современные авторы даже выносят в заголовки монографий. См. *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000; В «пороховом гробу Европы». 1878—1914 г., М., 2003. (далее — В «пороховом гробу»...).

² См. Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991.

³ Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. Составитель И.С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 153.

⁴ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1900 г. Д. 1562. Л. 16–17. См. также Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878—1908 годах. М., 1993. С. 190. Правда, автор ошибочно утверждает, что В.Н. Ламздорф возглавил в это время МИД России. На самом деле он управлял министерством с августа 1900 г., а министром стал только в декабре того же года.

⁵ АВПРИ. Ф. 151. 1901 г. Д. 2322. Л. 12–15.

⁶ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 834. Личный фонд А.А. Савинского. Д. 20. Л. 13 об.

⁷ АВПРИ. Ф. 151. 1904 г. Д. 3386. Л. 46–60.

⁸ См. *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. 1878—1898. М., 1994. С. 14.

⁹ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 146/150. Л. 48–57 об.

¹⁰ См. подробнее *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 146–148.

¹¹ АВПРИ. Ф. 151. 1905 г. Д. 68. Л. 55–86.

¹² См. *Bridge F.R.* From Sadova to Sarajevo: the Foreign Policy of Austro-Hungary. 1866–1914. L.-Boston, 1972; Игнатъев А.В. Австро-Венгерская монархия во внешней политике России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 234–243; *Рыбаченок И.С.* Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 2006. М., 2007. С. 111–126.

¹³ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 146/150. Л. 23 об.–24. П.Д. Капнист — М.Н. Муравьеву.

- ¹⁴ См. *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961; *Силин А. С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. М., 1971; *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. М., 1970.
- ¹⁵ См. *Poidevin R.* Finance et relations internationales, 1887-1914. P., 1970; *Боев Ю. А.* Ближний Восток во внешней политике Франции (1898-1914). Киев, 1964.
- ¹⁶ См. *Кирова К. Э.* Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). М., 1973; Джорджо Канделоро. История современной Италии. Кризис конца века и эпоха Джолитти 1896–1914. М., 1979.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 151. 1902 г. Д. 2785. Л. 36–36об.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. 1899 г. Д. 107. Л. 331об. П. Д. Капнист – М. Н. Муравьеву.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. 1899 г. Д. 107. Д. 314–314об. П. Д. Капнист – М. Н. Муравьеву.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 133. 1899 г. Д. 107. Д. 73. Л. 108 об.-109; 103-об., 119–120.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 133. 1899 г. Д. 107. Л. 315об. П. Д. Капнист – М. Н. Муравьеву.
- ²² АВПРИ. Ф. 151. 1897 г. Д. 1303. Л. 104 об.
- ²³ АВПРИ. Ф. 151. 1901 г. Д. 2322. Л. 12–15.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 151. 1901 г. Д. 2322. Л. 2 об.-3.
- ²⁵ Цит. по *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. С. 266.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив.
- ²⁷ По подсчетам историков в Сербии с 1878 г. по 1903 г. сменилось 20 кабинетов. См. *Зайцев В. В.* Русско-сербские отношения в конце 80-х гг. XIX в. // Советское славяноведение. М., 1887. № 1.
- ²⁸ См. *Bridge F. R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815-1918. Berg; New York; Oxford; Munich, 1990; *Никифоров К. В.* Четыре этапа сербской истории (XIX–XX вв.) // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 21–35; *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 151. 1898 г. Д. 2835. Л. 8–22.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 151. 1902 г. Д. 2838. Л. 8.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 151. 1902 г. Д. 2838. Л. 7.
- ³² Цит. по *Искендеров П. А.* Сербия при Обреновичих // В «пороховом погребе»... С. 175. Автор упрощает картину, утверждая, что «Санкт-Петербург отозвал своих дипломатических представителей из столицы Королевства». Управлявший русской миссией Мансуров оставался в Белграде и присутствовал на всех судебных заседаниях, а после объявления приговора уехал в отпуск, но в миссии оставался советник. См. *Данченко С. И.* Указ. соч. С. 352–378.
- ³³ АВПРИ. Ф. 151. 1901 г. Д. 2839. Л. 9–15.
- ³⁴ См. *Данченко С. И.* Указ. соч. С. 379–407; *Вишняков Я.* Котел с расплавленным металлом. К чему привёл сербов майский переворот 1903 года // Родина. 2003. № 10. С. 81–84.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 151. 1904 г. Д. 64. Л. 43–50. Инструкция Губастову.
- ³⁶ Некоторые историки даже утверждают, что «известное русофильство сербского народа... именно в Черногории приобрело наиболее концентрированное выражение», а любовь к России стала здесь частью национального самосознания». См. *Никифоров К.* Единство, спяная любовью // Родина. М., 2006. № 1. С. 54. Однако с утверждением автора о том, что русско-черногорская «бескорыстная любовь» порождение «генетического кода двух народов», трудно согласиться.

- ³⁷ См. *Хитрова Н.И.* Указ соч. С. 216–218, 223–224.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. 151. 1901 г. Д. 2322.
- ³⁹ См. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 160–163.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 151. 1901 г. Д. 2322. Л. 2–11. Инструкция Розену.
- ⁴¹ *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 124.
- ⁴² АВПРИ. Ф. 151. 1903 г. Д. 2323. Л. 10–13.
- ⁴³ См. *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами // В «пороховом погребе»... С. 135–164.
- ⁴⁴ См. Агаки А.С. Указ. соч. С. 40–41.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. 151. 1902 г. Д. 2785. Л. 31–40.
- ⁴⁶ *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 179–180; Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. М., 1993. С. 336–338.
- ⁴⁷ См. *Агаки А.С.* Указ. соч. С. 46–50.
- ⁴⁸ См. *Кирова К.Э.* Указ. соч. С. 233–237.
- ⁴⁹ См. *Агаки А.С.* Указ. соч. С. 136–158.
- ⁵⁰ См. *Кудрявцева Е.П.* Югославия. Перипетии престолонаследия в Сербии и Черногории // Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996. С. 547–562.
- ⁵¹ См. *Соколовская О.В.* Великогреческий национализм в XIX – нач. XX вв. // Общественно-политическая мысль в Европе в конце XVIII – начале XX в. Межнституутская конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 1987. С. 72.
- ⁵² *Виноградов В.Н.* Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и новейшая история. М., 1993. № 4. С. 9.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. 151. 1898 г. Д. 2528. Л. 182–183. Ламздорф сообщил об этом в письме Нелидову в марте 1902 г.
- ⁵⁴ Из записки Главного штаба. Не позднее 10(23) ноября 1902 г. // Н.М. Потапов русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Москва – Подгорица, 2003. (Далее – Н.М. Потапов...). С. 43.
- ⁵⁵ АВПРИ. Ф. 151. 1903 г. Д. 498. Л. 141–149; 174–184.
- ⁵⁶ *Rosen, baron.* Forty years of diplomacy. N.-Y., 1922. V.1. P. 184.
- ⁵⁷ К сожалению, историки, занимающиеся смежными проблемами, зачастую дают неадекватные оценки как деятельности российского МИД, так и отдельным дипломатам. Так, О.В. Соколовская, противореча сама себе, утверждает: «Розен... подчеркивал опасность активного вмешательства России в балканские дела и стал ярким противником активной политики в этом регионе»; «он смотрел значительно дальше своих петербургских руководителей, даже дальше министра, каким был в то время В.Н. Ламздорф»; «Барон Розен настойчиво призывал отказаться от охранительной политики России в отношении владений султана, ещё раз провозглашённой в австро-венгеро-российском соглашении от 1897 г., которое только замораживало балканскую проблему, но не давало пути к её разрешению». Соколовская О.В. Греция в системе международных отношений 1897–1913 гг. и российская дипломатия // В «пороховом погребе»... С. 454–455.
- ⁵⁸ См. *Мартыненко А.К.* Указ. соч. С. 281–284.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. 151. 1903 г. Д. 2323. Л. 10–11; 1901 г. Д. 2322. Л. 13.
- ⁶⁰ Там же. Д. 3540. Л. 30–35об.
- ⁶¹ Цит. по: Соколовская О.В. Греция в системе международных отношений 1897–1913 гг. и российская дипломатия // В «пороховом погребе»... С. 454.

⁶² АВПРИ. Ф. 151. 1898 г. Д. 2835. Л. 8-22 об.

⁶³ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 834. Д. 20. Л.14.

⁶⁴ См. *Мартыненко А.К.* Указ. соч. С. 274–276.

⁶⁵ Из записки Главного штаба. Не позднее 10 (23) ноября 1902 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М., 2003. (Далее – Н.М. Потапов...). С. 30–43.

⁶⁶ *Сергеев, Улуян.* Не подлежит оглашению. М., 1999. Приложение 1. Список военных агентов Российской империи с распределением по европейским и балканским странам с 1900 по 1914 гг. С. 373–389.

⁶⁷ Доклад Главного штаба А.Н. Куропаткину. 10 (23) августа 1902 г. // *Н.М. Потапов...* С. 46.

⁶⁸ См. *Н.М. Потапов...* С. 41, 57, 59, 101.

⁶⁹ Рапорт Н.М. Потапова Ф.Ф. Палицину. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) // *Н.М. Потапов...* С. 227–232.

⁷⁰ Рапорт Н.М. Потапова Ф.Ф. Палицину. 10 (23) сентября 1906 г. // *Н.М. Потапов...* С. 291–292.

⁷¹ Цит. по: *Мартыненко А.К.* Указ. соч. С. 276.

⁷² АВПРИ. Ф. 151. ОП. 482. Д. 2835. Л. 15 об.

Е.Г. Кострикова

БОСНИЙСКОЕ ФИАСКО А.П. ИЗВОЛЬСКОГО И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Статья посвящена реакции российского общества на аннексию Австро-Венгрией двух славянских провинций — Боснии и Герцеговины. Боснийский кризис конца 1908 — начала 1909 гг. был одним из самых острых международных конфликтов кануна Первой мировой войны. В центре данной статьи — заключительный, наиболее драматичный этап кризиса, достигший апогея в марте 1909 года, когда Россия и Германия оказались на грани военного столкновения. Тяжелое дипломатическое поражение России оставило неизгладимый след в общественном сознании и в конечном счете привело к отставке министра иностранных дел А.П. Извольского. Статья основана на материалах русской прессы, архивных документах и др.

Ключевые слова: внешняя политика России, Боснийский кризис, Австро-Венгрия, Германия, Сербия, общественное мнение, русская пресса. А.П. Извольский, А. Эренталь.

Боснийский кризис 1908—1909 гг. был одним из самых острых международных конфликтов начала XX века. Он продемонстрировал реальное соотношение сил в блоковой системе великих держав и оказал существенное влияние на дальнейшее развитие событий, в конечном итоге приведшее к Первой мировой войне. Его неудачный для России исход оставил неизгладимый след в общественном сознании. Если дипломатическая история Боснийского кризиса в целом изучена основательно¹, то этот аспект проблемы заслуживает более внимательного рассмотрения. Задача данной статьи — показать борьбу мнений в Российском обществе по важнейшему внешнеполитическому направлению — ближневосточному. Поскольку начальный этап Боснийского кризиса в указанном контексте подробно освещен автором ранее², в данном случае главное внимание будет сосредоточено на заключительном, наиболее драматическом этапе, в центре которого оказался конфликт между Австрией и Сербией, имевший место в 1909 году.

Важное стратегическое положение Балканского полуострова постоянно привлекало к нему внимание великих держав.

На протяжении столетий здесь пересекались их геополитические интересы. По этой причине Балканы заслужили репутацию «покрохового погреба» Европы. Для России ключевой была проблема Черноморских проливов. По Лондонской конвенции 1871 г. Босфор и Дарданеллы были закрыты для ее военного флота. Турция не раз закрывала проливы и для торговых судов, нанося ущерб русской торговле, главным образом хлебному экспорту. Кроме того, в случае распада Османской империи у России были все основания опасаться перспективы перехода Черноморских проливов в руки другого, более сильного государства. Для русского общества характерно было повышенное внимание к Балканам и Ближнему Востоку. При этом традиционные симпатии к южным славянам тесно переплетались с вполне реальными экономическими интересами.

Главным соперником России в борьбе за влияние в регионе являлась Австро-Венгрия. Отношения между державами были урегулированы Мюрцштегским соглашением, заключенным в 1903 г. и гарантировавшим сохранение status quo на Балканском полуострове. Однако к 1908 г. в австрийских правящих кругах созрело решение аннексировать Боснию и Герцеговину, славянские провинции с преимущественно сербским населением, находившиеся, в соответствии с Берлинским трактатом, под австрийской оккупацией. Министр иностранных дел России А.П. Извольский, которому стало известно об этих планах, решил воспользоваться ситуацией, чтобы добиться пересмотра статуса Черноморских проливов. Задача была не из простых. Однако Извольский надеялся справиться с ней, уповая на поддержку Франции и Англии и благожелательный нейтралитет Германии. Приступая к осуществлению своих планов, он также рассчитывал на поддержку влиятельных сил внутри страны.

К этому времени А.П. Извольский занимал пост министра иностранных дел около двух лет, и его отношения с большей частью политического спектра общества складывались вполне благоприятно. Извольский взял на вооружение опыт европейских коллег, уже давно овладевших искусством использовать общественное мнение в качестве инструмента для достижения политических целей. И вот теперь только что начавшему налаживаться сотрудничеству министра-либерала с политической элитой суждено было подвергнуться тяжелому испытанию.

В январе 1908 г. на Особом совещании с участием министров и военного руководства Извольский предложил отказаться от дальнейшего «замораживания» Восточного вопроса. Однако обсуждение выявило такое состояние вооруженных сил, которое совершенно исключало какие-либо решительные шаги. Извольскому

было рекомендовано в случае осложнений на Балканах полагаться лишь на дипломатическое искусство³. Через неделю Совет государственной обороны, обсудив вопрос «О подготовке к войне с Турцией», подтвердил неудовлетворительное состояние армии⁴.

В апреле, выступая в Думе, А.П. Извольский, заверил: «Россия по-прежнему не ищет никаких территориальных приобретений на Балканском полуострове и стремится лишь к ...сохранению status quo»⁵. Однако в начале июля он направил австрийскому правительству меморандум, в котором предлагалось договориться об аннексии Австрией Боснии и Герцеговины в обмен на изменение конвенции о Проливах в пользу России. Извольский имел в виду ситуацию, когда status quo уже невозможно будет сохранить, и подчеркивал, что пересмотр Берлинского трактата возможен только с согласия держав, его подписавших.

Австрийское правительство с ответом не спешило, а тем временем в начале августа приняло окончательное решение об аннексии, договорившись с Фердинандом об одновременном объявлении независимости Болгарии. Получив наконец ответ австрийского министра иностранных дел барона А. Эренталя на свой меморандум, Извольский понял, что аннексия – вопрос ближайшего времени. Но он успокаивал себя тем, что венский кабинет связывал аннексию с вопросом о Проливах, и был озабочен лишь тем, чтобы придумать надежную формулировку, поскольку присоединение Боснии и Герцеговины «явится материальным фактом», тогда как согласие Австрии на то или иное разрешение вопроса о Проливах «будет носить характер отвлеченный и секретный»⁶.

А.П. Извольский отдавал себе отчет, что даже малейший намек на передачу славянских территорий Австро-Венгрии вызовет резкое неприятие в русском обществе. Для министра важно было заручиться информационной поддержкой прессы. С этой целью им был разработан план, в котором ведущая роль отводилась крупнейшей газете правого, монархического направления «Новое время», а также еще несколькими влиятельным изданиям, в том числе и либеральным. Извольский писал своему заместителю Н.В. Чарыкову: «Считаю долгом обратить Ваше особенное внимание на необходимость приготовить, а в решительный момент направить нашу печать и общественное мнение, которые весьма легко могут пойти по ложному пути»⁷. К делу был подключен директор С.-Петербургского телеграфного агентства А.А. Гирс, в недавнем прошлом возглавлявший Отдел печати МИД и имевший обширные связи в журналистской среде.

2–3 (15–16) сентября в Бухлау состоялось свидание Извольского с Эренталем. Последний настаивал на том, что Австрия

осуществляет свое бесспорное право. После целого дня бурных переговоров Извольский добился признания компенсаций для России и балканских государств. Эренталь согласился обещать Сербии и Черногории в случае распада Османской империи восстановить здесь границы, предусмотренные Сан-Стефанским договором*. Вена обязалась поддержать перед Германией требование о том, чтобы все суда России и других черноморских государств получили право свободно проходить через Босфор и Дарданеллы. Болгария провозглашалась независимым государством, а Фердинанд Кобургский – королем⁸. Извольский был вполне удовлетворен. Доволен был и Николай II: «Это было бы решением векового вопроса. Я буду помнить 8 сентября 1908 года»⁹.

Правительство же долгое время вообще ничего не знало. Товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков сообщил о достигнутых соглашениях с Австрией лишь 19 сентября. П.А. Столыпин и министр финансов В.Н. Коковцов были поражены тем, что так поздно узнают «о деле столь громадного и исторического значения, затрагивающем интересы внутреннего состояния империи»¹⁰. Атмосферу момента хорошо передает свидетельство одного из руководителей аппарата МИД Н.В. Поггенполя: «В Совете министров Коковцов так кричал, что было неприлично. Какофония ужасная. Общая злость на нас не поддается описанию. В особенности зол Столыпин»¹¹.

Совет министров единодушно отверг идею компенсаций, считая, что, если Россия не может предотвратить аннексию Боснии и Герцеговины, она «должна явиться на конференции защитницей интересов своих, Турции и балканских государств, а отнюдь не пособницей или укрывательницей Австро-Венгрии»¹². Узнав об этом решении, находившийся за границей Извольский понял, что дело принимает совсем не тот оборот, на который он рассчитывал. Однако он не прервал свою поездку, как настаивало правительство, надеясь, что переговоры в Лондоне, Париже и Берлине дадут положительный результат.

В трудном положении, в котором оказался министр иностранных дел, ему крайне важна была поддержка внутри страны. Не получив ее в правительственных сферах, он рисковал утратить ее и в обществе. Извольский инструктировал Чарыкова: «Еще раз с особой настойчивостью считаю долгом обратить Ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать. Необходимо воздействовать не только на “Новое время”, но и на другие

* Сан Стефанский договор завершил Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. По договору Сербия, Черногория и Румыния получили независимость, а Болгария автономию.

органы. Хорошо было бы переговорить с Гучковым и если возможно, то и с Милюковым»¹³. По просьбе Чарыкова лидер октябристов А.И. Гучков, выступая в клубе «17-го октября», представил положение в благоприятном для русской дипломатии свете, сделав намек на возможность решения вопроса о Проливах. Чарыков докладывал Извольскому: «Гучков... обещает полную поддержку своей фракции. Печать в достаточной мере в наших руках»¹⁴. Доверительное совещание Гирса с редакторами газет «Новое время», «Слово» и «Речь», как считал Чарыков, положило этому предприятию «благоприятное начало». Но он поспешил с выводами. Как раз в этот день, когда он докладывал царю о своих успехах, один из ведущих сотрудников «Нового времени» К.С. Тьчинкин писал владельцу газеты А.С. Суворину: «...сущность дела хуже, чем можно догадаться... Наше, русское, согласие получено в простых переговорах между чиновниками... Нет на свете дипломатии подлее нашей...»¹⁵

24 сентября Австро-Венгрия официально объявила об аннексии. Вена подчеркнула, что делает это с ведома и согласия России. В русской прессе поднялась настоящая буря. В МИДе вынуждены были признать: «В настоящее время нет общественного круга, нет органа печати, который не обрушивал бы свое негодование на Министерство иностранных дел»¹⁶. «Новое время» восклицало: «Невозможно же, чтобы Россия осталась равнодушной свидетельницей того, как немцы поджигают Балканы со всех сторон и распрягаются славянами, как бессловесным стадом?»¹⁷.

Сам по себе акт провозглашения независимости Болгарии в русском обществе был воспринят положительно, как справедливый и закономерный. Однако сожаление вызывало то, что государство, обязанное своей свободой России, не послушалось ее совета и выступило несвоевременно. «Новое время» прямо осуждало Фердинанда, который «взял из рук Австрии заветный ключ и открыл немцам дверь к тому святилищу, где хранились остатки славянских свобод». «Русское слово» сетовало: «Мы просмотрели Болгарию... Австрия и Болгария связаны теперь незримыми узами»¹⁸.

На обсуждение был поставлен вопрос о судьбе Проливов. «Биржевые ведомости» считали: «Если Австро-Венгрия не находит больше нужным считаться с постановлением Берлинского трактата, то и Россия может с ним не считаться там, ... где обстоятельства того требуют». Октябристский «Голос Москвы» писал: «Теперь уже вопрос только в том, чем удовлетворятся заинтересованные державы, что потребует каждая из них в качестве компенсации для того, чтобы не было нарушено политическое равновесие в Европе?».

Кадетская «Речь» прямо заявила: «Теперь, после новых ударов, нанесенных ветхому клочку бумаги, можно сказать, что Берлинский трактат в целом перестал существовать». Однако единодушия в стане либералов не было. Если «Русское слово» было солидарно с «Речью», то «Русские ведомости» отвергали всякую мысль о компенсациях, считая, что «Русское влияние на Балканах всегда ограничивалось моральной сферой»¹⁹.

Н.В. Чарыков докладывал Николаю II: «...В русских правительственных кругах и в печати замечается возрастающее не-расположение к самой мысли о совместных действиях России с Австро-Венгрией». На что царь заметил: «Довольно понятное не-расположение»²⁰. Гирс тем временем пришел к неутешительному выводу, что секретные собеседования с представителями печати «при теперешних настроениях цели не достигнут». Директор канцелярии МИД А.А. Савинский, сопровождавший Извольского в поездке, получил от Н.В. Поггенполя известие: «У Гирса на днях было сборище журналистов, на котором Пиленко высмеивал А.А. (Гирса — Е.К.)»²¹. Подробности позднее сообщил петербургский корреспондент «Daily News»: во время совещания А.А. Гирса с влиятельными публицистами один из приглашенных ударил кулаком по столу и воскликнул: «Если г. Извольский продал славянские интересы и дружбу с Англией за Дарданеллы, он должен уйти»²².

Извольский писал Чарыкову из Лондона: «...Лично для меня обстоятельства, конечно, сложились очень невыгодным образом, и мне приходится серьезно думать о возможности оставления мною поста»²³.

Путешествие по европейским столицам не принесло успеха министру. Вопреки его ожиданиям, идея конференции натолкнулась на сопротивление держав. Австрия считала, что вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины не подлежит обсуждению. Противилась конференции и Турция, справедливо опасавшаяся, что там от нее потребуют новых жертв. Не получил помощи русский министр и от союзников — Англии и Франции. Ни одну из держав не устраивала перспектива усиления России в случае, если бы режим Проливов был изменен в ее пользу.

Встревоженная общественность ждала разъяснений Извольского. В печати был поднят вопрос о срочном созыве Государственной думы. «Биржевые ведомости» писали: «Русская бюрократия, в лице дипломатии, осрамилась на славянском вопросе и потерпела крушение не хуже, чем под Мукденом. Спасти славянскую идею должен теперь народ»²⁴.

15 октября Государственная дума возобновила работу после летних каникул. «Биржевые ведомости» поспешили напомнить об обещании, только что данном Извольским, выступить перед народными представителями: «Должно засвидетельствовать, что русская внешняя политика в настоящее время делается вовсе не одною русской дипломатией, а наоборот, ставит ее, дипломатию, в необходимость искать опоры в стране... восточный кризис должен вступить в новый фазис развития именно с того дня, как правду... узнает русское народное представительство из уст руководящего министра»²⁵. По сообщению «Русских ведомостей», злобой дня в думских кулуарах являлись результаты переговоров Извольского в Берлине, слухи о неблагоприятном для русской дипломатии их исходе и отсрочка на неопределенное время выступления министра с разъяснениями своей политики. Обсуждалась и возможность отставки министра²⁶.

В первом же заседании Думы была сделана попытка поднять вопрос об аннексии. В качестве повода воспользовались запретом прений по состоявшемуся накануне докладу профессора А.Л. Погодина «Босния и Герцеговина под оккупацией Австро-Венгрии». Кадет В.А. Маклаков, мотивируя депутатский запрос, выразил опасение, что власть не хочет считаться с общественным мнением, и предупредил, что русское общество не может остаться в стороне от происходящего²⁷. Речь была встречена аплодисментами центра, левых и части правых, однако организовать обсуждение внешнеполитических проблем не удалось.

25 октября в Совете министров рассматривался вопрос о целесообразности выступления А.П. Извольского в Государственной думе. Ряд министров высказались против. Министр торговли и промышленности Н.А. Остроградский рассуждал так: «Опирайтесь на левых, левее кадетов, невозможно; опираться на кадетов тоже не пристало, и им не нужно давать векселя, которые они не преминут учесть с ростовщическими процентами. Теперь даже правые в Государственной думе не сочувствуют Министерству иностранных дел»²⁸. Такого же мнения придерживался министр юстиции И.Г.Щегловитов: «Выступление в Государственной думе может навлечь неисчислимые осложнения, и предугадать их заранее невозможно, хотя бы все лидеры в том клялись. Так как уверенности в отсутствии скандала не может быть, то лучше и необходимо не выступать»²⁹. Столыпин считал, что к таким выступлениям надо прибегать лишь в исключительных случаях, когда они обещают успех правительству. Коковцов высказался за выступление, «но конечно с предварительной инсценировкой». В итоге было решено

оттянуть выступление в Думе, а тем временем подготовить почву. Почву готовили полтора месяца.

Министр выступил в Думе 12 декабря. Заседанию предшествовали многочисленные собеседования с лидерами думских партий³⁰. Тщательная обработка депутатов дала плоды. Высказавшись против признания аннексии, и крайние правые, и кадеты все же оказали поддержку Извольскому. Исключение составили социал-демократы и трудовики, но их выступления не нарушили общего сценария³¹.

За происходившим внимательно следили за границей. По мнению лондонской «Times», Извольский ради сохранения европейского спокойствия принес в жертву свою популярность³². Ведущие французские газеты во главе с «Temps» одобрили как саму речь русского министра иностранных дел, так и реакцию думского большинства. Петербургский корреспондент «Echo de Paris» поспешил сообщить, что в правящих кругах России наблюдается значительное успокоение после речи Извольского, которая примирала русское общественное мнение с действиями министра³³. Насколько это заявление оказалось преждевременным, показали события ближайшего будущего.

Обойдя острые вопросы в думской речи, Извольский не в силах был избавиться от них в реальной политике. Австро-Венгрия не только не собиралась обсуждать на конференции тему аннексии, она категорически противилась каким-либо компенсациям для балканских государств. Неурегулированным оставался и вопрос об отношениях в новых условиях между Турцией и Болгарией. Вена шла на обострение ситуации. С одной стороны, были преданы огласке некоторые секретные моменты переговоров в Бухлау, а с другой — начались военные приготовления на границе с Сербией. 17 декабря Николай II в письме Францу-Иосифу обвинил Эренталя в вероломстве, имея в виду разглашение деталей переговоров. Это не подействовало, так же как и обращение Николая II к Вильгельму II. Германский император отказался воздействовать на Вену, возложив вину за обострение ситуации на политику России и балканских государств.

В прессе постепенно нарастала тревога. «Русское слово» предупреждало: «Расчет на притупление общественного внимания к балканским делам слишком прозрачен, чтобы сулить успех». «Биржевые ведомости» не видели в перспективе ничего обнадеживающего: «Целых три месяца непрерывных переговоров сведены насмарку. При таких условиях ответственность за дальнейший ход событий всецело конечно ложится на Дунайскую монархию, по милости которой Европе суждено встречать новый год с тревогой

за мир»³⁴. «Новое время» оценивало ситуацию еще более пессимистично: «Ташась за событиями, а не предупреждая их, — мы отдаем себя в распоряжение всякой другой державы (Франции, Англии, а возможно, и того хуже). И тогда нашему престижу на Ближнем Востоке будет нанесен окончательный удар»³⁵. Идея международной конференции постепенно уходила в прошлое. «Биржевые ведомости» прямо заявили: «Надежды на созыв Балканской конференции нет почти никакой»³⁶.

На пороге 1909 года пресса подводила итоги. «Новое время» находило их малоутешительными: «Мы должны признать, что в конце 1908 г. европейская дипломатия была неизмеримо ближе к войне, чем в начале». С суворинской газетой на этот раз был согласен и лидер кадетов П.Н. Милюков: «...Никто не возлагает больших надежд на успех переговоров. Стороны деятельно вооружаются, и открытое столкновение становится с каждым днем все более вероятным»³⁷. Сербы ждали от России реальной помощи. Отвечая тем кругам русского общества, которые готовы были рискнуть, лидер кадетов призвал соблюдать величайшую осторожность в обещаниях. Он предупредил, что «реальная помощь» России превращает балканский вопрос в общеевропейский, тогда как все усилия дипломатии должны быть направлены на локализацию возможной войны. Видный либерал Г.Н. Трубецкой в статье с красноречивым заголовком «Перед катастрофой», опубликованной в январском выпуске «Московского еженедельника» за 1909 г., подверг критике действия союзников России по Антанте: «...Англичане равнодушны к существу вопроса об участии обеих провинций и судьбе Сербии и Черногории... Франция суетливо перебегает от одной стороны к другой, стараясь служить и нашим и вашим и плохо прикрывая в роли посредника свое малосилие»³⁸. При таких условиях попытка русской дипломатии найти единую Европу, с его точки зрения, грешила в самом существе вопроса: «Такой Европы нельзя найти, потому что ее давно нет».

Австрийской дипломатии удалось, в обмен на солидную денежную компенсацию, добиться от турецкого правительства признания аннексии Боснии и Герцеговины. Это был ощутимый удар по идее балканской коалиции с участием Турции. «Русское слово» писало: «Австро-турецкое сближение вынимает краеугольный камень из-под затейливого здания балканской политики г. Извольского, строившего воздушные замки балканской коалиции на основе союза с Турцией. Киамиль-паша сумел быстро оценить политическую обстановку и, оттолкнув г. Извольского с его непрошенными и ненужными объятиями, подал руку барону Эренталю»³⁹. «Голос Москвы» констатировал, что картина политического

положения в регионе совершенно изменилась: «Не прошло и месяца с тех пор, как министр иностранных дел развивал в Думе идею коалиции Турции и балканских государств во имя защиты Балканского полуострова от надвигающейся опасности, а теперь уже успело с очевидностью выясниться, что шагу этому не только не суждено осуществиться в ближайшем будущем, но что, наоборот, предстоит сближение между Турцией и Австро-Венгрией»⁴⁰.

Тем временем на первый план вышел конфликт Турции и Болгарии. 13 января «Голос Москвы» возвестил: «Призрак войны снова стоит перед Европой». Речь шла о том, что Турция намерена силой изменить свою границу с Болгарией за счет Восточной Румелии, отвечая таким образом на провозглашение болгарской независимости. Обе стороны предприняли мобилизационные меры. В прессе циркулировали самые разнообразные тревожные предположения. Уладить конфликт удалось путем материальных жертв со стороны России: она отказалась от невыплаченной части турецкой контрибуции за войну 1877–1878 гг., составлявшей 125 млн фр. Болгария должна была вернуть России в рассрочку ту часть этой суммы, которую она согласна была выплатить Турции. Разницу в 43 млн франков Россия принимала на свой счет. Печать в основном отнеслась к этому шагу одобрительно, оценив как «завершение освобождения Болгарии». «Русское Слово» писало: «Наконец-то г. Извольский, четыре месяца беспомощно метавшийся из стороны в сторону в вопросе о признании независимости Болгарии, обрел твердую почву под ногами и заговорил языком, достойным представителя великой нации»⁴¹. «Русская дипломатия, наконец, вышла из... состояния летаргии», — откликнулась «Речь»⁴². «Нельзя не приветствовать этот шаг, его следует считать очень удачным», — поддержал ее «Голос Москвы»⁴³. Однако в подходе к финансовой стороне дела наметились расхождения. А. Аверин в «Голосе Москвы» утверждал, что план российского МИД является прекрасным исходом из создавшегося на Балканах кризиса: Россия не поступает ни копейкой русских денег, укрепляя лишь свое положение на Балканах. Болгария уплатит России не только часть долга, но и около 40 млн франков процентов, которые в случае заключения Болгарией займа в Европе ушли бы туда⁴⁴. В то же время Л. Пантелеев в «Речи» напомнил, что инициатива русского министра иностранных дел затрагивает сферу компетенции Государственной думы. Поступления от Турции являются статьей в бюджете, и по закону без санкции Думы правительство не может принять такое решение: «Какое основание может быть к тому, чтобы Россия преподнесла Турции или Болгарии подарок в 43 млн франков?»⁴⁵.

В то время как болгаро-турецкий спор был близок к разрешению, сербский вопрос приобретал опасную остроту. Сербия оставалась единственной стороной, не только не получившей компенсации, но и подвергавшейся серьезной военной опасности. В конце января сербским правительством был подготовлен меморандум, содержащий требование автономии для Боснии и Герцеговины и территориальных компенсаций для самой Сербии. После вмешательства правительства России, заявившего, что оно не может поддержать выставленные требования, рассылка документа державам была приостановлена и в него были внесены изменения. Большая часть прессы приняла сторону Сербии. «Русское слово» обвинило русскую дипломатию в том, что она до сих пор ограничивается рекомендациями сербам «терпения в огромных дозах», а это ни к чему хорошему не приведет: «В нерешительности и двусмысленности поведения нашего Министерства иностранных дел бар. Эренталь не без основания мог усмотреть слабость и равнодушные руководителей русской политики к судьбам Сербии»⁴⁶. «Речь» упрекала державы в том, что они не идут дальше локализации назревающего конфликта, а это не только недостойно европейского концерта, но и не способно гарантировать мир на континенте: «Ключ к европейской войне или миру теперь не в Белграде. Он в Вене»⁴⁷. Откровенно агрессивные выпады в адрес Сербии, участвовавшие в австрийской прессе, воспринимались в России как подготовка общественного мнения к войне. В такой обстановке визит английского короля Эдуарда VII к германскому императору Вильгельму II вызвал подозрение, что имеет место англо-франко-германское сближение за счет России. Обеспокоившись судьбой Тройственного соглашения, автор статьи в «Речи» призвал как можно скорее внести ясность в этот вопрос: «Мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям на Балканах. Если к ним присоединятся еще и неожиданности в Европе, то благодарить наших дипломатов нам будет не за что»⁴⁸.

Выступления прессы становились все более резкими. «Нерешительность и вялость политики Извольского в боснийском вопросе принесли теперь такие горькие плоды, которых, наверное, не ожидали наши правительственные сферы, — писало «Русское слово», — Австрия ищет развязки боснийского вопроса вооруженной рукой, прежде чем будущая конференция обсудит положение, созданное аннексией Боснии и нарушением Берлинского трактата. Таков на деле ответ бар. Эренталя. Уверенная в своей безнаказанности, Австрия бросает вызов уже не маленькой Сербии, а всем великим державам. Настало время действовать быстро и решительно»⁴⁹. В печати вновь появились призывы инициировать

прения по международным событиям в Думе, воспользовавшись предстоящим обсуждением бюджета военного ведомства⁵⁰.

Австро-сербский конфликт вступал в критическую стадию. В прессе циркулировали слухи о подготовке Австрией ультиматума Сербии. Германия, ссылаясь на свои союзнические обязательства перед Австро-Венгрией, отклонила французское предложение о совместном представлении великих держав. Она выступала за такое представление лишь по отношению к Сербии, настаивая, что опасность исходит только из Белграда. 12 февраля «Русское слово» писало: «Положение вещей следует признать более чем серьезным и следует быть готовым ко всевозможным неожиданностям». Новости из Европы были неутешительны. Парижский корреспондент «Речи» сообщал: «Сегодня в парламенте и на бирже тревожное настроение: обсуждаются шансы на возможность локализовать балканский конфликт, в крайнем случае ограничив его Австрией и Россией без участия их союзников, т.е. Франции и Германии. Парижская пресса за редким исключением настаивает на том, что Сербия должна уступить Австрии. Влиятельные органы печати заявляют, что если необходимо сделать выбор между миром и Сербией, то Франция предпочитает мир и нейтралитет»⁵¹. В беседе с корреспондентом «Русского слова» представитель МИД признал: «Наша дипломатия находится в довольно затруднительном положении вследствие давления, оказываемого на нас из Берлина»⁵².

Публикации в прессе свидетельствовали о том, что опасность войны была реальной. В Австро-Венгрии началась мобилизация, введена военная цензура, австрийский посланник покинул Белград, — «Европейский мир висит на волоске». Со ссылкой на парижские официозы сообщалось: «Пишон, после полученного им из Берлина афронта резко переменял фронт. Еще недавно французская печать находила аннексию Боснии и Герцеговины грубым нарушением международного права и выражала свое сочувствие Сербии. Теперь те же “Temps” и “Debats” без стеснения громят якобы вызывающую политику белградского кабинета»⁵³. «Речь» признавала, что в Вене учитывают нежелание наших друзей и союзников, англичан и французов, рисковать войной из-за балканских затруднений. В Париже и Лондоне, как и в Берлине, замечается недовольство русской постановкой вопроса о Сербии. Кадетская газета сообщала, что берлинская и особенно венская печать бьет тревогу по поводу симпатий, проявляемых общественным мнением России в отношении Сербии. Часть русской прессы откликнулась алармистскими выступлениями. В статье «Ошибка Эренталя» «Голос Москвы» уверял, что Россия в 1909 году уже не

та, что была в 1906: армия не столь не готова, да и патриотически настроенная Государственная дума не остановилась перед огромными денежными жертвами для пополнения армейских запасов. «Дух армии не тот, что в Русско-японскую войну»⁵⁴.

Не получив поддержки союзников, Извольский известил Сербию, что у нее нет никаких надежд получить территориальные компенсации, и посоветовал пойти на уступки. Наиболее резко отозвалась на это сообщение кадетская «Речь», считавшая, что русская дипломатия вступила на скользкий путь, противоречащий думским заявлениям Извольского: «Поддаться на угрозу венского bluff'a и трусливо отказаться от только что занятой позиции было со стороны России слишком большой ошибкой. Своим "дружеским" советом, Россия, очевидно, не только не предупреждает опасности, но прямо толкает несчастную страну на отчаянный скачок в неизвестность»⁵⁵. «Голос Москвы» считал, что русское правительство сделало крайне серьезный и ответственный шаг, который может быть истолкован как признак слабости России⁵⁶. Русская нота Сербии оказалась полной неожиданностью для известного публициста и общественного деятеля А.Н. Брянчанинова, писавшего в «Слове»: «Третьего еще дня лицо авторитетное и добросовестность коего в Министерстве иностранных дел стоит выше сомнений, категорически заверило нас, что сепаратно в Белград обращаться с увещаниями не будем...»⁵⁷. «Русское слово» также было недовольно поспешными действиями русской дипломатии⁵⁸. Но в целом реакция в прессе была сдержанной. «Новое время» посчитало новый шаг министра иностранных дел актом величайшего миролюбия и политической мудрости⁵⁹. Из бельгийской миссии в Петербурге сообщали в Брюссель: «Россия решилась перенести фатальную политическую изоляцию в присутствии столь индифферентной или даже столь враждебной Европы, чтобы предохранить Сербию от катастрофы. И в этом именно смысле заговорила здешняя пресса, в том числе и "Новое время", та самая пресса, которая, тому нет еще двух недель, твердила, что честь России обязывает ее поднять перчатку, брошенную Австро-Венгрией ее славянским братьям»⁶⁰.

В то же время голоса тех, кто считал, что создавшееся положение должна обсудить Государственная дума, звучали все громче. Предстоявшие прения по военному бюджету давали для этого повод. По сведениям «Русского слова», переговоры такого рода велись между октябристами и умеренно-правыми⁶¹. Со своей стороны, правительство продолжало придерживаться ранее избранной тактики. 21 февраля на обеде, данном Извольским по случаю приезда министра иностранных дел Турции Рифаат-паши, побывали председатель Думы Н.А. Хомяков, а также А.И. Гучков

и П.Н. Крупенский. На следующий день «по думским делам» к П.А.Столыпину были приглашены депутаты А.А. Бобринский и П.Н. Крупенский⁶². И, наконец, вечером 22 февраля в Зимний дворец на чашку чая к председателю Совета министров П.А. Столыпину пожаловали представители проправительственных фракций. Возглавлял делегацию М.В. Родзянко. Кадеты и левые приглашения не получили. Во встрече участвовали также В.Н. Коковцов и А.П. Извольский. Премьер выступил с небольшой речью, в которой предупредил, что правительство не желает производить давление на членов Думы и предоставляет им свободу действия. Однако, поскольку в связи с обсуждением кредитов на военные нужды могут быть затронуты вопросы внешней политики, оно сочло своим долгом ознакомить присутствующих с фактическим положением дел. Выступая перед депутатами, Извольский достаточно откровенно изложил обстоятельства, заставляющие правительство действовать крайне осторожно. При этом он заметил, что в такой момент особо резкие высказывания думских ораторов неминуемо вызовут нежелательный отклик в Сербии. Коковцев, со своей стороны, добавил, что «всякая нервность и резкость отражаются на ценности наших бумаг, даже тогда, когда нет серьезных оснований к подобному рода колебаниям на бирже»⁶³. Думское большинство оправдало надежды правительства, пообещав отказаться от инициирования дебатов по внешней политике⁶⁴.

Совещание у Столыпина получило большой резонанс как в России, так и за границей. Из нидерландской миссии сообщали: «Петербургский кабинет прилагает все свои усилия, чтобы не казаться в эти дни воинственным. Пресса точно по сигналу спокойно держит себя несмотря на то, что ход событий дает ей блестящий повод выступить с агрессивными панславистскими фразами. Правительство даже пригласило на совещание к г. Столыпину лидеров партий, чтобы убедить их не обсуждать австро-сербских отношений в заседании Думы в прошлый понедельник»⁶⁵. Однако не все комментарии в прессе были благожелательны. «Русское слово» было недоволено тем, что далеко не все видные парламентарии получили приглашение в Зимний дворец. Права меньшинства, таким образом, были ущемлены. Позицию центристов газета подвергла резкой критике: «Они сами не понимали, почему не нужны прения по славянскому вопросу, но уразумели, что “там” такие прения признаются нежелательными и излишними. И самые ярые славянофилы из умеренно-правых, которые уже собирались отвести душу в думских прениях, мгновенно перестраивают свою психику. Все горячие братские чувства засыпают перед чувством покорности и послушания»⁶⁶.

23 февраля при обсуждении военных кредитов А.И. Гучков все же затронул внешнеполитическую тему, заявив: «Я убежден, что сдержанность, благоразумие и умеренность, которые руководят нашей внешней политикой, диктуются прежде всего сознанием нашей военной неподготовленности... Но нам нельзя же все время на вопросы внешней политики смотреть исключительно под углом зрения своего военного бессилия»⁶⁷. Это заявление вызвало гнев кадетской «Речи»: «Несомненно то, что самое признание Государственной думой нашего бессилия, подчеркиваемого опубликованным официальным агентством отчета о закрытом заседании, само по себе является важным фактором в международной игре, может оказаться не менее тяжелой гирей на весах международных расчетов, чем признание А.П. Извольским о нашей связанности трактатами»⁶⁸.

Между тем надежды на международную конференцию таяли. «Русское слово» сообщало, что в сферах, близких к Министерству иностранных дел, не питают на этот счет особых надежд. «Голос Москвы» пришел к неутешительному выводу: «Германия вышла из роли посредницы и стала стороной в споре. Конфликт грозит теперь зажечь всю Европу. Попытка сделать дело Сербии делом Европы, по-видимому, потерпела крушение и не к выгоде виновника ее — России»⁶⁹. 28 февраля «Речь» предупредила: «Конфликт снова обострится, положение снова становится опасным, даже близко к безнадежному. В ближайшие дни возможен австрийский ультиматум Сербии».

Австрия требовала от Сербии не только отказа от каких-либо компенсаций, но и отказа от поддержки со стороны других держав, в первую очередь России. Очередное требование было предъявлено 24 февраля и сопровождалось демонстративными военными приготовлениями. Проект сербской ответной ноты был отредактирован Извольским и 26 февраля вручен всем державам. В Париже его нашли вполне удовлетворительным. Кадетская «Речь», отказываясь от политики прямого покровительства Сербии, настаивала на совместных действиях с союзниками перед лицом военной угрозы со стороны Австрии⁷⁰. Однако России не удавалось заручиться определенной поддержкой Англии и Франции. Германия же твердо встала на сторону своей союзницы Австрии. 1 марта рейхсканцлер Б.Бюлов предписал послу в Петербурге Ф. Пурталесу заявить, что Россия должна признать «свершившиеся факты», то есть аннексию, в противном случае Австрии будет предоставлена свобода действий⁷¹. Российский МИД пытался настаивать на том, что австро-турецкое соглашение не полномочно решить судьбу Боснии и Герцеговины, и пересмотр 25 статьи Берлинского

трактата возможен только на международной конференции. 4 марта «Голос Москвы» писал: «Мы стоим, несомненно, лицом к лицу с крайне серьезными событиями. Надежда на созыв конференции... почти свелась на нет... столкновение, по-видимому, неизбежно».

Не видя другого способа поддержать сербов в их трудном положении, ряд общественных деятелей, ученых, депутатов Думы подготовили обращение к сербскому народу с выражением солидарности. Среди подписавших были: П. Лавров, М. Ковалевский, Н. Хомяков, А. Погодин, В. Бехтерев, В. Маклаков, Ф. Родичев, В. Бобринский, Н. Львов, А. Пиленко, С. Ольденбург, Н.П. Аксаков и др.⁷². Среди подписавших не было кадетов, считавших, что делу не могут помочь выражения сочувствия и такие демонстрации скорее служат для собственного успокоения. «Что-нибудь одно: или мы можем существенно помочь сербам или не можем. Если можем, то надо это не говорить, а сделать серьезно. Если не можем, надо в этом честно сознаться. Двусмысленные же заявления могут быть скорее вредны, чем полезны. Они вводят в заблуждение и готовят впереди тяжелое разочарование»⁷³. Кадеты продолжали уповать на поддержку союзников: «Задача, недоступная одной России, вполне доступна европейской дипломатии и европейской печати». Французская и английская печать, по их мнению, уже демонстрируют такую готовность. На волне солидарности с сербами бурю негодования вызвала лекция, прочитанная в Клубе общественных деятелей членом хорватского ландтага Радицем «Об аннексии Боснии и Герцеговины с точки зрения различных балканских народностей». Тезис о том, что славяне еще не доросли до самостоятельности и поэтому автономия Боснии и Герцеговине не нужна, вызвал резкий отпор со стороны В.Бобринского⁷⁴.

В эти дни Николай II жаловался матери: «Австрийские дела продолжают причинять всем большие беспокойства. ...В пятницу вечером у меня собирается Совет министров. Нужно потолковать о тех мерах, которые будет нужно принять у нас в случае войны между Австрией и Сербией, например — не позволять добровольцам ехать на войну, крепко держать газеты в руках, чтобы они не агитировали. Конечно, если на нас не нападут, то мы драться не будем. Ужас как все это надоело и как продолжается долго — около полгода»⁷⁵.

7 марта в Царском Селе состоялось заседание Совета министров с обсуждением создавшегося положения. Руководители военного и морского ведомств признали, что Россия не готова к войне. Решено было соблюдать строгий нейтралитет в случае военной угрозы.

Ответ Извольского на ноту Пурталеса, переданный 7 марта, был воспринят в Берлине как «возмутительный отказ». 9 марта Извольскому был вручен документ, который тот расценил как «дипломатический ультиматум». В качестве последнего средства Николай II использовал личное обращение к Вильгельму II, напомним о монархической солидарности. Но и этот шаг не имел успеха. Подчиняясь обстоятельствам, Николай II и Извольский 10 марта вынуждены были отступить. Требования Германии были приняты⁷⁶. «Речь» писала 13 марта: «Последний акт дипломатической трагикомедии подходит к концу.. Наша дипломатия решилась капитулировать окончательно в вопросе о конференции. Россия признает аннексию. Последняя карта Извольского, таким образом, бита». «Новое время» признало, что петербургский кабинет «в попытке предотвратить кровопролитие приносит тягчайшую жертву, цену которой пока еще трудно определить». «Голос Москвы» подвел итог: «Вся наша внешняя политика есть политика неограниченных уступок, политика намеренного уклонения от столкновений, политика капитуляций без борьбы, продиктованная сознанием собственного бессилия... Пусть же этот позор, которым покрыв Россию последний дипломатический акт, заранее откроет глаза всем ее верным сынам на то, к чему приводит режим безответственности, оставшийся неприкосновенным в трех важнейших ведомствах государственного управления». Газета октябристов потребовала немедленных реформ военного, морского и дипломатического ведомств. «Новое время» вернулось к излюбленной теме реформы МИД⁷⁷. Газетная экспедиция МИД констатировала: «За исключением одного лишь “Русского знамени” все газеты подвергают критике последние политические шаги А.П. Извольского, нападая как лично на министра, так и вообще на вверенное ему ведомство»⁷⁸.

16 марта в помещении Тенишевского училища были организованы лекции П.Н. Милюкова, А.Л. Погодина и Ф.И. Родичева, посвященные положению на Балканском полуострове. Зал не вместил всю собравшуюся публику. Милюков был встречен бурно. Он назвал всю политику России в славянском вопросе рядом неудачных зигзагов, которые в конце концов привели к национальному унижению. «Дело даже не в признании аннексии — после заявления, что из-за Боснии мы воевать не будем, ее участь была решена. Но Россия постепенно отказалась от своих позиций в двух главных вопросах: о конференции и компенсациях. При этом вина лежит не на одном Извольском, но еще и на министрах военном, морском, финансов и внутренних дел». Погодин в своем выступлении призвал славян объединиться. Родичеву выступить не удалось, т.к.

полиция закрыла собрание и заставила публику разойтись⁷⁹. Представители общественности на страницах газет продолжили давать свои оценки произошедшему. Н. Хомяков заявил: «Нас привели к нравственному самоубийству. К войне мы ближе теперь, чем раньше. Положение, созданное признанием аннексии, хуже положения, созданного Берлинским трактатом. Нашего влияния на славян больше нет». Гучков был сдержан: «В тактике А.П. Извольского я ошибок не вижу. Я решительно не согласен с нападками на МИД. Его политика диктуется внутренним состоянием страны. Роковую роль во всем этом сыграла Германия». П.Н. Крупенский считал, что Россия расплачивается по старым векселям, выданным еще 75 лет назад⁸⁰.

Окончательная развязка наступила 17 марта. Под давлением военной угрозы со стороны Австро-Венгрии, оставшись в полном одиночестве, Сербия приняла русский совет и отступила. 21 марта в газете «Россия» — официозе Министерства иностранных дел была опубликована передовая статья с разъяснением действий русской дипломатии, названная в прессе «дипломатической нотой к русской публике». «Несомненное поражение нельзя обратить в победу никакими словесными ухищрениями, даже умными», — отреагировало «Новое время». «Вечер» отозвался резкой передовой с красноречивым заглавием: «Не оправдайтесь». «Слово» и «Речь» не были столь ядовиты, но и они признали попытку успокоить таким образом общественное мнение страны неудачной⁸¹.

«Московский еженедельник», державшийся некоторое время в тени, номер от 21 марта целиком посвятил поражению России. П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, А.Л. Погодин связали дипломатическое поражение с внутренней политикой. Петр Струве в статье «Унижение России» назвал признание Россией аннексии Боснии и Герцеговины национальным позором, явившимся следствием того, что правительство, «окончательно спустившее в угоду реакции знамя 17-го октября», не желает опоры на нацию. С ним был солидарен Е.Н. Трубецкой: «Национальное и патриотическое правительство должно понять, что не время теперь власти вести войну против нации; пора попытаться, наконец, завоевать народное доверие; пора перестать смотреть на всякую общественность как на враждебный правительству лагерь»⁸². А.Л. Погодин писал: «Вена может ликовать: она повела за собой Петербург, куда захотела... Нравственный принцип Петербурга оказался еще ниже, чем у Вены, и мы потерпели новый ряд поражений, новую Цусиму, удар моральный, последствия которого мы будем чувствовать еще долго... у нас и без того идет война, война Петербурга с русским народом»⁸³.

Тема «дипломатической Цусимы» вновь оказалась в центре внимания прессы накануне годовщины печального события, когда подробности сделки в Бухлау стали достоянием общественности. 11 августа (28 июля) лондонская «Times» опубликовала статью, из которой следовало, что на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины имелось предварительное согласие русского министра иностранных дел А.П. Извольского. Одним из первых на это известие откликнулся «Московский еженедельник»: «Если все это верно, если русский министр иностранных дел 19-го июня прошлого года сам предлагал своему австрийскому коллеге признать аннексию провинций в ответ на открытие Дарданелл для наших военных судов и принужден был в той или другой форме дать свое согласие на аннексию при свидании в Бухлау, то отсюда прежде всего вытекает вопрос, какое оправдание может в таком случае найти вся политика прошлой зимы и не привела ли она совершенно логически к тяжелому уроку, вполне заслуженному руководителями нашей внешней политики, но который они имели возможность и должны были избежать ради достоинства народа?» — вопрошал Г.Н. Трубецкой⁸⁴. Он напомнил, что в думской речи министра, произнесенной 12 декабря 1908 г., об этом не было сказано ни слова. Если же разоблачения «Times» не соответствуют истине, то в интересах министра поскорее их опровергнуть. Еженедельник предоставил своим читателям возможность самим судить о весомости аргументов, приведенных английским изданием, опубликовав в том же номере полный перевод указанной статьи⁸⁵.

МИД России хранил полное молчание, молчала и русская пресса. Но долго так продолжаться не могло. В сентябрьском номере лондонского журнала «Fortnightly Review» была опубликована статья известного английского журналиста Диллона, также содержащая разоблачения, связанные с событиями годичной давности. По мнению Извольского, она отличалась «особенным иезуитством», и он посчитал необходимым дать Николаю II следующие разъяснения: «Как мне достоверно известно, австро-венгерский посол гр. Берхтольд пригласил этого в высшей степени тщеславного журналиста нынешней осенью в свой замок в Бухлау и там снабдил его всеми воспроизведенными подробностями и сведениями. Как оказывается, г. Диллон еще раньше, прошлой весной, получил от гр. Эренталя доступ к одному из секретных документов, обмененных между нами и венским кабинетом, а именно к нашему мемуару 19 июня 1908 года. На этом документе, который, как кажется, был сообщен ему не полностью, а лишь в той его части, которая, взятая отдельно, могла подвергнуться невыгодному для нас толкованию, г. Диллон основывается, чтобы

обвинить С.-Петербургский кабинет в том, что он сам предложил Австро-Венгрии, еще летом 1908 года, присоединение Боснии, Герцеговины и даже Ново-Базарского санджака. Делая подобные полуразглашения, гр. Эренталь, очевидно, рассчитывал на затруднительность парировать подобные удары из-за угла, не прибегая к весьма опасному опубликованию подлинных документов»⁸⁶.

На разоблачения лондонского журнала «Новое время» откликнулось передовой статьей, в которой потребовало от Министерства опубликовать официальные материалы, относящиеся к свиданию в Бухлау⁸⁷. Приближавшаяся годовщина аннексии, а также публикации, все чаще появлявшиеся в зарубежной прессе, заставили и другие российские издания вернуться к этой болезненной теме. «Речь», напоминая, что «в наше время государственные секреты разоблачаются быстро», обвинила Извольского в том, что он, позволив себе увлечься идеей открытия Проливов для военных судов России, добровольно первый предложил Эренталю присоединить к Австро-Венгрии Боснию и Герцеговину. «Теперь уже не может быть сомнений, что в Бухлау наш дипломат раскрыл перед противником всю свою игру, дал у себя выбить самых крупных козырей и тем был поставлен в необходимость занять явно проигрышное положение, которое привело к целому ряду последовательных неудач»⁸⁸. Одной из главных ошибок Извольского, по мнению кадетского издания, было то, что он не сумел опереться на союзников по Антанте и действовал самостоятельно.

После долгих колебаний Извольский решил через С.-Петербургское телеграфное агентство распространить опровержение, текст которого предварительно согласовал с царем. Надо сказать, он не очень рассчитывал на положительный эффект от этого шага, ожидая новых яростных выпадов в свой адрес. «По свойствам нашей печати кампания эта, вероятно, примет форму личных выступлений против меня, — предупреждал он Николая II, — Вашему Императорскому Величеству известна моя всегдашняя готовность жертвовать моим личным положением на пользу Вашего Величества и России. Если окажется, что общественное мнение слишком против меня настроено, Вашему Величеству во всякую минуту будет возможно переменить министра иностранных дел...»⁸⁹. Опровержение появилось в газетах 26 октября. В Отделе печати МИД напряженно следили за реакцией прессы, отмечая, что сообщение СПА вызвало бурю в петербургской печати, в то время как московская пока хранит молчание⁹⁰.

Ожидания министра оправдались. В кадетской «Речи» Милюков откликнулся статьей, заголовок которой — «Опровержение» или «Разоблачение» — уже сам по себе давал оценку как этому

документу, так и всему, что было с ним связано. Отметив, что «осведомление» официального агентства порядком запоздало, Милюков пришел к заключению: «Присмотревшись внимательно к правительственному “осведомлению”, мы с удивлением найдем в нем не опровержение, а прямое продолжение всех тех же весьма пикантных разоблачений»⁹¹. Затем А.Н.Брянчанинов в статье «Нестерпимое противоречие» задал вопрос: что же вытекает из только что опубликованного опровержения? И сам ответил: «Во-первых, признание факта торгашества об аннексии за два месяца до Бухлау... Во-вторых, мемуар 6/19 июня, сфабрикованный в тени канцелярии Министерства иностранных дел, теперь приписывается всему русскому кабинету»⁹². Таким образом, Извольский вводил в заблуждение русское общество и весь славянский мир. Брянчанинов потребовал опубликования документов, которые якобы извращаются. На этом настаивали также «Русские ведомости» и «Голос Москвы». Орган октябристов признал способ опровержения, избранный МИДом, неудовлетворительным⁹³.

Издатель «Нового времени» А.С. Суворин решился на неординарный шаг. В телеграмме, адресованной непосредственно барону Эренталю, он попросил ознакомить русское общество с его взглядом на суть дела: «...Желая поставить наше общество в возможность беспристрастно судить по вопросу, его волнующему, имея целью помочь установить доверие между обеими странами и положить конец полемике, чрезвычайно вредной в добрых отношениях России и Австро-Венгрии, “Новое время” позволяет себе избрать необычный путь и обратиться непосредственно к Вашему Высокопревосходительству...»⁹⁴ Телеграмма Суворина была опубликована австрийским телеграфным агентством. Сам же Эренталь ограничился формальным ответом: «...Благоволите считаться с долгом сдержанности, налагаемым на меня переговорами между кабинетами, и разрешите мне ограничиться заявлением, что сообщение, появившееся в Петербурге, подтверждает мои слова, сказанные в делегациях... Я не могу идти далее в моих разъяснениях до тех пор, пока Петербургский и Венский кабинеты не признают своевременным опубликовать их переписку по данному вопросу»⁹⁵. Ответа по существу издатель «Нового времени» не получил, зато привел в негодование Извольского, немедленно доложившего Николаю II: «Кампания, предпринятая против меня из Вены, не только продолжается, но принимает все более острые формы. Так гр. Эренталь нашел нужным ответить на запрос, сделанный ему редакцией “Нового времени”, личной телеграммой, возмущившей даже публицистов столь враждебного мне органа. Подобное выступление графа Эренталья поставило меня в невозможность со своей сторо-

ны отказать редактору “Нового времени” в беседе, которой я постарался придать наиболее осторожную форму»⁹⁶. Возмущен был и царь, посоветовавший Извольскому переговорить со Столыпиным относительно этого небывалого шага редакции «Нового времени». «По-моему, ее следовало бы примерно цукнуть», — добавил Николай II⁹⁷.

Беседа с министром иностранных дел была помещена в «Новом времени» 29 октября. Извольский категорически опроверг предъявленные ему обвинения. От себя редакция, которую, видимо, «цукнули», удовлетворенно заметила, что теперь последние точки над *i* поставлены: «Кампания против русской дипломатии окончилась пока полной неудачей, но конечно возобновится еще в той или другой форме...» «Русское слово», также опубликовавшее беседу нововременского журналиста с Извольским, ссылаясь на полученные сведения от собственных корреспондентов из Берлина и Вены, сообщало, что своеобразный турнир в печати между Извольским и Эрнталем вызвал большой интерес; в дипломатических кругах сочли необычным, чтобы официальный орган печати призывал в свидетели министра другого государства. «Биржевые ведомости», сохраняя лояльность по отношению к министру иностранных дел, одобрили образ действий «Нового времени», полагая, что своим обращением к австрийскому министру и Извольскому оно оказало русскому обществу и общеславянскому делу весьма большую и ценную услугу: «Теперь уже можно считать доказанным, что австрийские “разоблачения” обрушились всей тяжестью на их составителей»⁹⁸. Извольскому, таким образом, удалось в очередной раз заручиться поддержкой влиятельных изданий октябристского толка.

Метаморфоза, произошедшая с «Новым временем», естественно, не осталась незамеченной. «Речь» писала: «После тех бесчисленных “волшебных” превращений, которыми полно было “Новое время” за последние годы, что еще может удивить читателя?.. Какие только громы не собирала суворинская газета над головою А.П. Извольского. Но стоило ей снестись непосредственно с бар. Эрнталем, переговорить с самим Извольским и этого оказалось совершенно достаточно для опровержения упорно распространявшихся басен»⁹⁹. На изменившийся тон «Нового времени» обращал внимание и петербургский корреспондент «Times», заметивший, что Извольский счел своим долгом предостеречь русскую печать от неправильного освещения событий¹⁰⁰.

С изданиями либерального направления договориться было несколько сложнее. П.Н. Милюков в «Речи» с горечью признавал: «Что аннексия Боснии и Герцеговины обсуждалась в Бухлау

с обильными подробностями, можно считать доказанным. Что русский министр иностранных дел согласился на инкорпорацию обеих провинций и требовал взамен свободного водного пути через Дарданеллы в Средиземное море, также выше всякого сомнения». Другой видный либерал Г.Н. Трубецкой, потрясенный фактами, проливавшими свет на события годичной давности, писал С.Д. Сазонову: «Если им верить, то наша дипломатия защищала заведомо невозможную позицию и поддерживала в общественном мнении неверные представления, порождавшие опасное возбуждение»¹⁰¹. Он напомнил, что год назад всеми силами пытался помочь министру, защищая его от нападков в своих выступлениях на всевозможных совещаниях политических и общественных деятелей. «Был ли я в заблуждении или нет? Ведь речь идет теперь о чем-то более важном, чем случайные ошибки и неизбежные промахи. Но почему же в таком случае министр не спешит опровергнуть такие обвинения?» — спрашивал он товарища министра иностранных дел¹⁰². После появления опровержения Трубецкой обращается к начальнику Отдела печати А.А. Гирсу: «Вы спрашиваете, как я смотрю на официальное сообщение, — откровенно скажу Вам, что по моему мнению, его лучше было бы не печатать, — помните, Вы были согласны со мною в том, что если нет данных для определенного опровержения, то лучше промолчать»¹⁰³. Сазонов и Гирс умело воспользовались добрыми личными отношениями с Трубецким, убедив его, что продолжение кампании против министра может привести к его отставке, нанеся тем самым удар по Тройственному согласию. Трубецкой заверил Сазонова, что «в присутствии заграничного похода лично против А.П.Извольского, русская печать, конечно, не может играть на руку бар. Эренталю»¹⁰⁴. Вскоре он прислал им для предварительного просмотра корректуру статьи, предварительно обсужденной и одобренной в кругу единомышленников, группировавшихся вокруг «Московского еженедельника». Она была оперативно опубликована в номере за 31 октября, и в ней говорилось: «...Как бы ни были вески основания нашей критики, голос независимого русского не может присоединиться к голосам наших зарубежных противников. Их цель ясна — добиться не только личной перемены в руководстве нашей внешней политики, но и перемены в общем ее направлении»¹⁰⁵.

В обмен на поддержку, оказанную в столь трудное для русской дипломатии время, либеральная интеллигенция рассчитывала на большее доверие, она стремилась к повышению собственной роли, если и не прямому участию в принятии внешнеполитических решений, то хотя бы расширению осведомленности в наиболее важных вопросах. В конце 1909 г. Г.Н. Трубецкой обратился

к А.А. Гирсу: «Министерство требует к себе доверия общества, и все разумные представители последнего охотно бы его дали, но Вы требуете того, чего сами не даете. Вы все смотрите на нас, как на детей старшего возраста, но когда-нибудь да нужно же нас перевести в следующий класс»¹⁰⁶. Усилия самого Трубецкого были оценены. В начале 1910 г. он получил предложение возглавить Отдел печати МИД, но не принял его. С.Д. Сазонову он так объяснил свое решение: «...У меня нет полной уверенности в том, что министр является полным и независимым от посторонних влияний распорядителем в своем деле. Быть может, в иных случаях и нельзя обойтись без компромиссов, но мои связи с общественной средой налагают на меня обязанности мнительной щепетильности в этом вопросе»¹⁰⁷. Несомненно, на Трубецкого серьезно повлиял как сам факт аннексии Боснии и Герцеговины, так и образ действий руководства МИД. Беспокойство, которым он поделился с Сазоновым, разделяли многие его коллеги и единомышленники.

Боснийский кризис оказался серьезным испытанием для русской дипломатии. Помимо важного международного значения, его особенностью является большая протяженность во времени — он продолжался семь месяцев и, кроме того, имел эпилог осенью 1909 года. Кризис выявил слабые стороны и уязвимость как самого А.П. Извольского, так и российского внешнеполитического ведомства. Одновременно испытанию подверглась новация А.П. Извольского — в условиях обновленной политической системы опереться на влиятельные силы в русском обществе и использовать их как аргумент в политическом диалоге с Европой. Именно так сам Извольский формулировал свою задачу, приступая к переговорам с Австро-Венгрией. Обработка общественного мнения, привлечение значительной его части на свою сторону входили в общий план, разработанный министром. Это само по себе означало признание роли общественного мнения и прессы как его выразителя во внешнеполитических процессах.

Сам замысел решить проблему Проливов ценой уступки Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины не нашел поддержки ни в правительственных сферах во главе с П.А. Столыпиным, ни среди большинства политических лидеров, ни в русском обществе в целом. А.П. Извольский заплатил за свой авантюризм крушением карьеры, потеряв в конце концов министерский пост.

Уроки Боснийского кризиса отразились на отношении МИД к общественному мнению. Отныне не учитывать его уже было невозможно. Приобретенный в 1908—1909 гг. опыт пригодился и в дальнейшем был применен более успешно.

- ¹ См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века: (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 223—253; *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908—1909 гг. — пролог Первой мировой войны. Л., 1964; *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции, 1905—1912 гг. М., 1960; и др.
- ² См.: *Кострикова Е.Г.* Боснийский кризис 1908 г. и общественное мнение России. // Российская история. 2009. № 2.
- ³ Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 23—25.
- ⁴ Константинополь и проливы. Т. 1. М., 1925. С. 10.
- ⁵ Государственная дума. Созыв 3-й, сессия 1. Стенографические отчеты. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 1766.
- ⁶ Исторический архив. 1962. № 5. С. 116—117.
- ⁷ Там же. С. 124.
- ⁸ Там же. С. 122—123.
- ⁹ Там же. С. 125.
- ¹⁰ Там же. С. 133.
- ¹¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. А.А. Савинского. Д. 57. Л. 162—163.
- ¹² Исторический архив. 1962. № 5. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 129.
- ¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337. Коллекция воспоминаний и дневников. Оп. 1. Д. 95. Л. 93.; Исторический архив. 1962. № 5. С. 134.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 459. А.С. Суворин. Оп. 1. Д. 4317. Л. 165.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. А.А. Гирса. Д. 9. Л. 7—8.
- ¹⁷ Новое время. 1908. 27 сентября.
- ¹⁸ Новое время. 1908. 24 сентября; Русское слово. 1908. 24 сентября.
- ¹⁹ Биржевые ведомости. 1908. 23 сентября; Голос Москвы. 1908. 26 сентября; Речь. 1908. 24 сентября; Русское слово. 1908. 24 сентября; Русские ведомости. 1908. 24 сентября.
- ²⁰ АВПРИ. Политархив. Оп. 482. Д. 3092. Л. 38.
- ²¹ Там же. Л. 39; Там же. Ф. А.А. Савинского. Д. 57. Л. 162—163.
- ²² Там же. Ф. Газетная экспедиция. Д. 481. Л. 182.
- ²³ Там же. Ф. Политархив. Д. 3092. Л. 39, 101, 102, 175; Там же. Ф. Канцелярия. 1908. Д. 204. Л. 120.
- ²⁴ Биржевые ведомости. 1908. 26 октября.
- ²⁵ Биржевые ведомости. 1908. 14 октября.
- ²⁶ Русские ведомости. 1908. 15 октября.
- ²⁷ Государственная дума. Созыв 3-й, сессия 2. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 23.
- ²⁸ Исторический архив. 1962. № 5. С. 139.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См. подробнее: *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908—1914. М., 2007. С. 54—59.
- ³¹ Государственная дума. Созыв 3-й, сессия 2. Стенографические отчеты. Ч. 1. Стб. 2619—2691.
- ³² АВПРИ. Ф. Газетная экспедиция. Д. 484. Царский экземпляр обзоров иностранной печати. Л. 74, 78, 86.
- ³³ Там же. Л. 103.

- ³⁴ Русское слово. 1909. 17 декабря; Биржевые ведомости. 1908. 17 декабря.
- ³⁵ Новое время. 1908. 19 декабря.
- ³⁶ Речь. 1908. 19 декабря; Биржевые ведомости. 1908. 21 декабря.
- ³⁷ Новое время. 1909. 1 января; Речь. 1909. 1 января.
- ³⁸ Московский еженедельник. 1909. 2 января (№ 1). С. 11–12.
- ³⁹ Русское слово. 1909. 8 января.
- ⁴⁰ Голос Москвы. 1909. 11 января.
- ⁴¹ Русское слово. 1909. 21 января.
- ⁴² Речь. 1909. 21 января.
- ⁴³ Голос Москвы. 1909. 21 января.
- ⁴⁴ Голос Москвы. 1909. 27 января.
- ⁴⁵ Речь. 1909. 28, 29 января.
- ⁴⁶ Русское слово. 1909. 1 февраля.
- ⁴⁷ Речь. 1909. 1 января.
- ⁴⁸ Там же. 2 февраля.
- ⁴⁹ Русское слово. 1909. 5 февраля.
- ⁵⁰ Голос Москвы. 1909. 8 февраля.
- ⁵¹ Речь. 1909. 12 февраля.
- ⁵² Русское слово. 1909. 13 февраля.
- ⁵³ Там же. 14 февраля.
- ⁵⁴ Голос Москвы. 1909. 12 февраля.
- ⁵⁵ Речь. 1909. 16 февраля.
- ⁵⁶ Голос Москвы. 1909. 17 февраля.
- ⁵⁷ Слово. 1909. 17 февраля.
- ⁵⁸ Русское слово. 1909. 17 февраля.
- ⁵⁹ Новое время. 1909. 18 февраля.
- ⁶⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1909. Д. 69. Перлюстрация. Л. 192. Выписка из донесения бельгийской миссии бельгийскому МИД от 17.02.1909.
- ⁶¹ Русское слово. 1909. 24 февраля.
- ⁶² Речь. 1909. 23 февраля.
- ⁶³ Речь. 1909. 24 февраля; Русское слово. 1909. 24 февраля.
- ⁶⁴ Речь. 1909. 24 февраля.
- ⁶⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1909. Д. 69. Л. 203.
- ⁶⁶ Русское слово. 1909. 25 февраля.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Речь. 1909. 25 февраля.
- ⁶⁹ Голос Москвы. 1909. 25 февраля; Русское слово. 1909. 27 февраля.
- ⁷⁰ Речь. 1909. 28 февраля.
- ⁷¹ История внешней политики России... С. 251.
- ⁷² Речь. 1909. 3 марта.
- ⁷³ Там же. 4 марта.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Голос Москвы. 1909. 6 марта.
- ⁷⁶ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный Архив. 1932. Т. 1 (50). С. 187. Письмо Николая II от 4.03.1909 г.
- ⁷⁷ История внешней политики России... С. 251–252.
- ⁷⁸ Речь. 1909. 13 марта; Новое время. 1909. 14, 16 марта; Голос Москвы. 1909. 17 марта.
- ⁷⁹ АВПРИ. Ф. Газетная экспедиция. Д. 489. Царский экземпляр обзоров прессы за 18 марта 1909 г. Л. 93.

- 80 Речь. 1909. 16 марта.
- 81 Голос Москвы. 1909. 17 марта.
- 82 Новая Русь. 1909. 22 марта; Новое время. 1909. 22 марта; Вечер. 1909. 22 марта; Слово. 1909. 22 марта; Речь. 1909. 22 марта.
- 83 Московский еженедельник. 1909. 21 марта (№ 12). С. 5, 7, 44.
- 84 Там же. 14 августа (№ 32). С. 19.
- 85 Там же. С. 23–38.
- 86 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1909. Д. 44. Л. 158–160.
- 87 Новое время. 1909. 9 сентября.
- 88 Речь. 1909. 23 сентября.
- 89 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1909. Д. 44. Д. 161.
- 90 Там же. Ф. Газетная экспедиция. Д. 496. Л. 106.
- 91 Речь. 1909. 27 октября.
- 92 Там же. 28 октября.
- 93 Русские ведомости. 1909. 28 октября; Голос Москвы. 1909. 29 октября.
- 94 Новое время. 1909. 28 октября.
- 95 Там же.
- 96 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1909. Д. 207. Л. 34.
- 97 Там же.
- 98 Новое время. 1909. 29 октября; Русское слово. 1909. 30 октября; Биржевые ведомости. 1909. 30 октября.
- 99 Речь. 1909. 30 октября.
- 100 АВПРИ. Ф. Газетная экспедиция. Д. 49. Л. 3.
- 101 Там же. Ф. 340. Оп. 812. Д. 127. Л. 1.
- 102 Там же. Л. 2.
- 103 ГА РФ. Ф. А.А. Гирса. Д. 892. Л. 9.
- 104 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 812. Д. 127. Л. 5.
- 105 Московский еженедельник. 1909. 31 октября (№ 43). С. 11–13.
- 106 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 812. Д. 127. Л. 8.
- 107 Там же. Л. 12.

В.П. Сафронов

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЯПОНСКИЙ ВОПРОС НА ЛОНДОНСКОЙ СЕССИИ СМВД ОСЕНЬЮ 1945 г.

Статья посвящена сюжетам, относящимися к союзнической оккупационной политике в Японии после окончания Второй мировой войны, на первой сессии Совета министров иностранных дел пяти великих держав в Лондоне осенью 1945 г. Главное внимание уделено вопросу контрольного механизма союзников для Японии, создания которого потребовали Великобритания и СССР. Центральное место отводится борьбе советской делегации за организацию союзнического Контрольного совета по Японии как высшего распорядительного органа, формулирующего и руководящего всей оккупационной политикой в этой стране, взамен или в дополнение к посту верховного командующего союзных держав американского генерала Д. Макартура.

Ключевые слова: Япония, СМВД, Союзный Контрольный совет, Дальневосточная консультативная комиссия, контрольный механизм, оккупационная политика, Верховный командующий союзных держав.

Вопрос о возможном рассмотрении на лондонской сессии Совета министров иностранных дел (СМВД) СССР, США, Великобритании, Франции и Китая, учрежденного по решению Потсдамской конференции союзников 1945 г., японских сюжетов впервые был затронут еще 15 августа 1945 г., сразу же после объявления Токио о капитуляции английской стороной. В тот день Лондон направил Москве, Вашингтону, Парижу и Чунцину соответствующие послания, датированные 14-м числом, в которых отметил, что ввиду событий на Дальнем Востоке «несомненно, будет существенно важным обсудить вопросы, касающиеся Японии»¹. Американцы выразили готовность выслушать предложения англичан², однако те заявили им 6 сентября, что у них в настоящее время нет никаких специальных тем для дискуссий, но «не следует исключать возможности, что некоторые дальневосточные вопросы могут созреть для обсуждения во время совещания»³.

Со своей стороны американцы не хотели обсуждать на лондонской встрече никаких дальневосточных тем и рассчитывали

посвятить ее другим актуальным проблемам. После того как они объявили об отсутствии у них намерения поднимать в Лондоне какие-либо дальневосточные вопросы китайцам, те в свою очередь незамедлительно информировали их о том же⁴.

Таким образом, получалось, что наиболее заинтересованным лицом в официальном обсуждении японского вопроса на СМВД оказывался Советский Союз, которого прежде всего беспокоила судьба контрольного механизма в Японии и его собственная роль в нем, посредством чего он намеревался установить бдительный и гарантированный присмотр как за своим бывшим врагом на Дальнем Востоке, так и за своими союзниками, первым делом США. Последним же, напротив, такой надзор был ни к чему. Их вполне устраивала собственная доминирующая роль в японских делах, чем и объяснялось нежелание поднимать в Лондоне весь этот вопрос.

Еще 5 июня 1945 г. президент США Г. Трумэн одобрил подготовленный американскими ведомствами проект положения о Дальневосточной консультативной комиссии (ДКК) и зарезервировал его для последующего использования на случай, когда союзники потребуют обсуждения дальневосточных проблем, вытекающих из факта поражения Японии⁵. Согласно проекту функции комиссии предполагалось ограничить дачей рекомендаций участвующим правительствам по вопросам, относящимся к выполнению Японией обязательств, связанных с безоговорочной капитуляцией, и не распространять их на послевоенное территориальное урегулирование. Состав участников должен был быть как можно более узким. Среди ее учредителей виделись только главные союзники — США, Великобритания, Китай, а также СССР, если бы он вступил в войну против Японии. При необходимости допускалось временное приглашение и других союзных стран — Австралии, Новой Зеландии, Нидерландов, Канады и Франции — в случае обсуждения вопросов, затрагивавших их интересы⁶.

Как и предполагали американцы, такая ситуация возникла, и довольно скоро — сразу же после поражения Японии, причем в неприятном для них ракурсе, ибо один из союзников поставил вопрос о создании международных контрольных органов, ограничивавших полномочия Соединенных Штатов в Японии. 20 августа 1945 г. британское посольство передало в госдепартамент США памятную записку с предложением создать союзный Контрольный совет для Японии из представителей четырех основных государств — Соединенных Штатов, Великобритании, Китая, СССР, а также Австралии, который должен был помогать Верховному командующему союзных держав генералу Макартуру в решении

политических, экономических и финансовых вопросов в период оккупации Японии, оставляя последнему свободу действий в военной сфере. Обязанностью Контрольного совета являлось формулирование политики в отношении Японии, а ее осуществление ложилось на плечи верховного командующего, который должен был действовать через японские власти.

Кроме того, для обеспечения связи в контроле над Японией с остальными странами, участвовавшими в войне, предлагалось создать союзный Консультативный (Совещательный) комитет из делегатов от пяти членов Контрольного совета плюс от Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Индии, Франции, Нидерландов и Филиппин. Функции Консультативного комитета состояли в рассмотрении вопросов, передаваемых из Контрольного совета, и в даче рекомендаций последнему⁷.

В свою очередь американцы в противовес неудобному для них британскому предложению о контрольном механизме в Японии извлекли из запасника собственный альтернативный зарезервированный проект об организации всего лишь механизма консультаций в виде Дальневосточной консультативной комиссии. 21 августа 1945 г. госсекретарь Дж. Бирнс поручил американским послам в Великобритании, СССР и Китае сделать правительствам этих стран предложение о создании ДКК в качестве совещательного органа⁸, что и было незамедлительно исполнено. В комиссию предлагалось включить четыре вышеупомянутые главные союзные державы, а также шесть других стран, расположенных на Дальнем Востоке или имевших там территории: Францию, Филиппины, Австралию, Канаду, Новую Зеландию и Нидерланды⁹.

30 августа британское правительство запросило госдепартамент США, насколько американское предложение согласуется с британской идеей Контрольного совета, выразив сомнение в готовности Дальневосточной консультативной комиссии учредить совет¹⁰ и одновременно направило свой проект контрольного механизма в Чунцин и Москву, предложив обсудить его. В советской столице его получили на следующий день в виде письма британского посла А. Керра на имя Молотова. Он был аналогичен переданному Вашингтону. Помимо положений о Контрольном совете в нем имелись указания и по механизму оккупации Японии. Согласно им британские вооруженные силы должны были участвовать в оккупации Японии во всех родах войск. В префектуре Токио гарнизонную службу предлагалось нести совместно американским, советским, британским и китайским войскам под руководством верховного командующего союзных держав, причем этот район не подлежал разбивке на отдельные зоны по примеру Берлина. На

остальной территории Японии все оккупационные обязанности ложились на плечи американских вооруженных сил¹¹.

В самый первый день сессии СМВД в Лондоне, 11 сентября 1945 г., руководитель советской делегации В.М. Молотов выступил за обсуждение японского вопроса на заседаниях, заметив, что он не включен председательствующим британским министром иностранных дел Э. Бевином в повестку дня, хотя в его письме советской стороне от 14 августа 1945 г. указывалось на возможность такого обсуждения. Английский министр пояснил, что это связано с отсутствием каких-либо специфических предложений для дискуссий от участвующих правительств и он не видит никаких особых тем, относящихся к Дальнему Востоку, готовых к рассмотрению¹². В свою очередь госсекретарь США Дж. Бирнс заметил, что американская делегация не предполагает рассматривать дальневосточные вопросы, так как на Потсдамской конференции считали, что больший прогресс будет достигнут, если сконцентрироваться на уже поставленных вопросах, и Соединенные Штаты не готовы обращаться к делам Дальнего Востока¹³. В связи с этим один из английских представителей сделал вывод о том, что Бирнс явно решил не допустить обсуждения дальневосточных сюжетов¹⁴. В результате их не оказалось в повестке дня конференции, которая занялась рассмотрением других актуальных тем.

Англичане еще накануне конференции пришли к убеждению о намерении США занять подобную позицию. По мнению дальневосточного департамента британского Форин офис, из контактов с американцами становилось ясно, что те не согласятся на официальное обсуждение на сессии СМВД вопроса о контрольном механизме в Японии, а потому совещание следует рассматривать как подходящее место для неформальных дискуссий по этой важной теме. Эксперты-дальневосточники считали желательным скорейшее достижение взаимопонимания с американцами, ибо не видели слишком больших различий между своими и их взглядами на проблему. Они согласны были позволить США играть ведущую роль в контроле над Японией и готовы были признать осуществление оккупационной политики исключительной прерогативой Д. Маккартура как главнокомандующего союзных держав, назначенного на эту должность в середине августа 1945 г. Сами же претендовали лишь на право участия Англии в формулировании этой политики.

Но с чем, по их мнению, британское правительство не могло согласиться, так это со стремлением американцев представить дело таким образом, будто оно дало им неограниченные полномочия действовать от его имени во всех вопросах, касающихся Японии. Лондон, например, соглашался, чтобы Маккартур проводил общую

капитуляцию японских вооруженных сил и чтобы ему же была подчинена власть императора и японского правительства в отношении управления государством. Однако одновременно англичане, в отличие от американцев, считали, что это вовсе не подразумевает признания безраздельного контроля со стороны союзного главнокомандующего, ибо в противном случае формулирование и осуществление политики по вопросам, выходящим за рамки капитуляции японских вооруженных сил, будет неизбежно находиться исключительно в руках Макартура и американского правительства¹⁵.

Сотрудники дальневосточного департамента считали желательным откровенно изложить все эти аргументы американцам и дать им понять, что союзный главнокомандующий не должен ущемлять принцип коллективной ответственности заинтересованных правительств за проводимую в Японии политику и что Англия в силу понесенного от агрессии Японии ущерба, своего вклада в ее разгром и наличия финансово-экономических интересов в этой стране имеет право на реальный голос в контроле над нею. Прежде всего англичане были заинтересованы в оказании влияния на урегулирование репарационного вопроса с Японией в желаемом для себя направлении и в японской текстильной промышленности как поставщике дешевого текстиля. Эксперты-дальневосточники предупреждали, что если англичане вынуждены будут принять идею Вашингтона лишь о совещательной роли его союзников в Японии, то американцам следует дать ясно понять о намерении Лондона иметь своих политических представителей в этой стране, которые бы заботились о британских интересах¹⁶.

Эти рекомендации спустя два дня нашли свое отражение в письме, адресованном 12 сентября британским министром иностранных дел Бевином госсекретарю США Бирнсу, находившемуся в тот момент в Лондоне на сессии СМВД. Отметив растущую обеспокоенность Англии неопределенностью в отношении послевоенной политики союзников в Японии, Бевин высказался за скорейшее приватное обсуждение с Бирнсом этого вопроса. Британский министр подчеркнул, что если Консультативная комиссия будет создана в соответствии с американскими предложениями, то туда следует включить Индию (как это предусматривалось в английском проекте о Консультативном комитете от 20 августа 1945 г.). Однако прежде чем принимать это американское предложение, английская сторона хочет знать больше о предполагаемом контрольном механизме в Японии и быть уверенной, что он обеспечит ей голос в контроле, соизмеримый с понесенным ущербом от японской агрессии и ее вкладом в разгром Японии. В этой связи Бевин отметил желание Лондона при любых обстоятельствах

иметь внушительное политическое представительство в Японии в виде соответствующего штаба¹⁷.

Министр высказал готовность Англии признать осуществление оккупационной политики в отношении Японии исключительной прерогативой верховного командующего генерала Макартура, однако далее пояснил, что это не должно подразумевать какого-либо умаления принципа коллективной ответственности главных союзных держав за проводимую политику. Он выразил сомнение в способности предлагаемой американцами большой Консультативной комиссии принимать быстрые решения, сидя в Вашингтоне, и в противовес этому заметил, что с данной задачей может эффективно справиться Контрольная комиссия (Контрольный совет, согласно английскому проекту от 20 августа 1945 г.), которая должна находиться непосредственно в Японии. Бевин подчеркнул, что основное бремя ответственности за оккупационную политику следует разделить между четырьмя главными союзниками и Австралией, из которых и должна состоять Контрольная комиссия. Колебания английского правительства в принятии американского предложения о предоставлении права разрабатывать контрольный механизм для Японии Дальневосточной консультативной комиссии он объяснил неверием в то, что такая комиссия из 11 членов легко согласится делегировать ответственность Контрольной комиссии, состоящей только из пяти стран¹⁸.

15 сентября Бевин имел краткую беседу с Бирнсом по поводу письма. Американский госсекретарь сказал, что планы США по контролю над Японией были спроектированы таким образом, чтобы не позволить русским требовать раздела страны на отдельные зоны, и добавил, что американское правительство желало бы рассмотреть любые разумные просьбы Лондона¹⁹. Спустя несколько дней англичане воспользовались этой возможностью.

Между тем японские сюжеты продолжали всплывать в ходе конференции лишь изредка и лишь в связи с другими темами. 20 сентября госсекретарь США Бирнс в беседе с Молотовым предложил Москве заключить договор о разоружении и предотвращении агрессии Германии в будущем. Никакого конкретного проекта он не представил, но указал на возможность разработать детали в дальнейшем. Он пояснил, что, хотя американский народ, как правило, не заключает договоров с другими странами, сейчас американцы полны решимости не позволить Германии вооружаться. Цель подобной договоренности СССР и США состоит в том, чтобы держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет, и президент Трумэн готов о ней подумать. Бирнс заметил, что, если советская сторона поддержит это предприятие, он мог бы убедить

в его полезности Трумэна и лидеров американского конгресса, а затем присоединиться к нему можно будет предложить Англии и Франции. Молотов на это ответил, что не может сейчас говорить от имени своего правительства и поставит его в известность, но ему лично идея представляется интересной²⁰. Полученную информацию он незамедлительно довел до сведения Москвы.

В своих воспоминаниях Бирнс мотивировал свое предложение желанием отвести аргументы Молотова, объяснявшего поддержку Москвой просоветских режимов в восточноевропейских государствах страхом перед Германией, и таким образом разблокировать ход лондонской сессии СМВД, столкнувшейся с большими препятствиями в своей работе²¹.

Между тем советское руководство мотивы американского государственного секретаря видело совсем в другом, связывая их не с лондонским совещанием, а с общей политической линией Вашингтона на достижение единоличной монополии как в Европе, так и на Дальнем Востоке. 21 сентября Молотову была отправлена телеграмма Сталина, который выразил в ней открытое недоверие к этому шагу американцев, заподозрив здесь явно неблагоприятные намерения. Он подчеркнул, что предложение Бирнса преследует несколько целей, первая из которых состоит в стремлении отвлечь внимание СССР от Дальнего Востока, «где Америка ведет себя как завтрашний друг Японии», и тем самым создать впечатление полного благополучия на Дальнем Востоке. Другие цели США он связывал с их желанием добиться сначала равной с СССР, а затем и ведущей роли в делах Европы, а также обесценить уже существовавшие и будущие пакты о союзе СССР с восточноевропейскими государствами²². Судя по высказываниям Бирнса, эти подозрения на тот момент были весьма преувеличены и едва ли обоснованны, даже относительно слишком рано высказанной мысли об Америке как завтрашнем друге Японии, ибо Дальний Восток в задумках государственного секретаря вообще никак не присутствовал.

Сталин полагал, что предложение Бирнса обусловлено страхом США перед перспективой укрепления могущества СССР в Европе, и попытался использовать это для предъявления аналогичных контртребований Вашингтону, нацеленных на блокирование возможной угрозы в будущем со стороны Японии, в отношении которой генсек испытывал больше беспокойства, чем в отношении Германии. При этом американское предложение он не собирался отвергать как по причине его полезности для обеспечения безопасности в Европе, так и для увязки со своим требованием. Сталин посчитал момент очень подходящим, чтобы потребовать за реализацию политического интереса Вашингтона соответствующую

плату, полагая, что тому придется ее предоставить, если он хочет взамен что-то получить от Москвы.

Объясняя тактику, которой должна была придерживаться советская делегация, Сталин писал Молотову в той же телеграмме, что, «используя страх Америки перед ростом влияния СССР в Европе», советской стороне следует добиваться того, «чтобы антигерманский пакт СССР и США был обусловлен антияпонским пактом между СССР и США». Резюмируя сказанное, он поручил Молотову предложить американцам заключить прежде всего антияпонский пакт, а вслед за ним или одновременно и антигерманский и при этом дать понять партнерам, что без заключения первого договора Москва не сможет пойти на второй²³.

Кроме того, Сталин решил провести кардинальную реформу оккупационной администрации в Японии, будучи недоволен единоличным управлением там американцев. Он вынужден был коренным образом изменить свое прежнее мнение о предложенном Вашингтоном за месяц до этого механизме союзнической политики в Японии, предусматривавшем создание Дальневосточной консультативной комиссии и поддержанном им еще две недели назад. Теперь он посчитал, что такой механизм является отвлекающим маневром американцев и не служит цели установления строгого коллективного контроля за Японией, а потому не может устроить советскую сторону.

В указанной телеграмме генсек предупреждал наркома, что американское «предложение о Консультативном комитете (на самом деле комиссии. — В.С.) имеет своей целью отложить на неопределенное время вопрос о Контрольном совете и дать тем самым Макартуру единолично решать все вопросы относительно Японии, как военные, так и гражданские». Сталин указывал Молотову, что «нужно покончить с неограниченными правами Макартура и с институтом единоличного Верховного Главнокомандующего четырех держав, который ... делает что ему вздумается и даже не сообщает нам о своих распоряжениях». В качестве главного аргумента наркому поручалось выдвинуть довод о том, что единоличные полномочия Макартура, оправданные в условиях войны, не соответствуют задачам мирного времени²⁴.

В тот же день, 21 сентября, Молотову были направлены из Москвы конкретные директивы относительно антияпонского пакта с США, которые отличались от сказанного в телеграмме Сталина тем, что в них не говорилось о взаимосвязи антияпонского и антигерманского пактов, причем о последнем договоре вообще предлагалось умолчать в ожидании, по-видимому, первой реакции американцев.

Наркому поручалось сообщить госсекретарю альтернативный план советского правительства не как ответ, а как самостоятельное предложение. Молотов должен был сказать Бирнсу, что со дня на день ожидает ответ на американское предложение о договоре по предупреждению германской агрессии, но что, когда его сообщение об этом еще не успело дойти до Москвы, он получил указание своего правительства предложить госсекретарю заключить договор против японской агрессии в будущем. В качестве мотивации ему следовало подчеркнуть, что вопрос о таком пакте его правительство считает серьезным и своевременным, так как Япония в силу условий ее капитуляции сохранила за собой серьезные возможности, которые могут облегчить будущую японскую агрессию и которых Германия теперь не имеет.

Эти возможности Москва видела в том, что на тот момент были демобилизованы далеко не все вооруженные силы Японии, а только полтора с небольшим миллиона человек. При этом японские дивизии на территории метрополии и их офицерский состав демобилизовывались и распускались американцами по домам, но не брались в плен, а их вооружение содержалось на складах под охраной японцев. По мнению Москвы, это оставляло в руках Японии как обученных солдат, так и весь кадровый офицерский состав. То же самое директива отмечала и в отношении рядового и кадрового офицерского состава японского военно-морского флота. В ней подчеркивалось, что все это делается без согласования с советской стороной, несмотря на оценку ею такой тактики как опасной и чреватой большими возможностями для будущей японской агрессии. Молотову поручалось сказать Бирнсу, что советское правительство не разделяет подобную тактику и не хочет отвечать за нее перед мировым общественным мнением²⁵.

22 сентября 1945 г. перед запланированным пленарным заседанием сессии Молотов попросил у Бирнса личной встречи, на которой изложил ему присланные инструкции, касающиеся Японии. Он заявил, что они были отправлены до получения его сообщения об антигерманском пакте. В них указывается, что советское правительство считает своевременным заключение советско-американского договора против возможного возобновления японской агрессии, поскольку условия капитуляции Японии, как они осуществляются в настоящее время, оставляют возможности для таковой, в отличие от Германии, которая их не имеет.

Среди таких условий, как и предписывалось директивой, Молотов отметил демобилизацию и роспуск по домам американцами вместо пленения личного состава японского военно-морского флота и дивизий внутри метрополии, а также проведение амери-

канским командованием подобных мероприятий без согласования с союзниками. Это, по словам наркома, оставляло в руках Японии обученные кадры офицеров и солдат и представлялось советскому правительству опасным, а потому оно не могло поддержать такую тактику и нести за нее ответственность перед мировым общественным мнением. Молотов предложил американской стороне в вопросе обращения с японскими военнопленными последовать примеру СССР в отношении немецких военнопленных, а именно престарелых, больных и раненых вернуть домой, а остальных отправить на работы в плену²⁶.

Между тем подобные предложения и последующие действия советского правительства в отношении японских солдат и офицеров противоречили букве и духу Потсдамской декларации, к которой оно присоединилось и в которой не предусматривалось ни пленения, ни тем более использования принудительного труда японских военнослужащих, а говорилось только об их разоружении. Мало того, в статье 9-й прямо подчеркивалось, что им будет разрешено вернуться домой после того, как они будут разоружены²⁷. В то же время другие документы союзников — Общий приказ № 1 генерала Макартура о капитуляции японских вооруженных сил и Акт о капитуляции Японии — такие мероприятия разрешали либо, во всяком случае, не запрещали, поскольку в них говорилось о сдаче японских войск союзникам и никак не упоминалось об использовании их труда в плену²⁸.

Таким образом, американская сторона могла законно обращаться с японскими военнослужащими, отталкиваясь от Потсдамской декларации, то есть сразу отпускать их по домам после разоружения, а советская — столь же законно могла отстаивать необходимость их пленения, основываясь на Общем приказе № 1 и Акте о капитуляции Японии. Коллизию между этими документами можно было разрешить, признав, что действие двух последних по логике относилось лишь к начальному периоду после капитуляции, вслед за чем приоритет приобретала Потсдамская декларация с ее указанием о возвращении солдат. Однако отсутствие упоминания о конкретных сроках позволяло достаточно вольно интерпретировать положения вышеназванных документов.

Бирнс полностью согласился с той целью, которую поставило перед собой советское правительство в отношении предотвращения японской агрессии, и с предложением об антияпонском договоре, которое он назвал «хорошей мыслью», и пообещал по возвращении в США переговорить о нем с президентом Трумэном и лидерами конгресса. Он заявил о необходимости разоружения Японии подобно Германии и принятии им мер по организации су-

да над японскими военными преступниками. Одновременно госсекретарь сказал о трудности осуществления пленения японской армии и невозможности для Соединенных Штатов принуждать пленных к работе ввиду наличия упомянутой оговорки в 9-й статье Потсдамской декларации и необходимости кормить огромное число людей²⁹.

Отвечая Молотову по поводу разоружения японцев, Бирнс упомянул свою просьбу к Вашингтону отложить намеченное Макартуром потопление нескольких японских боевых кораблей до консультаций с СССР и Англией. А присутствовавший на беседе помощник госсекретаря Дж. Данн подчеркнул, что демобилизация японской армии и флота проводится в соответствии с условиями Потсдамской декларации при полном их разоружении и отметил мероприятия Макартура по уничтожению японского вооружения и военных укреплений и приказ Вашингтона генералу провести их в кратчайший срок³⁰.

К этому времени Макартур по прямому указанию Вашингтона уже полным ходом закреплял за США безраздельное руководство оккупационной политикой в Японии, оставляя за рамками этого процесса другие страны. В первые же дни после подписания Акта о капитуляции Японии, 6 сентября 1945 г., комитет начальников штабов США направил Макартуру директиву, согласно которой власть императора и японского правительства по управлению государством подчинялась ему как главнокомандующему союзных держав и он мог осуществлять свои полномочия по собственному усмотрению. Подчеркивалось, что отношения с Японией базируются не на договорных началах, а на ее безоговорочной капитуляции и поэтому генерал не должен был принимать во внимание никаких сомнений японцев по поводу пределов своей власти. Макартуру следовало осуществлять свои функции через японское правительство, а при необходимости действовать и напрямую. Собственные приказы ему разрешалось приводить в исполнение любыми средствами, включая применение силы³¹.

18 и 19 сентября американцы поставили в известность об этой директиве посольства Англии, СССР и Китая³² и сразу после этого обнародовали ее. Реакция Лондона и Москвы была довольно скорой. В обеих столицах ясно почувствовали, что они оттесняются Вашингтоном от процесса управления Японией и потому пора срочно установить равноправие союзников в этой стране. Первыми выступили англичане. 22 сентября глава дальневосточного департамента британского МИДа Дж. Беннет в неформальной беседе с послом США в Лондоне Дж. Вайнантом выразил недовольство этим шагом американцев ввиду лишения союзников возмож-

ности заявить свое мнение о директиве и внести в нее изменения. В связи с этим он высказал серьезную озабоченность задержкой в создании союзного контрольного механизма или консультативной комиссии для Японии, посредством которых заинтересованные правительства смогут излагать свои взгляды по жизненно важным проблемам, а также односторонними американскими директивами Макартуру и его заявлениями от имени союзных держав без консультаций с последними.

Беннет вновь заявил о крайней необходимости принять предложение англичан об учреждении пятисторонней контрольной комиссии в Токио и подчеркнул его преимущества перед американским проектом Дальневосточной консультативной комиссии с местопребыванием в Вашингтоне. Они, по мнению Лондона, заключались в том, что, в то время как большая комиссия, заседающая в Вашингтоне, будет неспособна принимать быстрые решения по оперативным вопросам ввиду нехватки конкретной информации из Японии, союзный орган из пяти держав в Токио сможет эффективно работать по текущим и срочным вопросам³³.

Одновременно с англичанами вопрос о контрольном механизме в Японии решила инициировать и советская делегация, руководствуясь телеграммой Сталина Молотову от 21 сентября о необходимости реформы оккупационной администрации в этой стране. Чтобы добиться здесь успеха и покончить с институтом монопольной власти генерала Макартура, советской стороне необходимо было заручиться поддержкой своих возможных потенциальных единомышленников против американцев в этом вопросе в лице англичан и китайцев.

23 сентября Молотов в беседе с британским министром иностранных дел Э. Бевином напомнил о письме английской стороны советскому правительству от 30 августа 1945 г. о контрольном механизме в Японии и намерении Лондона обсудить его, указав, что этого до сих пор не сделано. Нарком высказал желание советской делегации поставить его на обсуждение текущей сессии СМВД и принять по нему решение, близкое предложениям британского правительства, содержащимся в письме³⁴. Таким образом, если первоначально, в начале сентября, советская сторона фактически отвергла британское предложение о контрольном механизме в Японии, склонившись в пользу американского варианта, то теперь она полностью изменила свою позицию, поскольку стала с подозрением относиться к намерениям Вашингтона в отношении Японии.

В тот же день, 23 сентября, советская делегация решила прозондировать и позицию китайской стороны на предмет ее готов-

ности рассмотреть в Лондоне вопрос о контрольном механизме в Японии. В беседе с министром иностранных дел Китая Ван Шицзе нарком Молотов спросил его, считает ли он правильным, что СМВД не обсуждает дальневосточные вопросы, и получил отрицательный ответ. При этом китаец заметил, что участники конференции не готовы к такому обсуждению и целесообразнее было бы провести его не в Лондоне, а в Китае. Молотов поинтересовался также, не считает ли Ван Шицзе нужным создать Контрольный совет по Японии, учитывая, что генерал Макартур не может справиться в одиночку со своей работой, не привлекая других союзников, проводит в этой стране свою политику, распускает японских солдат и офицеров по домам, не беря их в плен, что чревато опасностью новой агрессии со стороны Японии. Китайский министр лишь заметил, что его страна получила от американцев предложение о создании союзной консультативной комиссии в составе четырех великих держав и Австралии, но затрудняется согласиться на участие последней³⁵.

На следующий день, 24 сентября, в ходе утреннего, восемнадцатого пленарного заседания Молотов поднял вопрос о контрольном механизме в Японии официально. Вначале он огласил заявление советского правительства, в котором говорилось о том, что сложившаяся в Японии обстановка настоятельно требует безотлагательного создания там Союзного Контрольного совета (СКС), ибо, пока существовала чисто военная полоса и японские войска и флот еще не были разоружены, сосредоточение всех функций по контролю над Японией в руках союзного главнокомандующего имело свои основания. Однако в настоящее время, когда военная полоса миновала, перед союзниками в Японии возникают новые задачи главным образом политического, экономического и финансового характера, конечной целью которых должно быть уничтожение японского милитаризма и создание в Японии таких условий, которые устранили бы всякую возможность новой агрессии с ее стороны. Ответственность за достижение этой цели лежит на четырех союзных державах и не может быть переложена только на США³⁶.

В этой связи советское правительство считало необходимым внести на рассмотрение текущей сессии Совета министров иностранных дел следующие предложения:

1. Немедленно создать в Токио Союзный Контрольный совет из представителей США, Великобритании, Советского Союза и Китая под председательством американского представителя.

2. Задачей СКС сделать формулирование политики союзников в отношении Японии в политической, военной, экономической,

финансовой и других областях, а несогласованные вопросы передавать на разрешение союзным правительствам.

3. Осуществлять политику, сформулированную Контрольным советом, через его исполнительные органы.

4. Осуществлять гарнизонную службу в Токио совместно вооруженными силами четырех держав³⁷.

В ходе завязавшейся дискуссии по советскому заявлению госсекретарь США Бирнс выразил сомнение в целесообразности включения советского предложения в повестку дня текущей сессии СМВД, ссылаясь на необходимость рассмотрения тех вопросов, которые были поручены главами союзных правительств на Потсдамской конференции. Однако он заявил о готовности изучить советское предложение и после того, как будет покончено с этими вопросами, всем вместе решить, ставить ли его в повестку дня³⁸.

Между тем нарком Молотов пояснил, почему он поднимает данный вопрос на заседании министров. Он сказал, что совещание отстает от происходящих в Японии событий, в ходе которых верховный главнокомандующий генерал Макартур ни с кем не консультируется и проводит политику, которая может оказаться чреватой опасностью возникновения новой японской агрессии в недалеком будущем, за которую советское правительство не может нести ответственность. В данной связи он выразил обеспокоенность таким положением, когда вооружение и обмундирование капитулировавшей японской армии находятся под охраной самих японцев, при этом вооружение и боеприпасы тайно вывозятся ими в горы, а обмундирование выдается японским солдатам и офицерам при демобилизации. Некоторые же американские военные власти смотрят на это сквозь пальцы, не оказывая сопротивления японцам.

Молотов обратил также внимание участников на нереализованность английского предложения о создании Союзного Контрольного совета и американского предложения о консультативном совете в Японии (на самом деле в американском проекте речь шла о консультативной комиссии. — *В.С.*), внесенных еще до конференции в Лондоне, несмотря на поддержку последнего советской стороной и наличие контрольных советов во всех побежденных европейских странах. Поэтому нарком заявил, что британский проект заслуживает такого же внимания, как и советский по тому же вопросу³⁹.

Со своей стороны госсекретарь США Бирнс выразил уверенность в том, что сведения, сообщенные Молотовым о положении

в Японии, не соответствуют действительности, ибо политика Макартура предусматривает, что у Японии не будет никаких войск, секретных полицейских отрядов, гражданской авиации и все японские войска должны быть разоружены и распущены, равно как должны быть распущены генштаб и все секретные полицейские организации. Кроме того, все военные сооружения и укрепления, корабли и самолеты должны быть переданы в распоряжение союзного главнокомандующего. Бирнс убеждал, что, поскольку Соединенные Штаты больше всего после Китая пострадали от японской агрессии, эта политика будет проведена в жизнь и союзники могут быть уверены, что у Японии не останется никаких средств для новой агрессии⁴⁰.

Британский министр иностранных дел Бевин в свою очередь заявил о полном доверии его страны к действиям генерала Макартура и поддержал предложение Бирнса рассмотреть прежде всего вопросы, стоящие в повестке дня сессии, перед тем, как браться за другие. После этого он согласен был обсудить японские дела. Не против рассмотрения советского предложения были китайский и французский министры Ван Шицзе и Ж. Бидо. Молотов согласился с британским подходом, но просил все-таки, не откладывая, включить японский вопрос в повестку дня⁴¹.

Однако на этот раз американский госсекретарь Бирнс более решительно высказался против этой просьбы. Он вновь заявил, что приехал в Лондон для рассмотрения вопросов, порученных СМИДу главами трех союзных правительств, и не готов обсуждать дальневосточное положение, так как у него нет военных советников, близко знакомых с ситуацией в Японии, представителей американской армии, ответственных за проведение политики в этой стране, и всех необходимых для этого сведений⁴². В результате было решено вернуться к текущим вопросам, а вопрос о включении советского предложения в повестку дня обсудить на другом заседании сессии.

В тот же день Бирнс вручил четырем союзным делегациям текст директивы президента США генералу Макартуру «Первоначальная политика Соединенных Штатов в отношении Японии после капитуляции», опубликованной в американской печати 23 сентября 1945 г. и ставшей базовым инструментом всей последующей деятельности американской оккупационной администрации в Японии. Госсекретарь надеялся этим прежде всего рассеять опасения Молотова по поводу американской политики в Японии и методов разоружения японских войск. Однако на самом деле документ послужил основанием для предъявления советской стороной новых претензий Вашингтону.

На следующее утро, 25 сентября 1945 г., в ходе двадцатого пленарного заседания нарком Молотов вновь настоятельно попросил участников включить вопрос о создании Контрольного совета в Японии в повестку дня текущей сессии СМВД, но опять встретил решительные возражения Бирнса с его прежними мотивировками, звучавшими накануне⁴³.

Возражая ему, Молотов подчеркнул, что вносимый вопрос является более неотложным, чем обсуждаемые в настоящий момент. Сославшись на опубликованные директивы президента Трумэна Макартура «Первоначальная политика Соединенных Штатов в отношении Японии после капитуляции», нарком высказал сомнения в пользу подобных односторонних и несогласованных акций, заметив, что такому примеру могут последовать другие союзные державы и это может привести к разнице во взглядах. Он выразил претензии американскому правительству по поводу того, что оно не проконсультировалось по этому делу с советским правительством, и спросил, проводится ли в отношении Японии общая политика, которой связаны союзники, или же политика, угодная какому-то одному правительству, независимо от позиции других.

В этой связи он указал на наличие единой согласованной линии союзников в отношении Японии в виде Общего приказа № 1 генерала Макартура о капитуляции японских вооруженных сил и Акта о капитуляции Японии, появившихся после консультаций между союзными правительствами и являющихся, по его словам, хорошей базой для совместной политики держав. При этом он подчеркнул, что оба эти документа обязывают союзников взять в плен японских солдат и офицеров и если советская сторона делает это, то союзническая эти решения почему-то не выполняет. Здесь нарком сравнил акты о капитуляции Японии и Германии, отметив, что, хотя первый акт говорит о сдаче капитулировавших войск более определенно, чем второй, именно немецкие вооруженные силы были пленены союзниками, а японские — нет, за исключением дальневосточных территорий, занятых Красной Армией⁴⁴.

Молотов вновь высказал опасение в связи с теми фактами, что японские солдаты и офицеры распушены по домам, хотя они представляют собой готовые и обученные вооруженные силы; что японцы сами охраняют склады боеприпасов, хотя «это не наши друзья, чтобы поручать им такое дело»; что они открыто пишат о намерении сохранить свою тяжелую промышленность и гражданскую авиацию и сохраняют довольно большое количество жандармерии и полиции, в то время как американские власти, видимо, не противодействуют этому. Здесь Молотов вновь подчеркнул, что советское правительство считает такое положение опасным, так

как этим может быть облегчено возникновение новой японской агрессии в будущем, и не может нести никакой ответственности за такое положение перед мировым общественным мнением. Вот почему советская делегация просит поставить этот вопрос на текущую повестку дня и согласна приступить к его обсуждению после рассмотрения других тем, когда и Бирнс, и другие члены СМИД, возможно, будут иметь необходимую для этого информацию. Подводя итог сказанному, Молотов заметил, что советская сторона, по существу, предлагает по вопросу о Контрольном совете то же самое, что было предложено британским правительством в его меморандуме, адресованном Советскому Союзу и Соединенным Штатам в конце августа 1945 г.⁴⁵

Выступивший затем китайский представитель Ван Шицзе огласил заявление своей делегации, в котором одобрялось советское предложение о рассмотрении вопросов контроля над Японией на текущей сессии СМИД и выражалась готовность приступить к нему, если все другие делегации пожелают этого. Однако в отличие от СССР китайская сторона не настаивала на создании Контрольного совета в Японии и готова была удовлетвориться созданием Дальневосточной консультативной комиссии в США. В заявлении отмечалось, что, хотя провозглашенная союзниками задача полного уничтожения японского милитаризма и всякой возможности новой агрессии с его стороны лучшим образом может быть выполнена союзным органом, состоящим из ведущих держав антияпонской военной коалиции, с местопребыванием в Японии, ввиду особых условий военной оккупации Японии и незавершенности разоружения японской армии китайское правительство охотно приняло предложение США о создании союзного консультативного органа в Вашингтоне. Китайская сторона выражала пожелание, чтобы указанный консультативный орган был создан и приступил к работе как можно скорее. По ее результатам можно было установить, отвечает ли он поставленным целям и задачам или нужен иной контрольный механизм⁴⁶.

Несмотря на готовность китайской, а также французской делегаций включить советское предложение в повестку дня и призыв Молотова ко всем участникам продемонстрировать в этом вопросе согласованную политику в отношении Японии, общего согласия на этом заседании достигнуто все же не было, причем на стороне главного оппонента советской делегации Бирнса выступил и английский министр Бевин под предлогом нерешенности на сессии проблемы процедуры⁴⁷. В итоговом коммюнике решено было не упоминать об обсуждении японского вопроса.

Сообщая в Москву о непреклонности Бирнса, отказавшегося при поддержке Бевина дополнить повестку дня обсуждением контрольного механизма в Японии, Молотов предложил Сталину обратиться напрямую к президенту Трумэну⁴⁸. Однако генсек отверг этот совет и в ответной телеграмме наркому в Лондон от 25 сентября излил свое крайнее возмущение союзниками. Он назвал «верхом наглости» англичан и американцев, «считающих себя нашими союзниками», нежелание выслушать как следует советскую сторону относительно Контрольного совета в Японии. «Один из союзников – Советский Союз – заявляет, – писал Сталин, – что он недоволен своим положением в Японии, а люди, называющие себя нашими союзниками, отказываются обсудить наше заявление. Это говорит о том, что у них отсутствует элементарное чувство уважения к своему союзнику». Сталин предложил Молотову аргументы для воздействия на союзников: «Не следует ли намекнуть Бирнсу и Бевину, что при таком положении мы будем вынуждены отозвать своих людей из Японии, так как не можем нести никакой ответственности за политику США и Англии по отношению к Японии». В заключение он выдвинул, на его взгляд, самый сильный и обезоруживающий козырь: «Мы имеем сведения, что американцы наложили руку на золотой запас Японии, исчисляющийся в один-два миллиарда долларов, и взяли себе в союзники англичан. Нужно намекнуть им на это, дав понять, что здесь лежит причина того, что американцы и англичане противятся организации Контрольного совета и не хотят подпускать нас к японским делам, несмотря на то, что англичане еще недавно сами предлагали организовать в Японии Контрольный совет»⁴⁹.

Сталинские аргументы едва ли могли изменить позицию американцев в Лондоне, поскольку, с одной стороны, Вашингтон не очень расстроился бы, если бы Москва отозвала своих представителей из Японии. А с другой, вопрос о золоте, даже если бы имел место на самом деле, не мог стать причиной оттеснения Москвы от японского пирога, ибо таковая лежала в политической области. Тем не менее Молотов четко выполнил порученное задание на следующий день, 26 сентября, в беседе с Бирнсом и Бевинем перед открытием очередного пленарного заседания сессии.

Он выразил удивление отказом американцев и англичан обсуждать советское предложение о контрольном механизме в Японии и в связи с этим заметил, что, может быть, советские представители в Японии не нужны и их следует отозвать, что их не информируют и при таких условиях их дальнейшее пребывание там бессмысленно. «Чего СССР, Британия и США не поделили? – спросил он. – Ходят слухи, что американцы захватили в Японии один-два

миллиарда долларов японского золота ... Может быть, это препятствует участию советского представителя в Контрольном совете по Японии?»⁵⁰

Отвечая Молотову, американский госсекретарь Бирнс повторно пообещал по возвращении в Вашингтон переговорить с президентом Трумэнem по вопросу о контрольном механизме в Японии, вновь указав на невозможность решить его на сессии в Лондоне без консультации со своими советниками и предложил обсудить его по дипломатическим каналам. Он также заявил об отсутствии причин у советского правительства не оставлять своих представителей в Японии и готовности выяснить, почему они не информируются. О японском золоте Бирнс сказал, что не слышал о его захвате американцами, но если оно будет найдено, то советскому правительству об этом сообщат⁵¹. В своих воспоминаниях два года спустя он признал, что вся эта история с золотом оказалась на самом деле неправдой⁵².

Со своей стороны британский министр Бевин подчеркнул, что его правительство не возражает против обсуждения японского вопроса, но не в рамках СМВД, так как оно против обсуждения его «в узком кругу». Он настаивал на подключении к этому процессу британских доминионов — Канады, Австралии и Новой Зеландии, выдвинувших подобные требования перед Лондоном, и получил заверения Молотова о возможности договориться и, в частности, допустить Австралию к этому делу⁵³.

Когда госсекретарь Бирнс завел разговор о том, что на территориях, занятых американцами, англичанами и китайцами, применяется Потсдамская декларация, согласно которой капитулировавшие японские солдаты и офицеры должны распускаться по домам, а на занятых советскими войсками территориях она не применяется, ибо японские войска берутся в плен, Молотов заметил, что советское правительство исходит не только из этой декларации, но и из Общего приказа № 1, подписанного генералом Макартуром, который имеет равную, если не большую значимость и по которому японцам не должно быть разрешено возвращаться домой. Если союзники не берут в плен японцев, добавил нарком, то они не выполняют приказа № 1 и Акта о капитуляции Японии, в отличие от советского командования⁵⁴.

Спустя несколько минут, во время очередного пленарного заседания сессии, советская делегация вновь предприняла попытку привлечь внимание к японскому вопросу. Молотов предложил внести поправки в опубликованное итоговое коммюнике предыдущего пленарного заседания от 25 сентября в связи с тем, что в нем не была упомянута, хотя и с общего согласия участников,

дискуссия о постановке на обсуждение вопроса создания союзного Контрольного совета в Японии. В новой, советской редакции предлагалось ликвидировать этот пробел⁵⁵. Однако британская и американская стороны отвергли это предложение под предлогом отсутствия данного вопроса в повестке дня сессии, и Молотов вынужден был снять его⁵⁶.

Тем не менее Сталин не успокаивался в стремлении добиться от союзников удовлетворения своих требований в отношении контрольного механизма в Японии. На следующий день, 27 сентября, из Москвы Молотову была послана новая директива, предписывавшая «теперь же поставить в Совете Министров вопрос об организации Контрольного совета по японским делам» как не терпящий отлагательства⁵⁷. В документе разъяснялось, что «американское предложение об организации консультативной комиссии имеет своей целью отложить на неопределенное время вопрос о Контрольном совете и дать тем самым Макартуру единолично решить все вопросы относительно Японии, как военные, так и гражданские». По этой причине это предложение предлагалось отклонить и положить в основу обсуждения не американский, а английский проект от 30 августа 1945 г., представленный послом в Москве А. Керром, как более подходящий, поскольку «он не откладывает вопроса о Контрольном совете и делает робкую попытку несколько сократить неограниченные права Макартура»⁵⁸.

Главная идея директивы состояла в ликвидации института верховного главнокомандующего союзников в Японии в лице американского генерала, созданного всего полтора месяца назад и ущемлявшего интересы СССР, на смену которому и должен был прийти Контрольный совет. «Мы считаем, — указывалось в документе, — что нужно покончить с неограниченными правами Макартура и с институтом единоличного верховного командующего четырех главных держав, который ... делает, что ему вздумается, и даже не сообщает нам о своих распоряжениях. Отсюда наше предложение: потребовать создания Контрольного совета из четырех главных держав, причем не возражать и против пятой державы — Австралии, если англичане будут на этом настаивать. Председательствование в Контрольном совете передать Макартуру, с тем чтобы институт единоличного верховного главнокомандующего союзников был ликвидирован и чтобы Макартур впредь выступал от имени Контрольного совета»⁵⁹.

Функции Контрольного совета, местом пребывания которого предлагался Токио, виделись Москве в «выработке политики союзников в отношении Японии как в области военной, так и во

всех других областях», а функции его председателя — в «принятии мероприятий по проведению выработанной Контрольным советом политики»⁶⁰.

Ради того, чтобы склонить англичан к поддержке позиции СССР, советская сторона согласна была принять их предложения о размещении союзных гарнизонов в Токио и предоставлении Великобритании авиабазы и порта в Японии при условии предоставления того же и Советскому Союзу, а также об организации союзного Консультативного (Совещательного) комитета для взаимодействия с Контрольным советом⁶¹.

Главный мотив своей инициативы об уничтожении института единоличного Верховного главнокомандующего в Японии Москва объясняла тем, что, пока существовала чисто военная полоса и японские войска и флот еще не были разоружены, можно было не возражать против такого института. Но теперь, когда эта полоса миновала и возникли вопросы чисто политического, финансового и хозяйственного значения, было бы целесообразно заменить существующее управление Контрольным советом⁶².

Выполняя полученные из Москвы указания, в тот же день, 27 сентября, во время дневного разговора с Бирнсом Молотов прямо заявил о срочности вопроса создания Контрольного совета по Японии и стал настаивать на необходимости его немедленно обсуждения, заметив, что ему непонятно, почему США против этого. Он выразил также удивление по поводу заявления президента Трумэна накануне о том, что к нему никто не обращался с предложением об организации такого органа⁶³.

Объясняя собственные взгляды, Бирнс сказал, что он не против обсуждения вопроса о Контрольном совете, но на данной сессии не готов к этому. Что же касается текущей позиции Вашингтона, то он подчеркнул, что она опирается на согласованный ответ союзников, направленный японским властям 11 августа 1945 г., в котором объявлялось, что с момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав. И обязан ли император при этом подчиняться приказам Контрольной комиссии — неизвестно. Но поскольку, продолжал госсекретарь, американское правительство заинтересовано в консультациях со своими союзниками по этим вопросам, оно и предложило в качестве первой меры учредить Дальневосточный консультативный совет (комиссию), с чем согласились Китай и СССР, но пока не согласна Великобритания⁶⁴.

Замечание Молотова, что документы союзников о капитуляции Японии действительны только на период разоружения ее армии, Бирнс отпарировал заявлением о том, что, как бы их ни интерпретировали, их содержание остается в силе. На предложение наркома поставить американцев во главе как ДКК, так и Контрольного совета госсекретарь порекомендовал вначале образовать Дальневосточную консультативную комиссию, которая затем, если захочет создать дополнительный контрольный механизм, может обратиться с такой просьбой к заинтересованным правительствам⁶⁵.

Спустя два дня, 29 сентября, вопрос о Дальневосточной консультативной комиссии наконец сдвинулся с места в связи с согласием Лондона на ее учреждение, переданное британским министром иностранных дел Бевином Бирнсу. По этому случаю в тот же день последний направил Молотову письмо с уведомлением об этом факте и предложением советскому правительству как можно скорее назначить своего представителя в ДКК для начала ее работы⁶⁶.

В письме были сформулированы и предложения о ее функциях. ДКК должна была представить рекомендации:

1) по поводу разработки политики, принципов и норм, при помощи которых будет определяться выполнение Японией ее обязательств по Акту о капитуляции;

2) по поводу шагов и механизмов, требующихся для обеспечения строгого соблюдения Японией положений Акта о капитуляции;

3) по поводу других вопросов, которые могут быть переданы ей по соглашению правительств — участников комиссии⁶⁷.

Бирнс также обещал по возвращении в Вашингтон изложить Трумэну взгляды Молотова на японские дела и просить президента поручить будущему американскому представителю в ДКК побудить комиссию к скорейшему рассмотрению вопроса о том, следует ли учреждать Контрольный совет и каковы в таком случае должны быть его полномочия⁶⁸.

Ответ Молотова был передан Бирнсу, а также английскому и британскому министрам иностранных дел в Лондоне в предпоследний день работы сессии СМВД, 1 октября 1945 г. В нем были использованы положения московской директивы наркому от 27 сентября. В ответе указывалось, что в связи с тем, что образование консультативной комиссии задержалось и обстановка в Японии изменилась, советское правительство еще 24 сентября выдвинуло предложение о создании Контрольного совета по Японии в меморандуме, который был передан Совету министров иностран-

ных дел. В советском документе напоминалось, что Контрольный совет должен был состоять из представителей США, Великобритании, СССР и Китая под председательством представителя США.

Пока шла война и предстояло осуществление разоружения японских армии и флота, имелись основания для сосредоточения функций в руках союзного главнокомандующего. Теперь перед союзниками, говорилось далее в письме, стоят задачи главным образом политического, экономического и финансового характера, для решения которых необходимо создать союзнический орган, через посредство которого четыре союзные державы могли бы проводить согласованную политику и нести совместную ответственность.

Советское правительство признавало целесообразным создать наряду с Контрольным советом по Японии и консультативную союзническую комиссию под председательством американского представителя, как это предусматривалось предложением правительства США. В эту комиссию должны были войти помимо основных четырех союзных держав и другие страны, принимавшие активное участие в войне против Японии. Однако, указывалось в письме, образованию консультативной комиссии должно предшествовать создание Контрольного совета по Японии⁶⁹.

Дальнейшего обсуждения японского вопроса на лондонской сессии СМВД не проводилось. Хотя советской стороне не удалось в Лондоне добиться желаемого результата, но ее настойчивость не пропала даром. Уже в скором времени она добилась от американцев согласия на начало предметного обсуждения вопроса о реальном союзном контрольном механизме в Японии, приведшего к результативным итогам уже на следующем совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве в декабре 1945 г.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 4. Л. 2. (Далее: АВП РФ); Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. 2. Wash., 1967. P. 100. (Далее: FRUS); Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. L., 1985. P. 5–6. (Далее: DBPO).

² FRUS. 1945. Vol. 2. P. 101.

³ Ibid. P. 109; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 49.

⁴ FRUS. 1945. Vol. 2. P. 106.

⁵ FRUS. 1945. Vol. 6. Wash., 1969. P. 549, 606–607.

⁶ Ibid. P. 532–533, 535.

⁷ Ibid. P. 678–680.

⁸ Ibid. P. 683–685.

⁹ Ibidem; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 748. Л. 1–3.

¹⁰ Ibid. P. 696–697.

¹¹ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 52. Л. 9–13.

- ¹² FRUS. 1945. Vol. 2. P. 118; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 105–106.
- ¹³ FRUS. 1945. Vol. 2. P. 118.
- ¹⁴ DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 106.
- ¹⁵ Ibid. P. 96, 98–99.
- ¹⁶ Ibid. P. 99–100.
- ¹⁷ Ibid. P. 144–145; FRUS. 1945. Vol. 6. P. 713–714.
- ¹⁸ Ibid. P. 145; Ibid. P. 714.
- ¹⁹ DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 145.
- ²⁰ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Т. 2. М., 2000. С. 234–235; *Byrnes J. Speaking Frankly*. N. Y., 1947. P. 100–101.
- ²¹ *Byrnes J.* Op. cit. P. 100.
- ²² Источник. 1999. № 2. С. 74–75.
- ²³ Там же. С. 75.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 678. Л. 74–76.
- ²⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 358.
- ²⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном. (Авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). 2-е изд. М., 1986. С. 285; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947. С. 480–481.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 678. Л. 74–77; *Byrnes J.* Op. cit. P. 213–214.
- ³⁰ Там же. Л. 75–76.
- ³¹ FRUS. 1945. Vol. 6. P. 712.
- ³² Ibid. P. 719; АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 19. Л. 48.
- ³³ Ibid. P. 720–721.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 18а. Л. 51, 53.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 18. Л. 77. Ван Шицзе, по-видимому, ошибся. Американское предложение о консультативной комиссии предполагало участие 10 государств, а наличие пяти членов, включая Австралию, допускал английский проект о Контрольном совете.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 52. Л. 70
- ³⁷ Там же
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 60. Л. 108; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 336–337; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 328.
- ³⁹ Там же; Ibid. P. 337; Ibidem.
- ⁴⁰ Там же. Л. 108–109; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 338.
- ⁴¹ Там же. Л. 109; Ibid. P. 338–339; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 328–329.
- ⁴² Там же; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 339.
- ⁴³ Там же. Л. 123, 125; Ibid. P. 360–361, 365–366; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 354.
- ⁴⁴ Там же. 125; Ibid. P. 366–367. Ibid. P. 355.
- ⁴⁵ Там же; Ibid. P. 367; Ibid. P. 355–356.
- ⁴⁶ Там же. Л. 126, 128; Ibid. P. 367–369; Ibid. P. 356–357.
- ⁴⁷ Там же. Л. 126; Ibid. P. 369; Ibid. P. 357–358.
- ⁴⁸ Источник. 1999. № 2. С. 76.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 678. Л. 86–88; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 381; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 372, 374.

- ⁵¹ Там же. Л. 87-88; Ibid. P. 381-382; Ibid. P. 372-374.
- ⁵² *Byrnes J.* Op. cit. P. 215.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 678. Л. 87-88; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 382; DBPO. Ser. 1. Vol. 2. P. 373.
- ⁵⁴ Там же. Л. 88; Ibidem; Ibid. P. 373-374.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 0431. Оп. 1. Д. 60. Л. 133, 139; Ibid. P. 387. Ibid. P. 376-377.
- ⁵⁶ Там же. Л. 133-134; Ibid. P. 387-389, 393; Ibid. P. 377-379.
- ⁵⁷ Там же. Д. 1. Л. 28-29.
- ⁵⁸ Там же. Л. 28.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. С. 29.
- ⁶³ Там же. Ф. 06. Оп. 7. Д. 678. Л. 93-94; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 419-420.
- ⁶⁴ Там же; Ibid. P. 419.
- ⁶⁵ Там же. Л. 93; Ibid. P. 419-420.
- ⁶⁶ Там же. Д. 748. Л. 12.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Л. 13-14; Правда. 1945. 3 окт.

К.Е. Черевко

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА РУССКОЙ АМЕРИКИ СПРАВЕДЛИВОЙ ЛИНИЕЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ МЕЖДУ СССР/РФ И США (КАРТОГРАФИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО)?*

В статье рассматривается история разграничения морских пространств в Беринговом море между нашей страной и США. По мнению автора на основе выявленной в материалах Центральной библиотеки Военно-морского флота РФ американской карты Роджерса 1856 г. это разграничение должно быть проведено на плоскости (локсодромия), а не по глобусу в соответствии с американской картой Хилгарда 1867 г., что дает разницу более чем в 15 тыс. квадратных миль в пользу США на основании советско-американского соглашения 1990 г., которое подписано, но до сих пор не ратифицировано российской стороной, и применяется в таком виде в течение более 20 лет — временно, без вступления в силу, — тем самым ущемляя права России.

Ключевые слова: Русские, Америка, Президиум Верховного Совета СССР, США, Вашингтон, Берингово море, Тихий океан, разграничение морских пространств, ратификация.

10 декабря 1976 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 4851-IX «О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР» были установлены соответствующие 200-мильные зоны, которые измерялись от тех же исходных линий, что и его территориальные воды. В том же году такие же зоны были введены и управлением по рыболовству США. Это привело к необходимости разграничить упомянутые зоны в тех районах, где расстояние между берегами СССР и США составляло менее 400 морских миль.

В следующем году, вместо того, чтобы эту акваторию разделить поровну, Вашингтон внес предложение о разграничении аквато-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 17 мая 2007 г. В статье использованы материалы, любезно предоставленные Ф.А. Мошковым.

рии северо-западной части Тихого океана, исходя из Договора между Россией и США от 18/30) марта 1867 г. о продаже им Россией Русской Америки. В соответствии с этим договором (ст. 1), граница проходит через точку в Беринговом проливе под 65 гр. 30 мин. с. ш. и 168 гр. 58 мин. 37 сек. з. д. на пересечении с меридианом, отделяющим на равном расстоянии о. Крузенштерна (Игналук) и о. Ратманова (Нунарбук). От этой точки западная граница США (не признанная как граница России) с одной стороны идет по прямой линии к северу до тех пор, пока она не потеряется в Ледовитом океане, а с другой стороны — почти в юго-западном направлении в Берингово море на равном расстоянии между северо-западной оконечностью о. Св. Лаврентия и юго-восточной оконечностью Чукотского носа, до 172 гр. з. д. и далее на юго-запад между о. Атту (Алеутские острова) и о. Медный, или о. Куппера (Командорские острова) до 193 гр. з. д. Соглашаясь в принципе с таким подходом, СССР выступил против проведения этой границы, составляющей 1500 морских миль, по ортодромии, т. е. по большой дуге с учетом кривизны поверхности Земли, как это предлагал Вашингтон (в результате чего граница оказывалась «вогнутой» в сторону СССР), и считал, что разграничение следует проводить по локсодромии, т. е. по прямой в буквальном смысле слова, румбовой линии на морской карте в проекции земной поверхности на плоскости (карта Меркатора). Обе эти линии совпадают в узловых точках, но расходятся в срединной их части.

Таким образом, возник огромный спорный участок акватории площадью в 15 тыс. кв. км. Стремясь утвердить принцип ортодромии, США не учитывали, что объект и цель договора 1867 г. были иными. С точки зрения международного права это лишало Вашингтон юридической возможности использования его в качестве правооснования для заключения предлагаемого соглашения, хотя и не запрещало вносить любые предложения на этот счет, непосредственно не связанные с упомянутым договором.

Подтвердив согласие на установление линии, ограничивающей районы действия временных мер, вытекающих из упомянутого Указа Верховного Совета СССР, в соответствии с западной границей владений США по договору 1867 г. по локсодромии, в своем постановлении № 163 от 24 февраля 1977 г. Совет Министров СССР в тот же день через МИД СССР сделал устное заявление в адрес администрации США о том, что до окончания переговоров между Москвой и Вашингтоном о делимитации акватории Берингова моря США без заключения договора передается рыболовная зона в средней части этого моря с координатами 58 гр. 51 мин. с. ш. и 178 гр. 50 мин. з. д., 61 гр. 45 мин. с. ш. и 176 гр. 30 мин. з. д., а

также 60 гр. 00 мин. с. ш. и 179 гр. 40 мин. з. д. общей площадью в 23,7 тыс. кв. км в расчете на то, что США компенсирует объем вылова рыбы советским судам в этом районе в размере 150 тыс. тонн в год.

В 1981 г. в нарушение достигнутой между СССР и США договоренности на этот счет предоставление квот на вылов этого количества рыбы в американской зоне в Беринговом море прекратилось, а в 1990 г. США отменили и достигнутую позднее договоренность с СССР о совместном рыболовстве в этой зоне.

Что же касается предложенного Вашингтоном метода ортодромии, то США сразу же начали реализовывать его на практике. Так, 8 августа 1977 г. в спорном районе средней части Берингова моря было задержано кораблем береговой охраны США советское рыбоохранное судно «Шкотово». При этом капитан американского корабля передал капитану советского судна карту № 532 с изображением границы экономической зоны США по ортодромии, заявив, что судно находится в ее пределах. Но советская сторона оставила этот инцидент без дипломатических последствий.

В 1981 г. на советско-американских консультациях по этому вопросу, которые состоялись в Вашингтоне, стороны обменялись фотокопиями карт, которые, как они считали, использовались на русско-американских переговорах о договоре 1867 г. Жаркие дебаты по этому вопросу развернулись на переговорах в мае 1983 г. в Москве. Американская сторона настаивала на том, что это была американская карта Дж. Хилгарда 1867 г., составленная в основном по методу ортодромии, а советская — что это была американская карта Дж. Роджерса 1856 г., составленная по методу локсодромии.

Руководитель американской делегации на этих переговорах Э. Вервилл заявила, что 19 марта 1867 г. на встрече посланника России в США Э.А. Стегля и государственного секретаря США У. Сьюарда «после изучения карты была проведена граница» уступаемой Россией США Русской Америки и что это была карта присутствовавшего на этой встрече Хилгарда. Но составление американской съемочной службой береговой охраны карты, представленной сторонами как карта Хилгарда, завершилось только 25 марта того же года, а ее гравировка еще позже, после чего, 29 марта Э.А. Стегль получил согласие императора Александра II на заключение Договора об уступке США Русской Америки, и на следующий день состоялось его подписание.

Что же касается карты Роджерса, подлинник которой из Архива внешней политики МИД Российской империи был предъявлен руководителем советской делегации Ю.М. Рыбаковым, то Э. Вервилл сослалась на то, что в СССР не найден ее оригинал и, по

мнению американских экспертов, эта карта могла быть издана не ранее мая 1868 г., т.е. более чем через год после упомянутых переговоров.

Опровергнуть это утверждение представилось возможным только в следующем месяце после завершения советско-американских переговоров, в июне 1983 г. в Центральной военно-морской библиотеке Ленинграда был обнаружен каталог карт и планов гидрографической службы США, изданный в Вашингтоне в 1879 г., где карта Роджерса значится под № 68, как опубликованная в 1856 г. (копия прилагается), и ее целесообразно учесть при определении окончательной судьбы данного соглашения. Эта карта, упомянутая Э.Вервил как использовавшаяся на переговорах 1867 г., и была картой Роджерса, и об этом следует уведомить США.

В пользу использования этой карты на упомянутых переговорах свидетельствует также следующее обстоятельство. 24 декабря 1866 г. министр иностранных дел А.Д. Горчаков получил от управляющего делами МИД России Н.К. Краббе меморандум с описанием предполагаемой границы и уступаемых Россией США территорий, который мог быть составлен только с помощью русской навигационной карты 40-х годов XIX в., о чем свидетельствует встречающийся в его тексте о. Медный (на американских картах он значился как о. Куппера).

В этом документе говорилось следующее: «Основною точкою пограничной черты служит пересечение меридиана 169 гр. з. д. от Гринвича с параллелью 65 гр. 30 минут северной широты. От этого пункта граница идет: к северу по меридиану 169 гр. западной долготы, который разделяет пополам Берингов пролив и проходит между островами Ратманова (он же Нунарбук) и Крузенштерна (Игналук) из группы островов Св. Диомида, или Гвоздева*, к югу — по румбу 44 градусов на середину пролива между северо-западною оконечностью о. Св. Лаврентия (мыс. Чикукан) и мысом Чукотским, на Азиатском материке, до пересечения сев. широты 64 градуса меридианом 172 градуса западной долготы. Далее пограничная черта направляется на 41 градус — на середину пролива между Командорскими и Алеутскими островами, а именно на середину

---

* Далее на Север по меридиану эта линия как граница между Азией и Америкой и одновременно российским сектором Арктики с расположенным на продолжении российского шельфа подводным хребтом Ломоносова, обозначенного как таковой на отечественных картах, тянется через северный полюс, переходя в границу с Норвегией. Эта граница оспаривается в Канаде и США, так как позволяет претендовать на площадь в 1,2 млн. кв. км с потенциальными запасами в 9–10 млрд. тонн условного углеводородного топлива. (Независимая газета. 2007, 16 мая).

линии, соединяющей восточную оконечность острова Медный и западную — острова Атту (мыс Врангеля), в широте 53 градуса 30 минут (северной) и долготе 170 градусов 30 минут (восточной) от Гринвича»¹.

После одобрения этого документа императором в январе 1867 г. Горчаков направил его Стекло. Содержащееся в меморандуме Краббе описание западной границы США предоставляло возможность нанести на любую карту обозначенные в нем поворотные точки и прямые пограничные линии между ними.

Но имевшиеся в распоряжении российской стороны русские карты, в отличие от американской карты Роджерса 1856 г., были неточны и не позволяли нанести на них точно пограничную линию, указанную в меморандуме Краббе. Так, меридиан 169 гр. в. д. на этих картах приходился не на середину Берингова пролива, а на район к западу от о. Ратманова; контрольные точки же сдвигались на значительное расстояние к о. Св. Лаврентия и о. Атту и не могли быть соединены отрезками прямых линий, обозначенных в указанном меморандуме.

Учитывая это обстоятельство, российские представители в Вашингтоне решили так провести красными чернилами возможную границу уступаемой США Русской Америки на имевшейся у них карте Роджерса, чтобы она была максимально приближена к ее описанию в меморандуме Краббе.

Очевидно, в распоряжении Сьюарда не было, в отличие от Стекла, какой-либо американской карты Русской Америки, и поэтому он направляет 18 марта 1867 г. письмо начальнику съемочной службы береговой охраны США Хилгарду с инструкцией выслать ему «копию якобы имеющейся карты русских владений на северо-западном побережье Америки» и письмо заместителю начальника этой службы Хилгарду с требованием прибыть, если возможно, с упомянутой картой в Вашингтон².

К тому же предложение Стекла дополнить проекты ст. 1 Договора конечной точкой границы на 193 гр. в.д., принятое Сьюардом 19 марта 1867 г., логически объясняется тем, что на предъявленной первым из них карте Роджерса этот меридиан, разделявший Командорские острова остававшиеся у России, и Алеутские острова, отходившие к США, отсутствовал, что также свидетельствует в пользу того, что стороны с самого начала переговоров пользовались упомянутой картой, а не картой Хилгарда, на которой этот меридиан был обозначен.

По окончании первого дня переговоров 19 марта 1867 г. Хилгард уведомляет Сьюарда: «Подумав, я пришел к выводу, что, видимо, я не обратил должного внимания на замечание г-на Стекла

относительно заключительного предложения Статьи 1. Поскольку с географической точки зрения Командорские острова, видимо, всегда считались частью Алеутского архипелага, было бы желательно добавить несколько слов с тем, чтоб оно гласило: до меридиана 193 гр. в. д., чтобы включить в передаваемую территорию все Алеутские острова, лежащие к востоку от указанной линии»³.

Таким образом, становится ясным, что последний к началу переговоров мог представить только чистую карту, и переговоры велись на основе представленной Стеклем карты Роджерса с обозначенной на ней красными чернилами румбовой линией, проведенной по методу локсодромии, а не преимущественно⁴ ортодромии, как это было сделано на карте Хилгарда⁵.

Сообщая Горчакову в Петербург 19 апреля 1867 г. о заключении Договора, Э.А. Стекло писал: «На Западе разграничение сделано в точности по переданной мне Имперским министерством ноте господина Морского министра. Ваше сиятельство отметит, что линия, начертанная на американской карте (коей могла быть, как показано выше, только карта Роджерса) — та же, что и указанная на русской карте, переданной генерал-адъютантом К.И. Краббе. Считаю своим долгом представить обе эти карты взору Вашего Сиятельства»⁶.

В заключенном 1 июня 1990 г. Соглашении между СССР и США о линии разграничения морских пространств за основу таковой принята западная граница Русской Америки, уступленной по договору 1867 г. Соединенным Штатам Америки, с координатами, упомянутыми выше, в основном в соответствии с методом ортодромии.

«В самом его тексте многое неясно, включая и такое понятие, как «морские пространства». Что это такое? Нет такого понятия в международном праве, не было его и в договорной практике Советского Союза и России вплоть до Соглашения 1990 года. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года устанавливает только территориальное море, исключительные экономические зоны и континентальный шельф. Нет никаких морских пространств, — пишет проф. В.К. Зиланов. — Обращает на себя внимание также и то, что сам заголовок Соглашения 1990 года на русском и английском языках имеет весьма различный существенный смысл. В русском тексте говорится «о разграничении морских пространств», а в английском «о морской границе». Что это, неточность перевода или скрытый смысл и опять неизвестные договоренности только глав делегаций, участвующих в переговорах? Вопросы, вопросы! Слушания в комитетах в Думе не дали на них полного ответа. Что же касается рыболовства, то итог в цифрах выглядит так. За период

с 1981 по 1996 год российские рыбаки потеряли промысловый участок площадью более 20 тыс. кв. км. Кроме того, российские рыбаки потеряли промысловый участок своей 200-мильной зоны площадью более 7 тыс. кв. км, а также часть глубоководных участков промысла континентального шельфа в открытой части Берингова моря, где не исключено обнаружение в будущем запасов сидячих живых видов биоресурсов (крабов, моллюсков и т.д.)...»⁷.

«Верховное право на оную»⁸ Русскую Америку распространялось только на сухопутную территорию⁹, и никакого отношения к морским пространствам не имело. «Какой бы вариант линии 1867 г. ни был, — писал доктор юридических наук Б.М. Клименко, — он в любом случае отсекал значительный морской район к востоку от этой линии, который при ином методе разграничения (по срединной линии) принадлежал бы Советскому Союзу»¹⁰. К тому же, как это видно из приведенных фактов, эта линия базировалась в период российско-американских переговоров о заключении упомянутого договора преимущественно на методе локсодромии. В приложении к соглашению 1990 г., являющимся его неотъемлемой частью (п. 2, ст. 2), этот метод из 86 отрезков с координатами этой линии применяется только один раз (59 гр. 43 мин. 42 сек. с. ш. и 170 гр. 18 мин. 31 сек. в. д.), против 49 отрезков с применением метода ортодромии (по дуге окружности) при 35 отрезках без указания первого или второго метода (очевидно, с отклонением от их полного использования). На наш взгляд, это ущемляет интересы российской стороны и поэтому нуждается в исправлении.

Кроме того, по этому соглашению, помимо упомянутой выше акватории в 23,7 тыс. кв. км (район А), переданной Соединенным Штатам в 1977 г., к ним отошла часть нашей 200-мильной экономической зоны площадью в 7,7 тыс. кв. км (район Б), что на 50 миль превысило 200-мильный лимит, предусмотренный международным правом (ст. 57 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Советская же зона сократилась до 150 миль, предоставленная нашим рыбакам «компенсация» в северных районах, в том числе в Чукотском море, в действительности таковой не считалась, так как, во-первых, в отличие от уступленных участков в Беринговом море (площадь в 16, тыс. кв. км.), они не являются рыбопромысловыми, в результате чего Россия теряет ежегодно не менее 150 тыс. тонн возможного улова, и, во-вторых, северные участки и без того, согласно «линии 1867 г.», принадлежали нашей стране. Эту несправедливость также следовало бы устранить, например, предоставив в обмен реальную компенсацию в виде квот на вылов рыбы в своей экономической зоне.

«Учитывая вышеизложенное, советская сторона ожидает, что американской стороной при выделении общей квоты вылова рыбы, если исходить из наших экономических интересов и особенно рыболовных, — пишет проф. В.К. Зиланов, — то правильнее было бы предложить США другой вариант, а именно: сохранить в Чукотском море и в Ледовитом океане так называемую линию Конвенции 1867 года. Тем более, она была только в этих акваториях установлена в истинных координатах самой Конвенцией 1867 года. Соглашение 1990 года стало результатом договоренностей Шеварднадзе-Беккера в июне 1990 года во время визита Горбачева в Вашингтон. Более того, по окончательному тексту самого соглашения 1990 года США уступался еще один участок — уже нашей 200-мильной зоны (см. рис. 4). В результате этого экономическая зона США оказалась в отдельных местах этого участка на 50 миль больше»¹¹.

По соглашению 1990 г. (ст. 3) СССР и США разделили между собой также участки открытого моря, принадлежащего по международному морскому праву всему мировому сообществу. Поэтому с юридической точки зрения применение «линии 1867 г.» является неправомерным, и оговорка на этот счет в Соглашении, что они не входят в экономическую зону, не меняет сути дела. Причем это разграничение было сделано в неравных долях по отношению одна к другой — США получили в центральной части Берингова моря анклав площадью в 46,3 тыс. кв. км (район В), а наша страна юго-западнее — всего 4,6 тыс. кв. км в районе Г и 2 тыс. кв. км в районе Д.

Министерство внутренних дел США еще в 1984 г. продало разведанные нефтяные (200 млн. т.) и газовые (200 млрд. т.) запасы района В своим компаниям на сумму в 30 млрд. долларов¹².

Граница зоны Берингова моря, где выявлены эти энергоресурсы, проходит не на равном расстоянии от берегов России и США, а в 400 морских милях от г. Нома у о. Хэлл на Аляске и всего в 150 морских милях от мыса Наварин на Чукотском полуострове. Эта граница отсекает от РФ перспективные Алеутские и Наваринские нефтегазовые месторождения (запасы последних, по оценке США — 1,2 млрд. куб. м.).

Указанные выше суммы были получены управлением ресурсов упомянутого министерства США за 186 из 425 предложенных к продаже участков, на 20 из которых, по мнению американских экспертов, опубликованных в американском журнале «Оффшор», могла бы претендовать наша страна. Всего же Министерство внутренних дел США планирует продать 5036 таких участков, из которых 928, по оценке того же источника, считаются явно спорными¹³.

Поскольку эти районы приходятся на Алеутскую котловину с глубинами до 4 тыс. м., не являющуюся континентальным шельфом, то справедливо было бы договориться о совместной разведке, разработке и эксплуатации ресурсов этого района. Но это не устраивало власти США, и они, воспользовавшись проводившейся во второй половине 80-х гг. прошлого века политикой уступок США со стороны Министерства иностранных дел СССР во главе с Э.А. Шеварднадзе и его земляка, полугрузина, куратора этого соглашения И.С. Иванова, начальника Общего отдела секретариата МИД СССР, позднее главы МИД РФ, при поддержке президента СССР М.С. Горбачева, добились временного применения соглашения с СССР о разграничении морских пространств в Беринговом море «по линии 1867 г.» на основе обмена нотами между внешнеполитическими ведомствами СССР и США, хотя по международному праву это не означало, что оно вступает в силу до его ратификации.

То же самое можно было бы предложить и в отношении участков континентального шельфа, выходящих за пределы 200-мильных экономических зон США, уведомив об этом, в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., Международный орган по морскому дну, которому стороны к концу десятого года после начала эксплуатации шельфа должны оплачивать 5% стоимости добычи полезных ископаемых в данном районе (по оценкам экспертов обеих сторон США получили здесь на 60 тыс. кв. км больше СССР)¹⁴.

Правда, в качестве определенной компенсации наша страна приобрела дополнительную площадь экономической зоны (с применением метода локсодромии), но в пределах 200 миль от своего побережья в северо-западной и юго-западной области восточного специального района. В Соглашении эта уступка не конкретизирована, и хотя по площади обменные участки примерно равноценны, их качество отнюдь не одинаково, так как наши компенсационные участки в северо-восточном районе Берингова моря составляют лишь долю богатых рыбой мелководных участков в этом районе, большинство которых отошло к США, причем значительная часть наших участков оказалась расположенной в открытом море, доступном рыбакам всех стран¹⁵.

Сенат США ратифицировал Соглашение 1990 г. еще 16 сентября 1991 г. Это было сделано с учетом рекомендации Государственного департамента США, в которой он исходил из того, что в результате подписания данного Соглашения 70% акватории Берингова моря будет после этого находиться под юрисдикцией США, что на 13200 кв. миль превышает площадь, которая оказалась бы

под их контролем, если бы линия разграничения была проведена на равном расстоянии от берегов США и СССР¹⁶.

Что же касается СССР и его продолжателя – Российской Федерации, то в связи с многочисленными вопросами, часть из которых была затронута выше, это соглашение до сих пор законодательными органами нашей страны не ратифицировано.

Но в соответствии со ст. 25, п. 1 Венской конвенции о праве международных договоров, «договор или часть договора применяются временно до вступления договора в силу, если ... участвовавшие в переговорах государства договорились об этом» в тексте договора или «каким-либо иным образом»¹⁷.

Договоренность о временном применении этого соглашения была достигнута в результате обмена нотами 1 июля 1990 г. в Вашингтоне между государственным секретарем США Дж. Бейкером и Министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе.

Только почти через пять лет 7 апреля 1995 г. Государственная дума Федерального собрания РФ в Постановлении № 671-1 ГД рекомендовала Президенту РФ подготовить для нее проект Федерального закона о ратификации Соглашения 1990 г.

Выполняя вступивший в силу 21 июля 1995 г. Федеральный закон «О международных договорах РФ» № 101-ФЗ от 15 июля того же года (п. 2, ст. 23) о том, что временно применяющийся договор, подлежащий ратификации в форме федерального закона, представляется в Государственную Думу не позднее, чем через шесть месяцев с даты начала его временного применения, которое может быть продлено решением этого законодательного органа, 9 марта 1995 г. Президент РФ внес в Государственную Думу проект Федерального закона о продлении срока временного применения упомянутого Соглашения до 30 июня 1996 г.

Поскольку в 1996 г. этот Закон принят не был, по договоренности между Президентом и Государственной Думой был разработан законопроект о продлении временного применения данного Соглашения до 30 июня 1997 г.

Но 7 февраля 1997 г. Государственная Дума в Постановлении № 1072-11 отклонила проект Закона о продлении срока временного применения этого Соглашения и рекомендовала Президенту поручить МИД РФ выполнить процедуры, состоящие, согласно п. 3, ст. 23 Федерального закона «О международных договорах» в том, что временное применение договора Россией прекращается после уведомления тех государств, которые временно его применяют, и в намерении РФ отказаться от участия в нем, если договором не предусматривается иное.

И хотя отказ Государственной Думы от продления временного применения Соглашения 1990 г. само по себе не означает отказа от его ратификации, поскольку из него само по себе не вытекает обязательство уведомить другое государство, временно применяющее упомянутое соглашение, в данном случае США, о намерении РФ не стать его участником, дополняя эту рекомендацию рекомендация выполнить процедуры, предусмотренные в п. 3, ст. 23 соответствующего Закона, означает, что Президенту РФ и МИД РФ было предложено высшим законодательным органом государства после прекращения временного применения Соглашения 1990 г. уведомить США о намерении не быть его участником.

Поэтому утверждение некоторых юристов (В.А. Константинова, А.Л. Колодкина и др.)¹⁸ о том, что отказ от продления временного применения этого соглашения, содержащийся в упомянутой рекомендации, не означает самого по себе его прекращения, так как оно вступает в силу только после уведомления США о намерении не стать участником данного соглашения, не подтверждается, на наш взгляд, рекомендацией Государственной думы выполнить положение п. 3, ст. 23 приведенного Федерального закона, предусматривающего такое уведомление.

Вместе с тем временное применение при его неограниченном по срокам продлении становится абсурдным, так как имеет тенденцию превратиться в постоянное и поэтому противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Но еще более существенным является то обстоятельство, что, нарушая экономические интересы нашего государства, прежде всего рыболовные, связанные с неравноправным с точки зрения возможностей, предоставляемых России международным правом, распределением природных ресурсов, это соглашение вступает в противоречие со ст. 9 Конституции РФ, в которой предусматривается их использование и охрану в нашей стране «как основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». А ее нарушение является основанием его недействительности (ст. 46 Венской конвенции).

Возможное же возражение, что исключительная 200-мильная экономическая зона РФ, в частности в Беринговом море, не является государственной территорией РФ и поэтому, согласно п. 1 ст. 15 Конституции России, не подпадает под ее действие, а подлежит регулированию международными договорами, является необоснованным, так как в этом имеющем высшую юридическую силу законе РФ нигде не сказано, что он действует только на ее территории и не имеет силы в районах, в пределах которых РФ имеет особые права. Это соответствует Указу Президента РФ «Об

охране природных ресурсов территориальных вод, континентального шельфа и экономической зоны РФ» 1992 г.

Утверждение, что содержащееся в той же статье Конституции РФ (п. 4) положение о том, что «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», и поэтому ссылка на Конституции РФ является несостоятельной, необходимо отвести, во-первых, на том основании, что «международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы» (п. 4, ст. 15), в которой «законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ» (п. 1, ст. 15), а, во-вторых, также на том основании, что примат международного права над внутренним правом государства в части, касающейся компетенции заключения договоров, предусматривает исключение из данного правила, если, как это, по нашему мнению, имело место при подписании Соглашения 1990 г., нарушение было явным и касалось нормы его внутреннего права особо важного значения (п. 19 п. упомянутой ст. 40 Венской конвенции 1969 г.).

Из этого можно сделать вывод, что если Президент РФ откажется выполнить упомянутую рекомендацию Государственной Думы и поручит МИД РФ подготовить проект федерального закона о ратификации Соглашения 1990 г. или проект решения о его дальнейшем продлении, то тем самым будет нарушена ст. 9 Конституции нашего государства, а также Указ Президента РФ «Об охране территориальных вод, континентального шельфа и экономической зоны РФ» 1992 года.

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Д. 399. П. 16.

² Документы № 1 и № 2, врученные 19 мая 1983 г. в Вашингтоне делегацией США советской стороне (National Archives and Record Service. Record group. Domestic Letters. M. 40. Washington. P. 62., P. 431–432).

³ Miller D.H. The Alaska Treaty. Kingston. 1981. P. 75–77.

⁴ На советско-американских консультациях по вопросу о разграничении между СССР и США акватории Тихого океана американские эксперты признали, что на 75 % эта линия близка к ортодромии, а на 25% – к локсодромии.

⁵ Документ № 4, врученный 19 мая 1983 г. в Вашингтоне делегацией США советской стороне.

⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД, 1867 г. Д. 167. Л. 49.

⁷ Зиланов В.К. А после Аляски еще одна клякса. // Российская газета, 1997, 4 января.

⁸ Международная жизнь, 1990, № 9. С. 150.

⁹ Хотя эта конвенция к 1990 г. еще не вступила в силу, ее положения действовали как норма обычного международного права, что было подтверждено еще в 1982 г. в решении Международного суда ООН по спору между Ливией

и Мальтой. Это делает недействительным признание Советским Союзом / РФ суверенных прав и юрисдикции США к востоку от своей 200-мильной экономической зоны (п. 3, ст. 3 Соглашения 1990 г.), так как оно вступило в противоречие с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., подлежащей ратификации, ибо лишило его своего объекта и цели, а это является недопустимым с точки зрения ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. в отношении договоров, подлежащих ратификации.

¹⁰ Международная жизнь, 1990, № 9. С. 150.

¹¹ Зиланов В.К. Там же.

¹² Молодая гвардия, 1991, № 4, С. 191.

¹³ Правдин И. Треугольник раздора. Зачем Россия отдает Берингово море // Московский комсомолец. 2007, 5 июля.

¹⁴ Молодая гвардия, 1991, № 4, С. 192.

¹⁵ Константинов В.А. Когда Соединенные Штаты прекратят унижать Россию? (Размышления по поводу одного международного соглашения). // Международное право, 2001, № 1. С. 149. По данным отечественной периодики 2007 г. наша страна потеряла не 60 тыс., а 47 тыс. кв. км. (Московский комсомолец. 2007, 5 июля).

¹⁶ Washington Post, September, 17; Международная жизнь, 1990, № 9. С. 152–153.

¹⁷ Венская конвенция о праве международных договоров. М., 1997. Комментарий. С. 61.

¹⁸ Константинов А.Л. Указ. соч. С. 153.

К.А. Аверьянов

ВОДЛОЗЕРЬЕ – ЗАПОВЕДНЫЙ КРАЙ РУССКОГО СЕВЕРА

Рассказ об истории окрестностей Водлозера, одного из крупнейших озер Карелии. Благодаря изолированности этих мест здесь сложилась замкнутая этнолокальная группа русских, долгое время сохранявшая традиции Древней Руси.

Ключевые слова: Русский Север, Республика Карелия, Пудожский район, Водлозерский национальный парк, Диодор Юрьегорский.

5–9 августа 2008 г. в деревне Варишпельда Пудожского района Республики Карелия прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Сельская Россия: прошлое и настоящее», организованная Институтом российской истории РАН в сотрудничестве с Всероссийским научным и культурно-просветительским обществом «Энциклопедия российских деревень», Институтом аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова РАСХН, Водлозерским национальным парком. Она явилась уже одиннадцатой по счету, начиная с 1989 г. В обсуждении проблем возрождения современной российской деревни, ставшей главной темой конференции, приняли участие историки, демографы, экономисты, культурологи из Москвы, Вологды, Ижевска, Краснодара, Петрозаводска, Пскова, Рязани, Самары, Северодвинска.

Место проведения конференции было выбрано не случайно. Водлозерье является одним из наиболее отдаленных и труднодоступных уголков Русского Севера. В Пудожском крае Водлозеро всегда считалось «медвежьим углом». Поныне отсутствуют асфальтированные дороги (в Варишпельду можно добраться только по воде), мобильная связь и прочие «блага» цивилизации. Во многом именно благодаря этому здесь сложилась достаточно замкнутая локальная группа русских, именующая себя «водлозерами». Здесь наиболее остро стоят вопросы резкого сокращения численности сельского населения, его «раскрестьянивания». Достаточно привести две цифры. Если в 1905 г. численность здешне-

го населения составляла 2810 человек, то спустя почти столетие, по данным 2008 г., оно сократилось до 470 человек. Из 40 когда-то существовавших деревень уже к 1980-м годам фактически сохранилась всего одна — Куганаволок, превратившаяся в поселок, жители которого практически не занимаются сельским хозяйством: в настоящее время здесь в личных хозяйствах содержат всего 6 коров и 4 лошади.

Водлозерье является примером раннего совместного освоения русскими крестьянами просторов Русского Севера. Впервые эти места описываются в одной из новгородских берестяных грамот¹. По предположению Л.В. Черепнина, эта грамота относится к XV в., хотя в литературе было высказано мнение о том, что ее следует датировать предшествующим столетием².

К сожалению, нам не известна ранняя история Водлозерья. Вероятно, первоначальным этапом стала торгово-данническая колонизация этой территории новгородцами. Несмотря на внешнюю удаленность от культурно-экономических центров, Водлозеро не было от них изолировано. По Водле проходил важнейший водный путь из древнего Новгорода в северо-восточные регионы, а по реке Илексе новгородцы добирались до Поморья. Волдатов погост на Водлозере упоминается в уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. Все это привело к тому, что на рубеже XIV в. вслед за промышленниками здесь обосновываются и крестьяне.

К середине XVI в., от которого дошла первая сохранившаяся писцовая книга Андрея Лихачева 1563 г., это — район с уже сложившейся системой расселения. Судя по упоминаниям предыдущего описания Юрия Сабурова 1496 г., в конце периода новгородской независимости, здесь располагались «боярщины» новгородцев, включая и владения знаменитой Марфы Исаковой, более известной как Марфа Посадница. Центром округа являлся Рождественский погост на Водлозере³. После присоединения Новгорода к Москве все владения новгородцев были конфискованы, но из-за своей отдаленности в раздачу московским помещикам не пошли и стали великокняжеской собственностью. В дальнейшем именно удаленность края способствовала его дальнейшей изоляции и тому, что сформировавшаяся еще в период новгородского освоения Заонежья система поселений Водлозерья почти в неизменном виде дошла до XX в.

Водлозерские деревни по большей части располагались на островах самого озера. Некоторое представление об их расположении могут дать путевые заметки этнографа Веры Харузиной, побывавшей здесь в конце XIX в.: «Все озеро лежит где-то далеко внизу. Взор свободно минует строения погоста, минует массу островов,

тонуших среди светло-голубых вод, видит массу деревень, рассыпанных по берегам и на островах, пашни, золотисто-зелеными пятнами выступающие среди темной зелени лесов...»⁴.

Годы правления Ивана IV ознаменовались тем, что часть Водлозерья была взята в опричнину, а после ее отмены стала числиться в Каргопольском уезде, в составе которого пробыла последующие два с половиной века. «Смутное время» начала XVII в. почти не затронуло этого края — крупные силы интервентов не появлялись, а их мелкие отряды также не стремились попасть сюда из-за невеликой добычи, которой можно было бы поживиться. Судя по писцовой книге 1616/1617 г. в Водлозерском погосте Обонежской пятины запустевшими числились лишь две деревни: Гуморнаволок непосредственно на самом Водлозере и Юрьева гора на впадающей в него реке Илексе⁵. Именно с последней связано самое известное событие в истории здешних мест на протяжении XVII в.

Речь идет об основании Юрьегорского Троицкого монастыря, возникшего благодаря деятельности преподобного Диодора Юрьегорского. О нем известно крайне мало, факты его жизни нередко излагаются с ошибками. Порой историки путают даже то, как звали преподобного — то ли Диомид, то ли Дамиан, то ли Диодор, смешивая его мирское, монашеское и схимническое имена⁶.

Основным источником для воссоздания биографии Диодора является его Житие⁷. Оно, как и другие подобные агиографические памятники, за исключением времени кончины преподобного, не содержит дат его жизни. Тем не менее, опираясь на косвенные свидетельства, их можно попытаться восстановить.

Известно, что преподобный родился в конце XVI в. (судя по всему, в промежутке между 1586 и 1588 гг.) в семье крестьян-поморов расположенного на реке Онеге села Турчасова тогдашнего Каргопольского уезда. Отца звали Ерофеем, а мать — Марией. Своего сына они назвали Диомидом.

Начало XVII в. для Руси стало временем серьезных бедствий вследствие тяжелого неурожая 1601—1603 гг. и последовавшего голода. По источникам того времени нам известно, что массы крестьян шли в монастыри, чтобы хоть как-то прокормиться работой. Не стала исключением и семья Диомида. Когда ему исполнилось 15 лет, родители отпустили его в Соловецкий монастырь. Позднее в обитель, спасаясь от голода, пришли его отец и брат. Домой юноша уже не вернулся. Прожив трудником три года, он в 19 лет принял постриг от тогдашнего игумена Соловецкого монастыря Антония, являвшегося настоятелем обители с 1603 г. по 22 марта 1612 г.⁸ Тот переименовал ему имя Диомид в Дамиана и направил молодого

инока под начало старцу Иосифу Новгородцу. Судя по всему, это произошло в 1605—1607 гг.

Работа в монастырской хлебне и поварне, а затем в квасоварне оставляла молодому монаху довольно много свободного времени, а старец Иосиф часто рассказывал своему подопечному о живших на Соловках пустынных. Эти беседы взволновали душу юноши, и он пожелал увидеть отшельников, подвизавшихся на пустынных островах. Прожив немало дней, Дамиан так и не смог найти их. Силы покинули его и лишь по чистой случайности его, совсем обессиленного, лежавшего под деревом, нашли монахи и принесли в обитель. Он был без сознания и настолько плох, что к нему даже привели духовника. Тем не менее, юность взяла свое. Дамиан поправился. Однако своей мечты он так и не оставил и по своему выздоровлению снова пошел искать отшельников. На этот раз его поиски оказались успешными. Ему удалось найти двух пустынных — Никифора Мирянина и Тимофея из Алексина, который бежал из родных мест от Гришки Отрепьева. Он начал часто посещать их, принося им пищу и прочее потребное из монастыря. От них же юноша узнал, что в то время на Соловецком и Анзерском островах обитали и другие отшельники. Наиболее известными из них являлись старец Ефрем Черный, мирянин Никифор Новгородец, а также другие иноки: Алексей Калужанин, Иоасаф, Тихон Москвитин, Феодул Рязанец, Порфирий, Трифон, Иоасаф Молодой, Севастиан. Во время своих путешествий по Соловкам Дамиан навещал и их.

Вскоре у него нашлись подражатели, и началось столько тайных побегов на отшельничество, что монастырская братия начала роптать, говоря, что хлеб обители тратится на тех, кто не трудится для монастыря. Особенно много недовольных оказалось после того, как в отшельничество ушел больничный келарь Кирик, лучше которого никто не ухаживал за больными. Игумен Иринарх вынужден был принять меры против страсти к отшельничеству. Он послал братьев, стрельцов и трудников по всем островам, чтобы они вернули всех отшельников в обитель. Вместе с другими пустынными схватили и Дамиана, бросив его в монастырскую тюрьму. В «железах» он провел пять с половиной месяцев.

Заключение лишь укрепило Дамиана в страсти к отшельничеству. Через три месяца он вновь ушел из монастыря. Придя на знакомое ему место, он увидел только разоренные кельи и жилища пустынных, и поэтому вынужден был поселиться на одном из уединенных островов. Там он прожил шесть летних месяцев. За побег из обители его искали монастырские власти, но безуспешно. Найти Дамиана сумел его родной брат. Вернуться в обитель он уже

не мог, и Дамиану не оставалось ничего иного, как оставить совсем Соловки. В утлой лодке он пересек море и высадился на материке близ устья Онеги. По расчету К.А. Докучаева-Баскова, Дамиан оставил Соловки не позже 1619 г.

Идя вверх по Онеге, он поселился близ устья впадающей в нее реки Кены. Уже с начала XVI в. тут существовала Кенская Спасо-Преображенская пустынь, основанная игуменом Пахомием, почему и называлась Пахоимовой⁹. Но местные жители отнеслись к нему враждебно, и Дамиан вынужден был покинуть эти места. Житие рассказывает, что в этот момент его встретил шедший с караваном московский гость Надея Светешников. Уроженец Ярославля Надея (крещеное имя Епифаний) Андреевич Светешников был одним из самых известных торговых людей первой половины XVII в., близким к патриарху Филарету, владевшим огромными капиталами и делавшим миллионные обороты во всех частях страны¹⁰. Ему-то Дамиан и поведал свою историю. Купец пришел в негодование и сказал, что подаст жалобу в Москве на кенских крестьян. Диомид еле уговорил его не делать этого, но все же Светешников рассказал об этом случае местному кенскому судье и обидевшие Дамиана крестьяне покаялись перед ним и предложили остаться у них. Однако Дамиан отказался.

Странствуя по Русскому Северу, он зашел «за Водло озеро, и тамо обрете место пусто, над озером гора, зовомая Юрьева, и около горы озера». Житие сообщает, что он водрузил здесь крест, поставил келью и начал отшельничать. В полном одиночестве он прожил тут семь лет. Сохранившаяся писцовая книга 1628–1629 гг., составленная князем Иваном Долгоруковым и подьячим Постником Раковым, уточняет, что ранее здесь располагалась деревня «Июдки Васильева» из двух крестьянских дворов, запустевшая после предыдущего описания Петра Воейкова и дьяка Ивана Льговского. Далее Житие рассказывает, что к Дамиану пришел инок Прохор, отдавший себя под его руководство. С его приходом у него возникает мысль об основании обители. Однако средств на возведение монастыря у пустытника не было, и по совету свыше он решил идти к келарю Троице-Сергиева монастыря Александру. Его он нашел в Москве.

Отец Александр Булатников в свое время был лицом чрезвычайно влиятельным и сильным благодаря своей близости к Михаилу Федоровичу, первому царю из династии Романовых. В частности он являлся восприемником царских дочерей Ирины, Пелагеи, Анны, а также сына и наследника престола Алексея. Как и Дамиан, он являлся постриженником Соловецкого монастыря, и его не

могла не взволновать судьба собрата по обители, с которым он, вероятно, был знаком¹¹.

Отец Александр представил его царской матери великой инокине Марфе. Та заинтересовалась Дамианом, поскольку встреча с ним живо напомнила царице о том времени, когда в правление Бориса Годунова ее насильственно постригли и сослали в Заонежье. Она велела снабдить Дамиана церковной утварью, богослужебными книгами, колоколами и дала ему 200 рублей. Надея Светешников подарил ему два колокола и книги. С его помощью на основании новой обители удалось собрать еще 300 рублей. Устройство монастыря требовало разрешения от владыки местной епархии, и отец Александр выхлопотал Дамиану письмо к новгородскому митрополиту Киприану. Тот выдал ему благословенную и храмозданную грамоты и дал разрешение основать монастырь на выбранном им месте. Поскольку сам Дамиан сана не имел, владыка дал ему священника, который мог проводить службы.

Житие ничего не говорит о том, когда происходили эти события. Но их можно вычислить по косвенным данным. В частности, известно, что великая старица Марфа скончалась 27 января 1631 г., а Киприан был новгородским епископом в 1627–1635 гг. Таким образом, Юрьегорская обитель была основана в промежуток между 1627 и 1631 гг. Правда, этому несколько противоречит уже упоминавшаяся писцовая книга князя Ивана Долгорукого 1628–1629 гг. В ней находим подробное описание возводимой обители. На момент описания уже была поставлена деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы, в которой отмечены церковные книги и сосуды, имелись также большая новая келья и два пустых крестьянских двора. В ней же находим прямое указание — «а строит тот монастырь... Соловецкого монастыря постриженник старец Демьян со 134 (1626. — *Авт.*) году». Это несоответствие разъясняется той же писцовой книгой. На прямой вопрос писцов — по какому праву и на чьей земле строится монастырь? — «священник Семион, да старец Прохор и вся братья сказали, что они того не ведают, потому что они люди новые, а про старца Демьяна сказали, что старец Демьян поехал ко государю, к Москве, бить челом о монастырском строеньи».

Тем самым вырисовывается несколько иная картина основания обители, нежели изложеная в житии. Оказывается, что Дамиан начал строить монастырь на выбранном им месте самостоятельно в 1626 г. и лишь два года спустя совершил ту поездку в Москву, о которой говорится в житии. Следует объяснить и еще одно противоречие, связанное с писцовой книгой 1628–1629 гг. В середине XIX в. в «Олонецких губернских ведомостях» были опубликованы два

отрывка из нее, в одном из которых обитель показана строящейся, а во втором — уже завершенной¹². Это объясняется особенностями работы писцов — вначале они составляли черновой экземпляр описания, а затем, уже после выяснения всех спорных вопросов о праве владения, — белой экземпляр писцовой книги, который становился юридическим обоснованием права владения. Именно из него становится известным, что после постройки Троицкой церкви начали сооружать храм Введения Богородицы, а затем придел свв. Зосимы и Савватия Соловецких. Были также устроены кельи и ограда. На момент завершения строительства в 1629 г. в монастыре числились священник и 24 старца.

А вскоре братия начала роптать. Возведение построек потребовало от нее напряжения всех сил, и монахи не успели вспахать заброшенную пашню. Первое время, пока в распоряжении Дамиана имелись полученные в Москве средства, это его не беспокоило, и он энергично занимался строительством. Однако деньги закончились, и братия оказалась в очень сложном положении: имевшиеся съестные припасы подходили к концу. Получить же помощь от крестьян было весьма затруднительно — основанная Дамианом обитель находилась крайне далеко от населенных мест. «А от того монастыря жилье — деревни верст с шездесят и больши», — отметили писцы. Ряд из иноков стал упрекать Дамиана в том, что он «без ума истощи все имение — сотвори три храма во едино время и келии построи и монастырь огради, и ныне нам чем питатися?».

Тем не менее, эти трудности братия смогла преодолеть. Пришлось осваивать нелегкий труд рыболова. Пойманной на озере близ обители рыбы оказалось столько, что оставив себе запас, остальную удалось продать за 60 рублей. В другой раз в лесу нашли черную куницу, которую продали за 8 рублей. Когда же весной поля были, наконец, засеяны, нужда в обители прекратилась.

И все же решающую роль в благосостоянии монастыря сыграла поездка 1632 г. Дамиана в Москву, благодаря которой обитель получила значительную материальную помощь. В результате к указанному году она стала владеть тремя пустошами по соседству.

Житие основателя Юрьегорской обители интересно бытовыми деталями тогдашней монастырской жизни. Сюда от патриарха Филарета был прислан для усмирения инок Феодосий, по характеру человек беспокойный. Однажды он так озлобился на старца, наставлявшего его добру, что захотел расправиться с ним. Под каким-то предлогом он завел преподобного в лес и жестоко избил. Полагая его умершим, он бросил Дамиана под деревом. Когда же старец, пришедший в себя, кое-как добрался до кельи, Феодосий, увидев его живым, испугался и бросился ему в ноги, вымаливая

прошение. «Бог да простит тебя, чадо, — это не твое дело, а дело врага», — отвечал Дамиан и никому не рассказал о случившемся. Тем не менее, Феодосий и после этого не переменялся. Он начал возмущать братию против Дамиана и уговорил некоторых бежать из обители. С Феодосием ушли 17 человек, похитив все, что только могли, из монастырской собственности. Но Дамиан лишь благодарил Бога, что избавил обитель от смут и тревог.

Большая часть времени преподобного проходила в уединенной молитве. Между тем приближался конец его земной жизни. Тяготы и лишения привели к тому, что он скончался, не дожив и до 50 лет. Осенью 1633 г. он поехал по делам обители в Каргополь, но, прибыв туда, заболел. Приняв схиму под именем Диодора, он скончался 27 ноября 1633 г. Первоначально его похоронили в Каргополе под церковью, но спустя два месяца его собеседник Прохор перевез тело в основанную преподобным обитель, где оно было погребено на южной стороне храма св. Троицы (по некоторым косвенным данным можно утверждать, что это произошло 29 февраля 1634 г.). После Диодора осталось его духовное завещание, в котором он строго заповедал братии не держать в обители ничего хмельного.

Хотя Диодор не был канонизирован в качестве общерусского святого, его почитание широко распространилось по окрестностям основанной им обители, которая просуществовала до 1764 г., когда была превращена в приходскую церковь¹³. День его памяти празднуется 27 ноября (по старому стилю).

В середине XVII в. на Русском Севере широкое распространение получило старообрядчество. Во многом это объяснялось особыми условиями жизни северного края. Один из исследователей XIX в. по данному поводу писал: «Церквей здесь было очень мало, приходы раскидывались на громадное пространство, пути сообщения были крайне неудобны. Встречи прихожан со священником случались редко, а потому и влияние последнего на народ было очень слабым. Жители Поморья и до появления раскола привыкли жить без священников. Церковь им заменяла местная часовня, где они сами отправляли для себя богослужение. Умирать без исповеди и причастия для них было явлением довольно обыкновенным, а таинство крещения они имели возможность совершить и сами. Когда появился раскол, и местные жители сделались его приверженцами, то для них не составляло большого перехода остаться совсем без священников, которых теперь найти было уже очень трудно»¹⁴.

В середине XVII в. на Волдозере появляются первые старообрядцы. Этому содействовала близость основанной в октябре 1694 г.

северо-восточнее Онежского озера, в верховьях реки Выг знаменитой Выговской поморской пустыни, ставшей прибежищем гонимых староверов. Некоторое время здесь даже существовала старообрядческая Водлозерская пустынь. Но этот край так и не стал районом распространения раскола — позднее «ревнителю древнего православия» перебираются отсюда на Выг. Свою роль сыграли и репрессии властей Олонецкого уезда, в котором Водлозеро стало числиться с 1649 г.

В XVIII в. Водлозерье все более замыкается в себе. Причиной во многом стала перемена торговых путей, которые были теперь в основном завязаны на Санкт-Петербург — новую столицу России. Складывавшаяся веками система расселения на островах Водлозера вокруг древних погостов была оптимальна с точки зрения использования земельных угодий, рыбных и лесных ресурсов. В то же время она являла собой пример гармоничного сосуществования человека и природы на протяжении веков. Мелкоконтурность участков, пригодных для сельскохозяйственного освоения, а также их существенная разбросанность по территории приводила к тому, что селения тяготели к участкам, наиболее удобным для сельскохозяйственного использования. Сеть мелких поселений позволяла эффективно использовать местные земельные ресурсы и водные пространства, служившие одновременно и транспортными путями, и источником рыбных ресурсов. Каждый населенный пункт был, по сути, самодостаточной замкнутой системой — его жители возделывали расположенные вокруг земли, пасли скот, занимались рыболовством и охотой. По сути дела, сама природа определяла возможный набор видов экономической деятельности человека и ограничивала ее масштабы.

Следствием данной ситуации стала удаленность селений друг от друга и значительная изолированность от внешнего мира. Но в то же время она способствовала сохранению здесь духовного наследия Древней Руси, в частности былин. Водлозерскую былинную традицию для науки открыл летом 1871 г. во время своей трехмесячной поездки по Олонецкой губернии выдающийся славист А.Ф. Гильфердинг. Будучи на Водлозере с 5 по 8 августа 1871 г., он записал здесь от жителей шести селений 24 эпические песни, в том числе 18 былин¹⁵. Впоследствии здесь неоднократно бывали фольклористы. Наиболее значимыми были экспедиция 1928 г., которой руководили братья Б.М. и Ю.М. Соколовы, записавшие здесь около 20 былин, и экспедиция студентов МГУ 1957 г. От водлозерских сказителей и их преемников были записаны былины «Святогор и Илья Муромец», «Илья Муромец и Сокольник», «Василий Буслаев и новгородцы», «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим», «Ставр

Годинович», «Суровец-Суздалец», «Сорок калик», «Соломан и Василий Окулович», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Добрыня и змей», «Дюк Степанович», «Наезд литовцев», «Сухман», «Чурила и Катерина» и др.¹⁶

Разумеется, имеющиеся в нашем распоряжении записи — это только «верхушка айсберга», малая толика бытовавших в этом регионе эпических песен. Многие из-за того, что время было упущено, остались так и не зафиксированным. Но даже то, что имеется в нашем распоряжении, свидетельствует о глубоких исторических корнях местной былинной традиции. Наличие оригинальных версий и редакций целого ряда сюжетов свидетельствуют об архаичности и исконности водлозерской эпической традиции в целом.

Вторая половина XIX в. затронула и Водлозерский край. А.Ф. Гильфердинг, побывавший в Куганаволоке, так характеризовал занятия жителей Обонежья и, в частности, водлозеров: «Главные и единственно прибыльные работы — распаивание “нив”, т.е. полян, расчищаемых из-под лесу и через три года забрасываемых, и рыбная ловля в осеннее время — сопряжены с невероятными физическими усилиями. Но чтобы существовать, крестьянин должен соединять с этим и всевозможные другие заработки: потому что никто не ограничивается одним хлебопашеством и рыболовством; кто занимается в свободное время каким-нибудь деревенским ремеслом, кто идет в извоз к Белому морю зимою, а летом в бурлаки на канал, кто “полесует”, т.е. стреляет и ловит дичь и т.д.»¹⁷.

Крестьянская реформа 1861 г. практически ничего не изменив в положении местных крестьян, привела к значительному росту государственных податей, которые возросли в шесть раз по сравнению с дореформенными временами¹⁸. Все это привело к тому, что в 1880-х годах в Водлозерье начался лесной бум, не прекращавшийся почти до самой революции 1917 г. Плоты-кошели, подтягивая к завозимым вперед якорям ручным воротом, гнали через озеро до истока Вамы из Водлозера, где снова распускали, чтобы сплавить бревна россыпью по реке к устью Водлы. В 70-х годах XIX в. в 41 водлозерской деревне проживало 2700 человек¹⁹, в начале XX в., по данным переписи 1905 г., численность населения составляла 2810 человек²⁰.

Судьбы русской деревни XX в., как в зеркале, отразились в Водлозерье. «Великий перелом» в жизни крестьянской России проходил в несколько этапов. События гражданской войны достигли этой удаленной местности в 1919 г. В январе этого года части белой армии со стороны г. Онеги по дороге, идущей вдоль р. Илексы, предприняли наступление на Водлозерскую волость, которая оказалась в эпицентре борьбы между войсками Временного

правительства Северной области и отрядами Красной армии. После ухода белых последовали репрессии в отношении тех, кто их поддерживал.

Следующим этапом стали раскулачивание и коллективизация. Лесозаготовки и сплав заставляли исполнять практически бесплатно, в счет обязательных отработок колхозников. То, что прежде давало немалые доходы, сразу же обратилось в тяжелейшую «трудповинность». Все это, среди многих прочих причин, привело к тому, что люди начали всеми правдами и неправдами покидать деревню.

Наконец, окончательный удар по Водлозерью нанесла пресловутая хрущевская ликвидация «неперспективных» деревень. При этом данный процесс начался здесь задолго до того как охватил остальные регионы России. Первой в 1935 г. была расселена д. Охтомостров, когда после строительства плотин на вытекающих из Водлозера рр. Вама и Сухая Водла оказались подтопленными деревенские поля и сенокосы²¹. В марте 1953 г. за одни сутки была выселена д. Луза. Причиной этого выселения стал недостаток рабочих рук в Беломорье, а местных жителей частично вывозили на Терский берег Белого моря, частично в г. Онегу. В 1955—1956 гг. были выселены небольшие деревни в северной части Водлозера — Калакунда, Гостьнаволок, Рахойла, Варишпельда. В 1960-е годы «неперспективными» были признаны уже все — даже большие и процветающие — деревни, расположенные «за озером», как например, д. Канзанаволок, где проживало более 50 семей, имелись колхоз, школа, амбулатория.

«Столицей» Водлозерья была назначена прежде ничем не примечательная д. Куганаволок, поскольку к ней вела единственная подъездная дорога из Пудожа. Сохранился рабочий дневник председателя колхоза д. Куганаволок Н.М. Захарова (март 1951 г. — август 1972 г.), записи которого свидетельствуют, сколь обыденным делом было исчезновение деревень, история каждой из которых насчитывает многие столетия. К примеру, «10 ноября 1967 г. погода теплая. Моторки по озеру еще ходят. <...> Завтра из Загорья привезут последнего жителя — Башкирова А.В. Больше в этой деревне никто не живет». «13 сентября 1968 г. Лето этого года было очень холодное и дождливое. Рыба ловилась плохо. Хотя положение напряженное, но план 1-го полугодия выполнили. В 7 бригадах сейчас 43 рыбака. Почти полностью выехало население из Пильмасозера». Таким образом, уже к 80-м годам XX в. из четырех десятков деревень осталась одна — Куганаволок.

Выселение жителей с мест их постоянного проживания привело в итоге к трагедии окончательного опустошения огромных про-

странств. Численность населения за столетие сократилась более чем в 5 раз. Неутешительными оказались и чисто экономические результаты концентрации населения. Оторвавшись от удобных сельскохозяйственных угодий, обеспечивавших производство необходимого количества продуктов питания, население вынуждено было сосредоточиться на интенсивной рыбодобыче и малоэффективном использовании весьма ограниченного количества пригодных для сельхозпроизводства участков земли. Из 12 водлозерских колхозов в 70-х годах XX в. был образован один совхоз, который вскоре был преобразован в рыбозавод с подсобным сельскохозяйственным производством. Но он оказался нерентабельным и был ликвидирован в начале перестройки. Обрабатываемых пашен не осталось, хотя еще в 50- годах XX в. на Водлозерье обрабатывалось не менее 300 га пахотной земли. Преимущественной и фактически единственной отраслью северного хозяйства осталась продажа леса. А ведь, как говорят северяне, «лес не трава, каждый год не растет». Природные лесные богатства иссякают, и уже наступает новый этап хозяйственной деградации – продажа земли. Уже есть прецеденты – продажа лесных территорий (леса на корню), изъятие паевых земельных угодий из юридического ведения бывших колхозников – фактически обманом. Однако на исходе XX в. Водлозерью был дан удивительный шанс. В 1991 г. здесь был создан национальный парк, в основу деятельности которого была положена идея построения нооценоза, т.е. гармоничного сосуществования природы и человеческого сообщества. Парк вскоре стал определяющим фактором социально-экономического развития Водлозерья. С 2001 г. этот крупнейший парк дикой природы в Европе имеет статус биосферного резервата и вошел в Международную сеть биосферных территорий UNESCO по программе «Человек и Биосфера».

Существовавшая здесь до середины XX в. «островная цивилизация» водлозеров как раз и явила собой яркий исторический прецедент устойчивого и гармоничного природной среде социума. Поэтому восстановление деревни на ее традиционных началах стало восприниматься как одна из приоритетных задач Водлозерского биосферного парка.

Данная проблема очень непроста. В условиях Севера исторически сложилось, что в настоящее время ее решение во многом лежит на Церкви. В Куганаволоке, при въезде в поселок, где прежде храма не было, построена новая шатровая (по типу древнерусских) церковь во имя преподобного Диодора Юрьегорского – святого, основавшего в XVII в. в этих местах монастырь. С привлечением средств паломников и внешних жертвователей (в основном, мо-

сквичей и петербуржцев) идет восстановление храмов и часовен в Водлозерье — выстроены храмы Сергия Радонежского в устье реки Илексы, Николая чудотворца в д. Пелгостров. Инициаторами подобного строительства нередко становятся местные предприниматели, иногородние.

До революции в Водлозерье было два погоста, оба на островах: Пречистенский (Рождества Богородицы) и Ильинский; сохранился лишь Ильинский погост, основанный в XVI в. на Малом Колгострове на севере озера. Деревянная церковь Ильи-пророка с кубоватым завершением окружена бревенчатой оградой, план и технология которой использовались при восстановлении ограды в Кижях; внутри ограды находится кладбище. В советское время храм был закрыт и заброшен, но уцелел; ныне он отреставрирован, установлен новый иконостас, художники из Санкт-Петербурга Юрий и Ирина Грецкие безвозмездно написали иконы. В последнее время погост стал не просто сельским духовным центром, а монастырской пустыней, в которой живут 5 монахов.

Именно благодаря этим усилиям Водлозерье получает реальную возможность возрождения на путях традиционной культуры и духовности.

¹ *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 21–25.

² *Логонов К.К.* Этнолокальная группа русских Волозерья. М., 2006. С. 29–31.

³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930. С. 173.

⁴ *Харузина В.* На Севере (путевые воспоминания). М., 1890. С. 100.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554.

⁶ Архангельские губернские ведомости. 1851. № 31. С. 240–244; *Толстой М.В.* Рассказы из истории русской церкви // Душеполезное чтение. 1870. №5. С. 20–21; *Макарий, епископ архангельский и холмогорский.* Христианство в пределах Архангельской епархии // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1878. Кн. III. С. 16–17; *Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри крайнего Севера // Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской духовной академии. 1885. Ч. 1. № 6. С. 771–812; *Русский биографический словарь.* Т. 6 (Дабелов — Дядьковский). СПб., 1905. С. 421–422. *Таисия (Карцева Т.Г.), монахиня.* Русские святые. СПб., 2001. С. 640–643 (издано также: М., 2004. С. 587–590).

⁷ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 326. См. также: *Волкова Т.Ф.* Сказания об основании севернорусских монастырей в рукописной традиции XVII — XIX вв. (житие Диодора Юрьегорского) // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в.» Ленинград, 2 — 4 октября 1985 г. Тезисы докладов. Л., 1985. С. 46–47; *Голоскова Н.А.* Житие Диодора Юрьегорского в обработке И.С. Мяндина // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 18–21.

- ⁸ *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 816.
- ⁹ *Макарий.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁰ О нем см.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 228–247.
- ¹¹ О нем см.: *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1878. Кн. IV. С. 126.
- ¹² Олонецкие губернские ведомости. 1849. № 4; 1851. № 1.
- ¹³ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем). СПб., 2005. № 1288; *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 1010. № 31.
- ¹⁴ *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 78–79.
- ¹⁵ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. III. М.; Л., 1951. № 195–218.
- ¹⁶ Былины Пудожского края. / Подготовка текстов, статья и примечания Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941; *Новиков Ю.А.* Об истоках пудожской былинной традиции. // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 369–372.
- ¹⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1949. С. 31–32.
- ¹⁸ *Филиппов Р.В.* Реформа 1861 года в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961. С. 160.
- ¹⁹ *В.Ч.* От Пудожа до Водлозера // Олонецкие губернские ведомости. 1869. №77.
- ²⁰ *Логинов К.К.* Указ. соч. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 48.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

А.В. Голубев, В.Д. Есаков

СОРОК ЛЕТ ЦЕНТРА ПО ИЗУЧЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ИРИ РАН

В статье представлены главные итоги сорокалетнего существования в Институте российской истории РАН Центра по изучению отечественной культуры, созданного в ноябре 1968 г. под руководством академика М.П. Кима, а затем доктора исторических наук Ю.С. Борисова. Рассматриваются основные исследовательские задачи Центра, в числе которых — продолжение и развитие традиционных направлений истории культуры: история интеллигенции, художественной культуры, науки и просвещения, постановка новых проблем — ментальность, повседневность, имиджинология, публикаторская деятельность, координация исследовательской работы в международном, межрегиональном и всероссийском сотрудничестве. Большое внимание уделяется проблематике исследований сотрудников центра.

Ключевые слова: интеллигенция, художественная культура, наука, просвещение, ментальность, повседневность, взаимовлияние культур.

В ноябре 2008 г. исполнилось сорок лет со дня первого заседания сектора по истории советской культуры Института истории СССР АН СССР, преемником и продолжателем дела которого является Центр по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.

Инициатором создания и первым руководителем сектора был академик Максим Павлович Ким (1908–1996), столетие которого отмечалось в мае 2008 г.

Максим Павлович Ким родился 25 мая 1908 г. в Приморье. С раннего детства он вместе с родителями обрабатывал землю, батрачил. В 1927 г. комсомолец Максим Ким был направлен на учебу. Это был типичный путь для большей части первого поколения новой, советской интеллигенции, которое искренне приняло социалистический идеал, видя в своей жизни одно из конкретных его

воплощений. В 1929 г. Ким стал членом Коммунистической партии. После окончания Института истории и философии М.П. Ким был назначен деканом общественно-политического факультета Института востоковедения при ЦИК СССР. Здесь он закончил аспирантуру по истории Кореи нового времени, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную крестьянскому движению в Корее.

В 1941 г. М.П. Ким участвовал в строительстве оборонительных рубежей под Малоярославцем. В декабре 1941 г. был отозван и вместе с Институтом землеустройства, в котором работал, эвакуирован в Казахстан. Находясь в эвакуации, он много работал в архивах и подготовил монографию об аграрном вопросе и классовой борьбе в Казахстане в период Октябрьской революции, которую защитил в 1946 г. в качестве докторской диссертации. С этого времени окончательно определилось главное направление его научной деятельности — история советского общества в целом.

В 1951 г. Ким был приглашен в Институт истории Академии наук СССР с тем, чтобы возглавить Отдел по истории советского общества. В этом институте он плодотворно работал в течение почти 45 лет. Когда в 1956 г. был основан журнал «История СССР» (позднее «Отечественная история», с 2009 г. — «Российская история»), М.П. Ким стал его первым главным редактором. В 1957 г. под его руководством был выпущен учебник по истории СССР эпохи социализма для гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов, а в 1962 г. учебник по истории советского общества для старших классов, многократно переиздававшийся.

Автор монографий «Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР», изданной в 1955 г., и «40 лет советской культуры», выпущенной двумя годами позже, М.П. Ким явился основоположником изучения истории культурных преобразований в СССР. В этих трудах были намечены основные подходы к изучению истории и методологии советской культуры, ее периодизации. В 1965 г. по инициативе М.П. Кима впервые была проведена научная конференция по истории культурной революции в СССР, на которой он выступил с докладом «Сущность и исторические этапы культурной революции в СССР». Конференция, организованная Научным советом по истории социалистического строительства в СССР, объединила специалистов по истории советской культуры и привела к выпуску в свет не только трудов конференции, но и двух первых книг по истории советской интеллигенции — сборника статей «Из истории советской интеллигенции» (М., 1966) и коллективной монографии «Советская интелли-

генция (история формирования и роста. 1917–1965 гг.)» (М., 1968) под редакцией М.П. Кима.

Одной из важнейших рекомендаций конференции было предложение о необходимости организационного оформления уже сложившегося научного направления по изучению культурных преобразований в СССР и создание в составе Института истории АН СССР специального подразделения. Однако конкретная реализация данной рекомендации потребовала большего времени, чем предполагали ее участники. Сектор по истории советской культуры был официально создан уже после разделения в ноябре 1968 г. единого Института истории на два самостоятельных академических научных учреждения — Институт всеобщей истории и Институт истории СССР.

Первое заседание сектора состоялось 21 ноября 1968 г. В его состав вошла часть молодых сотрудников Отдела истории советского общества и группа по написанию советской серии многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», во главе которой также стоял М.П. Ким. По предложению Максима Павловича и под его редакцией сотрудниками сектора был подготовлен и издан в издательстве «Наука» в 1975–1981 гг. пятитомный труд «Культурная жизнь в СССР. Хроника», охвативший период с 1917 по 1977 гг. В течение ряда лет под его руководством и при непосредственном участии готовилось многотомное издание по истории культуры СССР. Из печати вышло два тома — «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927» (М., 1985) и «Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941» (М., 1988). В этих трудах не только были подведены итоги изучения истории советской культуры, но и намечены новые, и, как подтвердило время, в высшей степени плодотворные направления исследований. В годы руководства М.П. Кима основу деятельности сектора составляла разработка проблем совершенствования партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР.

С 1980 г. сектор возглавил Ю.С. Борисов (1929–1998). До этого он был проректором Историко-архивного института, преподавал, занимался научной работой. Круг научных интересов Юрия Степановича был необычайно широк — это история советской деревни, образования, культуры, политическая и социальная история России XX в. В конце 80-х годов огромный успех имели его публичные выступления, посвященные Сталину и сталинизму. В последние годы Ю.С. Борисов увлеченно занимался историей российского предпринимательства.

Перестройка жизни страны, развитие демократии и гласности, открытие архивов и необходимость их освоения внесли существенные коррективы в жизнь и деятельность историков культуры. Воссоздание Российской Академии наук привело и к трансформации направлений работы входящих в нее институтов. Они коснулись не только самого института — он получил название Института российской истории, — но и его структурных подразделений. Сектор был объединен с группой по истории русской культуры дореволюционного периода и реорганизован в Центр по изучению отечественной культуры. Произошло расширение тематики исследований, началось изучение истории советской политической культуры, менталитета, повседневности.

С 1998 г. руководителем Центра является А.В. Голубев.

* * *

В настоящее время в Центре по изучению отечественной культуры ИРИ РАН насчитывается 12 сотрудников, из них 10 докторов и 2 кандидата наук, однако за последние десять лет состав Центра сократился на семь человек. Это заставляет ставить вопрос о скорейшем приеме новых сотрудников, а также о необходимости омоложения состава Центра (средний возраст его сотрудников — около 60 лет).

Научный потенциал Центра позволяет решать следующие исследовательские задачи:

- Продолжение и развитие традиционных направлений исследования истории культуры (история интеллигенции, художественной культуры, науки и просвещения, история культурного сотрудничества народов России и международных связей российской культуры);

- Развитие относительно новых для отечественной историографии направлений, таких как история ментальностей, история повседневности, имэджинология и др, а также разработка соответствующего понятийного аппарата в этих областях.

- Публикаторская деятельность, введение в научный оборот новых источников, особенно по истории XX века;

- Координация исследовательской работы по ряду направлений в межрегиональном и всероссийском масштабе.

Расширяется деятельность Центра в области координации исследований. В особенности это касается связей с провинциальными вузами и научными учреждениями. Центр активно участвует в международном сотрудничестве, в частности с историками Белоруссии, Германии, Китая, Кореи, Латвии, Литвы, Польши, Тайваня, Украины, Финляндии, Франции, Эстонии.

Среди основных направлений исследовательской работы Центра в настоящее время в первую очередь можно выделить следующие:

- культура и мировосприятие в пространстве российской истории;
- история культуры, менталитета, повседневной жизни различных социальных слоев и групп российского общества;
- взаимодействие и взаимовосприятие культур, в первую очередь на примере России и Европы.

Как по тематике, так и по содержанию эти направления во многом являются новыми для отечественной историографии, получившими развитие лишь в последние годы.

Хронологические рамки исследования этих проблем ограничиваются XVII–XX вв.

Разрабатываются такие перспективные темы, как, например, культура российского царского и императорского двора XVII–XVIII вв.

Д.и.н *О.Г. Агеева* изучает историю становления дипломатического церемониала императорской России XVIII в. На материалах архивов Москвы и Санкт-Петербурга выявлены занимавшиеся дипломатическим церемониалами структуры и чины, в частности, восстановлена история создания в 1743–1745 гг. Церемониальной части Коллегии иностранных дел и ее преобразование в 1779 г. в экспедицию, рассмотрена история чинов обер-церемониймейстера (1724 г.), церемониймейстера (1743 г.) и служителей церемониальных дел, дополнены или впервые написаны биографии лиц, пожалованных этими чинами, показаны рост материального содержания и повышение социального статуса по Табели о рангах чинов церемониальных дел. Особое внимание исследователь уделяет разделению в XVIII в. формы приема иностранных дипломатов на европейскую и восточную, освещаются церемониалы внутренней дипломатии, устройство и обстановка домов, где размещались дипломатические миссии. Таким образом, удалось показать основные тенденции становления дипломатического церемониала России в век присоединения ее к кругу «цивилизованных» европейских держав.

Логическим продолжением этой темы можно считать исследования по политической культуре сталинизма. Д.и.н. *В.А. Невежин* подготовил к изданию монографию «Большие кремлевские приемы Сталина 1930-х–1940-х гг., как социокультурный феномен». Особый интерес при изучении этой темы вызвал среди прочих вопрос о распределении ролевых функций участников грандиозных

кремлевских застолий (приемов), в роли хозяев которых выступали Сталин и его соратники. Изучение периодической печати и архивных материалов позволило сделать любопытные выводы относительно отдельных представителей сталинской элиты, механизма их «включения» в «питейную компанию» Сталина. Костяк этой компании составляли ближайшие соратники вождя, которые занимали высокие партийные и государственные посты, лица, принадлежавшие ко второму эшелону сталинской субэлиты.

Исследователь рассматривает принцип отбора гостей на большие кремлевские приемы, роль их организаторов, в том числе представителей партийно-государственной номенклатуры.

Поднимаются также темы, ранее практически не затронутые советской (российской) историографией, а именно: быт и повседневная жизнь российского офицерства, дворянства, студенчества, русских провинциальных городов, других социальных групп и слоев, в том числе маргинальных, в XVIII–XX вв.

Старейший работник Центра, д.и.н. *Ю.А. Тихонов*, за последние годы издал две монографии, посвященные хозяйству, быту, повседневной жизни русского крестьянства и дворянства XVII и XVIII веков. Книга «Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: сосуществование и противостояние» (М., 2005) посвящена проблеме внутривотчинных отношений между помещиками и крепостными крестьянами, демографические и экономические показатели которых выявлены на базе подворных описей помещичьей деревни. Автором применена новая группировка дворов по числу взрослых работников, показано увеличение доли дворов малосостоятельных и уменьшение доли зажиточных дворов. Помещичьи инструкции, в том числе обнаруженные в последние годы, показали стремление помещиков расширить использование крепостных на полевой барщине, не считаясь с понижением потребительского уровня крестьянского хозяйства. Отработочная рента вела к усилению суровой системы наказаний, усиливала противостояние между дворянами и земледельцами. Эксплуатация обеспечивалась крепостническим режимом в дворянских имениях, вела к стагнации хозяйственных возможностей основной массы крестьянских дворов. В 2007 г. книга была удостоена премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) третьей степени в номинации «История России». «Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам XVIII в.)», написанная на основе хранящихся в РГАДА описаний 1730-х – 1740-х гг. городских усадеб дворянской элиты в Москве и Санкт-Петербурге, совершенно неизвестных в ученом мире. Выявлены изменения в

интерьере и в домашнем имуществе в домах высшей российской знати. Мир вещей стал показателем стремления к удобствам и роскоши в доме в соответствии с западноевропейскими представлениями. Возникла пропасть в быту между дворянскими элитой и остальными слоями общества.

В рамках плановой темы «Общество и власть в общественной мысли предпетровской России» д.и.н. *А.П.Богданов* на новой источниковой базе раскрывает проблемы взаимопонимания и взаимоотношений российского общества с формирующейся абсолютистской властью в последней четверти XVII в., накануне реформ Петра I. Целью учёного является доказательное выяснение реальных взаимодействий власти и общества России в области общественной мысли, определявших направления государственной, социальной и фискальной политики. Автор вводит в научный оборот уникальный комплекс источников, отражающих обращение власти к обществу с целью объявления, пропаганды и разъяснения своих позиций. Впервые на доказательном уровне проанализированы взаимные отношения власти и общества в России последней четверти XVII в., основанные на общих культурных мотивациях, о которых для допетровского времени много говорилось, но которые не были научно исследованы. В подготовленной к печати монографии «Царь Фёдор Алексеевич Романов: старший брат Петра (1676–1682)» рассмотрены развитие, личные свойства и культурные основы деятельности царя, отраженные в источниках мотивы царских решений, ориентированные на нравственные, политические и социально-экономические запросы общества, а также истоки и содержание новых государственных идей, целенаправленно формировавших общественное мнение предпетровской России. Последняя тема детализирована на широком социальном материале в ряде статей. Монография «Драма Софии. Три взгляда на правление Софии и Петра» (М., 2008) сталкивает с реальными фактами политической и общественной жизни России 1680–1690-х гг. и рассматривает версии причин и мотивов начавшихся вскоре петровских преобразований. Читатель убеждается в безусловной связи преобразований с потребностями высшего общества России. В других публикациях автора показано, как с 1650-х до конца 1680-х гг. нравственные мотивы определяли решения царской власти и выступавших от имени общества Земских соборов относительно защиты «православных братьев» и, затем, «христианского мира». В 1690-х гг. крушение этих идей привело к новому шагу общественно-политической мысли: формированию концепции мирных отношений и конвергенции разных культурно-экономических миров. Исследовано влияние

российского общественного самосознания на принятие правительственных решений, зарождение и развитие в России методов воздействия на европейское общественное мнение через западную прессу, а также намерения и результаты использования внешнеполитической пропаганды правительства для воздействия на общественное мнение в России.

А.П. Богданов работает также над темой «Рождение русской оды». Выявленный учёным комплекс стихотворных произведений последней четверти XVII в. показывает, что русская ода родилась не во второй половине XVIII в. в Петербурге, а при Московском дворе второй половины XVII в., в связи с радикальными изменениями в его культуре, порождёнными новыми потребностями России, становившейся в это время великой державой. Исследование А.П. Богданова с академической публикацией текстов на примере зародившегося в России в XVII в. жанра придворной оды утверждает новый взгляд на развитие русского стихосложения в целом и на состояние русской культуры в период, предшествующий реформам Петра I. Многие идеи, представления и средства их выражения вошли в повседневный обиход аристократии и интеллигенции России не в XIX и даже не в XVIII вв., как считалось прежде, а в XVII веке, — в той самой «тёмной и непросвещённой Московской Руси», которую якобы настоятельно требовалось «культурно преобразовать» путём прямых заимствований из Западной Европы. Этот итог заставляет изменить представление о предпетровской Руси, которая оказывается крайне далекой от нарисованного в «западнической» и «славянофильской» историографии образа бастиона традиционных и неизменных ценностей.

Многие темы соприкасаются с историей военной и внешней политики России, связаны с изучением взаимовосприятия и диалога культур.

К.и.н. *Н.Н. Аурова* подготовила к печати монографию «Повседневная жизнь русского офицерства: между столицей и провинцией (конец XVIII — первая половина XIX в.) В 2007 г. рукопись была удостоена второй премии на Открытом конкурсе научно-образовательных работ в сфере истории и культурологии, проводимом Международным гуманитарным общественным фондом «Знание». Автор работает над темой «Заграничные походы русской армии. 1813—1814 гг.» Интерес к этим событиям связан с тем, что победа России над Наполеоном оказала огромное воздействие на подъем русского патриотизма, дала мощный толчок развитию русского освободительного движения, внесла коренные изменения в систему европейской внешней политики, в рамках которой Россия заняла роль ведущей державы. Несмотря на кажущееся обилие ис-

следований, многие вопросы истории заграничных походов до сих пор остаются малоизученными, а некоторая их часть ранее практически не привлекала внимания ученых. Основу работы составит значительный массив архивных и опубликованных источников, большая часть которых ранее не вводилась в научный оборот или использовалась лишь эпизодически. Исследование предполагается провести на основе принципов междисциплинарного подхода, сочетающего методы, присущие не только собственно истории, но и истории литературы, истории культуры, литературоведения.

Многолетний интерес д.и.н. *А.И. Куприянова* к проблемам русской культуры нашел свое отражение в монографии «Городская культура русской провинции (конец XVIII — первая половина XIX века)» (М., 2007). В центре исследования — культура «городского гражданства», раскрывающаяся в динамике сложного переплетения новаций и традиций. Эта книга дает объемное видение культурной жизни русского провинциального города, с ее разнообразием социокультурных практик и жизненных казусов. Антропологическое видение истории отчетливо просматривается и в новой монографии *А.И. Куприянова* «Культура городского самоуправления русской провинции: 1780-е — 1860-е гг.», посвященной исследованию представлений горожан о самоуправлении и анализу практики, связанной с функционированием самоуправления в русском провинциальном городе.

В настоящее время *А.И. Куприянов* работает над темой «Выборы в русской провинции (1780-е — 1860-е гг.)», рассматривая электоральные практики городского и дворянского самоуправления в контексте модернизации России. Эта работа будет интересна не только историкам, но и всем, кто связан с деятельностью современных институтов самоуправления, а также местных и центральных органов власти.

Д.и.н. *А.Е. Иванов* завершает работу над темой «Повседневность как фактор формирования элит Российской империи в 80-е годы XIX — начале XX вв.: пространство и структуры повседневной жизни студенчества». Тема проекта созвучна утверждающемуся в отечественной историографии направлению, определяемому как социальная история локальных групп и ячеек общества. Ею завершается продолжающееся с 1995 г. исследование российского студенчества конца XIX — начала XX вв. Кроме решения значимых конкретно-исторических задач, это многолетнее исследование имеет и сущностную сверхзадачу. Она заключается в том, чтобы реально оценить, каким интеллектуальным богатством обладала Россия в канун революции 1917 г. в лице учащихся высшей школы, которых автор «Вех» *А.С. Изгоев* наименовал «квинтэссенцией русской

интеллигенции». Именно из нее вырабатывалась то множество политических, административных, военных, народнохозяйственных, научно-педагогических, литературно-художественных элит, которым предстояло стать лидирующей социальной силой в неотвратимой модернизации российского общества, задавленного глыбой самодержавия. Значительная часть этого долговременного исследования покрывается уже опубликованными автором монографиями – «Студенчество конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба» (М., 1999) и «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации» (М., 2004). Замысел нового проекта состоит в том, чтобы представить духовно-культурную повседневность, внутренний мир студенческого сообщества, на почве которого, по убеждению В.И. Вернадского, «строится и растет, главным образом, основная сторона человеческой мысли». Темой проекта охватывается совокупность таких сторон, как академические будни студента; культурные запросы; празднично-развлекательная студенческая культура; студенческая мода; факторы социально-психологического самочувствия студенчества.

Д.и.н. Е.Ю.Зубкова продолжает работу над плановой темой «Социальные маргиналы в СССР. 1945–1960-е годы». Речь идет о представителях социальной периферии – асоциальных группах и «пограничных» слоях советского общества. Дискуссии о том, что же представлял собой советский социум, ведутся давно. Много написано и о социальных аномалиях. Однако эти исследования посвящены, как правило, 1920–1930-м годам. Послевоенный период изучен в гораздо меньшей степени, что же касается положения асоциальных, маргинальных групп, то эта тема долгое время вообще оставалась в «тени». Обращение к социальным аномалиям, безусловно, открывает новые перспективы изучения советской повседневности и советского социального порядка. Вопрос о том, что делать с такими категориями населения, как нищие, бомжи, проститутки или уголовники, актуален для любого общества и любого государства. Актуален он и в сегодняшней России. Поэтому опыт решения этой проблемы в послевоенные годы имеет не только научный интерес.

К.и.н. А.В. Голубев выпустил книгу «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы» (М., 2008). Монография написана на основании впервые вводимых в научный оборот архивных источников и посвящена малоизученной теме – особенностям массового сознания советского общества в 20–30-е годы. Предметом исследования явились представления о войне, формировавшиеся в советском обществе в 20–30-е годы, и – применительно к со-

юзникам – в годы Второй мировой войны. Монография основана, в первую очередь, на секретных информационных материалах 1920–40-х годов, которые готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную ситуацию и не предназначались для широкого использования. Очевидно, что советское политическое руководство имело в целом достаточно полную и адекватную картину спектра настроений в обществе; при этом важнейшим условием достоверности информации являлся ее комплексный характер.

А.В. Голубев продолжает работу над плановой темой «Образ внешнего мира в советской политической карикатуре межвоенного периода». Актуальность данной проблемы определяется прежде всего тем, что слабо изученные механизмы массового сознания, сформировавшиеся в межвоенный и военный период, продолжали действовать до конца 1980-х годов и в значительной степени сохраняют свое влияние, особенно на старшие поколения российского социума, по сей день. Анализ заявленной проблемы позволит по-новому рассмотреть многие важные нюансы политической и социальной истории, а также вновь возникающей в качестве перспективного научного направления истории повседневности советского общества, особенностей и динамики развития его менталитета.

Впервые в отечественной историографии советская политическая карикатура будет рассматриваться как единый комплекс содержания, тематической и пропагандистской направленности. Автор выявляет и анализирует механизмы создания карикатур, взаимоотношения сатирика и власти, динамику изменения содержания карикатур в зависимости от ситуации в стране и в мире. В качестве основного метода исследования будет применяться контент-анализ прессы.

Планируемые результаты исследования включают создание социокультурной модели динамики изменения внешнеполитических визуальных стереотипов советского общества, основанной на конкретно-историческом материале.

Е.Ю. Зубкова издала монографию «Прибалтика и Кремль. 1940-1953 гг.» (М., 2008). Книга уже получила большой общественный резонанс в России и за ее пределами. Как и следовало ожидать, наибольшей популярностью она пользуется в Латвии, Литве и Эстонии, где стала бестселлером. Проблемы взаимоотношения Москвы и стран Балтии, история советизации Литвы, Латвии и Эстонии, безусловно, относятся к «горячим» темам – причем не столько прошлого, сколько сегодняшнего дня. Тем важнее было «без гнева и пристрастия» разобраться в том, что действительно происходило в Прибалтике в 1940-е и 1950-е годы. Автор попытал-

ся ответить на важные вопросы: как Прибалтика стала советской? Когда у Сталина возник замысел поглощения балтийских стран? Насколько удачным оказался «балтийский проект» Кремля? Кто такие «лесные братья»? Почему балтийские республики так и не стали полноценной частью СССР?

Важным направлением деятельности Центра является разработка проблем истории взаимоотношений государства и культуры, история советской науки и образования в контексте политической истории страны.

Д.и.н. *Т.Ю. Красовицкая* работает над плановой темой «Российское образование в конце XIX – начале XX века: традиция и модернизация».

Изучение особенностей проявления и взаимодействия этнокультурных факторов при разработке оптимальной государственной политики в последнее время становится все более актуальным. Сложная этнополитическая ситуация, складывающаяся на фоне кризиса советской парадигмы регулирования национальных отношений, выдвигает на видное место задачу переосмысления исторического опыта модернизации этнокультурных общностей в полиэтничной Российской Федерации. Трансформация традиционных систем ценностей в их динамичном взаимодействии в контексте объединяющих народы России общегражданских приоритетов в условиях комплексной модернизации общества и государства составляет одну из самых важных исследовательских задач. В принятом РАН списке приоритетных направлений развития исторических исследований одним из них является изучение этнических процессов, этногенеза и взаимовлияния этнических культур.

Актуальной задачей является выявление и изучение позитивных моментов, которые в прошлом позволяли формироваться взаимоприемлемым отношениям между различными этническими группами и государством. К настоящему времени накоплен двоякий исторический опыт – как конфронтации, так и сотрудничества. Становится все очевиднее, что изучение и применение последнего более действенно, чем попытки найти в прошлом историческое оправдание современным конфликтам. Реанимация старых противоречий и споров между субъектами исторического процесса показывает, что позитивное влияние взаимодействия традиционализма и модернизационных усилий реформаторов, формирования новой базы поликультурного общества в условиях кризисного развития на рубеже XIX–XX веков представляется показательным сюжетом созидательного характера действий. Изучается специфика представления власти о способах и методах ин-

теграции традиционных этносообществ в модернизировавшийся аграрно-индустриальный контекст.

Тема исследования, кроме общественно-практической, имеет и научную значимость. Долгое время изучение этой проблемы в научных трудах политизировалось, основывалось на представлении только о негативных сторонах процессов, не изучались позитивные аспекты государственной политики. Советские историки не выработали действительно научного методологического подхода к оценке богатого исторического материала, что не позволяло составить даже первичную систематизацию источников по теме.

Большую работу по введению в научный оборот новых архивных материалов по организации отечественной науки в XX веке ведет д.и.н. *В.Д. Есаков*. Крупнейшим достижением в этой области является труд «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1952 гг.» (М., 2000). В этой документальной публикации, подготовленной по материалам РГАСПИ и Архива Президента РФ представлен полный корпус документов по данной теме. В издание вошли все 476 постановлений, включенных в протоколы Политбюро ЦК об Академии наук, ее членах и научных учреждениях за весь сталинский период, а также исходные материалы, послужившие основой для принятия решений. Документы вносят важный вклад в раскрытие истории Академии наук и в освещение многих сторон истории отечественной науки XX века.

Практическая деятельность российских ученых и политика советского государства нашли отражение в ряде подготовленных монографий.

В 2003 г. был издан первый том исследования «Капица, Кремль и наука. Создание Института физических проблем АН СССР. 1934–1937 гг.», подготовленный *В.Д. Есаковым* в соавторстве с личным секретарем академика П.Л. Капицы П.Е. Рубининым. В книге на основе документов РГАСПИ, ГАРФ, Архива, а также обширного личного фонда академика П.Л. Капицы исследованы процесс запрещения Капице продолжать научную работу в Англии и организация Института физических проблем АН СССР, а также рассмотрены первые два года деятельности ИФП. Специальные главы посвящены взглядам ученого на различные стороны положения советской науки в середине 1930-х годов.

В 2008 г. *В.Д. Есаковым* была опубликована монография «Николай Иванович Вавилов. Страницы биографии», подготовленная по рекомендации Комиссии РАН по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова, которая включена в план издательства по представлению Отделения биологических

наук РАН. В документальном повествовании на основе широкого использования архивных материалов впервые были освещены многие важнейшие страницы биографии ученого и истории отечественной сельскохозяйственной науки. Среди них – рассказ о студенческом дневнике Н.И. Вавилова, обнаруженном в частном собрании, о документах Политбюро ЦК ВКП (б) по созданию ВАСХНИЛ и об избрании беспартийного ученого ее президентом, руководстве Географическим обществом СССР, о выявленных в фондах Советской военной администрации в Германии материалах, показывающих как в годы войны собранный Н.И. Вавиловым генетический банк растений был превращен оккупантами в военный трофей, вывезен, а также о других столь же ценных биографических источниках.

Еще одним значимым направлением деятельности *В.Д. Есакова* является выдвижение проблемы создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг., которые он рассматривает как одну из основ послевоенного диктата сталинской идеологии. Началом научного исследования этой проблемы следует считать 1994 г., когда *В.Д. Есаков* совместно с доктором биологических наук *Е.С. Леввиной* опубликовал закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Н.Г. Ключевой и А.Г. Роскина». Ими же в 2001 г. было опубликовано исследование «Дело КР: суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма». После того как на эту книгу появилось 10 рецензий в отечественных и зарубежных изданиях, она была переиздана в 2005 г. Рассмотрение истории создания «судов чести» и их деятельности становится самостоятельным направлением исторической науки. В настоящее время *В.Д. Есаков* работает над плановой темой «Суды чести в 1947–1948 гг.: масштаб и последствия». Но тщательное рассмотрение этой проблемы затруднено еще не проведенным рассекречиванием многих архивных фондов.

Д.и.н Б.С. Илизаров завершил работу над монографией «Почетный академик *И.В. Сталин* «за» и «против» академика *Н.Я. Марра*. О языковедческой дискуссии 1950 года и проблемах с нею связанных». Работа написана на основании ранее не известных архивных документов из личного архива Сталина, *Н.Я. Марра*, *С. Эйзенштейна*, известных отечественных и зарубежных языковедов, историков, археологов, этнографов, культурологов, политиков.

В книге рассмотрены актуальнейшие для современной российской общественности вопросы: о происхождении наций и этносов, национальных языков и культур, о борьбе в общественном сознании XX века интернациональных, национальных и национально-социалистических тенденций. В то же время, впер-

вые на базе архивных материалов раскрыты внутренние причины, побудившие Сталина использовать внешне научную форму обсуждения для решения практических политических задач. Показаны процесс подготовки дискуссии Сталиным, освоение им азов лингвистики, привлечения к дискуссии крупнейших отечественных исследователей, роль партийного аппарата и редакции газеты «Правда», роль Берии и других партийных функционеров в выполнении поставленных Сталиным задач.

Раскрывается роль научной концепции академика Н.Я. Марра в развитии современной зарубежной лингвистики, культурологии, отечественной археологии, этнографии, этнопсихологии, истории и происхождении русского и других народов России. По архивным материалам впервые прослежена связь между теоретическими лингвистическими воззрениями Н.Я. Марра и теорией и практикой киноязыка С. Эйзенштейна, теорией исторического развития психики Л. Выготского и Р. Лурия, происхождения языка и мышления К. Мерло-Понти, поэзией В. Брюсова, О. Мандельштама, литературоведческими исследованиями М. Бахтина и его последователей. Все эти проблемы рассматриваются на фоне важнейших научных открытий и политических событий эпохи.

* * *

Отдельно следует сказать о работе постоянного междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур, которому в 2008 г. исполнилось 15 лет. Работа по данной тематике началась в Центре по изучению отечественной культуры в 1992 г., когда была создана группа по изучению международных культурных связей России. По ее инициативе в начале 1994 года был проведен круглый стол «Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы восприятия иной культуры». Активную поддержку этому начинанию оказал тогдашний руководитель Центра Ю.С. Борисов.

Проблематика круглого стола вызвала большой интерес исследователей. По предложению участников первого заседания было решено проводить круглый стол ежегодно и одновременно — расширить круг обсуждаемых тем и их хронологические рамки.

На основе материалов круглого стола был подготовлен сборник статей «Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М., 1996), получивший положительную оценку научной общественности. Именно в процессе подготовки этого сборника для определения проблематики семинара была предложена формулировка «взаимовосприятие культур», с тех пор широко вошедшая в научный оборот.

На одном из последующих заседаний было предложено создать на основе круглого стола постоянно действующий междисциплинарный научный семинар, посвященный проблемам взаимовосприятия. Этот семинар продолжил работу по двум направлениям – организация круглых столов и выпуск сборников статей по данной тематике.

Всего в 1994–2009 гг. состоялось 16 заседаний круглого стола, на которых было заслушано и обсуждено около 400 докладов и сообщений. Помимо сотрудников Института российской истории, на семинаре выступали исследователи из целого ряда академических институтов, крупнейших столичных вузов. В первую очередь следует отметить активное участие российских исследователей из других городов. Прочные контакты установились с университетами и исследовательскими организациями Иванова, Ижевска, Краснодара, Магнитогорска, Омска, Орла, Саратова. Нашими гостями были исследователи из Владимира, Кирова, Санкт-Петербурга, Ярославля, а также украинские коллеги².

За первым сборником статей последовали еще пять. Коллективный труд «Россия и внешний мир: диалог культур» увидел свет в 1997 г. В откликах на него подчеркивалось, что материалы сборника «имеют не только научное, но и прикладное значение», что «предложенный вниманию читателя исторический материал свидетельствует о разнообразии подходов к изучению проблемы диалога культур... позволяет наметить приоритетные направления последующей исследовательской работы, очертить круг источников и поставить вопрос о методике выявления скрытой в них информации». Справедливости ради отметим, что и в этой, и в некоторых других рецензиях отмечалась в качестве недостатка «хронологическая и страноведческая разбросанность сюжетов» сборников, но это тот самый случай, когда недостатки книги становятся продолжением ее достоинств, и наоборот.

С 2000 года сборники издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (первый выпуск – 2000 г., второй – 2002 г., третий – 2006 г., четвертый – 2007 г.) Эти издания также получили высокую оценку научной общественности. В настоящий момент в печати находится 5-й выпуск, и начата работа над 6-м.

В 1998 г. вышла коллективная монография, посвященная механизмам и особенностям формирования внешнеполитических стереотипов в советском обществе³. За рубежом монография была отмечена как самая значительная работа по данной проблематике в русскоязычной историографии.

Участниками семинара был защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций. Но, пожалуй, самое отрадное — это заметный рост интереса к данной проблематике, в первую очередь среди молодых исследователей из разных российских регионов, непосредственно не участвовавших в работе нашего семинара. Но практически все они знакомы с вышеупомянутыми публикациями и ссылаются на них, а некоторые заинтересовались данной проблематикой именно под их воздействием.

В ноябре 2008 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Россия и мир: проблемы взаимовосприятия», приуроченная к 40-летию со дня основания Центра³.

Подводя предварительные итоги работы семинара, можно подчеркнуть, что за прошедшие годы во-первых, сложился устойчивый коллектив исследователей, интересующихся данной проблематикой, в котором представлены не только Институт российской истории и другие крупнейшие научные центры Москвы, но и целый ряд российских провинциальных университетов и научных центров. Во-вторых, на новый уровень в рамках российской историографии вышло целое научное направление. Речь не идет о его возникновении: работы по имэджинологии активно издавались на Западе с конца 50-х годов, отдельные труды выходили и в СССР в 70-е годы. Но за эти 15 лет российские историки значительно продвинулись как в теоретическом осмыслении этих проблем, так и в исследовании конкретно-исторических сюжетов, связанных с восприятием внешнего мира. И роль в этом нашего семинара невозможно переоценить.

¹ Подробнее о работе семинара и о заседаниях «круглого стола» см.: Голубев А.В. Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. М., 2008. Вып.7. С. 400—411.

² Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

³ Подробный отчет о конференции опубликован в журнале «Российская история». 2010. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Занимается историей русских княжеств XIV в., историей Москвы и Подмосковья.

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, занимается историей населения России в XX в., проблемами урбанистики.

Буганов Александр Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник и. о. заведующего отделом русского народа Института этнологии и антропологии РАН.

Бушуева Татьяна Семеновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специалист по Второй Мировой и Великой отечественной войне.

Вербицкая Ольга Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, занимается аграрной историей России, исторической демографией.

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН. Специализируется в области политической и внешнеполитической истории России XX в., истории массового сознания и взаимовосприятия культур, цивилизационной специфики России и российской модернизации, содержания исторического образования.

Есаков Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист в области российской истории, истории отечественной культуры и науки XX в.

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, занимается историей населения России в XX в. (специалист по демографической истории России XX в. (динамика численности населения, людские потери, особенности протекания демографических процессов, оценка достоверности источников по демографической истории России)).

Колодникова Людмила Павловна – кандидат исторических наук, заместитель директора – зав. отделом международных на-

учных связей ИРИ РАН. Специализируется в области изучения социально-политической истории 1920-1930-х годов.

Кострикова Елена Гавриловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, занимается историей внешней политики России начала XX в.

Куманев Георгий Александрович – доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник, руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН, занимается освещением научных проблем военной истории Отечества, в первую очередь войн и военных конфликтов XX в. В центре его внимания также вопросы военной экономики, перебазирующих производительных сил, транспорта, проблемы историографии, источниковедения и др.

Курляндский Игорь Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Специализация: история религии и церкви в России и СССР (XIX–XX вв.).

Мамаев Махач Ильясович – кандидат исторических наук, сотрудник МИД России.

Мухин Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, специалист по экономической истории России XX в.

Олейников Алексей Владимирович – аспирант Центра военной истории Института российской истории РАН.

Репинецкий Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Поволжского филиала ИРИ РАН, специалист в области истории образования.

Рыбаченок Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Основные направления исследований – русская история, источниковедение, историография, история внешней политики, периодическая печать, историческая биография.

Сафронов Вячеслав Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, специалист в области международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XX веке.

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист по военно-исторической антропологии, по истории российских войн XX века.

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра «Россия, СССР в истории XX века» ИРИ РАН, специалист в области российской истории XX в., теории и методологии исторических ис-

следований, исторической урбанистики и исторической демографии, экономической и социальной истории.

Соколов Андрей Константинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению новейшей истории России и политологии ИРИ РАН, специалист по изучению экономической и социальной истории России XX в.

Федоров Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, специалист по социальной истории России первой половины XX в.

Черевко Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, академик Международной академии информации – ассоциированного члена ООН, член Совета Российской ассоциации японоведов. Международник-востоковед, специалист в области истории формирования границ России с Японией, а также с Китаем и США.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 9

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

*Компьютерная верстка: А.В. Чистяков
Корректор: О.М. Скоробогатова
Художественное оформление: Е.В. Лукьянчикова*

Подписано в печать 22.11.2010 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уел. печ. л. 32,75. Заказ № 4.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-8125-1599-7

9 785812 515997